
NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 07051831 5

ОБРАЗОВАНІЕ И ЛИТЕРАТУРА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

КОН. XV—XVII ВВ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ I.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1898.

ОБРАЗОВАНІЕ И ЛИТЕРАТУРА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

КОН. XV—XVII ВВ.

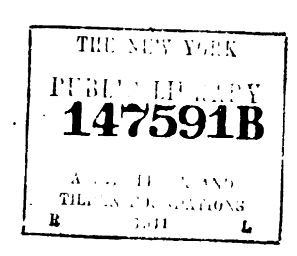
ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ I.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1898.

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ А. Смирновъ.

Изъ «Ученыхъ Записокъ» Императорскаго Казанскаго Университета, за 1898 г.

ОБРАЗОВАНІЕ И ЛИТЕРАТУРА
ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ
кон. XV—XVII вв.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Къ концу XV в. почти окончательно завершается политическое объединеніе около Москвы разрозненныхъ областей Удѣльной Руси. Бояре какъ-то незамѣтно утеряли старинное право „отъѣзда": „отъѣзжать" стало нѣкуда,—удѣльныя княжества постепенно оказались „собранными" около Москвы... Еще раньше этого, Флорентійская унія (1439) и паденіе Византійской Имперіи (1453) разомъ сдѣлали далекую Московскую Русь главной хранительницей православія, единственной представительницей сильнаго, свободнаго, православнаго царства... Московскій великій князь какъ-то незамѣтно для самого себя, силою самыхъ вещей,—сдѣлался самодержавнымъ „царемъ", могущественнѣйшимъ покровителемъ всего православія, единственно-независимымъ православнымъ государемъ... Съ царствованія Іоанна III († 1505), при московскомъ дворѣ начинаютъ круто вводиться византійско-императорскіе обычаи и порядки; московскимъ государствен-

нымъ гербомъ становится двуглавый орелъ византiйскихъ императоровъ... Уже раньше, съ полов. XV в., великiй князь московскiй неоффицiально именовался „царемъ“; Iоаннъ Грозный требуетъ отъ иностранныхъ державъ оффицiальнаго признанiя этого титула, и т. д. и т д. Москва стала „третьимъ Римомъ“...

Внѣшнему политическому росту Московскаго Государства не соотвѣтствовало однако его внутреннее интеллектуальное развитiе. Теперь, при внѣшнемъ политическомъ могуществѣ, результаты печальнаго прошлаго должны были сказываться еще сильнѣе...

Образованiе народа во все продолженiе перiода остается на самой примитивной ступени, почти совершенно отсутствуетъ. Хлопоты Геннадiя, повидимому, не привели ни къ чему, и не только черезъ пятьдесятъ лѣтъ, судя по отзывамъ Стоглаваго собора, но и черезъ новыхъ сто лѣтъ—дѣло начальнаго обученiя остается въ томъ же видѣ... „Нѣтъ здѣсь, писалъ о Россiи Антонiй Поссевинъ, бывшiй въ Москвѣ въ 80-хъ гг. XVI ст., ни коллегiй, ни академiй, есть только кое-какiя школы, въ коихъ учатъ дѣтей читать и писать“... Постепенно составляется даже убѣжденiе, что образованiе не только не нужно, но—можетъ и повредить... Намѣренiя Бориса Годунова завести въ Россiи какiя-то училища, вызвать въ Россiю ученыхъ людей изъ Германiи, Италiи, Францiи, Англiи, посылка нѣсколькихъ молодыхъ людей за-границу для ученья разнымъ наукамъ,—вызываютъ въ духовенствѣ ропотъ, кончаются ничѣмъ... Въ томъ же положенiи, какъ при Геннадiи, въ концѣ XV вѣка, дѣло остается и позже, почти во все продолженiе XVII в.

Неоднократныя,—но случайныя и робкiя,—попытки, обнаруживающiяся въ Московскомъ Государствѣ время отъ времени въ XVII в., къ заведенiю какихъ-либо школъ и училищъ, безконечные сборы къ этому, тянущiеся вплоть до основанiя академiи, самый характеръ, съ которымъ возникаетъ

на первыхъ порахъ эта академія, наглядно рисуютъ передъ нами всю бѣдность современнаго московскаго образованія, крайнюю подозрительность къ нему, боязнь его,—крайнюю подозрительность и ко всему вообще иноземному, „латинскому" или „люторскому", съ которымъ это образованіе чаще всего соединялось... Вмѣстѣ съ тѣмъ, исторія этихъ попытокъ бросаетъ свѣтъ и на отношенія къ Москвѣ издавныхъ ея учителей, единовѣрныхъ съ нею грековъ-византійцевъ...

Мы припомнимъ эти позднѣйшія попытки и остановимся нѣсколько на извѣстной царской „привиллегіи" (своего рода уставѣ) московской академіи: это какъ нельзя лучше введетъ насъ въ характеръ эпохи.

Осенью 1632 года въ Москву пріѣхалъ за милостыней александрійскій архим. Іосифъ. Ему предложили остаться въ Москвѣ, а нѣсколько позже, когда онъ согласился, отъ царя и патріарха ему была дана *грамота* (въ сентябрѣ 1632 г.),— въ которой говорилось: „Быти ему (Іосифу) въ нашемъ государствѣ и служити намъ духовными дѣлы, переводити ему греческіе книги на словенской языкъ и учити на учительномъ дворѣ малыхъ робятъ греческого языку и грамотѣ,—да ему же переводити книги съ греческаго языка на словенскій языкъ на латинскіе ереси"... Въ грамотѣ указывалось и вознагражденіе: „А корму ему, Іосифу, давати по полтинѣ на день, да дьякону ево Григорію по гривнѣ на день,—да ему же, Іосифу, дана келья каменная..; да ему же давати нашего жалованья на всякой годъ въ приказѣ по десяти аршинъ камки-куфтерю да по сороку куницъ"... Заботы москов. правительства на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ: въ 1633—1634 г. архим. Іосифъ умеръ,—вмѣстѣ съ его смертью закрылась, вѣроятно, и его школа: послѣ извѣстій о ней уже не встрѣчается.

Повидимому, чисто случайный характеръ имѣла и другая школа, о которой упоминаетъ Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ 1633—1634 и 1643 гг. (сообщаемое извѣстіе едва-ли не

должно быть относимо къ болѣе позднимъ годамъ, 1647—1655):
„Къ немалому удивленію, замѣчаетъ Олеарій, въ настоящее время, по распоряженію патріарха и великаго князя, русское юношество начинаютъ обучать греческому и латинскому языкамъ. Близь патріаршаго двора учреждена латинская и греческая школа, которою завѣдуетъ одинъ грекъ, по имени Арсеній“...

Весной 1640 г. кіевск. митр. Петръ Могила въ особой грамотѣ, „паче всѣхъ прошеній своихъ“ билъ челомъ царю Михаилу Өеодоровичу,—чтобы онъ приказалъ въ Москвѣ соорудить монастырь, въ которомъ жили-бы старцы и братія одного изъ кіевскихъ монастырей и „учили-бы дѣтей боярскихъ и простого чину грамотѣ греческой и славянской“... Замѣчая, что такое дѣло было-бы „угодно Богу, честно для царскаго величества и во всѣхъ странахъ преславно“,—митрополитъ выражаетъ свою готовность немедленно прислать въ Москву такихъ старцевъ съ учителями,—какъ только царю будетъ угодно... Предложеніемъ этимъ въ Москвѣ однако почему-то не воспользовались.

Мало удачной была и другая попытка,—исходившая на этотъ разъ съ Востока. Въ 1645 г. изъ Константинополя прибылъ въ Москву, по церковнымъ дѣламъ, митр. Өеофанъ; спустя нѣкоторое время, онъ подалъ царю челобитную,—въ которой, указывая на то, что католики и лютеране печатаютъ на Востокѣ, въ собственныхъ типографіяхъ, греческія богослужебныя и вообще духовныя книги, сильно искажаютъ ихъ, вносятъ въ нихъ свои еретическія мнѣнія и тѣмъ смущаютъ православныхъ—самимъ же грекамъ печатать книги не даютъ турки, по наущенію тѣхъ же католиковъ и лютеранъ,—указывая на эти обстоятельства, митрополитъ просилъ московскаго царя, чтобы онъ повелѣлъ завести греческую типографію въ Москвѣ, а также вызвалъ бы греческаго учителя „учити русскихъ дѣтей философства и богословія греческаго языку и по русскому“... Тогда, прибав-

лялъ митрополитъ, будетъ обоюдная польза: для грековъ будутъ печататься книги безъ поврежденій, по древнимъ рукописямъ, а для русскихъ подготовятся знающіе люди, которые станутъ переводить эти неповрежденныя греческія книги или исправлять по нимъ свои, прежде переведенныя"... По отъѣздѣ своемъ изъ Москвы, въ Кіевѣ, Ѳеофанъ случайно встрѣтилъ одного константинопольскаго архимандрита, нѣкоего Венедикта, „премудраго учителя", у котораго и самъ нѣкогда учился, и тотчасъ отписалъ въ Москву, рекомендуя этого ученаго грека, какъ человѣка вполнѣ способнаго къ завѣдыванію типографіей и училищемъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдилъ и самого Венедикта ѣхать въ Москву для указанной цѣли. Венедиктъ пріѣхалъ въ Москву, и немедленно подалъ царю челобитную, въ которой, излагая все дѣло,—сообщалъ свѣдѣнія о себѣ, о томъ, какъ передалъ ему митр. Ѳеофанъ, что его, Венедикта, зовутъ въ Москву „для ученія и печати", и что съ этою цѣлью онъ и поспѣшилъ въ Москву; Венедиктъ выражалъ полную готовность заняться обученіемъ и печатаніемъ, прибавляя, что то и другое ему хорошо извѣстно, такъ какъ еще въ Константинополѣ онъ имѣлъ въ своемъ монастырѣ училище,—въ которомъ преподавалось „полное церковное ученіе и священное богословіе"... Въ заключеніе Венедиктъ просилъ царя и патріарха дать ему отвѣтъ, согласны-ли въ Москвѣ принять его или нѣтъ,—такъ какъ, замѣчаетъ онъ, „другіе даютъ здѣсь совѣтъ противный, думая, что они великіе мудрецы и ученые"... Отказа не послѣдовало,—Венедикта приняли въ Москвѣ и поручили ему заняться переводомъ латинскихъ книгъ. Вскорѣ имъ была переведена книга *Объ индійскомъ царствѣ*... Занятія однако были не продолжительны: отчасти, можетъ быть, пересилили и „другіе", о которыхъ упоминалъ Венедиктъ, отчасти москвичамъ не понравился и самъ Венедиктъ,—его непомѣрное самохвальство, ученая напыщенность и притязательность, жадность, къ

тому же и „плутовство“... Вскорѣ на одну изъ его челобитныхъ былъ данъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ,—что „таланты даются отъ Бога; никто не долженъ самъ величать себя учителемъ и богословомъ; св. Павелъ, потрудившійся болѣе всѣхъ апостоловъ и высоко парившій въ богословіи, считалъ себя меньшимъ изъ всѣхъ ихъ; особенно же при патріархѣ неприлично и крайне дерзко младшему по сану называть себя учителемъ и богословомъ; надобно помнить, какъ Господь обличалъ книжниковъ, которые любили величать себя учителями“... Не такого учителя хотѣли имѣть въ Москвѣ; Венедиктъ скоро былъ отосланъ назадъ.

Въ 1649 году неожиданно въ Москвѣ оказался самый, повидимому, благонадежный „учитель“. Въ январѣ этого года въ Москву прибылъ за милостынею іерусалимскій патр. Паисій, при которомъ находился „дидаскалъ“ Арсеній, человѣкъ, очень образованный, знавшій хорошо не только языки греческій и латинскій, но—что̀ было особенно важно—и славянскій; касательно религіозной и нравственной благонадежности Арсенія, человѣка приближеннаго къ патріарху, казалось, не могло быть никакихъ сомнѣній,—къ тому же на оставленіе Арсенія въ Москвѣ въ качествѣ „учителя“. Паисій далъ полное согласіе и одобреніе... Но выѣхавъ изъ Москвы, Паисій изъ Кіева самъ же написалъ московскому правительству, что Арсеній—воспитанникъ іезуитовъ, что онъ не разъ мѣнялъ свою вѣру, что его православнымъ назвать никакъ нельзя, скорѣе еретикомъ... Произведенное дознаніе подтвердило доносъ, и Арсеній немедленно былъ сосланъ въ Соловки... Дѣло это, конечно, не совсѣмъ выгодно освѣщало въ глазахъ москвичей и самого Паисія.

Восточные патріархи, пріѣзжая теперь въ Москву довольно часто, не разъ укоряли „преблагословенныхъ россійскихъ людей“, что они, живя на свободѣ, въ полномъ изобиліи и покоѣ, совсѣмъ не хотятъ однако заниматься науками,—„ученія чуждаются волею“, „малоцѣняще и мудрость пред-

стоящую Богу, недобрѣ о ней держутъ, презираютъ ее"... „Видимъ, говорили патріархи, яко во множѣхъ изъ васъ не имѣетъ премудрость, идѣже главу приклонити"... Въ 1666 г. патріархи Паисій и Макарій, въ *Словѣ на Рождество Христово*, увѣщеваютъ царя обратить на это вниманіе, „взыскать премудрости"... „Положи отнынѣ въ сердцѣ своемъ— убѣждаютъ патріархи царя—училища какъ греческая, такъ славенская и иная назидати"... Въ заключеніе своего опроверженія соловецкой челобитной Паисій Лигаридъ,—замѣчая, что расколъ произошелъ „отъ лишенія и неимѣнія народныхъ училищъ, такожде отъ скудости и недостаточества святыя книгохранительницы",—обращается къ московскому царю: „О, пресвѣтлый царю! Подражай Ѳеодосіямъ, Юстиніанамъ, и созижди здѣ училища ради остроумныхъ младенецъ, ко ученію трехъ языкъ коренныхъ, наипаче: греческаго, латинскаго и славянскаго... Отъ сего новаго училища Алексіевскаго (которое имѣетъ быть открыто царемъ), продолжаетъ патріархъ, извѣстнѣе извѣстнаго (несомнѣнно), изидутъ, аки отъ коня троянскаго, христоименитіи борцы, иже о добродѣтели твоего пространнѣйшаго царства, о умноженіи сего чина церковнаго и общей напослѣдокъ пользѣ всего христоименитаго гражданства ратовати будутъ"... „Эти поученія были хороши, замѣчаетъ историкъ,—но ораторы не пошли далѣе словъ", и на дѣлѣ очень мало заботились, чтобы помочь Москвѣ завести у себя школы и учителей...

„Учителей" все же пришлось вызывать съ запада, изъ Кіева. Въ 1649 году, „ради россійскаго рода во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія", въ Москвѣ основывается училище на средства нѣкоего „милостиваго мужа", Ѳедора Михайловича Ртищева,—который одновременно вызываетъ изъ Кіева и преподавателей, до 30 кіевскихъ иноковъ. Ртищевское училище вскорѣ переведено было въ основанный Ртищевымъ же Андреевскій монастырь, и дѣло преподаванія соединилось здѣсь съ печатаніемъ и исправленіемъ книгъ.

Одновременно съ этимъ и правительство изъ того же Кіева вызываетъ нѣсколько иноковъ,—главн. образ. для исправленія и печатанія Библіи.

Немногими годами позже видимъ другую частную попытку, на этотъ разъ уже со стороны кіевлянина: около 1665 года Симеонъ Полоцкій устроиваетъ въ Москвѣ особую „школу",—чтобы учить „по латынямъ" и „для граматичнаго ученія"; въ ней обучались уже взрослые ученики, имѣвшіе извѣстную подготовку—„подъячіе приказа тайныхъ дѣлъ"... Едва-ли это предпріятіе однако не имѣло чисто временнаго, совершенно случайнаго характера; „школа", повидимому, имѣла лишь ближайшую, совершенно опредѣленную, чисто практическую цѣль—научить двухъ-трехъ „подъячихъ" латинскому языку, чтобы приготовить изъ нихъ хорошихъ переводчиковъ, которые вообще такъ были нужны въ это время московскому правительству, при сношеніяхъ съ иностранными государствами... О томъ, чтобы указанныхъ „подъячихъ" предполагалось научить, кромѣ латинскаго языка, разнымъ школьнымъ наукамъ: риторикѣ, піитикѣ, исторіи, и т. д., чтобы имѣлось въ виду сдѣлать изъ нихъ людей научно образованныхъ,—вообще чтобы при постройкѣ въ Спасскомъ монастырѣ „хоромнаго строенія", гдѣ указанные „подъячіе" должны были „учитца по латынямъ", имѣлось цѣлью основать общеобразовательную латинскую школу, если не съ высшимъ, по крайней мѣрѣ съ среднимъ курсомъ наукъ,—на это, по замѣчанію компетентнаго историка, „рѣшительно нѣтъ никакихъ данныхъ"..

Переходимъ къ возникшей въ концѣ столѣтія академіи.

„Храмы чиномъ академіи" учреждались „на взысканіе свободныхъ ученій мудрости",—во еже бы свѣтъ разума въ благочестіи умножался, а тьма невѣжества искоренялася"..; въ академіи должны были преподаваться „науки гражданскія и духовныя, наченше отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и нрав-

ной, даже до богословіи учащей вещей божественныхъ"...; вмѣстѣ съ тѣмъ, особое мѣсто отводилось „ученію правосудія духовнаго и мірскаго, и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость акадиміи, сирѣчь училищъ, составляется"..., и вообще—„всякимъ отъ церкви благословеннымъ благочестивымъ наукамъ"... „А отъ церкви возбраняемыхъ наукъ—замѣчается далѣе—наипаче же магіи естественной и иныхъ, такимъ не учити, и учителей таковыхъ не имѣти. Аще же таковые учители гдѣ обрящутся, и оны со учениками, яко чародѣи, безъ всякаго милосердія да сожгутся"... Ректоръ („блюститель") и „учители" академіи должны быть изъ православныхъ—русскихъ или грековъ; послѣдніе должны имѣть удостовѣренія о своемъ православіи отъ восточныхъ патріарховъ, и кромѣ того и въ самой Россіи должны быть испытаны въ вѣрѣ. „А новопросвѣщеннымъ отъ римскія вѣры и лютерскія и калвинскія, и иныхъ ересей приходящимъ",—профессорами, тѣмъ болѣе въ должности „блюстителя" (ректора), „ради вѣры нашея лучшаго храненія, весьма не быти. Ибо они обыкоша злохитростнымъ образомъ, тайно ереси своя по малу во ученики вкореняти. А иже имутъ—продолжаетъ грамота—въ наше царствіе изъ Литовскія страны и изъ Малыя Россіи и изъ иныхъ странъ ученые люди, хотящіи здѣ въ нашихъ училищахъ (въ академіи) блюстителемъ и учительми быти, пріѣзжати, и о себѣ повѣдати, яко они благочестивые и отъ благочестивыхъ родителей рожденны и воспитанны въ православной восточной вѣрѣ,—и онымъ, безъ подлиннаго объ нихъ извѣстія и достовѣрныхъ благочестивыхъ людей свидѣтельства, словесемъ ихъ не вѣрити, и въ блюстители и во учители ихъ не устрояти,—аще бы кто отъ нихъ и писаніемъ правду вѣры нашея восточныя удостовѣрялъ...,—того ради, что обычай есть таковыми способы прелестникомъ въ вѣрахъ замѣшаніе творити; прежде та-

ковіи являются яко-бы совершенно благочестивые и по благочестіи ревнители крѣпкіе, а потомъ, когда увѣрятся быти (когда станутъ ихъ считать) благочестивыми, тогда помалу развратная словеса вѣрѣ нашей всѣвати, и оныя непорочную цѣлость терзати начинаютъ"... Ректоръ и профессора должны давать присягу въ твердомъ храненіи православія; „а кто изъ нихъ того по своей клятвѣ цѣло не содержитъ, и начнетъ каковая толкованія, или подлоги ко усумнѣнію нашея восточныя вѣры подлагати, или поне ону иныхъ вѣрамъ, или ересемъ, во всемъ равенствѣ совершенномъ полагати; паче же аще кто изъ нихъ начнетъ чуждую вѣру римскую, или ереси лютерскія и калвинскія и иныя какія похваляти, а нашу православную вѣру укоряти, или каковыя порочныя на ню словеса произносити...,—и таковый за усумнѣніе родящее подлоги... по винѣ да накажется, и отъ чина своего учительскаго да извержется. А за хуленіе православновосточныя вѣры, аще онъ въ таковомъ хулительствѣ пребудетъ, безъ всякаго милосердія да сожжется"... Въ академію могутъ быть принимаемы ученики всѣхъ сословій,—„всякаго чина, сана и возраста", лишь православные.

Согласно проекту, цѣль учреждаемой академіи не одна учебная или ученая; академія должна была быть въ тоже время стражемъ православія, должна была быть какъ-бы высшимъ контролирующимъ учрежденіемъ по дѣламъ вѣры. Ректору и профессорамъ вмѣнялось въ обязанность преслѣдовать проявленіе всякаго вольнодумства въ области вѣры, немедленно пресѣкать всякія попытки, направленныя противъ господствующаго вѣроисповѣданія.

Академія учреждалась между прочимъ съ цѣлью контроля, а отчасти и для устраненія, разныхъ „домовныхъ учителей", которые около этого времени въ Москвѣ дѣлаются особенно многочисленными и въ православіи которыхъ не всегда можно было поручиться. Въ виду этого, на преподаваніе иностран-

ныхъ языковъ академіи давалась привиллегія, родъ монополіи: москвичамъ предписывалось „развѣе сего.. училища, въ своихъ домѣхъ греческому, польскому и латинскому и прочимъ страннымъ языкамъ, безъ вѣдомости (вѣдѣнія) и повелѣнія училищъ блюстителя и учителей, домовыхъ учителей не держати, и дѣтей своихъ не учити, точію въ семъ единомъ общемъ училищѣ да учатся,—во еже-бы отъ разныхъ домовыхъ учителей, паче же отъ иностранныхъ и иновѣрныхъ, противности каковой-либо вѣрѣ нашей православной не внестися и не быти разгласію“... Виновные въ нарушеніи этого предписанія подвергаются конфискаціи имущества.

Вѣдѣнію ректора и профессоровъ подчинялись всѣ пріѣзжавшіе и проживающіе въ Россіи ученые иновѣрцы. „Иже имутъ, говорится въ грамотѣ, изъ разныхъ странъ въ наше царствіе разныхъ вѣръ и ересей ученые свободныхъ наукъ люди пріѣзжати, ради какихъ нибудь винъ, и восхощутъ въ нашемъ царствіи жити,—и оныхъ въ вѣрѣ разсмотрѣнія силу даемъ блюстителю... и учителемъ, и свидѣтельство отъ нихъ даяти: и кто по ихъ свидѣтельству каковыя за своя науки чести, или жалованья, или достоинства годенъ, и тѣмъ по ихъ (ректора и профессоровъ) свидѣтельству совершати, а о нихъ же они (ректоръ и профессора) судятъ, яко не суть годны въ нашемъ царствіи ради въ вѣрѣ нашей развращенія быти, и оныхъ абіе изъ нашего царствія, яко негодныхъ здѣшняго пребыванія, изъ царствующаго града выслати за предѣлы нашего царствія“... Никакимъ увѣреніямъ „иностранныхъ ученыхъ людей“, что они принадлежатъ къ православной вѣрѣ,—ни словеснымъ ни письменнымъ,—безъ свидѣтельства ректора академіи и профессоровъ „не вѣрити“...

Помимо иностранцевъ, академія должна слѣдить и за своими: ректоръ и профессора должны наблюдать, чтобы въ народѣ не было какихъ-либо распрей и непристойныхъ тол-

ковъ о вѣрѣ. „Блюстителю.. и учителемъ, читаемъ въ грамотѣ, даемъ нашимъ царскимъ повелѣніемъ силу, еже-бы имъ крѣпцѣ наблюдати, дабы отъ противно святыя нашея православныя вѣры мудрствующихъ, всякаго чина людей, каковыя въ вѣрѣ противности и распри и раздоры не являлися; аще же явятся, и оныхъ блюстителю великому государю изъявляти"... Ректоръ и профессора должны слѣдить также, чтобы въ обществѣ не распространялись зловредныя книги и чтобы „неученые люди" не вступали въ пренія о вѣрѣ: „И о семъ имъ, блюстителю съ учительми, тщатися крѣпцѣ, читаемъ въ грамотѣ,—еже бы всякаго чина духовнымъ и мірскимъ людемъ волшебныхъ и чародѣйныхъ и гадательныхъ, и всякихъ отъ церкви возбраняемыхъ богохульныхъ и богоненавистныхъ книгъ и писаній у себя никому весьма не держати, и по онымъ не дѣйствовати, и иныхъ тому не учити... Такожде и неученымъ людемъ свободныхъ ученій никому польскихъ и латинскихъ и нѣмецкихъ и лютерскихъ и калвинскихъ и прочихъ еретическихъ книгъ у себе въ домѣхъ не держати, и ихъ за неимѣніемъ довольнаго разсужденія и ради въ вѣрѣ нашей усумнѣнія не читати, и нигдѣ никому изъ оныхъ еретическихъ книгъ и ихъ восточной нашей православной вѣрѣ и церковнымъ преданіямъ противныхъ толкованій—состязаній не имѣти и подлоговъ не подлагати... И таковыя книги еретическія сожигати, или къ блюстителю училищъ и учителемъ приносити. Аще же кто сему нашему царскому повелѣнію явится противенъ и отнынѣ начнетъ кто отъ духовныхъ и мірскихъ всякаго чина людей волшебныя и чародѣйныя и гадательныя и всякія отъ церкви возбраняемыя богохульныя и богоненавистныя книги и писанія у себе коимъ ни буди образомъ держати и по онымъ дѣйствовати и иныхъ тому учити, или и безъ писанія таковая богоненавистная дѣлеса творити или таковыми злыми дѣлами хвалитися, яко мощенъ онъ таковая творити,—и таковый че-

ловѣкъ.. безъ всякаго милосердія да сожжется. Аще же кто свободныхъ ученій неискусный имать польскія и латинскія и нѣмецкія, люторскія и кальвинскія и иныя еретическія книги въ домѣ своемъ имѣти и ихъ читати и изъ нихъ состязаніе имѣти и подлоги на усумнѣнія нашея восточныя вѣры и церковныхъ преданій подлагати,—и таковыхъ предлагати казни смотря по ихъ винѣ нещадно"...

Въ случаѣ перехода иновѣрцевъ въ православіе,—они подчиняются особому контролю академіи: такіе иновѣрцы записываются въ особыя книги, которыя хранятся у ректора и профессоровъ, и послѣдніе по этимъ спискамъ слѣдятъ за новообращенными, живутъ-ли они „въ храненіи нашея православныя вѣры и церковныхъ преданій, и кто изъ нихъ како житіе свое въ ней препровождаетъ, и крѣпко-ли и цѣло ону и церковная преданія содержитъ... Аще же кто отъ новопросвѣщенныхъ, не цѣло храняй православную нашу вѣру и церковная преданія явится,—и таковаго въ дальные наши грады, на Терекъ и въ Сибирь ссылати. Аще же кто явится въ держаніи своея прежнія вѣры, или ереси, изъ нея же пришелъ есть къ православной вѣрѣ, а нашея вѣры въ хуленіи,—и таковый да сожжется безъ всякаго милосердія"... „Аще кто, читаемъ въ заключеніе въ грамотѣ, отъ чуждоземцовъ и русскихъ людей при пиршествѣ или во иномъ каковомъ ни буди мѣстѣ..., православную нашу христіанскую вѣру, или церковная преданія хулити и укорительная каковая словеса о ней глаголати имать,—и таковаго на судъ во ономъ дѣлѣ отдавати блюстителю училищъ со учительми; и аще кто въ хулительствѣ нашея вѣры... по суду явится...,—итаковый безъ всякаго милосердія сожженъ да будетъ"...

Что касается самаго преподаванія наукъ въ учрежденной академіи, то оно до самаго конца столѣтія оставляло желать многаго. По уставу или „привиллегіи", въ академію вводился полный циклъ тогдашнихъ наукъ,—но преподавать всѣ эти

науки должны были лишь два брата Лихуды, да и изъ нихъ одинъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, отпрашивается на три года въ Венецію; черезъ десять же лѣтъ по учрежденіи академіи оба брата и совсѣмъ отрѣшаются отъ академіи,—переводятся въ типографію, и начинаютъ заниматься обученіемъ москвичей... итальянскому языку. Мѣсто изгнанныхъ Лихудовъ въ академіи занимаютъ два ихъ ученика—Николай Семеновъ и Өедоръ Поликарповъ; черезъ пять лѣтъ (1699) и эти два преподавателя, по собственному желанію, оставляютъ академію и поступаютъ въ типографію въ справщики. Ихъ мѣсто занялъ ученикъ же Лихудовъ, чудовскій монахъ Іовъ, но онъ только нѣсколько мѣсяцевъ училъ въ академіи... Предначертанныя для академіи науки уже самими Лихудами были прочитаны не сполна. Еще въ меньшихъ размѣрахъ преподавались онѣ, конечно, ихъ учениками; послѣдніе напр. совсѣмъ не читали философіи и богословія,—потому что „имъ самимъ не успѣли еще преподать сихъ наукъ Лихуды"... Между тѣмъ, за учениками дѣло не стояло. Въ годъ открытія въ академіи, правда, было только 5 человѣкъ студентовъ; но уже на второй годъ число ихъ сразу значительно увеличивается: однихъ „боярскихъ дѣтей" поступаетъ до 40,—кромѣ „священниковъ", „іеродіаконовъ", „монаховъ", „стольниковъ" и „всякаго чина царствующаго града", поступившихъ также въ число слушателей академіи... Немедленно же обнаружились и „плоды": уже въ 1690 году студенты академіи привѣтствуютъ вступленіе новаго москов. патріарха „срадовательнымъ словомъ",—показывавшимъ, что ученики „прослушали уже риторику"...

Помимо систематическаго образованія, туго прививается въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII вв. и другой двигатель просвѣщенія — начавшій особенно развиваться въ это время у западныхъ сосѣдей—книгопечатаніе. Уже къ концу XV вѣка типографіями покрывается вся Европа; въ концѣ того же вѣка являются славянскія типографіи

въ Краковѣ, Венеціи, Цетиньѣ, — нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1525 г., открывается типографія въ Вильнѣ... Въ Москвѣ первая мысль о типографіи возникаетъ лишь въ половинѣ XVI вѣка; только въ 1553 году, „по повелѣнію царя" и „благословенію митрополита", впервые приступаютъ здѣсь къ этому дѣлу, — царь приказываетъ построить на свой счетъ домъ „для составленія печатному дѣлу" и „не щадить сокровищъ" для самихъ „дѣятелей" новаго дѣла... Послѣднее подвигается однако крайне медленно: лишь послѣ десятилѣтнихъ приготовленій и сборовъ приступаютъ къ печатанію первой книги (*Апостолъ*, *1563*); черезъ два года выходитъ изъ печати вторая (*Часословъ*, *1565 г.*), — затѣмъ дѣло останавливается, и надолго... Даже прямое благоволеніе государя не могло спасти нашихъ первопечатниковъ отъ преслѣдованія окружающаго невѣжества,—отъ „презѣльнаго озлобленія многихъ начальникъ и священноначальникъ и учитель", которые, „зависти ради, умышляли на нихъ многія ереси, хотячи благое въ зло превратити и божіе дѣло въ конецъ погубити"... Печатный домъ ночью былъ подожженъ, станокъ съ буквами погибъ, и типографы принуждены были бѣжать въ Вильну... Окончательно книгопечатаніе упрочивается въ Москвѣ лишь къ концу XVI столѣтія, и долго, во все продолженіе XVII в., вплоть до Петра В., не оказываетъ замѣтнаго вліянія на распространеніе просвѣщенія.

Главнымъ источникомъ просвѣщенія и теперь, въ XVI—XVII вв., по прежнему остается „книжное почитаніе", самостоятельное чтеніе книгъ. Не говоримъ о томъ, что источникъ этотъ и теперь, какъ прежде, былъ доступенъ лишь отдѣльнымъ единицамъ, и вообще ничтожному меньшинству; но онъ, самъ по себѣ, при отсутствіи правильной школы, и теперь, какъ прежде, являлся крайне сомнительнымъ, и вообще условнымъ: онъ могъ и просвѣтить „вельми препростыхъ людей страны сея", но могъ быть—по прежнему—

и „веліемъ предательствомъ спасенію"... Тотъ общій типъ „книжнаго человѣка", который является господствующимъ у насъ въ первые вѣка нашей письменности и который продолжаетъ оставаться господствующимъ до самаго конца XVII в.,— а въ низшихъ слояхъ народа въ значительной долѣ остается таковымъ и до сихъ поръ,—показываетъ, что̀ могла и можетъ дать одна грамотность... Характеристика, которую дѣлаетъ себѣ одинъ книжный человѣкъ конца XV вѣка, является чрезвычайно типичной, и не для одного его времени. „Я—человѣкъ сельской, замѣчаетъ онъ... Учился буквамъ, а еллинскихъ борзостей не текохъ, а риторскихъ астрономій не читалъ, съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывалъ, учуся буквамъ благодатнаго закона, дабы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣховъ"... Троицкій старецъ Арсеній, помощникъ иг. Діонисія, вмѣстѣ съ нимъ пострадавшій въ первыхъ годахъ XVII в. по поводу исправленія *Требника*, не безъ основанія замѣчаетъ о своихъ судьяхъ, что они—„не знаютъ ни православія, ни кривославія..., божественная писанія по чернилу проходятъ, разума же сихъ не нудятся свѣдѣти", все это люди, „чтущіе и поющіе на едину строку зря", люди, „кои и азбуки едва умѣютъ..., не знаютъ въ азбукѣ гласныя письмена и согласныя, а родовъ, и временъ, и лицъ, и числъ—того и не поминай, священная же ѳеологія и въ рукахъ ихъ не бывала"...

Такова была въ общемъ „образованность" Московской Руси XV—XVII вѣковъ. Характеризуя эту „образованность", изслѣдователямъ поневолѣ приходится вести рѣчь собственно о „грамотности", и чаще даже—„малограмотности"... „Жалобы Геннадія, отцовъ Стоглаваго собора и Посошкова", къ великому прискорбію, при всѣхъ изысканіяхъ, не поддаются не только „большимъ ограниченіямъ", но и самымъ малымъ...

Почти лишенная образованія, всецѣло предоставленная самой себѣ, религіозная мысль русскаго народа принимаетъ направленіе крайне ненормальное, патологическое.

Господствующее направленіе религіозной мысли — церковно-обрядовое. Не говоря о низшей массѣ, такое направленіе дѣлается постепенно господствующимъ и въ лучшихъ представителяхъ страны, въ книжной средѣ. Типичнымъ представителемъ большинства книжныхъ людей конца XV—XVII в. является Іосифъ Волоколамскій, стоящій во главѣ обширной партіи „осифлянъ" (къ которымъ ихъ противники присоединяли епитетъ „презлыхъ"); позднѣе, въ половинѣ XVII в., такими представителями господствующаго направленія мысли выступаютъ первые дѣятели раскола...

Четыре посланія Іосифа Волоколамскаго *къ вельможамъ объ епитимьяхъ* ярко отражаютъ на себѣ этотъ характеръ религіозныхъ интересовъ, господствовавшій въ нашей книжной средѣ въ XV—XVII вв.. Приведемъ отрывки. „Что ми, господине, прислалъ свою грамоту—пишетъ Іосифъ въ одномъ изъ посланій — а велѣлъ ми еси къ себѣ отписати: какъ поститися, какъ молитися, какъ милостыню творити, да какъ которой святынѣ коснутися въ міру живущимъ. Ино, господине, поститися такъ: держати въ недѣли три дни понедѣльникъ, среду, пятокъ; ясти сухояденіе, хлѣбъ или колачъ, съ водою или квасомъ; аще ли се невозможно, ино едино вареніе, или два нужа ради безъ масла. Аще ли жъ случится въ понедѣльникъ, или въ среду, или въ пятокъ, праздникъ владыченъ, или евангельской, или славославной, тогда разрѣшити на все. А дванадесять дней послѣ Рождества Христова до Крещенія, да недѣля фарисеева, недѣля сыропустная, да недѣля по велицѣ дни, недѣля по троицынѣ дни, на все разрѣшити, и въ понедѣльникъ и въ среду и пятокъ, и на мясо и на сыры, и на вино, а по нашему обычаю на медъ... А молитися, господине, поклоны класти по 300 на день, а не мочно по 300 на день, класти ино по 200, а ино будетъ не мочно, класти по

100 поклоновъ на день, да по 4 кафизмы Псалтыри на день, кромѣ канунa, да бречи о церковномъ пѣніи (о службѣ). А не класти поклоновъ во всѣ субботы и въ недѣли и въ праздники владычни и евангельскіе и славословные, да отъ Рождества Христова до Крещенія, да недѣля фарисѣева, да недѣля сыропустная, да отъ велика дня до петрова заговѣнія. Да коли не бываетъ поклоны, ино приложити къ тѣма кафизмамъ 600 молитвъ или 400. А въ который день постной не можно будетъ поститися или молитися, какъ здѣ писано, ино дать милостыня по силѣ за тотъ день. Ино ты человѣкъ великой, имѣешь у собя живота много, и по моему совѣту, ино бы тебѣ давати хотя мало по гривнѣ на день за тотъ день, а опроче того давати милостыня по силѣ. Занежъ господине, то вашь путь, тѣмъ и спастися. А коли, господине, не въ постной день не мощно ти будетъ правила отправити, ино давати милостыня въ полы того. А что еси, господине, писалъ, которой святынѣ коснутися,—ино, господине, въ тѣ три годы не причащатися божественнымъ тайнамъ, ни къ дорѣ не ходити, ни Пречистыя хлѣба не имати, а къ иконамъ прикладыватися, а не цѣловати, а водою святою кропитися, а не пити, а просфиры выиманыя не ѣсти, а не выиманыя ѣсти. А въ великій четвертокъ причащатися св. воды богоявленскія, да и иконы цѣловати, и къ дорѣ ходити, ко всякой святыни, да въ суботу и на великъ день по томужъ... А въ великое говѣнье все такъ держати, опроче суботы и недѣли; аще случитца въ понедѣльникъ, въ среду и пятокъ праздникъ владыченъ, ино на квасъ разрѣшати, аще ли праздникъ евангельской или славославный или всенощной, тогда разрѣшати на масло, а не рыбу“...—Въ другомъ посланіи, писанномъ, повидимому, къ другому боярину, пр. Іосифъ пишетъ: „А въ великій постъ на первой недѣли сухо ясти, хлѣбъ и колачъ, и зелее

сурово, капуста, расолъ, квасъ отъ жита или отъ меду квасъ, во всѣ пять денъ. Таkожъ въ понедѣльникъ и среду и пятокъ и во всю четыредесятницу, а во вторникъ и четвергъ варение съ масломъ и съ медомъ преснымъ, за нужю. А въ суботы и недѣли и икра и потрохи. А на обрѣтеніе главы Предтечевы, и на 40 мучениkъ, и на Благовѣщеніе, и въ цвѣтную недѣлю, рыба, а великій четвергъ съ масломъ, и икра и потрохи. А въ пятьдесятницу, въ среду и пятокъ, ясти рыба и икра и потрохи. А въ прочіе три посты вторники и четверкъ и вариво съ масломъ и съ медомъ преснымъ, а за нужю, и рыба ясти, укоряя себѣ, яко нетерпѣлива сущи. А въ суботы и недѣли рыба ясти; аще случится въ среду въ пятокъ праздникъ владыченъ, ино на все разрѣшати... Аще ли особное правило не успѣеши исправити—ино въ иной день исправити, или милостыня по силѣ за то дати. Аще ли день случится покоенъ, ино и на иной день впередъ правила запасти лзя. А не класти поклоновъ по вся суботы и недѣли... Да такъ держати два года. И въ тѣ два года не причащатися божественнымъ тайнамъ, ни св. доры, а св. иконы и честный крестъ цѣловати, но точію единою въ годъ цѣловати, въ великій четвергъ"...—Повторяя тѣ же самыя наставленія и въ третьемъ посланіи, Іосифъ прибавляетъ здѣсь между прочимъ: „А отъ Рождества Христова и до Крещенья, да отъ велика дни да до петрова заговѣина, и въ суботы и въ недѣли и на владычни праздники поклоновъ большихъ въ землю не класти, опричь великіе суботы, занежь та субота постная. А отдержавъ опитемья, ино причащатися на всякой годъ христовымъ тайнамъ, а иконы цѣловати, а къ дорѣ ходити. А въ среду и пятокъ поститися, ясти сухоядение, или вариво безъ масла, опричъ владычныхъ праздниковъ и Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ, которымъ всенощное. На тѣ праздники рыба ясти. А кто не

постится въ среду и пятокъ, таковый равенъ есть іюдеомъ, которые Христа распяша. А урокъ опитемьи на колико лѣтъ по разсуженію, каковъ будетъ грѣхъ учинился. Меньшому грѣху опитемья годъ единъ, а иному два, иному три, а иному четыре, а инѣмъ пять, а инѣмъ шесть, а инымъ семь, а великымъ грѣхомъ тяжкымъ 15 и болѣ, а инымъ 12, а инымъ 3. Который грѣхъ меньши, ино тому и опитемья меньши. А кто держитъ опитемью крѣпко, да еще и милостыню даетъ, ино отцы духовные опитемью тому убавливаютъ. А кто пострижется въ чернцы, ино тому съ тѣхъ мѣстъ впередъ опитемьи нѣтъ"...

Недостатокъ образованія, вообще истиннаго христіанскаго просвѣщенія, вызываетъ развитіе суевѣрій,—и въ массѣ народа и въ болѣе высшемъ обществѣ. Извѣстны данныя въ этомъ отношеніи Стоглаваго собора или такихъ памятниковъ, какъ посланіе игум. Памфила... Въ XVII в. религіозныя суевѣрія не только не уменьшаются, но дѣлаются еще гуще, безпрогляднѣе. Среди народа является цѣлая ватага непризванныхъ пророковъ и учителей,—„овъ глаголетъ посланъ чрезъ явленіе самого Бога, другой чрезъ явленіе ангела, иные чрезъ иныхъ святыхъ ради истины проповѣданія"... Особенно развивается вѣра въ волшебство, въ возможность „порчи", „наговора". Здѣсь и верхніе слои народа не далеко отстояли отъ низшей массы. Въ самомъ дворцѣ возникаютъ процессы о вѣдовствѣ и порчѣ; къ помощи вѣдуновъ и знахарей обращаются въ затруднительныхъ случаяхъ и лучшіе, наиболѣе образованные люди. По обвиненію въ колдовствѣ ссылаются въ Пустозерскъ бояринъ Матвѣевъ; кн. Василій Голицынъ, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, любимецъ Софьи, пытаетъ нѣкоего Бунакова за то, что тотъ будто-бы вынималъ „его княжой слѣдъ",— тотъ же Голицынъ бралъ у своего крестьянина-вѣдуна приво-

ротнаго коренья для снисканія любви царевны,—заставляетъ одного поляка лазить на Ивановскую колокольню посмотрѣть по звѣздамъ, сбудутся-ли планы Софьи и т. д. До какой степени сильна была въ это время боязнь быть вездѣ и всюду „испорченнымъ“, боязнь разнаго рода „чаръ“,—показываютъ такъ наз. *крестоцѣловальныя записи*, особые присяжные листы, которые разсылались при вступленіи на престолъ Годунова, Василія Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича: по всѣмъ городамъ и селеніямъ приносились клятвы,—„а лиха мнѣ государю, царицѣ и ихъ дѣтямъ не хотѣти ни которою хитростію, ни въ ѣ с т в ѣ, ни въ п и т ь ѣ, ни въ п л а т ь ѣ, ни въ иномъ чемъ, никакого лиха не учинити и з е л ь я л и х о г о и к о р е н ь я н е давати и не и с п о р т и т и; да и людей своихъ съ колдовствомъ да со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылати, а вѣдуновъ и вѣдуней не добывати на государево лихо, и ихъ, государей, н а с л ѣ д у всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ п о в ѣ т р у никакого лиха не посылати и с л ѣ д у н е в ы м а т и“ и т. д.... Вѣра въ оборотничество продолжала существовать, даже въ высшихъ сословіяхъ, и много послѣ. Въ одномъ мѣстѣ своей *Исторіи*, по поводу Геродотовыхъ извѣстій о превращеніяхъ Невровъ,—Татищевъ о своемъ времени замѣчаетъ: „У насъ многіе и не весьма глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладанные сему твердо вѣрятъ. Я не весьма давно отъ одного знатнаго, но неразсуднаго дворянина слышалъ,—якобы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, чтó слышащіе довольно вѣрили... Одна баба тоже о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ семъ винилась“...

Одна крайность всегда вызываетъ другую... Не находя для себя нормальнаго выхода въ систематическомъ образованіи, въ прочной наукѣ, знаніяхъ,—мысль древнерусскаго книжника развивалась ненормально, принимала направленія случайныя, патологическія. Та основная причина, которая

больше всего обусловливала собой появленіе и развитіе отмѣченныхъ сейчасъ свойствъ господствующаго характера умственно-религіозной жизни Московскаго Государства—крайняя недостаточность просвѣтительныхъ средствъ страны—та же самая причина должна была вызывать въ умственно-религіозной жизни древней Руси факты и другого рода. То или другое направленіе религіозной мысли сводилось главн. образ. къ индивидуальной почвѣ каждаго. Рядомъ съ все болѣе усиливавшеюся крайностью внѣшнеобрядового направленія, — скоро возникаетъ другая: наиболѣе смѣлые представители книжности, покидая почву мертваго обряда, ударяются въ крайность голаго отрицанія, переходятъ на почву религіозныхъ „сумнѣній" и „шатаній"... Рядомъ съ горячими спорами о „земномъ раѣ", о „сугубой аллилуіѣ", о „хожденіи по-солонь", рядомъ съ наставленіями о небритіи бороды и усовъ,—заявляется отрицаніе всей церковной іерархіи и монашества, отрицаніе всей церковной обрядности, высказываются мысли раціоналистическія и прямого матеріализма. Правда, до крайностей послѣдняго рода, повидимому, доходятъ немногіе; религіозное отрицаніе глав. обр. развивается на почвѣ общихъ „сумнѣній" и „шатаній"; но послѣднія быстро охватываютъ собой уже весьма значительную площадь... „Въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищахъ, иноци и мірстіи, вси сонмятся, вси о вѣрѣ пытаютъ"..., жалуется современникъ,—и пытаютъ о вѣрѣ „не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ св. отецъ, но отъ еретиковъ (рѣчь идетъ о послѣдователяхъ ереси жидовствующихъ) и отступниковъ Христовыхъ, съ ними дружатся, и пьютъ, и ядятъ, и учатся отъ нихъ жидовству"... „Явися шатаніе въ людѣхъ въ неудобныхъ словесѣхъ о божествѣ", лаконически замѣчаетъ лѣтописецъ...

„Ереси" и „шатанія" начинаютъ обнаруживаться на Руси уже очень рано. Уже въ нач. XI-го в. въ Кіевѣ является еретикъ Адріанъ, который „укоряше церковные законы и

епископы и пресвитеры и иноки“; черезъ сто лѣтъ тамъ же является „злой еретикъ“ Димитрій. Въ житіи моск. митр. Петра, составленномъ еп. Прохоромъ († 1327), глухо упоминается о какомъ-то еретикѣ, котораго митрополитъ „препрѣ“ и „прокля“; въ чемъ состояла ересь этого еретика въ житіи не говорится,—другія извѣстія поясняютъ, что упомянутый еретикъ „былъ новгородскій протопопъ, соумышленникъ тверскаго епископа Андрея, отвергалъ существованіе рая на землѣ и проповѣдывалъ противъ монашества“... Въ житіи рост. еп. Іакова (1385—1392) разсказывается о еретикѣ Маркіанѣ, который сталъ проповѣдывать, что иконамъ поклоняться не слѣдуетъ, что иконы—идолы, распространялъ и другія подобныя мысли; будучи „зѣло хитръ въ словесѣхъ и въ писаніи книжномъ коваренъ“, еретикъ „поколебалъ не только простой народъ, но и бояръ и самого князя“... Все это были однако отдѣльные факты. Болѣе обширное религіозное броженіе возникаетъ въ Псковѣ, въ концѣ XIV в.; на время оно кажется подавленнымъ, прекращеннымъ,—но въ концѣ XV вѣка съ новой силой обнаруживается въ Новгородѣ и Москвѣ. Разумѣемъ ересь жидовствующихъ...

Господствовавшія крайности религіозной мысли вызываютъ протесты и на почвѣ строго церковной, православной; „любопрѣнія“ быстро растутъ и помимо собственно „еретиковъ“. Среди полнаго господства обрядовой религіозности, мы слышимъ изрѣдка голоса, которые возстаютъ противъ общаго теченія, требуютъ болѣе духовнаго пониманія религіозныхъ и нравственныхъ обязанностей человѣка. Рѣзкость ихъ тона объясняется рѣзкостью другой стороны, противоположной... „Милостыню далъ еси убогому, о богатый!—говоритъ неизвѣстный русскій проповѣдникъ XIV вѣка, добрѣ сътворя. Но индѣ раби твои, пасуще стада воловъ твоихъ, потравиша ниву худыхъ (бѣдныхъ) сусѣдъ твоихъ, ихъ же ты прилучи злымъ томленіемъ и казньми неправедными въ работу собѣ. Да луче бы ти, бе-

зумне, помиловати домочадца своя,—да не скорбяще ходять, и остатися (удерживаться) отъ насилія и томленія, нежели Бога дарити безумно имѣніемъ, неправдою собраннымъ“...—„Кая польза, говоритъ другой, малояденіемъ тѣло свое сушити, а не покормляти алчныхъ излишними? Кая добродѣтель въ нощи не спя въ теплѣ храмѣ молитися, а обѣдніи (обездоленные) тобою и порабощенные боси, нази, ранени, голодни на тя со слезами вопіютъ къ Богу! Кая помощь къ таковой мольбѣ? Аще и вся нощи не спя молитися—не пріятенъ есть! Кое добротвореніе томити плоть свою и имѣніе скрывати,—вдовицъ и сиротъ немилующе, ни обидивыхъ избавляюще?“... „Вжеглъ еси, о богатый, свѣщи своя въ церкви на свѣтилѣхъ читаемъ въ одномъ поученіи Измарагда 1518 г.: но онъ пріидетъ тобою обидимъ, сирота или вдова, воздохнетъ къ Богу на тя—слезами твою погаситъ свѣщу!.. О лихое лицемѣріе! Луче-бы ти ни обидити, ни грабити, нежели храмъ Божій просвѣщати неправдою собраннымъ воскомъ! Луче помилуй ихъ же ты обидѣлъ. Се же есть лютость, а не милостыня: сиротъ обидѣти, а иныхъ миловати, иные работати (морить работой), а иныхъ надѣляти“...—„Подобаетъ всякому христіанину, читаемъ въ другомъ „словѣ“ того же Измарагда, что жити вся разсмотрѣніемъ творити... Что бо иже ся постимъ безъ исправленія? Удержаніе ли брашенъ постъ глаголется?.. Ни мало пользы сотворитъ ны и жестокое воздержаніе отъ брашенъ, а плоды творяще злобныя. И аще бо пепелъ зоблемъ, а злобяся не останемъ, не можемъ спастися! Аще бо отъ хлѣба удержимся, а гнѣваемся, завидимъ, то звѣріи есмы подобни: и тіи бо не ясть хлѣба, но плоть ясть, яко и мы гнѣвомъ и завистію снѣдаемъ други и братію свою клеветою. Аще бо воздержатися хощеши отъ мяса и отъ рыбы, то первѣе останися гнѣва и гордости и клеветы и ярости и

пьянства и блужденія и всякія злобы.. Аще кто ни пьетъ ни мяса не ясть, а злобы держитъ—таковый и пуще скота есть: скотина бо не ястъ мяса ни вина не пьетъ. Аще ли кто есть на голѣй земли леглетъ, а мыслитъ злое—тако ся хвали: не требуетъ бо постели скотъ"...—„Не яде бо, не пія дьяволъ, замѣчается въ той же рукописи, въ другомъ „словѣ" и по другому поводу, но спаде долу, а Павелъ (апостолъ) и яде и пія, но взыде на небо"...—„Вся создавый Богъ, читаемъ въ *Словѣ о филипповѣ постѣ, еже предъ Рождествомъ Христовымъ*, что же требуетъ отъ насъ? Подаянія ли ятъ? и намъ всѣмъ несвудно подаетъ. Пѣнія ли и славы? а поютъ и славятъ Его всегда ангели и архангелы и вся воинства безплотныхъ. Поклоненія-ли? а покланяются Ему всѣ небесныя силы со боязнію. Что отъ насъ требуетъ? Но да быхомъ ся спасли правду творяще,—того отъ насъ проситъ, да блуда бѣгаемъ и законно поживемъ, да любимъ другъ друга, безъ гнѣва мольбы Ему въсылаемъ, отъ насъ милости хощетъ къ убогимъ, ко вдовамъ и сиротамъ, хощетъ отъ насъ воздержаніа, да пьянства злаго уклоняемся и безъ времени яденія бѣгаемъ; хощетъ отъ насъ да быхомъ всегда къ церкви востанливы были; ищетъ и того, да богатство безгрѣшно держимъ,—злаго же корене всѣмъ грѣхомъ да бѣжимъ, еже отъ насилія грабленія собраное богатство съ клятвою или въ пожарѣ грабленное, то горшее и татьбы есть, вельми за сія злобы гнѣвъ Божій на непокоривыя приходитъ, на рѣзоимца и кленущаяся лжою. О чада, останите насилія и грабленія сиротъ и вдовицъ"!... Возставая противъ всеобщаго упованія на могущество „милостыни" и на „святыя молитвы" другихъ,—нѣкоторые проповѣдники стараются убѣдить, что „аще человѣкъ не сотворитъ (самъ), и молитва святыхъ ничтоже пользуетъ молящимся святымъ о немъ; аще воздержаются и молятся о немъ, самъ же и объѣдается и упи-

вается или безчинствуетъ—что пользуетъ моленіе ихъ о немъ? Ту бо исполняется реченное: единъ зиждяй, другой разоряяй“...—„Князь или богатый, читаемъ въ одной рукописи кон. XV—нач. XVI вв., и въ ересь вошли быша съгрѣшающе и даяли быша за ся, а сами не трудящеся и ходити къ церкви лѣнящеся, а всегда въ объяденіи и въ пьянствѣ и во блужденіи пребывающе день и нощь,—то ни на кій успѣхъ такихъ милостыни есть, таковыхъ приносы гнусны есть Богу и скаредни, иже оскорбляютъ вдовицы и насиліе творятъ сиротамъ“... Слышатся заявленія: „Неправдою зиждены церкви, хытростьми украшены всѣми неправдами и порабощеніемъ сиротъ и убогихъ насиліемъ—скверно еже здати“... „Иже богатая (богатства) церкви приносити, кая се польза? во многихъ бо церквахъ собранная или отъ татей украдено или отъ ратникъ или огнемъ сгорѣ; еже церкви утваряти никому не запрешено, а еже убогыхъ не миловати—родство огнено (геенна) обѣщано“... Идеямъ нетерпимости и суроваго преслѣдованія стараются противопоставить идеи евангельской любви и кротости: „Господь рече—читаемъ въ одномъ поученіи конца XV вѣка—не осуждайте, да не осужени будете. Осуждаяй бо брата своего съгрѣшьша антихристъ есть (потому что осуждающій противится приведеннымъ словамъ Христа). А размыслите и сами, братіе, продолжаетъ проповѣдникъ, аще кто зло сотворитъ—намъ отвѣта предъ Богомъ не дати за него; но койждо о своихъ грѣсѣхъ отвѣщаетъ“...

Эти голоса однако были крайне единичны и слабы. Наиболѣе сильными представителями такихъ „необычныхъ“ идей въ концѣ XV—пол. XVI в. являются так. наз. заволжскіе старцы, съ Паисіемъ Ярославовымъ и Ниломъ Сорскимъ во главѣ, съ наиболѣе рѣзкимъ и энергичнымъ борцомъ за эти идеи, кн.-ин. Вассіаномъ Патрикѣевымъ. На почвѣ борьбы съ ересью жидовствую-

щихъ, „заволжскіе старцы“ вступаютъ въ открытую полемику съ „презлыми осифлянами“,—но борьба оканчивается быстро: силы были слишкомъ неравны, и уже къ концу XVI в. мы совсѣмъ не слышимъ голосовъ „заволжцевъ“...

Исконное благоговѣніе къ „писаніямъ“, отсутствіе всякихъ зачатковъ критики, вмѣстѣ съ господствующимъ внѣшне-обрядовымъ характеромъ религіозныхъ представленій—вызываетъ очень рано крайнюю религіозную нетерпимость, мыслебоязнь... При слѣпой привязанности къ „буквамъ благодатнаго закона“, когда религія понимается какъ обрядъ, когда религіозная мысль исключительно сосредоточивается на немъ и имъ исчерпывается, когда „въ дѣлахъ вѣры не умѣютъ различать существеннаго отъ несущественнаго, болѣе важнаго отъ менѣе важнаго и совсѣмъ неважнаго, догматическихъ преданій отъ обрядовыхъ“, — всякое нарушеніе обряда, даже самаго ничтожнаго, является нарушеніемъ вѣры, религіи, и всякій посягающій на это является посягателемъ на вѣру, богохульникомъ, еретикомъ... Въ области вѣры подавляются всякая сколько нибудь свободная мысль, всякая религіозная пытливость, всякое „сумнѣніе“... „Дрожь мя великая поимала и ужасъ на меня напалъ“, говоритъ Михаилъ Медоварцевъ, когда онъ сталъ „заглаживать“, по приказанію Максима Грека, „великій догматъ церковный“—отпускъ вечерни, искаженный въ книгѣ... „Великая дрожь“ и „ужасъ“ нападаютъ на московскихъ книжниковъ всякій разъ и послѣ—при малѣйшей попыткѣ исправить очевидную описку или искаженіе въ книгѣ...

Въ 1531 году отцы собора обвиняютъ въ Москвѣ подсудимаго. „Ты—говорятъ они ему — волшебными хитростьми еллинскими писалъ еси водками на дланѣхъ своихъ, и распространялъ длани свои противъ великаго князя, также противъ иныхъ многихъ поставлялъ волхвуя. Ты говорилъ: „азъ вѣдаю все вездѣ, гдѣ что дѣется“ — ино то волхвованіе еллинское и еретическое. Симонъ волхвъ вся

вездѣ вѣдѣти глаголаше себе и инiи мнози безчисленнiи еретицы таковая же глаголаху, прельщающе и губяще народы; тако и ты глаголеши прельщая и погубляя люди. Ты хвалишися еллинскими и жидовскими волшебными хитростьми и чернокнижными волхвованiями—то все есть отвержено отъ христiанскаго закона и житiя, и нелѣпо есть христiаномъ въ то себе вдати мудрованiе. Ты прилагаеши зло ко злу, еллинскими и жидовскими мудрованiи и чернокнижными ихъ хитростьми волшебными, отреченными отъ христiанскаго закона и житiя, хвалишися и возносишися и много христiан ство губиши"... Отцы собора обвиняютъ подсудимаго, что онъ составлялъ „писанiя хульна и еретическая",—среди общества („во многiе люди и народы") распространялъ жидовская и еллинская ученiя и арiанская и македонская, истлѣнно-мнителная и прочая пагубная ереси"; въ сочиненiяхъ подсудимаго они находятъ „хулы на Господа и на Пресв. Богородицу, и на церковныя уставы и законы, и на святыя чудотворцы и на святыя монастыри и на прочiя"... И кто же этотъ страшный еретикъ и чернокнижникъ?.. Максимъ Грекъ!!..

Нѣсколько позднѣе, подобнымъ же подсудимымъ оказался „дьякъ", человѣкъ свѣтскiй, „мiрской". Разумѣемъ дѣло Висковатаго. Подсудимому были поставлены въ вину самыя „сумнѣнiя" его въ совершенно не относящихся къ нему „божiихъ дѣлахъ"... „Ты о всемъ томъ—грозно повторяютъ не разъ отцы собора въ своихъ „отвѣтахъ" на заявленныя подсудимымъ „сумнѣнiя"—писалъ и мудрствовалъ негораздо, понеже не велѣно вамъ (мiрскимъ людямъ) о божествѣ и божiихъ дѣлахъ испытовати, но токмо вѣровати и св. иконамъ покланятися... О непостижимѣмъ существѣ Божiи не разсужати, рѣкоша богословцы, ни описовати, но токмо вѣровати; чего не велѣно святыми отцами испытовати, ты мудрствуешь и испы-

туешь... О тѣхъ св. иконахъ сомнѣніе имѣлъ отъ своего смышленія, не испытавъ божественнаго писанія... О томъ—всѣмъ православнымъ христіаномъ не подобаетъ никакого сумнѣніа имѣти, но токмо со страхомъ вѣровати и поклонятися... Сталъ еси на еретики (дѣло происходило на одномъ изъ засѣданій собора, судившаго Башкина, игум. Артемія и др.), а нынѣ говоришь и мудрствуешь негораздо о св. иконахъ: не попадися самъ въ еретикы. Зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебе положены, не разроняй списковъ (діяческихъ дѣлъ)—пронизируютъ отцы собора... „Отнынѣ и впредь тебѣ заповѣдуемъ..., неподобаетъ предъ людьми простыми учительнаго слова подвигнути или учити, санъ себѣ учительства абіе утваряя (присвоивая), но внимати отъ Господа преданному чину. Всякъ убо долженъ вѣдати свой чинъ, и не творити себе пастыря, овчя сый, но повиноватися отъ Бога преданному чину... Мірстіи человѣцы да не учать словесе о заповѣдѣхъ, да не подвизають тѣмъ, санъ учительства привлачаще. И того ради тебѣ у себя отнынѣ и впредь въ дому священныхъ правилъ не держати ни учити (дѣло идетъ между прочимъ о такихъ книгахъ, какъ *Богословіе* Іоанна Дамаскина!). Также тебѣ отнынѣ и впредь... заповѣдуемъ о невидимомъ божествѣ не испытовати и о непостижимѣмъ существѣ не разсужати, но токмо вѣровати, еже Богомъ вся быша,—а еже како быша, не испытовати.. О тѣхъ всѣхъ св. иконахъ, о которыхъ еси сумнѣніе имѣлъ, и о прочихъ, впредь тебѣ сумнѣнія не имѣти, ни разсужати, ни поносити, ни испытовати,—ни въ церкви, ни въ народѣ, ни въ дому, православныхъ христіанъ не развращати по прежнему своему сумнѣнію, но токмо св. иконамъ и св. честному кресту любовію и со страхомъ молитися... Аще впредь... учнешь паки злѣ мудрствовати—тогда конечнѣ отъ св. соборныя церкви изгнанъ будеши.. и проклятъ со всѣми еретикы и отступникы“...

Изложенная выше „Привиллегія“ моск. академіи ярко рисуетъ эту крайнюю религіозную нетерпимость— черту московской общественности, давно уже сказывавшуюся въ нравахъ Московскаго Государства, теперь вполнѣ укоренившуюся и окрѣпшую, являющуюся всегда прямымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отожествленія вѣры съ обрядомъ.

Всякое сумнѣніе въ дѣлахъ вѣры влечетъ церковное проклятіе... „Мнѣніе—мати всѣмъ страстемъ“, восклицаетъ писатель XVI в., „второе паденіе!...“ Исторія исправленія церковныхъ книгъ въ XVI и XVII вв., оканчивающая „расколомъ“, направленіе мысли первыхъ расколоучителей, отношенія къ кіевской учености и вообще къ западу и т. д.,— показываютъ, съ какой опасливостью и неохотой давали роль этому „мнѣнію“ въ самыхъ невинныхъ вопросахъ. Крайняя нетерпимость и исключительность, и въ національномъ и въ религіозномъ отношеніи—то и другое было неотдѣлимо—составляютъ господствующую черту русской общественности XVII вѣка. Постепенно все сильнѣе укореняется мнѣніе, что церковная старина русская ни въ чемъ не погрѣшима—„не точію въ вѣрѣ, но ни въ малѣйшей чертицѣ каноновъ и пѣсней, что ни у какого слова, ни у какой рѣчи не убавить, не прибавить ни единого слова не должно, и что православнымъ должно умирать за едину букву азъ“...

Между тѣмъ эта старина русская именно теперь—въ XVII вѣкѣ—стала подвергаться все бóльшимъ и бóльшимъ нападкамъ.

Чисто внутреннія „шатанія“ и „любопрѣнія“, исходившія преимущественно изъ церковной и религіозной сферы,— какъ нельзя болѣе усиливались и подкрѣплялись все сильнѣе развивавшимися внѣшними вліяніями Запада.

При всей своей національной замкнутости, при всемъ стремленіи къ этому,—Московская Русь не могла совершенно

спасти себя отъ вліянія западныхъ идей и понятій, не могла не заразиться ими... Съ половины XVI вѣка, насущныя государственныя потребности все чаще и настойчивѣе заставляютъ обращаться къ Западу,—на каждомъ шагу заставляютъ лучшихъ людей Московскаго Государства убѣждаться въ полезности и необходимости западнаго образованія, западныхъ знаній. Правительству все чаще приходится вызывать къ себѣ разнаго рода западныхъ людей, „свѣдущихъ" въ томъ или другомъ государевомъ дѣлѣ. Съ XV—XVI вв. мы встрѣчаемъ въ Москвѣ все болѣе увеличивающуюся толпу иноземцевъ,—наемныхъ офицеровъ, разнаго рода мастеровъ, заводчиковъ, архитекторовъ, лекарей. Подъ Москвой какъ-то незамѣтно выростаетъ цѣлая „нѣмецкая слобода",—цѣлая колонія этихъ выходцевъ, первыхъ представителей на Руси западной культуры, первыхъ будущихъ помощниковъ Петра Великаго... Въ XVII в. „новшества" съ небывалой силой обнаруживаются вездѣ и всюду. Разомъ въ различныхъ сферахъ умственной и общественной жизни дѣлаются нововведенія: въ домашній бытъ высшаго сословія съ особенной силой проникаетъ рядъ обще-культурныхъ вліяній съ Запада—въ одеждѣ, образѣ жизни—усиливаются сношенія съ юго-западной Русью, вызываются кіевскіе ученые, въ церковной сферѣ начинаются реформы Никона, при дворѣ полагается основаніе „комидійному дѣлу", въ литературѣ вдругъ обнаруживается небывалый дотолѣ наплывъ западной беллетристики, переводятся романы, свѣтскія повѣсти, „фацеціи" и т. д. и т. д. Современники жалуются, что „русская земля зашаталась", что она „переставливаетъ свои обычаи", что вездѣ „волки" и „козни вражіи", вездѣ— „поруха" старому преданію, „закону прародителей"... Прот. Аввакумъ съ отчаяніемъ видитъ, что современная ему Русь— весьма „пестра", что „скверные поляки, нѣмцы и прочіе безбожные языки яко благодѣи пріемлются и честію

велію почитаются..,—сплелись западные съ восточными"... „Охъ, бѣдная Русь", восклицаетъ онъ, чего-то тебѣ захотѣлось латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступокъ!.."

Издавна начавшія приходить новыя начала не могли спокойно, безъ борьбы, стать достояніемъ умственной жизни Московскаго Государства, не могли незамѣтно слиться съ ея прежнимъ теченіемъ. Прежніе, старые элементы жизни были слишкомъ противоположны новымъ. Пришлая новизна не могла мириться съ туземной стариной. Московская Русь слишкомъ долго жила своею собственною, замкнутою жизнью, чтобы западныя понятія могли проникнуть теперь, въ XVII в., въ нее незамѣтно, безъ сопротивленія, безъ борьбы. Туземная старина и вновь нахлынувшія „новшества"—какъ результаты продолжительныхъ и различныхъ жизней—были слишкомъ разнородны, чтобы при ихъ встрѣчѣ дѣло могло обойтись мирно... Приходившія „новшества" не могли однако и затеряться, остаться безслѣдными. Въ умственный кругозоръ старой московской жизни вводилась теперь такая масса новыхъ идей и понятій, вводилась, правда, случайно, рѣзко, непослѣдовательно, — но въ такомъ количествѣ и объемѣ, что игнорировать ихъ уже не было возможности. Нахлынувшія новшества не могли не всколыхнуть застоявшуюся древнерусскую жизнь,—и они не только всколыхнули, но и раскололи ее... Общей, основной причиной „раскола", помимо всего другого, было непримиримое противорѣчіе старыхъ, укоренившихся воззрѣній съ новыми, начавшими приходить теперь; тѣ формы, которыя усвоила себѣ русская религіозная мысль къ XVI вѣку, которыя вырабатывала себѣ въ теченіе ряда столѣтій,—не могли слиться съ тѣми „нѣмецкими поступками", которые теперь все болѣе дѣлались въ „послѣдней Руси" господствующими... Старая „отчина", „законъ прародителей" не позволяли болѣе

вѣрнымъ хранителямъ своимъ вступить на ту дорогу, по которой пошла теперь „бѣдная Русь“—въ лицѣ своихъ лучшихъ сыновъ...

Уже при самомъ началѣ нашей письменности, у насъ возникаетъ особый отдѣлъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ; религіозная нетерпимость древнерусскаго книжника издавна направлялась противъ „поганаго латынства“... Теперь, въ XVI, особенно въ XVII вв., обстоятельства стали сложнѣе. Приходилось оберегать себя не только „отъ поганыхъ латынянъ“,—но и отъ „лютеровъ и кальвиновъ и всякихъ нѣмецкихъ и польскихъ и литовскихъ ересей“... Исконная вражда къ латынству принимаетъ характеръ вражды ко всему иновѣрному, западному,—ненависти къ какимъ-бы то ни было „новшествамъ“, ко всякимъ нововведеніямъ, шедшимъ съ Запада. Все это—мудрованія „поганаго латынства“,—„люторскихъ“, „кальвинскихъ“ и „всякихъ другихъ“ ересей... „Братія моя возлюбленная! взываетъ одинъ изъ писателей XVI в.: бѣда и скорбь и погибель роду христіанскому! Отлучився вѣры православныя..., и возлюбивъ слабую и прелестную и незаконную латинскую и многихъ ересей вѣру—позавидѣхомъ ихъ иновѣрнымъ ризамъ, отъ главъ и до ногъ, и всего ихъ обычая. И то не разумѣхомъ, чему отъ невѣрныхъ порадѣемъ, а послѣ тому со слезами поработимъ. А Богъ не повелѣ на невѣрныхъ ризы и на ихъ обычаи вѣрнымъ человѣкомъ взирати и завидѣти: понеже Богу мерзко беззаконное житье ихъ и обычай ихъ мерзокъ и непріятенъ“... Проникавшія всюду „новшества“ заставляютъ протопопа Аввакума вездѣ видѣть „послѣднюю Русь“. „Иного отступленія, говоритъ онъ, уже не будетъ: вездѣ бо бысть послѣдняя Русь“... Больше всего смущаетъ проникновеніе западной науки. Аввакумъ возстаетъ противъ иноземныхъ книгъ, которыя переходятъ „отъ римлянъ, отъ парижанъ, отъ венетовъ“ (изъ Венеціи): эти „еретическія“

книги только „творятъ расколы"... Θедоръ дьяконъ укоряетъ царя Алексѣя Михайловича, что онъ „алманашниковъ любитъ",—а попъ Лазарь взываетъ къ нему же: „Царю благородный! Како времени сего не испытуешь? Имѣеши у себѣ мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени не изгадаютъ. Государь! Таковыхъ ли въ чести имаши и различными брашны питаеши?.." Онъ указываетъ на примѣры Ветхаго Завѣта: „Егда въ законѣхъ отеческихъ не отступно пребываху, того ради вся благая отъ Бога пріимаху; а егда въ законѣхъ отеческихъ блудствоваху,—вся злая бываху имъ. Подобаетъ ти, царю, заключаетъ ревнитель старины, заповѣдати благороднымъ чадомъ своимъ, да пребываютъ въ законѣхъ отеческихъ во вѣки не отступно"... Общимъ девизомъ отношеній Москвы ко всему Западу, ко всѣмъ этимъ, все сильнѣе наплывавшимъ отовсюду „нѣмецкимъ поступкамъ"—становятся теперь слова, брошенныя лѣтописцемъ случайно еще въ 1471 году: „Кое пріобщеніе свѣту ко тьмѣ? Такожъ и поганому латынству съ нашимъ хрестьянствомъ"?..

Борьба шла вездѣ и всюду, во всѣхъ сферахъ духовной жизни...

Яркую иллюстрацію къ сказанному представляла въ XVII в. между прочимъ сфера московскаго иконописнаго и вообще церковнаго искусства.

Слѣды иноземныхъ вліяній на древнерусское искусство наши изслѣдователи видятъ уже въ очень раннее время. По свидѣтельству древнѣйшихъ лѣтописцевъ, строители церквей на Руси издавна, съ XI—XII вв., были преимущественно „нѣмцы", т. е. иностранцы; лѣтописецъ чрезвычайно удивляется тому, что ростовскій епископъ Іоаннъ при перестройкѣ собора Божіей Матери въ Суздалѣ могъ обойтись безъ нѣм-

цевъ. Владимирская церковь Вознесенія (XII в.), построенная ломбардскими мастерами, послужила типомъ для многихъ другихъ церквей,—въ Суздалѣ, Переяславлѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ и другихъ городахъ. По мнѣнію Буслаева, вліяніе романскаго стиля отразилось уже въ суздальскихъ орнаментахъ XII вѣка. Слѣды западныхъ вліяній видятъ въ украшеніяхъ Геннадіевской Библіи (1499), въ первыхъ изданіяхъ Ивана Ѳедорова и т. п. Уже въ XV вѣкѣ въ Новгородѣ мастера пишутъ образа, подъ которыми, на западный образецъ, подписываютъ портреты того семейства, въ которомъ заказали образъ... Въ концѣ XV—нач. XVI в. вызывается въ Россію изъ Италіи множество итальянскихъ архитекторовъ; въ 1487 году итальянецъ Маріо начинаетъ постройку Грановитой Палаты, доконченной другимъ итальянцемъ Пьетро Антоніо; Успенскій соборъ построенъ Аристотелемъ Фіоравенти, церковь Василія Блаженнаго построена тоже итальянцемъ... Въ XVII в. цѣлый рядъ ихъ вызывается изъ Германіи и Голландіи. Въ Псковѣ, по заказу извѣстнаго священника Сильвестра, дѣлаются снимки съ картинъ Чимабуэ и Перуджино. Къ пол. XVI в. относятся первыя попытки снимать изображенія съ переводовъ западныхъ, т. е. съ западныхъ гравюръ... Изъ „Розыска" о Висковатомъ видимъ, что уже въ русскую живопись XVI вѣка значительно проникала новизна; XVII вѣкъ является еще болѣе рѣшительнымъ моментомъ „возрожденія" въ исторіи нашего исскуства. Западныя идеи, проникшія къ намъ въ XVII в., „озарили новымъ, до тѣхъ поръ невѣдомымъ, свѣтомъ скромную мастерскую древнерусскаго живописца"... Подъ вліяніемъ художественныхъ образчиковъ, которые мало-по-малу стали переходить къ намъ съ Запада,—„въ древнерусскомъ художникѣ пробудилась потребность красоты, естественности и природы"... Этотъ моментъ исторіи русскаго искусства хорошо отразился въ сохранившемся до насъ сочиненіи неизвѣстнаго изографа Іосифа *О премудрой мастротъ* (*sic*) *живописую-*

щихъ, сирѣчь о изящномъ мастерствѣ иконописующихъ и цѣломудренномъ познаніи истинныхъ персонъ и о дерзостномъ лжеписаніи неистовыхъ образовъ,—на уничижающихъ святыхъ иконъ живописаніе и пр. Памятникъ по своему содержанію чрезвычайно любопытенъ. Сочиненіе „написано въ защиту художественнаго изящества иконописи противъ застарѣлыхъ невѣждъ, которые не только не чувствовали необходимости въ красотѣ священныхъ изображеній, но даже почитали все свѣтлое, ясное, радостное, собственно живописное, т. е. жизненное, непристойнымъ и вреднымъ въ этихъ изображеніяхъ“...

Авторъ прежде всего выступаетъ противъ пошлаго ремесленничества современныхъ ему иконописцевъ-„богомазовъ“. „Нигдѣ въ другихъ странахъ, говоритъ онъ, не видать такого безчинства, какъ нынѣ у насъ. Вездѣ по деревнямъ и по селамъ прасолы и щепетинники иконы крошнями таскаютъ, а писано онѣ таково ругательно, что иныя походили не на человѣческіе образы, а на дикихъ людей... И простой народъ щепетинники тѣ своими блудными словами обаяючи говорятъ, будто отъ доброписанія спасенія не бываетъ“.... Противъ разсужденій одного изъ такихъ „щепетинниковъ“, Ивана Плѣшковича, авторъ и направляетъ свое сочиненіе. Авторъ ссылается на Стоглавъ, на его требованія о благообразіи, на заботы отцовъ, чтобы иконописцы списывали иконы „съ добрыхъ образцовъ“,—и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутъ уваженіемъ къ западно-европейскому искусству. Возставая противъ разсужденій Плѣшковича, порицавшаго начинающій усиливаться въ Москвѣ, съ пол. XVII вѣка, обычай пріобрѣтать священныя изображенія изъ-за границы, съ Запада, утверждая, что эти западныя изображенія совершенно недостойны поклоненія,—Іосифъ доказываетъ, что должно пользоваться всѣмъ хорошимъ, кому-бы это хорошее ни принадлежало, и при этомъ даетъ понять, какъ много такимъ „хорошимъ“ наше искусство обязано Западу: „Неужели ты скажешь, обращается авторъ къ своему противнику, что только

однимъ русскимъ дано писать иконы, и только одному русскому иконописанію покланяться, а отъ прочихъ земель иконъ не принимать и не почитать? Ты́ только такъ мудрствуешь... Когда у своеземцевъ или у иноземцевъ—продолжаетъ авторъ—видимъ Христовъ и Богородиченъ образъ выдрукованъ (напечатанъ) или премудрымъ живописаніемъ написанъ, тогда многой любви и радости очи наши наполняются..., и не укоряемъ иностранцевъ, видѣвъ у нихъ хорошо написанныя иконы. Такія благодатныя вещи паче всѣхъ земныхъ вещей предпочитаемъ и отъ рукъ иноземныхъ любочестно выкупаемъ, иныя-же и за великій даръ испрашиваемъ, и пріемлемъ Христово изображеніе на листахъ или на дскахъ, любезно цѣлуючи, и по закону къ іерею таковыя иконы приносимъ,—они же должными глаголами молебствуютъ и благословляютъ и образъ освящаютъ, и водами святопѣтыми покропляютъ.... И та́къ всѣ разумѣя образамъ честь творятъ. Ты одинъ, злозавистный Плѣшковичъ, какъ бѣшеный песъ мятешься и творишь развращенно сердце твое, намъ зазираешь отъ иноземцевъ иконныя изображенія принимать“.... Авторъ замѣчаетъ далѣе, что Плѣшковичъ, возставая противъ иноземныхъ иконъ,—„самъ хитродѣлія иноземнаго касается“, не видитъ, что „во всѣхъ нашихъ христіано-русскихъ церквахъ, всѣ утвари священныя, фелони и омофоры, пелены и покровы, и всякая хитроткань, и златоплетенья, и каменье дорогое, и жемчугъ, все это отъ иноземцевъ“,—„все это и въ церковь вносишь, и престолъ и иконы тѣмъ украшаешь, а ничто скверно или отметно не нарицаешь!“...

Иванъ Плѣшковичъ съ братіею, эти „несмысленніи любопрители“, требовали, чтобы лики святыхъ изображались „одною формою (на одинъ образецъ),—смугло и темновидно“. Іосифъ возражаетъ противъ этого: „Всѣ-ли святые смуглы и тощи были?... Кто изъ благомыслящихъ не посмѣется такому юродству, будто-бы темноту и мракъ паче свѣта предпочитать слѣдуетъ? Зри, доброразсудный читатель, какъ много

вездѣ въ божественныхъ писаніяхъ обрѣтается: темноту и очаденіе на единаго дьявола возложилъ Господь“.... Возставая противъ мнѣній Плѣшковича и „его старцевъ“, противъ ихъ любви „къ темнообразію и очадѣлымъ лицамъ“, къ ихъ стремленію писать образы „мрачные и неподоболѣпные“,—Іосифъ замѣчаетъ, что „не таковъ обычай премудраго художника. Чтó онъ видитъ или слышитъ, то и начертываетъ въ образахъ или лицахъ, и согласно слуху или видѣнію уподобляетъ“...

Въ пылу полемики съ „несмысленными любопрителями“ Іосифъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія произноситъ замѣчательныя слова: „Не слѣдуетъ истина за обычаями невѣжественными, но обычай невѣжественный долженъ истинѣ повиноватися“...,—мысль, сдѣлавшаяся принципомъ всей петровской реформы... И вообще изложенное сочиненіе, по своимъ идеямъ, шире той спеціальной области, къ которой относится. „Упреки изографа Іосифа, справедливо замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей, падаютъ не на одного Плѣшковича,—они поражаютъ всѣхъ приверженцевъ старины, весь расколъ“... Новыя, развиваемыя „изографомъ“ идеи, обусловливались общимъ, совершавшимся за это время поворотомъ къ Западу,—отражали на себѣ общее паденіе старыхъ византійскихъ идеаловъ и торжество всякаго рода западныхъ „новшествъ“.

Къ Кіеву Москва съ конца XVI вѣка стала относиться съ крайнимъ недовѣріемъ; въ глазахъ московскихъ книжниковъ кіевскіе ученые стали бóльшей частью „латынники“, „латинская часть“... Большихъ симпатій не чувствовали къ Москвѣ и сами кіевляне; причины на это у нихъ, впрочемъ, были другія: не связанные административно съ Москвой они чувствовали себя свободнѣе... Непріязненныя отношенія Москвы къ кіевской учености обнаруживаются на первыхъ же порахъ, — одновременно съ первыми фактами

сближенія. *Учительное Евангеліе* (1619) Кирилла Транквилліона Ставровецкаго († 1646), „по государеву указу“, было подвергнуто въ Москвѣ тщательному разсмотрѣнію,—и дошедшій до насъ современный дѣлу *Списокъ со свитка укоризненна Кирилу Транквиліону Ставровецкому, погрѣшительнымъ словесемъ блуженія его*, подробно указываетъ въ той книгѣ „и ереси и погрѣшенія и блуженія“ автора, на взглядъ московскихъ критиковъ... Вслѣдствіе найденныхъ въ книгѣ „ересей и блуженій“,—въ началѣ декабря 1627 года, ко всѣмъ воеводамъ Московскаго Государства была разослана грамота: „Велѣли мы... сыскать и досмотрити литовскія печати въ книгахъ въ „Учительныхъ Евангильехъ“ архим. Кирила Транквиліона Ставровецкаго его слогу (составленія); и въ тѣхъ книгахъ въ „Учительныхъ Евангильехъ“ сыскано и досматривано и приправлено къ древнимъ святыхъ отецъ книгамъ, къ „Евангельямъ Учительнымъ“ и къ инымъ божественнымъ книгамъ, и въ тѣхъ Кириловыхъ книгахъ, въ его слогѣ, сыскались многія ереси и супротивства древнимъ „Учительнымъ Евангельямъ“ и инымъ св. отецъ божественнымъ книгамъ. И мы... указали—на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ, литовскія печати „Учительныя Евангилья“ архим. Кирила Транквиліона Ставровецкаго и иныя книги его Кирилова слогу собрати и на пожарѣхъ сжечь,—чтобъ та ересь и смута въ мірѣ не была. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ велѣли по торгамъ кликати биричамъ по многіе дни: у которыхъ людей такія литовскія „Учительныя Евангелія“ или иныя книги его Кирилова слогу есть, и тѣ-бъ люди тотчасъ несли безмѣнно къ вамъ въ съѣзжую избу; а кто именемъ какія книги литовскія печати Кирилова слогу Транквиліона Ставровецкаго принесутъ и вы-бъ тѣхъ людей имена велѣли писати на росписи поименно. А собравъ... тѣ литовскія печат-

ныя „Учительныя Евангельи“ и иныя книги Кирилова слогу, велѣли на пожарѣ сжечь...,—да о томъ о всемъ отписали“... Вмѣстѣ съ этимъ давался приказъ: „Велѣли-бъ всякимъ людямъ сказывати именно и заказъ крѣпкой учинити, чтобъ однолично литовскія печати никакихъ книгъ Кирилова слогу ни кто у себя не держали и впередъ никакихъ книгъ литовскія печати и письменныхъ литовскихъ не покупали. А кто нынѣ такія книги литовскія печати Кирилова слогу у себя утаитъ, или кто впредъ учнетъ литовскія книги какія покупати—тѣмъ людямъ... быти въ великомъ градскомъ наказаніи, а отъ... святѣйш. патріарха въ великомъ духовномъ наказаніи и въ проклятіи“... 4 декабря - „въ Москвѣ на пожарѣ сожгли 60 книгъ, что были вышли изъ Литвы и именовались „Евангельи Учительные“ слогу (составленія) Кирила Транквиліона.., а жегъ ихъ приставъ Григорей Ивановъ сынъ Горизонтовъ“.

Вмѣстѣ съ названнымъ сейчасъ „Свиткомъ укоризненнымъ“ Кириллу Транквилліону, до насъ дошелъ другой въ высшей степени любопытный памятникъ: *Преніе литовскаго протопопа Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Ильею и справщикомъ Григоріемъ*—по поводу исправленія въ Москвѣ составленнаго Лаврентіемъ Зизаніемъ *Катихизиса*. „Преніе“ происходило въ томъ же 1627 году,—и чрезвычайно ярко характеризуетъ все различіе во взглядахъ и образованіи кіевскихъ и московскихъ ученыхъ... Не останавливаясь на этомъ „Преніи“, приведемъ здѣсь дошедшіе до насъ отрывки одного судебнаго дѣла, относящагося къ самому первому времени появленія въ Москвѣ кіевскихъ ученыхъ. къ 1650 году,—которое наглядно рисуетъ передъ нами положеніе юго-западной науки въ Москвѣ на самыхъ первыхъ порахъ.

Въ 1650 году, апрѣля 3, заявилъ нѣкто чернецъ Саулъ, что „есть за нимъ государево дѣло" и просилъ про тотъ его извѣтъ доложить государю. Государю доложили—и чернецъ Саулъ показалъ:

„Въ нынѣшнюю зиму, 5 марта, приходили къ нему, Саулу, въ келью Иванъ Засѣцкій да Лука Голосовъ да благовѣщенскаго собора дьячекъ Константинъ Ивановъ,—и между собою шептали: „Учится у кіевлянъ Өедоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть. А бояринъ де Борисъ Ивановичъ (Морозовъ) держитъ отца духовнаго для прилики людской, а еретичество де знаетъ и держитъ"... Показанія Саула велѣно было провѣрить и все дѣло разслѣдовать. Что́ говорили на допросѣ названные Засѣцкій и Голосовъ, неизвѣстно: ихъ показанія не сохранились; дьячекъ же Константинъ Ивановъ показалъ:

„Нынѣшняго года на масляницѣ, дня не помню, провожали мы, Лука Голосовъ, Иванъ Засѣцкій да я, благовѣщенскаго протопопа къ нему на дворъ, и проводивъ пришли къ воротней кельѣ, къ старцу Саулу, и сѣли на лавкѣ. И говорили мнѣ Лука и Иванъ: „Извѣсти благовѣщенскому протопопу (Степану Вонифатьеву), что онъ, Лука, у кіевскихъ чернецовъ учиться не хочетъ; старцы не добрые, онъ де въ нихъ добра не позналъ, добраго ученья у нихъ нѣтъ. Теперь онъ манитъ Өедору Ртищеву боясь его, а впередъ учиться никакъ не хочетъ"... Да Лука же говорилъ: „Кто по латыни учится, тотъ де съ праваго пути совратится. Да и о томъ вспомяни протопопу—продолжалъ Лука: поѣхали въ Кіевъ учиться Перфилка Зеркальниковъ да Иванъ Озеровъ, а грамоту проѣзжую промыслилъ Өедоръ (Ртищевъ),—поѣхали они доучиваться у старцевъ кіевлянъ по латыни, и какъ выучатся и будутъ назадъ, то отъ нихъ будутъ великія хлопоты. Надобно ихъ до Кіева недопустить и воротить назадъ. И такъ они (старцы кіевляне)

всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ (Ивана и Стефана Неронова и Вонифатьева, считавшихся первыми учеными въ московскомъ духовенствѣ) и другихъ; враки де вракуютъ они, слушать у нихъ нечего; про то ничего не знаютъ, чему учатъ"...—„Въ прошломъ 1649 году, продолжалъ свои показанія дьячекъ Константинъ Ивановъ, лѣтомъ, попъ Ѳома, сосѣдъ мой, спрашивалъ меня: „Скажи, пожалуй, какъ быть? Дѣти мои духовные, Иванъ Озеровъ да Порфирій Зеркальниковъ, просятся въ Кіевъ учиться"... Я, Константинъ, ему сказалъ: Не отпускай, Бога ради. Богъ на твоей душѣ это взыщетъ. А Ѳома молвилъ: „Радъ бы не отпускать, да они безпрестанно, со слезами, просятся и меня мало слушаютъ и ни во что ставятъ" (какъ выше видно, эти Иванъ Озеровъ и Порфирій Зеркальниковъ своего отца духовнаго все таки не послушали и въ Кіевъ поѣхали, при помощи Ртищева)...—Далѣе дьячекъ Константинъ Ивановъ продолжалъ: „Потомъ Лука и Иванъ про боярина Бориса Ивановича Морозова говорили между собою тихонько: „Борисъ де Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, и началъ жаловать кіевлянъ; а это уже явное дѣло, что туда уклонился, къ такимъ же ересямъ"... Чѣмъ кончилось дѣло, неизвѣстно; отъ него сохранились лишь приведенные отрывки; но для нашей цѣли и ихъ вполнѣ достаточно.

Недовѣріе къ Литвѣ и къ юго-западной Руси въ Москвѣ выражалось не разъ и по другимъ случаямъ. Такъ, напр. въ январѣ 1632 года къ псковскимъ воеводамъ послана была царская грамота,—которою запрещалось покупать у литовскихъ людей хмѣль: „Писали намъ изъ Вязьмы, говорилось въ грамотѣ, воеводы наши, князь Романъ Пожарской съ товарищи: Посылали они за рубежъ для вѣстей лазутчиковъ, и тѣ лазутчики, пришедъ изъ-за рубежа, сказывали имъ,—что въ литовскихъ городѣхъ баба-вѣдунья наговари-

ваетъ на хмѣль, которой изъ Литвы возятъ въ наши городы, чтобъ тѣмъ хмѣлемъ въ нашихъ городѣхъ на люди навесть моровое повѣтріе"... Вслѣдствіе этого предписывалось воеводамъ объявить—„во Псковѣ, въ городѣ, и на посадѣ, и по слободамъ, и во всемъ псковскомъ уѣздѣ, въ селѣхъ и въ деревняхъ, всякимъ людемъ велѣли бъ учинити заказъ крѣпкой, подъ смертною казнью, которые люди поѣдутъ въ литовскіе городы для торговли, и они бъ у литовскихъ людей и у зарубежскихъ мужиковъ хмѣлю не покупали и во Псковъ и во псковскій уѣздъ не привозили отнюдь, ни которыми дѣлы"...

Симпатіи многихъ лучшихъ людей, сознавая необходимость для страны образованія, клонились къ Востоку,—хотѣли это образованіе получить черезъ Византію, а не отъ латинскаго Запада...

Отъ конца XVII вѣка до насъ дошли два чрезвычайно любопытныхъ памятника, принадлежавшихъ неизвѣстнымъ авторамъ, — родъ ученыхъ записокъ-трактатовъ—въ которыхъ отражается между прочимъ то великое культурно-историческое „распутіе", на которомъ стояла въ концѣ XVII в. „послѣдняя Русь". Содержаніе записокъ составляетъ рѣшеніе великаго принципіальнаго вопроса, занимавшаго лучшихъ людей времени,—вопроса о томъ, который изъ двухъ языковъ русскимъ болѣе нуженъ и необходимъ въ цѣляхъ образованія, латинскій языкъ или греческій?.. Въ заглавіи одной изъ записокъ ставится и другой существенный вопросъ времени: „Учитися-ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философіи и ѳеологіи и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писанія, или не учася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ писаній познавати?"—т. е. слѣдуетъ-ли русскимъ остаться и дальше при

прежней системѣ начетчества, „почитанія книжнаго", или послѣднее должно быть замѣнено правильнымъ школьнымъ обученіемъ разнымъ наукамъ? .

Два названныхъ памятника мало извѣстны, и мы позволяемъ себѣ остановиться на ихъ содержаніи съ нѣкоторой подробностью.

На второй вопросъ одинъ изъ авторовъ отвѣчаетъ: „Простота сугуба есть: ова незлобіе глаголется, еже есть добродѣтель терпѣнія и непамятозлобія и немщеніе обидящимъ; оваже невѣжество, рекше неученіе, въ немъ же содержится невѣжество Божіего закона, еже злоба есть преглубока... Неученіе тма ослѣпляющая умныя очи и есть и глаголется, яко апостолъ глаголетъ: зане тма ослѣпи очи. Ученіе же ясная луча есть, ею же невѣжества тма разрушается, и естественныя человѣческаго разума очеса просвѣщаются и есть веліе благо"... Въ этихъ словахъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Каптеревъ (которому мы обязаны обнародываніемъ двухъ названныхъ сочиненій)—окончательно осуждается старая система начетчества и признается самымъ рѣшительнымъ образомъ просвѣтительное значеніе школы, ея полезность и необходимость для русскихъ.

Первая записка носитъ заглавіе: *Доводъ вкратцѣ, яко ученія и языкъ еллиногреческій наипаче нужнопотребный, нежели латинскій языкъ и ученія, и чѣмъ ползуетъ славенскому народу.* Превосходство греческаго языка предъ латинскимъ, необходимость и пользу для русскихъ изучать именно греческій языкъ—авторъ прежде всего доказываетъ тѣмъ, что русскіе приняли христіанство отъ грековъ и вмѣстѣ съ христіанствомъ отъ нихъ же заимствовали свои письмена, церковныя книги, гражданскіе и другіе обычаи, которые держатъ и до сего дня. Съ другой стороны, объ общечеловѣческомъ культурномъ значеніи грековъ и греческаго языка, о превосходствѣ послѣдняго предъ латинскимъ, свидѣтельствуютъ сами

латинскіе писатели, напр. Антоній Поссевинъ, Липсіусъ и др. За превосходство греческаго предъ латинскимъ говоритъ далѣе то обстоятельство, что основная христіанская литература—на языкѣ греческомъ, а не латинскомъ: св. Писаніе, постановленія вселенскихъ соборовъ и т. д. Да и не только собственно христіанская, но и вообще научная и поэтическая: „Кто, говоритъ авторъ, богословію сице высоко яко Діонисій и Григорій написаху, кто остроумнѣе Аристотеля философію или во астрологіи Птоломеа и въ геометріи Эвклида, въ риторику Димосѳена, и въ докторство Ипократа и Галина, и въ творцахъ Омира, и во всѣхъ прочихъ ученіяхъ кто подобніи грекамъ, которыхъ и сами латини во всѣхъ своихъ академіахъ и по се время яко основаніе себѣ предлагаютъ и вкупѣ учатся греческому и латинскому языку, зане иное основаніе, кромѣ грековъ, во всѣхъ свободныхъ ученіяхъ, хотя и много трудилися, вымыслити не могутъ. И для того и имена всѣхъ ученіямъ, начинающе отъ грамматики, не токмо латини, но и всѣ народи греческими именами именуютъ“. Но особенно полезно изучать греческій языкъ русскимъ, такъ какъ „не токмо латинскому языку великую помощь воздаетъ греческій ученіями своими, но наипаче славенскому помогати будетъ, какъ очистится ученіемъ греческимъ, зане языкъ славенскій ближній и свойственный греческому, нежели латинскому“,—тѣмъ болѣе что для печатанія нашихъ церковныхъ книгъ въ исправномъ видѣ, необходимо сличать ихъ съ греческими книгами, съ которыхъ они переведены. „Того ради подобаетъ наипаче учитися гречески, понеже не токмо тѣмъ языкомъ не вредится православная вѣра, яко латинскимъ, но и зѣло исправляется, и учити купно съ славенскимъ, яко да временемъ и славенскій языкъ (который пребогатъ есть) очистился и медъ иныхъ ученыхъ языковъ сочетался. А по греческомъ ученіи легче хотящему невредительно учитися и латинскому,—а въ пер-

выхъ латинскому языку учитися веліе опасеніе, яко да не латинскимъ языкомъ подкрался тайна и вѣра и обычей латинской, какъ видимъ въ разныхъ народѣхъ, наипаче въ французскомъ, зане ничего не премѣняетъ человѣка и нравы сице, яко странное ученіе"...

Другое сочиненіе о превосходствѣ греческаго языка предъ латинскимъ носитъ заглавіе: *Учитися-ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философіи и ѳеологіи и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писанія, или не учася симъ хитростемъ въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познавати, и что лучше россійскимъ людемъ учитися греческаго языка, а не латинскаго.* На вопросъ: „Котораго языка ученію учитися намъ славяномъ потребнѣе и полезнѣйшее латинскаго или греческаго", авторъ въ самомъ началѣ заявляетъ, что полезнѣе учиться „греческаго и словенскаго". „Глаголютъ нѣціи, продолжаетъ онъ, яко свойственше намъ словеномъ учитися латинскаго языка ученію, яко удобншу сущу къ познанію и потребншу, нежели греческому неудобнознанному"; разбирая возраженіе, авторъ подробно указываетъ тѣ причины, по которымъ намъ слѣдуетъ учиться именно греческому языку. „Азъ тебѣ покажу, говоритъ онъ, яко свойственшъ намъ словяномъ, удесемъ сущимъ святыя восточныя церкви, греческій языкъ и ученіе того знати потребншее есть и полезншее по многимъ. Первое, по вѣры православныя единству, изъ востока ны просвѣтившія и въ сыноположеніе Божее чрезъ крещеніе родившія. Второе, по согласію и купночину церковныхъ законовъ и по преданію божественныхъ таинъ и по ученію въ томъ гречестѣмъ языцѣ древнихъ сятыхъ отцевъ нашихъ: Діонисія Ареопагита, Василія Великаго, Григоріа Богослова, Іоанна Златоустаго, Аѳанасіа и Кирилла Александрійскихъ и Іоанна Дамасѳина и прочіихъ,—паче же по самому святому Евангелію и Апостолу, писанныхъ первообразно... гречески, а не

латински“... Помимо того, „по самымъ стихіемъ или писменемъ свойственъ греческій языкъ славенскому. Латинскій же языкъ и ученіе и писаніе во всѣхъ сихъ славяномъ намъ чуждо и далече отсутствующе, и не точію непотребно отнюдь, но паче вредно игубительно“... Авторъ сличаетъ алфавиты греческій, славянскій и латинскій, и продолжаетъ: „Овча подобно есть своей матери всячески по виду и нраву, яко славенская писмена греческимъ подобна суть. Козлище же инородное, аще чимъ малымъ и прıуподобляется овцѣ, обаче всячески естествомъ и видомъ отсутствуетъ и разнствуетъ, яко и сія латинскія литеры греческимъ и славянскимъ, яко козлище овцѣ, много зѣло не подобятся. Греческая же писмена и славенская, яко овча съ матерію (славенская бо изъ греческихъ приложишася), обоя между собою подобствуютъ и согласуются. И сія далечности и разности славяномъ отъ латинъ первая, аще мнится и малая вина, обаче не есть малая“. Вторая и бо́льшая вина, „раздѣляющая славянъ отъ латинъ“, заключается въ томъ, что „греческій языкъ и ученіе славяномъ велми свойственно по частемъ грамматики“. Подробно раскрывъ это положеніе, авторъ замѣчаетъ: „Зри, како согласенъ славенскій языкъ со греческимъ, и учася тому не погрѣшитъ истины о богословіи. Латинскій же, отъ его же и польскій растлѣвся, колико далече отсутствуетъ истины. Опаство имѣти подобаетъ, да не и славенскій діалектъ что отъ того латинскаго ученія пostраждетъ, яко уже и начинаются латинскія и польскія пословицы славенскаго языка въ писаніихъ появлятися (древле же отнюдь таковыхъ глаголаній славяне удаляхуся), зане реченіемъ обыкоша и нравы послѣдовати. Тако бо латинское ученіе прелестно, яко ножъ медомъ намазанный: изначала лижущимъ сладокъ и безбѣденъ мнится, и елико больши облизуется, толико ближше гортаню ближится и удобно лижущаго заколетъ и смерти предастъ. А яко ла-

тинскій языкъ скуденъ и убогъ по себѣ самому и за скудость свою овогда употребляетъ еллинская реченія и имена, овогда же иными реченми измѣняетъ... Свойство же славенскаго и греческаго и отъ самыхъ именъ соединися, яже издревле употребишася и вообычаишася славяномъ греческая и яко свое естественное вкоренишися, яко *евангеліе*, *апостолъ*, *апокалипсисъ*, *паралипоменонъ*, *псалтиръ*, *тріодь*, *минеа...* (указываетъ множество и другихъ греческихъ словъ, употребляющихся въ славянскомъ). Латинцы же имена овая греческая за скудность свою употребляютъ (яже невѣдущимъ быти мнятся латинскія) и не могуще на свою бесѣду добрѣ претолковати, растлѣнно глаголютъ: *метрополитъ*, *арцибискупъ*, *бискупъ*, *клеръ*, *клерикъ*, *преоръ*, *псалтеръ*, *кроника*, пачеже самого Сына Божія спасительное имя *Іисусъ* глаголютъ *Іезусъ...*; всѣхъ же стыднѣйшее: святаго многострадательнаго праведнаго Іова имя зовутъ срамно *Іоб...* Вся сія и множайшая сихъ растлиша во ученіихъ своихъ учимыхъ, за еже не имутъ во ученіи своемъ стихіи *и*. Славенскій же языкъ и ученіе купно со греческимъ имутъ оную стихію *и*, и добрѣ оба тіи языцы вся имена зовутъ"... По мнѣнію автора, „книги греческія латинскимъ языкомъ добрѣ на славянскій діалектъ превести отнюдь невозможно". Авторъ указываетъ на превосходство греческаго перевода книгъ Ветхаго Завѣта предъ латинскимъ, и далѣе продолжаетъ: „Внимати треба, яко языкъ греческій честенъ и великъ и богословіе могущъ объяти, не заимствуя языка латинскаго; языкъ же латинскій безъ греческаго ничто же могущъ высокихъ разумѣній, паче же о богословіи писати и глаголати, и велми самъ собою непотребенъ намъ славяномъ, и ничто же вспользуетъ насъ, но паче пошлитъ и далече отъ истины въ богословіи отведетъ и къ западныхъ зломудрію тайно и внезапно привлечетъ. Греческій же языкъ и ученіе всю вселенную просвѣщаетъ"... Русскимъ нужно изучать греческій языкъ и потому еще, что, во-пер-

выхъ, прежніе русскіе митрополиты и епископы „чины и пѣснопѣнія держаху греческая; явлено, яко и ученіе бѣ греческое, а не латинское, яко показуется въ житіи блаженнаго Игнатіа епископа ростовскаго: ликъ пояху греческій, вторый славянскій“. Во-вторыхъ, въ 1586 году соборъ восточныхъ патріарховъ повелѣлъ славянамъ учиться греческому языку,— „и того ради напечатася во Львовѣ градѣ грамматики греко-славянскія“... Наконецъ,—„во днехъ благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексіа Михаиловича священный всероссійскій соборъ о исправленіи (книгъ) написаша, яко тщася всѣми силами и отъ души прилежнымъ попеченіемъ святѣйшій Никонъ патріархъ исправити совершенно. Но двое не допусти ему совершеннаго книгъ исправленія: едино, яко скудно зѣло преводниковъ искусныхъ въ языцѣ гречестѣмъ,—аще и обрѣтахуся нѣціи знающе отчасти діалекта греческаго, но ученіемъ точію грамматики; къ сему не быша лексиконы греческія и славянскія, того ради въ преводѣхъ погрѣшаху. Иніи же преводиша съ греческа на латинскій языкъ, съ латинска же на славенскій прелагаша, и того ради быша въ реченіихъ отъ греческа чрезъ латинскій на славенскій языкъ погрѣшенія. Яко и мудрый въ греческомъ и латинскомъ діалектѣхъ Максимъ монахъ грекъ сперва латинскою бесѣдою сказываше толмачомъ (зане не изучися еще совершенно языку славенскому), толмачи же съ латинска сказываху славенски, и того ради въ его первыхъ преводѣхъ быша нѣкая погрѣшенія, за яже истязаніе и томленіе терпяше Максимъ“...

Авторъ указываетъ далѣе на тотъ вредъ, какой происходитъ и можетъ происходить для русскихъ отъ изученія латинскаго языка: „Отъ ученія латинскаго, говоритъ авторъ, ничто-же еще видя, начинаются быти странныя подверги и чуждыя восточныя святыя церкве матере нашея нѣкоего символа, его-же держатъ латинницы и лютеры, лживо называюще быти апостольскій...,—иный подвергъ тайный по латинскому

смышленію о пресуществленіи тѣла и крове Христова изъ хлѣба и вина, не согласующійся святыхъ отцевъ восточныхъ ученіемъ и ина нѣкая новшества. И сія убо еще ниже начало пріемшу латинскому ученію славяномъ! Егда же тое ученіе въ дѣло произыдетъ и преуспѣвати начнетъ, не пострадати-бы по притчи: бѣжавшимъ дыма, не впасти-бы въ пламень. Къ сему, егда услышатъ латинское ученіе въ Москвѣ наченшееся врази истины, плевелосѣятеле тернія западнаго во среди чистыя пшеницы, изъ востока насѣянныя, лукавіи іезуити подъидутъ, и неудобопознаваемыя своя силлогизмы или аргументы душетлительныя начнутъ злохитростно всѣвати, — тогда что будетъ? Ничто ино, точію окоптѣлый чистительнаго огня дымомъ латинскаго смышленія зачнется куколь и родитъ любопрѣнія, потомъ (пощади Боже!) отступленіе отъ истины, еже страждетъ или-же и пострада малая Россія, пріучившися латинѣ, быша мало невси уніаты; рѣдціи осташася православніи"... Въ виду этого, авторъ молитъ всѣхъ начальниковъ духовныхъ и мірскихъ, всѣми средствами, погасить „малую искру латинскаго ученія", „не дати тѣй раздмитися и воскуритися,—да не пламень западнаго зломысленнаго мудрованія растекся попалитъ и въ ничто-же обратитъ православія восточнаго истину: егда бо многородный той (сикилійскому подобный, или и еще горшій) огнь распалится и кто въ него ввалится, той и съ великимъ трудомъ отъ того не свободится, но вѣчно въ томъ потопится".

Авторъ указываетъ въ заключеніе на тѣ благотворныя послѣдствія, какія произойдутъ для русскихъ, если основой образованія будетъ положенъ не латинскій, а греческій языкъ. „Аще-же народъ великороссійскій, говоритъ онъ, будетъ учитися греко-славенски (подаждь Господи!) и чести книги оныя, всѣхъ сихъ предрѣченныхъ бѣдъ избѣгнутъ, и согласны во всѣмъ и купночинны будутъ съ восточною святою церковію

и со святѣйшими равночисленными святымъ евангелистамъ патріархи, и истинно ученицы Христовы будутъ, и здрави и тверди и непозыбленни отъ приpаженія инославныхъ пребудутъ въ православной вѣрѣ, основани не на песцѣ нововымышленій, но на твердомъ основаніи водруженни, на самомъ краеугольномъ камени Христѣ: иного бо основанія никто-же можетъ положити. Еще и святѣйшіе патріарси подадутъ вящшее благословеніе и молитву о благосостояніи великороссійскаго царствія, и народи вси окружніи, сущіи православія восточнаго, Богу возблагодарятъ и царскому величеству приклонятся. Но и противніи западницы и иніи мужеству, твердости и постоянству въ вѣрѣ великороссійскаго народа почудятся, яко ничто возможе ихъ поколебати. И свой народъ, наченъ отъ благородныхъ до простыхъ и самыхъ глаголю поселянъ, услышавше ученіе греческое возрадуются и похвалятъ; и мятежницы церкве, отложивше всякую молву, утишатся и церкви святѣй покарятся и прилѣпатся чрезъ покаяніе. Аще-же услышится въ народѣ, паче-же въ простакахъ, латинское ученіе, не вѣмъ коего блага надѣятися, точію избави Боже всякія противности“...

Так. образомъ если одни, какъ Ѳедоръ Ртищевъ, съ полнымъ довѣріемъ обращались къ Западу,—симпатіи другихъ лучшихъ людей, при всемъ сознаніи необходимости и важности науки, образованія, рѣшительно клонились къ православному Востоку; въ противоположность иновѣрному, католическому Западу, и науку и образованіе хотѣли найти на Востокѣ, въ Византіи. Нельзя не согласиться, эти симпатіи имѣли извѣстное основаніе: примѣръ наполовину окатоличенной юго-западной Руси былъ у всѣхъ на глазахъ, и не могъ не производить своего вліянія... Во всякомъ случаѣ, эти взгляды были взглядами многихъ лучшихъ людей времени,—хорошо сознававшихъ необходимость для Московской Руси просвѣщенія, но

не желавшихъ купить его рискомъ для православія и цѣной народнаго обезличенія, взгляды, которые вообще могли-бы предостеречь противъ слишкомъ беззавѣтныхъ увлеченій Западомъ. Образованіе и наука, принесенныя съ Востока, безспорно, были-бы въ религіозномъ отношеніи роднѣе и безопаснѣе... Но византійскій Востокъ и самъ не имѣлъ у себя ни науки, ни образованія! Византія и сама не имѣла средствъ къ широкому, свободному развитію,—не имѣла у себя ни академій, ни университетовъ. Наиболѣе образованные греки-византійцы, приходившіе къ намъ—напр. патріархи—чаще всего сами были воспитанниками Запада... „Тогдашніе греки, говоритъ историкъ, были мало способны явиться на Руси просвѣтительной и зиждительной силой, вѣстниками для русскихъ иной, высшей и совершеннѣйшей жизни,—они сами были задавлены тяжелымъ, деморализующимъ народную жизнь рабствомъ, сами нуждались въ обновленіи, въ посторонней помощи и поддержкѣ. Если у грековъ и была тогда наука, то не своя, а чужая, заимствованная съ Запада, гдѣ они получали свое высшее научное образованіе“... Помимо того, греки и „не имѣли особенной охоты дѣлиться съ русскими тѣми научными знаніями, которыя они получали на Западѣ, вовсе не думали дѣятельно насаждать въ Россіи просвѣщеніе... Правда, греки торжественно и краснорѣчиво заявляли въ Москвѣ о необходимости для русскихъ науки и образованія, совѣтовали имъ открыть у себя школы, но дальше краснорѣчивыхъ совѣтовъ и заявленій не пошли“...

Выбора такимъ образомъ не было,—и великій преобразователь круто повернулъ на Западъ...

Таковъ былъ характеръ эпохи,—важнѣйшія черты современной духовной жизни. Всѣмъ этимъ опредѣлялся и характеръ современной московской письменности, литературы.

II.

Постепенно сосредоточившаяся въ Москвѣ и потомъ, въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій, быстро здѣсь развивающаяся,—литература Московскаго Государства своимъ общимъ характеромъ и направленіемъ является прямымъ продолженіемъ предшествовавшей литературы Удѣльной Руси. Это по прежнему почти исключительно литература духовная, церковная, монастырская, —литература, сюжеты и вопросы которой исключительно, или почти исключительно, церковные, церковно-обрядовые... Господствующія литературныя формы—прежнія; передъ нами, какъ и раньше, главн. образ. посланія, „слова", житія святыхъ, сочиненія историческаго характера, многочисленные сборники и т. п. Писатели попрежнему почти исключительно представители церкви, монастыря, люди духовные, монахи. Памятники литературы, какъ и прежде, почти исключительно памятники собственно религіозной жизни общества, памятники возникавшихъ за это время различныхъ религіозныхъ или прямо церковныхъ вопросовъ. Собственно „литературы", литературы поэтической, свѣтской, почти не существуетъ—если мы не будемъ считать литературу переводную—или лишь зачатки...

Не смотря однако на это, сохраняя въ общемъ свой прежній характеръ, литература Московскаго Государства—уже не та́, какую мы видѣли раньше, въ Кіевѣ, Новгородѣ... Новый строй жизни возникшаго огромнаго государства, новыя отношенія, внѣшнія и внутреннія, новые факты и событія, находятъ себѣ нѣкоторое отраженіе и въ литературѣ,—раздвигаютъ ея старыя рамки, ставятъ ей болѣе широкія задачи. Вмѣстѣ съ политическимъ ростомъ Москвы, литература быстро увеличивается количественно, дѣлается болѣе сложной,—служа отраженіемъ и

несравненно болѣе сложной теперь духовной жизни Московскаго Государства.

Завершившаяся политическая централизація создаетъ цѣлый рядъ особыхъ, чрезвычайно своеобразныхъ письменныхъ произведеній сводпаго характера,—налагаетъ и вообще замѣтный отпечатокъ на литературныя произведенія времени. Съ конца XV—пол. XVI в. въ московской литературѣ мы видимъ то же „собираніе", какое къ этому времени только-что закончилось въ сферѣ политической. Литература подводитъ итоги; ея важнѣйшіе памятники этого времени главн. образомъ носятъ характеръ сводовъ,—сводовъ стараго, уже пережитаго, являются кодексами прежняго, смотрятъ чаще всего не впередъ, а назадъ...

Подведеніе итоговъ въ литературѣ отчасти служило отраженіемъ общаго, уже окончательно завершившагося въ Московскомъ Государствѣ, объединенія политическаго, отчасти было результатомъ стремленія изолировать свое умственное достояніе, накопившееся въ теченіе вѣковъ, отъ стороннихъ иноземныхъ вліяній, „опредѣлить кругозоръ тѣхъ умственныхъ вопросовъ и интересовъ, котораго не долженъ переступать благочестивый русскій человѣкъ",—и въ этомъ тношеніи стояли въ связи съ другой еще болѣе господствовавшей чертой литературы Московскаго Государства, проникающей бо́льшую часть ея явленій и фактовъ, полемикой, полемикой съ разными „новшествами" и конечно, прежде всего „новшествами" книжными, новыми западными вѣяніями и вліяніями въ области письменности, литературы... Цѣлый рядъ памятниковъ, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить, наглядно покажетъ намъ, какъ трудно было московскимъ защитникамъ старины спасти себя отъ этихъ вліяній...

Полемика дѣлается господствующимъ теченіемъ московской общественной жизни и литературы... Уже на самомъ рубежѣ, отдѣляющемъ московскую литературу отъ предшествовавшей литературы Удѣльной

Руси, вспыхиваетъ борьба съ еретическими мнѣніями „жидовствующихъ“; далѣе, во все продолженіе XVI в., идетъ борьба съ отдѣльными „еретиками“, съ различными „сумнѣніями“ и „шатаніями“, возникающими въ Московскомъ Государствѣ въ сферѣ умственной и религіозной, отчасти спеціально литературной,—съ начавшими проникать къ намъ различными западными „альманахами“, „звѣздозрительными художествами“, и т. п. книжными „прелестями“; въ самомъ началѣ XVII вѣка на московскихъ площадяхъ и по другимъ городамъ жгутъ всенародно „польскія“ и „литовскія“ книги, шедшія изъ юго-западной Руси,—по городамъ разсылаются грамоты, чтобы тѣхъ „еретическихъ“ книгъ никто не держалъ и чтобы онѣ отнюдь не заходили въ предѣлы Московкаго царства...; спустя нѣсколько лѣтъ, вспыхиваетъ ожесточенная полемика съ самими кіевлянами,—еще ранѣе этого наиболѣе типичной и рѣзкой является борьба съ расколомъ и самое появленіе раскола и т. д. и т. д.

Столкновеніе, возникшее на почвѣ полемики изъ-за „еретиковъ“, быстро переходитъ къ обсужденію болѣе общихъ вопросовъ современной монашеской и церковной жизни. Рамки полемики какъ-то само собой расширяются, и литература, въ видѣ различныхъ „словъ“ „бесѣдъ“, „посланій“, дѣлаетъ первыя попытки затронуть нѣкоторые вопросы чисто общественнаго характера... Рядомъ съ возникшимъ по поводу еретиковъ вопросомъ о религіозной терпимости,—заявляется общее критическое отношеніе къ господствующему типу монашества; изъ отвлеченной монашеско-аскетической сферы мысль переходитъ къ окружающей дѣйствительности; современное русское иночество, какъ оно проявлялось въ жизни, сопоставляется съ высшими, болѣе духовными, требованіями и идеалами: ставится вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ инокамъ владѣть вотчинами, согласно ли это съ идеалами истиннаго подвижничества; въ современномъ монашествѣ указывается цѣлый рядъ иноковъ,

„кружающихъ стяжаній ради“, „прошаковъ, безстудно у дверей стоящихъ“, „лже-монаховъ“, которыми „отягчаются вся грады и веси“... Отъ монастыря критическая мысль быстро поднимается и выше: затрогиваются вопросы о „властелѣхъ и судіяхъ“, даже о „царѣхъ“,—не слишкомъ ли они „потакаютъ“ нокамъ, даютъ имъ много вотчинъ, да и сами судятъ-ли и управляютъ „по правдѣ“, и какъ вообще „устрояютъ“ свое государство... Отъ аскетическихъ трактатовъ литература впервые переходитъ къ обсужденію вопросовъ болѣе близкой жизни... Передъ нами—первые зародыши литературныхъ протестовъ противъ общественныхъ „нестроеній“,—первые зачатки общественной критики, критическаго отношенія къ различнымъ явленіямъ современной церковности, къ характеру всей общественности...

Съ другой стороны, въ связи съ общимъ подъемомъ мысли и расширеніемъ литературы,—въ Москвѣ появляются первые опыты публицистики... Разумѣемъ сочиненія Котошихина († 1667) и Крижанича († кон. XVII в.), пытающіяся придать возникшему критическому броженію болѣе широкое направленіе и являющіяся нагляднымъ свидѣтельствомъ пробужденія въ московскомъ обществѣ пол. XVII в. болѣе серьезнаго общественнаго самосознанія. Имена Матвѣева, Ртищева, Ордина-Нащокина и др. показываютъ, что взгляды Котошихина и Крижанича не были единичными и случайными... Особенно важными являются сочиненія Крижанича, пытающіяся внести въ русское общественное самосознаніе широкое политическое содержаніе,—хотя мы не знаемъ, на сколько эти попытки достигали цѣли...

Особенно могущественно вліяютъ новыя политическія связи и отношенія—съ юго-западной Русью, Польшей и непосредственно съ Западомъ. Въ связи съ общими культурными вліяніями, шедшими съ Запада, въ XVI—XVII в. мы видимъ въ Московскомъ Государствѣ небывалый дотолѣ наплывъ

западной литературы. Усиленіе переводовъ съ Запада вообще существенная черта литературы Московскаго Государства. Литература переводная западно-европейская быстро пріобрѣтаетъ господствующее положеніе,—оттѣсняя старую, византійскую.

Подъ вліяніемъ шедшимъ изъ Польши въ московской литературѣ быстро развивается исторіографія,—переводная и оригинальная,—появляются переводныя космографіи, сочиненія астрологическія, календарныя и т. п.

Въ связи съ переводной повѣстью появляются слабые опыты оригинальной поэзіи, беллетристики; область литературы повѣствовательной вообще значительно увеличивается. Разъ пробужденная критическая мысль дѣлаетъ попытки обратиться къ сатирѣ, пародіи, насмѣшкѣ: въ литературѣ вырабатывается новая, совершенно оригинальная литературная форма—шутливыхъ „челобитныхъ", сатирическихъ „списковъ съ судныхъ дѣлъ", пародій на церковные „тропари" и „кондаки", и т. п. Обнаруживается стремленіе книжной литературы сблизиться непосредственно съ областью устнаго народнаго творчества, и т. д.

Непосредственное вліяніе юго-западной литературы и образованія на первыхъ же порахъ сказывается—помимо расширенія собственно литературы духовной, появленія новыхъ сочиненій богословскихъ, полемическихъ, новыхъ переводовъ патристическихъ, — возникновеніемъ въ Москвѣ литературы проповѣдной, первыми опытами литературы учебной и научной, появленіемъ въ Москвѣ первыхъ образчиковъ духовной драмы, развитіемъ вкуса къ силлабической поэзіи, бывшей дотолѣ еще неизвѣстной въ Москвѣ, опытами произведеній панегирическихъ, и т. д.

Болѣе замѣтнымъ центромъ литературной дѣятельности на первыхъ порахъ, въ XIV—XV вв., является Новгородъ; къ концу XV вѣка начинаетъ болѣе замѣтно обнаруживать свою умственную дѣятельность и Москва: вмѣстѣ

съ политической жизнью, и литература централизуется, „собирается" ок. Москвы. Въ концѣ XVI в.—перв. пол. XVII-го рядомъ съ Москвой—другимъ центромъ, на западѣ, возникаетъ Кіевъ; но со второй пол. XVII в., въ силу общаго своего политическаго роста, отчасти и совершившагося ок. этого времени присоединенія Малороссіи,—господствующимъ центромъ умственной и литературной жизни окончательно дѣлается Москва...

Такова общая картина; переходимъ къ подробностямъ. Мы не будемъ впрочемъ останавливаться на всѣхъ отмѣченныхъ сторонахъ московской литературы.

Совершившееся политическое объединеніе находитъ рано живое отраженіе въ литературѣ.

Начиная съ момента Флорентійской уніи и паденія Константинополя, передъ нами цѣлый рядъ написанныхъ по различнымъ поводамъ литературныхъ произведеній, которыя постепенно все настойчивѣе и ярче выражаютъ идею совершившагося политическаго роста Москвы, необыкновеннаго усиленія ея религіозной и политической роли,—въ основѣ которыхъ прославленіе новаго, возникшаго теперь, „твердаго и честнаго и крѣпкаго царства", „Руссійской земли", которая „божіею милостью и молитвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворецъ, растетъ, младѣетъ и возвышается"...

Литературные памятники этого рода на первыхъ порахъ группируются около двухъ названныхъ современныхъ событій, наиболѣе поразившихъ мысль московскихъ книжниковъ—Флорентійской уніи и паденія Константинополя. Въ *Повѣсти, како римскій папа Евгеній состави осмый соборъ съ своими единомышленники*, написанной суздальскимъ іереемъ Симеономъ, не безъ намѣренія уже отмѣчается, что митр. Иси-

дору, представителю Москов. Руси, на соборѣ и императоръ и папа и патріархи воздаютъ „велію честь“,—садятъ его на патріаршее мѣсто, такъ какъ „въ Руси великое православное христіанство“... Великій князь московскій, разрушившій замыселъ папы, уподобляется царю Константину, „сотворшему православіе“, и в. кн. Владимиру, „крестившему русскую землю“; московскій князь называется „русскія земли утвержденіемъ и православной вѣрѣ исправленіемъ“... „Радуйся, православный княже Василіе, всѣми вѣнцы украсивыйся православныя вѣры греческія—взываетъ къ нему авторъ повѣсти— и съ тобою радуются вси православніи князи русстіи!..“ Св. чудотворецъ Петръ, митрополитъ всея Руси, говоритъ въ заключеніе авторъ, обращаясь къ князю—„вразуми тя и научи положенный ти вѣнецъ на главѣ твоей истинныя православныя вѣры сохранити, поне и самому тому греческому царю, киръ Ивану, отступившу отъ свѣта благочестія и омрачившемуся тмою латинскія ереси,—твое же отечество, княже Василіе, Русская земля просвѣтися свѣтомъ благочестія“...

Въ *Словѣ избранномъ отъ св. писаній еже на латыню*, написанномъ по поводу избранія и поставленія м. Θеодосія (въ 1461 году) и, по догадкѣ проф. Павлова, принадлежащемъ перу извѣстнаго Пахомія Логоѳета,—вполнѣ уже опредѣляется политическая роль московскаго великаго князя и московскаго царства среди другихъ удѣльныхъ княжествъ. По замѣчанію изслѣдователя, въ „Словѣ“—„бросается въ глаза постоянное употребленіе титула царь, боговѣнчанный царь при имени вел. кн. Василья Васильевича“... „Авторъ заставляетъ самого греческаго царя Іоанна Палеолога признать за русскимъ великимъ княземъ несомнѣнное право на этотъ титулъ и торжественно заявить о томъ предъ восточными и западными іерархами, собравшимися на соборъ въ Феррару. И не зборовааше долго, разсказываетъ авторъ, ожидающе отъ великыя Руси ми-

трополита Исидора... Царь же тогда киръ Іоаннъ извѣствоваше слово Евгенію папѣ римьскому и всѣмъ, бывшимъ ту, яко восточніи земли суть рустіи, и бóльшее православіе и вышьшее христіанство—Бѣлые Руси, въ нихъ же есть государь великій, братъ мой, Василей Васильевичъ, ему же восточніи царіе прислухаютъ и велицiи князи съ землями служатъ ему. Но смиренія ради благочестіа и величествомъ разума благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскимъ своихъ земль православія"...

При разсказахъ о паденіи Константинополя, немедленно припомнились различныя старыя пророчества о судьбѣ Константинополя,—которыхъ издавна не мало обращалось въ византійской письменности, пріурочиваясь къ различнымъ историческимъ фактамъ. Въ нашей письменности между прочимъ были издавна извѣстны перешедшія изъ Византіи пророчества Меѳодія Патарскаго, нѣкоего Льва Премудраго и так. наз. *Видѣнія пророка Даніила.* Теперь эти пророчества какъ нельзя лучше подходили, по взгляду московскихъ книжниковъ, къ новымъ совершившимся событіямъ. Съ конца XV в. византійскія „пророчества" и „видѣнія" стали приспособляться къ Московскому Государству... Одна изъ многочисленныхъ повѣстей *о паденіи Царяграда* припоминаетъ въ концѣ разсказа старыя пророчества: „Такъ совершилось за грѣхи наши, заключаетъ авторъ свое повѣствованіе о совершившемся событіи: беззаконный Махметъ сѣлъ на царскомъ престолѣ—на престолѣ, который благороднѣе всѣхъ, какіе есть подъ солнцемъ—и сталъ владѣть двумя частями вселенной... Но помни, окаянный,—грозно обращается авторъ къ этому Махмету—если совершилось все предсказанное при царѣ Константинѣ, и Меѳодіемъ Патарскимъ и Львовъ Премудрымъ, если всѣ знаменія объ этомъ городѣ исполнились, то совершится и послѣднее, какъ

сказано: Русскій родъ сразится съ измаильтянами, и возьмутъ Седьмихолмный съ первозаконными его обладателями, и воцарятся въ немъ!"...

Въ повѣсти *О взятіи Царяграда отъ безбожнаго Турскаго царя Амурата, еже бысть въ лѣто 6961*—вполнѣ опредѣленно указывается та политическая роль, которая выпадаетъ Москвѣ, Руссійской землѣ, теперь, съ паденіемъ Царяграда, прежняго представителя и хранителя православія. „Вся благочестивая царствія, греческое и сербское, басанское и арнабазское и иніи мнози... божіимъ попущеніемъ безбожніи турци поплѣниша и въ запустѣніе положиша и покориша подъ свою власть. Наша же Россійская земля, божіею милостью и молитвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворецъ, растетъ и младѣетъ и возвышается. Ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и разширятися до скончанія вѣка..."

Въ составленномъ м. Зосимой (1490—1494) *Извѣщеніи о пасхаліи на осьмую тысячу лѣтъ*, помѣщенномъ въ солов. Кормчей 1493 года,—едва ли не впервые указывается непосредственная преемственность Москвы послѣ Царьграда,—высказывается мысль о замѣнѣ „новаго града Константина", Царьграда, „новымъ градомъ", „новымъ Римомъ"—Москвой: „И бысть, говоритъ составитель пасхаліи, по прехожденіи лѣтъ прослави Богъ православнаго перваго царя Константина...; и божіею волею сотвори градъ во имя свое и нарече и́ градъ Константинъ, еже есть Царьградъ, и наречеся Новый Римъ. И болма простреся православная вѣра Христова по всей земли. По сихъ же лѣтѣхъ избра себѣ Господь Богъ отъ идолопоклонникъ сосудъ чистъ, благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Владимира.., иже пріимъ отъ Константина града... православную вѣру Христову... и нареченъ бысть вторый Константинъ. И нынѣ же, въ послѣднія сія лѣта, якоже и первая, прослави Богъ сродника его, иже въ православіи просіявшаго, благовѣрнаго... князя

Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Констянтину—Москвѣ“...

Посланія нѣкоего Филофея, старца одного псковскаго монастыря, написанныя въ 20-хъ—50-хъ гг. XVI в., даютъ уже окончательную формулу сложившихся въ обществѣ новыхъ политическихъ взглядовъ и представленій. „Вся христіанскія царства—пишетъ псковскій старецъ къ боярину-намѣстнику—преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, то есть Россійское царство... Два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти“... „Да вѣсть твоя держава, благочестивый царю—пишетъ старецъ въ посланіи къ великому князю московскому—яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебесней христіаномъ царь“...

Возникаетъ рядъ сказаній о томъ, какъ величайшія святыни, бывшія ранѣе въ Римѣ или въ Константинополѣ,—теперь сами собой, „божьими судьбами“ переходятъ въ Москву... Этотъ переходъ долженъ былъ наглядно указывать современникамъ религіозную и политическую преемственность новаго возникшаго царства,—„третьяго Рима“, послѣ того какъ пали „первый“ Римъ и „второй“... По *легендѣ о посѣщеніи Руси ап. Андреемъ*—какъ эта легенда передается въ Степенной Книгѣ—уже этимъ апостоломъ предвозвѣщается на Руси будущее „священное чиноначаліе“ и „царское скифетроправленіе“... *Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ* разсказываетъ, какъ бѣлый клобукъ—нѣкогда принадлежавшій лишь римскимъ папамъ — когда послѣдніе впали „въ аполлинаріеву ересь, опрѣсночное служеніе“, былъ отправленъ однимъ изъ папъ, по повелѣнію ангела, въ Константинополь, а отсюда, по новому ангельскому указанію, на Русь, въ Новгородъ,—дабы „въ семъ градѣ (Константинополѣ), не завладѣли этой святыней (бѣлымъ клобукомъ) агарянстіи внуци и погани и не

поругались ей... „Якоже бо суть отъ Рима благодать и слава и честь православія отъяся,—поясняетъ авторъ повѣсти,—тако и отъ царствующаго сего града (Константинополя) благодать св. Духа отъимется въ плѣненіе агарянское, и вся святыня предана будетъ отъ Бога велицѣй Рустей земли во времена своя, и царя русскаго возвеличитъ Господь надъ многими языки“... Въ этихъ словахъ ясно обнаруживается основная идея повѣсти—возвеличеніе русской земли, Московской Руси, ея церковнаго авторитета. „Эмблема высшей церковной власти—бѣлый клобукъ—передвигается изъ Рима и Константинополя въ русскую землю“... Любопытно, что эта великая святыня сначала достается новгородскимъ митрополитамъ, и лишь потомъ, отъ нихъ, переходитъ въ Москву, къ митрополитамъ московскимъ. Повѣсть очевидно первоначальное происхожденіе получила въ Новгородѣ, возникла вѣроятно въ кон. XV—нач. XVI в., и въ своихъ первыхъ редакціяхъ принадлежала къ циклу мѣстныхъ новгородскихъ сказаній... Та же идея возвеличенія Русской земли, передъ Царьградомъ лежитъ въ основѣ *Сказаніе о Тихвинской иконѣ Богоматери*,—лѣтописнаго разсказа *О новгородской Спасовой иконѣ* и др. п.

Новый рядъ легендъ сосредоточивается ок. самой Москвы. Легенды съ особой религіозно-исторической точки зрѣнія санкціонируютъ въ глазахъ современниковъ совершившіяся политическія событія, въ то же время—тѣми выводами, которые могли дѣлаться, и дѣйствительно дѣлались изъ подобныхъ сказаній тогдашней политической практикой—заключая въ себѣ и немаловажное, чисто реальное значеніе.

Уже въ *Житіи м. Петра*, составленномъ м. Кипріаномъ († 1406) довольно опредѣленно указывается, въ формѣ пророчества, будущее политическое значеніе Москвы. „Градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и взыдутъ руцѣ его на плеща врагъ его“... Позднѣе эта мысль кладется въ основу цѣлыхъ ле-

гендъ. Въ центрѣ этого рода московскихъ сказаній можетъ быть поставленъ циклъ сказаній о Мономаховомъ вѣнцѣ.

„Въ казнѣ московскихъ государей уже со временъ Калиты были извѣстны особенно почитаемыя князьями облаченія: животворящій крестъ, златая шапка, бармы и др. Весьма возможно, что эти предметы въ разное время и по разнымъ случаямъ были присланы изъ Греціи или пріобрѣтены тамъ. Они-то и послужили исходнымъ пунктомъ сказанія о присылкѣ царственныхъ регалій изъ Греціи“... Сказаніе было прикрѣплено къ имени Владимира Мономаха, какъ къ лицу, болѣе всего подходящему,—народному герою, сыну греческой царевны, про котораго еще митр. Никифоръ писалъ, что „его Богъ издалеча проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы ѳсвяти и помазавъ. отъ царское и княжьское крови смѣсивъ, его же благочестіе воспита“ и т. д.

По выводамъ изслѣдователя, основной и наиболѣе ранней струей въ сложномъ циклѣ этого рода московскихъ сказаній должно быть признано особое народно-поэтическое сказаніе, о воинѣ кн. Владимира съ греками,—циркулировавшее на Руси приблизительно въ XV—XVI вв., родственное съ дошедшими до насъ былинами Владимирова цикла и представлявшее эпическое воспоминаніе о походѣ Владимира Св. на Корсунь. Древняя „былина“ о войнѣ Владимира съ греками не дошла до насъ въ ея первоначальномъ видѣ. Она извѣстна намъ по книжнымъ передѣлкамъ XV—XVI вѣковъ (разсказъ о воинѣ Владимира Всеволодовича съ греческимъ царемъ Константиномъ Мономахомъ; разсказъ о походѣ Владимира Мономаха на Кафу; извѣстіе о царскомъ вѣнчаніи Владимира святого послѣ взятіи Корсуни). Разница въ составѣ разсказовъ объясняется не одинаковыми историческими пріуроченіями одного и того же основного преданія. Разнообразные лѣтописные разсказы на подобныя темы были попыткой воспользоваться для историческаго повѣствованія на-

родно-поэтическимъ матеріаломъ. Въ этомъ случаѣ особенную роль съиграли изстари обращавшіяся въ нашей письменности византійскія легенды о томъ, какъ греческій царь Леонъ, „въ святомъ крещеніи Василій“, добылъ изъ Вавилона драгоцѣнности, принадлежавшія нѣкогда Новуходоносору... Въ свою очередь эти сказанія примыкали и въ Византіи—а оттуда и у насъ—къ болѣе широкому циклу сказаній о Вавилонѣ, отзвукомъ которыхъ у насъ между прочимъ была *Притча о Вавилонѣ градѣ*... Литературная исторія сблизила эти сказанія переводнаго происхожденія съ мѣстными, туземными повѣствованіями, книжными,—къ пол. XVI в. уже сильно циркулировавшими на Руси,—съ сказаніями объ исконныхъ генеалогическихъ связяхъ московскихъ великихъ князей съ императорами римскими и о перенесеніи на Русь, еще при Владимирѣ Мономахѣ, греческихъ царскихъ регалій... Въ длинномъ ряду этихъ книжныхъ повѣствованій, довольно различныхъ между собою, наиболѣе раннимъ текстомъ—если не первоначальнымъ, то ближайшимъ къ первоначальному—изслѣдователь признаетъ текстъ, представляемый такъ наз. *Сказаніемъ о великихъ князехъ владимірскихъ*. „Сказаніе“, по выводамъ изслѣдователя, должно быть поставлено въ основѣ всѣхъ остальныхъ книжныхъ сказаній этого цикла, всѣ они идутъ уже отъ него. Бо́льшею частью дословно „Сказаніе“ воспроизводится въ *Посланіи о Мономаховомъ вѣнцѣ* нѣкоего Спиридона-Саввы, современника в. кн. Василія Ивановича, написанномъ не позже 1523 года,—въ особомъ *родословіи великихъ князей русскихъ*, дошедшемъ до насъ въ пересказахъ, сходныхъ въ основѣ, но различныхъ по передачѣ или опущенію нѣкоторыхъ подробностей,—далѣе, въ разсказѣ о Мономаховыхъ утваряхъ, какъ отдѣльной статьѣ, встрѣчаемой въ нѣкоторыхъ спискахъ хронографа, различныхъ сборникахъ, а также читаемой на затворахъ царскаго мѣста въ Успенскомъ соборѣ (царское мѣсто устроено было въ 1551 году), и носящей заглавіе: *Поставленіе* (или *О постав-*

леніи) великихъ князей русскихъ на великое княженіе откуду бѣ, и како начаша ставитися святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ,—наконецъ, рядъ *краткихъ пересказовъ*, читаемыхъ въ Степенной Книгѣ и другихъ лѣтописныхъ сводахъ московской редакціи, въ Густынской лѣтописи, Синопсисѣ и т. д. Позднѣе отзвуки этихъ сказаній—мѣстныхъ книжныхъ и заносныхъ, переводныхъ—отразились и въ области устной народной поэзіи, доказательствомъ чего являются такія произведенія, какъ *самарская сказка о Бормѣ-ярыжкѣ* и т. п.

„Сказаніе о князехъ владимирскихъ“ и передѣлка его, посланіе Спиридона-Саввы, являются вообще чрезвычайно любопытными памятниками. Помимо своего непосредственнаго отношенія къ циклу московскихъ сказаній о царскихъ инсигніяхъ, „Сказаніе“ является весьма любопытнымъ въ другомъ отношеніи: своимъ происхожденіемъ оно указывало главный исходный источникъ у насъ тѣхъ генеалогическихъ баснословій, которыя съ пол. XVI вѣка начинаютъ особенно сильно циркулировать въ московской исторіографіи,—и какъ оффиціально признанныя заносятся и въ Степенную Книгу,—вмѣстѣ съ этимъ является и вообще однимъ изъ яркихъ памятниковъ той литературной струи, которая уже съ конца XIV в. является довольно замѣтной въ литературной жизни Московской Руси... Источникъ упомянутыхъ генеалогическихъ баснословій до послѣдняго времени искали въ польской исторіографіи XVI—XVII вв.; обслѣдованіемъ литературной исторіи названнаго „Сказанія“ проф. Ждановъ указалъ для этихъ фантастическихъ генеалогій другой источникъ—южное славянство, южно-славянское вліяніе, съ конца XIV в. дѣлающееся весьма ощутительнымъ въ московской письменности. Проф. Ждановъ ставитъ Сказаніе въ ближайшую связь съ начальной редакціей Степенной Книги. Изслѣдователь между прочимъ указываетъ на очевидную отрывочность Сказанія: оно не имѣетъ ни начала, ни конца. Памятникъ начинается словами: „Отъ исторіи Ханаановы

и предѣла Арфаксадова, перваго сына Ноева, рождьшагося по потопѣ; по отца своего Ноя благословенію раздѣлися вся вселенная на три части" и т. д. „Въ такомъ заглавіи бросается въ глаза отсутствіе вступительной замѣтки, отсутствіе „приступа", столь обычнаго въ произведеніяхъ нашихъ старинныхъ книжниковъ. Что касается окончанія Сказанія, то оно обрывается на замѣткѣ о папѣ Формозѣ; въ нѣкоторыхъ спискахъ эта замѣтка опущена. Такое вступленіе и заключеніе придаютъ Сказанію видъ какого-то фрагмента, видъ небольшой главы, входившей первоначально въ составъ какого-то болѣе обширнаго труда. Отрывочность Сказанія подтверждается и самымъ его заглавіемъ. Памятникъ называется: „Сказаніе о князехъ владимирскихъ", но о князьяхъ владимирскихъ въ немъ совсѣмъ не говорится"... Какой же видъ могъ имѣть этотъ первоначальный памятникъ, на основѣ котораго сложилось „Сказаніе о князехъ владимирскихъ" и его позднѣйшая переработка? ставитъ вопросъ изслѣдователь, и отвѣчаетъ: „Сказаніе" расположено по родословной схемѣ: Рюрикъ—отъ рода кесаря Августа; отъ Рюрика четвертое колѣно—Владимиръ Св., отъ него четвертое колѣно Владимиръ Всеволодовичъ. На разсказѣ о Владимирѣ Всеволодовичѣ Сказаніе обрывается. Не слѣдуетъ ли предположить, что родословіе продолжалось и далѣе?".. По мнѣнію изслѣдователя, едва ли „Сказаніе о князьяхъ владимирскихъ" не представляетъ собой отрывка того генеалогическаго труда, который приписывается (хотя бы ошибочно) м. Кипріану. „Схема, данная этимъ памятникомъ, могла лечь въ основу позднѣйшихъ генеалогическихъ работъ, причемъ позднѣйшій текстъ могъ подвергаться и сокращеніямъ и добавкамъ. На той же генеалогической схемѣ, осложненной сводомъ историческихъ извѣстій и сказаній, построена и Степенная Книга"...

Путемъ сопоставленій съ другими современными памятниками, изслѣдователь прочно установляетъ время появленія „Сказанія": конецъ XV и нач. XVI ст.,—не позже 1523 года;

Сказаніе явилось не позже 1523 года, потому что не позже этого года написано Посланіе Спиридона-Саввы, являющееся лишь слабой передѣлкой „Сказанія“. Съ другой стороны, „Сказаніе“ явилось очевидно и не раньше 1480 года,—когда было написано извѣстное посланіе на Угру рост. архіеп. Вассіана († 1481), который еще не знаетъ „Сказанія о князехъ владимирскихъ“, не упоминаетъ о немъ, хотя по содержанію посланія, не могъ бы не упомянуть о „Сказаніи“, если бы памятникъ существовалъ въ то время, когда было писано посланіе... Авторомъ Сказанія изслѣдователь склоненъ считать извѣстнаго сербскаго книжника Пахомія Логофета, такъ много трудившагося именно въ это время въ нашей письменности. По этому поводу изслѣдователь справедливо указываетъ—рядомъ съ извѣстной, чисто литературной—политическую сторону дѣятельности заходившихъ къ намъ въ это время болгаръ, сербовъ, и вообще южныхъ славянъ,—такихъ лицъ, какъ м. Кипріанъ († 1406), Пахомій Логофетъ († кон. XV в.), Аникита Левъ Филологъ и др. „Захожіе болгары и сербы, говоритъ изслѣдователь, являлись къ намъ съ запасомъ литературной образованности, они цѣнились какъ книжные люди, искусные въ плетеніи словесъ; но литературнымъ вліяніемъ не ограничивалось значеніе этихъ представителей юго-славянской учености. Митр. Кипріанъ былъ не литературнымъ только, но и государственнымъ дѣятелемъ. Ему приходилось считаться съ задачами и стремленіями московскаго правительства, съ вопросами, выдвигавшимися движеніемъ русской государственной жизни. Отвѣты, которые могъ давать на эти вопросы ученый болгаринъ, опредѣлялись, конечно, кругомъ тѣхъ политическихъ воззрѣній, которыя были въ ходу на его далекой родинѣ, которыя сложились подъ вліяніемъ исторіи балканскихъ государствъ“... Изслѣдователь ставитъ на видъ, что при м. Кипріанѣ у насъ между прочимъ отмѣнено было поминаніе византійскихъ императоровъ; что въ Кипріановомъ житіи

м. Петра впервые записано упоминавшееся выше пророчество о Москвѣ, „открывавшее передъ потомками Калиты величественную картину: „Градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ,—и взыдутъ руцѣ его на плеща врагъ его!“.. Вполнѣ опредѣленный политическій оттѣнокъ имѣли и сочиненія Пахомія Логофета. Изслѣдователь приводитъ отмѣченное нами выше „Слово избрано отъ св. писаній еже на латыни“, приписываемое Пахомію Логофету, гдѣ при имени в. кн. Василья Васильевича постоянными эпитетами являются слова „царь“, „боговѣнчанный царь“,—„титулъ, еще слишкомъ необычный для русскаго писателя“... Каковы же были задачи и стремленія московскаго правительства въ концѣ XV—нач. XVI в.? „Съ 1453 года—приводимъ въ отвѣтъ слова названнаго изслѣдователя—Цареградъ находился въ рукахъ турокъ. Не было уже „каѳолическаго царя“. Московскимъ князьямъ улыбалась мысль замѣстить своею властью оказавшійся пробѣлъ. Имъ не трудно было воспользоваться при этомъ тѣми внушеніями, которыя приходилось слышать отъ греческаго духовенства: „невозможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть“... Для московскихъ претендентовъ на византійское наслѣдство представлялось однако затрудненіе со стороны традиціоннаго смысла византійскаго царства: каѳолическій царь отожествлялся съ императоромъ римскимъ... Но вѣдь въ самый Цареградъ, этотъ новый Римъ, развѣ не перенесена была власть изъ другаго, древняго Рима? Римское царство обладаетъ, очевидно, способностью передвиженія. Поэтому и удаленное изъ Цареграда, оно, это передвижное „царство“, могло отыскать себѣ какой-нибудъ новый пріютъ. Гостепріимная Москва радушно предложила этотъ пріютъ въ своихъ стѣнахъ, во дворцѣ своихъ великихъ князей... Явилось представленіе, что Москва—третій Римъ, причемъ, конечно, предполагалось, что этотъ третій Римъ есть вмѣстѣ и послѣдній. „Два Рима пали, третій—Москва стоитъ а четвертому не быть“. Но вѣдь Константинъ, основатель

второго Рима, былъ дѣйствительно императоромъ; римская власть переселялась на берега Босфора въ его лицѣ. Какимъ путемъ и по какому праву римская власть, удаленная изъ Константинова града, должна переселиться въ Москву? Московскій князь не могъ быть провозглашенъ римскимъ императоромъ. Оставалось перенести вопросъ на почву генеалогическихъ отношеній и историческихъ связей, отыскать для перенесенія имперіи въ Москву какія-нибудь основанія въ быломъ. Нужно было предъявить права на наслѣдство и представить при этомъ оправдательные документы. *Сказаніе о князехъ владимирскихъ* имѣетъ значеніе именно такого документа. Мы узнаемъ изъ него, что предокъ московскихъ князей былъ коронованъ византійскимъ императорскимъ вѣнцемъ, принявъ при этомъ титулъ царя; узнаемъ за тѣмъ, что наши князья приходятся сродни самому основателю римской имперіи—Августу"... Въ XVI в., особенно въ царствованіе Грознаго, эта генеалогія считается уже внѣ сомнѣній, и смѣло заявляется при дипломатическихъ сношеніяхъ. „Мы отъ Августа кесаря родствомъ ведемся", пишетъ Грозный шведскому королю; „это всѣмъ извѣстно", заявляетъ онъ лично литовскому послу Гарабурдѣ...

Авторомъ „Сказанія", этимъ „смѣлымъ генеалогистомъ", по изысканіямъ изслѣдователя, нужно признать того же Пахомія Логофета, которому приписывается и упоминавшееся выше „Слово еже на латыню". „Тотъ кругъ свѣдѣній, который обнаруживаетъ авторъ Сказанія, его начитанность и литературная сноровка, его безцеремонное обращеніе съ фактами, тенденція, лежащая въ основѣ его произведенія,—все это вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что̀ извѣстно о знаменитомъ агіографѣ... „Сказаніе" могло представлять вступительную главу въ Степенной Книгѣ древней, до-Макарьевской редакціи... Не была ли трудомъ Пахомія и вся Степенная Книга древней редакціи?"—ставитъ вопросъ изслѣдователь.

Съ „Сказаніемъ о князехъ владимирскихъ“ представляетъ ближайшее, бо́льшею частью дословное сходство упомянутое выше *Посланіе* нѣкоего Спиридона-Саввы, современника в. кн. Василья Ивановича (1505—1533). Авторъ называетъ себя въ само́мъ началѣ посланія,—здѣсь же, изъ самаго начала посланія, обнаруживаются и нѣкоторыя другія подробности, относящіяся къ памятнику: авторъ былъ повидимому епископомъ, и жилъ въ какомъ-то монастырѣ; написано посланіе было по требованію того лица, къ которому послано; изъ послѣднихъ строкъ посланія обнаруживается, что оно писано не позже 1523 года... Авторъ называетъ себя „Спиридонъ рекомый, Савва глаголемый“, въ моментъ написанія посланія былъ „старостью одержимъ многою“, имѣя отъ роду лѣтъ „девятьдесятъ и едино“. Кто-то настойчиво просилъ Спиридона сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія „отъ историкіи“; какъ видно, авторъ посланія былъ человѣкъ извѣстный своими познаніями, своей начитанностью... По соображеніямъ изслѣдователя, этимъ авторомъ былъ Спиридонъ, одно время митрополитъ кіевскій (1476—1477), и потомъ жившій на покоѣ въ Ферапонтовомъ монастырѣ,—авторъ *Изложенія о православной вѣрѣ* и *Житія свв. Зосимы и Савватія*, который по отзыву современниковъ, бѣ... мудръ добрѣ, умѣя писанія ветхая и новая,—„столпъ церковный“, по отзыву новг. архіеп. Геннадія... По вполнѣ возможной догадкѣ изслѣдователя, двойное имя автора Посланія указываетъ вѣроятно на то, что Спиридонъ принялъ въ это время „схиму“, при чемъ постригаемый мѣняетъ имя... Общій ходъ изложенія въ Посланіи тотъ же, что и въ Сказаніи; здѣсь нѣтъ только той отрывочности,—Посланіе не производитъ впечатлѣніе фрагмента, какъ „Сказаніе“, напротивъ является цѣльнымъ, вполнѣ закругленнымъ произведеніемъ. Изложеніе именитаго родства и исторія регалій являются здѣсь тѣсно связанными; связь замѣтна и въ самомъ изложеніи. Основная идея Сказанія выступаетъ въ Посланіи совершенно опредѣленно. Авторъ

Посланія, пользуясь Сказаніемъ, дѣлаетъ попытку связать исторіи московскаго царства съ исторіей всемірной,—и вмѣстѣ провиденціально указать на великое предназначеніе Москвы... „Главный, центральный пунктъ въ разсказѣ о древнихъ властодержащихъ—свѣдѣнія о кесарѣ Августѣ. Юлій Кесарь отправилъ Августа въ Египетъ. Приходитъ вѣсть о смерти Юлія. Римскія дружины провозглашаютъ Августа императоромъ. Провозглашеніе сопровождается обрядомъ переодѣванія. Августъ одѣтъ былъ въ порфиру и виссонъ Сеостра, начальнаго царя Египта; голова покрыта была митрой индѣйскаго царя Пора, принесенной Александромъ Македонскимъ; на плечи накинута была окрайница царя Филикса. Этотъ пестрый костюмъ долженъ былъ служить символическимъ выраженіемъ всемірной власти римскаго кесаря: онъ—наслѣдникъ Сеостра, Филикса, Пора, Александра... Въ его лицѣ сходилось все величіе былаго, отъ него же разошлась власть и сила по отдѣльнымъ странамъ: ставленники Августа сѣли и въ Египтѣ, и въ Сиріи, и на берегахъ Истра, и тамъ, гдѣ обитаютъ Угры, и на побережьѣ Вислы рѣки. Исторія Московскаго Государства двойнымъ узломъ связана съ этимъ давнимъ величіемъ Римской Имперіи. Русскіе князья—питомки Пруса, брата Августа и его намѣстника. Въ рукахъ московскихъ князей—завѣтная святыня, инсигніи византійскихъ царей, властителей новаго Рима, преемниковъ Августовой власти. „А царству ихъ (московскихъ князей) начатокъ отъ Сеостра и отъ Августа, кесаря Римска, сей бо Августъ пооблада вселенною“... Такъ оканчивается посланіе Спиридона. Передъ мыслью писавшаго эти строки носился образъ всемірной монархіи. Въ шапкѣ Мономаха и въ крабійцѣ, изъ которой „Августъ кесарь веселяшеся“, ему видѣлся символическій залогъ будущаго необъятнаго величія Москвы. Являлись вызванныя изъ сумрака вѣковъ величавыя тѣни римскаго императора и загадочнаго египетскаго Фараона и открывали передъ московскими князьями

заманчивую даль, на горизонтѣ которой рисовалось блестящее марево всемірной власти"...

Быстро развивавшееся сознаніе политическаго могущества къ концу XV вѣка уже вполнѣ опредѣленно высказывается лучшими людьми времени,—еще до окончательнаго сверженія татарскаго ига. Съ этимъ игомъ теперь уже не въ силахъ примириться русское чувство... Рост. архіеп. Вассіанъ († 1481) въ своемъ *Посланіи на Угру*, къ великому князю московскому,—называя великаго князя „въ благочестіи всея вселенныя въ конци возсіявшимъ", „во царѣхъ пресвѣтлѣйшимъ, преславнымъ государемъ",—съ негодованіемъ отвергаетъ самую мысль о какомъ-либо дальнѣйшемъ подчиненіи московскаго царства хану. „Который убо пророкъ пророчествовалъ, или апостолъ который, или святитель научи, сему богостудному и скверному, самому называющуся царю, повиноваться тебѣ, великому русьскыхъ странъ хрестьянскому царю?"—восклицаетъ архіепископъ... Посягательства татарскаго хана на титулъ царя авторъ посланія считаетъ совершенно незаконными,—татарскій ханъ „ни царь сый, ни отъ рода царьска"... Другое дѣло православный царь!.. „Се твердое и честное и крѣпкое царство да дастъ ти Господь Богъ въ руцѣ твои, Богомъ утвержденный владыка, и сынамъ сыновъ твоихъ, въ родѣ и родъ во вѣки!"—заканчиваетъ архіепископъ свое посланіе.

Совершавшійся ростъ политическаго самосознанія чрезвычайно ярко выражался и въ характерѣ отношеній московскаго правительства къ разнаго рода иностраннымъ заискиваніямъ... Заискиванія эти главн. образ. шли изъ Рима. Тамъ никакъ не хотѣли отказаться отъ цѣлей флорентійской уніи, и всячески добивались ея признанія въ Москвѣ,—причемъ московское правительство хотѣли прельстить различными болѣе или менѣе заманчивыми политическими предложеніями,—полученіемъ напр. королевскаго титула, пріобрѣтеніемъ константи-

нопольскаго „наслѣдія“ и т. п. На Константинополь въ Римѣ прежде всего и указывали, какъ именно на такое „наслѣдіе“ для Москвы. Поводомъ былъ бракъ Іоанна III съ Софьею Палеологъ. Уже въ 1473 году синьорія Венеціи писала Іоанну III,—что восточная имперія, „за прекращеніемъ императорскаго рода въ мужскомъ колѣнѣ, должна принадлежать вашему высочеству, въ силу вашего благополучнѣйшаго брака“... Изъ Рима предлагали оказать помощь,—въ случаѣ, если московскій великій князь захочетъ „за свою вотчину константинопольскую стояти“... Предложенія королевскаго титула тоже начались довольно рано. Все это обѣщалось и предлагалось конечно, подъ условіемъ принятія уніи. Дѣлаемыя предложенія московское правительство „оставляло бо́льшею частью безъ отвѣта, а если въ исключительныхъ случаяхъ и отзывалось о нихъ, то въ совершенно отрицательномъ смыслѣ“,—а иногда, прибавимъ, едва ли въ отвѣтахъ не сквозила и явная иронія.. Такъ, на предложенія Поссевина быть государемъ въ Царствующемъ градѣ—Іоаннъ Грозный отвѣчалъ: „Мы, великій государь, божіею благодатію дошли есмя совершеннаго возрасту, пятьдесятъ лѣтъ съ лѣтомъ намъ, ино мнѣ неколи ужъ перемѣнятись и на большое государство хотѣти; мы въ будущемъ воспріятія малаго хотимъ, а здѣшняго государства всея вселенныя не хотимъ,—будетъ ко грѣху поползновенно“... Что касается королевскаго титула, то уже Іоаннъ III опредѣленно высказалъ взглядъ на это московскихъ князей: „Московскіе князья изначала государи на своей землѣ, и имѣютъ поставленіе отъ Бога, и желаютъ, чтобы имъ и ихъ дѣтямъ до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ на своей землѣ,—а поставленія, какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ“... Еще опредѣленнѣе сознаніе національной гордости высказалось въ Москвѣ въ 1587 г. послѣ смерти Стефана Баторія, по поводу переговоровъ о выборѣ царя Θеодора въ польско-литовскіе короли;

былъ возбужденъ вопросъ о титулѣ будущаго короля, и московскіе бояре твердо заявили, что титулъ долженъ быть такой: „Царь и великій князь владимирскій и московскій, король польскій и великій князь литовскій", никакой другой формулы допустить не хотѣли. „Хотя бы, заявляли бояре, и Римъ старый и Римъ новый, царствующій градъ Византія, начали прикладываться къ нашему государю,—то ка́къ ему можно свое государство Московское ниже какого нибудь другого государства поставить?".. „Въ глазахъ людей, говорившихъ такія рѣчи, справедливо замѣчаетъ изслѣдователь,—могли-ли имѣть какую-нибудь цѣну мечты о византійскомъ наслѣдствѣ, о каѳолической монархіи?".. Что касается согласія на унію,—то и тутъ на первыхъ же порахъ Москвой было заявлено вполнѣ опредѣленно: „Государь нашъ—велѣлъ уже Іоаннъ III отвѣтить папѣ—какъ напередъ того отъ прародителей своихъ законъ греческой держалъ крѣпко, такъ и нынѣ законъ свой греческой держитъ крѣпко, и впередъ законъ свой греческой хочетъ держать крѣпко"... Совсѣмъ иначе относилось московское правительство къ возможности получить санкцію на титулъ вселенскаго православнаго царя со стороны византійскаго Востока; это признаніе могло дѣйствительно въ глазахъ современниковъ имѣть силу какъ-бы свободной передачи Византіей своихъ политическихъ, нѣкогда принадлежавшихъ ей, правъ... И конечно, въ Москвѣ не безъ удовольствія въ 1561 году получили съ Востока соборную грамоту,—въ которой преподается и даруется московскому царю Ивану Васильевичу „быти и зватися ему царемъ законно и благочестно". Въ особой грамотѣ патріархъ называетъ московскаго князя „царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана"... Патріархъ прибавляетъ, что о имени московскаго государя будутъ молить не только въ одной константинопольской церкви, но и по всѣмъ

другимъ,—„да будешь и ты между царями, писалъ патріархъ, какъ равноапостольный и славный Константинъ“... Въ 1586 году антіохійскій патріархъ уже въ такихъ выраженіяхъ пишетъ московскому царю: „Солнце же наше въ нынѣшніе дни—ваша царская милость; и кто видитъ царское лицо, возрадуется и прославитъ Бога, давшаго тебя въ утвержденіе просвѣщенія восточной церкви Христовой, какъ солнце свѣтящее надъ всѣми звѣздами“... А цареградскій патріархъ почти одновременно заявляетъ о московскомъ царѣ, что онъ—во всей подсолнечной одинъ „благочестивый царь“... Политическія отношенія Москвы и Византіи опредѣлились, и возможное „наслѣдіе“, какое могла получить Москва отъ Византіи, было получено...

Наиболѣе типичными представителями литературы Московскаго Государства, ея сводного, компилятивнаго характера, являются разнаго рода сборники.

Изборники, или сборники, были вообще едва-ли не самымъ типичнымъ и во всякомъ случаѣ самымъ обширнымъ отдѣломъ нашей старой письменности... На древнерусскихъ сборникахъ особенно наглядно обнаруживались господствовавшія черты нашей старой письменности—помимо ея компилятивности, тѣсныя связи съ литературой южно-славянской и византійской, позднѣе—западно-европейской. Этотъ отдѣлъ нашей старой литературы еще недостаточно обслѣдованъ; но уже и теперь, на основаніи уже существующихъ изученій, обширный отдѣлъ древне-русскихъ сборниковъ можно раздѣлить на двѣ главныхъ основныхъ группы. Одну изъ этихъ группъ составляютъ сборники, которые своимъ содержаніемъ представляютъ извѣстные литературные типы, опредѣленную литературную физіономію,—составъ которыхъ былъ болѣе или менѣе строго опредѣленъ извѣстными границами. Извѣстный типъ сборника рѣзко отличался отъ другого, имѣлъ опредѣленный

литературный составъ, который располагался въ извѣстномъ, разъ выработанномъ, порядкѣ, имѣлъ опредѣленное назначеніе, свои опредѣленныя литературныя связи и генеалогію, вообще представлялъ собой болѣе или менѣе строго опредѣленное цѣлое, объединенное всей исторіей своего литературнаго прошлаго. Все это выражалось тѣмъ или другимъ техническимъ названіемъ,—усвоеннымъ за этимъ типомъ сборника. Отъ группы подобныхъ типическихъ сборниковъ рѣзко отличаются сборники другого рода,—сборники болѣе или менѣе случайнаго состава, весьма разнообразнаго и часто совершенно произвольнаго, обусловливавшагося чаще всего исключительно личнымъ вкусомъ и интересами составителя. Чуть не каждый изъ такихъ сборниковъ отличается отъ другихъ подборомъ статей, ихъ расположеніемъ, общимъ своимъ характеромъ; передъ нами статьи и цѣлыя сочиненія, или отрывки изъ нихъ, до безконечности разнообразныя, не связанныя никакою опредѣленною цѣлью или идеею, соединенныя въ одно цѣлое исключительно личнымъ вкусомъ составителя, его личными воззрѣніями, или иногда просто случайностью того литературнаго матеріала, который былъ у него подъ руками... Извѣстный опредѣленный литературный типъ здѣсь замѣняется характеромъ субъективно-компилятивнымъ. Сборники этой группы не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ названій или заглавій; это просто „сборники", „съборъ отъ многъ отецъ на память и на готовъ отвѣтъ", какъ сказано въ заглавіи одного изъ нихъ, собраніе всего того, что́ интересовало составителя, что́ казалось ему въ извѣстный моментъ особенно важнымъ, интереснымъ и практически полезнымъ („на готовъ отвѣтъ"...). Такихъ сборниковъ, конечно, гораздо больше, чѣмъ сборниковъ первой группы; въ общей массѣ дошедшихъ до насъ древнерусскихъ сборниковъ, столь многочисленныхъ въ каждой рукописной библіотекѣ, бо́льшая часть принадлежитъ къ этому второму виду... Не говоримъ о третьей группѣ, еще болѣе многочисленной, чѣмъ вторая,—о

тѣхъ „сборникахъ“ состоящихъ изъ разнородныхъ статей, принадлежащихъ различнымъ писцамъ, часто различнымъ литературнымъ эпохамъ и вѣкамъ, которые образовались вслѣдствіе случайнаго соединенія различныхъ произведеній въ одинъ переплетъ: такіе сборники, конечно, не могутъ быть разсматриваемы, какъ памятники особаго отдѣла литературной производительности древней Руси, не являются даже въ собственномъ смыслѣ „сборниками“, такъ какъ не обнаруживаютъ на себѣ даже руки компилятора,—а зависили исключительно отъ переплетчика...

„Сборники“, какъ литературная форма,—съ извѣстнымъ, разъ выработаннымъ характеромъ, или какъ результатъ личныхъ интересовъ „списателя“,—проходя черезъ всю нашу древнюю литературу, особенно дѣлаются преобладающими къ концу древняго періода, въ XVI—XVII вв., въ литературѣ Московскаго Государства,—долго удерживая свою позицію и позднѣе, въ литературѣ XVIII, даже XIX вв.... Разумѣемъ „литературу“, которая стояла особенно близко къ низшей читавшей массѣ, отвѣчала интересамъ читавшаго большинства; въ этомъ отношеніи разнаго рода „тетрадки“ и сборники—конечно, рукописные—и до сихъ поръ продолжаютъ представлять собой довольно замѣтную сторону простонародной литературы... Останавливаемся преимущественно на сборникахъ XVI—XVII вв., отчасти нач. XVIII.

Уже давно однимъ изъ нашихъ историковъ остроумно подмѣчена была черта позднѣйшихъ древнерусскихъ сборниковъ, довольно замѣтная, сравнительно съ болѣе ранними,—являющаяся типичной и для всего характера литературы Московскаго Государства. „Въ періодъ первоначальной русской церкви, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ архіеп. Филаретъ въ своей „Исторіи“,—писали изборники, т. е. избранныя, лучшія мѣста изъ древнихъ учителей; въ вѣкъ Стоглава забыли уже и словъ „изборникъ“; а писали только сборники, т. е. сборъ всего, чтó попадалось подъ руки,

вѣрнаго и ложнаго, полезнаго и пустаго, спасительнаго и вреднаго“... Эти слова чрезвычайнаго вѣрно отмѣчаютъ отличительную черту всей нашей литературы XVI—XVII вв.,— ея сводный, компилятивный характеръ.

Русскіе сборники XVI—XVII, нач. XVIII вв., своимъ быстро увеличивающимся составомъ, своимъ стремленіемъ къ компилятивности, какъ особой отличительной чертѣ, разнообразіемъ содержанія, тѣсной своей зависимостью отъ самыхъ различныхъ литературныхъ источниковъ,—наглядно свидѣтельствуютъ о чрезвычайно быстромъ развитіи около этого времени всей вообще нашей письменности, обогащеніи ея къ этому времени новыми, самыми разнообразными по характеру матеріалами, о томъ общемъ необыкновенно сильномъ умственномъ возбужденіи, которое переживала въ XVI—XVII вв. вся русская жизнь,—когда она увидѣла себя въ необходимости обратиться къ самымъ различнымъ умственнымъ источникамъ, впитать и переработать въ себѣ самые разнообразные литературные матеріалы... Русскіе сборники XVI—XVII, нач. XVIII вв. своимъ литературнымъ составомъ, тѣми матеріалами, которыми пользовались, какъ нельзя лучше отражаютъ на себѣ общій переходный характеръ современной литературы,—и то наслѣдіе, которое получила эта литература отъ прошлаго, и тѣ новыя иноземныя, преимущественно западныя, вліянія, которыя теперь съ особой настойчивостью проникали въ московскую жизнь и литературу. Сборники эти заключали въ себѣ такую массу совершенно новаго литературнаго матеріала, о какой наша старая, болѣе ранняя письменность не могла и мечтать! Быстро и широко раздвигая слишкомъ узкое дотолѣ міровоззрѣніе древне-русскаго читателя, разнообразя и обогащая его духовную пищу, эти сборники не только могущественно увеличивали массу читателей, пробуждали и усиливали любовь къ чтенію,—но вмѣстѣ съ этимъ давали въ значительной степени импульсъ и для развитія собственнаго, оригинальнаго литературнаго творчества. Одни изъ такихъ

сборниковъ тѣснѣе связаны съ прежней, более ранней литературой, стоятъ ближе къ ней,—другіе более примыкаютъ къ новымъ теченіямъ...

Наиболѣе типичными сборниками московской литературы XVI—XVII вв.,—помимо такихъ памятниковъ, какъ *Домострой*, *Четь-Минеи* м. Макарія, являются *Степенная Книга*, различные московскіе *лѣтописные своды*, рядъ редакцій *Хронографа*, *Азбуковника*, *Синодики*, различные *Лѣчебники*, или *Травники*, разнаго рода *Цвѣтники*, и т. п. Останавливаемся на нѣкоторыхъ изъ названныхъ памятниковъ.

Начало *Степенной Книги*, какъ лѣтописнаго свода, на основаніи словъ Татищева, обыкновенно приписывалось митр. Кипріану († 1406); недавно проф. Ждановымъ высказано было, по нашему мнѣнію, болѣе справедливое мнѣніе, что едва ли первоначальная, наиболѣе ранняя ея редакція не принадлежала перу Пахомія Логофета. Въ ближайшую связь съ первоначальной редакціей Степенной Книги проф. Ждановъ ставитъ изложенное выше „Сказаніе о князехъ владимирскихъ“. По мнѣнію изслѣдователя, едва-ли „Сказаніе“ не представляетъ отрывка того генеалогическаго труда, который приписывается Татищевымъ м. Кипріану; схема, данная Сказаніемъ, могла лечь въ основу позднѣйшихъ генеалогическихъ работъ, — между прочимъ и въ основу Степенной Книги. Во всякомъ случаѣ Степенная Книга, по своему возникновенію, была однимъ изъ ближайшихъ результатовъ литературныхъ вліяній въ московской Руси южнаго славянства,—въ связи съ ростомъ въ Московскомъ Государствѣ тѣхъ политическихъ взглядовъ и представленій, которые уже довольно опредѣленно сложились у насъ къ концу XV в., подъ вліяніемъ самыхъ историческихъ событій того времени, внѣшнихъ и внутреннихъ. Соотвѣтственно совершившемуся, или готовящему совершиться, политическому объединенію Московскаго Государства, — Степенная Книга впервые дѣлаетъ попытку слить во едино ста-

рыя мѣстныя лѣтописи и замѣнить ихъ перечнемъ „степеней“ московскихъ великихъ князей. Дошедшая редакція Степенной Книги, по соображеніямъ изслѣдователей, была выработана не ранѣе половины XVI вѣка, въ послѣдніе годы жизни Макарія († 1564), и послѣ составленныхъ имъ Четь-Миней. Во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ памятниковъ изслѣдователи подмѣчаютъ не лишенную интереса черту: житія заносились не въ одной и той же редакціи въ Четь-Минеи и въ Степенную Книгу; и самъ Макарій и книжники его времени „дѣлали различіе межлу „житіемъ“ для Четь-Миней и исторической біографіей, какая требовалась для историческаго сборника. Въ Минеи заносилось житіе, облеченное въ реторику похвальнаго слова, для Степенной нужно было жизнеописаніе менѣе витіеватое, но болѣе обильное біографическими подробностями“... На Степенной Книгѣ вполнѣ сказываются окончательно выработавшіяся къ этому времени идеи о Москвѣ, какъ „третьемъ Римѣ“. Возникновеніе христіанства на Руси Степенная Книга возводитъ непосредственно къ ап. Андрею,—и так. образ. какъ-бы выражаетъ этимъ ту же мысль, которую потомъ позднѣе высказываетъ грекамъ Арсеній Сухановъ: „Вскую вы собою хвалитеся, говорилъ грекамъ старецъ,—что мы отъ васъ крещеніе пріяли? Мы крещеніе пріяли отъ апостола Андрея“... Разсказывая извѣстную легенду о посѣщеніи русской земли ап. Андреемъ, Степенная Книга замѣчаетъ, что „божественный ап. Андрей первіе благословивый землю нашу Русскую“,—что крестъ, поставленный имъ на горахъ днѣпровскихъ „прообразоваше въ Рустѣй земли священное чиноначаліе“, а жезлъ, водруженный имъ въ Новгородѣ „прообрази на Руси самодержавное царское скифетроправленіе“... О Владимирѣ Мономахѣ разсказывается, что Богъ „свыше славою и честію вѣнча его и царскимъ именованіемъ паче всѣхъ царствующихъ прослави“,—и далѣе излагается вышеупомянутая легенда о регаліяхъ, какъ „ради своего му-

жества“, Владимиръ Мономахъ „греческаго царя Константина Мономаха діадиму и вѣнецъ и крестъ животворящаго древа пріемъ, и парамниду царскую и крабійцу сердоличную, изъ нея же веселяшеся иногда Августъ кесарь римскій, и чепь златую аравицкаго злата, и иныя многія царскія почести въ дарѣхъ пріятъ мужества ради своего и благочестія,—и не просто рещи таковому дарованію, прибавляетъ повѣствованіе, не отъ человѣкъ, но божіимъ судьбамъ неизреченнымъ претворяще и преводяще славу греческаго царства на россійскаго царя“... Перенесеніе „славы греческаго царства на россійскаго царя“ вовсе не было чѣмъ-либо случайнымъ,—греческій царь отдавалъ лишь должное кіевскому князю: послѣдній самъ по своему роду былъ не ниже греческаго царя,—какъ потомокъ римскаго кесаря... „Рюрикъ—излагаетъ Степенная Книга на самыхъ первыхъ же страницахъ исконную родословную русскихъ князей—бѣ отъ племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется; Прусъ же братъ бысть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа“... Мы говорили выше объ этой генеалогіи, къ пол. XVI в. считавшейся внѣ всякихъ сомнѣній. Въ 1556 г. русскіе послы, въ Литвѣ, въ спорахъ о титулѣ царя, смѣло выставляютъ происхожденіе Рюрика отъ Августа Кесаря... Мы видѣли, какъ выводилась эта генеалогія въ Сказаніи о князехъ владимирскихъ и въ Посланіи Спиридона-Саввы; тѣ же соображенія излагаются и въ Степенной: „Обладатель всей вселенной“, Августъ передъ смертью „нача рядъ покладати на вселенную братьи и сродникамъ своимъ“, и при раздѣлѣ выдѣлилъ брату Прусу землю на берегахъ Вислы,—отчего „и до сего года по имени его зовется прусская земля“...,—„а отъ Пруса четверонадесять колѣно Рюрикъ“, котораго, какъ „суща отъ роду римьска царя Августа“, и призвали новгородцы къ себѣ, по совѣту Гостомысла...

На почвѣ и политическаго и литературнаго объединенія окончательно стоятъ болѣе поздніе лѣтописные своды—такъ наз. *Воскресенская Лѣтопись*, *Никоновская*, *Софійскій Временникъ*, *Вторая Софійская Лѣтопись* и др. Въ сферѣ исторіографіи эти своды представляли то же самое, что Четь-Минеи Макарія представляли въ области общаго духовнаго чтенія, Домострой въ сферѣ понятій бытовыхъ, домашнихъ, Азбуковникъ въ сферѣ научныхъ, и т. д. По своему составу и литературному содержанію, московскіе лѣтописные своды XVI—XVII вв. неотдѣлимо связываютъ современную имъ литературу, литературный матеріалъ чтенія, съ предшедствовавшей, болѣе ранней нашей литературой XIII, XIV—XV вв., въ то же время отражая на себѣ тѣ новыя иноземныя литературныя пріобрѣтенія, которыхъ уже такъ много накопилось у насъ къ концу XVI—нач. XVII вв. Въ лѣтописныхъ московскихъ сводахъ передъ нами вся русская историческая литература,—и ранняя, съ XIII—XIV в., и болѣе поздняя. Разбросанный и разнообразный историческій матеріалъ теперь объединяется; въ огромномъ лѣтописномъ сводѣ—помимо собственно „лѣтописей“—безслѣдно исчезаютъ, тонутъ многочисленныя мѣстныя историческія повѣсти, сказанія, возникавшія по различнымъ мѣстностямъ удѣльной Руси, какъ результатъ особныхъ, областныхъ жизней... „Москва“ все замѣтнѣе и властнѣе становится въ сводахъ на первомъ планѣ изложенія, и рука московскаго „бытописателя“ самымъ рѣшительнымъ образомъ подводитъ итогъ накопившемуся историческому матеріалу..

Мы не имѣемъ собственно московскихъ лѣтописей; передъ нами лишь московскіе лѣтописные своды. Какъ сама Москва „является объединительницею всей Руси, такъ и ея лѣтописные своды заключаютъ въ себѣ лѣтописи всей Руси. Начинаясь „Повѣстью временныхъ лѣтъ“, они послѣдовательно содержатъ въ себѣ лѣтописи Южной, Ростовско-Суздальской и Новгородской земель, а затѣмъ и

остальныхъ частей обширнаго Русскаго Государства. Включивъ въ свои границы территорію княжествъ, Москва вмѣстѣ съ тѣмъ включила въ свои лѣтописные своды и ихъ исторію“...

Воскресенская Лѣтопись—пожертвованная патр. Никономъ основанному имъ Воскресенскому Новоіерусалимскому монастырю—по богатству матеріаловъ и полнотѣ извѣстій, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду московскихъ лѣтописныхъ сводовъ. Особенно близокъ этотъ сводъ по своему содержанію и характеру къ „Никоновской Лѣтописи“. Изъ прежнихъ мѣстныхъ, областныхъ лѣтописей главнымъ источникомъ свода являются новгородскія лѣтописи; изъ новгородскихъ лѣтописей составитель свода на первыхъ порахъ беретъ даже извѣстія, относящіяся непосредственно къ Москвѣ. Собственно московскихъ извѣстій въ сводѣ вообще въ началѣ нѣтъ, или встрѣчаются лишь изрѣдка. Заимствованія изъ новгородскихъ лѣтописей идутъ въ сводѣ почти до половины XV в. Свѣдѣнія заимствуются обыкновенно буквально или вообще очень близко,—хотя есть слѣды и измѣненій текста, пропусковъ, вставокъ и т. п.; какъ увидимъ сейчасъ, иногда измѣненія дѣлаются и тенденціозно. Съ полов. XIV в. новгородскій источникъ начинаетъ уступать свое мѣсто другимъ: въ сводѣ начинаютъ встрѣчаться извѣсія изъ мѣстныхъ лѣтописей суздальскихъ, преимущественно изъ такъ наз. „Нижегородскаго Лѣтописца“, къ которымъ вскорѣ присоединяются извѣстія, заимствуемыя изъ лѣтописей ростовскихъ, тверскихъ, смоленскихъ, псковскихъ, рязанскихъ. Собственно московскія лѣтописи,—лѣтописныя извѣстія, запись которыхъ можно считать сдѣланной въ Москвѣ,—начинаются въ сводѣ сравнительно очень поздно: лишь со второй четверти XIV стол. „Какъ только какое-либо княжество, замѣчаетъ по этому новоду изслѣдователь, выдвигалось впередъ, усиливалось въ политическомъ отношеніи, такъ тотчасъ же въ немъ начиналась лѣтописная дѣятельность; такъ было въ Новгородѣ, такъ

было въ Твери, такъ было въ Ростовско-Суздальской области,—также было и въ Москвѣ... Начало московскихъ лѣтописныхъ записей совпадаетъ съ началомъ политическаго возвышенія Москвы"... Первыя извѣстія въ Воскресенскомъ сводѣ, съ явными признаками записи въ Москвѣ, начинаются съ 1326 года. Записи эти уже съ самаго начала являются съ характеромъ чисто оффиціальнымъ. Черта эта, вообще господствующая въ собственно московскихъ извѣстіяхъ,—является отличительной и для самыхъ сводовъ, составляющихся въ Москвѣ... Московскія извѣстія, по своему содержанію, чаще всего—или церковныя или касаются частной, домашней жизни князя; записей изъ политической жизни почти нѣтъ. Какъ было уже замѣчено, свѣдѣнія о московскихъ событіяхъ на первыхъ порахъ заимствуются со стороны,—изъ лѣтописей новгородскихъ и др. Вообще, какъ въ началѣ, такъ и потомъ, московскія извѣстія имѣютъ характеръ исключительно оффиціальный,—пользуются сухими, чисто оффиціальными источниками, иногда состоятъ даже въ простомъ, мѣстами не совсѣмъ даже умѣломъ, пересказѣ чисто оффиціальныхъ документовъ.

Въ смыслѣ историческаго источника, *Никоновская Лѣтопись* является наиболѣе полнымъ и обстоятельнымъ московскимъ лѣтописнымъ сводомъ. Источниками служатъ преимущественно лѣтописи тверскія и новгородскія, затѣмъ отдѣльныя извѣстія изъ лѣтописей псковскихъ, смоленскихъ, ростовскихъ, рязанскихъ, и наконецъ московскихъ. Извѣстія, приводимыя изъ тверскихъ лѣтописей, иногда особенно драгоцѣнны, такъ какъ не встрѣчаются въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ, кромѣ того, отчасти восполняютъ пропуски въ дошедшей до насъ так. наз. *Тверской лѣтописи*. Собственно московскія извѣстія начинаются въ сводѣ съ 1320 года, и чаще всего тѣ же самыя, что и въ Воскресенской Лѣтописи; иногда впрочемъ встрѣчаются извѣстія, которыхъ нѣтъ въ другихъ сводахъ. Собственно лѣтописныя извѣстія носятъ характеръ

крайне оффиціальный,—кратки и однообразны. „Это по большей части перечень посольскихъ пересылокъ и переговоровъ съ разными государствами, оффиціальныя донесенія о военныхъ дѣлахъ, о размѣщеніи воеводъ и т. п. Всѣ эти извѣстія производятъ при чтеніи такое впечатленіе, какъ будто-бы имѣешь дѣло съ какимъ-либо реестромъ, въ которомъ занесены входящія и исходящія дѣловыя бумаги: число, мѣсяцъ, краткое содержаніе бумаги, и больше ничего; однажды писца поразила необычайная форма титула въ грамотѣ турецкаго султана, и этотъ необыкновенный титулъ, написанный къ тому же золотомъ, писецъ нашелъ нужнымъ выписать“...

Въ ряду московскихъ лѣтописныхъ сводовъ чрезвычайно любопытной и своеобразной является так. наз. *Вторая Софійская Лѣтопись*. Послѣ Воскресенскаго и Никоновскаго, сводъ этотъ, по отзыву изслѣдователя, имѣетъ самое большое значеніе—„по полнотѣ извѣстій и по оригинальности освѣщенія нѣкоторыхъ событій“. Въ бытовомъ отношеніи, говоритъ изслѣдователь, лѣтопись эта „даетъ гораздо больше, чѣмъ Воскресенскій сводъ, часто вводя насъ въ интимныя отношенія между тѣми или другими лицами, указывая нерѣдко на причину того или другого явленія. Замѣчательна она и по составу, такъ какъ въ нее вошли не только оффиціальные документы, но и записи, составленныя въ лагерѣ, враждебномъ правительству; въ ней мы нерѣдко слышимъ отголоски партіи, недовольной развивающимся и усиливающимся въ Москвѣ государственнымъ строемъ“... Относительно извѣстій собственно лѣтописныхъ, источниками были для свода тѣ же, что и для Воскресенскаго.

Софійская Вторая Лѣтопись особенно любопытна потому, что—какъ упомянуто выше—своими нѣкоторыми страницами показываетъ, что наряду съ оффиціальною лѣтописью въ Москвѣ существовала и лѣтопись неоффиціальная, „частная“, „слѣды которой“ сохранились въ разсматриваемомъ сводѣ, рядомъ съ извѣстіями оффиціальными. „Въ эту част-

ную лѣтопись записывались извѣстія съ прибавленіемъ слуховъ, циркулировавшихъ по поводу того или другого случая, съ прибавленіемъ объясненій того или другого обстоятельства, съ выраженіемъ симпатіи или антипатіи къ тому или другому лицу"... Отрывки такой частной лѣтописи изслѣдователи усматриваютъ во Второмъ Софійскомъ сводѣ за княженія Василія II, Іоанна III и Василія III. „Эта лѣтопись рисуетъ намъ не одну только показную сторону жизни московской Руси, но и закулисную; безъ этой лѣтописи мы не имѣли-бы вѣрнаго представленія о нѣкоторыхъ сторонахъ жизни въ древней Руси"...

Касательно взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ лѣтописныхъ московскихъ сводовъ, позднѣйшій изслѣдователь замѣчаетъ: „Всѣ своды имѣютъ между собою то общее, что въ первый періодъ существованія московскаго княжества, т. е. въ XIV вѣкѣ и въ перв. половинѣ XV, они въ значительной степени пополняются выписками изъ лѣтописей другихъ земель и преимущественно изъ лѣтописей новгородскихъ, которыми всѣ своды пользуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Затѣмъ физіономія сводовъ нѣсколько измѣняется вслѣдствіе прилива другихъ ингредіентовъ въ ихъ составъ, и при томъ одни своды болѣе, а другіе менѣе пользуются сторонними источниками"... Съ княженія Іоанна III всѣ своды начинаютъ пополняться выдержками изъ оффиціальныхъ московскихъ источниковъ; только съ этого времени зависимость составителей отъ одного общаго источника выступаетъ наружу все яснѣе и яснѣе, при чемъ составители всѣхъ сводовъ придерживаются этого общаго источника буквально, сравнительно рѣдко позволяя себѣ измѣнять его или сокращать, такъ что со времени Іоанна III составъ всѣхъ московскихъ сводовъ—одинъ и тотъ же, и всѣ они, какъ близнецы, похожи другъ на друга безъ существенныхъ отличій. Впрочемъ, общій московскій источникъ замѣ-

тенъ у составителей московскихъ сводовъ нетолько за болѣе поздній періодъ, но и за самый ранній,—большинство московскихъ событій во всѣхъ сводахъ описывается одинаково... Одинъ общій источникъ лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ лѣтописныхъ сводовъ“.

Являясь объединеніемъ мѣстныхъ, областныхъ лѣтописей, московскіе лѣтописные своды, какъ уже замѣчено выше, были въ значительной степени объединеніемъ и всей исторической, а отчасти и вообще читавшейся, бывшей въ обращеніи литературы, — многочисленныхъ отдѣльныхъ „повѣстей“, „сказаній“, „житій“, поученій, посланій и др. пп. литературныхъ произведеній, возникавшихъ по областямъ, или бывшихъ вообще доступными составителю свода. Въ Воскресенскомъ сводѣ напр. передъ нами цѣлый архивъ подобныхъ отдѣльныхъ памятниковъ современной литературы — исторической, житійной, легендарной, памятниковъ чисто оффиціальныхъ и т. д. Перечисляемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ помѣщенія въ сводѣ: *Посланіе нов. архіеп. Василья* къ тверскому еп. Ѳеодору о земномъ раѣ,—*Рукописаніе Магнуса, короля свейскаго*,—оба взяты изъ новгородскихъ источниковъ,—*Житіе м. Алексѣя*,—*Повѣсть о Митяѣ*,—*Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*,—*Сказаніе о нападеніи Тохтамыша на Москву*,—*Сказаніе о житіи и преставленіи в. кн. Димитрія Ивановича*: редакція послѣдняго нѣсколько другая, сравнительно съ помѣщенной въ „Никон. Лѣтописи“: въ обѣихъ есть добавленія сравнительно съ другой и пропуски,—послѣднее указываетъ что „составители обоихъ сводовъ имѣли общій источникъ, но каждый бралъ изъ него то, что̀ нравилось“...,—*О нападеніи Темиръ-Аксака*, сравнительно съ повѣстью, помѣщенной въ Софійскомъ сводѣ (2-мъ), другой редакціи, хотя обѣ зависятъ, повидимому, отъ одного болѣе ранняго сказанія,—*Сказаніе о битвѣ Витовта съ Темиръ-Кутлуемъ*,—*Повѣсть о смерти кн. Михаила Александровича Тверскаго*,—прощальная *Грамота м. Кипріана*, заключающая между прочимъ въ себѣ

косвенныя указанія, что сводъ составленъ былъ еще до учрежденія въ Россіи патріаршества (1589),—*Сказаніе о нападеніи Эдигея на Москву,* написанное современникомъ-очевидцемъ, отрывокъ изъ *посланія м. Фотія* къ псковичамъ о Григоріи Цамвлакѣ,—*Повѣсть о поѣздкѣ митр. Исидора* на *Флорентійскій соборъ,* съ двумя включенными въ нее оффиціальными посланіями, и представляющая сокращеніе извѣстнаго *Слова еже на латыню и сказанія о составленіи осмого собора латыньскаго и о изверженіи Сидора прелестнаго,* которое принадлежало нѣкоему іеромонаху Симеону, бывшему на соборѣ вмѣстѣ съ суздальскимъ еп. Аврааміемъ,—*Повѣсть о взятіи Царяграда турками,* написанная современникомъ и очевидцемъ событія, нѣкіимъ Несторомъ-Искандеромъ, бывшая у насъ чрезвычайно популярной, дошедшая во множествѣ списковъ,—*Посланіе ростовск. архіеп. Вассіана къ вел. кн. на Угру,*—*Соборныя опредѣленія противъ новгородскихъ еретиковъ,*—*Чинъ поставленія князя Димитрія Ивановича,* дошедшій до насъ въ отдѣльныхъ спискахъ XVI в.,—*Сказаніе о чудѣ, совершенномъ св. Александромъ Невскимъ и о явленіи его на воздухѣ,* сооообщаемое со словъ очевидцевъ,—отрывки изъ *Чина поставленія митрополитовъ,* читаемаго въ „Ник. Лѣтописи“ въ болѣе полномъ видѣ,—подробное сказаніе *о походѣ князя Іоанна Васильевича на Новгородъ* въ 1471—1472 гг., изложенное по оффиціальнымъ источникамъ, составленное москвичемъ, въ духѣ московскаго правительства,—дальнѣйшій разсказъ *о второмъ походѣ Іоанна на Новгородъ,*—подробный разсказъ *о походѣ на Угру,* особенно любопытный потому, что въ немъ, при всемъ его оффиціальномъ характерѣ изложенія, нельзя не видѣть слѣдовъ вліянія другого разсказа о томъ же событіи, читаемаго въ одномъ изъ софійскихъ сводовъ (2-мъ), и написаннаго въ духѣ враждебномъ московскому князю,—наконецъ, нѣкоторыя другія извѣстія, являющіяся повидимому также отдѣльными повѣстями и сказаніями.

Въ Никоновскій сводъ также внесено множество отдѣльныхъ произведеній древнерусской литературы, въ отрывкахъ или въ цѣломъ видѣ. Помимо бóльшей части изъ тѣхъ, которыя читаются и въ Воскресенской лѣтописи,—здѣсь вставлены: отрывки изъ *Житія м. Петра*,—*Повѣсть о убіеніи тверск. кн. Михаила Александровича*,—отрывки изъ *Хронографа*,—*Духовная грамота Магнуса, короля свѣйскаго*,—*Описаніе путешествія въ Царьградъ м. Пимена*,—*Повѣсть умильна зѣло*, особый отрывокъ изъ Хронографа о нападеніи кипрскаго князя на Александрію и египетскаго султана на Антіохію и Іерусалимъ,—*Житіе пр. Сергія*, написанное Епифаніемъ,—отрывки изъ *Хронографа* о сербскомъ и греческомъ государствахъ,—*Сказаніе о преставленіи Арсенія, епископа тверскаго*,—*Житіе м. Фотія*, разбитое по годамъ,—*Повѣсть о знаменіи на Колочѣ*,—*Поученіе новг. архіеп. Симеона къ псковичамъ*,—*Повѣсть о покореніи Казани*, составленная на основаніи оффиціальныхъ источниковъ и съ привнесеніемъ сюда нѣсколькихъ другихъ отдѣльныхъ литературныхъ произведеній, относящихся къ событію,—посланій, рѣчей и т. п.

Изъ отдѣльныхъ литературныхъ произведеній во Второй Софійскій сводъ вошли: отрывки изъ *Житія пр. Сергія Родонежскаго* и изъ *Житія его ученика пр. Никона*, составленныхъ Пахоміемъ Логофетомъ, — *духовная митр. Фотія*,—отрывки изъ *Житія пр. Варлаама Хутынскаго*,—*Сказаніе о трусѣ*, Родіона Кожуха, митрополичья дьяка, очевидца событія, человѣка повидимому начитаннаго,—*Сказаніе объ обрѣтеніи мощей кн. Феодора Ярославскаго съ сыновьями Константиномъ и Давидомъ*,—*Сказаніе о походѣ на Новгородъ въ 1441 году*, „составленное съ московской точки зрѣнія: новгородцы называются „вѣчниками“, „крамольниками“, „отступниками“ и „измѣнниками“, укоряются въ измѣнѣ православію, такъ какъ хотѣли предаться „окаянному ляху и латынину кралю“, а также митрополиту Григорью, „такому же латынину“ и т. д.,—*Повѣсть о созданіи церкви во имя св. Богородицы*, разбитая по годамъ, и нѣкр. др.

Что касается до тенденціозныхъ московскихъ взглядовъ, то они хотя иногда проглядываютъ въ московскихъ лѣтописныхъ сводахъ, но вообще довольно слабо. Составители сводовъ своими источниками обыкновенно пользуются дословно,—лишь изрѣдка позволяя себѣ дѣлать какіе-либо пропуски, сокращенія или вставки. Иногда въ этихъ прибавкахъ и пропускахъ проглядываютъ признаки нѣкоторой тенденціи; разсказывая напр. о присылахъ новгородцевъ къ московскому князю съ предложеніями мира, авторъ свода иногда передаетъ это, прибавляя: „біюще челомъ за своя вины и за грубости и за неустроенія своя",—чего совсѣмъ нѣтъ въ томъ источникѣ, которымъ пользуется, и т. п. Такія прибавки конечно, дѣлались не безъ умысла. Но вообще въ составителяхъ московскихъ сводовъ чаще всего замѣчается не столько тенденція, сколько простое невниманіе, или даже непониманіе, новгородскихъ отношеній къ князьямъ, непониманіе новгородскихъ общественныхъ обычаевъ, формы ихъ правленія и т. п. „Встрѣчая напр. извѣстія о рядахъ (договорахъ), о новгородской волѣ, московскій переписчикъ просто не могъ понять эти выраженія и старался выразить ихъ сообразно со взглядами, существовавшими въ Московскомъ Государствѣ; зная Новгородъ за составную часть Московскаго Государства и встрѣтивъ выраженіе о докончаніи мира, онъ старался передѣлать его въ смыслѣ просьбы мира съ челобитьемъ; ему чужды были понятія о новгородской волѣ; новгородская воля была для него синонимомъ своеволія и ослушанія; поэтому выраженіе вродѣ: „великій Новгородъ того не похотѣлъ"—превращается у него въ слова: „Новгородци же того не послушаша"; воспитанный въ идеяхъ московскаго самодержавія и единодержавія, пережившій, можетъ быть, страшныя времена опричины, московскій переписчикъ не могъ понимать и новгородской иниціативы; поэтому, тамъ, гдѣ въ новгородской лѣтописи говорится о Великомъ Новгородѣ, подъ перомъ москвича является дѣйствующимъ лицомъ одинъ только князь"...

Но вообще рука москвича въ сводахъ очевидна. Въ Воскресенскомъ сводѣ напр. ясно выражается противоположность Москвы съ другими городами и москвичей съ жителями другихъ областей, какъ въ отдѣльныхъ повѣстяхъ и сказаніяхъ, такъ и въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ всѣ симпатіи направлены къ великому князю московскому,—напротивъ, враги московскаго князя называются злодѣями, „волками" и т. п. Иногда составитель свода просто выпускаетъ извѣстія, набрасывающія неблагопріятный свѣтъ на москвичей или великаго князя; такъ въ разсказѣ о распрѣ в. кн. Іоанна III съ братьями выброшено все начало, объясняющее причину неудовольствія братьевъ на великаго князя и выставляющаго послѣдняго не совсѣмъ въ приглядномъ видѣ,—разсказъ, переданный безъ этого начала, рисуетъ братьевъ измѣнниками, представляетъ ихъ виноватыми; точно также опущенъ поступокъ Іоанна III съ докторомъ Жидовиномъ, такъ какъ онъ рисуетъ вел. князя жестокимъ человѣкомъ, и т. п. На основаніи этого, заключаетъ изслѣдователь, слѣдуетъ признать московскіе своды, особенно Воскресенскій и Никоновскій, оффиціальными. Оффиціальными слѣдуетъ признать ихъ не только по господствующей тенденціи, но и потому, что начиная со второй половины XV вѣка, они представляютъ изъ себя сборники оффиціальныхъ извѣстій".

Лѣтопись началась въ древней Руси, повидимому, безъ прямого участія княжеской власти. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, она была собственно дѣломъ города. „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская Земля стала есть",—эти слова, стоящія въ заглавіи нашей начальной древнѣйшей лѣтописи, по справедливому замѣчанію Забѣлина, какъ нельзя лучше указываютъ основную задачу предпринятаго труда, среду, въ которой онъ возникъ, вопросы, отвѣтить на которые ставилъ своей цѣлью нашъ древнѣйшій лѣтописецъ, весь характеръ нашей начальной

лѣтописи. Заглавныя слова лѣтописи лучше всего обнаруживаютъ „ея, такъ сказать, гражданское, иначе мірское, или общественное происхожденіе“. Наша начальная кіевская лѣтопись, замѣчаетъ авторитетный историкъ, была вызвана не „единичною и притомъ монашески-уединенною литературною мыслью“, а напротивъ послужила „отвѣтомъ на требованія мысли общественной“, была трудомъ, который вызывался сознаніемъ самого общества, нашедшаго въ лѣтописцѣ лишь достойнаго своего представителя и выразителя. „Самое содержаніе первой лѣтописи въ цѣломъ своемъ составѣ и въ подробностяхъ свидѣльствуетъ, что она писалась меньше всего для монастыря и больше всего для общества, для интересовъ и потребностей міра, по преимуществу дружиннаго, городского.. Монастырское созерцаніе, продолжаетъ историкъ, если бы оно оставалось уединеннымъ отшельникомъ, и не явилось въ настоящемъ случаѣ достойнымъ орудіемъ общественныхъ стремленій, совсѣмъ иначе опредѣлило-бы задачу лѣтописнаго труда, и во главѣ его выставило-бы неизмѣнно вопросы по преимуществу характера церковнаго. Восходя къ началу русскихъ лѣтъ, оно ближе и прямѣе всего могло начать свой Временникъ отъ начала Христовой вѣры на Руси, и не другую, а эту самую мысль выразило-бы и въ заглавіи лѣтописи. Между тѣмъ его взглядъ обширнѣе; оно только мимоходомъ замѣчаетъ, что напр. еще при Игорѣ въ Кіевѣ было много варяговъ-христіанъ, и все свое вниманіе устремляетъ на изображеніе событій и дѣлъ по преимуществу мірскихъ, политическихъ, даже такихъ, о которыхъ и говорить слѣдовало съ монашескою застѣнчивостью. Для какой надобности черноризецъ вноситъ въ лѣтопись цѣликомъ договоры съ Греціею Олега и Игоря? Какою мыслью онъ руководится въ этомъ случаѣ? Не внесены-ли они съ тою цѣлью, съ какою въ новгородскую лѣтопись внесена „Русская (Кіевская) Правда“ Ярослава, а въ суздальскую лѣтопись „Духовная“ Владимира Мономаха? Эти два послѣдніе памятника въ то-

время носили въ себѣ интересъ и смыслъ не одной достопримѣчательности, достопамятности, но служили одинъ, какъ поученье, другой, какъ законъ,—дѣйствующими, живущими стихіями народной жизни. Быть можетъ, и договоры Олега и Игоря внесены въ лѣтопись, какъ дѣйствующіе и живущіе порядки отношеній къ далекому Царьграду. Во всякомъ случаѣ, ихъ помѣщеніе на страницы лѣтописи сдѣлано было не иначе, какъ въ интересѣ той среды, для которой указанныя отношенія были очень важны и дороги... Перомъ лѣтописца водитъ больше всего смыслъ княжескаго дружинника или самого князя, чѣмъ мысль благочестиваго инока"... Въ виду этого изслѣдователь справедливо думаетъ, что древнерусская лѣтопись была дѣломъ собственно города; мысль о лѣтописаніи „была возбуждена не въ монастырѣ, а въ городѣ, и оттуда получала постоянную поддержку, подкрѣпленіе и всѣ надобные матеріалы",—и по монастырямъ должна была по необходимости находить для себя лишь фактическое выполненіе, лишь фактически, внѣшнимъ образомъ, быть дѣломъ монастырскимъ. „тамъ жили люди больше и лучше другихъ разумѣвшіе книжное дѣло, люди ничѣмъ другимъ незанятые"... Монастырь съ внѣшней стороны представлялъ лишь наиболѣе удобное мѣсто для лѣтописанія: монастырь стоялъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ іерархіи, къ дѣламъ политическимъ, а равно и къ жизни народной; здѣсь по преимуществу были люди книжные, которые владѣли искусствомъ писанія и могли пользоваться для лѣтописи появлявшимся независимо отъ нея книжнымъ матеріаломъ, который лѣтописцами нерѣдко цѣликомъ включался въ ихъ труды... Лѣтопись однако не осталась и не могла остаться въ монастырскихъ стѣнахъ: она была любопытнымъ чтеніемъ для тѣхъ, кого интересовала старина, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ единственная историческая запись, она должна была служить и для самой власти важнымъ источникомъ воспоминаній и справокъ. Уже въ древней лѣтописи встрѣ-

чается свидѣтельство объ этомъ рано начавшемся оффиціальномъ значеніи лѣтописи. Въ 1289 году кн. Мстиславъ Даниловичъ, подчинивши себѣ возмутившихся жителей Бреста, наложилъ на нихъ новую дань и написалъ въ грамотѣ, внесенной въ лѣтопись подъ этимъ годомъ: „Се азъ князь Мстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на берестьяны и въ вѣкы, за ихъ кормолу... А вопсалъ есмь въ лѣтописѣць коромолу ихъ"... Позднѣе, въ 1409 году, московскій лѣтописецъ приводя *Посланіе ордынскаго князя Едигея къ моск. в. кн. Василью Дмитріевичу*,—посланіе не лестное для послѣдняго,—дѣлаетъ такую оговорку: инымъ, быть можетъ, не понравится, что лѣтописецъ внесъ въ свой разсказъ „несладостная намъ и неуласканная", но онъ сдѣлалъ это не досаждая и не поношая никому, а по старому примѣру,—„яко же обрѣтаемъ начальнаго лѣтописца кіевскаго, иже вся временна бытства земская необинуяся показуетъ, но и первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образы явлени будутъ,—яко же при Владимерѣ Мономахѣ оного великаго Сильвестра Выдобыжскаго (Выдубицкаго) не украшая пишущаго, да аще хощеши прочти тамо прилежно"... Приведенныя свидѣтельства даютъ изслѣдователямъ основаніе предполагать, что древнѣйшая лѣтопись велась въ извѣстной степени по указаніямъ князей... Въ 1432 г., когда Юрій Дмитріевичъ „сперся" съ велик. кн. московскимъ Василіемъ Васильевичемъ о великомъ княженіи и пошли судиться въ орду, то—по словамъ Никоновской Лѣтописи—Василій искалъ стола по отечеству и по дѣденству, князь же Юрій Дмитріевичъ, дядя его, лѣтописцы и старыми списки, и духовною отца своего в. к. Дмитрія... Въ послѣднемъ спорѣ великаго князя московскаго съ Новгородомъ видимъ также ссылки на лѣтопись: по мнѣнію московскаго лѣтописца, мужи новгородскіе забыли „великую старину", какъ Новгородъ издревле былъ „отчиной" великаго

князя, отъ в. к. Владимира до Ивана Васильевича, „всея русскія земли отчича и дѣдича“,—„еже чтется по написанному лѣтописцу бытійскыхъ книгъ“, прибавляетъ московскій историографъ... По извѣстію одной лѣтописи, Іоаннъ III посылалъ въ Новгородъ спеціалиста, дьяка Брадатаго, доказывать лѣтописцами неправду новгородцевъ, и т. д. Въ *описи царскаго архива* временъ Грознаго (1575—1584 г.), гдѣ перечисляется множество государственныхъ документовъ, дипломатическихъ и по дѣламъ внутреннимъ, есть между прочимъ любопытныя, хотя нѣсколько темныя, указанія, имѣющія отношеніе къ лѣтописи. Въ числѣ дѣловыхъ бумагъ упомянутъ „обыскъ князя Андрея Ивановича Телятевскаго, въ Юрьевѣ Ливонскомъ, про Алексѣеву смерть Адашева, и списки черные (черновые), писалъ память, что писати въ лѣтописецъ лѣтъ новыхъ, которые у Алексѣя взяты“; и далѣе,— „ящикъ.., а въ немъ списки, что писати въ лѣтописецъ, лѣта новые прибраны отъ лѣта 7068 до лѣта 7074 и до 76“ (отъ 1560 до 1568 г.). Очевидно, не безъ основанія заключаютъ изслѣдователи, лѣтопись за эти времена составлялась въ ближайшей обстановкѣ царя, или по указаніямъ, выходившимъ изъ этой среды...

Это употребленіе лѣтописи, какъ историческаго доказательства, вполнѣ отвѣчало позднѣйшему ея складу въ Москвѣ. Здѣсь она уже окончательно получаетъ оффиціальныя свойства. Таковъ ея основной характеръ. Въ московскихъ лѣтописныхъ сводахъ,—какъ это отчасти видно и изъ предшествовавшаго изложенія,—мы постоянно встрѣчаемся съ такими чертами, которыя могли явиться только изъ оффиціальныхъ источниковъ, сообщеній и указаній. Идетъ война — лѣтописецъ подробно перечисляетъ военачальниковъ, по именамъ и отечествамъ, указываетъ число отрядовъ и т. п.; принимается посольство— лѣтописецъ поименно знаетъ пословъ, передаетъ ихъ рѣчи, содержаніе бумагъ; происходитъ вѣнчаніе на царство—

лѣтописцу извѣстны подробности обряда, кто чтó сказалъ, куда сѣлъ и т. п. Во множествѣ дѣлъ, менѣе крупныхъ, онъ также сообщаетъ свѣдѣнія, которыя можно имѣть только изъ первыхъ источниковъ.

Оффиціальный характеръ, преобладаніе оффиціальныхъ источниковъ—вообще господствующая, отличительная черта московскихъ лѣтописныхъ сводовъ. Сухость, оффиціальность сообщаемыхъ извѣстій не измѣняется и въ томъ случаѣ, если они исходятъ отъ очевидцевъ событій, принадлежатъ современникамъ-очевидцамъ. Оффиціальными источниками московскихъ сводовъ являются: разряды, статейные списки, разныя грамоты и отписки, краткія оффиціально-лѣтописныя замѣтки и т. п.

Самый тонъ разсказа дѣлается или необыкновенно краткимъ, чисто оффиціальнымъ, сближаясь съ оффиціальной записью „разрядныхъ книгъ"—или наоборотъ столь же оффиціально витіеватымъ, приподнятымъ... Приподнятый, высокопарный тонъ дѣлается какъ бы обязательнымъ относительно дѣяній придержащей власти. *Исторія княженія царя Θеодора Ивановича,* приписываемая патр. Іову, такъ напр. начинаетъ свое повѣствованіе: „Небеси убо величества и высота недостижна и неописуема, земли жъ широта и долгота неосяжима и неизслѣдима, морю жъ глубина неизмѣрима и неиспытуема, святыхъ же и крестоносныхъ преславнѣйшихъ государей россійскихъ царей и великихъ князей многая добродѣтелемъ исправленія неизчетна и недоумѣваема. Аще убо кто будетъ и отъ сильныхъ въ разсуженіи и глубокоразумнаго россійскаго языка, аще и граматичными художествы и риторскою силою преукрашени будетъ довольне и о благочестивыхъ сихъ самодержавнѣйшихъ царей добродѣтелемъ величества по достоинству исповѣдати не могутъ",—хотя авторъ все же надѣется исполнить свою задачу... Предметъ указывается такъ: „Бысть убо глаголю во время, како убо бысть и въ которое время, егда убо благочестивая и христіанская православная вѣра въ велицѣй Россіи паче солнца сіяющи

и своя свѣтозарная луча во всю вселенную испущающе, якожъ глаголетъ пророкъ, отъ моря и до моря, и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя слава ея простирашеся, и благочестивыхъ и крестоносныхъ христіанскихъ царей русскія державы скипетродержавство велелѣпне цвѣтуще, и благородный царскій корень многими лѣты непремѣннѣ влечашеся отъ великаго Августа кесаря римскаго, обладающаго всею вселенною, якоже исторія повѣдаетъ, и до самаго сего святаго царствія богохранимыя державы великаго россійскаго государства благовѣрнаго и христолюбиваго царя и в. к. Ѳедора Ивановича всея Россіи"... Или вотъ отрывокъ изъ того же вступленія о царствованіи предшественника Ѳеодора, Ивана Грознаго: „Той же убо благочестивый царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи бѣ разумомъ и мудростью украшенъ, и въ храборскихъ побѣдахъ изряденъ, и къ бранному ополченію зѣло искусенъ, и во всѣхъ царскихъ направленіяхъ достохваленъ явися, великія изрядныя побѣды показа, и многія подвиги по благочестіи совершивъ, царскимъ своимъ бодроопаснымъ правленіемъ и многою премудростью не токмо всѣхъ сущихъ богохранимыя державы своея въ страхъ и въ трепетъ вложи, но вся окрестныя страны невѣрныхъ языкъ, слышаще царское имя его, съ великою боязнью трепетаху"... Ѳедору Ивановичу историкъ дѣлаетъ обильныя восхваленія: онъ — древнимъ благочестивымъ царямъ равнославенъ, нынѣшнимъ—красота и свѣтлость, будущимъ—сладчайшая повѣсть и благое наслажденіе духа,—пречестнѣйшій не только въ россійской богохранимой державѣ, но и во всей подсолнечной,—отъ своей царской юности исполненъ духовной мудрости, и не помышляя о многоцѣнныхъ и красныхъ житейскихъ вещахъ, ищетъ только вѣчныхъ благъ, и т. д. и т. д.

Въ массѣ дошедшихъ славяно-русскихъ списковъ *Хронографа* различаютъ главн. образ. три редакціи. **Первая** редакція (дошед іе списки—XVI и XVII вв.), повидимому, составлена въ самомъ концѣ XV—перв. годахъ XVI в.

(ок. 1512 г.). Главные источники ея—византійскіе и южнославянскіе. Составитель пользуется хрониками І. Малалы, Геор. Амартола, Манассіи, Зонары, патр. Никифора, многими изъ произведеній болгарской и сербской литературъ, наконецъ,—русскими лѣтописями. Редакція заключаетъ въ себѣ болѣе 200 главъ (208) и доводитъ обозрѣніе историческихъ событій до взятія Цареграда турками (1463). Вторая редакція (дошедшіе списки—XVII и XVIII вв.) составлена, повидимому, столѣтіемъ позже (именно к. 1617 года). Главное ея отличіе отъ первой—пользованіе нѣкоторыми источниками западно-европейскими. Кромѣ источниковъ византійскихъ, южно-славянскихъ и русскихъ, составитель второй редакціи пользуется латино-польскиими хрониками—Мартина Бѣльскаго († 1575), Конрада Ликостена († 1561). Изложеніе русскихъ событій доходитъ до воцаренія Михаила Ѳеодоровича. Нѣсколько позднѣе второй, ок. 1620—1646 гг., составлена была третья редакція хронографа (дошедшіе списки—XVII и XVIII вв., трехъ разрядовъ). Вся русская часть изложенія здѣсь передѣлана съизнова, по новымъ источникамъ. Изложеніе послѣдняго полустолѣтія русской исторіи, отъ начала царствованія Грознаго до воцаренія Михаила Ѳеодоровича, отличается бóльшей подробностью; источниками служатъ нѣкоторыя изъ повѣстей смутнаго времени, *Сказаніе* Аврамія Палицына, *Сказаніе о самозванцахъ* и др. Эти три редакціи впрочемъ—лишь болѣе или менѣе приблизительныя. Кромѣ трехъ главныхъ типовъ, дошедшіе рукописные хронографы представляютъ цѣлый рядъ такихъ списковъ, которые не могутъ быть подведены ни подъ одинъ изъ намѣченныхъ типовъ; изслѣдователь вынужденъ выдѣлить ихъ въ особую, четвертую, группу — въ отдѣлъ хронографовъ особаго состава (дошедшіе списки—XVII и XVIII в.; по бóльшей части каждый изъ этого рода хронографовъ, какъ неполучившій обращенія среди читателей, дошелъ лишь въ одномъ спискѣ своего составителя)...

Чтобы имѣть болѣе наглядное представленіе о составѣ и содержаніи этого рода памятниковъ, дѣлаемъ подробное обозрѣніе такъ наз. „Еллинскаго и римскаго лѣтописца“—сборника, предшествовавшаго собственно „Хронографамъ русской редакціи“—и такъ наз. „первой редакціи“ русскихъ Хронографовъ.

Заглавіе (дѣлаемъ обозрѣніе „Лѣтописца“ по сп. XVI в. Моск. Синод. б-ки, № 280; см. Попова, Обзоръ хронографовъ русской редакціи. I, М., 1866, стр. 3—72): *Лѣтописецъ еллинскій и римскы*; сія книгы списаны не изъ единѣхъ книгъ, но отъ различенъ истинныхъ великихъ...

Статья Епифанія Кипрскаго, *О шести дняхъ творенія* (л. 1—6).

За Епифаніемъ начинается рядъ выписокъ изъ Малалы, съ небольшими вставками изъ другихъ источнковъ (объ Адамѣ и о прочихъ яже по немъ, о потопѣ, объ Аврамѣ и т. п., до Моисея: л. 6—16).

За послѣднимъ отрывкомъ изъ Малалы слѣдуетъ, безъ особаго заглавія, апокрифическая статья изъ *Толковой Палеи* о смерти Моисея (л. 16—17).

Краткій перечень судей израильскихъ,—до Ровоама (л. 18—19).

Далѣе начинаются цѣльныя выписки изъ *III кн. Царствъ*, съ XII гл. до конца книги (л. 19—35).

Приводится сполна *IV кн. Царствъ* (л. 36—67).

Непосредственно за IV-ю кн. Царствъ слѣдуетъ неизвѣстно откуда заимствованная вставка—*хронологическій перечень Болгарскихъ князей*, съ древнѣйшихъ временъ до Умара.

За вставкою о болгарскихъ князьяхъ слѣдуетъ статья Амартола о Новходоносорѣ (л. 69—70).

Далѣе разсказъ Малалы о Валтасарѣ,—до Нектанава (л. 70—81).

Затѣмъ—*Александрія* (л. 84—152).

За Александріею непосредственно слѣдуютъ извлеченія изъ

Малалы о пріемникахъ Александра,—до Нерона (изъ Малалы, слова VIII, IX и X: л. 153—171).

Обширная выписка изъ Амартола, о св. апостолѣ Петрѣ и Симонѣ волхвѣ (л 171—179).

Дальнѣйшій разсказъ о періодѣ съ имп. Галбы до Юліана Отступника,—почти сплошное заимствованіе также изъ Амартола (л. 179—238).

Попеременныя заимствованія то изъ Малалы, то изъ Амартола, излагающія дальнѣйшій ходъ исторіи,—до казни Туракса (л. 238—288); здѣсь, на этомъ извѣстіи о казни Туракса, прерывается Малала въ Еллинскомъ лѣтописцѣ,—кончается и самый Лѣтописецъ; непосредственно за окончаніемъ названнаго текста читается киноварная замѣтка: „скончася Еллинскый Гранографъ". Дальнѣйшій разсказъ ведется изъ Амартола, который кончается смертью имп. Романа (988 г.). Это—первая редакція „Еллинскаго и римскаго лѣтописца"; вторая отличается отъ первой главн. образомъ во второй половинѣ,—начиная съ Александріи (см. Попова, ib., стр. 72—95).

Переходимъ къ обозрѣнію так. наз. первой редакціи русскихъ Хронографовъ (см. Попова, ib., стр. 95—215, по сп. XVI в.).

Заглавіе: *Главы книги глаголемыя Хронографъ, еже есть Лѣтописецъ* (ниже—болѣе подробное заглавіе).

Тексту самаго Хронографа предшествуетъ *предисловіе*. Далѣе,—три вводныя статьи.

Самый Хронографъ начинается главой *о шести дняхъ творенія*; разсказъ главн. образ. заимствованъ изъ Манассіи.

Глава 2: о раи и о рѣкахъ и моряхъ; главн. образ.—изъ Манассіи.

Глава 3: о вселеніи Адама прямо рая,—изъ Манассіи.

Глава 4: о Сиѳѣ и о грамотахъ,—изъ Манассіи, съ распространеніемъ по Амартолу.

Глава 5: о потопѣ; разсказъ *Библіи*, съ вставкой изъ Манассіи.

Глава 6: о столпотвореніи,—изъ отрывковъ Манассіи и изъ Амартола.

Глава 7—66: разсказъ дальнѣйшихъ событій,—сокращеніе изъ *Библіи*.

Глава 67: о разрушеніи царства Ассирійскаго,—изъ Манасіи.

Глава 68-я: о Сарданапалѣ,—изъ Манассіи.

Главы 69—81: сокращеніе текста *Библіи*.

Главы 82—87: сокращеніе изъ *Библіи*, съ небольшими вставками.

Глава 88: о Лидійскомъ царствѣ,—изъ Манассіи.

Глава 89: о Кирѣ,—изъ Малалы.

Глава 90: о Даріи,—изъ Малалы.

Глава 91: Царство Дарія Истапсова (sic),—изъ Зонары.

Глава 92: о Ксерксѣ,—изъ Зонары.

Глава 93: о созданіи града Іерусалима,—изъ Амартола, со вставкой о изъ Іос. Флавія.

Главы 94—95: изложеніе персидской исторіи, по Амартолу съ отрывками изъ Малалы.

Главы 96—104: сокращеніе *Александріи*.

Глава 104: Начало царства Греческаго,—разсказъ изъ Меѳодія Патарскаго.

Глава 105: Царство Антіохово,—изъ Малалы.

Глава 106: *Повѣсть о созданіи тройскомъ*. Повѣсть эта составляетъ неотъемлемую принадлежность Хронографа 1-й редакціи; во второй редакціи ея мѣсто занимаетъ *Троянская исторія* Гвидона де Колумны.

Глава 108—109: первоначальная исторія Рима,—изъ Манассіи.

Глава 110: объ Августѣ Кесарѣ,—изъ Малалы, съ отрывкомъ изъ Манассіи. Съ главы объ Августѣ Хронографъ переходитъ къ новозавѣтнымъ событіямъ, при чемъ пользуется разнообразными источниками.

Глава 111: Царство Тиверіево. Начинается отрывкомъ изъ Малалы, далѣе, о крещеніи Господни,—изъ *житія Іоанна Предтечи*; здѣсь же помѣщены отрывки объ Іоаннѣ Іосифа Флавія; а также нѣсколько другихъ отрывковъ объ Іисусѣ Христѣ и Іоаннѣ Предтечи, изъ Іосифа Флавія. Статья о распятіи Христовѣ ссылается на два апокриф. сочиненія: *О сѫдѣаніи св. Троица* (Толк. Палея) и *Евангеліе Никодима*. Глава (111-я) оканчивается отрывками изъ *житія пр. Богородицы*, Епифанія Кипрскаго, изъ Манассіи и Амартола.

Главы 112—113: о Клавдіи и Неронѣ,—изъ Амартола, съ отрывками изъ Іос. Флавія.

Глава 114: о взятіи Іерусалима Титомъ.

Глава 115: Царство Титово,—изъ Манассіи, съ отрывками изъ Зонары и Амартола.

Глава 116: разсказъ о дальнѣйшихъ событіяхъ до Діоклетіана,—изъ Зонары, и Амартола.

Глава 117: о Діоклетіанѣ и Максиміанѣ,—изъ Манассіи и Амартола.

Глава 118—119: о Костантинѣ Вел.,—изъ Амартола, съ дополненіемъ по *житію царя Константина* и со вставкой отдѣльной повѣсти *О крещеніи Индіянъ, Иверенъ и Арменъ*.

Глава 120: о первомъ вселенскомъ соборѣ,—изъ Амартола.

Главы 121—127: дальнѣйшая исторія до Аркадія,—изъ Амартола.

Глава 128: объ Аркадіи,—изъ Амартола и Зонары.

Главы 129—158: дальнѣйшая исторія до раздѣленія церквей; разсказъ исключительно составленъ изъ отрывковъ

из Амартола и Манассіи, съ прибавленіемъ сокращеніе *житія св. Софіи.*

Глава 159: *Сказаніе о латынѣхъ, како отступиша отъ православныхъ патріархъ*; сказаніе составлено по Манассіи и особой *Повѣсти о латынѣхъ.*

Глава 160: Царство Никифора Геника,—изъ Манассіи и Амартола.

Главы 161—166: дальнѣйшая исторія Византіи до изгнаніи Өеодоры; за исключеніемъ статьи: *О отложеніи мяса инокомъ*, весь разсказъ состоитъ изъ отрывковъ изъ Амартола и Манассіи, со вставками изъ *Повѣсти о латынѣхъ* и изъ *Слова о загробномъ прощеніи отъ мукъ царя Өеофила.* Статья заключаетъ въ себѣ особую выкладку лѣтъ, по которой опредѣляется между прочимъ время составленія Хронографа—1512 годъ (см. текстъ выкладки у Попова, ib., стр. 161—162). Въ Хронографахъ, нераздѣленныхъ на главы, отличающихся отчасти въ славянскихъ статьяхъ и вообще,—выкладка нѣсколько иная... (См. ib., стр. 162).

Глава 167: *О словенскомъ языкѣ и о русскомъ.* Это—первая статья русскаго сочиненія. За нею отрывки изъ разныхъ источниковъ о крещеніи болгаръ.

Глава 168: О князѣхъ Русскихъ,—о призваніи варяговъ по *Нестору*; затѣмъ отрывки изъ Манассіи и Амартола.

Глава 169: Царство Василія Македонскаго,—изъ Манассіи, Амартола и Зонары.

Глава 170: Царство Льва Премудраго,—изъ продолжателя Амартола, въ концѣ изъ Манассіи.

Глава 171: *О преложеніи книгъ съ греческаго языка на словенскій*; въ концѣ отдѣльные разсказы—изъ *Нестора.*

Главы 172—187: дальнѣйшія событія греческой и русской

исторіи (до Алексѣя Комнена греческой исторіи и Владимира Св. включительно, по русской); греческая исторія составлена преимущественно по отрывкамъ изъ Манассіи, съ небольшими вставками изъ продолжателя Амартола; русская исторія—по *Нестору*. Въ 187 главѣ помѣщается послѣдняя статья хроники Манассіи.

Главы 188—207: дальнѣйшее изложеніе исторіи греческой, до взятія Царяграда турками и русской—до в. к. Василія Васильевича. Среди разсказа непослѣднее мѣсто занимаетъ и Сербское царство. Греческая исторія является, впрочемъ, лишь въ видѣ краткихъ указаній порядка царей, числа лѣтъ ихъ царствованія, съ отмѣткой, православенъ или нѣтъ. Главное вниманіе обращается на русскую исторію, источниками для которой неизвѣстному составителю Хронографа главнымъ образомъ служитъ *Несторъ* и *продолжатели Нестора*. Сербская исторія разсказана по *житію св. Саввы*, *сербскому лѣтописцу*, *житію Стефана*, составленному Цамвлакомъ, *предисловію* сербскаго ин. Исаіи.—При передачи фактовъ русской исторіи, кромѣ Нестора и его продолжателей, у составителя хронографа имѣлись подъ руками разныя *историческія повѣсти*.

Глава 208: *О взятіи Царяграда отъ безбожнаго турскаго царя Амурата*. Послѣдняя статья Хронографа. Статья—русскаго сочиненія.

Для литературной исторіи хронографовъ, вопроса о ихъ происхожденіи, особенно важной является первая редакція, какъ первоначальная и наиболѣе ранняя... Приводимъ выводы изслѣдователя относительно этой редакціи:

Всѣхъ списковъ первой русской редакціи, говоритъ изслѣдователь, извѣстно болѣе 20-ти; 1512 годъ, выставленный въ статьѣ *объ отложеніи мяса инокамъ*, можно принять за

годъ составленія редакціи... Въ чемъ состоялъ трудъ безъимяннаго русскаго книжника, который въ 1512 году придалъ Хронографу ту неизмѣнную форму, въ какой онъ дошелъ до насъ? ставитъ вопросъ изслѣдователь. Перевелъ-ли онъ его съ греческаго языка и дополнилъ славянскими статьями, самъ-ли его собралъ, или у него былъ въ рукахъ готовый юго-славянскій Хронографъ, который ему предстояло только приспособить къ нуждамъ русскихъ читателей, т. е. подновить языкъ и внести русскія лѣтописныя статьи?.. Изслѣдователь приходитъ къ выводу, что Хронографъ первой русской редакціи не сочиненъ однимъ лицомъ, а собранъ изъ разныхъ источниковъ, принадлежащихъ литературамъ—византійской, болгарской, сербской и русской. Начинается Хронографъ отъ сотворенія міра и оканчивается 1453 годомъ, взятіемъ Царяграда турками. Выдѣливши изъ общаго его состава всѣ статьи славянскаго происхожденія, въ основѣ Хронографа получимъ: библейскую исторію, выписки изъ византійскихъ историковъ, разныя мелкія вносныя статьи и предпосланное *предисловіе* греческаго происхожденія. Въ этомъ предисловіи неизвѣстный авторъ объявляетъ, что въ своемъ трудѣ онъ избралъ отъ многихъ лѣтописныхъ и бытейскихъ книгъ нужнѣйшее и добрѣйшее и совокупилъ все во едино; началъ же свой трудъ въ 984 году, а окончилъ въ 990. Это предисловіе могло-бы сильнѣе всего свидѣтельствовать о томъ, что общеисторическая часть нашего Хронографа переведена съ какого-нибудь греческаго подлинника. Предисловіе однако совершенно не согласуется съ самымъ составомъ Хронографа. Въ основу Хронографа, помимо Амартола (—до 948), Малалы (—до 566), Никифора Патріарха (—до 829), положены болѣе позднія произведенія: хроника Манассіи (доведенная до 1081 г.) и Зонары (—до 1118). Предисловіе не можетъ относиться къ произведенію, въ основу котораго положены болѣе поздніе источники... Одинъ изъ этихъ источниковъ указывается прямо въ самомъ

заглавіи: „и отъ премудраго Манассія“. Так. образ. греческое предисловіе не можетъ руководить въ вопросѣ о происхожденіи Хронографа.. Могла-бы быть, продолжаетъ изслѣдователь, еще такая догадка: неизвѣстный греческій Хронографъ 990 года былъ на греческомъ же языкѣ передѣланъ и дополненъ по хроникѣ Манассіи, и доведенный до 1081 года, сталъ подлинникомъ нашего Хронографа... Данныя однако дѣлаютъ лишнею такую догадку,—если мы обратимся къ славянскимъ переводамъ византійскихъ хроникъ. Эти переводы не уничтожаютъ противорѣчія между предисловіемъ и Хронографомъ, но даютъ право заключить, что появленіе разсматриваемаго памятника могло произойти и на другой почвѣ, помимо греческой. Хронографъ излагаетъ событія до 1081 года исключительно по византійскимъ источникамъ; но источники эти—византійскія хроники—за періодъ до 1081 года всѣ существовали и въ славянскомъ переводѣ. Итакъ, мы имѣемъ полное основаніе сдѣлать предположеніе, что Хронографъ не переведенъ съ греческаго, а собранъ славяниномъ по славянскимъ переводамъ греческихъ-сочиненій. Византійскіе писатели, вошедшіе въ Хронографъ, всѣ были переведены на славянскій языкъ, хотя и на разныя нарѣчія. Хроника Манассіи была переведена въ XIV ст. (въ первой полов.) на болгарскій языкъ; Амартолъ былъ переведенъ въ глубокой древности, во всякомъ случаѣ—ранѣе 1116 г., такъ какъ имъ пользуется составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ“; переводъ хроники Малалы относится ко временамъ болгарскаго царя Симеона (до 927 года), и русск. лѣтописцамъ былъ извѣстенъ въ XII в.; хронографъ Зонары переведенъ на сербскій языкъ въ 1344 году; Лѣтописецъ Никифора Патр. переведенъ въ глубокой древности,—отъ него есть списокъ XIII вѣка... Кромѣ этихъ, вошедшихъ въ Хронографъ, византійскихъ хроникъ, на славянскомъ языкѣ имѣлись переводы и другихъ историческихъ сочиненій византійской

литературы. Так. образ. матеріалъ для составленія сборнаго Хронографа славянская письменность представляла въ изобиліи; выбирать было изъ-чего... Опыты подобныхъ собираній на слав. языкѣ были и ранѣе; составитель разсматриваемаго Хронографа имѣлъ у себя предшественниковъ,—славянская письменность, помимо разсматриваемаго Хронографа, представляетъ и болѣе раннія отдѣльныя попытки къ составленію подобныхъ историческихъ сборниковъ, по славянскимъ переводамъ: доказательствомъ является *Еллинскій и римскій лѣтописецъ*—составъ котораго приведенъ выше—и который носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды славянскаго происхожденія... Такимъ образомъ—заключаетъ изслѣдователь—возможность для составленія Хронографа по славянскимъ перевоамъ была. Но есть признаки, которые убѣждаютъ, что Хронографъ дѣйствительно и былъ собранъ славяниномъ, а не переведенъ съ греческаго Эти признаки:

1) Близость текста Хронографа съ текстомъ уже существовавшихъ славянскихъ переводовъ Манассіи, Амартола, Малалы и Зонары.

2) Въ Хронографѣ изъ византійскихъ историческихъ сочиненій помѣщено только то, что̀ можно было найти въ переводахъ,—въ Хронографѣ нѣтъ ни одной статьи, по общей исторіи, которой-бы не было въ славянскихъ переводахъ византійцевъ.

3) Подробныя выписки изъ византійскихъ историковъ прекращаются на той эпохѣ, гдѣ кончаются славянскіе переводы, именно съ окончаніемъ Манассіи (на 1081 году): византійскіе хронисты, писавшіе послѣ этого года, не были извѣстны въ славянскихъ переводахъ, и потому собиратель относительно дальнѣйшихъ событій византійской исторіи ограничивается однимъ сухимъ перечнемъ царствованій (при чемъ руководствомъ для него служило хронологическое сочиненіе: *Цари царствующіи въ Константинѣ градѣ православніи же*

и еретицы, тоже въ славянскомъ переводѣ). Точно также относительно Зонары: сербскіе списки Зонары прекращаются на 1028 году,—остальной части подлинника, отд. 1028—1118, въ нихъ не сохранилось; сообразно съ этимъ и въ Хронографѣ выписки изъ Зонары прекращаются на 1025 году.

4) Въ славянскомъ переводѣ Манассіи переводчикъ на поляхъ своей рукописи сдѣлалъ оригинальныя замѣтки, по исторіи болгаръ,—коихъ нѣтъ въ подлинникѣ Манассіи; всѣ эти славянскія глоссы, вмѣстѣ съ хроникой Манассіи, вошли и въ текстъ нашего Хронографа.

5) Въ славянскомъ переводѣ Манассіи вставлена повѣсть о Троѣ: *Повѣсти о извѣстованныхъ вещей, иже о кралехъ прича и о рождениxъ и пребываниxъ*; повѣсть южнославянскаго сочиненія и отдѣльно отъ перевода Манассіи не встрѣчается. Въ подлинникѣ Манассіи хроники этой, конечно, нѣтъ. Вмѣстѣ съ хроникой Манассіи „Повѣсть“ внесена и въ Хронографѣ: слѣдов., у собирателя Хронографа былъ въ рукахъ славянскій переводъ Манассіи, а не подлинникъ греческій...

Гдѣ и когда составленъ Хронографъ впервые по славянскимъ переводнымъ сочиненіямъ? — Славянскій отдѣлъ состоитъ въ немъ изъ произведеній болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ, но весь памятникъ принадлежитъ къ русскому изводу и отмѣченъ 1512 годомъ; по разсматриваемому типу Хронографа „отъ начала до конца прошла рука русскаго книжника“... Доказательства: а) языкъ подновленъ,—болгаризмы и сербизмы сглажены; б) по всему Хронографу встрѣчаются русскія глоссы; в) статьи южно-славянскія распространяются по русскимъ источникамъ; г) послѣдняя глава *О взятіи Царяграда* оканчивается обращеніемъ къ русской землѣ... Съ перваго взгляда замѣчаетъ изслѣдователь, можно подумать, что Хронографъ и составленъ русскимъ. Но при болѣе точномъ изслѣдованіи приходится ограничить роль русскаго книжника. Къ 1512 году нужно отне-

сти пересмотръ Хронографа, а не его составленіе. Русскому книжнику принадлежитъ послѣдняя редакція Хронографа, но не первоначальное его собираніе и составленіе. Къ этому заключенію приводятъ слѣдующія соображенія:

а) Хронографъ доведенъ только до взятія Царяграда турками, до 1453 года,—между тѣмъ отмѣчается 1512-мъ годомъ: если бы въ этомъ году, 1512-мъ, Хронографъ былъ впервые составленъ, составитель вѣроятно не остановился бы въ немъ, въ русскихъ статьяхъ, болѣе чѣмъ за полустолѣтіе.

б) Главные переводные историческіе источники, положенные въ основаніе Хронографа, происхожденія юго-славянскаго,—ни Манассія, ни Зонара не были извѣстны въ русской письменности.

б) Статьи болгарскаго и сербскаго сочиненія почти всѣ собраны изъ особыхъ, отдѣльныхъ сочиненій, и съ такимъ знаніемъ дѣла, что показываютъ въ своемъ составителѣ ближайшее знакомство съ юго-славянскою письменностью, и не могли принадлежать русскому книжнику...

Какъ видимъ изъ самаго состава Хроногрофовъ, помимо чисто историческаго характера, Хронографы, какъ и вообще московскіе лѣтописные своды, являются богатыми архивами самыхъ разнообразныхъ, обширныхъ и краткихъ, историческихъ статей, выписокъ и цѣлыхъ произведеній,—повѣстей, сказаній, оффиціальныхъ памятниковъ. Такъ въ различныхъ редакціяхъ Хронографовъ встрѣчаемъ:

— *Сказаніе о взятіи Царяграда отъ безбожнаго турецкаго царя Амурата*;

— *Сказаніе Ивана Пересвѣтова о царѣ турскомъ Махметѣ, како хотѣлъ сожещи книги греческія*;

— *Сказаніе о сивиллахъ*;

— *Описаніе путешествія Америко Веспучіо;*

— *Сказаніе о созданіи великія Божія церкви св. Софіи*;

— *О хожденіи солнечномъ и о громѣ;*

— *Троянская исторія*;

— *Книга глаголемая космографія, сирѣчь всего свѣта описаніе*;

— *Сказаніе о Казанскомъ царствѣ*;

— *О новгородскомъ бѣломъ клобукѣ* и т. д.

Наконецъ, древнерусскіе Хронографы, наряду съ Палеями и византійскими хрониками,—служили для древней русской письменности обильнымъ источникомъ различныхъ апокрифическихъ сказаній, и въ видѣ мелкихъ отрывочныхъ подробностей и цѣлыхъ обширныхъ произведеній. Для самихъ Хронографовъ источниками здѣсь служили, помимо византійскихъ хроникъ, такія произведенія, какъ Церковная Исторія Евсевія, Исторія Іосифа Флавія, различныя подложныя или интерполлированныя „слова" и „поученія" церковныхъ писателей, и т. п.

Типичнѣйшимъ сборникомъ этого времени является *Азбуковникъ*,—хотя по генеалогіи своей и восходитъ къ гораздо болѣе раннему времени... „Вниманіе составителя или составителей Азбуковника, писалъ покойн. акад. Тихонравовъ,—сосредоточено исключительно, нераздѣльно, на тѣхъ памятникахъ славянскихъ и русскихъ, которые обращались на Руси съ древнѣйшаго времени до половины XVI вѣка; Азбуковникъ вращается въ кругу домашняго русскаго чтенія и не переступаетъ ни разу его границъ. Источниками для него служатъ оригинальныя и переводныя произведенія древне-русской литературы до половины XVI вѣка; ни къ византійскимъ, ни къ польскимъ, ни къ латинскимъ источникамъ прямо онъ не обращается. Посвященный объясненію непонятныхъ словъ, будутъ-ли то варваризмы, или архаизмы, онъ вращается, конечно, болѣе въ области переводной, нежели оригинальной славяно-русской литературы. На немъ лежитъ яркій отпечатокъ второй половины XVI-го вѣка. Онъ вызванъ тѣмъ же стремленіемъ поддержать „поисшатавшуюся русскую старину которымъ проникнуты *Стоглавъ* и *Домострой*. Онъ ста-

рается устранить все непонятное въ памятникахъ русской литературной старины, онъ вѣритъ лишь въ силу ея авторитета. Онъ также, какъ „Стоглавъ“ и „Домострой, вооружается противъ „отреченныхъ“, „свѣтскихъ“ книгъ, онъ рѣшается предложить „имена и отреченныхъ книгъ, да не како отъ неразумія, кто прочитая ихъ или вѣруяй имъ, прогнѣваетъ Господа Бога: зѣло бо мерзостенъ предъ Господомъ Богомъ всякъ вѣруяй волхнованію и чародейству и звѣздочетцамъ и планитникамъ и шестокрылу и любяй гиомитрію и прочитая таковая“. Онъ осуждаетъ пѣніе подъ музыку по нотамъ, говоря: „Мусикія книжка, въ ней пишетъ пѣсни и кощуны бѣсовскія, ихъ же латины припѣваютъ къ мусикійскимъ органамъ согласію, сирѣчь гудебныхъ сосудъ свирянію и играмъ“. Онъ привязанъ къ русской церковной старинѣ и считаетъ необходимымъ предложить толкованія собственныхъ именъ святыхъ, что-бы будущіе составители похвалъ новоявленнымъ русскимъ святымъ (какъ слышится здѣсь близость къ соборамъ 1547 и 1549 г., канонизировавшимъ русскихъ святыхъ!) имѣли возможность воспользоваться этими толкованіями: „Намъ словяномъ неудобь вѣдома нынѣшняя наша имена...; протолкована же вся та быша отъ древнихъ святыхъ любомудрецъ, нѣкая же послѣ и отъ Максима Грека, ради разумѣнія тезоименствъ хотящимъ въ словянѣхъ составляти тропари и кондаки и каноны новоявленнымъ святымъ въ Россіи: и древніи убо канонотворцы во мнозѣ прилагаху во своихъ слозѣхъ тезоименитства похваляемымъ отъ нихъ святымъ... Творецъ же, не увѣдѣвый толкованія имене святаго, како возможетъ подобное тезоименьство въ слозѣхъ своихъ приложити похваляемому отъ него святому?...“ Преслѣдуя любящихъ „геометрію и прочая таковая“, Азбуковникъ остается вѣренъ русской наукѣ; онъ черпаетъ свои свѣдѣнія научныя изъ Дамаскина, Іоанна Экзарха, Козмы индикоплова, Георгія Писида, Хронографовъ, Скитскаго Патерика, св. Писанія Криницы Амартола, Палеи, Златой Цѣпи, Діонисія Ареопа-

гита, житій святыхъ, Прологовъ, Синаксарей. Вотъ его авторитеты. Онъ воспитанъ древнею русскою литературою; онъ ея толкователь и защитникъ, и потому—многія памятники народной и письменной словесности находятъ въ Азбуковникѣ пособія къ опредѣленію своего содержанія, которое, съ своей стороны, даетъ возможность разъясняетъ содержаніе Азсуковниковъ“... Статьи грамматическія вовсе не служатъ главнѣйшимъ предметомъ толкованій Азбуковника. Напротивъ, грамматическія толкованія не выступаютъ здѣсь на первый планъ и вовсе не отличаются особенною подробносаію: самые источники Азбуковника по грамматикѣ были такъ скудны, что онъ могъ позаимствоваться изъ нихъ лишь немногимъ“... Нерѣдко древнерусскіе Азбуковники называются энциклопедіею современной имъ русской науки; по мнѣнію Тихонравова—„Азбуковники можно-бы назвать скорѣе реальнымъ словаремъ къ важнѣйшимъ произведеніямъ древне-русской литературы, преимущественно церковной“...

Подъ именемъ „Синодика“—говоритъ изслѣдователь—въ древнерусской письменности скрываются три разнородныхъ памятника.

Во-первыхъ, согласно греческому названію этого памятника (Συνοδικόν), на Руси издавна разумѣлся подъ именемъ „синодика“ „чинъ православія“, читавшійся въ нѣкоторыхъ церквахъ, какъ и теперь, въ первое воскресеніе великаго поста, и заключающій въ себѣ провозглашеніе „анафемы“ и „вѣчной памяти“ разнымъ лицамъ, списокъ которыхъ, взятый въ основѣ изъ „чина православія“ греческаго, съ теченіемъ времени измѣнялся, отчасти согласно греческому тексту, отчасти на основаніи данныхъ русской исторіи. Этотъ текстъ „чина православія“, пережившій многовѣковую исторію, какъ на греческой, такъ и на русской почвѣ, въ современной практикѣ русской церкви почти утратилъ уже названіе „синодика“,—хотя это названіе еще удерживается за „чиномъ православія“ въ рукописяхъ XV—XVII вв.

Во-вторыхъ, также съ очень давняго времени слово „синодикъ" имѣло значеніе „помянника", т. е. книги, въ которой записывались имена умершихъ для поминанія ихъ въ церкви за упокой. Надо думать, второе значеніе произошло позднѣе перваго и въ зависимости отъ него, такъ какъ „помянникъ" въ собственномъ смыслѣ былъ органическимъ добавленіемъ къ той части „чина православія", которая посвящена была провозглашенію „вѣчныхъ памятей". „Помянникъ" присоединялся къ „чину православія" и помѣщался съ нимъ въ одной книгѣ, составляя какъ бы его продолженіе... Названія „синодика" и „помянника" отожествляются и ставятся рядомъ, для объясненія одного другимъ, во множествѣ рукописей до XVIII вѣка".

Наконецъ, въ третьихъ, подъ названіемъ „синодика" въ XVII и XVIII вв. разумѣлась такая книга, которая кромѣ поминаній заключала въ себѣ разнообразные „предисловія" къ нимъ, въ видѣ разсужденій, разсказовъ и другого рода статей и отрывковъ, съ соотвѣтствующими иллюстраціями. Эти „предисловія" объединены были темой о необходимости поминовенія усопшихъ душъ, о пользѣ покаянія, о тщетѣ всего земного. Такого рода Синодики были на Руси въ указанныя столѣтія въ полномъ смыслѣ народной книгой, распространялись въ огромномъ количествѣ списковъ и перешли ъ началѣ XVIII в. въ лубочную литературу. „Предисловія" въ нихъ очень рано стали получать преобладающую роль и вытѣснять собою „поминанья"; эти послѣднія уходили въ особыя поминальныя книжки, имѣвшія лишь частный интересъ, въ виду своего церковно-практическаго характера и назначенія"...

Въ своемъ изложеніи мы имѣемъ въ виду исключительно этотъ третій видъ „синодика": Синодикъ—народную книгу.

Послѣднее значеніе древнерусскихъ Синодиковъ уже давно было указано Буслаевымъ. Знаменитый ученый неразъ касался въ своихъ изслѣдованіяхъ литературной исто-

ріи этого рода сборниковъ, и въ общихъ чертахъ довольно вѣрно охарактеризировалъ ихъ литературную роль. „Кромѣ молитвъ по усопшимъ и списка именъ для поминовенія, замѣчаетъ Буслаевъ въ одной изъ своихъ статей, Синодикъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ, на какихъ основаніяхъ и когда принято поминать мертвыхъ, почему поминовеніе совершается на третій, девятый и сороковой день, а также различныя повѣсти, приличныя предмету, т. е. о загробной жизни, о покаяніи т. п., изъ Патериковъ, изъ житія Василія Новаго и изъ другихъ повѣствовательныхъ сборниковъ,—такъ что многіе изъ Синодиковъ суть не иное что, какъ сборники нравоучительныхъ повѣствованій, только въ концѣ съ присовокупленіемъ поминанья... Удовлетворяя набожнымъ интересамъ нашихъ благочестивыхъ предковъ, Синодики принадлежатъ къ самымъ распространеннымъ на Руси народнымъ книгамъ. Соединяя въ себѣ выписки изъ Патериковъ и Прологовъ съ народными разсказами, эти сборники составляютъ въ нашей литературѣ естественный переходъ отъ древнѣйшей письменности къ позднѣйшимъ народнымъ книгамъ и лубочнымъ изданіямъ, которымъ они предшествуютъ своими миніатюрами, потому что Синодикъ, какъ книга народная, обыкновенно украшался изображеніями“... Позднѣйшія, болѣе специальныя изслѣдованія, посвященныя этимъ сборникамъ нашей письменности XVI—XVII, отчасти XVIII вв., вполнѣ подтвердили приведенную сейчасъ общую характеристику Синодиковъ, какъ народной книги,—точнѣе и подробнѣе выяснивши ея литературную исторію, ея литературныя связи и источники.

Прежде всего, позднѣйшія изслѣдованія указали, что литературный матеріалъ этого рода сборниковъ вообще крайне неустойчивъ; многочисленные списки Синодиковъ съ трудомъ подчиняются какимъ-либо распредѣленіямъ,—редакціямъ или группамъ. Точныхъ, опредѣленныхъ признаковъ редакцій указать нельзя: „чуть не каждый отдѣльный списокъ представ-

ляетъ собой отдѣльную редакцію"... Количество и объемъ статей и разсказовъ, вносимыхъ въ Синодикъ, сильно колеблются; „иные экземпляры чрезвычайно обильны, другіе наоборотъ чрезвычайно скудны,—хотя и тѣ и другіе несомнѣнно составлены по одному и тому же плану"... Позднѣйшій изслѣдователь приблизительно намѣчаетъ нѣсколько группъ или редакцій литературнаго Синодика,—но намѣчаемыя редакціи слишкомъ неустойчивы. Кромѣ того, рядомъ съ ними, передъ нами—цѣлый рядъ списковъ Синодиковъ „особаго состава", которыхъ нельзя подвести „ни подъ одну" изъ указанныхъ редакцій, „частью по составу самаго матеріала, частью по его расположенію"... Что касается содержанія, здѣсь прежде всего бросается въ глаза полное преобладаніе переводнаго элемента надъ оригинальнымъ, собственно русскимъ; послѣдній является въ Синодикахъ вообще очень незначительнымъ, и главнымъ образомъ въ статьяхъ, непринадлежащихъ органически къ основному составу Синодика. Переводный матеріалъ составителями Синодиковъ черпается изъ готовыхъ переводовъ,—изъ произведеній, уже обращавшихся въ современной московской письменности. Характеръ этихъ источниковъ является весьма типичнымъ. По словамъ изслѣдователя, литературные источники Синодика распадаются на два отдѣла: одни существовали у насъ уже до XVI вѣка, и вели свое начало изъ византійской литературы, другіе возникли на русской почвѣ въ XVI вѣкѣ, особенно въ XVII-мъ, обнаруживая новые литературные вкусы, пришедшіе съ Запада. Складываясь въ переходную эпоху русской литературы, Синодикъ соединилъ въ себѣ обѣ категоріи источниковъ, подчинивъ выбранное изъ нихъ содержаніе одной господствующей идеѣ"... Въ этомъ отношеніи, по справедливому замѣчанію изслѣдователя, Синодикъ является „весьма типическимъ литературнымъ явленіемъ своего времени". Изъ содержанія Синодиковъ „можно наглядно видѣть, какую огромную силу въ эту эпоху

удерживали за собой религіозныя идеи въ средѣ древнерусскихъ читателей, и въ тоже время съ какой горячей готовностью наши книжники брали новый, иноземный матеріалъ, по скольку онъ могъ служить выраженіемъ старыхъ тенденцій“... Въ ряду главнѣйшихъ литературныхъ источниковъ Синодика, первое мѣсто уже Буслаевымъ было отведено Прологамъ и Патерикамъ; рядомъ съ ними болѣе поздній изслѣдователь ставитъ Великое Зерцало, бывшее для Синодиковъ „не менѣе значительнымъ источникомъ“... Далѣе замѣчается вліяніе такихъ памятниковъ, какъ Толковая Палея, Стословецъ патр. Геннадія, Хронографъ,—различныхъ статей календарнаго характера, Звѣзды Пресвѣтлой, нѣсколько разъ переводившейся на великорусскій языкъ (въ 1668 г.,—1683,—1706 г.),—такихъ позднѣйшихъ печатныхъ изданій, какъ Небо Новое (1677), Руно Орошенное (1683), и т. п. Болѣе обширными статьями, вносившимися въ Синодики, и которыя иногда очень далеко отстояли отъ его основной темы, были такія произведенія нашей старой и болѣе поздней письменности, какъ *Преніе живота и смерти*,—*Вопросы князя Антіоха*,—*Луцидаріусъ*,—*Слово Палладія мниха о второмъ пришествіи Господнемъ* и др. Какъ видимъ, Синодикъ „не былъ взятъ въ цѣломъ своемъ видѣ ни изъ византійской ни изъ западной литературы, но на основаніи матеріала, заимствованнаго изъ той и изъ другой, составленъ на русской почвѣ, усиліями русскихъ книжниковъ, и является оригинальнымъ литературнымъ явленіемъ въ той мѣрѣ, въ какой это было возможно у насъ для подобнаго рода памятниковъ въ указанную эпоху броженія религіозныхъ идей и столкновенія литературныхъ элементовъ разнаго характера и происхожденія: планъ, общая постройка и редакція Синодика несомнѣнно русскія, но матеріалъ, особенно если имѣть въ виду болѣе или менѣе первоначальный органическій составъ памятника,—за немногими исключеніями, чужеземный“... Основная идея Синодика, объединяющая его

нерѣдко весьма разнообразный и разнохарактерный матеріалъ,—назидательная, или вѣрнѣе покаянно-аскетическая, идея о важности и необходимости для умершихъ церковныхъ поминовеній, о томъ, какъ такія поминовенія иногда спасали отъ загробныхъ мукъ даже самыхъ большихъ грѣшниковъ, далѣе—вообще идея о загробномъ мірѣ, о состояніи души умершаго человѣка въ первые дни смерти, о „мытарствахъ" души послѣ разлученія съ тѣломъ, — наконецъ, вообще мысль о необходимости для человѣка всегдашней памяти смерти, о суетѣ міра и бренности всего земного и т. д. и т. д. Вотъ болѣе или менѣе широкій кругъ идей, въ который вводитъ своихъ читателей Синодикъ, какъ народная книга московской письменности XVI—XVII вв., и позднѣе, XVIII-го. Указанная основная идея связывала позднѣйшій, чисто литературный, сборникъ съ двумя самыми ранними типами Синодиковъ,—„чиномъ православія" и „поминаньемъ"... Литературный Синодикъ, какъ сборникъ XVI—XVII, XVIII вв., чаще всего присоединялся къ церковному Синодику, какъ его „предисловіе",—которое въ болѣе или менѣе длинномъ рядѣ разсказовъ какъ-бы иллюстрировало основную идею, цѣлямъ которой служилъ сборникъ... Основная идея литературныхъ Синодиковъ тѣсно связывала его не только съ названными, болѣе ранними, чисто церковными типами Синодика, но и со всей современной литературой или, по крайней мѣрѣ, съ очень многими другими ея отдѣлами, преимущественно народно-поэтическаго характера, — духовными стихами и легендами, разнаго рода народными разсказами, наконецъ, съ литературой лубочныхъ картинокъ... Позднѣе прежній, болѣе ранній, рукописный Синодикъ чаще всего замѣнялся Синодикомъ печатнымъ. Послѣдній является въ самомъ началѣ XVIII в. и представляетъ собой нѣкоторую переработку прежнихъ, болѣе раннихъ редакцій рукописнаго Синодика.

Отличительной особенностью нашихъ литературныхъ Синодиковъ XVI—XVII вв. были миніатюры. Московскій

Синодикъ XVI—XVII вв. чаще всего былъ лицевымъ, иллюстрированнымъ,—при чемъ миніатюры играли въ различныхъ редакціяхъ Синодика различную роль. Въ огромномъ большинствѣ списковъ Синодика XVI в. текстъ составляетъ главное, а рисунки второстепенное, являются къ нему лишь иллюстраціей; но во болѣе позднихъ спискахъ, кон. XVII—нач. XVIII в., преобладающее мѣсто часто отводится рисунку, при которомъ текстъ играетъ роль лишь какъ-бы объяснительной подписи. Первостепенная роль принадлежитъ рисункамъ и въ Синодикѣ печатномъ. Техническіе пріемы иллюстраторовъ Синодика не сложны. Иллюстраціи Синодика изслѣдователи ставятъ въ особенно близкую зависимость отъ иконной живописи, указывая на сильное вліяніе послѣдней,—что́ обусловливалось той „обоюдной связью, которая въ XVI и XVII вв. существовала между иконой и миніатюрой рукописи, и въ сюжетахъ и въ ихъ выполненіи“...

Любопытными образчиками древнерусскихъ сборниковъ являются *Лѣчебники*, или *Травники*. Ихъ общее содержаніе совсѣмъ не отвѣчаетъ спеціальному заглавію. Передъ нами—„изборъ отъ многъ отецъ и многъ книгъ“, притомъ самыхъ различныхъ. Литературная исторія нашихъ Лѣчебниковъ еще мало выяснена; трудно сказать точно, откуда они пришли къ намъ,—изъ Византіи, черезъ южно-славянскія литературы, или съ Запада, черезъ Польшу, или возникли самостогтельно на русской почвѣ, и лишь подвергались дальнѣйшимъ обработкамъ при помощи иноземныхъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ, „всѣ разнообразные списки этихъ памятниковъ литературы носятъ на себѣ явственные слѣды то иностранной, то чисто-русской редакціи, а во многихъ спискахъ иностранное съ своеземнымъ до того слилось, что то и другое составляетъ одно нераздѣльное цѣлое“... Къ послѣднему виду Лѣчебниковъ принадлежатъ напр. два списка Моск. Синод. б-ки, оба XVII в., №№ 480 и 481; таковъ же списокъ Моск. Рум. Музея, № 262. Переводную редакцію представляетъ

Травникъ б-ки гр. Уваровыхъ, бывш. Царскаго, № 615. Разнообразныя редакціи дошедшихъ списковъ указываютъ на длинную литературную исторію, которую испыталъ древнерусскій Лѣчебникъ. Предполагаютъ, что по своему возникновенію Лѣчебникъ принадлежалъ къ области „отреченныхъ", или „ложныхъ" книгъ,—исходнымъ зерномъ Лѣчебника могли быть такъ наз. „ложныя молитвы", напр. „о трясавицахъ" или лихорадкахъ, приписывающіяся нѣкоторыми „индексами" еще болгарскому попу Іереміи, осложнившіяся позднѣе присоединеніемъ народныхъ заговоровъ, примѣтъ, выписками изъ различныхъ лѣчебныхъ книгъ и т. п., еще позднѣе—выписками вообще изъ всякаго рода книгъ, относящихся къ жизни, къ домостроительству, домоводству... Списки Лѣчебниковъ—какъ они дошли до насъ—заключаютъ въ себѣ „не только собственно врачебныя пособія, но и всевозможныя наставленія о различныхъ случаяхъ въ жизни, для благополучнаго исхода которыхъ необходимо чарующее слово, молитва или заговоръ вѣщая примѣта, или вообще — знаніе, смѣтка". Наиболѣе ранними источниками нашихъ Лѣчебниковъ, предполагаютъ, были византійскіе и болгарскіе; позднѣе, съ XVI вѣка, къ прежнимъ источникамъ присоединяются западные,—въ Лѣчебникахъ дѣлаются выписки изъ „Тайная Тайныхъ" Аристотеля, изъ „Аристотелевыхъ Вратъ", изъ Альберта Великаго, Михаила Скотта, Раймунда Люллія и т. п. Переводы сочиненій названныхъ писателей существовали у насъ уже съ первой половины XVII вѣка... Источники Лѣчебника были вообще весьма разнообразны по своему характеру,—и это разнообразіе не могло не отражаться на ихъ составѣ и содержаніи. Книга напр. „Тайная Тайныхъ" Аристотеля (котораго русскій переводчикъ именуетъ даже „преподобнымъ") или „Аристотелевы Врата",—была особаго рода средневѣковымъ сборникомъ (Secreta Secretorum), весьма распространеннымъ въ западной литературѣ, и по содержанію своему принадлежавшимъ къ обширному отдѣлу средневѣковой повѣ-

ствовательно-наставительной литературы. „Тайная Тайныхъ“ заключаетъ въ себѣ наставленія, преподанныя будто-бы Аристотелемъ своему ученику Александру Македонскому; наставленія касаются не только различныхъ обстоятельствъ жизни правителя, но и свѣдѣній, относящихся вообще къ человѣческому общежитію, наружнымъ свойствамъ человѣка, полезнымъ примѣтамъ, врачебнымъ пособіямъ, свѣдѣній о цѣлебныхъ свойствахъ драгоцѣнныхъ камней и т. п. Такія свѣдѣнія— для царя нужнѣе, чѣмъ для иного какого человѣка, замѣчаетъ Аристотель своему ученику,—„занеже ему (царю) человѣкъ яко же посудіе (посудина): каждое мастеру своему. А не будетъ мастеръ знати посудія своего вельми гораздо, не изведетъ дѣла своего достаточнаго“... Наставленія раздѣляются вм. главъ, на „врата“; отсюда—заглавіе книги: „Аристотелевы Врата“... Въ русскомъ переводѣ „Тайная Тайныхъ“ по мнѣнію Буслаева, обнаруживается замѣтное вліяніе польское; едва ли сборникъ не перешелъ къ намъ изъ Польши еще въ XVI вѣкѣ... Какъ уже замѣчено выше, въ древнерусскихъ Лѣчебникахъ иностранное постоянно переплетается съ своеземнымъ, заимствованное съ своимъ. „Не говоря о лѣчебныхъ пособіяхъ, замѣчаетъ изслѣдователь,—между которыми постоянно встрѣчаются латинскіе термины и приводятся иностранныя средства (напр.: „а то цѣлба нѣмецкая“..., „а то лѣкарство фріанъское“),—даже въ самыхъ заговорахъ и отреченныхъ молитвахъ, не смотря на своеземный составъ большей части ихъ, очевидны слѣды иностраннаго вліянія, отчасти греческаго, отчасти латинскаго (такъ, иногда упоминается латинская молитва Ave Maria: „да говори 5-ю „Отче нашъ“ да 5-ю „Ави Маріа“!.) Первоначальный составъ Лѣчебника распространялся внесеніемъ частныхъ, случайныхъ свѣдѣній и замѣтокъ, полученныхъ изъ разныхъ источниковъ,—которые иногда упоминаются (напр.: „Яковъ Мелецъ сказывалъ“...; „выпись взята у Ивана Насѣтки, а онъ взялъ у доктора“...; „сказывалъ венецъянинъ, торговый человѣкъ“... и т. д.).

Сверхъ того, Лѣчебникъ видоизмѣнялся вслѣдствіе мѣстныхъ условій, къ которымъ пріурочивался, и такимъ образомъ получалъ мѣстный характеръ"... Въ отношеніи къ послѣдней сторонѣ нашихъ Лѣчебниковъ, любопытны въ нихъ статьи вродѣ: *Битому человѣку отъ кнутья.* Въ одномъ спискѣ Лѣчебника совѣтуется: „Отъ московскаго кнутья, а не отъ сельскаго: Добро-бы вскорѣ захватити овчиною сырою тотчасъ, какъ бить и привязывати мездрою къ битому, и кровь битую овчина высосетъ все, и скоро жить станетъ. Отъ сельскаго кнутья: Молокомъ коровьимъ парнымъ мазать, перомъ или топленымъ грѣтымъ молокомъ" и т. д.

Какъ замѣчено выше, древнерусскіе Лѣчебники далеко не ограничивались собственно лѣчебною областью. Слово „лѣчить" понимается ими въ самомъ широкомъ смыслѣ. Своими совѣтами Лѣчебники обнимаютъ всю жизнь русскаго человѣка,—являясь въ этомъ случаѣ не столько въ роли собственно „лѣкарей", сколько вообще „знахарей", людей „вѣщихъ", которые не только лѣчатъ недуги, но и вообще могутъ устроить или разстроить домашнюю жизнь человѣка, его семейное счастіе, благосостояніе и т. д. Древнерусскій Лѣчебникъ многими сторонами своего содержанія непосредственно сближается съ древнерусскими „Домостроями",—этими сборниками практическихъ свѣдѣній и наставленій, необходимыхъ человѣку въ жизни, въ домашнемъ обиходѣ, въ разнообразныхъ отношеніяхъ къ обществу и т. д. „Только та существенная разница между Домостроемъ и Лѣчебникомъ, замѣчаетъ изслѣдователь, что въ первомъ господствуетъ только житейская мудрость и осторожная опытность, между тѣмъ какъ Лѣчебникъ въ своихъ средствахъ постоянно прибѣгаетъ къ сверхъ-естественнымъ чарующимъ силамъ"... Составъ древнерусскихъ Лѣчебниковъ поэтому вообще крайне широкъ и разнообразенъ. По нѣкоторымъ спискамъ, Лѣчебники начинаются отрывками изъ Шестодневовъ и Хронографовъ,—разсказываютъ исторію творенія міра, жизнь первыхъ людей и т. д. и т. д.

Дѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Цвѣтниковъ*. „Цвѣтники“ являются типичными образчиками позднѣйшихъ сборниковъ,—отражая на себѣ умственные интересы времени, стремленія и вкусы современныхъ читателей... „Цвѣтники“ довольно часто встрѣчаются въ русскихъ рукописяхъ XVI—XVII вв., и повидимому не имѣютъ строго опредѣленнаго типа (особый видъ „Цвѣтниковъ“—раскольническій). Выборъ статей и отрывковъ въ Цвѣтникахъ исключительно обусловливался личнымъ вкусомъ собирателя: одинъ составлялъ себѣ „цвѣтникъ“ изъ поученій аввы Дороѳея, другой выбиралъ „цвѣты“ изъ хронографовъ и Скитскаго Патерика, третьему нравились народныя произведенія, вродѣ „Бесѣды трехъ святителей“, и т. д. Сборники носили характеръ личный, заключали въ себѣ выписки самаго различнаго характера — небольшія статьи, мелкіе отрывки, отдѣльныя изреченія—самый разнобразный литературный матеріалъ, почему либо обратившій на себя вниманіе составителя, понравившійся ему, и записанный имъ „для памяти“... Это—своего рода записная книжка древнерусскаго читателя, гдѣ отражаются и вкусы составителя и общая переходность литературы времени. „Цвѣтники“ принадлежатъ къ такого рода сборникамъ, гдѣ рядомъ съ благочестивыми разсказами изъ Патерика помѣщается какое-нибудь фантастическое сказаніе изъ Александріи, при чемъ иногда даже прибавляется: „а се иное чудо Александра“...; имена христіанскихъ святыхъ сопоставляются нерѣдко съ лицами сказочными,—Николай Чудотворецъ вводится въ разсказы объ Акирѣ Премудромъ, и т. д. Обычай составлять для своего употребленія „Цвѣтники“ былъ весьма распространенъ у насъ и въ XVIII в. Изъ извѣстныхъ рукописей „Цвѣтниковъ“, наиболѣе любопытны два „Цвѣтника“ Моск. Син. б-ки,—одинъ XVI вѣка, содержащій краткія повѣсти, притчи и поученія, другой 1665 года, изъ произведеній бо̀льшею частью народнаго чтенія...

„Ересь жидовствующихъ“ раньше всего вызываетъ въ московской литературѣ особенно сильное оживленіе. Возникшая въ самомъ началѣ новаго періода, борьба съ ней особенно способствуетъ пробужденію и быстрому росту литературы Московскаго Гусударства. Неожиданно обнаружившаяся и быстро охватившая собой оба главнѣйшихъ центра государства—Новгородъ и Москву—ересь новгородскихъ еретиковъ даетъ первый наиболѣе сильный толчекъ къ пробужденію умственныхъ силъ страны.

Борьба съ „еретиками“ создаетъ рядъ замѣчательныхъ литературныхъ произведеній. „Ересь“ такъ или иначе группируетъ около себя всѣхъ лучшихъ людей Московскаго Государства конца XV—нач. XVI в. На открытую борьбу съ ней выступаютъ новг. архіеп. Геннадій († 1506) и волоколамскій игуменъ Іосифъ († 1515); около нихъ, но нѣсколько въ иной роли, видимъ „старцевъ“ Паисія Ярославова († нач. XVI в.) и „ученика“ его Нила Сорскаго († 1508). „Ученикъ“ этого „ученика“, энергичный кн.-ин. Вассіанъ Патрикѣевъ († пол. XVI в.) смѣло вступаетъ въ полемику съ Іосифомъ,—и какъ бы поддерживаетъ „еретиковъ“... Полемика быстро переходитъ и на другіе вопросы—что́ было сдѣлано отчасти не безъ участія самого „великаго старца“—когда на соборѣ 1503 года онъ „нача глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ“... Между кн.-ин. Вассіаномъ Патрикѣевымъ и „заволжскими старцами“, съ одной стороны, Іосифомъ и „презлыми осифлянами“, съ другой, возгорается открытая литературная борьба, которая касается самыхъ щекотливыхъ вопросовъ общественности... Чисто религіозныя цѣли полемики не были вполнѣ достигнуты: идеи еретиковъ не были вполнѣ уничтожены въ обществѣ,—и въ срединѣ столѣтія возрождаются съ еще бо́льшей рѣзкостью въ лицѣ такихъ пропагандистовъ, какъ Ѳеодосій Косой и нѣкот. др.

Литературное оживленіе, вызванное ересью жидовствующихъ, не ограничивалось одною полемикою. Съ дѣломъ борьбы противъ еретиковъ связанъ важнѣйшій трудъ Геннадія—составленіе *славянскаго кодекса Библіи*; о немъ мы скажемъ ниже. Вмѣстѣ съ тѣмъ сюда же примыкали литературные труды и самихъ еретиковъ,—отчасти стоявшіе въ близкой связи съ тѣмъ же Геннадіевскимъ кодексомъ Библіи. „Еретики" издавна отличались книжностью, являлись вообще людьми книжными; они отличаются начитанностью, у нихъ иногда больше книгъ, чѣмъ у православныхъ.... „Еретики" не рѣдко принимаютъ участіе въ литературныхъ трудахъ,— которыми пользуются и православные. Припомнимъ нѣкоего Ѳедора-еврея, переводчика *первыхъ девяти главъ книги Есфири*, перевода, внесеннаго въ кодексъ Геннадія,—припомнимъ также другіе труды этого времени по переводу и изученію книгъ св. Писанія, принадлежавшіе или тому же Ѳедору-еврею, или кому другому изъ современныхъ ему новгородскихъ „еретиковъ", — переводъ *Псалтыри Давида пророка*, *Пятикнижія Моисея*, *Книгъ пророческихъ* и т п.,— трудъ сличенія славянскаго перевода Пятокнижія съ еврейскимъ, раздѣленія его на „парошы" (субботнія чтенія) и т. д. Названный Ѳедоръ-еврей является вообще лучшимъ литературнымъ представителемъ „жидовствующихъ"... Самая ересь жидовствующихъ повидимому стояла въ ближайшей связи съ новыми культурными вліяніями, шедшими съ Запада черезъ Новгородъ.

Съ завершеніемъ политической централизаціи всѣхъ русскихъ областей около Москвы,—вопросы о различныхъ общественныхъ „нестроеніяхъ" возникли сами собою: мѣстные удѣльные порядки приходилось вездѣ уравнивать „по московскому обычаю", по „московской правдѣ"... „Московская правда" и новые „московскіе обычаи" особенно тяжело сказывались

въ такихъ центрахъ, какъ Новгородъ и Псковъ. Современный псковскій лѣтописецъ ярко, и не безъ поэтическихъ красокъ, рисуетъ намъ тѣ чувства, которыя внушала въ этихъ областяхъ „московская правда“... „Пріѣхалъ во Псковъ—читаемъ у лѣтописца—князь великой Василей Ивановичъ, мѣсяца генваря въ 24 день, и обычай псковской перемѣнилъ и старину порушилъ, забывъ отца своего и дѣдовъ слова и жалованья до псковичей и крѣстнаго цѣлованья, да уставилъ свои обычаи и пошлины новыя уставилъ... И былъ во Псковѣ плачъ и скорбь великая... О, славнѣйшій градъ, Псковъ великій! О чемъ ты сѣтуешь и плачешь? И отвѣщалъ прекрасный градъ Псковъ: Какъ мнѣ не сѣтовать, какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть? Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, у котораго крылья исполнены львовыхъ когтей, и взялъ у меня три кедра ливановы,—красоту мою и богатство и чадъ моихъ... У намѣстниковъ и у ихъ тіуновъ и у дьяковъ великаго князя—продолжаетъ лѣтописецъ—правда ихъ, крестное цѣлованье, взлетѣла на небо, и кривда въ нихъ начала ходить, и много было отъ нихъ зла, потому что они были немилостивы до псковичей, и псковичи бѣдные не знали правды московской. И далъ князь великій свою грамоту уставную псковичамъ, и послалъ царь великій своихъ намѣстниковъ по пригородамъ, и велѣлъ имъ пригорожанъ приводить къ крестному цѣлованью,—и начали пригородскіе намѣстники пригорожанъ притѣснять и продавать великимъ и злымъ умышленіемъ, подметомъ и поклепомъ, и былъ людемъ великъ налогъ тогда... Начали намѣстники надъ псковичами силу велику чинить, а приставы ихъ начали отъ поруки брать...; а кто изъ псковичей сошлется на великаго князя грамоту,—и они того убьютъ, а говорили: „то де тебѣ, смердъ, великаго князя грамота!....“ И тѣ намѣстники и ихъ тіуны и люди пили изъ псковичей крови много, и отъ ихъ налоговъ и насильства многіе разбѣглись по чужимъ городамъ, покинувъ женъ и дѣтей. А иноземцы, что жили во Псковѣ, разошлись въ свои земли,—знать не въ

мочь жить во Псковѣ, только одни псковичи остались. Знать земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть"... Въ жестокостяхъ и неправдахъ своихъ намѣстниковъ московскому правительству нерѣдко приходилось убѣждаться и самому. Такъ, въ 1517 году, великій князь московскій „слышитъ, что намѣстники въ Великомъ Новгородѣ судятъ сильно (насиліемъ), а тіуны ихъ судятъ по мздѣ"... Изъ-за жестокостей намѣстниковъ, правительство и въ Псковѣ и по другимъ городамъ принуждено было часто смѣнять намѣстниковъ,—но „правда", и при этихъ смѣнахъ, оставалась прежней... Съ горькой ироніей говоритъ псковскій лѣтописецъ объ этихъ административныхъ перемѣнахъ: „Были дьяки частые, и были дьяки мудрые,—а земля пуста, и начала казна великаго князя множиться во Псковѣ"...

„Нестроенія" чувствовались и не по однимъ областямъ; „московской правдой" и новыми „московскими обычаями" не всѣ были довольны и въ самой Москвѣ. Иванъ Берсень жалуется Максиму Греку, что Русская земля „замѣшалася": „наша земля замѣшалася, и пришли нестроенія великія,—какъ у васъ въ Царьградѣ, при вашихъ царѣхъ"... И вообще Берсень очень мрачно смотритъ на современность: „Которая земля переставливаетъ обычаи свои, замѣчаетъ онъ, и та земля не долго стоитъ; а здѣсь у насъ князь великій старые обычаи перемѣнилъ. Ино на насъ котораго добра чаяти?".. И въ другомъ мѣстѣ: „И язъ не вѣдаю, есть ли митрополитъ на Москвѣ?.. Учительнаго слова отъ него нѣтъ никотораго, и не печалуется ни о комъ"... Берсень недоволенъ и другими порядками, — всей московской политикой и современниками: „Нынѣ государь нашъ запершися самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ... Нынѣ отовсюду брани, ни съ кѣмъ намъ миру нѣтъ,—ни съ Литовскимъ, ни съ Крымскимъ, ни съ Казанью; всѣ намъ недрузи,—а за наше нестроенье... Нынѣ въ людѣхъ правды нѣтъ"... Корень бѣдъ Берсень видитъ въ женитьбѣ моск. князя на Софьѣ Палеологъ и въ

пришедшихъ съ нею грекахъ-византійцахъ: „Какъ пришли сюда грекове, ино и земля наша замѣшалася; а дотолѣ земля наша жила въ тишинѣ и миру,—а какъ пришла сюда мати великаго князя вел. княжна Софья съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великія... Къ нашему нестроенію пришла“... Всѣ свои надежды Берсень возлагаетъ на помощь такихъ людей, какъ Максимъ Грекъ: „Ты человѣкъ разумной, говоритъ онъ Максиму,—и можешь насъ пользовати, и пригоже было намъ тебя спрашивати, ка́къ устроити государю землю свою, и ка́къ людей жаловати, и ка́къ митрополиту жити“...—Протестъ Берсеня былъ не единичнымъ. Кн. Курбскій, указывая въ одномъ изъ своихъ посланій на то, какъ всюду истинный врагъ рода человѣческаго, сатана, „изліялъ ярость свою на вѣрныя и изливаетъ, и прельстилъ страны многія и прельщаетъ“,—послѣднюю жертву дьявольскихъ козней видитъ въ современной ему Московской Руси: „Зри и здѣсь прилежно, обращается онъ къ читателю, како сопротивпая злымъ совѣтомъ его (древняго змія) приходятъ. Державные, призваннне и на власть отъ Бога поставленные, да судомъ праведнымъ и въ кротости и въ милости державу управятъ,—грѣхъ ради нашихъ вмѣсто кротости свирѣпѣе звѣрей-кровоядцовъ обрѣтаются, яко ни отъ естества подобнаго пощадѣти попустиша, неслыханныя смерти и муки на доброхотныхъ своихъ умыслиша. О нерадѣніи же державы и кривдѣ суда и о несытствѣ грабленій чужихъ имѣній ни изрещи риторскими языки седнешнія бѣды возможно... Воинской же чинъ нынѣ худѣйшій строевъ обрѣтеся, яко многимъ не имѣти не токмо коней, къ бранемъ уготованныхъ, или оружій ратныхъ, но и дневныя пищи, ихъ же недостатки и убожества и бѣды и смущенія всяко слово превзыде. Купецкій чинъ и земледѣлецъ всѣ днесь узримъ, како стражутъ, безмѣрными дани продаваеми и отъ немилостивыхъ приставовъ влачими и безъ милосердія біеми, и овы дани земше, овы взимающе, о иныхъ по-

мышляюще и иные умышляюще. Бѣдно виденіе и умиленъ позоръ! Таковыхъ ради нестерпимыхъ мукъ овымъ безъ вѣсти бѣгуномъ отъ отечества быти, овымъ любезныя дѣти своя и исчадія чрева своего въ вѣчныя работы продавати, и овымъ своими руками смерти себѣ умышляти, удавленію и быстринамъ рѣчнымъ и инымъ таковымъ себе предавати, отъ многія горести душамъ помрачитися естественному ихъ бытству... Но горе грабящимъ и кровь проливающимъ и милости и суда неимущимъ во властѣхъ своихъ!.. Время отмщенія близь есть"!..—„Въ извѣстномъ смыслѣ это пророчество сбылось—замѣчаетъ проф. Павловъ: въ „смутное время" имѣли свой день мести всѣ классы русскаго земства и общества, „изобиженные" московскимъ тягломъ и повинностями"...

Не мало разныхъ „нестроеній" было и на чисто реальной, житейской почвѣ, при чемъ вызывалось уже съ другой стороны,—отъ „нѣмцевъ"... Московскіе земскіе люди, особенно „купецкаго чина", уже очень скоро стали чувствовать „нѣмецкое злодѣйство"...

Въ 40-хъ годахъ XVII ст. возникаютъ значительные безпорядки и смуты во многихъ мѣстностяхъ Московскаго государства, причиною чему являются притѣсненія отъ нѣмцевъ, жившихъ на Руси по торговымъ дѣламъ. „А ихъ, государь,—говорится въ одной дошедшей до насъ челобитной, поданной по этому случаю отъ торговыхъ людей разныхъ городовъ,—нѣмецкое злодѣйство къ намъ, холопемъ и сиротамъ твоимъ, всего государства торговымъ людемъ, и лукавый умыселъ тебѣ, праведному государю, мы, холопи твои, объявляемъ"... „Злодѣйство нѣмецкое" заключалось въ слѣдующемъ: Ежегодно пріѣзжало въ Московское государство торговыхъ людей англичанъ человѣкъ по 60—70 и больше. Они устроили свои склады въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, на Вологдѣ, въ Ярославлѣ, Москвѣ и др. городахъ, такъ что ихъ поселенія при Михаилѣ Θеодоровичѣ доходили по Волгѣ уже до самой

Астрахани. Окончательно водворившись въ Московскомъ государствѣ, нѣмцы завели постоянную торговлю не только по его окрайнамъ, но и во внутреннихъ городахъ. Это были въ большинствѣ представители богатыхъ и старинныхъ торговыхъ фирмъ и пользовались покровительствомъ русской власти, такъ что конкуренція съ ними была для мѣстныхъ торговцевъ нелегка и даже опасна... Какъ-то нѣмцы хотѣли купить 900 пуд. шелку, давали за него по 77 ефим. за пудъ, но московскіе купцы перебили у нихъ эту покупку, набавивъ на всю сумму 8.000 ефимковъ; но когда москвичи привезли этотъ шелкъ въ Архангельскъ, нѣмцы не купили у нихъ ни одной гривенки и говорили: „Мы доведемъ до того, что московскіе купцы настоятся на правежѣ за долги,—заставимъ ихъ впередъ торговать лаптями"... Часто нѣмцами производились искусственное поднятіе и пониженіе цѣнъ на товары: „Какъ которой товаръ будетъ подороже, и они тотъ товаръ учнутъ продавать, а который товаръ будетъ подешевле и на который товаръ походу нѣтъ, и они тотъ товаръ держатъ у себя въ домѣхъ года по два и по три,—да какъ тотъ товаръ подымется цѣною, такъ и продавать учнутъ"... На московскіе товары цѣны такъ упорно сбивались, что многіе купцы „плачучи отдавали свой товаръ на безцѣнокъ"... Проявилось и другое „злодѣйство". Прежде англійскіе „нѣмцы" вымѣнивали свои товары на русскіе черезъ мѣстныхъ купцовъ-посредниковъ; теперь стали покупать они на мѣстахъ ихъ производства сами, „свомъ заговоромъ", и „разсылаютъ—заявлялось въ челобитной—покупать по городамъ и въ уѣзды, закабаля и задолжа многихъ бѣдныхъ и должныхъ русскихъ людей, и тѣ товары покупя, русскіе люди привозятъ къ нимъ, а они провозятъ въ землю свою безпошлинно. А иные русскіе товары они, английскіе нѣмцы, у города продаютъ на денги галанскимъ и бараборскимъ и анбурскимъ нѣмцамъ, а вѣсятъ у себя на дворѣ въ свои телѣги, и возятъ на галанскіе и на бараборскіе и на анбурскіе корабли тайно, и твою государеву пошлину кра-

дутъ. Всѣми торгами, которыми искони вѣчными мы, холопи и сироты твои, торговали,—завладѣли аглинскіе нѣмцы, и отъ того мы, холопи и сироты твои, своихъ искони вѣчныхъ старыхъ торговыхъ промысловъ отстали и къ Архангельскому городу ѣздить перестали"... Въ челобитной указывается между прочимъ и такая уловка „нѣмцевъ", отъ которой особенно чинилась поруха и государевой казнѣ и земскимъ людямъ: первоначально право торговли въ Московскомъ Государствѣ получили только 23 человѣка,—которые и были поименованы въ жалованной грамотѣ; изъ нихъ потомъ осталось въ живыхъ всего 3—4 человѣка, да и тѣ уже не ѣздили въ Россію; пріѣзжали же сюда совсѣмъ другіе люди, не имѣвшіе никакого права на это, называясь братьями, племянниками, прикащиками лицъ, записанныхъ въ грамоту... Что касается до непосредственной торговли для русскихъ купцовъ за границей,—послѣдніе не должны были и думать объ этомъ: Ярославскій торговый человѣкъ Антонъ Лаптевъ поѣхалъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ въ Голландію съ пушнымъ товаромъ,—„нѣмцы" тамъ у него ничего не купили; когда же онъ вернулся въ Архангельскъ,—тѣ же нѣмцы взяли его мѣха по большой цѣнѣ и не стѣсняясь при этомъ заявляли: „Для того мы у Онтона Лаптева товару не купили, чтобы инымъ русскимъ торговымъ людемъ ѣздить въ наши государства не было повадно. А только въ нашихъ государствахъ русскіе люди учнутъ торговать такъ же, какъ мы у васъ,—и мы всѣ станемъ безъ промысловъ, такъ же оскудѣемъ, какъ и вы, торговые люди... Да не токмо вы, русскіе люди,—въ наши государства пытались пріѣзжать кизылбаши съ товарами своими, съ шолкомъ сырцомъ, и мы у нихъ потому же товаровъ не купили, и они, живучи долгое время, и опять назадъ съ товаромъ своимъ поѣхали къ себѣ, и послѣ того и ѣздить не стали... И вамъ бы, торговымъ людямъ, и то поставить себѣ въ большую находку, что его, Онтона, и съ голоду не уморили"... Кромѣ приведенной, передъ нами—рядъ другихъ челобитныхъ

отъ торговыхъ людей на „нѣмцевъ“ на ихъ „злодѣйства“ и „лукавые умыслы“ въ торговлѣ. Жалуются не только одни „торговые люди“, но и дворяне... Въ одной челобитной челобитчики просятъ государя—всѣхъ „заморскихъ нѣмецъ изъ Московскаго государства выслать и впередъ велѣть русскимъ людемъ торговать съ нѣмцы у Архангельскаго города“,—такъ какъ „московскіе гости и торговые люди во всякихъ торгѣхъ и въ промыслѣхъ отъ нѣмецъ погибли и раззорилися до конца, да нѣмцы жъ, будучи въ Московскомъ государствѣ, проповѣдываютъ про вѣсти и пишутъ въ свои земли всякіе дѣла“. Предлагалось даже нѣчто въ родѣ выкупа,—чтобы избавиться отъ нѣмцевъ: „А что де нѣмцы, говорилось въ челобитной, будучи въ Московскомъ государствѣ и въ городѣхъ устроили себѣ дворы и на дворѣхъ поставили палаты, и только де укажетъ государь тѣ ихъ дворы со всѣмъ строеньемъ оцѣнить, чего тѣ дворы стоятъ, и за тѣ де дворы гости и торговые люди денги по цѣнѣ нѣмцамъ заплатятъ міромъ. А у которыхъ де нѣмецъ Московскаго государства на торговыхъ людехъ есть кабальные долги, и тѣ де долги нѣмцамъ русскіе люди заплатятъ; а чего де будетъ тѣмъ должникомъ заплатить вскорѣ будетъ немочно, и тѣ де достальные долги нѣмцамъ заплатятъ гости-жъ и торговые люди міромъ. А на комъ де нѣмцы скажутъ долговые денги безъ кабалъ, и тому бы, государь, по своему государеву уложенію вѣрить не велѣлъ: будетъ де кому нѣмцы въ какихъ долгѣхъ вѣрили безкабально, и они де съ тѣми людьми въ долгу сочтутца по душамъ“...

Все это, съ своей стороны, поддерживало въ массѣ глухое недовольство,—создавало почву для протестовъ...

Какъ вся наша древняя письменность, и различные протесты литературные противъ современныхъ общественныхъ „нестроеній“ въ московской литературѣ XVI—XVII вв. первона-

чально возникаютъ въ той же церковно-монастырской сферѣ,—но уже скоро принимаютъ характеръ болѣе широкій. Рядомъ съ вопросами спеціально церковными или даже монастырскими,—въ литературѣ быстро ставятся вопросы, имѣвшіе значеніе несравненно болѣе широкое...

Важнѣйшими памятниками этого рода въ московской литературѣ являются—помимо относящихся сюда и отчасти уже упоминавшихся полемическихъ посланій „заволжцевъ", помимо сочиненій Максима Грека и кн. А. М. Курбскаго,—такія анонимныя произведенія, какъ знаменитая *Бесѣда Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ*, апокрифическое *Пророчество Исаіи о бѣдствіяхъ послѣднихъ временъ*, *Сказаніе о Петрѣ Волосскомъ воеводѣ, како писалъ похвалу благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси*, принадлежащее тому же анонимному автору *Сказаніе Ивана Пересвѣтова о царѣ турскомъ Махметѣ, како хотѣ сожещи книги греческія*, и др. п. Позднѣе, болѣе широкое и всестороннее обсужденіе современныхъ „нестроеній" находитъ себѣ мѣсто въ сочиненіяхъ Котошихина и Крижанича.

Расширенію рамокъ возникшей литературной борьбы, критическаго обсужденія „нестроеній", усиленію и развитію общаго броженія,—особенно способствуетъ литературно-обличительная дѣятельность Максима Грека († 1553). Обсужденію, критикѣ подвергается имъ не только тотъ или другой частный вопросъ церковной или монастырской жизни, но весь современный строй жизни русскаго общества, всѣхъ его сторонъ—религіозной, умственной, нравственной, даже спеціально-литературной... Максимъ Грекъ былъ человѣкъ свѣжій; свое образованіе онъ получилъ въ университетахъ западной Европы,—долго жилъ во Флоренціи, Венеціи, Парижѣ, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ Саванароллой, слушалъ въ Венеціи лекціи Іоанна Ласкариса, въ близкихъ отношеніяхъ стоялъ съ извѣстнымъ переводчикомъ и издате-

лемъ Адольфомъ Мавуччи. Слѣдуя примѣру своего флорентійскаго учителя, Максимъ Грекъ выступаетъ съ страстными и безпощадными обличеніями,—матеріаловъ для которыхъ было такъ много въ Московской Руси половины XVI вѣка... Съ грозными словами обличенія обращается Максимъ Грекъ къ людямъ „живущимъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими и молитвами преподобныхъ молящимися къ Богу по вся дни, надѣющимся спасеніе получити",—„къ лихоимцамъ и скверн ымъ, всякія злобы исполненнымъ, а каноны всякими и различными пѣсньми угождати чающимъ"... Смѣло обличаетъ тѣхъ постниковъ, которые „обрекаются не ясти мяса въ понедѣльникъ, будто спасенія ради бо̂льшаго, а на винопитіи сидять весь день, ищутъ въ тыя дни, гдѣ братчины, гдѣ пированіе, и упиваются до пьянства и безчувствуютъ всякимъ безчиніемъ"... „Что отвѣщаемъ мы, смиреннiи – съ горестью обращается онъ къ своимъ новымъ соотечественникамъ—иже всю надежду спасенія нашего полагаемъ въ единомъ лишеніи мясъ и рыбъ и елея во времена священныхъ постъ,—а еже обидѣти и лихоимствовати бѣдныя подручники и въ судищи влачити ихъ и враждебнѣ ихъ ратовати и озлобляти различнѣ не престаемъ?!"... „Тогда мнѣ—говоритъ къ лихоимцамъ Божія Матерь—еже отъ тебе частѣ пѣваемое: „радуйся!" благопріятно будетъ, егда увижу тя дѣломъ совершающа моего Рождества (Родившагося отъ меня) заповѣди и отступивша всякія вкупѣ злобы..., ихъ же дондеже держишися и, бѣдно живущихъ убогихъ кровьми веселяся,—сугубыми росты и трудовъ безчисленными нужами несытно ихъ испивая мозги"... „Вы наипаче прогнѣвасте моя утробы—говоритъ къ русскимъ современникамъ Максима Господь—доброгласныхъ пѣній и колоколовъ шумъ предлагающе Мнѣ, и многоцѣнное иконъ украшеніе и различныхъ мѵръ благоу-

ханія... Отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ, лихоимания и хищенія чужихъ имѣній сія приносите Мнѣ.. Не доброшумныхъ колоколовъ и пѣснопѣній и многоцѣнныхъ мvръ требуя, о человѣцы, снидохъ на землю и во зракъ вашъ облекохся, но желая презѣльнѣ вашему спасенію...,—да приведу васъ къ Богу житіемъ честнымъ и нравы равноангельскими. Сего ради и въ книгахъ спасительныя заповѣди, поученія и наказанія моя повелѣхъ вписати, да можете вѣдѣти, како подобаетъ вамъ угодити мнѣ. Вы же книгу моихъ словесъ внутрьуду и внѣуду зѣло обильно украшаете сребромъ и златомъ, силу же написанныхъ въ ней моихъ велѣній ниже пріемлете, ниже исполнити хотяще паче же сопротивно, или же дѣете ложна и суетна сія обличаете"...

Въ ряду сочиненій Максима Грека однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ является *Слово пространне излагающее съ жалостію нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія...* Авторъ рисуетъ аллегорическую картину: Шелъ я по трудному и скорбному пути—разсказываетъ онъ—и вдругъ встрѣтилъ жену, сидящую при пути, съ поникшею головою и горько плачущую,—одѣта она была въ черныя ризы, какія носятъ вдовицы, а кругомъ со всѣхъ сторонъ около нея рыскали волки, львы, медвѣди, шакалы... Я ужаснулся такой неожиданной встрѣчѣ,—спросилъ жену: кто она? зачѣмъ сидитъ здѣсь, на распутіи, и плачетъ?.. Дивная жена долго отказывалась отвѣчать на вопросы,—боясь, чтобы путникъ, предавъ все сказанное ею „писанію", не навлекъ на самого себя какихъ-либо бѣдствій... Уступая однако настойчивымъ просьбамъ, женщина сказала: „Странникъ! Я одна изъ благородныхъ и славныхъ дочерей Царя Небеснаго; мое имя Василія,—царство. Я получила это имя отъ Вышняго въ знакъ того, что владѣющіе мною должны служить крѣпостью и утвержденіемъ для своихъ

подчиненныхъ, а не виною пагубы и смятенія... Меня хотятъ подчинить себѣ славолюбцы и властолюбцы,—изъ нихъ мало такихъ, которые бы устрояли дѣла своихъ подчиненныхъ сообразно значенію моего имени; одолѣваемые сребролюбіемъ и лихоимствомъ, они морятъ подданныхъ всяческими истязаніями, постройками многоцѣнныхъ домовъ, нисколько не служащихъ къ утвержденію ихъ державы, а только на излишнее угожденіе и веселіе блудливыхъ душъ ихъ... Они растлѣваютъ благочестивый царскій санъ своими неправдами, лихоимствомъ, богомерзкимъ блудомъ; они скоры на пролитіе крови, по своему неправедному гнѣву и звѣрской ярости...; они не внимаютъ ни духовному священническому поученію, ни совѣтамъ многоискусныхъ старцевъ, ни прещеніямъ священныхъ писаній“.. На вопросъ, что̀ значитъ этотъ пустынный путь и окружающіе звѣри—жена отвѣчала: „Пустынный путь—образъ окаяннаго сего послѣдняго вѣка, какъ уже лишеннаго благовѣрномудрыхъ царей, ревнителей Отца Небеснаго. Нынѣшніе цари заботятся только о томъ, чтобы расширить предѣлы державъ своихъ, другъ на друга враждебно ополчаясь, другъ друга обидя и радуясь кровопролитію вѣрныхъ народовъ, другъ на друга навѣтуя,—какъ дикіе звѣри, всяческими лаяньями и лукавствами“...

Переписка Курбскаго († 1583) съ Грознымъ представляла столкновеніе старыхъ общественно-политическихъ понятій съ новыми, уже упрочившимися теперь, столкновеніе общественныхъ взглядовъ, которые уже давно сложились въ Москвѣ и наиболѣе крайнимъ выразителемъ которыхъ явился Іоаннъ IV,—съ тѣми старыми, уже отжившими теперь, воззрѣніями, которыя нѣкогда существовали въ древней Руси и запоздалымъ борцомъ за которыя выступилъ Курбскій... Курбскій — защитникъ удѣльнаго древне-русскаго государственнаго строя, раздраженный противникъ новой столь быстро упрочившейся московской теоріи царской власти, обратившей нѣкогда свободныхъ дружинниковъ-бояръ въ го-

сударевыхъ холоповъ... Рядомъ съ посланіями къ царю, на почвѣ тѣхъ же мнѣній, Курбскій пишетъ *Исторію великаго князя Московскаго*, „исторію новоизбіенныхъ мучениковъ“,— не только страстный личный протестъ противъ неслыханныхъ тиранствъ „лютого и безчеловѣчнаго царя“, всѣхъ окружающихъ его „пагубниковъ отечества, тѣлесоядцевъ и крово·пивцевъ“, дозволяющихъ „безстудствовати такому человѣкоразтерзателю“, но и первый для Москвы болѣе серьезный трудъ по исторіографіи, первое прагматическое сочиненіе...

Бесѣда Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ, крайне спутанная и вообще весьма неискусная по внѣшнему изложенію, является замѣчательнымъ литературнымъ памятникомъ по своему содержанію. Произведеніе касается самыхъ различныхъ сторонъ современной общественности. Главная, исходная мысль автора, къ которой онъ постоянно возвращается, которую много разъ повторяетъ, это—монастырямъ не должны принадлежать вотчины. „Вотчинъ и волостей со христіаны (крестьяны) отнюдь инокомъ не подобаетъ давати; то есть инокомъ душевредно—мірскими суетами мястися... Царемъ иноковъ селы и волости со христіаны жаловати не достоитъ, и не похвально есть царемъ таковое дѣло“... „Отнюдь то есть царей и великихъ князей простота, а иноческая погибель, опять нѣсколько ниже повторяетъ авторъ, что отрекшимся инокомъ міра сего—тѣми мірскими суеты, грады и волости со христіаны, владѣти...; отнюдь не достоитъ инокомъ на сесвѣтное ни на что же позавидѣти, токмо возлюбити небесная“... Авторъ укоряетъ иноковъ, что они мнятъ себя „разумнѣе всѣхъ человѣкъ“; „былъ-бы ихъ разумъ, возражаетъ авторъ, разумнѣе всѣхъ,—тщалися-бы на душевное спасеніе, а волостей со христіаны за монастыри не залучали и того-бы бѣгали, и поминка и посуловъ не пріимали, и льстивыхъ рѣчей-бы не внимали, и мірскія суеты, постригшися, бы не возлюбили,—и имѣли-бы въ себѣ образъ смиренномудрія съ молчаніемъ, а не свирѣпствомъ и яростію на хри-

стіанскія слезы,—и во царѣхъ такое свирѣпство мало будетъ"... Авторъ обвиняетъ впрочемъ не столько самихъ иноковъ, сколько царей, которые „даютъ инокамъ свои царскія вотчины, грады и села и волости со христіаны": всѣмъ этимъ „цари спроста, простотою своею отвращаютъ иноковъ отъ душевнаго спасенія и вводятъ иноковъ въ великую и безконечную погибель... Отнюдь то инокамъ не надобно и не потребно и не подобаетъ, и всего того отреклися иноки... Отнюдь то есть царское небреженіе и простота несказанная, а иноческая безконечная погибель—волости владѣти и міръ судити и отъ нихъ по христіаномъ приставомъ ѣздити и на поруки ихъ давати и пьянству во инокѣхъ быти и мірскими слезами кормитися,—волости со христіаны отрекшимся инокомъ владѣти. И не достоитъ иноку... ѣздити съ вершники, аки воину на брань; подобаетъ инокомъ вооружатися противъ сѣтей вражіихъ..,—а такое дѣло не богоугодно, что инокомъ изъ міру, аки царевымъ мірскимъ приказнымъ, сбирати себѣ всякіе царскіе доходы"... Царей, которые раздаютъ инокамъ города и вотчины, авторъ считаетъ даже недостойными носить титулъ самодержцевъ: „Таковымъ царемъ не достоитъ ся писати самодержцемъ ни въ чемъ, понеже съ пособники Богомъ данное царство и міръ воздержатъ, а не собою, ниже съ своими пріятели, съ князи и съ боляры, но не съ погребенными владѣетъ; съ мертвецы бесѣдуетъ таковый царь. Лучше степень и жезлъ и царскій вѣнецъ съ себе отдати и не имѣти царскаго имени на себѣ и престола царства своего подъ собою, нежели иноковъ мірскими суеты отъ душевнаго спасенія отвращати"... Иноки должны питаться „отъ своихъ праведныхъ трудовъ и своею потною прямою силою, а не царскимъ жалованьемъ и не христіанскими слезами,—послѣдствовати прежнимъ инокомъ, и во всемъ быти, аки прочіи преподобніи и пустынные жители"... „Не иноческимъ воеводствомъ, ниже ихъ храбростью грады крѣпятся и міръ строится, но ихъ постомъ и молитвами и непрестан-

ными слезами... Гдѣ въ мірѣ будетъ власть иноческая, а не царскихъ воеводъ,—ту милости Божія нѣсть"... Въ монастырскихъ вотчинахъ авторъ видитъ главную причину паденія современнаго монашества. Указывая на древнихъ иноковъ— „каковы ризы носили и какъ на славу и на величество и на христіанскія слезы гдѣ накупалися и у кого что насильствомъ и лжами отнимали и отъ кого чести и славы и волостей со христіаны получали? всего того они угодники Христовы убѣгали"—авторъ противопоставляетъ древнимъ отшельникамъ современныхъ иноковъ: „А мы окаяннiи многогрѣшнiи иноцы вылгали у всемилостиваго у небеснаго Владыки таковый нося великій образъ,—нареклися иноцы, а иноцы есмы, да только не на иноческую добродѣтель, но на всякую злобу иноки.. И сверхъ монастырскіе казны да еще крадемъ, и всяко себѣ въ собину собираемъ... Во иноческомъ образѣ строимъ каменныя ограды съ палаты и позлащенные узоры, съ травами многоцѣнными, аки царскіе чертоги украшаемъ себѣ въ келіяхъ... Мнози во иноцѣхъ сряжаются въ образъ той, яко женихъ на женитву,—не для ради смиренномудрія и душевныя мзды, но для ради высокоумныя славы и величества... Таковые ангельскому чину посмѣхъ творятъ"... Въ ряду современныхъ иноковъ авторъ многихъ обвиняетъ даже въ поддѣлкѣ письменныхъ свидѣтельствъ: „А сего цари не вѣдаютъ, говоритъ авторъ, и не внимаютъ, что мнози книжницы во иноцѣхъ, по дьявольскому наносному умышленію, изъ святыхъ божественныхъ и изъ преподобныхъ житія выписываютъ и выкрадываютъ изъ книгъ подлинное преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе, и на то же мѣсто въ тѣ жъ книги приписываютъ лучшая и полезная себѣ, носятъ на соборы во свидѣтельство, будьто ся подлинное святыхъ отецъ писаніе"... Авторъ, повидимому, не всѣми доволенъ и изъ высшихъ представителей иночества; онъ убѣждаетъ царей „порадѣти о спасеніи міра всего, паствы своея, и избирати на святительскую власть крѣпко и подлинно вѣдущихъ ино-

ковъ на всяку добродѣтель, и ставити ихъ на таковый чинъ не по дружбѣ, ниже по посуломъ, но истинно, по правдѣ, нелицемѣрныхъ постниковъ и къ Богу подвижниковъ“..— Отъ иночества авторъ переходитъ къ изложенію своихъ взглядовъ на царскую власть: „Мнози глаголютъ въ мірѣ, замѣчаетъ онъ, яко самовольна человѣка сотворилъ есть Богъ на сесь свѣтъ. Аще-бы самовластна человѣка сотворилъ Богъ на сесь свѣтъ, и онъ-бы не уставилъ царей и великихъ князей и прочихъ властей и нераздѣлилъ-бы орды отъ орды. Сотворилъ Богъ благовѣрные цари и великіе князи и прочія власти на воздержаніе міра сего для спасенія душъ нашихъ“... Послѣднее принимаетъ авторъ даже въ буквальномъ смыслѣ: „Аще-бы въ мірѣ о семъ всегоднемъ посту, говоритъ онъ, не царская всегодняя гроза, ино въ воляхъ своихъ не каются по вся годы, ниже послушаютъ поповъ,—да еще многихъ поповъ для того отъ мѣстъ откажутъ, слабости своея ради посмѣются попомъ. Мнози начнутъ глаголати сіе: мзды ради попы глаголютъ, что покаятися и говѣти по вся годы вездѣ... А не разсудимъ, продолжаетъ авторъ, что яко скоти несмысленніи... не готови мремъ (т. е. безъ покаянія и причастія)—слабости ради и самовольства для царской простоты“... Авторъ переходитъ дальше къ вопросу о томъ, какъ должны цари управлять своимъ царствомъ, съ кѣмъ должны совѣтоваться. „Царю достоитъ непростовати, съ совѣтники совѣтъ совѣщати о всякомъ дѣлѣ, а святыми божественными книгами сверхъ всѣхъ совѣтовъ внимати и почасту ихъ прочитати“... Мысль эту повторяетъ авторъ не разъ. Авторъ особенно вооружается противъ вліянія иноковъ: „Не съ иноки, говоритъ онъ, повелѣлъ Господь царемъ царство и грады и волости держати и власть имѣти,—съ князи и съ бояры и съ прочими съ міряны, а не съ иноки. Инокомъ повелѣ Господь за царя и за великихъ князей въ смиренномъ образѣ Бога молити“... „Подобаетъ съ міромъ во всемъ вѣдати царю самому, со властьми своими, а не съ иноки“, повторяетъ нѣсколько разъ

авторъ. Авторъ особенно вооружается противъ „обавниковъ", которыхъ цари слушаютъ, которыхъ сами же „испосулятъ"; таковые цари дадутъ отвѣтъ предъ Небеснымъ Царемъ „за множество міра и неразсудныя власти своея". Авторъ возстаетъ далѣе противъ „мудрыхъ грамотниковъ, а больше того отъ книгъ сказателей", которые являются „при царѣхъ",—„мало будетъ въ нихъ (въ этихъ „грамотникахъ") разумѣющихъ въ помощи съ міромъ царю святыми божественными книгами. Мнози убо въ нихъ сыщутся и начнутъ быти въ крылысѣхъ горазные пѣвцы, кождо ихъ начнетъ хвалити свое пѣніе, а ни объ одномъ переводѣ ихъ съ небеси свидѣтельства не было да и не будетъ... На таковыхъ бо глупцовъ былъ извѣтъ: аки волы ревутъ другъ передъ другомъ, въ пѣніи томъ тщатся, ногами пинающе и руками трясуще, главами кивающе, аки бѣснующіися, гласы испущающе. Таковые-то будутъ при послѣднемъ времени начало лживыхъ пророкъ"... Въ частности авторъ требуетъ, чтобы цари и великіе князи „изъ міру всякіе доходы своя съ пощадою собирали и всякія дѣла дѣлали милосердно...,—а не гнѣвно, не по наносу"... Авторъ обнаруживаетъ вообще заступничество за массу населенія: вооружаясь противъ ненормальностей современной иноческой жизни, онъ не разъ заступается за „труждающихся на насъ", „милующихъ и питающихъ насъ",—за „трудниковъ мірянъ и прочихъ православныхъ христіанъ"... Заступникомъ за массу населенія онъ является и предъ „царями"; авторъ указываетъ на разбои и хищничества, которыя причиняются населенію отъ своихъ собственныхъ воиновъ: „Невѣрные тщатся, говоритъ онъ, въ ротѣхъ на убійство и грабленіе и на блудъ и на всякую нечистоту и злобу своими храбростями, и тѣмъ хвалятся; а вѣрнымъ воинамъ подобаетъ къ войнамъ быти съ царскаго повелѣнія, и стояти противъ враговъ креста Христова,—а къ своевѣрнымъ и въ домѣхъ ихъ быти кротко, щедро и милостиво, и ихъ не бити, ниже мучити, и грабленія не творити, женъ и дѣвицъ не сквернити, черницъ и вдовицъ.

и прочихъ сиротъ и всѣхъ православныхъ христіанъ ничѣмъ не вредити,—да отъ ихъ слезъ и воздыханія воини злѣ не постраждутъ. Подобаетъ въ войнахъ быти и помнити всегда смертный часъ, съ чистотою и со всякою добродѣтелью,—и таковому войску бываетъ невидимо, овогда и видимо, отъ Бога помощь и одолѣніе"... Авторъ видитъ и другія нестроенія въ окружающей жизни, результатъ „иноческихъ грѣховъ" и „царской простоты": „Помолитеся, взываетъ онъ, царіе и великіе князи и прочіи съ міромъ власти, со всѣми вселенскими соборы, Господу Богу и Спасу нашему... и Пречистѣй его Матери.., призовемъ на помощь святыхъ ангелъ и архангелъ, святыхъ пророкъ и апостолъ и мученикъ.., и всѣхъ святыхъ лики—за множество грѣховъ своихъ, и за простоту прежнихъ государей и христолюбивыхъ царей, и за великихъ богоизбранныхъ благовѣрныхъ князей русскихъ, и за священническій и за иноческій чинъ грѣховъ ихъ, и помяните въ молитвахъ своихъ весь родъ христіанскій. Умножилася есть предъ Богомъ и за весь міръ простота царей и великихъ князей и вопіетъ къ Богу грѣхъ священническій и иноческій и кровь христіанская и обида и слезы на обидящихъ, и паче всѣхъ и за всѣхъ на иноковъ!".. Съ горечью жалуется авторъ на вліяніе иновѣрцевъ: „Любимыя братья! взываетъ онъ: Бѣда и скорбь и погибель роду христіанскому,—отставшимъ вѣры христіанскія, возлюбивъ слабую и прелестную и незаконную намъ латынскую и многихъ вѣръ вѣру, и позавидѣхомъ иже на невѣрныхъ ризамъ ихъ отъ главы и до ногу, и ихъ обычаемъ. А того не узнахомъ, чему отъ невѣрныхъ порадѣемъ, а послѣди со слезами поработаемъ и горько въ неволяхъ постражемъ. Понеже Богъ неповелѣ на невѣрныхъ ризъ и на ихъ обычаи вѣрнымъ человѣкомъ завидѣти,—богомерзко и незаконно ихъ житіе и обычай ихъ непріятенъ"... „Горе роду христіанскому, взываетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—прельстившимся въ невѣрныхъ порты и шлыки и имущимъ ихъ на себѣ!.." Авторъ указываетъ на „бритье бородъ и усовъ",—и взываетъ къ цар-

ской власти, которая одна можетъ удержать отъ всего этого. Авторъ отмѣчаетъ и дѣйствительное паденіе въ народѣ религіозности: „Царю и великому князю уставити вездѣ, совѣтуетъ авторъ, своею царскою смиренною грозою—бородъ и усовъ не брити, не торшити, и сану своего ничѣмъ не вредити,—крестное знаменіе на себѣ сполна воображати, каятися, говѣти по вся годы всякому человѣку вездѣ, исповѣдатися Господеви и отцемъ духовнымъ отъ двоюнадесяти лѣтъ мужеска полу и женска“, и т. д...

Таково содержаніе этого замѣчательнаго памятника. Въ приложеніи къ нему, по нѣкоторымъ спискамъ, читается *Ино сказаніе*, — принадлежащее очевидно другому автору. „Ино сказаніе“ сосредоточивается исключительно на вопросѣ о царскихъ совѣтникахъ,—и рекомендуетъ въ этомъ отношеніи мѣру, значительно отличающуюся отъ той, которая указывается авторомъ „Бесѣды“. По мнѣнію автора „Иного сказанія“, цари должны управлять своимъ государствомъ въ совѣтѣ не съ отдѣльными „князи и боляры“, а съ „единомысленнымъ вселенскимъ совѣтомъ“...

Впрочемъ, не молчали и проповѣдники послѣднихъ мнѣній, защитники интересовъ иноковъ и вообще духовенства. Съ XVI вѣка тянется въ нашей литературѣ цѣлый рядъ сочиненій въ защиту вотчинныхъ правъ монастырей, цѣлый рядъ „словъ“ и „посланій“, направленныхъ противъ „обидящихъ церкви божіи“, посланій „о вольностяхъ церковныхъ“, „о неприкосновенности церковныхъ имуществъ“ и т. д. Въ XVII вѣкѣ литературная борьба особенно обострилась въ связи съ дѣломъ патріарха Никона,—который съ особой энергіей нападаетъ на самое *Уложеніе* Алексѣя Михаиловича, какъ на „проклятую книгу“....

Премудрости греческихъ философовъ и латинскихъ докторовъ и Петра Волосного воеводы—написано, повидимому, въ подражаніе различныхъ дидактическихъ сочиненій о государствѣ, и имѣетъ форму письма отъ нѣкоего Пересвѣ-

това (имя, конечно, вымышлено) къ Іоанну IV о качествахъ, необходимыхъ царю. Подъ видомъ совѣтовъ, неизвѣстный авторъ указываетъ въ своемъ произведеніи тѣ общественныя „нестроенія", которымъ страдало Московское царство XVI вѣка... „Да и того не хвалитъ (Петръ Волосскій воевода), сообщаетъ авторъ,—что усобную войну на царство свое напущаетъ (Іоаннъ IV), даетъ городы и волости вельможамъ своимъ, и вельможи отъ слезъ и крови рода христіанскаго богатѣютъ нечистымъ собраніемъ: и какъ съѣдетъ съ кормленій съ городовъ и волостей и въ обидахъ присужаютъ имъ поля и въ томъ много грѣха сотворяютъ... Вельможи русскаго царя сами богатѣютъ и лѣнивѣютъ, и царство оскужаютъ, и тѣмъ ему слуги называются, что цвѣтно и конно выѣзжаютъ на службу его, и крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ противъ недруга, смертною игрою не играютъ... Москвитянинъ Васька Мерцаловъ началъ сказывати Петру, Волоскому воеводѣ: Вѣра (на Руси), государь, христіанская добра, и всѣмъ полна, и красота церковная велика, а правды нѣтъ... И потому Петръ Волосскій воевода заплакалъ: „Коли правды нѣтъ, то и всего нѣтъ"...

Соотвѣтственно общему господствующему настроенію идей вѣка,—литературные протесты противъ „нестроеній" рано принимаютъ особый, какой-то апокалипсическій характеръ. Псковскій лѣтописецъ въ бѣдствіяхъ родного города и всей области видитъ знаменія „послѣдняго времени". Разсказавъ о взятіи города, лѣтописецъ замѣчаетъ: „А всему этому Богъ повелѣлъ быть за наши грѣхи. Ибо писано въ Апокалипсисѣ, въ главѣ 54: пять царей минуло, а шестой есть, но еще не пришелъ,—шестымъ же царемъ именуетъ (царя) въ Руси скиѳскаго острова; онъ то и есть шестой, потомъ еще седмой, а осьмой антихристъ. Вотъ Христосъ во св. Евангеліи сказалъ: да не будетъ бѣжство ваше зимѣ, ни въ суботу. Но вотъ уже пришла на насъ зима. Сему царству разширяться и зло-

дѣйству умножиться. Охъ, увы!..“ Псковичи начинаютъ смотрѣть на Москву именно съ этой апокалипсической точки зрѣнія. По поводу женитьбы московскаго князя Ивана Васильевича, псковскій лѣтописецъ замѣчаетъ: „Великій князь женился и взялъ княгиню Настасью, и были вѣнчаны царскими утварями, и захотѣлъ царство устроить на Москвѣ... А писано въ Апокалипсисѣ, глава 54: пять царей минуло, а шестой есть, но еще не пришло,— но вотъ уже настало и пришло“... Обиды, которыя терпѣли въ Псковѣ отъ Москвы, иногда предвѣщались и небесными знаменіями; такъ въ 1547 году (когда московскій великій князь опалился на псковичей, пришедшихъ къ нему съ жалобой на московскаго намѣстника,—„безчествовалъ ихъ, обливалъ виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчой зажигалъ, и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ на землю“...)— въ Псковѣ было знаменіе: на небѣ надо всѣмъ Псковомъ кругъ бѣлый, а отъ Москвы наступали на этотъ бѣлый кругъ другіе круги, весьма страшные, и на большомъ кругу перепояски; а къ Опочкѣ виденъ былъ столпъ дуговидный,—ибо, поясняетъ лѣтописецъ послѣднюю черту знаменія, тогда и къ Опочкѣ послалъ князь великій воеводу съ 2000 войска, мстя за Салтана Сукиныхъ, ибо тотъ салтанъ пошлинникъ много дѣлалъ зла, и опочане, изымавъ (его), посадили въ крѣпость“...

На особой апокалипсической отчасти точкѣ зрѣнія стоитъ и упоминавшійся выше старецъ псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳей,—который рѣшается свои мистическія думы и опасенія повѣдать непосредственно самому московскому князю, съ цѣлью предостеречь его отъ грядущихъ бѣдствій. Констатируя совершившееся событіе,—что „вся царстія православныя христіанскія вѣры снидошася во едино царство“ московское,—старецъ продолжаетъ: „Подобаетъ тебѣ, царю, сіе держати со страхомъ божіимъ; убойся Бога, давшаго ти сія,—не уповай на злато и богатство и

славу... Сія же писахъ ти, любя и взывая и моля,—да премѣниши скупость на щедроты и немилосердіе на милость; утѣши плачущихъ и вопіющихъ день и нощь, избави обидимыхъ изъ руки обидящихъ... Господь поможетъ ти,—аще добрѣ устроиши свое царство, будеши сынъ свѣта и гражанинъ вышняго Іерусалима... Блюди и внемли, благочестивый царю,—вся христіанскія царства снидошася во твое едино; два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти!..“ И въ заключеніе приводитъ пророчество св. Ипполита объ антихристѣ...

Эти апокалипсическія воззрѣнія—вмѣстѣ съ протестами и полемикой—съ полов. XVII в. ск особенной рѣзкостью возраждаются въ расколѣ, по поводу всякаго рода нахлынувшихъ „новшествъ“...

III.

Западныя вліянія раньше всего находятъ доступъ въ Московскую Русь черезъ Новгородъ. Съ полов. XVI—въ XVII вв. ихъ пути идутъ черезъ юго-западную Русь, преимущественно изъ Польши, отчасти изъ южной славяно-итальянской среды, отчасти непосредственно съ Запада. Съ половины XVII в. рядъ кіевскихъ ученыхъ переносятъ свою литературную дѣятельность непосредственно въ Москву...

И въ XIV и въ XV вв. общее культурное развитіе въ Новгородѣ—гораздо выше, чѣмъ какое видимъ за это время въ Москвѣ. Сравнительно съ другими областями, въ періодъ татарскаго ига Новгородъ находился вообще въ болѣе лучшихъ условіяхъ. Болѣе изолированное его географическое положеніе въ значительной степени ослабляло тягости ига... Въ Новгородѣ за все это время мы видимъ поэтому го-

раздо бо́льшее развитіе книжной дѣятельности, чѣмъ гдѣ либо,—особенно въ XIV—XV вв., передъ окончательнымъ паденіемъ политической свободы Новгорода, и сосредоточеніемъ затѣмъ всего древне-русскаго и образованія и литературы въ Москвѣ... Не только въ XV, но и въ XVI в., на Москвѣ мы видимъ довольно значительныя вліянія болѣе высокой новгородской культуры, — напр. въ искуствѣ, а также и въ другихъ сферахъ. Въ области искуства западная новизна начинаетъ сказываться въ Новгородѣ уже съ XV вѣка,—между тѣмъ въ Москву она проникаетъ лишь съ пол. XVI в., и изъ Новгорода... Въ Новгородѣ, Псковѣ и въ XIII—XIV вв., въ вѣка въ смыслѣ просвѣщенія наиболѣе у насъ глухіе и темные, просвѣщеніе повидимому не падаетъ окончательно, но понемногу подвигается впередъ, распространяется въ массахъ, даетъ начало духу пытливости, критики.. Въ XIV вѣкѣ здѣсь обнаруживаются стригольники; въ концу XV в.—жидовствующіе. Помимо ихъ „ересей",—это были наиболѣе образованные, книжные люди въ краѣ. Со второй половины XV в. въ Новгородѣ обнаруживается открытое стремленіе вызвать въ памяти, собрать во едино мѣстныя преданія, старую славу „великаго Новгорода",—какъ бы затѣмъ, чтобы противопоставить это умственное, духовное богатство все усиливавшимся притязаніямъ Москвы, еще бѣдной такой духовной жизнью. Таковы литературныя предпріятія новг. архіеп. Евѳимія (1430—1458) и Іоны (1458—147); послѣдній между прочимъ съ этой цѣлью вызываетъ сюда Пахомія Логоѳета дѣятельность котораго здѣсь главн. образ. посвящается закрѣпленію священныхъ преданій Новгорода... Наиболѣе видные дѣятели московской литературы XVI вѣка—м. Макарій, Сильвестръ—обязаны своимъ образованіемъ Новгороду или прямо пришли изъ Новгорода. Въ Новгородѣ же будущій московскій митрополитъ Макарій принимается за собираніе своихъ *Четь-Миней*... Уже къ концу XV вѣка въ Новгородѣ ходятъ по рукамъ старопечатныя латинскія

изданія,—а равно и библіи нѣмецкія... Вокругъ Геннадія мы видимъ уже цѣлый кружокъ образованныхъ людей и переводчиковъ...

Какъ было уже нами замѣчено, „ересь жидовствующихъ“ раньше всего вызываетъ въ московской литературѣ особенно сильное оживленіе. Возникшая въ самомъ началѣ новаго періода борьба съ ней особенно способствуетъ пробужденію и быстрому росту литературы Московскаго государства,—даетъ первый, наиболѣе сильный толчокъ къ пробужденію умственныхъ силъ страны...

Много чрезвычайно разнообразныхъ и сложныхъ сторонъ заключало въ себѣ возникшее броженіе; отмѣчаемъ лишь наиболѣе существенныя и выдающіяся его черты.

I. Исходнымъ пунктомъ броженія служатъ нападки на современную церковную іерархію,—обличеніе „недостоинства“ и „беззаконій“ низшаго духовенства и „ереси растущей и множащейся“—въ средѣ представителей высшей іерархіи. Обличенія такого рода раздавались уже давно; теперь вѣковая безплодность этихъ обличеній приводитъ наиболѣе смѣлыхъ книжныхъ людей къ отрицанію въ принципѣ всей іерархіи, отрицанію ея божественности. „Еритики“ отвергаютъ „весь вселенскій соборъ, патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ и игуменовъ и поповъ и весь чинъ священническій,—яко не по достоянію, поставляеми“, говорятъ, что всѣ митрополиты, епископы, игумены, весь чинъ священническій поставленъ по мздѣ, за деньги,—что всѣ они „недостойни суть, духопродавци суть“... „У кого ся причащати? говоритъ одинъ изъ еритиковъ: попы по мздѣ ставлены, митрополитъ и владыкы — по мздѣ же ставлены... Коли въ Царьградъ ходилъ митрополитъ ставитися, и онъ патріарху деньги давалъ; а нынѣ онъ бояромъ посулы даетъ тайно, а владыкы митрополиту даютъ деньги: ино у кого причащатися?..“ Обвиняя высшую іерархію въ симоніи, низшее духовенство „еретики“ укоряютъ въ недостой-

ной жизни, корыстолюбіи, жадности. „Сии учители—говорятъ они про приходскихъ священниковъ—пьяницы суть, ядятъ и пьютъ съ пьяницами, и взимаютъ отъ нихъ злато и сребро и порты,—отъ живыхъ и отъ мертвыхъ“...—„недостойны ихъ (священниковъ) службы, яко не нестяжаша, но имѣнія взимаютъ у крестьянъ, за живыя и за мертвыя“... Обличая все современное духовентство и монашество, „стригольники уловляли христіянъ тѣмъ словомъ, еже Христосъ рече ко апостоломъ: не имѣйте влагалищъ, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ“; указывая на корыстолюбіе духовенства и иноковъ, „еретики“ говорили: „се много собираютъ имѣнія!..“ Обличенія стригольниковъ падали, повидимому, на подготовленную почву: въ укоръ пастырямъ, о еретикахъ стригольникахъ „нѣціи безумніи“ и изъ православныхъ стали говорить: сіи не грабятъ и имѣнія не збираютъ!..“—Отрицая іерархію, „еретики“ въ принципѣ отвергали и монашество,—иноческій чинъ „ни во что же полагающе“. „Аще бы было—говорили одни изъ нихъ—иноческое житіе богоугодно, былъ бы самъ Христосъ и божественіи апостоли въ иноческомъ образѣ“... Другіе, указывая на слова апостола Павла: въ послѣдняя времена отступятъ нѣціи отъ вѣры внемлюще... ученіямъ бѣсовскимъ... лжесловесникъ.., возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ..,—заключали: „сіа реклъ апостолъ о иноцѣхъ: тіи бо возбраняють женитися и брашенъ ошаятися (избѣгать)“... „Еретики“ нападали на монашество, какъ на такое учрежденіе, которое противно „пророческимъ и евангельскимъ и апостольскимъ писаніямъ“, они „хулили„ иноковъ, говоря: „иноцы оставиша заповѣдь Божію и пророческое и евангельское и апостольское писаніе, и самомышленіемъ и смоученіемъ изобрѣтоша себѣ житіе и держатъ преданіе человѣческо...

II. Отвергая церковную іерархію, „еритики“ требуютъ права учительства для каждаго міряннна: пастырскому

авторитету духовенства и монашества они провопоставляютъ принципъ личной правоспособности каждаго въ религiозной сферѣ. Послѣ признанiя „недостоинства" всей современной iерархiи, послѣ отверженiя ея въ принципѣ, мысль эта была уже неизбѣжнымъ слѣдствiемъ. Ссылаясь на ап. Павла, еретики говорили: „Павелъ и простому человѣку повелѣ учити". И на самихъ себѣ они подавали примѣръ этому: „Ни священiя имуще, ни сана учительства, стригольници сами ся поставляють учителiе народа". „Како дерзнусте вы — укоряютъ стригольниковъ—учити святителей про устрой церковный, еже взимають у поставляющихся урокы церковвыя?" Ихъ подозрѣваютъ, что они хотятъ сами заступить мѣсто священниковъ: „завистью бо стрѣкаеми вы, стригольницы, востаете на святителей и на поповъ,—сами себѣ хотяще прехватити честь". Постоянными ссылками на „писанiя", „еретики" стараются доказать свою учительную правоспособность. Учительность, книжность составляетъ дѣйствительно существенную черту всѣхъ вообще нашихъ „еретиковъ"... При общемъ чрезвычайно низкомъ уровнѣ и умственнаго и нравственнаго развитiя массы приходскаго духовенства, при совершенной соцiальной забитости послѣдняго—попытки къ нѣкоторой самостоятельности въ церковной сферѣ, при всемъ непоощренiи къ этому, стали заявляться со стороны мiрянъ довольно рано. Уже въ XII—XIII вѣкѣ одинъ русскiй епископъ на соборѣ епархiальнаго духовенства замѣчаетъ: „Глаголющимъ не отъ божественнаго писанiя заграждайте уста... Аще ли кто противится вашему благовѣрiю—мнѣ повѣдайте: азъ обличу и отъ церкви отжену..."—Владимiрскiй соборъ (1274) отмѣчаетъ фактъ: „нѣцiи не священнiи освящають приносимая къ церкви плодоносiя, рекше крупы или кутья за мертвыя..." Тоже случилось позднѣе: „Случилась у васъ страшная вещь, пишетъ м. Фотiй въ 1410—17 г. во Псковъ: нѣкто „самъ на себе въсхыти

санъ священьства и крещаетъ"... М. Кипріанъ пишетъ, что „въ Псковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вещѣхъ". Архіеп. новг. Геннадій уже прямо жалуется м. Симону: „Беззаконіе во всей русской землѣ ведется: мужики озорные на крылосѣ поютъ, и паремью и апостолъ на амвонѣ чтутъ, да еще и въ олтарь ходятъ..., мужики-невѣжи учатъ робятъ..."

III. „Въ дѣлѣ размышленія о религіи всегда бываетъ такъ, что коль скоро въ головѣ мыслителя духовенство не выдерживаетъ критики, то вслѣдъ за тѣмъ подвергаются обсужденію и уставы, и шагъ за шагомъ мысль идетъ къ дальнѣйшему разрыву со всѣмъ, что́ принималось по авторитету". Такъ было и здѣсь. Обличенія и отрицаніе іерархіи и монашества скоро приводятъ стригольниковъ и „новгородскихъ еретиковъ" къ отрицанію всей церковной обрядности и внѣшности.

„Не достоитъ, говорятъ они, надъ мертвыми пѣти, ни поминати, ни приноса за умершаго приносити къ церкви, ни пировъ (извѣстные „кормы" по монастырямъ) творити, ни милостыню давати за душу умершаго". Впрочемъ, такихъ крайнихъ мнѣній держались далеко не всѣ „еретики": среди тѣхъ же псковскихъ стригольниковъ нѣкоторые продолжали дѣлать „приношенія къ церквамъ божіимъ", о чемъ замѣчаетъ въ 1427 году, въ одной изъ своихъ грамотъ противъ стригольниковя м. Фотій, запрещая священникамъ брать эти приношенія. Еретики отвергали иконы: не должно, говорили еретики, покланяться иконамъ: иконы—идолы. „Не подобаетъ, говорили одни изъ нихъ, покланятися плотскому смотрѣнію иже насъ ради вочеловѣчьшагося Бога Слова, ради иконнаго воображенія,—образу Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ и честному животворящему кресту и божественному евангелію и св. и животворящимъ тайнамъ Христовымъ,

и священнымъ сосудомъ и честнымъ мощемъ и божественнымъ церквамъ. Неподобаетъ рукотворенію покланятися"...

Указывая на слова Давида: идоли языкъ—сребро и злато, дѣла рукъ человѣчь, очи имуть и не видятъ, уши имуть и не слышать—еретики заключали: „мнитъ ми ся—сіе о иконахъ реклъ Давидъ". Приводя тексты писанія, еретики нападали и на самихъ православныхъ· „Богу къ Моисею глаголющу: да не сотвориши себѣ всякаго подобія; такожъ: да не сотворите себѣ богъ сребрянъ и златъ,—како, укоряли они православныхъ, Богу отрекшу, вы жь творите многа подобія, и покланяетеся и служите имъ?.." Когда еретикамъ указывали, что Богъ однако повелѣлъ тому же Моисею устроить скинію, кивотъ завѣта, херувимовъ въ скиніи, и т. д.,—„еретики" упорствовали и говорили: святи суть и честни вещи, о нихъ же повелѣ Господь сотворити Моисею, еже есть скинія, и херувимы, и кіотъ, и скрижали и ручка имущія манну и прочая, и почитати убо сихъ достоитъ, поклоняти же ся не подобаеть ничемужъ, развѣ единаго Бога". Другіе изъ новгородскихъ еретиковъ соглашались, что иконѣ Іисуса Христа можно покланяться, но возставали противъ остальнаго: буди убо (паки глаголеть еретикъ) иконѣ Христовѣ сіа тако, яко же глаголете, поклонятися подобаетъ,—что же о прочихъ отвѣщаете, ихъ же именуете святыхъ и образы ихъ написуете и мертвыа кости любите и почитаете?"... Нѣкоторые изъ новгородскихъ еретиковъ доходили до открытаго богохульства и наруганія надъ иконами. Впрочемъ, если въ средѣ новгородскихъ еретиковъ случались самыя дерзкія хулы, то здѣсь же слышались рядомъ и подобныя возраженія: „не подобаетъ писати—говорятъ нѣкоторые—на св. иконахъ святую и единосущную Троицу: Авраамъ бо видѣлъ Бога съ двѣма ангелома, а не Троицу". Къ этому же разряду „еретиковъ", вѣроятно, принадлежали и тѣ,

которые говорили: „достоитъ покланятися св. иконамъ и св. церквамъ, егда на востокъ, егда же не на востокъ, тогда не покланятися“...

IV. Возставая противъ церковныхъ обрядовъ и противъ всей вообще церковной внѣшности, „еретики“ стремятся къ болѣе внутренней, духовной сторонѣ религіозности. И среди псковскихъ стригольниковъ появлялись люди, которые, отвергая всю іерархію и всѣ церковные обряды — на небо взирающе тамо Бога отца собѣ нарицаютъ“. То же стремленіе къ духовности обнаруживается и среди новгородскихъ еретиковъ: „не требѣ— говорятъ послѣдніе—церкви, но самъ человѣкъ церковь. Глаголетъ бо Павелъ апостолъ: вы есте храмъ Божій...; св. Іоаннъ Златоустъ глаголетъ: церковь не стѣны, но народъ вѣрныхъ и благочестивыхъ людей“. „Еретики“ даже прямо становятся на евангельскую почву: опираясь на слова Спасителя, они требуютъ больше любви и милости: „приносяще на свидѣтельства Господни глаголы, еже рече: не осуждайте, да не осужени будете, и св. Іоанна Златоустаго, еже глаголетъ: не достоитъ никого же ненавидити или осужати, ниже невѣрнаго, ниже еретика и не достоитъ убивати еретика“,—новгородскіе еретики говорили: „не подобаетъ осужати ни еретика, ниже отступника“... „На свидѣтельство приносяще божественное писаніе“, они также требовали: „аще еретикъ или отступникъ обратится на покаяніе— вскорѣ ему подобаетъ входити во св. церковь и божественнымъ тайнамъ причащатися. Впрочемъ, мнѣнія „еретиковъ“ и въ этомъ самомъ близкомъ къ нимъ пунктѣ не всегда были одинаковы. Когда имъ доказывали „отъ божественныхъ писаній“, что „еретика и отступника подобаетъ не токмо осужати, но и проклинати, царемъ же и княземъ и судіямъ подобаетъ сихъ и въ заточеніе посылати и казнемъ лютымъ предавати“—„еретики“ уступали и говорили: „аще

и подобаетъ судити или осужати еретики и отступники, но царемъ и княземъ и святителемъ и судіямъ земьскимъ, а не инокомъ, иже отрекошася міра и всѣхъ яже въ мірѣ,—подолаетъ имъ точію себѣ внимати, и никого же осужати, ниже еретика, ниже отступника". Когда имъ и тутъ доказывали, что „всѣмъ человѣкомъ—и святителемъ и священникомъ и инокомъ и всѣмъ иже христіанская мудрствующимъ—еретики и отступники не точію осужати подобаетъ", но и проклинати, что „всѣмъ вѣрующимъ во святую и животворящую Троицу подобаетъ всякое тщаніе и подвигъ и богопремудростная коварства показовати, еже еретики крыющася испытовати и изыскати и истязати"—„еретики, злѣ мудрствуя", продолжали утверждать: „не подобаетъ много искати или истязати или испытовати о еретицѣхъ или отступницѣхъ, аще сами не исповѣдуютъ своея ереси и отступленія"...

V. Въ общемъ возникшемъ религіозномъ броженіи уже довольно ощутительно заявляетъ себя элементъ раціоналистическій. Возставая противъ почитанія мощей и чудотворныхъ иконъ, еретики говорили: „Како въ бездушныхъ тѣлесѣхъ и въ рукотворныхъ вещѣхъ Богъ чудеса творитъ?" „Еда (неужели) не можаше Богъ—говорили они, отвергая тайну воплощенія Спасителя—спасти Адама и сущихъ съ нимъ, еда не имѣаше небесныя силы и пророкы и праведникы, еже послати исполнити хотѣніе свое (спасеніе человѣка)? но самъ сниде, яко нестяжатель и нищь, и вълчеловѣчився и пострада, и симъ прехытри дьявола, не подобаетъ Богу тако творити"... „Како можетъ Богъ на землю снити и отъ дѣвы родитися, яко человѣкъ?" Отвергая догматъ троичности, еретики хотятъ объяснить отношеніе лицъ св. Троицы раціоналистически: „Яко же человѣкъ—говорятъ они—имать душу, яже ражаетъ слово, износимо усты духомъ и невидимо въ человѣцѣхъ, едина

же убо душа състоитъ въ тѣлеси, слово же и духъ исходита и погибаета на воздухъ разливаема: тако же и Отецъ, всѣхъ творецъ, имать Слово произносно и Духъ на въздухъ разливающься. Тѣмъже ни три лица, ни три съставы повѣдаемъ о Божествѣ,—яко же и человѣкъ, създанъ по образу Божію, не три лица имать, ни три съставы...“ Другіе, совершая литургію, совершали ее—„ядше и пивше и тѣло Христово ни во что же вмѣняюще, яко просто хлѣбъ, и кровь Христову, яко просто вино“. Указывая на несбывшіяся ожиданія кончины міра съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ (въ 1492 году),—о чемъ они иногда встрѣчали въ „писаніяхъ“,—еретики заключали: „святыхъ отецъ писанія ложна суть“. „Святіи отцы написали—разсуждали они—что седьмь тысящъ лѣтъ здѣшняго житія, а осьмая тысяща будущаго вѣка: нынѣ седмь тысящъ лѣтъ прошло, а конца нѣсть, и св. отецъ писанія ложна суть и подобаетъ сихъ писаніи огнемъ сожещи“. На основаніи такихъ же соображеній, еретики стали отвергать и „апостольскія писанія“. „Апостоли написаша, говорили еретики, яко Христосъ родися въ послѣдняя лѣта, и уже тысяща и пятьсотъ лѣтъ прейде по Рождествѣ Христовѣ, а втораго пришествія Христова нѣсть,—и апостольскія писанія ложна суть“... Такъ, сомнѣніе, возникавшее еще въ средѣ псковскихъ стригольниковъ (изъ которыхъ нѣкоторые — „истинныхъ евангельскихъ благовѣстій и преданій апостольскихъ и отеческихъ не вѣрующе.. “),—получало теперь, въ средѣ новгородскихъ еретиковъ, какъ бы тѣнь нѣкоторой логичности. Впрочемъ, по отношенію къ „писаніямъ“ и новгородскіе еретики не всѣ, повидимому, доходили до крайностей полнаго отрицанія: многіе не шли, кажется, дальше одного сомнѣнія. По крайней мѣрѣ, рядомъ съ крайнимъ отрицаніемъ мы видимъ и сомнѣніе: „мнози недоумѣють—замѣчаетъ пр. Іосифъ Волоцкій въ словѣ на ересь новгородскыхъ еретиковъ гла-

толющихъ, яко не подобаеть писати на св. иконахъ св. и единосущную Троицу: Авраамъ бо видѣлъ есть Бога, а не Троицу — мнози недоумѣють о семъ и глаголють: како святіи и божественніи отци и учителіе наши пишуть, овогда, яко святую Троицу пріатъ Аврамъ, овогда же, яко Бога пріатъ съ двѣма ангелома, овогда же, три ангелы пріатъ? сіа убо глаголы мняться, яко съпротивны себѣ...“ И когда пр. Іосифъ старался доказывать, что они „не суть съпротивны, но и зѣло съгласны“, что „Самъ Богъ яко человѣкъ и яко ангелъ показуется“—нѣкоторые отвѣчали на это заключеніемъ: „аще сіа тако суть, то нигдѣ же ангельскаго служенія нѣсть, но самъ Богъ въ ангела въобразуется или въ человѣка, и тако вездѣ является...“ Вольнодумныя мысли и религіозныя сомнѣнія заявлялись въ русскомъ обществѣ изрѣдка и въ другія времена, раньше и послѣ описываемаго времени. Еще въ XII вѣкѣ галицкій князь Владимірко замѣчаетъ съ усмѣшкой: „въ наше время чудесъ не бываетъ...“ А когда его упрекали въ нарушеніи крестнаго цѣлованія и грозили ему, что крестъ накажетъ его,—онъ отвѣчалъ: „сей ли крестецъ малый?“... Интересенъ разсказъ въ „житіи“ ярославскихъ кнн. Өеодора и его сыновей, составленномъ ок. 1471—1473 года: біографъ разсказываетъ о наказаніи, постигшемъ мѣстнаго архіерея и церковнаго слѣдователя за недовѣрчивость къ мощамъ князей. „Архіеп. Трифонъ послалъ протопопа, мужа рѣчистаго, грамотѣ гораздаго и гордаго, дозрѣть мощей чудотворцевыхъ“, разсмотрѣть, „исцѣленія отъ нихъ по правдѣ ли будутъ“. Протопопъ не вѣрилъ этимъ чудесамъ, подозрѣвая—не игуменъ ли Спасскаго монастыря, гдѣ покоились мощи, дѣйствуетъ здѣсь нечистой силой „на прельщеніе человѣкомъ“, чтобы пріобрѣсть богатство, „еже приношаху граждане на молебны, къ рацѣ приходяще“... Когда онъ съ такими мыслями приступилъ къ

осмотру мощей, внезапный ударъ повергнулъ его на землю; у него отнялись языкъ, руки и ноги, и онъ лежалъ въ разслабленіи, каясь въ своемъ окаянствѣ... Услышавъ о бѣдѣ съ протопопомъ, владыка, раздѣлявшій его недовѣріе и подозрѣніе въ волшебствѣ, содрогнулся и былъ пораженъ разслабленіемъ, удалился на покой въ монастырь къ мощамъ ярославскихъ чудотворцевъ и прожилъ тамъ до смерти, „плачася грѣховъ своихъ"... Въ „житіи" нов. архіеп. Іоанна, составленномъ въ концѣ семидесятыхъ или въ восьмидесятыхъ годахъ XV столѣтія, авторъ его замѣчаетъ: „азъ окаянный слышахъ о житіи праведнаго мужа... и невѣріемъ одержимъ быхъ и ятъ мя нѣкоторый недугъ неизцѣленъ..." Въ „житіи" Михаила Клопскаго XV—XVI в. разсказывается „чудо святаго о попѣ невѣрующемъ": „іерей... бѣ къ святому невѣріемъ одержимъ..." Рязанскій епископъ Кассіанъ не оказывалъ уваженія мощамъ св. Димитрія Прилуцкаго, а другъ его и „стаинникъ", архим. Иларіонъ хулилъ мощи архіепископа Іоны; Зиновій Отенскій въ словѣ объ открытіи этихъ мощей (въ 1558 г.) съ горечью замѣчаетъ, что присутствіе упомянутаго архимандрита при торжествѣ „помѣшало нѣкоторымъ въ храмѣ почувствовать благоуханіе отъ мощей". При открытіи въ томъ же 1558 году мощей еп. Никиты, „намѣстникъ стоя у гроба усомнился въ возможности, чтобы мощи сохранились впродолженіе 450 лѣтъ..."; тогда же явились къ архіепископу „попы града", чтобы выразить свое сомнѣніе о новоявленныхъ мощахъ..."—Кн. Курбскій въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что о соборныхъ апостольскихъ посланіяхъ „нѣцыи" изъ кирилловскихъ и іосифовскихъ монаховъ—„блядутъ, иже бы старцы або презвитеры писали ихъ церковные, а не апостоли, и потому нарицутся церковные, а титулы апостольскіе чести ради приписаны къ нимъ: сію бо ересь, прибавляетъ онъ, на Москвѣ слышахъ отъ нѣкоторыхъ кириловскихъ

мниховъ, понеже между нѣкоторыми изъ нихъ таковая секта крыется, яко и между осифлянскихъ мниховъ не бытна ересь,—того бо ради люты и безчеловѣчни и лукави зѣло, и властей и имѣній желатели, иже не надѣются за всѣ прегрѣшенія отвѣта дати на судѣ...“ Въ такихъ же мнѣніяхъ относительно апостольскихъ посланій историки церкви заподазриваютъ м. Даніила (1522—1539). Къ изложенному прибавимъ, что разныя вольномыслія заявлялись иногда и въ средѣ первыхъ раскольниковъ.

VI. Къ отмѣченному присоединялись какіе-то неопредѣленные, неясные старо-еретическіе толки и заявленія съ оттѣнками прямого жидовства. Нѣкоторые еретики новгородскіе говорили: „А еже пророцы рекоша о Сынѣ Божіи, той есть Іисусъ Христосъ, и Сынъ Божій не по существу же, но по благодати...“ Архіепископъ Геннадій находилъ въ мнѣніяхъ новгородскихъ еретиковъ ересь мессаліанскую и маркіанскую“; пр. Іосифъ говоритъ, что „жидовствующіе держали ереси многи, десятословіемъ на жидовство учаще и ересь саддукейскую и месаліанскую ересь держаще“. „Жидовствуя“, еретики говорили: „Нѣсть св. Троицы... Христосъ еще не родился, но еще будетъ время, егда имать родитися, а его же глаголютъ христіане Христа Бога, тотъ простъ человѣкъ есть, а не Богъ, и распятъ бысть овъ іудей и истлѣ въ гробѣ, яко человѣкъ, и не воскресе, ни вознесеся, ни имать судити человѣкомъ“. Свойства не совсѣмъ ясныя собственно іудейскаго элемента въ ереси „жидовствующихъ“ лучше всего кажется, опредѣляетъ современный лѣтописецъ, замѣчая, что еретики „больше ветхаго завѣта держахуся, по іудейски пасху празднowаху...“.

VII. Наконецъ, въ общемъ хаосѣ религіозныхъ „сумнѣній“ слышатся и мнѣнія прямо матеріалистическія. На почву полнаго отрицанія стали переходить уже нѣкоторые

изъ псковскихъ стригольниковъ, тѣ изъ нихъ, которые „еже и воскресенію не надѣюще быти мняху“; въ средѣ новгородскихъ еретиковъ подобныя мысли заявляются еще опредѣленнѣе: „Что́ то царство небесное? Что́ то воскресеніе мертвыхъ? Ничего того нѣсть. Умеръ кто инъ, то умеръ,—по та̀ мѣста̀ и былъ“... Религіозная мысль, разъ оторвавшихь отъ почвы обряда, теряла подъ собою всякую почву, и быстро ударялась въ область самаго крайняго отрицанія...

Мы отмѣтили наиболѣе выдающіяся черты происходившаго религіознаго броженія; но ко всему сказанному должны прибавить одно общее замѣчаніе Крайнія, указанныя нами мнѣнія (о которыхъ говорятъ намъ дошедшіе памятники, обличавшіе возникшее броженіе), повидимому, вовсе не были основой „ересей“; повидимому, мнѣнія эти были скорѣе частными мнѣніями отдѣльныхъ лицъ, и не составляли главной сущности „еретическихъ“ толковъ. Относительно ереси стригольниковъ это очевидно изъ самыхъ памятниковъ: всѣ они, начиная съ грамоты патр. Нила (1382) и кончая посланіями м. Фотія (въ 1427 году), говорятъ главнымъ образомъ о „протораxъ“ и „истораxъ“, „иже на поставленіяхъ“,—этотъ вопросъ и составлялъ сущность и главное содержаніе возникшихъ „еретическихъ“ мнѣній; изъ грамотъ Фотія, не говоря объ общемъ тонѣ ихъ, чрезвычайно мягкомъ,—видно, что нѣкоторые „еретики“ и въ 1427 году, какъ было замѣчено, продолжали дѣлать приношенія въ церковь, а священники принимали эти приношенія, слѣдовательно и послѣ довольно продолжительнаго періода существованія стригольнической ереси (первые стригольники были казнены еще въ 1376 году) общее еретическое движеніе было еще настолько умѣренно, что нѣкоторые представители его продолжали исполнять свои христіанскія обязанности... Что касается до „ереси жидовствующихъ“, то невольно думается, что православная ревность Геннадія и

Іосифа Волоколамскаго (а для изученія „ереси“ мы и имѣемъ только данныя, вышедшія изъ ихъ рукъ) значительно преувеличивала дѣло. Какъ-то страннымъ кажется напр. такое обстоятельство: „На Москвѣ живутъ, пишетъ Геннадій, еретики въ ослабѣ... Иные и служили тамъ: Гаврилко попъ служилъ на Москвѣ, а Денисъ попъ—тотъ въ Архангелѣ служилъ, да на литургіи деи за престоломъ плясалъ, да и кресту наругался... Да съ тѣми то попы служили архимандриты и игумены и протопопы и священники многіе“... Врядъ ли „архимандриты и игумены и протопопы и священники многіе“ стали бы служить съ такимъ открытымъ богохульникомъ, да къ тому же, врядъ ли могло быть такъ публично—„на литургіи, за престоломъ“—и самое богохульство такого рода. Тѣмъ болѣе, что тотъ же Геннадій (какъ и пр. Іосифъ) не разъ въ грамотахъ замѣчаетъ о „еретикахъ“, что они „всячески покрываютъ свою ересь“: „и какъ ихъ (еретиковъ) спроси, и онъ (еретикъ) говоритъ: язъ де православный христіанъ“... Мы не хотимъ заподазривать фактическую вѣрность разсказовъ Геннадія и пр. Іосифа Волоцкаго о крайныхъ богохульствахъ еретиковъ и наруганіяхъ ихъ надъ икоными, крестами и т. п.; намъ кажется только, что факты эти были болѣе частными, случайными явленіями, и не заключали существенной стороны „еретическаго“ броженія. „Хулы“, въ которыхъ пр. Іосифъ Волоцкій обвиняетъ м. Зосиму (1490—1494), признаются историками русской церкви прямо „преувеличеніями“; что же касается до тѣхъ дѣйствій съ икоными, которыя, по словамъ пр. Іосифа, позволяли себѣ нѣкоторые новгородскіе „попы-еретики“, — то для объясненія такихъ странныхъ поступковъ чрезвычайно важными являются слова современнаго лѣтописца подъ 1488 годомъ, въ которыхъ онъ передаетъ извѣстіе о казни „новгородскихъ еретиковъ“, постигшей послѣднихъ при самомъ началѣ борьбы съ „ересью“.

Того же автора:

Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1882.

В. А. Жуковскій. Первые годы его жизни и поэтической дѣятельности. Казань, 1883.

Древне-славянское Евангеліе, принадлежащее Обществу археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Каз. университетѣ. Воронежъ, 1883.

Театръ до-Петровской Руси. Историко-литературный очеркъ. Казань, 1884.

XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы. Историко-литературный очеркъ. Спб., 1884.

Любопытный памятникъ русской письменности XV вѣка. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1884.

Св. Кириллъ и Меѳодій и совершенный ими переводъ св. Писанія. Казань, 1885.

Первые труды по изученію начальной русской лѣтописи (до изд. «Полн. Собр. Рус. Лѣт.»). Библіографическія замѣтки. Казань, 1885.

Приложеніе къ брошюрѣ: «Св. Кириллъ и Меѳодій» и пр. Библіографическія замѣтки. Казань, 1885.

Цвѣтущій періодъ древне-болгарской письменности и одинъ изъ его представителей. Воронежъ, 1886.

Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI в. Историческій очеркъ. Кіевъ, 1886.

Пушкинъ въ его произведеніяхъ и письмахъ. Казань, 1887.

Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. Москва, 1888.

Новый трудъ о Жуковскомъ (изъ «Ж. М. Н. Пр.»).

Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Обозрѣніе рукописнаго матеріала. Спб., 1888.

Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—IV. Казань, 1889—1891.

С. Т. Аксаковъ. Дѣтство и студенчество (изъ «Рус. Обозр.»).

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые опыты миѳологическихъ изученій. Казань, 1893.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые труды по изученію языка. Казань, 1894.

Григоровичъ и русская литература 40-хъ гг. Казань, 1894.

Памяти Н. С. Тихонравова. Ученые труды Тихонравова въ связи съ болѣе ранними изученіями въ области исторіи русской литературы. Казань, 1894.

Русскій театръ въ XVII в. (изъ «Рус. Обозр.).

Zur Geschichte des deutschen Lucidarius. Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Litteratur, herausgegeben von E. Schroeder und G. Roethe. Sonder-Abdruck. Berlin, 1897.

Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго Луцидаріусовъ. Казань, 1897.

Отчетъ о научныхъ занятіяхъ во время заграничной командировки. Казань, 1897.

Болгарскій Пѣснивецъ 1337 года (изъ «Извѣстій II Отд. И. А. Н.»).

Исторія литература, какъ наука. Варшава, 1897.

Программа лекцій по исторіи русской литературы, съ указаніемъ источниковъ и пособій. Казань, 1898.

Складъ имѣющихся въ продажѣ изданій—въ книжныхъ магазинахъ **Бр. Башмаковыхъ** и **Дубровина**, въ Казани.

ОБРАЗОВАНІЕ и ЛИТЕРАТУРА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

КОН. XV—XVII ВВ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета,

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ II.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1901.

ОБРАЗОВАНІЕ и ЛИТЕРАТУРА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

КОН. XV—XVII ВВ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета,

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ II.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета
1901.

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ А. Смирновъ

Изъ «Ученыхъ Записокъ» Императорскаго Казанскаго Университета за 1899—1900 гг.

Вслѣдствіе неоднократныхъ требованій Геннадія, „еретики“ наконецъ были подвергнуты торговой казни, и лѣтописецъ такъ извѣщаетъ объ этомъ фактѣ: „Того же года, биша новгородскыхъ поповъ кнутіемъ, присла же ихъ владыка Геннадій изъ Новгорода великаго, что поругалися иконамъ пьяны и послыша ихъ къ владыцѣ опять“...— и только. Это извѣстіе кажется намъ весьма важнымъ: изъ него видно, что другіе современники „ереси“ не видѣли въ ней того, что усматривалъ Геннадій и о чемъ онъ съ такою горячностью и настойчивостью на первыхъ же порахъ писалъ къ митрополиту, великому князю, къ епископамъ—и въ чемъ еще съ большей энергіей поддерживалъ его позднѣе пр. Іосифъ Волоколамскій... Какъ бы то ни было, невольно думается, что слѣдующими замѣчаніями пр. Іосифъ Волоцкій даетъ объ общемъ характерѣ ереси несравненно болѣе вѣрное представленіе, чѣмъ всѣми шестнадцатью „словами“ своего обширнаго „Просвѣтителя“: „Отступиша—пишетъ онъ къ архіепископу Нифонту въ 1493 году—мнози отъ православныя и непорочныя Христовы вѣры и жидовствуютъ въ тайнѣ. Иже преже ниже слухомъ слышася въ нашей земли ересь, отнели же возсія православія солнце,—нынѣ же и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищихъ—иноцы и мірстіи—вси сонмятся, вси о вѣрѣ пытаютъ, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ св. отецъ, но—отъ еретиковъ и отступниковъ Христовыхъ... и съ ними дружатся, и піютъ и ядятъ, и учатся отъ нихъ жидовству“... „Толико—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—прельстиша (еретики) и въ жидовство отведоша, яко не исчести мощно“... „Аще же кто, прибавляетъ онъ, и не отступи въ жидовство, то мнози научишася отъ нихъ писанія божественныя укоряти,—и на торжищахъ и въ домѣхъ о вѣрѣ любопреніе творяху и

сомнѣніе имяху"... Конечно, эта масса пулуеретиковъ, которую „не исчести мощно", и которую „прельщали" еретики—не доходила до тѣхъ крайностей, которыя выставляетъ въ ереси „жидовствующихъ" пр. Іосифъ; очевидно, связующимъ элементомъ между „новгородскими еретиками" и остальной массой православныхъ (...„съ ними дружатся, и пьютъ, и ядятъ, и поучаются отъ нихъ жидовству"...) служили вовсѣ не тѣ „хулы" и мерзости, которыя разсказывали о новгородскихъ попахъ-еретикахъ архіеп. Геннадій и Іосифъ Волоколамскій, и не тѣ мнѣнія крайняго отрицанія, которыми характеризуетъ ересь жидовствующихъ послѣдній: существовала, вѣроятно, почва болѣе умѣренная, болѣе такъ сказать нейтральная, на которой сходились съ „еритиками" православные, на которой послѣдніе „поучались" отъ еретиковъ и дружились съ ними... „Хулы" еретиковъ, очевидно, имѣли больше видъ общаго недовольства, общаго возбужденія, начинавшаго возникать во всей массѣ „книжныхъ людей" и остального общества, противъ крайностей господствовавшаго направленія религіозныхъ понятій...

Пр. Іосифъ Волоцкій въ только что приведенныхъ словахъ замѣчаетъ: „аще кто и не отступи въ жидовство, то мнози научишася отъ нихъ писанія божественныя укоряти..."; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что всѣ мудрствованія „еретиковъ" произошли отъ того, что „посмѣли много веществовати умолчанная (въ св. писаніи) и истязати сокровенная", вся погибель произошла отъ умнаго развращенія и мыслей благихъ оставленія..." Вотъ, въ послѣднемъ-то, кажется, дѣйствительно и заключалась основная, существенная черта „ереси". Безусловное довѣріе къ авторитету рушилось: возникъ духъ критики, критическаго отношенія ко всему строю церковной жизни, ко всему характеру современной религіозности...

Для уясненія возникшаго движенія,—чрезвычайно характерными являются и отношенія къ „еретикамъ“ такъ наз. бѣлозерскихъ старцевъ. Нельзя не остановиться мимоходомъ на характеристикѣ этихъ „старцевъ“: борьба съ ними у противниковъ ереси одно время идетъ совершенно параллельно...

Прежде чѣмъ перейти къ этой характеристикѣ, не можемъ не привести здѣсь сполна одного замѣчательнаго памятника полов. XVI в.,—вводящаго насъ непосредственно въ самый центръ борьбы тогдашняго нашего иночества. Разумѣемъ извѣстное посланіе о „нелюбкахъ“...

Спросилъ мя еси, почему Кирилова м-ря старцы Іосифовыхъ старцовъ не любятъ. И азъ вкратцѣ реку ти, съ коихъ мѣстъ нелюбка межь ихъ.

Егда бысть соборъ при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи и при Симонѣ митрополитѣ, о вдовыхъ попѣхъ и діаконехъ въ лѣто 7012 (1503), а на томъ соборѣ были архіепископы и епископы и архимандриты и честные игумены и честные старцы изо многихъ монастырей. Да тутъ же былъ старецъ Паисея Ярославовъ, еже бысть преемникъ великаго князя Василія отъ святыя купели, и ученикъ его старецъ Нилъ, пореклу Майковъ. Сей Нилъ былъ въ святѣй горѣ, и князь великій держалъ ихъ въ чести въ велицѣ. И егда совершися соборъ о вдовыхъ попѣхъ и діаконехъ, и нача старецъ Нилъ глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ,—а съ нимъ пустынники бѣлозерскіе. И сіе слышавъ игуменъ Іосифъ нача вопреки глаголати, приводя на свидѣтельство святаго преподобнаго Ѳеодосія, общему житію начальника, и святаго преподобнаго Аѳанасія Аѳоньскаго, и святыхъ преподобныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ чюдотворцовъ, и иныхъ многихъ монастырей,—еже у нихъ села. Тажъ и се глагола:

Аще у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному человѣку постричися? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію или архіепископа или епископа и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцовъ и благородныхъ,—ино вѣрѣ будетъ поколебаніе"... И божіими судьбами по ихъ волѣ не осталося. То —первая нелюбка!

Какъ не стало старца Нила, а ученикъ его князь Вассіянъ Косой, князь Ивановъ сынъ Юрьевича, и нача сей князь вельми побораги по своемъ старцѣ Нилѣ, еже бы у монастырей не было селъ,—и съ нимъ сташа иные старцы, съ ними жъ святогорцы. Се же бысть при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всея Руссіи. И не попусти сему быти, и имъ мнѣніе на Іосифа же. То—вторая нелюбка!

Также и новгородскіе еретики нача каятися лестно, а не истинно. И старецъ князь Васьянъ повѣрилъ имъ и учалъ за нихъ печаловати великому князю,—а съ нимъ и отъ владыкъ и отъ старцевъ начаша печаловатися. И сіе слышавъ Іосифъ, да написалъ къ великому князю, чтобы лестному ихъ покаянію не вѣрилъ, велѣлъ бы ихъ держати неисходны отъ темницы, чтобы иныхъ людей непрельстили. И князь великій Іосифа послушалъ. То—третья нелюбка! И они стали Іосифа про то укоряти великими укоризнами.

Да въ тѣжь времена старцы звенигородской князь Деонисій да Нилъ Полевъ, Іосифовы постриженники, жили въ пустынѣхъ на Бѣлѣ-озерѣ, близко Кирилова монастыря. И старецъ князь Діонисей Звенигородскій пріиде къ пустыннику и узрѣ у него крестъ подъ постелею, и прилучися въ та времена съ нимъ священникъ мірской. И паки, во иное время, пріиде ко иному пустыннику, а тотъ священникъ съ нимъ же: аже тотъ пустынникъ дер-

жить у себя въ рукахъ книгу; а келья у него топится. И какъ зазрѣлъ старца Діонисія, и тотъ пустынникъ книгу вкинулъ въ печь и книга згорѣла. И ту великую ересь видѣлъ старецъ Діонисій да и священникъ. И къ Іосифу старецъ Діонисій прислалъ старца Серапіона крестечника съ граматою, а въ ней написано, что у пустынниковъ видѣлъ ересь. Іосифъ прочетъ грамату, да послалъ ту грамату къ ростовскому архіепископу Васьяну, понежъ въ его архіепископьи. А въ та времена Васьянъ архіепископъ на Москвѣ былъ. И Васьянъ архіепископъ ту грамату подалъ великому князю. И великій князь ту грамату показалъ старцу князю Васьяну Косому, и рече ему: добро ли чинятъ твои пустынники? И Васьянъ рекъ великому князю: та деи, государь, грамата писана лукавствомъ а все солгано; вспроси-де, государь, попа. И князь великій велѣлъ поставити попа, да вспросилъ попа. И попъ сказалъ такъ, ка́къ въ граматѣ писано. И старецъ Васіанъ князь попа просилъ на пытку, и попа пытали, и ногу изломали, и попъ и умеръ, а не сговорилъ. И князь великій оподѣлся на старца на князя Діонисія да и на старца Нила, глаголюще: сами де межь себя бранятца, и меня грѣха доставили. Да велѣлъ князь великій старца Діонисія да съ нимъ Нила старца взяти въ Кирилловъ монастырь, и пустыни ихъ велѣлъ сжечи. То—послѣдняя вражда и до сѣхъ мѣстъ!

Егда жь Діонисей старецъ князь звенигородскій и старецъ Нилъ Полевъ были въ Кирилловѣ въ опалѣ, и повѣдаша намъ, яко тогда въ велицѣй нужи многи скорби претерпѣша. И повѣда намъ се старецъ Нилъ Полевъ. Егда, рече, быхъ въ велицѣй нужи и молихся со слезами и вспомянухъ, яко безъ благословенія изыдохъ отъ отца Іосифа и обѣщанія своего постриженія, и о семъ зѣло оскорбихся, и забыхъ всю нужу свою, и быхъ въ страсѣ велицѣ, и рѣхъ во сердци своемъ: что сотворихъ азъ окаянный, яко умираю

безъ прощенія. И начахъ призывати отца Іосифа въ молитвѣ своей и прощенья просити и рѣхъ: Отче господине пр. Іосифе! аще и мѣстомъ растоянія далече есмь, но сердцемъ и мыслію предъ тобою есмь, прости мя грѣшнаго,—и легохъ мало опочинучи, и видѣхъ себя въ монастырѣ отца Іосифа, и паки яко пріидохъ въ келью ко отцу Іосифу, и егда узрѣхъ его, падохъ на нозѣ ему, прощеніе прося. Онъ же объятъ мя мантіею своею и рече ми: Богъ тя проститъ. Азъ же отъ радости воспрянувъ и обрѣтохъ сердце свое безъ всякія скорби И въ малѣ времени князь великій повелѣлъ намъ ѣхати во Іосифъ монастырь.

Князь же Васьянъ старецъ враждовалъ много на Іосифа и монастырь его хотя разорити. И божіими судьбами по малѣ времени оподѣлся на него князь великій и послалъ его во Іосифовъ монастырь. Онъ же въ монастырѣ и преставися, и погребенъ бысть тамо.

О искони злоначальный врагъ роду человѣческому! Іосифъ все благочиніе и благоговѣинство снималъ съ Кирилова монастыря,—и се нынѣ діаволъ мнѣніемъ не смирну вражду положи межь такихъ свѣтилъ! Во истину сбыстся, якожь святіи отци рекоша, яко мнѣніе—второе паденіе. И паки рекоша: всѣмъ страстемъ мати—мнѣніе". [Сборн. XVI в. Моск. Син. б-ки, № 927, прежн. ка., лл. 187—190. Приб. къ тв. св. отц., X, стр. 504—508].

Важнѣйшіе представители „бѣлозерскихъ старцевъ"— Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ.

Біографическія свѣдѣнія о Паисіи Ярославовѣ крайне скудны и отрывочны. Предполагаютъ, что около половины XV в. онъ былъ инокомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; позднѣе нѣкоторое время живетъ въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ (1467—1474), и по настоятельному желанію великаго князя дѣлается здѣсь даже игуменомъ (1479—1482), но скоро уходитъ отсюда,—потому что, замѣчаетъ лѣтописецъ,

„не могъ обратить чернецовъ на путь Божій, на молитву, постъ, воздержаніе, они хотѣли даже убить его"... Затѣмъ мы видимъ его въ Москвѣ: въ 1484 году великій князь совѣтуется съ нимъ по дѣлу митр. Геронтія (разсорившагося съ княземъ и хотѣвшаго оставить митрополію), уговаривая Паисія быть вмѣсто него митрополитомъ, но тотъ отказался. „Князь великій—читаемъ въ Софійскомъ Временникѣ—поча думати съ Паисею, пригоже ли его (митрополита) опять взяти на митрополію, онъ-же сдума. Хотяше бо его самого на митрополію, онъ-же не хотяше"... Какъ причину отказа лѣтописецъ приводитъ упомянутый фактъ неудачнаго игуменства: „Принуди бо его (Паисія) дотолѣ князь великій у Троицы въ Сергіевомъ монастырѣ игуменомъ быти,—и не може черньцовъ превратити на Божій путь, на молитву и на постъ и на воздержаніе, и хотѣша его убити, и остави игуменство. И потому же и митрополію не восхотѣ"... Паисій присутствуетъ на соборахъ въ Москвѣ 1490 года, о новгородскихъ еретикахъ, и 1503 года, о вдовыхъ попахъ и монастырскихъ имуществахъ. Наиболѣе частымъ мѣстопребываніемъ Паисія были повидимому монастыри Кирилло-Бѣлозерскій и Спасо-Каменный, находившіеся въ предѣлахъ ростовской епархіи, и вообще пустыни „заволжскія". Годъ смерти неизвѣстенъ. Вмѣстѣ съ „ученикомъ" своимъ Ниломъ Сорскимъ († 1508) Паисій Ярославовъ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ какъ въ средѣ современной русской іерархіи, такъ и отъ великаго князя. Въ 1489 г. новг. архіеп. Геннадій, вступая въ борьбу съ новгородскими еретиками и сообщая о нихъ ростовскому архіепископу, проситъ послѣдняго посовѣтоваться съ жившими въ предѣлахъ его епархіи, Паисіемъ Ярославовымъ и Ниломъ Сорскимъ, и привлечь ихъ къ борьбѣ: „Да чтобы еси послалъ по Паисія да по Нила—пишетъ Геннадій —да съ ними-бы еси о томъ (рѣчь идетъ о распространившихся въ народѣ толкахъ о близкой кончинѣ міра) посовѣтовалъ... И ты бы съ Паисіемъ да съ Ниломъ накрѣпко по-

говорилъ—повторяетъ онъ нѣсколько ниже—чтобы и мнѣ отписалъ о томъ“. Геннадій и самъ хочетъ поговорить съ авторитетными старцами, — съ этой цѣлью даже приглашаетъ ихъ къ себѣ: „Да и о томъ ми отпиши, наказываетъ онъ, мощно ли у меня побывати Паисею да Нилу, о ересяхъ тѣхъ было съ ними поговорити“... Съ еще бо́льшимъ уваженіемъ относится къ Паисію и Нилу самъ великій князь. По свидѣтельству современниковъ, оба старца „ради крѣпкаго жительства и добродѣтели множества имѣли великое дерзновеніе къ державному, и были зѣло преемлемы и почитаемы у него“... Паисій былъ близокъ и къ самому семейству великаго князя, являясь воспреемникомъ его дѣтей. Въ 1480 г., вмѣстѣ съ митр. Геронтіемъ и архіеп. Вассіаномъ, Паисій ходатайствуетъ предъ великимъ княземъ за его брата.

Паисій Ярославовъ является духовнымъ руководителемъ другого, не менѣе знаменитаго современнаго подвижника, Нила Сорскаго, и какъ мы замѣчали, однимъ изъ старѣйшихъ представителей „бѣлозерскихъ“ или „заволжскихъ старцевъ“, — иноковъ, жившихъ по отдаленнымъ пустыннымъ монастырямъ вологодскимъ и бѣлозерскимъ, съ Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ во главѣ; старцы—назывались въ Москвѣ вообще „заволжскими“... Нила Сорскаго, главнаго представителя идей и стремленій „заволжскихъ старцевъ“, современники прямо называли „ученикомъ“ Паисія; въ письмѣ о „нелюбкахъ“: „да тутъ же (на соборѣ 1503 года) былъ старецъ Паисій Ярославовъ и ученикъ его, старецъ Нилъ Сорскій, по реклу Майковъ“... Взаимныя отношенія этихъ двухъ замѣчательнѣйшихъ представителей тогдашняго русскаго иночества были, повидимому, вообще постоянно самыя близкія и тѣсныя. Въ упоминаніяхъ современниковъ имена Паисія и Нила чаще всего встрѣчаются вмѣстѣ, рядомъ... Въ числѣ посланій Нила Сорскаго едва ли два не были написаны имъ къ Паисію: мы не знаемъ никого другого, съ которымъ могли-бы быть у

Нила столь глубокія нравственныя связи и къ которому въ тоже время онъ могъ бы относиться какъ къ своему духовному руководителю и наставнику... „Боюся, владыко мой—читаемъ въ одномъ изъ этихъ посланій—да не множество грѣхъ моихъ возбранитъ мнѣ насладиться твоего видѣнія..,—да утвердится ми сердце твоими словесы!. О частнѣйшій отче! свое чадо убогое не забывая, буди молитвенникъ ко Господу о моемъ окаянствѣ,—всегда быти благоволи, много молю твое преподобство, и на путь спасенія наставляти мое недостоинство, владыко, не отрицися“!... Во второмъ—прося опять молитвъ у того, „его же отъ пеленъ вожделѣхъ видѣти“,—авторъ пишетъ: „Можетъ бо, святый владыко, еже токмо видѣти тя злонравную ми душу увѣщати, во благонравіе приложитися и во умиленіе прійти... Не могу комуждо, яко же прилучися, обнажити язвы души моея,—но тебѣ токмо, святый владыко, яко и древняя моя цѣлившу“...

Общее направленіе „заволжскихъ“ иноковъ было строго аскетическое, но—несравненно болѣе внутренняго, духовнаго характера, чѣмъ какъ понимался аскетизмъ большинствомъ тогдашняго русскаго монашества. Общій фонъ ихъ стремленій—перевѣсъ внутренняго, духовнаго, идеальнаго, передъ внѣшнимъ, обрядовымъ. На взглядахъ и идеяхъ „старцевъ“ лежитъ общій отпечатокъ христіанской духовности; въ своихъ стремленіяхъ старцы хотятъ приблизиться къ первобытному евангельскому идеалу. Иночество, по ихъ мнѣнію, должно быть не тѣлеснымъ, но духовнымъ, и требуетъ не внѣшняго умерщвленія плоти, а внутренняго, духовнаго самосовершенствованія. Почва монашескихъ подвиговъ—не плоть, а мысль и сердце. Намѣренно обезсиливать, „умерщвлять“ тѣло излишне: слабость тѣла можетъ препятствовать подвигамъ нравственнаго самоулучшенія. Инокъ, напротивъ, можетъ и долженъ питать и поддерживать тѣло, „по потребѣ безъ мала“, даже—„успокоивать его въ малѣ“, снисходя физическимъ слабостямъ, болѣзни, старости... Во всякомъ случаѣ физическое пощеніе не

самое главное. О предметѣ этомъ, столь важномъ по господствовавшему взгляду того времени, Нилъ Сорскій дѣлаетъ лишь общее наставленіе: „Отъ всѣхъ обрѣтающихся брашенъ, аще и сладкихъ, пріимати по малу: се есть смысленныхъ разсужденіе“, говоритъ онъ,—а не ова избирати, ова же отлагати“... Непомѣрному пощенію Нилъ не сочувствуетъ: для подавленія страстей полезно уменьшать пищу, но вообще „неподобаетъ —говоритъ онъ словами Василія Великаго—брашны, ими же составляется тѣло, ратовати ѐ“... Нилъ Сорскій вообще врагъ всякой внѣшности; онъ считаетъ излишнимъ имѣть въ храмахъ дорогіе сосуды, золотые или серебрянные, и вообще украшать церкви: „еще ни одинъ человѣкъ не осужденъ Богомъ за то, что онъ не украшалъ храмовъ“... Церкви должны быть чужды всякаго великолѣпія; въ нихъ нужно имѣть только необходимое —„повсюду обрѣтаемое и удобь покупаемое“. Чѣмъ жертвовать въ церковь,—лучше раздать нищимъ... Подвигъ нравственнаго самосовершенствованія долженъ быть разумносознательнымъ. Инокъ долженъ проходить его не въ силу принужденій и предписаній,— а „съ разсмотрѣніемъ“,—„вся съ разсужденіемъ творити“... „Ты, какъ свѣча, говорили русскому иноку прежде,—воленъ только до церковныхъ дверей, а потомъ, не смотри, какъ и что изъ тебя сдѣлаютъ; ты, какъ одежда, знай себя до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ тебя въ руки, а потомъ не заботься, если разорвутъ тебя и на тряпки. Имѣй свою волю только до монастыря“... Нилъ Сорскій, ученикъ Паисія и глава „бѣлозерскихъ старцевъ“, смотритъ на инока не такъ. Онъ требуетъ отъ инока не механическаго послушанія, а сознательности въ подвигѣ. Здѣсь, какъ вездѣ,—„самая добрая и благолѣпная дѣланія, говоритъ Нилъ, съ разсужденіемъ подобаетъ творити. Вся дѣйствоваемая мудрованіемъ предваряти,— безъ мудрованія бо и добрая на злобу бываетъ“... Рѣзко возставая противъ „самочинниковъ“ и „самопретыкателей“, „старцы“ не уничтожаютъ въ инокѣ, личной свободный воли.

Преподавая въ своемъ *Правилѣ ученикомъ* —родъ монастырскаго устава—совѣты и наставленія, Нилъ Сорскій всегда даетъ ихъ подъ условіемъ,—„аще произволяютъ“,—„аще угодно Богу и полезно душамъ“; „аще же кто о сихъ вящшее и полезнѣйшее разумѣваетъ, прибавляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ—и онъ тáко да творитъ, и мы о семъ радуемся“... Это признаніе правъ личнаго, свободнаго разумѣнія, вмѣсто безотчетнаго, рабскаго „послушанія“ представляетъ характерную черту въ общемъ кругѣ воззрѣній Нила Сорскаго и всѣхъ „бѣлозерскихъ старцевъ“...

Личная воля инока (а равно и каждаго человѣка) должна подчиняться, по взгляду „старцевъ“, только одному авторитету—„божественнымъ писаніямъ“. Это—единственный источникъ къ познанію нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей инока. „Испытую божественныя писанія“, пишетъ Нилъ къ своимъ друзьямъ, „и тѣмъ внимаю; и аще чтó случится творити ми,—аще не обрящу то во св. писаніяхъ, отлагаю се на время, дондеже обрящу“.... „Свяжи себе законы божественныхъ писаній, пишетъ онъ одному изъ своихъ учениковъ,—и послѣдуй тѣмъ.., и безъ свидѣтельства писаній не твори чтó“!.. „Буди же усерденъ къ послушанію божественныхъ писаній—пишетъ онъ другому—и сихъ глаголы, яко водою духовною напаяя свою душу, тщися, елико по силѣ, по сихъ творити“... „Испытаніе“ божественныхъ писаній, изученіе ихъ—главная обязанность инока. Любовь къ этому „испытанію“, вообще книжныя занятія, были повидимому отличительною чертою „старцевъ“. „Тѣми (писаніями) поучаюся, замѣчаетъ Нилъ Сорскій, и въ томъ животъ и дыханіе мое имѣю“.. И аще кто, прибавляетъ онъ, любовію духовною прилѣпляется мнѣ,—такожде совѣтую дѣлати“.. Недостойная жизнь иноковъ и вообще человѣка исключительно зависитъ, по мнѣнію „старцевъ“,—„отъ еже не вѣдѣти намъ святая писанія“... И въ защитѣ своихъ мнѣній „старцы“ стараются исключительно стоять на этой почвѣ „писаній“,—защищая себя ссылками

„отъ святыхъ правилъ и отъ многихъ книгъ“,—на своихъ противниковъ смотря лишь, какъ на „незнающихъ писанія“ или „клевещущихъ истину евангельскую“...

Впрочемъ, по мнѣнію „старцевъ“, писанія—„не вся божественна суть“... Съ изученіемъ божественныхъ писаній должно быть соединяемо критическое отношеніе къ общей массѣ письменнаго матеріала. „Писанія многа, но не вся божественна“,—и слѣдовать нужно писаніямъ „истиннымъ, божественнымъ“... Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны книжныя занятія самого Нила Сорскаго. Переписывая книги, онъ подвергаетъ списываемый матеріалъ болѣе или менѣе тщательной критикѣ. Онъ списываетъ „съ разныхъ списковъ, тщася обрѣсти правый“,—дѣлаетъ сводъ наиболѣе вѣрнаго; сличая списки и находя въ нихъ „многа неисправлена“,—старается исправлять, „елико возможно его худому разуму“.. Въ случаѣ, если иное мѣсто кажется ему „неправымъ“, а исправить нé почему, Нилъ оставляетъ въ своихъ рукописяхъ пробѣлъ, съ замѣткой на поляхъ: „отъ здѣ въ спискахъ не право“, или: „аще гдѣ въ иномъ переводѣ (подлинникѣ) обрящется извѣстнѣйше сего, тамо да чтется“, — и оставляетъ такъ пустыми иногда цѣлыя страницы. Вообще онъ списываетъ только то, чтó „по возможному согласно разуму и истинѣ“... То же критическое отношеніе къ „писаніямъ“ мы видимъ и у Вассіана Патрикѣева, и вообще въ сочиненіяхъ, вышедшихъ изъ школы „заволжцевъ“... „Бѣлозерскіе старцы“ рекомендуютъ такимъ образомъ не простое чтеніе „писаній“, „почитаніе книжное“ (о необходимости котораго у насъ говорилось съ XI вѣка), но сознательное, критическое усвоеніе читаемаго. Эта мысль о критикѣ является новой, чрезвычайно характерной чертой въ воззрѣніяхъ „старцевъ“, и для тогдашняго круга грамотниковъ особенно необычной. Въ глазахъ послѣднихъ—всякая вообще „книга“ (кромѣ тѣхъ „ихъ-же не подобало чести“, граница которыхъ однако была крайне неопредѣленна и подвижна), все написанное—носило характеръ одинаковаго

авторитета, являлось одинаково непререкаемымъ, „боговдохновеннымъ“. И книги св. Писанія въ строгомъ смыслѣ, и творенія отцовъ церкви, и житія святыхъ, и патерики, и правила св. апостоловъ и соборовъ, и толкованія на эти правила, и добавленія къ нимъ, явившіяся впослѣдствіи, наконецъ, даже разнаго рода „градстіи законы“, т. е. указы и распоряженія византійскихъ императоровъ, и еще болѣе поздніе дополнительныя статьи къ нимъ, вошедшія въ Кормчую—все это въ глазахъ древнерусскаго читателя являлось одинаково неизмѣннымъ, неприкосновеннымъ, все это безразлично носило названіе „божественныхъ писаній“... Іосифъ Волоколамскій, одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, прямо доказываетъ, что напр. упомянутые „градстіи законы“—„подобны суть пророческимъ и апостольскимъ и святыхъ отецъ писаніямъ“, а сборники Никона Черногорца (простого греческаго монаха XI вѣка) смѣло называетъ „боговдохновенными писаніями“... Понятны поэтому укоры со стороны Іосифа—Нилу Сорскому и его ученикамъ, что „Нилъ и ученикъ его Васьянъ похулиша въ русской землѣ чудотворцевъ, иже въ древняя лѣта... бывшихъ чудотворцевъ,—чудесемъ ихъ не вѣроваша и отъ писанія измѣташа чудеса ихъ“... И Вассіянъ долженъ былъ защищаться: „Сіе Іосифе, лжеши на мя и на моего старца Нила, что мы хулимъ чудотворцовъ и древнихъ и новыхъ. Чудесъ изъ ихъ святыхъ писаній ничего старецъ Нилъ не выкинулъ, а наипаче исправилъ съ иныхъ, съ правыхъ списковъ“... Одна попытка сколько нибудь критическаго отношенія къ списываемому матеріалу даже лучшимъ людямъ казалась ересью...

Стремясь къ евангельскому идеалу, „бѣлозерскіе старцы“ не скрываютъ своего осужденія тѣмъ „нестроеніямъ“, которыя они видѣли въ большинствѣ современнаго русскаго монашества. Паисій Ярославовъ тщетно пытается обратить подчиненныхъ ему иноковъ „на божій путь, молитву, постъ, воздержаніе“...,—и молча протестуетъ, оставляя игуменство и уходя

изъ монастыря. Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ вооружаются противъ монастырской деморализаціи открыто. „Нѣкогда святое житіе иноческое — нынѣ мерзко бысть“, пишетъ Нилъ. „Отягчаются вся грады и веси отъ лжемонаховъ, обходящихъ и обтекающихъ всуе. Смущаются вси домувладыки—видяще тѣхъ прошаковъ безстудно у дверей своихъ пребывающихъ“... Вассіанъ Патрикѣевъ съ еще бóльшей рѣзкостью обличаетъ „презлыхъ осифлянъ“,—которые „не токмо яко мирстіи человѣцы живутъ, но и горше того“...

„Бѣлозерскіе старцы“, и во главѣ ихъ Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, какъ мы уже упоминали выше, выступили энергичными противниками монастырскихъ имуществъ, горячими проповѣдниками первобытной иноческой нищеты. Это вытекало непосредственно изъ общаго взгляда ихъ на сущность и цѣли иночества. Всякую собственость они считаютъ противорѣчащей иноческимъ обѣтамъ, рѣшительно несовмѣстимой съ стремленіями „инока“: инокъ отрекается отъ міра и всего, „яже въ немъ“; какъ же послѣ этого онъ можетъ тратить время на заботы о мірскихъ имуществахъ, земляхъ, богатствахъ?.. Иноки должны питаться исключительно своими трудами; даже подаянія могутъ принимать лишь въ крайнихъ случаяхъ. Они не должны „не точію не имѣти имѣнія, но ни желати то стяжавати“... Обязательное для инока „старцы“ считаютъ обязательнымъ и для монастыря: монастырь есть лишь собраніе людей съ одинаковыми, одними и тѣми же, цѣлями и стремленіями,—предосудительное иноку поэтому предосудительно и монастырю... Вопросъ о монастырскихъ имуществахъ имѣлъ животрепещущее значеніе, и отрицательное отношеніе къ нему „старцевъ“ естественно не могло не быть одною изъ главныхъ причинъ враждебности къ „старцамъ“ такихъ людей, какъ Іосифъ Волоцкій, а равно, съ другой стороны, открытой вражды „старцевъ“ къ „презлымъ осифлянамъ“,—причиной, „почему Кири-

лова монастыря старцы Іосифовыхъ старцевъ не любили“: по отзыву современника, — „то была межъ нихъ первая нелюбка“...

Вмѣстѣ съ проповѣдью идеальной иноческой нестяжательности, — „бѣлозерскіе старцы“ явились проповѣдниками большей религіозной терпимости. Это касалось другого чрезвычайно важнаго общественнаго вопроса времени, дѣла о „новгородскихъ еретикахъ“; болѣе снисходительное отношеніе къ нимъ „старцевъ“ было, по отзыву того же современника, новой причиной вражды къ „старцамъ“ „осифлянъ“, — „второй межъ нихъ нелюбкой“... „Старцы“ дѣйствительно въ этомъ случаѣ столь же рѣзко расходились съ господствовавшими взглядами, какъ и въ вопросѣ о монастырскихъ имуществахъ. Большинство духовенства смотрѣло совершенно иначе. Даже лучшіе его представители, напр. знаменитый нов. арх. Геннадій, совѣтуютъ собравшимся въ Москвѣ для суда надъ еретиками епископамъ — „токмо того-для учинити соборъ, что ихъ (еретиковъ) казнити, жечи да вѣшати“.. Другой современникъ, Іосифъ Волоцкій, доказываетъ въ особомъ посланіи, что еретика и отступника подобаетъ „не токмо осужати, но и проклинати..., и въ заточеніе посылати и казнямъ лютымъ предавати, — а всѣмъ, Христа любящимъ, подобаетъ всяко тщаніе и подвигъ и богомудростная коварства (!) показати, еже крыющаяся еретики испытовати и искати и истязати“...; что вообще — „еретика или грѣшника руками убити или молитвою — подвергнуть тѣлесной, гражданской казни или духовной, церковной — единo есть“.. Бѣлозерскіе старцы выступаютъ рѣшительными противниками этого суроваго взгляда, и въ коллективномъ *посланіи*, стоя на почвѣ евангельской любви и прощенія — по пунктамъ разбиваютъ приводимые доводы Іосифа. Приводимъ это замѣчательное посланіе сполна, — оно фактически характеризуетъ воззрѣнія „старцевъ“:

Кирилова монастыря старцы и вси заволожстіи старцы положили тому посланію старца Іосифа (настоящее посланіе „старцевъ“ слѣдуетъ въ рукописи непосредственно за

„посланіемъ старца Іосифа на Волокѣ... о Касьянѣ архимандритѣ и о прочихъ еретицѣхъ“,—отвѣтомъ на которое и служитъ) *свидѣтельства отъ божественнаго писанія сопротивно*, что некающихся еретиковъ и непокоряющихся велитъ заточити, а кающихся еретиковъ и свою ересь проклинающихъ церковь Божія пріемлетъ простертыма дланьма. Грѣшныхъ ради Сынъ Божій воплотися, пріиде взыскати и спасти погибшая. А что, господине старецъ Іосифъ, Моисей скрижали разбилъ, тако есть, но егда Богъ хотя погубити Израиля поклоншаяся тельцу, тогда Моисей ста впреки Господеви и рече: Господи, аще сихъ погубиши, то и мене прежде сихъ. И Богъ не погуби Израиля Моисея ради. Видиши-ли, господине, яже любовь Моисеева и согрѣшающи зло превозможе и утоли гнѣвъ Божій. Такоже, господине, и Илья пророкъ, ревнуя по Господѣ Вседержители, закла четыреста жрецъ вааловыхъ понеже не каястася; а ижъ отъ нихъ покаяшася, сихъ пріятъ на покаяніе. Отъ сихъ же бысть Авдей пророкъ, и пророческаго дара сподобленъ бысть. А Финеесъ, господине, проболъ оружіемъ братана, блудяща съ мадіамлянынею, понеже на всемъ тогда Израили грѣхъ той бысть. Намъ же въ новѣй благодати яви Владыко Христосъ любовный соузъ, еже не осуждати брату о томъ, но единому Богу судити согрѣшенія человѣческая, рече: не судите, не осуждени будете. И егда приведоша къ нему жену въ прелюбодѣяніи яту, тогда Премилостивый Судія рече: иже не имать грѣха, да вержетъ на ню первіе камень. Потомъ самъ главу преклонь, и писа коегождо ихъ согрѣшенія. Тако возрази убійственную руку жидовскую, кождо по своимъ дѣломъ пріиметъ отъ Бога въ день судный. Аще же ты повелѣваеши брату брата согрѣшша убити, то вскорѣ суботство будетъ и вся ветхая закона, ихъ же Богъ ненавидитъ. И Петръ апостолъ Симона волхва молитвою разби, понеже прозвася прелукавый злодѣй Сыномъ Божіимъ, при Неронѣ цари, и того ради достойный судъ пріятъ отъ Бога за превеликую лесть и злобу.

И ты, господине Іосифе, сотвори молитву да иже недостойніи еретицы то земля ихъ пожретъ. Аще ли пріемлетъ Богъ еретика на покаяніе, то не услышенъ будеши отъ Бога. Разумѣи бо разбойника исповѣданіемъ спасена, и мытаря милостію очищена, и блудницу плачющуся предъ нимъ прощену, и дщерію ея Владыка прозва. И Павелъ апостолъ Елиму волхва молитвою ослѣпи, понеже искаше антипата развратити отъ вѣры. А самъ ап. Павелъ пиша: азъ быхъ былъ анафема отъ Христа моего, сирѣчь проклятъ, токмо братія моя спасайся израильтяне. Видиши ли, господине, душу свою полагаетъ за соблазнившуюся братію, дабы спастися, а не реклъ имъ, дабы ихъ огнь пожегъ или земля пожерла,—а могли отъ Бога сія вся пріяти. А Левъ, господине, Катанскій епископъ, Леодора волхва патрахилью связа и сожже, и другаго волхва Исидора такожде молитвою сожже при гречестѣмъ цари; и ты, господине Іосифе, почто не испытаешь своей святости, не связа Касьяна архимандрита своею манатією, донели же бы онъ згорѣлъ, а ты бы въ пламени его державъ связана,—и мы бы тя яко единого отъ трехъ отрокъ изъ пламени изшедша пріяли. Поразумѣй, господине Іосифе, яко много разньство промежъ Моисея и Иліи и Петра апостола и Павла,—да и те отъ нихъ. Ктобы, господине, вѣдалъ многое Божіе милосердіе, аще не бы самъ показалъ человѣкомъ, пріемля грѣшники кающася, якоже и блудницу и мытаря, якоже онаго Манасію скверного, иже пятдесятъ лѣтъ и два лѣта идоломъ служилъ, и весь Израиль беззаконьствовати сотвори и во единъ часъ покаяся, прощеніе получи. Видиши ли, господине, колико душъ израильтескихъ людей въ пятдесятъ лѣтъ и въ два лѣта погибе, имъже повиненъ бысть Манасія царь. Но одолѣ человѣколюбіе Божіе злу̑ Манассіину. Затворенъ бывъ въ мѣди въ Вавилонѣ и тако покаяся Господеви. Ангелъ Господень разверглъ мѣдь и принесе его во Іерусалимъ и поживѣ прочее лѣто въ покаяніи. И апостолу Петру вопросившу Господа и рече: Господи! аще братъ въ мя согрѣшитъ до седьмижды ли прощу его днемъ?

И рече Господь: не глаголю ти до седьмижды, но и до седьмдесятъ седмерицею прости его. Оле милости твоея, человѣколюбче! Слава неизреченнымъ твоимъ щедротамъ, Господи. Ино и истиннымъ судомъ милостивъ и долготерпѣливъ о злобахъ человѣческихъ наречеся,—праведныхъ бо любиши, а грѣшныхъ милуеши, нынѣ и въ безконечныя вѣки. аминь. [Памятникъ этотъ напечатанъ въ „Древн. Росс. Вивліоѳикѣ", Новикова, ч. XVI, изд. 2-ое, М., 1791, стр. 423—424; здѣсь помѣщается нами сполна, по Сборнику XVII в. Моск. Синод. б-ки, № 623, стар. кат., л. 209—209 об.].

Стоя на различныхъ точкахъ зрѣнія, бѣлозерскіе иноки нерѣдко расходились съ большинствомъ современнаго духовенства и по другимъ, болѣе частнымъ, церковнымъ вопросамъ. Такимъ былъ напр. вопросъ о „вдовыхъ попахъ". Извѣстно, что на соборѣ 1503 года всѣ вдовые священники и діаконы были лишены права священнослуженія. „Бѣлозерскіе старцы", во главѣ съ Паисіемъ Ярославовымъ и Ниломъ Сорскимъ, присутствовавшими на соборѣ, высказались противъ соборнаго опредѣленія. Взгляды „старцевъ" поддерживались и нѣкоторыми отдѣльными лицами; протестъ противъ соборнаго рѣшенія, подалъ напр. ростовскій священникъ Георгій Скрипица, и также тщетно... Извѣстно, что взгляды бѣлозерскихъ иноковъ впослѣдствіи, на московскомъ соборѣ 1666—1627 гг., восторжествовали.

Таковы были въ общихъ чертахъ идеи направленія, во главѣ котораго стоялъ Паисій Ярославовъ и „ученикъ" его, Нилъ Сорскій. Идеи „старцевъ" вызвали большую полемику,—но въ ней не участвовалъ ни Паисій, ни его „ученикъ": она всецѣло была предоставлена ими болѣе молодому и энергичному преемнику, кн.-ин. Вассіану Патрикѣеву; ему, вѣроятно, и принадлежала бо́льшая часть всего написаннаго отъ имени „заволжцевъ". И Паисій и Нилъ держали себя въ сторонѣ. О Паисіи Ярославовѣ въ этомъ отношеніи имѣется даже еще менѣе прямыхъ извѣстій, чѣмъ о Нилѣ Сорскомъ,—хотя и

дошедшія, при всей ихъ краткости и отрывочности, довольно опредѣленно указываютъ симпатіи знаменитаго старца, солидарность его взглядовъ съ взглядами и симпатіями позднѣйшаго энергичнаго ученика... На соборѣ 1503 года Паисій Ярославовъ вмѣстѣ съ Ниломъ Сорскимъ выступаютъ открытыми противниками монастырскихъ имуществъ. Предполагаютъ, что на авторитетъ знаменитыхъ старцевъ болѣе всего разсчитывалъ опереться Иванъ III, въ своей борьбѣ противъ вотчинныхъ правъ монашества: оба вождя „заволжцевъ“ призываются на соборъ и имъ предоставляется иниціатива дѣла... Вмѣстѣ съ Ниломъ Сорскимъ Паисій Ярославовъ повидимому держался болѣе вѣротерпимыхъ взглядовъ и въ дѣлѣ о новгородскихъ еретикахъ. Мы видѣли, въ 1489 г. архіеп. Геннадій дѣлаетъ попытку привлечь ихъ къ борьбѣ съ ересью,—приглашаетъ ученыхъ старцевъ къ себѣ. Неизвѣстны результаты стараній Геннадія; но, кажется, они были несовсѣмъ таковы, каковыхъ желалось. По крайней мѣрѣ, больше мы не видимъ никакихъ сношеній Геннадія ни съ Паисіемъ, ни съ Ниломъ. Къ нимъ не обращается и главный противникъ ереси, волоколамскій игуменъ; какъ и Геннадій, онъ не имѣетъ съ ними никакихъ сношеній... Между тѣмъ, оба старца не относились къ дѣлу безучастно: мы видимъ ихъ на соборѣ 1490 года, разбиравшемъ дѣло еретиковъ,—и едва ли даже это присутствіе не вліяетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на соборное постановленіе... Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ рѣшеніе собора 1490 года: приговоръ этого собора далъ совсѣмъ не то, чего ожидали. Наканунѣ соборныхъ засѣданій Геннадій пишетъ собравшимся въ Москву іерархамъ: „Вамъ, своей братіи, пишу. Митрополитъ бы съ вами, съ моею братіею, тѣхъ всѣхъ еретиковъ проклялъ, да и тѣхъ, къ кому они приходили въ соглашеніе, или кто по нихъ руку держалъ, или кто о нихъ печальникъ, или кто нибуди послѣдовалъ ихъ прелести,—тѣхъ бы всѣхъ отецъ митрополитъ да и вы, наша братія, проклятью предали. Да бы о вѣрѣ никакихъ рѣчей

съ ними не плодили; токмо того-для учинити соборъ, что ихъ казнити—жечи да вѣшати... Да пытали бы на нихъ накрѣпко о томъ, кого они прельстили... Да не плошитеся: станьте крѣпко"... Повидимому, этотъ взглядъ вполнѣ раздѣлялся и большинствомъ: по сохранившемуся извѣстію, всѣ іерархи „стали крѣпко" и единогласно заявили, что „вся (всѣхъ еретиковъ) сожещи достоитъ"... И однако, что́ же въ результатѣ? Соборъ проклинаетъ двухъ-трехъ поповъ-еретиковъ, лишаетъ ихъ сана, и отсылаетъ обратно къ Геннадію; о тѣхъ же, „къ кому они приходили въ соглашеніе" или „кто по нихъ руку держалъ", или о томъ, что кого-либо „сожещи достоинъ"—ни слова. Какъ произошелъ такой неожиданнный поворотъ?.. По упомянутому извѣстію, противъ мнѣнія „всѣхъ" возсталъ митрополитъ Зосима: „Егда вси (архіепископы и епископы) рѣша, яко вся сожещи достоитъ,—егда же дойде до Зосимы митропоиита, той рече: достоитъ ӑ проклятію предати и сослати въ Новгородъ на покаяніе подъ стражу; занеже мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшныя обращати къ покаянію"... Соборный приговоръ такимъ образомъ, судя по извѣстію, былъ собственно мнѣніемъ митрополита; но неужели онъ одинъ, безъ сторонниковъ, могъ такъ рѣзко воспротивиться голосу всего собора? Не было ли мнѣніе митрополита поддержано и нашими старцами?.. И не потому ли Іосифъ Волоцкій съ такой готовностью заподозривалъ и Нила Сорскаго и его ученика въ ереси?..

Архіеп. Геннадій, преслѣдуя новгородскихъ еретиковъ „градскими" казнями, въ то же время хотѣлъ бороться съ ними и духовнымъ оружіемъ—на почвѣ образованія, просвѣщенія. Онъ приглашаетъ къ себѣ ученыхъ старцевъ Паисія Ярославова и Нила Сорскаго—„о ересѣхъ тѣхъ поговорити", разыскиваетъ по монастырямъ книги, нужныя для

борьбы съ еретиками,—любопытно, что многихъ изъ такихъ книгъ не было у православныхъ, даже у самого архіепископа; съ цѣлью противодѣйствовать ложнымъ слухамъ о близкой кончинѣ міра, составляетъ *Пасхалію*,—этими слухами также пользовались „еретики“, и т. д. Съ той же цѣлью—бороться съ еретиками духовнымъ оружіемъ—Геннадій приступаетъ къ составленію славянскаго *Библейскаго кодекса*. Это—величайшее дѣло, созданное трудами Геннадія, вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ наиболѣе раннихъ фактовъ вліяній у насъ Запада.

Дѣло было весьма важнымъ и само по себѣ. До самаго конца XV вѣка ни въ русской письменности, ни у южныхъ славянъ не было библейскаго канона. Библейскія книги, какъ и всякія другія, предлагались древнерусскому читателю въ различныхъ сборникахъ, самыхъ разнообразныхъ по содержанію,—вмѣстѣ и рядомъ съ сочиненіями отцовъ церкви, житіями святыхъ, разными поученіями, историческими статьями и отрывками, съ сочиненіями апокрифическими, наконецъ, даже прямо съ свѣтскими повѣстями, вродѣ извѣстной „Александріи“... Оріентироваться среди этого литературнаго хаоса было слишкомъ трудно для „препростыхъ“ древнерусскихъ читателей,—и этимъ опредѣляется значеніе дѣла Геннадія. Онъ впервые выдѣлилъ библейскія книги изъ хаотической письменной массы, собралъ ихъ въ одинъ кодексъ, и тѣмъ положилъ основаніе славянской Библіи. Трудъ Геннадія составилъ эпоху въ исторіи библейскаго славянскаго канона, и легъ въ основаніе последующихъ печатныхъ изданій. Внутреннія достоинства кодекса были довольно условны; кодексъ не отличался даже единствомъ языка въ своихъ текстахъ: одни изъ библейскихъ книгъ вошли въ кодексъ въ древнѣйшемъ, можетъ быть, даже кирилло-меѳодіевскомъ переводѣ, другія—въ значительно подновленномъ, вообще позднѣйшемъ текстѣ; нѣкоторыя книги, вѣроятно, совсѣмъ не найденныя Геннадіемъ въ тогдашней русской письменности, были переведены вновь,—и притомъ съ латинской библіи Вульгаты, а не съ греческаго

текста, наконецъ, часть одной книги была переведена прямо съ еврейскаго...

Вліяніе на трудъ Геннадія латинской Вульгаты было особенно знаменательнымъ: Геннадій взялъ Вульгату своимъ главнымъ руководствомъ—вмѣсто библіи греческой. Расположеніе, порядокъ книгъ, раздѣленіе ихъ на главы—сдѣланы по Вульгатѣ; изъ той же Вульгаты заимствованы руководительныя статьи, находящіяся въ кодексѣ передъ каждой книгой въ видѣ предисловій,—чего не находится въ Библіи греческой. Въ Вульгатѣ совсѣмъ нѣтъ 3-ей гниги Маккавей,—ея нѣтъ и въ кодексѣ Геннадія... Кромѣ латинской Вульгаты, Геннадій пользуется нѣмецкой библіей,—уже бывшей тогда напечатанной. Во всѣхъ спискахъ Геннадіевой Библіи читается нѣсколько статей вводнаго характера,—переведенныхъ Герасимовымъ изъ какого-то нѣмецкаго изданія Библіи XV в.

Вообще библейскій кодексъ Геннадія является весьма любопытнымъ фактомъ раннихъ вліяній у насъ Запада. Любопытно трудъ Геннадія въ этомъ отношеніи сопоставить съ изданіемъ *Острожской Библіи 1580—1581 года.* Острожское изданіе Библіи было не только „дорогимъ подаркомъ для православной церкви“, но составило вторую, и едва ли не болѣе важную сравнительно съ трудомъ Геннадія, эпоху въ исторіи библейскаго славянскаго текста. Изданіе это было не только величайшимъ религіознымъ подвигомъ, въ высшей степени важнымъ для поднятія религіознаго образованія среди православныхъ юго-западной Руси, въ виду происходившей здѣсь въ это время борьбы двухъ вѣроисповѣданій и народностей,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, величайшимъ научнымъ трудомъ, исполненнымъ въ строго-православномъ, греко-восточномъ направленіи. Полученный изъ Москвы списокъ Геннадіевскаго кодекса острожскіе издатели подвергли тщательному пересмотру и исправленію: они сличаютъ славянскіе списки выбирая лучшій, прежній славянскій переводъ вновь провѣряютъ по гре-

ческому оригиналу, восполняя пропуски, уничтожая посторонния вставки, приводя въ порядокъ раздѣленіе главъ, исправляя чтеніе собственныхъ именъ и т. д. и т. д. Это сличеніе съ греческимъ текстомъ являлось особенно важной стороной дѣла: латинскія уклоненія Геннадіевскаго кодекса острожскіе издатели исправляютъ по тексту греческой Библіи. Здѣсь и заключалось существенное различіе двухъ трудовъ. Геннадіевскій кодексъ держался латинской Вульгаты; острожскіе издатели—канона греческой Библіи. Книги, внесенныя въ кодексъ Геннадія въ переводѣ съ латинскаго,—острожскіе издатели исправляютъ по греческому тексту; *Кн. Есѳирь*, переведенную въ Геннад. кодексѣ отчасти съ еврейскаго, отчасти съ латинскаго, *3-ю книгу Маккавеевъ*, совсѣмъ опущенную въ Геннадіевскомъ кодексѣ (ея нѣтъ и въ латинской Библіи),—острожскіе издатели вносятъ въ свое изданіе въ собственномъ переводѣ съ греческаго, слѣдуя греческому канону, и т. д. Такъ образ. точки отправленія двухъ трудовъ были діаметрально противоположны,—соотвѣтственно тѣмъ литературнымъ теченіямъ, на почвѣ которыхъ они возникли. Въ одномъ случаѣ рѣзко сказывалось вліяніе Запада, уже съ XIV—XV вв. начавшаго сильно обнаруживаться въ Новгородѣ и въ Псковѣ...; въ другомъ—вліяніе Византіи, стремленіе противопоставить вліянію латинства авторитетъ греческаго Востока... Само собою разумѣется, что иногда и острожскіе издатели, въ извѣстной степени, не могли не подпасть вліянію Вульгаты: авторитетъ присланнаго имъ изъ московской православной Руси библейскаго списка не могъ на нихъ не дѣйствовать... Любопытно между прочимъ то обстоятельство: ни Геннадій, ни позднѣе Максимъ Грекъ не могли найти въ московской Руси людей, „греческымъ языкомъ умѣющихъ“,—почему и должны были обращаться къ „латынщикамъ“; вокругъ Константина Острожскаго, очевидно, такіе люди были...

Однимъ изъ первыхъ наиболѣе видныхъ представителей „западнаго образованія“ въ московской Руси былъ Димитрій Герасимовъ († ок. 1530 г.),—„Митя Малой, толмачъ латынской“, по выраженію Никон. лѣтописи, приближенный человѣкъ къ архіеп. Геннадію. Происхожденіе Герасимова неизвѣстно; образованіе онъ получилъ въ Ливоніи, и рано поступилъ толмачемъ въ посольскій приказъ. Вѣроятно, онъ уже рано выдался своими способностями; покрайней мѣрѣ уже скоро московское правительство отправляетъ его съ важными порученіями сначала въ Швецію и Данію, потомъ въ Пруссію и Вѣну, позднѣе, ок. 1525 г., въ Римъ. Въ Римѣ Герасимовъ между прочимъ близко сходится съ извѣстнымъ Павломъ Іовіемъ; послѣдній пользуется отъ него различными свѣдѣніями о состояніи современной Руси и т. п. Съ Герасимовымъ былъ знакомъ и Герберштейнъ,—который также былъ обязанъ ему нѣкоторыми сообщеніями. Литературная дѣятельность Герасимова состояла въ переводахъ. Ему принадлежалъ цѣлый рядъ переводовъ съ латинскаго и нѣмецкаго языковъ,—наиболѣе раннія у насъ въ этомъ отношеніи „новшества“... Мы выше упоминали о его переводахъ изъ нѣмецкой Библіи. Кромѣ того, повидимому Герасимовымъ же были переведены съ латинскаго: Николая Делиры *Противъ іудейскаго безвѣрія* (1501) и Самуила Евреина *Обличеніе на іудейская блужденія* или *на богоотметныя жидове* (1503): переводы эти были вызваны борьбой съ ересью жидовствующихъ и сдѣланы были по повелѣнію Геннадія. Позднѣе Герасимовъ перевелъ *Толкованія на псалтырь* вюрцбургскаго епископа Брунона. Изданіе псалтыри Брунона, съ котораго сдѣланъ переводъ, достовѣрно неизвѣстно... Еще ранѣе, въ 1500 г., Герасимовымъ были переведены „изъ нѣмецкія Псалтыри“ *Надписанія псалмовъ*—„а велѣлъ переводить архіепископъ Геннадій новгородскій“, замѣчается въ послѣсловіи. Трудъ перевода этихъ „написаній“ (заглавій) былъ совмѣстный съ самимъ Геннадіемъ: въ этомъ же пре-

дисловіи прибавлено: „Переводилъ Митица Малый (Димитрій Герасимовъ). А преже того года за два переводилъ архіепископъ...,—и потомъ Митя; а тутъ же опять Митя“... Герасимову приписываютъ также переводъ сочиненія нѣкоего Іосифа, крещенаго еврея, *Объ іудеяхъ, крестившихся въ Африкѣ*,—встрѣчающееся въ нашихъ рукописяхъ XVI в. Герасимовъ былъ вообще однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ архіеп. Геннадія. Нерѣдко Геннадій обращался къ нему и съ другими литературными порученіями; такъ Геннадій между прочимъ проситъ Герасимова—когда тотъ былъ въ Римѣ — справиться тамъ по книгамъ на счетъ „сугубой аллилуіи“, на что̀ Герасимовъ отвѣчалъ, что объ этомъ ничего не говорится въ римскихъ книгахъ; Герасимову же, въ его бытность въ Римѣ, Геннадій поручаетъ навести справки о пасхаліи,—и тотъ высылаетъ новг. архіепископу *Миротворный кругъ* (пасхалію съ относящимися къ ней разными статьями). Герасимову же приписываютъ переводъ одного латинскаго трактата противъ мірянъ, вступающихся въ дѣла церкви. По пріѣздѣ въ Россію Максима Грека, Герасимовъ является и для него главнымъ сотрудникомъ по переводу книгъ, вмѣстѣ съ нѣкіимъ Власіемъ: Максимъ диктовалъ имъ свой переводъ съ греческаго на латинскій, а Герасимовъ и Власій съ латинскаго переводили на славянскій... Кромѣ отвѣтнаго посланія Герасимова къ Геннадію относительно „аллилуіи“, отъ Герасимова сохранилось *посланіе къ дьяку Мисюрѣ* объ образѣ „Ветхаго денми“: образъ этотъ вызывалъ сомнѣнія. Съ именемъ Димитрія Герасимова наконецъ, связана, какъ мывидѣли, ная „Повѣсть о бѣломъ клобукѣ“.

Едва ли не наиболѣе любопытнымъ трудомъ Димитрія Герасимова былъ переводъ латинскаго *Доната*, извѣстнаго средневѣкового учебника по латинской грамматикѣ. Переводъ особенно любопытенъ потому, что является самымъ раннимъ фактомъ вліянія у насъ Запада въ области научныхъ, грамматическихъ знаній.

Недавно Академіей Наукъ изданъ классическій трудъ акад. Ягича: Разсужденія южно-славянской и русской старины о древне-славянскомъ языкѣ (Спб., 1885—1895). Огромный фоліантъ, въ нѣсколько сотъ страницъ, in 4°, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ югославянской и древнерусской письменности по церковнославянскому языку, отчасти историческаго характера,—относительно древнѣйшей исторіи его алфавита, о переводѣ на него книгъ св. Писанія,—преимущественно же содержанія ороографическаго и грамматическаго. Въ ряду этихъ текстовъ изданъ и переводъ Герасимова. Изданные памятники и богатыя присоединенныя къ текстамъ объясненія и примѣчанія И. В. Ягича—наглядно представляютъ намъ уровень древнерусской „науки" въ данной области и мѣсто, которое занималъ здѣсь трудъ Герасимова.

Древнерусскія грамматическія знанія, какъ извѣстно, были далеко не обширны. Главными источниками ихъ были—до XV—XVI ст., а отчасти и позднѣе—извѣстное *предисловіе* Іоанна экзарха Болгарскаго къ Богословію Дамаскина, перешедшее къ намъ на самыхъ первыхъ порахъ, и не менѣе извѣстная статья *О осьми частяхъ слова,* составленіе которой долгое время приписывали тому же Іоанну Дамаскину, а переводъ на слав. языкъ тому же экзарху болгарскому Іоанну,—и которая, на самомъ дѣлѣ, какъ это окончательно доказано акад. Ягичемъ, написана была не ранѣе XIV в., гдѣ нибудь въ Сербіи, по греческимъ источникамъ. Обѣ названныя статьи были у насъ самыми распространенными даже въ XVI и XVII вв. Съ XVI-го в. въ область грамматическихъ знаній древней Руси начинаютъ проникать новыя свѣдѣнія. Прежде всего древнерусскія грамматическія знанія значительное разширеніе получаютъ въ сочиненіяхъ Максима Грека,—въ ихъ „богатой грамматической содержательности". Многія сочиненія Максима, особенно критико-полемическія и апологическія, „построены главн. образомъ на умѣньѣ пользоваться

грамматическимъ толкованіемъ. Его аргументація нерѣдко цѣликомъ основывается на разсужденіи грамматическаго свойства... Толкованія подобнаго рода—гдѣ указывается на греческій источникъ и дается анализъ слова съ точнымъ опредѣленіемъ значенія—были въ то время для громаднаго большинства читателей (или слушателей) совершенною новостью, доказательствомъ замѣчательной учености"... Отсюда—быстрый и высокій филологическій авторитетъ Максима Грека въ древней Руси, въ глазахъ и его современниковъ и дальнѣйшаго потомства. Достаточно указать, замѣчаетъ изслѣдователь, на московское изданіе грамматики Смотрицкаго (1648),—увеличенное противъ перваго изданія, виленскаго, въ началѣ книги и въ концѣ различными статьями общаго содержанія: они по бо́льшей части почерпнуты изъ сочиненій Максима Грека. Видно, что въ первой половинѣ XVII столѣтія для Москвы Максимъ считался по этимъ вопросамъ авторитетомъ, на ряду съ отцами церкви, въ особенности Іоанномъ Дамаскиномъ, которому приписывали упомянутую статью „о восьми частяхъ слова"... Съ XVI в. древне-русскій грамматическій матеріалъ вообще замѣтно увеличивается. „Начиная съ XVI столѣтія, говоритъ акад. Ягичъ, попадаются въ рукописныхъ сборникахъ все чаще и чаще статьи грамматическаго содержанія. Разобраться въ пестромъ матеріалѣ подобныхъ сборниковъ—дѣло очень трудное: рукописи отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ, у каждой свой особенный составъ. Правда, довольно часто одна и таже статья повторяется во многихъ сборникахъ, но почти всегда въ другой обстановкѣ: что́ въ одной рукописи представлятъ самостоятельное, на видъ цѣльное разсужденіе, то въ другой входитъ лишь какъ часть въ составъ болѣе обширнаго цѣлаго; что́ въ одной занимаетъ мѣсто въ началѣ, то въ другой читается въ серединѣ или даже въ концѣ сборника. Цѣлая вереница коротенькихъ статеекъ одного сборника оказывается въ другомъ перебитою различными вставками, въ третьемъ же

сокращенною пробѣлами или пропусками,—относительно которыхъ трудно или почти невозможно опредѣлить, въ какомъ объемѣ весь этотъ матеріалъ входилъ въ первоначальную компиляцію, кáкъ она слагалась и наростала. Одна общая черта всѣхъ этихъ статеекъ—ихъ анонимность. Нигдѣ не сказано, кто первый сталъ заниматься подобнаго рода разсужденіями, откуда онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія и гдѣ пришлось примѣнить ихъ къ жизни, къ школьному-ли обученію или къ другимъ занятіямъ. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ припоминаются изрѣдка, рядомъ съ Лаврентіемъ и Мелетіемъ, извѣстными сочинителями грамматикъ, еще другія имена: намъ разсказываютъ о грамматикѣ Евдокима, о сочиненіи о буквахъ Герасима Ворбозовскаго—и только. Гдѣ и когда они жили и чтó принадлежитъ имъ, какъ авторамъ, не какъ практическимъ учителямъ, пользовавшимся уже заранѣе составленными тетрадками—все это остается пока нерѣшеннымъ вопросомъ: въ рукописномъ матеріалѣ недостаетъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія его"... Кромѣ анонимности,—другую общую черту всей этой группы грамматическихъ статей XVI—XVII вв. изслѣдователь видитъ въ ихъ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ греческимъ источникамъ. Весь этотъ грамматическій матеріалъ основывается, новидимому, на источникахъ греческихъ. Теорія, излагаемая въ разныхъ этихъ статьяхъ, носитъ на себѣ явные признаки греческаго происхожденія или по крайней мѣрѣ полной зависимости отъ первообразовъ греческихъ. Иныя мѣста такъ и отзываются буквальностью перевода съ греческаго подлинника, нужды нѣтъ, что онъ еще не отысканъ въ грамматической литературѣ греческой"...

Среди этого рода нашей грамматической литературы, господствующей до самаго конца XVII вѣка, совершенно изолированнымъ является названный трудъ Герасимова, переводъ „Доната",—новый источникъ грамматическихъ знаній, о кото-

ромъ предшествовавшая старина ничего не знала и который не остался безслѣднымъ.

„Донатъ"—собственно имя извѣстнаго римскаго грамматика IV вѣка по Р. Хр., автора популярнѣйшаго въ средніе вѣка грамматическаго руководства по латинскому языку: *Ars Grammatica*, *Ars Minor*; послѣднее было столь употребительнымъ, подвергалось столькимъ видоизмѣненіямъ и передѣлкамъ, что сл. „донатъ" превратилось въ нарицательное и означало вообще начальную латинскую грамматику; ошибка противъ нея въ нѣмецкой школѣ называетъ „донатической" (Donatschnitzer). Передѣлокъ „Доната" существовало въ средніе вѣка множество. Они отличались другъ отъ друга не столько сутью содержанія, сколько формой изложенія. Поэтому можно сказать, что Донатъ Донату рознь, отъ подлиннаго же Доната эти позднѣйшія передѣлки отступаютъ преимущественно діалогической формой, которая введена съ педагогическою цѣлью, съ намѣреніемъ сдѣлать изложеніе обучающемуся юношеству болѣе доступнымъ и привлекательнымъ. Впрочемъ, въ *Ars Minor*, приписываемой самому Донату, существуетъ уже діалогическая форма"... Трудъ Герасимова представляетъ переводъ одной изъ подобныхъ позднѣйшихъ редакцій „Доната". Самый переводъ Герасимова не дошелъ до насъ; передъ нами—лишь два болѣе поздніе его списка, съ нѣкоторыми измѣненіями. Важнѣйшій изъ этихъ списковъ-передѣлокъ относится къ 1562—1563 гг. и находится въ б-кѣ Казанскаго Университета; другой въ Импер. Публичной Библіотекѣ. О передѣлкѣ труда Герасимова говоритъ самъ авторъ послѣсловія къ казанскому списку. Въ своемъ послѣсловіи онъ между прочимъ замѣчаетъ: „До здѣ совершися конецъ книги, глаголемой Донатусъ, еже именуется начало грамматики; преведена же бысть изъ латинскаго языка на русскій Димитріемъ, толмачемъ нѣмецкаго языка. И тако же онъ самъ писалъ есть въ предисловіи силу книги сея, азъ же послѣди его переводу S. T. списахъ сію книжку единымъ

русскимъ языкомъ безъ латинскаго, дабы прочитающимъ ю и обучающимся въ ней болѣе разумно было. Въ лѣто 7071-го отъ началу міру мѣсяца іюля въ 3 день“... „Изъ этихъ словъ, замѣчаетъ акад. Ягичъ, можно заключить, что безъимянный переписчикъ перевода Дмитріева по казанскому списку позволилъ себѣ въ чужомъ трудѣ нѣкоторыя измѣненія. Въ чемъ же они состояли, не легко сказать. Судя по словамъ: „единымъ русскимъ языкомъ безъ латинскаго“,—позволено высказать догадку, что какія-то латинскія части сочиненія въ спискѣ анонима пропущены или же замѣнены словами русскими“... „Не значитъ ли это—дѣлаетъ предположеніе акад. Ягичъ—что образцы склоненій и спряженій, которые въ первоначальный трудъ должно быть внесены и написаны по латыни и переведены по русски, въ позднѣйшемъ спискѣ измѣнены такъ, что латинскія слова подлинника вычеркнуты? На эту догадку наводитъ меня то обстоятельство, что въ нынѣшнемъ текстѣ „Донатуса“ образцы склоненій латинскихъ перечисляются очень безтолково, въ видѣ русскаго перевода словъ латинскихъ формъ. Только изрѣдка сохранился слѣдъ латинскаго подлинника. Едва ли эта безсмыслица могла прійти въ голову первоначальному автору, желавшему несомнѣнно дать русскому юношеству въ руки учебникъ латинскаго языка,—тогда какъ въ нынѣшнемъ видѣ сочиненіе представляетъ странную смѣсь латинскаго съ русскимъ, латинскій остовъ въ русскомъ облаченіи“...

По редакціи самаго текста, оба списка довольно близки между собою, хотя все же представляютъ мѣстами отличія,—отчасти въ объемѣ—въ петербургскомъ спискѣ кое-что сокращено или пропущено, рѣдко на оборотъ,—отчасти въ замѣнѣ образцовъ склоненій. Но вообще объемъ „Донатуса“ въ петербургской рукописи значительно короче, чѣмъ въ казанской. Петербургскому списку недостаетъ „предисловія“, написаннаго несомнѣнно самимъ Димитріемъ Герасимовымъ, и затѣмъ краткаго „сказанія о буквахъ“, предшествующаго собственно

„Донатусу“,—и не находящагося въ латинскомъ оригиналѣ „Ars Minor“. Въ „предисловіи переводчикъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія о самой книгѣ „Донатусъ“ и о томъ, какъ слѣдуетъ ею пользоваться „въ шхоліи, сирѣчь во училищѣ“, преподавая ученикамъ. Въ самомъ концѣ прибавляетъ: „Азъ же сіе писахъ собѣ памяти для, поелику уразумѣхъ, пребывая и учася во училищѣ двѣма грамотамъ, и двѣма языки, латыньскія и нѣмецкія, а по русскіи прежде того научился отчасти. А не поучивея по русски въ тамошнее училище немощно пристати. А какъ уже разума прибыло, ино въ то время въ суетахъ міра сего поспѣха и силы тѣлесныя убыло, и того ради сія книга начисто не исправлена и не преписана остала. А здѣсе того и не пытаютъ“. Если эта замѣтка, замѣчаетъ акад. Ягичъ, принадлежитъ самому переводчику Димитрію, то она свидѣтельствуетъ о времени составленія перевода въ ранней молодости автора, когда онъ еще посѣщалъ латинско-нѣмецкое училище. Онъ самъ жалѣетъ въ этихъ словахъ, что послѣдовавшая потомъ „суета жизни“ не позволила ему еще разъ возвратиться къ занятіямъ молодости, чтобы кое-что исправить и передѣлать. Прибавка же: „а здѣсь того и не пытаютъ“—доказываетъ, что въ то время, когда онъ, вспомнивъ о занятіяхъ своей молодости, переписалъ должно быть свою ученическую тетрадь, окружавшая его среда не обнаруживала на малѣйшаго сочувствія къ вопросамъ этого рода“...

Первые, болѣе ранніе опыты переводовъ „изъ латынскаго языка“ принадлежали также кн. А. М. Курбскому († 1583),—но объ этихъ переводахъ и вообще о дѣятельности Курбскаго будемъ говорить ниже.

Въ 1489 году, когда новгор. архіеп. Геннадій вступилъ въ открытую борьбу съ ересью „жидовствующихъ“, — онъ между прочимъ писалъ одному изъ тогдашнихъ архіепископовъ

(ростовскому архіепископу Іосафу): „Да есть ли у васъ въ Кирилловѣ или въ Ферапонтовѣ или на Каменномъ (извѣстные монастыри, находившіеся въ предѣлахъ ростовской епархіи) книги: *Сильвестръ папа Римскій*, до *слово Козмы Презвитера, на новоявшуюся ересь на Богомилы*, да *посланіе Фотія патріарха* ко кн. Борису Болгарскому, да *Пророчества*, да *Бытіе*, да *Царства*, да *Притчи*, да *Менандръ*, да *Іисусъ Сираховъ*, да *Логика* да *Деонисій Ареопагитскій*? Зане жъ тѣ книги у еретиковъ всѣ есть..." Въ томъ же посланіи, въ самомъ началѣ, упоминая, о нѣкоемъ попѣ Наумѣ, который первый сообщилъ Геннадію о „новгородскихъ еретикахъ", Геннадій замѣчаетъ: „То ми накрѣпко высказалъ ихъ товарищъ попъ Наумъ; да и *псалмы* ко мнѣ принесъ, почему они себѣ правили по жидовски"... И затѣмъ ниже: „А что *Шестокрилъ* они себѣ изучивъ, да тѣмъ прельщаютъ христіанство, мня, яко съ небесе знаменіе сводятъ, ино то не ихъ составленія бысть: *Шестокрилъ* бо взятъ отъ Астрономіи, яко капля отъ моря. А то звѣздозаконіе дано бысть Сифу, третьему сыну Адамову"... Приведенныя мѣста грамоты Геннадія какъ нельзя лучше вводятъ насъ въ литературу, которая непосредственно примыкала къ возникшему религіозному движенію и въ своей бóльшей части заключала первые, наиболѣе ранніе факты западнаго вліянія въ Московской Руси. Помимо книгъ библейскихъ и нѣкоторыхъ твореній отцовъ церкви, — здѣсь особенное вниманіе привлекаютъ упоминаемые Геннадіемъ *Псалмы* еретиковъ, какая то *Логика* и *Шестокрилъ*... Любопытно сдѣланное по отношенію къ послѣднему замѣчаніе Геннадія: „то не ихъ составленія бысть; „этими словами Геннадій ясно указываетъ на собственное авторство еретиковъ: нѣкоторыя изъ перечисленныхъ сейчасъ книгъ, которыхъ недоставало новгородскому архіепископу и которыми владѣли „еретики",—слѣдов., были и „ихъ составленія..."

Какъ мы уже упоминали, литературное оживленіе, вызванное ересью „жидовствующихъ“, не ограничивалось одною полемикою. Какъ мы замѣчали, сюда примыкали и литературные труды самихъ еретиковъ, людей повидимому по преимуществу отличавшихся книжностью, начитанностью... Эти литературные труды еретиковъ, какъ мы видѣли, отчасти стояли въ связи съ составленіемъ библейскаго кодекса Геннадіемъ. Въ дополненіе къ сдѣланнымъ выше замѣткамъ,—останавливаемся здѣсь на нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ еретическаго „составленія“, упоминаемыхъ въ грамотѣ Геннадія или вообще имѣющихъ то или другое отношеніе къ ереси жидовствующихъ и къ „новшествамъ“, шедшимъ съ Запада.

Упоминаемая Геннадіемъ въ грамотѣ „Логика“—до послѣдняго времени оставалась памятникомъ не только загадочнымъ, но и прямо неизвѣстнымъ. Недавно сдѣланное проф. А. И. Соболевскимъ сообщеніе въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности“ впервые пролило здѣсь значительный свѣтъ, и даже больше—извлекло изъ подъ спуда самый памятникъ.

Памятникъ, на сколько извѣстно, дошелъ въ единственномъ экземплярѣ, и представляетъ изъ себя небольшую, въ восьмушку, рукопись половины XVI в., находящуюся въ Московской Синодальной библіотекѣ, заключающую въ себѣ 130 листовъ. На рукописи имѣется помѣтка XVII вѣка, указывающая, что въ этомъ столѣтіи памятникъ находился въ библіотекѣ московскаго патріарха: „Изъ книгъ, что взяты у патріарша казначея въ семъ году“...

Хотя рукопись написана почеркомъ вполнѣ четкимъ и разборчивымъ, хотя всѣ слова читаются ясно—смыслъ текста за немногими исключеніями представляетъ значительныя затрудненія. „Передъ нами, говоритъ изслѣдователь, рядъ словъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ въ другихъ текстахъ, или хотя и извѣстныхъ, но употребленныхъ не въ обычномъ значеніи...“ Между непонятными словами не мало прямо сочиненныхъ,

какъ напр.: *самость*, *душевенство*, *воденство*, *всячество*, *гдѣчество*, *чтовство* и т. п. Архіеп. Савва, составлявшій „Указатель“ къ Московской Синодальной библіотекѣ, назвалъ разсматриваемую рукопись „Метафизикой на южно-русскомъ нарѣчіи;“ но названіе „метафизики“ можетъ быть приложимо, по замѣчанію проф. Соболевскаго, развѣ лишь ко второй части памятника. Первая половина—повидимому что-то въ родѣ логики; во всякомъ случаѣ эта часть не разъ въ изложеніи называется „логикой:“ „яко же предрекохомъ въ лоицѣ...“ и т. п. Логическіе термины крайне своеобразны, напр.: *держитель*—субъектъ, *держимый*—объектъ, *осудъ*—сужденіе, *рожеваая*—умозаключеніе и т. д. Вообще текстъ произведенія отличается крайней неясностью, а мѣстами и прямо непонятенъ, напр.: „Всѣхъ словъ во вратѣхъ сихъ 14: *уемъ* (=убавленіе), *прикладъ*, *уемъ всячный*, *прилогъ всячный*, *уемъ раздробный*, *прилогъ раздробный*“ и т. д.; или: „Всякій осудъ еще и мѣнится одержанный ея ко одержателю ея“ и т. д. Ко второй части памятника, какъ было уже замѣчено, съ извѣстной условностью можетъ быть приложено данное ему ранѣе названіе „метафизики“,—хотя вообще о состояніи и смыслѣ памятника и здѣсь чаще всего приходится лишь догадываться, да и то не всегда. Языкъ и въ этой части крайне своеобразенъ. Слово *снуръ* по видимому значитъ линія, *просторъ*—поверхность, *плоть*—тѣло, *душевенство* и *гіюли* (или *гіюль*)—духъ и матерія и т. д. Вотъ образчикъ изложенія: „Слово, иже наречется во *язычной* дѣло, наречется въ лоицѣ молва *алва судно*, а мы наречемъ...“; или: „Которая рѣчь уже насполюетъ единыхъ многихъ, наречемъ *его* существо, а которая рѣчь иже не насполюетъ существа, наречемъ *его* всячество...“ или: „Яко бы *рекальство* и *болванство* и *куклярство* и *мечествованіе*“... и т. д. Обѣ части упоминаютъ неразъ о „долгой лоицѣ“. Послѣдняя имѣла 8 частей, изъ которыхъ пятая называлась *книга заблуждьшая*, 6-я книга *казнадѣйская*, 7-я—*книга спорная*, 8-я *книга пѣс-*

ненaя. Подъ двумя послѣдними изслѣдователь предполагаетъ эристику и поэзію...

Въ памятникѣ есть ссылки на Аристотеля: „Се иже реклъ Аристотель великій". Въ концѣ второй части есть мѣсто, гдѣ говорится объ отношеніи Аристотеля къ еврейскимъ „мудрецамъ": „А мудростію исполнилъ ея Аристотель, голова всѣмъ философомъ первымъ и послѣднимъ, подлугъ смыслу мудрецовъ израилевыхъ. Аже по плѣненіи не нашли своихъ книгъ, а ступилися (=основалися?) на его разумъ, иже равенъ въ пророческихъ фунтаментѣхъ, занеже невозможно есть, абы пророкъ не полонъ былъ въ седми мудростяхъ, а овсѣмъ въ лоицѣ пути ихъ. А исполнилъ ея осмыми книгами, преже реченными, иже она направитъ каждаго въ тыхъ мудростѣхъ. А она подобна есть воазѣ и мѣрѣ и ослѣ златой. А дѣло иногды именуется наука разумная, а иногды дѣйственая. А первая отъ седми мудростей численая, вторая мѣрилная, третья спѣвалная, четвертая небесная, пятая свѣтьская. А тая на четверо: первое водити душу свою; 2-е домъ свой; 3-е вестися государю великому; 4-е водити землю и суды ея. Шестая о прироженіи сего свѣта. А тыхъ книгъ десять, и мудрость лѣкарьская, подъ нею же седмая мудрость божественая. Она есть всѣмъ глава седмыма, и ядро ихъ статочное, занеже ею оживетъ во вѣки душа человѣческая..." И нѣсколько далѣе: „А Аристотель, Мардаха и Зарававедь и Ездра пророкъ и пророкъ Малахія во едины лѣта были; а у тѣхъ Аристотель учился міротвореніе..." Уже это заключеніе, повторяющее обычное у средневѣковыхъ евреевъ ученіе, что классическая мудрость заимствована греческими философами у еврейскихъ мудрецовъ — замѣчаетъ изслѣдователь — могла бы отчасти указывать на еврейское происхожденіе памятника; но авторъ его указывается и прямо, въ самомъ началѣ: „Рѣчи Моисея Египтянина..." „Этотъ Моисей — не кто иной, какъ знаменитый Моисей,

сынъ Маймона, извѣстный въ средневѣковой Европѣ подъ именемъ Моисея Египетскаго, Moses Aegyptius. или Моисея Маймонида. Онъ жилъ въ XII в., родился въ Испаніи, бо́льшую часть жизни провелъ въ Египтѣ въ качествѣ придворнаго врача и здѣсь умеръ въ 1205 году. Его многочисленныя сочиненія посвящены по преимуществу толкованію талмуда и медицинѣ. Изъ нихъ медицинскіе труды въ средніе вѣка были переведены на латинскій языкъ. Его *логика* также извѣстна въ латинскомъ переводѣ"... Изданія ея латинскаго текста идутъ съ полов. XVI в. („Voces logicae quas construxit R. Mosche ben Maimon, cum duobus commentariis", въ Венеціи, 1550 г.); но предполагаютъ, были и болѣе раннія. Еврейскія изданія памятника были повидимому еще болѣе распространены, и печатались до позднѣйшаго времени. По указанію проф. Соболевскаго, Императорская Публичная Библіотека владѣетъ вѣнскимъ изданіемъ 1822 года („Miloth Higaion"), въ которомъ еврейскій текстъ сопровождается: еврейскимъ комментаріемъ и нѣмецкимъ переводомъ (напечатаннымъ еврейскимъ шрифтомъ). Это изданіе, судя по всему, замѣчаетъ изслѣдователь,—школьный учебникъ Логики"....

Изслѣдователь имѣлъ возможность провѣрить указаніе заглавія и сличить начальныя строки нѣсколькихъ главъ разсматриваемой славянской рукописи XVI в. съ соотвѣтствующимъ текстомъ нѣмецкаго перевода въ названномъ сейчасъ вѣнскомъ изданіи 1822 года; „совпаденіе оказалось полнымъ..." На еврейское происхожденіе памятника, помимо имени автора, указываютъ и самыя первыя строки сочиненія: „Начало во имя Бога превѣчнаго, не осѣнимаго въ премѣненіи. Слово 1. Слова, иже зовутъ ихъ по еврейски *носе*, а по словенски *держитель*; по еврейски *насу*, а по словенски *одержанный...*" и т. д.

Славяно-русскій текстъ разсматриваемаго памятника—повидимому переведенъ прямо съ еврейскаго. Это обнаружи

вается помимо приведенныхъ сейчасъ еврейскихъ словъ *носе* и *насу*,—изъ употребленія еврейск. *гіюли* или *гіюль* безъ перевода (=греч. ἡ ὕλη, матерія; еврейскій языкъ получилъ изъ арабскаго), и изъ такой фразы: „речемъ: носъ у коня *пия*" (=евр. *рі*, *ротъ*), и изъ названія главъ *вратами* (какъ въ еврейскомъ и арабскомъ языкахъ). „Такія неправильности въ согласованіи, какъ: „всякій осудъ, аще и мѣнится одержанный *ея*...",—кажется, прибавляетъ изслѣдователь, вполнѣ объясняются при помощи еврейскаго языка (еврейское слово, соотвѣтствующее нашему *осудъ*,—женскаго рода)..."

„Переводъ очень близокъ къ оригиналу, букваленъ. Правда, есть счетъ на *мили*; есть примѣръ: „Максимъ убилъ Ходора". Но другіе примѣры: „Египятъ передъ Индѣею почениш отъ Іерусалима", „Индѣя переже Египта почениш отъ моря ея",—очевидно, принадлежатъ автору, жившему въ Египтѣ еврею. Еще: „аще бы не разумѣ то по-арабски, не исказати его по-персски...."

Языкъ „Логики жидовствующихъ" довольно тѣсно связываетъ этотъ памятникъ съ другимъ—съ такъ наз. *Тайная Тайныхъ*. Памятникъ въ дошедшихъ спискахъ носитъ заглавіе: „Книга нарицаемая Тайная Тайныхъ, сложенная премудрымъ Аристотелемъ". Списки—XVI, XVII и XVIII вв.; старшій относится къ пол. XVI в. (находится въ Виленской Публ. б-кѣ). Описаніе этого наиболѣе ранняго изъ дошедшихъ списка, а равно нѣсколько замѣчаній о языкѣ древнерусскаго перевода памятника сдѣлано недавно проф. А. И. Соболевскимъ (этими замѣчаніями мы здѣсь и пользуемся),—но вообще памятникъ остается еще очень мало обслѣдованнымъ.

Оригиналомъ нашего сочиненія обыкновенно называютъ одно изъ распространенныхъ въ средніе вѣка произведеній западной повѣствовательно-наставительной литературы—приписывавшееся Аристотелю и конечно ему не принадлежавшее, из-

вѣстное „Secretum Secretorum“, но ближайшія отношенія названнаго западнаго произведенія къ древнерусскому „Тайная Тайныхъ“ остаются совершенно невыясненными.

Само по себѣ разсматриваемое древнерусское произведеніе представляетъ собою обширное сочиненіе энциклопедическаго поучительнаго характера. Передъ нами—подробныя наставленія, преподанныя будто бы Аристотелемъ своему ученику, Александру Македонскому, касающіяся различныхъ обстоятельствъ жизни правителя, а также и вообще свѣдѣній, относящихся къ устройству человѣка, его наружныхъ свойствъ, полезныхъ примѣтъ, врачебныхъ пособій, свѣдѣній о цѣлебныхъ свойствахъ драгоцѣнныхъ камней и т. д. Послѣдняго рода свѣдѣнія—для царя, замѣчается здѣсь, нужнѣе даже, чѣмъ для обыкновеннаго человѣка: „занеже ему (царю) человѣкъ—яко же посудіе (посудина). Каждое—мастеру своему. А не будетъ мастеръ знати посудія своего вельми гораздо, не изведетъ дѣла своего достаточнаго...“ Даваемыя наставленія вм. главъ раздѣляются на „врата“; отсюда другое заглавіе произведенія: „Аристотелевы Врата“... Подъ именемъ „Аристотелевыхъ Вратъ“ Тайная Тайныхъ упоминаются и Стоглавомъ.

Какъ выше нами уже замѣчено, языкъ „Тайная Тайныхъ“ напоминаетъ изслѣдователю языкъ „Логики жидовствующихъ“. Но вообще „словарный матеріалъ Тайная Тайныхъ представляетъ такую смѣсь, въ которой трудно разобраться, замѣчаетъ проф. Соболевскій. Есть поздніе грецизмы, есть латинизмы; но рядомъ съ ними находится рядъ непонятныхъ словъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ по справкѣ оказываются еврейскими. Вырѣжи на перстнѣ „образъ *бтулинъ,* иже хоробруетъ и ѣздитъ на *кфиръ*“. Въ этой фразѣ первое непонятное слово есть евр. *betula*—дѣвушка, знакъ зодіака дѣва, а второе евр. *k'fir*—левъ, знакъ задіака левъ „Луна въ образѣ *сарафъ*... Здѣсь евр. *saraf*—серафимъ. „Будетъ на немъ *шюма*, веди его въ лазню.“ Здѣсь евр.-талмудич.

schuma—наростъ, бородавка. Собственныя имена арабскихъ ученыхъ звучатъ по-еврейски: ***Авенроштъ*** (=средневѣк. лат Averroes, Averroys), ***Авенсина*** (=средневѣков. лат. Avicena, Avicenna)..." Въ виду общаго сходства по языку „Тайная Тайныхъ" и „Логики"—изслѣдователь думаетъ, что „переводъ обоихъ текстовъ сдѣланъ или въ западной Руси или—скорѣе —въ московской Руси людьми недавно прибывшими изъ западной Руси и еще не успѣвшими освоиться съ московскою бытовою терминологіей. Архаизмы—рѣдкость, и нѣтъ основанія относить этотъ переводъ ко времени ранѣе XV в." „Языкъ такъ называемой *Псалтыри*, переведенной съ еврейскаго между 1464 и 1473 г. въ московской Руси крещеннымъ евреемъ Ѳедоромъ,—совершенно отличенъ, прибавляетъ изслѣдователь, отъ языка обоихъ нашихъ текстовъ..."

Въ этомъ странномъ средневѣковомъ произведеніи—замѣчалъ еще Буслаевъ—выступаетъ не древній греческій философъ Аристотель, строгій мыслитель, но Аристотель средневѣковой, какъ въ другихъ произведеніяхъ той же эпохи является средневѣковой Виргилій-чародѣй..." Но наставленія врачебнаго характера излагаются не отъ лица Аристотеля, а отъ имени „Моисея Египтянина",—о которомъ, какъ мы видѣли, упоминается и въ „Логикѣ", т. е. Моисея Маймонида. Упоминаются также, съ приведеніемъ словъ, Ромосъ или Ромасъ, Авензопаръ (=средневѣков. лат. Avenzohar, Avenzoar), Галиносъ, Ипократъ, —книга Пакратова *Перишлаи...*"

Въ числѣ первыхъ книгъ съ Запада стали переходить къ намъ различные „альманахи", календари, – преимущественно астрологическаго характера, сливавшіеся чаще всего съ многочисленными книгами гадательными, иногда и съ книгами болѣе серьезнаго или даже научнаго содержанія, средневѣковыми „космографіями" и математическими.

Астрологія находила у насъ почитателей и послѣдователей съ давнихъ временъ... Максимъ Грекъ († 1556 г.), возстаетъ противъ „звѣздочетцевъ“ и пишетъ рядъ полемическихъ статей по этому поводу. Припомнимъ его посланія *На Николая нѣмчина, прелестника и звѣздочетца*, и др. Этотъ „нѣмчинъ“ былъ извѣстный Николай Шомбергъ, родомъ нѣмецкій дворянинъ, впослѣдствіи кардиналъ и епископъ капуйскій († 1537). Шомбергъ былъ посылаемъ въ Россію отъ папы два раза, въ 1516 и 1519 годахъ, и хлопоталъ о соединеніи церквей... Полемика Максима Грека однако не достигла цѣли; астрологическія сочиненія въ нашей старой рукописной литературѣ составляютъ вообще значительный отдѣлъ: они приходились по вкусу читателямъ и пользовались среди нихъ большой популярностью. Въ XV и XVI в.в. астрологія, какъ извѣстно, и во всей Европѣ была въ большомъ почетѣ; астрологическія вычисленія и выводы принимались и учеными и неучеными съ безусловнымъ довѣріемъ. Предсказанія, основанныя на наблюденіяхъ звѣздъ, пророчества по аспектамъ—въ первопечатныхъ нѣмецкихъ календаряхъ занимаютъ самое почетное мѣсто. То же самое, если еще не въ бо́льшей степени, было въ Польшѣ: здѣсь рукописные календари извѣстны уже съ XIII вѣка, печатные же, какъ и въ Германіи, идутъ съ конца XV-го. „Всѣ польскіе календари, свѣтскіе и церковные, стѣнные и книжками, наполнялись преимущественно предсказаніями не только о погодѣ, но и о политическихъ происшествіяхъ, о времени, когда начинать работы, дѣлать покупки, когда вступать въ бракъ, забавляться и т. д.“ Въ Россію подобныя предсказанія перешли довольно рано: уже въ одной рукописи XV вѣка встрѣчаются наставленія „*о днѣхъ, въ нихъ же достоитъ отъ всего хранитися*,—ни врачевать человѣкъ, ни скотъ, кровь пущать, ни браковъ творить, ни дѣтей учить и облюстися ихъ всегда“ и т. д. Въ русскихъ сборникахъ и отдѣльныхъ рукописяхъ XVII в. встрѣчаются

нерѣдко произведенія, съ предсказаніями по звѣздамъ. Таково напр. сочиненіе: *О качествѣ разныхъ дѣйствъ седми планетъ въ двѣнадцати небесныхъ знакахъ, еже есть кая планета въ коемъ либо знакѣ, егда теченіе имѣти будетъ.* Здѣсь указывается, что̀ должно случиться, когда такая-то планета вступитъ въ созвѣздіе овна, тельца и т. д.: напр.: „Аще Сатурнусъ въ тельцѣ бываетъ—скорбій, многій-же моръ, ножныя болѣзни въ человѣцѣхъ; садовыхъ овощей много, желѣза много-же, а хлѣба оскудѣніе и всюду глады, люди отъ того знамени много погибаютъ, отъ уразу (*uraz*, польское—зло, вредъ, потеря) бои великія принимаются“... Когда же Юпитеръ въ тельцѣ— „все въ людѣхъ пріятно, все блудно, и браки и пиры; скорби же многія отъ ногъ, яже и храни“.. Другое, подобное же сочиненіе,—*Алманакъ на многія впередъ будущія лѣта отъ германъ, еже отъ нѣмецъ изобрѣтенъ художествомъ ученія и пресвѣтлѣйшимъ разумомъ просвѣщенъ.* Здѣсь, на основаніи теченія планетъ и взаимнаго положенія ихъ другъ къ другу, дѣлаются различныя предсказанія на счетъ того, что́ дѣлать и чего не дѣлать, когда есть признаки къ добру, когда къ худу, въ какое время пускать кровь, когда строиться, и т. д.

Эта начальная наша гадательно-астрологическая литература шла къ намъ, отчасти уже съ древнихъ временъ, изъ Византіи и южныхъ славянъ, отчасти стояла въ связи съ болѣе поздними разнаго рода „новшествами“ и литературными вліяніями западными,—между прочимъ, повидимому, имѣла какое-то очень близкое отношеніе къ новгородской „ереси жидовствующихъ“. Позднѣе этого рода литература идетъ къ намъ чрезъ югозападную Русь и Польшу...

Одной изъ наиболѣе раннихъ книгъ этой полуастрологической, полугадальной литературы былъ упоминаемый Геннадіемъ *Шестокрылъ.*

Въ мѣсяцесловѣ, приложенномъ къ Геннадіевскому кодексу Библіи, встрѣчаются между прочимъ такія замѣтки: „Мѣсяцъ мартъ, а по еврейски нисанъ, имать дней 31;

а луна его держитъ 30 дній. Сій единъ даетъ медлійскому лѣту мулизмѣ мѣсяцу"... Или объ апрѣлѣ: „Сій другый день даетъ медлійскому лѣту мулизмѣ мѣсяцу"..,—о маѣ, что онъ „даетъ третій день", іюнь и іюль даютъ по дню, августъ—два дня, и т. д.; о сентябрѣ и ноябрѣ сказано: „Сій ни даетъ ни емлетъ, но въ своемъ существѣ пребываетъ"... Здѣсь сравниваются солнечные и лунные мѣсяцы съ показаніемъ придаточныхъ дней. Всѣхъ придаточныхъ дней для уравненія луннаго года съ солнечнымъ насчитывается одиннадцать. О январѣ замѣчается: „Единъ день февралю даеть въ помощь (въ высокосный годъ)"... Слово *мулизмъ*—испорченное греческое *ἐμβολισμός*, означающее вносный мѣсяцъ. прилагаемый къ лунному году, для уравненія его съ солнечнымъ. А „медлійское лѣто"—собственно лунный годъ. Слово это производятъ отъ еврейскаго *моледъ*, означающее въ еврейскихъ пасхаліяхъ рожденіе луны. „Лѣто меледійское"—годъ опредѣляемый по рожденіямъ луны, или лунный годъ... Далѣе, вслѣдъ за мѣсяцесловомъ, въ томъ же кодексѣ представлена таблица лунныхъ круговъ, съ показаніемъ лунныхъ перемѣнъ, по знакамъ зодіака. Внизу таблицы читаемъ: „А по *Шестокрылу* кругъ лунный починается отъ сентября послѣ русского; а по русскому отъ марта. А златое число починается съ генваря, преже обѣихъ"... „*Шестокрыломъ* назывались, замѣчаетъ Горскаго и Невоструева, хронологическія таблицы іудеевъ въ числѣ шести. Извѣстно на греческомъ языкѣ сочиненіе Хрисококка (XIV в.) подъ заглавіемъ: *Ἔκδοσις εἰς τὸ Ἰουδαικὸν ἑξαπτέρυγον*. Эти ссылки православнаго мѣсяцеслова на еврейское лѣтосчисленіе, а равно и внесеніе еврейскихъ терминовъ и таблицы уже давно было отмѣчено изслѣдователями, какъ „вліяніе жидовствующихъ",—которые, по словамъ архіеп. новг Геннадія, имѣли свой *Шестокрылъ*, расположенный по 19-ти лѣтнимъ луннымъ періодамъ..." О „Шестокрылѣ," какъ мы видѣли, архіеп. Геннадій замѣчаетъ: „А что Шестокрылъ они

себѣ изучизъ, да тѣмъ прельщаютъ христіанство, мня, яко съ небесе знаменіе сводятъ,—ино то не ихъ составленія бысть: *Шестокрылъ* бо взятъ отъ *астрономіи*, яко капля отъ моря. А то звѣздозаконіе дано бысть Сиѳу, третьему сыну Адамову...“ И нѣсколько выше, въ той же грамотѣ: „Да Шестокрылъ есми училъ, почему жидове лѣта чтутъ..“ Предполагаютъ, что „Шестокрылъ“ заключалъ въ себѣ Лунникъ, начинавшійся съ мѣсяца тисри, т. е. съ іудейскаго новаго года, и по всей вѣроятности содержавшій въ себѣ іудейскую пасхалію...“ Д. И. Прозоровскій указываетъ на нѣкоторое совпаденіе календарныхъ вычисленій предполагаемаго еврейскаго „Шестокрыла“ съ нашимъ церковнымъ лунникомъ, печатающимся въ церковныхъ книгахъ,—въ Слѣдованной Псалтыри, Типиконѣ и т. п.; доказательство этихъ совпаденій изслѣдователь находитъ въ такъ наз. *Громникѣ*,—другомъ памятникѣ, принадлежавшемъ повидимому къ той же литературѣ „жидовствующихъ“ и вообще „еретиковъ“,—и бывшемъ у насъ извѣстнымъ уже съ XIV—XV вв. „Громникъ, замѣчаетъ Прозоровскій, подобно Шестокрылу, начинался мѣсяцемъ тисри,—съ тою лишь разницею, что одинъ исходилъ отъ ущерба, а другой отъ рожденія луны, но оба въ одномъ и томъ же 14 кругѣ ея теченія...“ На основаніи пасхальныхъ вычисленій, читаемыхъ въ припискѣ къ одному Апостолу нач. XIV в. (Апостолъ 1307 года),—Прозоровскій предполагаетъ, что „Шестокрылъ былъ извѣстенъ у насъ ранѣе XV вѣка...“

„Шестокрылъ“ не встрѣчается по дошедшимъ древнерусскимъ рукописямъ, и при всѣхъ соображеніяхъ, приведенныхъ и другихъ, которыя будутъ приведены сейчасъ на основаніи другихъ разысканій—остается памятникомъ загадочнымъ. По мнѣнію Прозоровскаго, „Шестокрылъ, „взятый отъ астрономіи какъ капля отъ моря“ и со стороны „жидовствующихъ“ считавшійся способнымъ „сводить знаменія съ неба,“ былъ отчасти не что иное, какъ особый Лунникъ,

снабженный не только астрономическими, но и астрологическими свѣдѣніями и употреблявшійся нашими древними пасхалистами наравнѣ съ церковнымъ Лунникомъ, но примѣнительно не къ пасхальной, а къ небесной лунѣ, которую они опредѣляли однакоже своеобразно, по правиламъ пасхальной луны. Обстоятельство это позволяетъ заключить, что Лунникъ „Шестокрыла“ былъ приноровленъ къ дѣйствительному теченію луны...“ По указанію позднѣйшихъ изслѣдователей, „Шестокрылъ“ имѣетъ себѣ какую то—точно еще не разслѣдованную—параллель въ одномъ изъ произведеній, читаемыхъ въ извѣстномъ собраніи еврейскихъ рукописей Фирковича Императорской Публичной Б-ки. Сочиненіе заключаетъ въ себѣ комментарій къ так. наз. „Шестокрылію“, астрологическаго содержанія, написанному около серед. XIV ст.—самый же комментарій относится, предполагаютъ, къ концу XV—нач. XVI в.

Упомянутый сейчасъ *Громникъ* встрѣчается въ рукописяхъ сравнительно нерѣдко, какъ древнерусскихъ, такъ и южно-славянскихъ. Дошедшіе до насъ славянскіе тексты памятника идутъ съ нач. XIV вѣка, и представляютъ нѣсколько различныхъ редакцій. Первоначальное появленіе Громника въ славянской письменности изслѣдователи (напр. Шафарикъ) относятъ къ самымъ раннимъ временамъ юго-славянской письменности, къ эпохѣ еще древнеболгарской литературы (нач. X в.). Въ „индексахъ запрещенныхъ книгъ“ онъ встрѣчается уже въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ спискахъ этой статьи (напр. въ спискѣ Паисіевскаго Сборника XIV в). Прототипъ памятника указываютъ въ византійской литературѣ,—гдѣ подобнаго рода сочиненія возникли уже очень рано, подъ именемъ „бронтоскопіи“ или „бронтологіона“. Въ греческіе индексы запрещенныхъ книгъ эти „бронтологіи“ или „громники“ были занесены также уже очень рано,—наряду съ „лунниками“ и „колядниками“; о нихъ упоминаетъ уже

Никифоръ Омологетъ (IX в.). По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, весьма важнымъ матеріаломъ для оцѣнки и анализа славянорусскихъ текстовъ Громника являются сочиненія византійскаго писателя Іоанна Лаврентія Лидійца († 565 г. по Р. Х.), главн. обр. его *βροντοςκοπία*—заимствованная (въ какой мѣрѣ, не извѣстно) „*ἐκ τῶν Φωντηίου οὗ Ῥωμαίου καθ' ἑρμηνείαν πρὸσ λέξιν.*“ Здѣсь предсказанія о значеніи грома расположены по знакамъ зодіака согласно фазамъ луны; далѣе слѣдуютъ предсказанія касательно нападенія народовъ, погоды, состоянія жатвы, чтó изъ посѣяннаго удачно созрѣетъ, чтó погибнетъ,—смерти знатныхъ вельможъ или ихъ измѣны и т. д. и т. д. Предсказанія приноровлены преимущественно къ интересамъ земледѣлія. Почти такого же характера предсказанія и въ другой статьѣ того же автора *Περί κεραυνῶν*. Послѣ предисловія слѣдуютъ предсказанія, начиная съ овна. „Этотъ памятникъ, прибавляетъ изслѣдователь, важенъ для тѣхъ текстовъ Громника, въ составъ которыхъ вошли и свѣдѣнія о значеніи молній“...

Указывая на различные западно-европейскія и византійскія средневѣковыя сочиненія, приближающіяся по своему содержанію къ текстамъ собственно „Громника“—изслѣдователь не находитъ между тѣми и другими „буквальнаго совпаденія:“ очевидно, они видоизмѣнялись сообразно требованію времени и мѣста... „Вѣроятно, подобныя измѣненія, замѣчаетъ В. Н. Перетцъ, происходили и на славянской почвѣ въ зависимости отъ интересовъ гадающихъ. Эти интересы въ разныя эпохи мѣнялись—переписчики и переводчики Громника вносили соотвѣтствующія измѣненія. Чтó было важно для грека классическаго періода, то было чуждо византійцу, а тѣмъ болѣе сербу и болгарину XIV и XV в.“ Интересный примѣръ подобныхъ измѣненій встрѣчается въ текстахъ двухъ рукописей Вѣнской б-ки,—гдѣ вмѣсто пріуроченія къ знакамъ зодіака извѣстныхъ классической эпохѣ странъ и городовъ находимъ совершенно иное: риба—*Фрузи*, овнъ—*Римъ*, бли-

знць—*Трънново*, ракъ—*Руси*, левъ—*Дунавъ* и т. д. Здѣсь называются тѣ мѣстности, которыя были важны для славянина XIV—XV в. Нѣкоторые списки удержали многое изъ старины; такъ въ текстѣ, недавно изданномъ В. Н. Перетцомъ, упоминаются „бабыльская страна“—ἡ βαβυλωνία χῶρα, Аравія и т. п. „Вѣроятно, въ зависимости отъ различныхъ степеней важности того или другого явленія—предполагаетъ изслѣдователь—и предсказанія Громниковъ укорачивались, видоизмѣнялись, независимо отъ греческихъ оригиналовъ“,—хотя и среди послѣднихъ попадаются очень краткіе.

Старый Громникъ, дойдя въ значительномъ числѣ списковъ, не былъ вполнѣ забытъ и тогда, когда—въ XVIII вѣкѣ—на сцену выступилъ съ подобными же предсказаніями *печатный календарь*: рядомъ съ послѣднимъ, Громникъ долгое время продолжалъ свое существованіе въ завѣтныхъ рукописныхъ тетрадкахъ русскихъ людей,—„хотя и утративъ свои древнія черты, подробность и обстоятельность предсказаній.“ Лишь къ самому концу XVIII вѣка Громникъ былъ окончательно повидимому вытѣсненъ печатнымъ календаремъ и разнаго рода „оракулами“. Въ связи съ послѣдними—находятся позднѣйшія предсказанія и гаданія по грому... Кромѣ средневѣковыхъ византійскихъ громниковъ, позднѣйшій изслѣдователь указываетъ также древнееврейскіе тексты Громника,—впервые привлекая эти тексты къ изученію памятниковъ славянской апокрифической литературы и справедливо замѣчая, что „отрицать значеніе этихъ древнееврейскихъ текстовъ для изслѣдованія судебъ средвѣковой жизни, литературы и культуры едва ли возможно,—особенно если въ литературѣ то тамъ, то здѣсь, проскальзываютъ предположенія и косвенныя указанія на связь и зависимость нашихъ славянскихъ апокрифовъ, а равно и греческихъ ихъ оригиналовъ, съ халдейской и еврейской литературой...“ Указывая на мнѣніе о изначальномъ происхожденіи Громника съ Востока, отъ египтянъ и халдей-

цевъ, — изслѣдователь замѣчаетъ: „Подобно Громнику, небезполезно было бы прослѣдить отношеніе и другихъ древне-еврейскихъ гадательныхъ книгъ къ средневѣковымъ европейскимъ—въ частности къ славяно-русскимъ, изъ которыхъ, напр. *Трепетникъ*, *Колядникъ*, *Сносудецъ*, *Шестокрылъ* имѣютъ параллели въ древне-еврейской литературѣ, а можетъ быть могутъ претендовать и на болѣе близкое преемственное отношеніе къ ней, подобно многимъ другимъ памятникамъ апокрифической христіанской литературы...“

Приведенное замѣчаніе изслѣдователя кажется намъ особенно важнымъ—въ виду сдѣланнаго выше замѣчанія объ отношеніяхъ разсматриваемаго отдѣла нашей московской литературы къ исторіи ереси „жидовствующихъ...“

Громникъ въ еврейской литературѣ появляется уже очень рано; составленіе его здѣсь приписываютъ одному компилятору XI вѣка, Moses ha-Daršan. „Составленіе астрологическихъ предсказаній отнюдь не считалось у средневѣковыхъ евреевъ чѣмъ либо предосудительнымъ и грѣховнымъ; напротивъ—какъ это видно изъ предисловія къ одному такому сборнику, содержащему между прочимъ и Громникъ—было дѣломъ полезнымъ и даже богоугоднымъ“. Редакціи еврейскаго Громника весьма различны, но всѣ указываютъ на греческій источникъ. Еврейскій Громникъ—переводъ съ греческаго...

Къ той же гадально-астрологической литературѣ принадлежатъ такъ называемые *Трепетники*,—особаго рода гадальныя книжки, гдѣ „будущее“ узнавалось по нѣкоторымъ физіологическимъ явленіямъ въ тѣлѣ человѣка, зуду, звону въ ухѣ, чесанью отдѣльныхъ частей, миганью глаза и тому подоб. непроизвольнымъ „трепетаніямъ“ человѣческаго организма. „Самое повѣрье, будто дрожаніе, зудъ различныхъ частей тѣла могутъ имѣть вѣщее значеніе, принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ суевѣрій, общихъ чуть ли не всѣмъ народамъ, всѣмъ временамъ; существуетъ оно въ

видѣ переживанья до сихъ поръ, обращаясь по временамъ у болѣе культурной части общества въ шутливую примѣту; иначе говоря, это повѣріе принадлежитъ чуть ли не къ тѣмъ общечеловѣческимъ, какъ и всякое гаданіе, представляя одинъ изъ его видовъ. Эту вѣру въ значеніе дрожанія, непроизвольныхъ движеній въ организмѣ человѣка, мы находимъ у цѣлаго ряда народовъ, взаимная связь которыхъ или не можетъ быть доказана, или, если и можетъ быть предполагаема, то весьма отдаленная для временъ историческихъ". Отдѣльныя повѣрья, обобщаемыя трепетаніемъ человѣческаго тѣла вообще, мы встрѣчаемъ и въ древне греческой литературѣ. Еще пиѳагорейцы признавали звонъ въ ухѣ; въ одной идилліи Ѳеокрита упоминается о дрожаніи праваго глаза,—что вызываетъ у влюбленнаго сомнѣніе, увидитъ ли онъ свою возлюбленную... Рано у грековъ возникло и особое ученье относительно подобныхъ трепетаній; уже къ александрійскому періоду принадлежатъ два трактата этого рода, приписываемые нѣкоему Меламподу, современнику Птоломея Филадельфа, и другому ученому, приблизительно того же времени, Гермесу Трисмегисту. Съ именами этихъ лицъ дошли два древнѣйшихъ текста греческаго Трепетника. „Примѣты располагаются здѣсь въ порядкѣ членовъ человѣческаго тѣла, начиная съ головы (темени) и кончая пальцами ноги, при чемъ различаются постоянно правая и лѣвая сторона тѣла, иногда отдѣльной его части; это различеніе понятно въ виду того значенія въ смыслѣ предсказанія, какое придавалось въ древности правой и лѣвой сторонѣ вообще"... Два дошедшіе текста впрочемъ сами по себѣ весьма различны: одинъ значительно обширнѣе и полнѣе другого. „Тогда какъ Гермесъ ограничивается всего 40 мѣстами человѣческаго тѣла, зудъ или трепетъ которыхъ имѣетъ вѣщее значеніе, Меламподъ насчитываетъ ихъ до 180; тогда какъ Гермесъ Трисмегистъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ удовлетворяется только общимъ указаніемъ на то, что та или другая при-

мѣта „добро кажетъ“ или „зло кажетъ“, и иногда только различаетъ гаданіе для „свободнаго“ и „раба“ (*ἐλευθέρῳ—δούλῳ*), Меламподъ помимо этого довольно послѣдовательно при каждомъ гаданіи указываетъ на значеніе гаданія не только для „раба“, но и для „дѣвушки“ и „вдовы“ (*παρθένῳ, χήρᾳ*), часто приводитъ гаданія также для „богатаго“ и „бѣднаго“, „воина“ и „моряка“... Предполагаютъ, что текстъ Гермеса ближе къ исходному прототипу, чѣмъ текстъ Мелампода: текстъ Мелампода представляетъ Трепетникъ уже довольно сложнымъ памятникомъ, между тѣмъ какъ менѣе сложный текстъ Гермеса приближается къ тому типу гаданія, который даютъ народныя примѣты...

Въ древнерусской письменности списки Трепетника довольно рѣдки. По одной древней рукописи раскольничьяго письма, текстъ Трепетника изданъ Пыпинымъ; цѣлый рядъ другихъ текстовъ Трепетника, съ присоединеніемъ и текста одного греческаго произведенія такого рода, изданъ недавно проф. М. Н. Сперанскимъ. У южныхъ славянъ Трепетникъ повидимому былъ гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ у насъ,—хотя имѣющіеся на лицо списки и здѣсь всѣ, за исключеніемъ одного, относящагося къ XV вѣку,—сравнительно позднѣйшіе, XVII и XVIII в.в. и позднѣе. Названный сейчасъ древнѣйшій списокъ XV вѣка находится въ рукописяхъ Шафарика и въ числѣ другихъ изданъ проф. Сперанскимъ. Въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи (которымъ мы здѣсь пользуемся) проф. Сперанскій приходитъ къ заключенію, что у южныхъ славянъ Трепетникъ сталъ извѣстенъ съ начала XV, или уже съ конца XIV вѣка,—и повидимому ранѣе всего въ Болгаріи. „XIV вѣкъ, приблизительно съ его половины, былъ вѣкомъ особаго оживленія духовной и литературной жизни въ Болгаріи: по преемству отъ Византіи—и въ Болгаріи оживаютъ старыя вѣрованія, астрологія, мантика начинаютъ и здѣсь оказывать свое вліяніе, на ряду съ возрожденіемъ богумильства и ересью Вар-

лаама и Акиндина; результатомъ этого движенія, съ одной стороны, было появленіе цѣлаго ряда памятниковъ суевѣрно-апокрифическаго характера, съ другой—проповѣдь противъ нихъ, запрещенія...“ По своему происхожденію памятникъ—переводный съ греческаго, при чемъ греческо-византійскій текстъ, нужно думать, восходитъ уже къ очень ранней эпохѣ, можетъ быть, къ періоду еще александрійскому...

Дошедшіе до насъ славянскіе тексты Трепетника представляютъ въ своихъ редакціяхъ большое разнообразіе; самый объемъ ихъ весьма различенъ: число гаданій отъ 30, въ однихъ спискахъ, доходитъ до 100—въ другихъ. Впрочемъ колебанія въ числѣ примѣтъ не должны, по мнѣнію изслѣдователя, имѣть особенно важнаго значенія въ виду самаго характера памятника, крайней подвижности его состава, содержанія,—гдѣ эта подвижность часто могла быть не результатомъ редакціоннаго труда, а простого механическаго сокращенія, пропуска или прибавки... Оставляя въ сторонѣ (хотя едва ли, по нашему мнѣнію, справедливо) эту внѣшнюю черту памятника — изслѣдователь все разнообразіе дошедшихъ списковъ славянскаго Трепетника старается свести къ двумъ группамъ или редакціямъ. Къ первой редакціи изслѣдователемъ относятся всѣ болѣе ранніе, дошедшіе до насъ, списки сербско-болгарскіе, съ древнѣйшимъ, Шафариковскимъ, во главѣ; ко второй—позднѣйшіе румынско-сербскіе, ведущіе свое начало повидимому отъ поздняго румынскаго текста, переведеннаго едва ли не въ прошломъ столѣтіи съ французскаго... Интересъ для насъ представляетъ, конечно, только первая группа. Относительно ея, изслѣдователь приходитъ къ слѣдующимъ детальнымъ выводамъ: „1) въ основѣ редакція лежитъ одинъ переводъ, сдѣланный, можетъ быть, на болгарскій языкъ съ греческаго; 2) переводъ этотъ сдѣланъ не позднѣе начала XIV вѣка и сохранялъ свою популярность до XIX в.,—размножаясь въ спискахъ, представляющихъ преимущественно механическое извле-

ченіе изъ первоначальнаго текста; 3) рядомъ съ старымъ переводомъ появляется и болѣе новый, также сдѣланный съ греческаго, но иной редакціи, нежели первый; этотъ позднѣйшій переводъ даетъ матеріалъ для пополненія стараго и—образованія иной версіи Трепетника, состоящаго изъ двухъ отдѣльныхъ частей: для правой и лѣвой стороны тѣла“... Древнерусскіе тексты Трепетника, конечно, должны относиться къ первой редакціи, — хотя имѣющійся пока на лицо русскій текстъ Трепетника плохо вяжется съ другими дошедшими текстами той же группы, и долженъ быть относительно ихъ поставленъ изолированно. Древнерусскій Трепетникъ пока имѣетъ для себя представителемъ пока лишь одинъ упомянутый выше поздній текстъ, изданный Пыпинымъ. Списокъ этотъ носитъ на себѣ слѣды цѣлаго ряда измѣненій первоначальнаго текста... Вообще древнерусскій Трепетникъ, съ трудомъ поддается опредѣленію со стороны источниковъ и характера, вообще носитъ на себѣ „слѣды долгой исторіи“... Въ названномъ текстѣ Пыпина характеръ памятника является крайне своеобразнымъ: по объему своему, онъ превосходитъ самый полный изъ сербскихъ, Шафариковскій XV вѣка; дробность дѣленія въ немъ до извѣстной степени подходитъ къ тексту румынскому, хотя по подбору примѣтъ общаго между ними очень немного,—напротивъ, въ значительномъ большинствѣ гаданій Пыпинскій текстъ подходитъ къ сербскому... Кромѣ того, въ этомъ русскомъ текстѣ очевидные слѣды свода,—слѣды присутствія въ его составѣ по крайней мѣрѣ двухъ текстовъ; различіе иногда проглядываетъ даже въ стилистическомъ отношеніи. Повторенія, обобщенія и комбинаціи—все это взятое вмѣстѣ указываетъ, по справедливому замѣчанію изслѣдователя, на отдаленность Пыпинскаго текста отъ его первообраза. Отчасти на ту же отдаленность указываетъ и замѣчаніе въ предисловіи разсматриваемаго текста: „Отъ мудрыхъ сіе взято, а не смѣхотворство нѣкое, и всякъ сіе внимай“... Этимъ ясно указывается уже на срав-

нительно позднее время, — когда взгляды на гаданье стали мѣняться, „когда гаданье надо было уже защищать“ отъ людей, видѣвшихъ въ этомъ лишь „смѣхотворство нѣкое“... Какъ бы то ни было, проф. Сперанскій пытается установить нѣкоторую связь между Пыпинскимъ текстомъ и древнѣйшимъ сербскимъ; изслѣдователь дѣлаетъ текстуальное и стилистическое сравненіе Пыпинскаго списка съ сербскими текстами указанной первой группы, — и не смотря на значительную разницу, подмѣчаетъ сходство между русскимъ и сербскимъ текстами главнымъ образомъ въ терминологіи, а иногда связь въ назначеніи гаданій... Вотъ примѣры:

Русскій текстъ.	*Сербскіе тексты.*
3) Аще бровь правая потрепещетъ, то богатымъ *недугъ*, а убогимъ польза будетъ.	Аще обрьвь десна потрепещеть, *недугъ* кажеть, а послѣ благо.
4) Аще бровь лѣвая потрепещетъ, то велико *добро* и веселіе кажетъ.	Аще обрьвь лѣвая потрепещеть, *добро* нѣкако кажеть.
22) Аще ухо *лѣвое* потрепещетъ, то *честь* повѣдаетъ.	Аще слухь *десніе* страни возшумить, добро кажеть и *чьсть*.
25) Аще ноздря *правая* потрепещетъ, *о всемъ добро повѣдаетъ*.	Аще ноздра *лѣвая* потрепещетъ, *о сѣмъ добро* кажетъ.
26) Аще ноздря *лѣвая* потрепещетъ, *убожество кажетъ*.	Аще ноздра *десная* потрепещетъ, *убожество* кажетъ.
30) Аще зубы *посѣкаются*, на вражду повѣдаютъ.	Аще зубы *сѣцающе*, раздрушеніе кажеть.
32) Аще языкъ лѣвыя страны потрепещетъ, *благое шествіе кажетъ*.	Аще езикъ лѣвіе страни, *благошьствіе* кажеть.
41) Плечо *лѣвое* потрепещетъ, *богатымъ* недугъ будетъ.	Аще плеще *десно* потрепещеть, *богатыимъ* стуженіе.
46) Мышка *правая* потрепещетъ, *богатымъ слава* будетъ и д. т.	Аще *лѣвая* (мышка), *богатыимъ слава*, а убогыимъ добро и т. д.

Приведенные примѣры показываютъ, заключаетъ изслѣдователь, что „между сравниваемыми текстами есть какое-то родство, какъ въ словоупотребленіи, такъ и въ пріуроченіи примѣтъ“... Есть и дополненія,—хотя трудно указать, изъ какого источника идутъ эти дополненія. Общій анализъ извѣстнаго

пока единственнаго русскаго текста, изданнаго Пыпинымъ, заставляютъ изслѣдователя сдѣлать предположеніе, что русскіе тексты Трепетника—„восходятъ также къ одному и тому же, что и сербскіе, болгарскому переводу“. Совпаденіе же въ обозначеніи нѣкоторыхъ гаданій Пыпинскаго текста со списками сербскими вторичнаго, болѣе поздняго и осложненнаго вида—заставляетъ думать, что переходъ юго-славянскаго Трепетника въ русскую письменность совершился уже послѣ осложненія Трепетника древнѣйшаго типа (какъ мы его имѣемъ въ Шафариковскомъ спискѣ) тѣмъ вторымъ переводомъ, который обусловливалъ собою созданіе названныхъ сейчасъ сербскихъ списковъ болѣе поздней, вторичной фармаціи, или по крайней мѣрѣ послѣ появленія этого второго Трепетника,—который также могъ перейти въ Россію, и здѣсь уже вступить въ соединеніе со старшимъ текстомъ: слѣдомъ этого въ Пыпинскомъ спискѣ и остались обобщенія, дублеты и наросты въ обозначеніи гаданій. Новыя наслоенія, источникъ которыхъ пока неизвѣстенъ, обусловили тотъ объемъ и типъ Трепетника, какимъ мы его знаемъ въ Пыпинскомъ спискѣ XIX вѣка.

Гаданье по Псалтыри возникаетъ у насъ уже въ самые первые вѣка христіанства. Припомнимъ извѣстное мѣсто въ „Поученіи“ Вл. Мономаха дѣтямъ: „И отрядивъ ӕ (пословъ), веемъ Псалтырю въ печали разгнухъ ю и то ми ся выну: вскую печалуеши душе? вскую смущаеши мя? и проч. И потомь собрахъ словца си любая и складохъ по ряду и написахъ: „Аще вы послѣдняя не люба, а передняя пріймайте“. Вскую печална еси душе моя, вскую смущаеши мя? Упова на Бога“.... Въ Поученіи Мономахъ разсказываетъ случай изъ своей жизни, когда къ нему, во время его пути, на Волгѣ, пришли послы съ предложеніемъ поднять оружіе на Ростиславичей, выгнать ихъ изъ

волости,—грозя въ противномъ случаѣ разрывомъ съ братьями, съ которыми Владимиръ цѣловалъ крестъ. Находясь въ нерѣшительности, въ печали — онъ, „разгнулъ Псалтырь", раскрылъ на удачу книгу, которая очевидно всегда имѣлась у него подъ руками, была съ нимъ и въ дорогѣ,—и ему „вынулось" („и то ми ся выну") приведенное мѣсто псалма....; изъ „словецъ" (изъ отдѣльныхъ словъ?... или буквъ въ началѣ строкъ на страницѣ?...) составилъ себѣ отвѣтъ—„собрахъ словца складохъ по ряду".., а можетъ быть нашелъ его по этимъ „словцамъ" и готовымъ — „Аще вы послѣдняя не люба, а передняя пріймайте"... Приведенное мѣсто Поученія —на сколько извѣстно—наиболѣе раннее свидѣтельство о гаданіи у насъ по Псалтыри... Гадали впрочемъ и по другимъ книгамъ св. Писанія, напр. пророческимъ; подъ 1276 г. въ Волынской лѣтописи читаемъ: „Вложи Богъ въ сердце мысль благу князю Володимирови, нача собѣ думати, абы гдѣ за Берестьемъ поставити городъ. И взя книгы пророческыя, да тако собѣ въ сердци мысля рече: Господи Боже сильный и всемогый, вся созидая и разстраяя,—что ми, Господи, проявишь грѣшному рабу своему, и на томъ стану. Разгнувъ же книгы, и выняся ему пророчьство Исаино: Духъ Господень на мнѣ и пр. Князь же Володимеръ отъ сего пророчьства уразумѣ милость Божію до себе, — и нача искати мѣста удобьна, абы поставити городъ"... Въ массѣ нашихъ старыхъ рукописей уже отъ XI вѣка до насъ дошло нѣсколько листковъ *Псалтыри*,—которая, очевидно, употреблялась именно для гаданій: подъ страницами, гдѣ начинаются псалмы, написаны киноварью особыя гадальныя приписки, относящіяся къ находящимся здѣсь начальнымъ строкамъ псалмовъ (листки изданы сполна Срезневскимъ). Другая такая гадальная Псалтырь дошла отъ XIV в.,—находится въ Моск. Типогр. библіотекѣ и др.

Употреблявшійся въ древней Руси пріемъ гаданія по Псалтыри—или другой книгѣ св. Писанія—очевидно относится

вообще къ области гаданія по священной книгѣ, или даже вообще по книгѣ, по письму, и въ этомъ смыслѣ, своимъ началомъ скрывается въ отдаленнѣйшихъ временахъ человѣческой культуры... И въ древніе и въ средніе вѣка обычай гадать по книгѣ былъ весьма распространеннымъ, и даже игралъ важную роль въ общественной жизни. Въ средніе вѣка обыкновенно гадали по Библіи; этотъ пріемъ гаданія назывался поэтому *βιβλιομαντεία*, что̀ вѣроятно, въ началѣ означало гаданье „по книгѣ вообще". Въ Византіи гаданье производилось иногда при назначеніи въ епископы,—этотъ обычай оставилъ даже слѣдъ въ чинѣ поставленія епископа: это значило получить *ζυγὸν τοῦ ἐναγγελίου*. Гаданье совершалось такъ: посвящаемому клали на голову Евангеліе, раскрывали, гдѣ случится, читали первую строку на страницѣ и по прочтенному заключали, каковъ будетъ пастырь вновь посвященный... По свидѣтельству Өеофана и Кедрина, гаданья по св. Писанію были распространены и въ простомъ народѣ. Извѣстны и самыя гадальныя книги св. Писанія этого рода... Одна изъ такихъ книжекъ имѣется напр. въ Парижской Націон. Библіотекѣ и называется *Ρικτολόγιον ἐκ τῶν τοῦ ἁγίου ἐναγγελίου κεφαλαίων*. Книжка представляетъ выборку текстовъ изъ Евангелія, можетъ быть, одного Іоаннова, можетъ быть, евангелія-апракоса"... Въ одномъ латинскомъ источникѣ IX вѣка (въ „Отвѣтахъ папы Николая I болгарамъ", 866 г.) мы видимъ любопытное описаніе самаго способа гаданья... Указанія на обычай гаданья и даже указаніе именно на тотъ же самый обычай встрѣчаются и въ нашемъ Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ (М., 1639), воспроизводящемъ въ настоящемъ случаѣ соотвѣтствующую статью Номоканона Фотія. „Инъ нѣкій священникъ—читаемъ въ Требникѣ въ дополненіяхъ къ правилу 20-му—со Евангеліемъ, ему же древо связано бысть, и круговидно обращашеся, обвиненъ, яко испытанія творяше о нѣкіихъ вещехъ со псалмы Давидовыми, абіе изверженъ бысть. (Сицевому суду подлежатъ,

иже имена на хартіяхъ пишутъ и ключи въ Псалтырь влагаютъ, оттуду ложная вѣщающе)". Въ самомъ же правилѣ 20 осуждаются тѣ, кто „или щастіе и родословіе вѣруютъ, яко овъ убо въ день благъ, овъ же въ золъ родися, или мѣстнословіе..., или Давыдскія псалмы и имена мученическія поминающе на выю си вѣшаютъ"... Этому „мѣстнословію" въ греческомъ соотвѣтствуетъ упомянутое выше *ῥικτολόγιον*... Не менѣе распространенны были гаданья и гадальныя книжки на Западѣ. „Греко-римская древность помимо оракуловъ, Сивиллъ, передала въ наслѣдіе среднимъ вѣкамъ цѣлый рядъ своихъ пророковъ-мудрецовъ: это не только пророки о Христѣ, каковыми являются знаменитые семь мудрецовъ и философовъ (прорицаніями которыхъ оканчиваются нѣкоторые списки греческихъ и славяно-русскихъ „Пчелъ"), — но и предсказатели будущаго вообще; весьма популяренъ былъ, напримѣръ, въ теченіе среднихъ вѣковъ Пиѳагоръ, которому приписывалось основаніе математическихъ гаданій, основанныхъ на мистическомъ значеніи цыфръ въ именахъ (это—*ὀνομομαντεία* и *ἀριθμομαντεία*. Гораздо популярнѣе былъ Виргилій, авторъ „Энеиды"; по „Энеидѣ" гадали еще въ древности, какъ и по Гомеру; Виргилій весьма рано превратился изъ римскаго поэта въ мага и волшебника среднихъ вѣковъ, прославившагося умѣньемъ не только предсказывать будущее, но и строить чудныя вещи, по которымъ можно было узнавать будущее. Его сочиненія послужили основой для средневѣковыхъ знаменитыхъ *Sortes Virgilianae*, давшихъ въ свою очередь начало знаменитымъ же *Sortes Sanctorum*"... Этимъ терминомъ обозначалось вообще то же, что̀ въ греческомъ терминами: *βιβλιομαντεία*, *ῥαψῳδομαντεία*, т. е. когда человѣкъ, желая узнать будущее, разгибалъ на удачу книгу (священную), желая въ текстѣ ея найти „sors"—жребій, отгадку задуманнаго. Sors такимъ образомъ соотвѣтствуетъ вполнѣ упомянутому выше грече-

своему ζυγός. ." Кромѣ простого гаданья по книгѣ—когда, желая получить отвѣтъ на какой-нибудь вопросъ, брали книгу, разгибали ее наудачу, читали первыя слова или первое слово на страницѣ, и истолковывали прочитанное примѣнительно къ задуманному,—способъ гаданья иногда имѣлъ болѣе сложную форму. На это указываетъ уже самое слово ῥικτολόγιον, приводившееся выше: первая часть этого слова производятъ отъ глагола ῥίκτειν, византійской формы древняго ῥίπτειν—бросать, именно бросать жребій... При 'Ρικτολόγιον'ѣ ἐκ τῶν τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου κεφαλαίων употреблялись или кости съ какими-либо значками (цыфрами или точками), указывавшими, гдѣ надо искать въ книгѣ цитату и ея толкованіе, или же присоединена была таблица съ подобными значками или цыфрами, на которую и бросали какой-нибудь предметъ: кость, камешекъ, зерно, шарикъ и т. д. Способъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ обычныхъ и древнѣйшихъ, и стоялъ въ связи съ гаданьемъ вообще по костямъ,—которое вмѣстѣ съ гаданьемъ по письму или книгѣ выработано было практикою уже въ глубокой древности... Съ гаданьемъ по костямъ изслѣдователи ставятъ въ связь и игру на костяхъ, въ особенности многочисленныя преслѣдованія этой игры въ средніе вѣка, хотя и не приведшія ни къ чему. Игра въ кости, по замѣчанію изслѣдователя, даетъ любопытныя указанія на древніе способы гаданья. Играли обыкновенно въ три кости,—самыя названія которыхъ („настоящее", „прошедшее", „будущее") ясно говорятъ о старой связи игры съ гаданьемъ... Западная гадальная литература была весьма обширной; произведенія этого рода явились на Западѣ въ числѣ самыхъ первыхъ печатныхъ изданій по изобрѣтеніи здѣсь книгопечатанія. Древнѣйшія, дошедшія до насъ, западныя гадальныя книжки относятся къ послѣдней четверти XV в. Въ этихъ „книжкахъ судьбы", „альманахахъ"—старыя разнообразныя гаданія, по священнымъ книгамъ, по изреченіямъ древнихъ писателей, оракуловъ, слились съ астрологическо-„халдейской"

мудростью, съ гаданіями по примѣтамъ, по воску, линіямъ руки и т. п., и образовали своеобразную энциклопедію житейскихъ совѣтовъ, врачебныхъ рецептовъ, разнаго рода пророчествъ на тѣ или другіе случаи. Пріемы гаданій иногда указываются самыми заглавіями гадальныхъ книжекъ. Названные „альманахи" были непосредственными предшественниками теперешнихъ „календарей"; самый планъ календаря, особенно народнаго, по замѣчанію изслѣдователя, до сихъ поръ „въ значительной степени опредѣляется старой гадательной книжкой"...

Подобно Западу и Византіи,—гаданье и въ древней Руси имѣло иногда важное общественное значеніе. Мы упоминали уже о гаданьяхъ Владимира Мономаха и Владимира Волынскаго. Въ Новгородѣ, какъ извѣстно, особаго рода гаданье, гаданье по жребію, производилось при избраніи въ новгородскіе владыки; записки кандидатовъ клались на престолъ св. Софіи... Жребій, жеребьевка—имѣетъ и досихъ поръ широкое распространеніе въ простомъ быту русскаго народа,—примѣняясь иногда при самыхъ важныхъ общественныхъ актахъ, напр. при рекрутскомъ наборѣ... Къ числу древнихъ свидѣтельствъ существованія въ древней Руси гаданій должны быть отнесены показанія нашихъ индексовъ книгъ истинныхъ и ложныхъ, особенно поздней (однако, не позднѣе XIV в.) редакціи, слившей въ одно понятіе о книгѣ ложной, апокрифической (въ древнемъ смыслѣ термина), съ понятіемъ о книгѣ запрещенной вообще, почему въ списки богоотметныхъ книгъ попали и гадательныя книги. Въ этомъ индексѣ мы находимъ почти весь кругъ гадательныхъ книгъ, какимъ онъ представляется для Востока и Запада." Нельзя не имѣть въ виду при этомъ, что списокъ этотъ не всегда, кажется, соотвѣтствовалъ собственно русской или славянской практикѣ,—не всѣ изъ упомянутыхъ въ индексахъ книги дѣйствительно вращались въ древнерусскомъ обществѣ; въ наши индексы указанія нерѣдко переносились меха-

нически изъ греческихъ индексовъ... Самыя указанія индекса часто весьма неясны; индексы часто приводятъ нетолько заглавіе той или другой гадательной книги или статьи,— но имѣютъ въ виду и самый обычай, выраженіемъ котораго была книга, а иногда и самый обычай, не связанный съ книгою, независимый отъ книги... Обширныя указанія о древнерусскихъ гаданьяхъ дѣлаетъ Стоглавъ. Здѣсь мы не находимъ, говоритъ изслѣдователь, „запрещеній гадать по священнымъ книгамъ: ясно, что отцы собора не нашли нужнымъ останавливаться на этомъ гаданіи, м. б., они не считали его предосудительнымъ; но за то въ Стоглавѣ находимъ указаніе на то, что запретная гадательная литература въ XVI в. у насъ представляла тѣ же фазы развитія, что̀ на Западѣ и въ Византіи,—что въ этомъ случаѣ индексъ запрещенныхъ книгъ въ значительной степени стоялъ на реальной почвѣ. Вотъ эти свидѣтельства. Въ вопросѣ 17-мъ соборъ жалуется: „И на полѣ бьются и кровь проливаютъ (дѣло идетъ о поединкѣ); и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ: кудесы бьютъ, въ *Аристотелевы Врата* и въ *Рафли* смотрятъ и по звѣздамъ и планетамъ гадаютъ и смотрятъ дней и часовъ“. Ясно, что здѣсь подразумѣваются тѣ же вредныя книги, которыя запрещалъ и индексъ: *Аристотелевы Врата*, *О часѣхъ добрыхъ и злыхъ*, *Рафли*, *Звѣздочетецъ*, *Планидникъ*. Въ вопросѣ 22-мъ находимъ также перечень цѣлаго ряда запрещенныхъ гадательныхъ книгъ: „Злыя ереси кто знаетъ и ихъ держится: *Рафли*, *Шестокрылъ*, *Воронограй*, *Зодѣй*, *Алманакъ*, *Звѣздочетье*, *Аристотель*, *Аристотелевы Врата* и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ,—и въ тѣ прелести вѣруючи многихъ людей отъ Бога отлучаютъ, и погибаютъ“... Это, какъ видимъ, по преимуществу астрологическая литература, при томъ, по всей вѣроятности, „въ значительной мѣрѣ западная по происхожденію“. Подобныя же

указанія дѣлаются Домостроемъ. Его составитель, говоря о врачеваніи болѣзней и убѣждая не прибѣгать при нихъ ни къ какой иной помощи, кромѣ Божіей, — перечисляетъ: „Къ сему же чарованіе и волхованіе и наузы, *Звѣздочетіе*, *Рафли*, *Алмонаки*, чернокнижіе, *Вороноградй*, *Шестокрылъ*, стрѣлки громны, топорки, усовники, днокаменіе, кости волшебныя и иныя всякія коби бѣсовскія"... Есть указанія и изъ XVII вѣка: въ 1628 году нѣкто Семейка Григорьевъ, дьячекъ, за держаніе у себя *Раѳлей*, былъ закованъ въ ножныя желѣза и сосланъ въ монастырь, въ черныя службы, на годъ...

Мы уже упоминали о древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ текстахъ древнерусской *Гадальной Псалтыри*: это—нѣсколько листковъ XI в., изданныхъ Срезневскимъ, и почти полный псалтырный текстъ XIV вѣка (самыя гадальныя приписки, къ сожалѣнію, здѣсь сильно обрѣзаны), изданный сполна проф. Сперанскимъ въ приложеніяхъ къ недавно вышедшему изслѣдованію, которымъ мы здѣсь пользуемся. Оба памятника— русскаго правописанія и письма. Въ Псалтыри XI вѣка гадальныя приписки написаны внизу страницъ, киноварью и тѣмъ же почеркомъ, какъ и другія киноварныя буквы; точно такъ же, подъ строками, внизу страницы, идутъ гадальныя приписки и въ Псалтыри XIV в.

Вотъ нѣсколько гадальныхъ приписокъ изъ Псалтыри XI вѣка (по изданію Срезневскаго):

Текстъ псалма:	*Гадальн. приписки:*
Законъ Господень... умудряетъ младенцы...	Господня благодать и украшеніе ти будетъ.
Исполни Господь вся прошенія твоя...	Услышитъ Богъ молитву твою.
Живота проси у тебе и далъ еси ему...	Врази нынѣ обидятъ тебе.
Азъ есмь червь, а не человѣкъ...	Отъ печали въ радость придетъ.
Уготовилъ еси предо мною трапезу предъ стужающими мнѣ...	Въ совѣтъ приходитъ, его же просиши.

Вотъ нѣсколько гадальныхъ приписокъ изъ Псалтыри XIV вѣка:

Текстъ псалма:	*Гадальныя приписки.*
— V:	Сего нына не будеть.
— VI:	Добръ совѣтъ имаши: твори еже хотя.
— VIII:	Еже не чаеси, велія радость ти придеть.
— X:	Орудіе (дѣло) твое свершаеться
— XIII:	Аще вдаси мзду, одолѣеши.
— XV:	Издалеца нѣчто приходитъ ти и добро получиши.
— XVI:	Будетъ орудіе (дѣло), но есть пакостью.
— XX:	Множи вражи нынѣ обидуть тебе.

Нѣкоторыя гадальныя приписки въ Псалтири XIV в. какъ видимъ, тѣ же, что читаются и въ Псалтыри XI вѣка.

Любопытнымъ дополненіемъ къ этимъ двумъ древнерусскимъ текстамъ Гадальной Псалтыри является одинъ дошедшій до насъ сербскій текстъ XIII вѣка, носящій заглавіе *Число Псалтырьно*. Здѣсь передъ нами уже не Псалтырь,—а одни только гадальныя приписки; псалмы лишь указываются по числамъ, въ такомъ видѣ:

Аще будетъ псаломъ 1: Отъ печали въ радость преходить.
— — — 3: Мнози врази твои въсташа, да пожди мало.
— — — 5: Добра совѣтьника имаши, твори еже хотя и т. д.

Слова „аще будетъ псаломъ" стоятъ лишь въ самомъ началѣ, передъ цыфрой перваго псалма,—дальше слѣдуютъ лишь одни цыфры, „числа псалтырьныя". Къ этому тексту, заключающему въ себѣ номера псалмовъ и гадальныя къ нимъ приписки—присоединяются здѣсь же два чертежа: „одинъ, состоящій изъ нѣскольких концентрическихъ круговъ, гдѣ, начиная отъ центра, проставлены цыфры псалмовъ отъ 1 до 150-ти, и другой, представляющій спираль, по которой идутъ тѣ же цыфры псалмовъ, также отъ средины къ окружности. Ясно, что гаданіе здѣсь производилось съ помощью зерна или

камешка, который бросался на кругъ, падалъ на ту или другую цыфру, по которой и находили отвѣтъ въ спискѣ отгадокъ—въ „Числѣ Псалтырномъ“. Такимъ образомъ, въ данномъ текстѣ находимъ лишь аппаратъ для гаданья, стоявшій въ связи съ Псалтырью. Способъ гаданья—самый распространенный: онъ встрѣчается уже въ древнее время, когда гадали съ помощію камня, кости, зерна, бросаемаго на таблицу съ цыфрами или прямо съ изреченіями, содержащими отгадку задуманнаго,—онъ былъ извѣстенъ въ средніе вѣка въ Византіи (*δικτολόγιον*), откуда могъ быть занесенъ къ юго-славянамъ и къ намъ. У насъ онъ сохраняется до сихъ поръ: подобный же кругъ, съ тѣмъ же расположеніемъ цыфръ (но уже не 150, а 100), съ подобной же таблицей отгадокъ находимъ въ ходячихъ до сихъ поръ *Гадательныхъ книжкахъ царя Соломона*, *Кругъ счастія* и т. п.

Два первые текста—XI и XIV вв.—представляютъ собой самый первоначальный и самый простой пріемъ гаданья по Псалтыри: ни круговъ, ни бросанія зерна или кости здѣсь еще нѣтъ; достаточно было разогнуть книгу на удачу, дойти до начала псалма, прочесть его, или только первый стихъ его, и обратиться къ припискѣ внизу страницы. Повидимому, подобнаго рода Псалтырь съ гадальными приписками и была та, по которой гадалъ Владиміръ Мономахъ,—хотя полнаго тожества этой Владиміровой Псалтыри съ двумя названными псалтырными текстами сдѣлать все же нельзя: послѣ того, какъ Мономахъ „разгнулъ“ Псалтырь и ему „вынулось“ приводимое дальше мѣсто псалма,—Мономахъ производитъ какую-то выборку „словецъ“, сопоставленіе ихъ, въ результатѣ чего получаетъ отгадку на задуманное: „Вземъ Псалтырю... разгнувъ ю и то ми ся выну...,—и потомъ собрахъ словца си любая и складохъ по ряду и написахъ: „Аще вы последняя не люба, а передняя пріимате“... Самой приписки этой тоже въ дошедшихъ до насъ гадальныхъ текстахъ не встрѣчается.

Съ упомянутой сейчасъ произведенной Владиміромъ Мо-

номахомъ выборкой „словецъ“, едва ли не имѣетъ чего-либо общаго еще особый, дошедшій до насъ, хотя довольно поздній, сербскій текстъ Гадальной Псалтыри,—имѣющійся теперь въ спискахъ XVII в. Въ рукописяхъ текстъ носитъ громкое и длинное заглавіе: *Благовѣствованіе древнее и неложное. Хитрость сія пророку Самуилу откровена бысть ангеломъ Господнимъ 16-ми образы, и пророчествоваша людемъ о будущихъ* (текстъ сполна изданъ у проф. Сперанскаго). Памятникъ открывается любопытнымъ предисловіемъ, гдѣ указывается самый способъ гаданія: „Бываетъ же (гаданье) сице, читаемъ здѣсь: Възъмъ светое Евангеліе или Псалтырь, постивсе и умивсе, на тще сердца, пръвѣи убо пой трисвето, съ сокрушеннымъ сердцемъ и помоливсе Богу, таже прѣкрстивъ светое Евангеліе или Псалтырь, глаголи въ сердци своемъ въпросъ, о немъ же благовѣщаетъ, и разгнувъ дръжи лѣвую страну отъ начела и възми пръвое слово пръвые връсти. Аще убо есть лихое, таково есть слово, яко же сіе: *а, г, е..* (приводятся буквы „лихія“),—пишимъ чръту едну. Аще ли есть слово тъкмое, сирѣчь *в, д, и...* (приводятся буквы „тъкмыя“), — пишимъ чръте двѣ“... Такъ надо дѣлать четыре раза, беря первую букву второй, третьей и четвертой строки открывшейся страницы. Так. образомъ составляется одинъ изъ 16-ти „образовъ“, ниже изображенныхъ и истолкованныхъ въ текстѣ, гдѣ объясняется каждый „образъ“—вообще, затѣмъ о вещи, о недугѣ... Роль прорицателя приписывается Самуилу; гаданье совершается по Евангелію или Псалтыри. Употребленіе для гаданій, наряду съ Псалтырью, Евангелія и другихъ книгъ св. Писанія и въ Византіи и на Западѣ было нерѣдкимъ. Довольно обычны и самые пріемы гаданья: молитва, постъ, а равно и подсчеты буквъ; гаданье по начальной буквѣ слова первой строки открывшейся на удачу страницы—одинъ изъ самыхъ обычныхъ пріемовъ при гаданьяхъ, бывшій одинаково

распространеннымъ въ средніе вѣка и на Востокѣ и на Западѣ. „Ориганальная сторона разсматриваемаго гаданья, замѣчаетъ проф. Сперанскій, во первыхъ въ томъ, что всѣ буквы греческаго алфавита дѣлятся на добрыя (тъкмыя) и злыя (лихія); во вторыхъ, въ томъ, что изъ первыхъ буквъ начальныхъ словъ первыхъ четырехъ строкъ найденной случайно страницы составляются комбинаціи черточекъ или точекъ (какъ нарисовано въ рукописяхъ), одна изъ 16-ти которая и ведетъ къ ключу"... Изслѣдователь сближаетъ разсматриваемый способъ гаданья съ гаданьемъ Мономаха,—въ разбираемомъ гаданьѣ мы имѣемъ дѣло также съ собираніемъ „словецъ": можетъ быть, и Мономахъ имѣлъ списочекъ буквъ „лихихъ" и „токмыхъ"...

Происхожденіе самаго текста, по мнѣнію изслѣдователя, несомнѣнно греческое: въ основѣ дѣленія буквъ на „лихія" и „добрыя" лежитъ алфавитъ греческій. Буквъ славянскихъ въ немъ нѣтъ. „Если даже предположить, говоритъ проф. Сперанскій, что мы имѣемъ дѣло здѣсь не съ буквами-звуками, а съ буквами-цыфрами, то и въ такомъ случаѣ приходимъ къ греческому оригиналу: эта таблица не примѣнима къ славянскому тексту Псалтыри: въ ней нѣтъ буквъ, съ которыхъ начинаются псалмы или ихъ стихи, или даже отдѣльныя славянскія слова, напр. нѣтъ буквъ *б*, *ж*, ѧ и т. д. Греческій оригиналъ однако остается неизвѣстнымъ.

Вдаваясь въ результаты позднѣйшихъ обслѣдованій перечисленныхъ текстовъ славяно-русской „Гадальной Псалтыри", —мы позволили себѣ сдѣлать отступленіе—съ цѣлью болѣе обстоятельной характеристики памятника, къ которому переходимъ сейчасъ, и который имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ разсматривавшейся нами выше гадально-астрологической литературѣ западнаго происхожденія. Разумѣемъ такъ наз. *Рафли*. Только что разсмотрѣнный гадальный текстъ „Благовѣствованія древняго неложнаго", по выводамъ проф.

Сперанскаго, долженъ быть поставленъ въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ названными древнерусскими „Рафлями".

„Рафли"—памятникъ вообще довольно загадочный, до самаго послѣдняго времени остававшійся плохо обслѣдованнымъ; лишь благодаря недавно явившемуся труду проф. Сперанскаго,—характеръ памятника нѣсколько выяснился, хотя далеко еще не вполнѣ.

Какъ мы выше видѣли, о „Рафляхъ" упоминается въ Стоглавѣ, Домостроѣ и нѣкот. др. нашихъ памятникахъ XVI—XVII вв. Въ вопр. 17-мъ Стоглава читаемъ: „И на полѣ бьются и кровь проливаютъ—и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ: кудесы бьютъ, въ *Аристотелевы Врата* и въ *Рафли* смотрятъ и по звѣздамъ и по планидамъ гадаютъ"...; въ вопросѣ 22-мъ: „Злыя ереси кто знаетъ и ихъ держится,—*Рафли*, *Шестокрылъ*, *Воронограй*, *Зодѣй*, *Алманакъ*, *Звѣздочетье*, *Аристотель*, *Аристотелевы Врата*, и иныя составы и мудрости еретическія"... и т. д. Въ грамотѣ 1628 г. Рафли называются „гадальной тетрадкой"...

Самое слово „рафли", „равлеи" изслѣдователи сближаютъ съ одной стороны съ средне-лат. *raffla*—азартная игра, съ старо-франц. *raffle* (голл., шведск. *raffel*, англ. *raffle*—пата, равное количество очковъ при игрѣ въ кости),—съ другой съ средне-греч. формой *ῥάμπλιον*, означавшей особаго рода астрологическую книгу, трактовавшую о вліяніи звѣздъ на судьбу человѣка. *Ῥάμπλιον* сближается съ перс. *raml*, арабск. *ramlum*,—къ которымъ въ свою очередь вѣроятно восходитъ и среднелат. *raffla*... По замѣчанію акад. Веселовскаго, которому принадлежатъ приведенныя сопоставленія,—здѣсь „понятіе игры выдѣлилось изъ болѣе архаистическаго, обрядоваго, на этотъ разъ изъ гаданія"...

Самый памятникъ—остается неизвѣстнымъ. Въ изданіи Пыпина: „Памятники старин. русской литературы" (III,

161—166) правда, мы читаемъ: „Рафли. Книга гадательная пророка и царя Давида",—но въ самой рукописи добавки: „рафли" нѣтъ; читается просто: *Книга гадательная пророка и царя Давида.* Сл. „рафли", на основаніи особыхъ научныхъ соображеній, добавлено издателемъ...

Хотя древнерусскія „Рафли" повидимому и ведутъ насъ на востокъ,—въ Византію, въ виду существованія въ византійской литературѣ подобной же книги *῾Ράμπλιον*, съ одной стороны, и отсутствія чего либо подобнаго на западѣ, съ другой—въ западно-европейской литературѣ „рафли," въ смыслѣ гадательной книжки совсѣмъ неизвѣстны, извѣстна лишь азартная игра—тѣмъ не менѣе позднѣйшій изслѣдователь считаетъ необходимымъ держаться стараго мнѣнія Пыпина, что „рафли" пришли къ намъ не съ Востока, а съ Запада... По мнѣнію проф. Сперанскаго, на это указываетъ какъ самое названіе „рафли"—„ближе подходящее по звукамъ къ латино-западной формѣ слова (*raffla, rafle, raffel*), нежели къ греческой (*ῥάμπλιον, rablion*), такъ и тотъ фактъ, что „рафли" обыкновенно упоминаются „въ числѣ памятниковъ гадательно-астрологическихъ, скорѣе всего пришедшихъ къ намъ съ запада"... Изслѣдователь считалъ даже необходимымъ высказать предположеніе,—что нѣкогда и на западѣ существовала какая нибудь особая гадальная книжка съ *raffla, ῥάμπλῖον*,—отъ которой пошли и гаданія и азартная игра... Болѣе позднія разысканія дѣйствительно обнаружили существованіе въ западно-европейской литературѣ XV—XVI вв. подобныхъ гадательныхъ книжекъ, —хотя уже не носящихъ самаго названія. Повидимому, эти книжки—болѣе поздней редакціи, видоизмѣненныя передѣлки болѣе старинныхъ текстовъ. „Во всякомъ случаѣ, сопоставленіе ихъ съ греческими *ῥάμπλιον*'ами и восточными raml'ями, замѣчаетъ проф. Сперанскій, исключаетъ всякое сомнѣніе въ ихъ связи съ „рафлями":эти книжки сохранили существенныя характерныя черты греко-восточныхъ „рафлей"... Такъ

одна изъ такихъ западныхъ гадальныхъ книжекъ—*Das Buch des Glückslauffs und der sechtzehen Bichter*, писанная въ 1492 году и найденная недавно въ б-кѣ Гейдельбергскаго университета—„сохраняетъ существенныя черты „Рафлей": астрологическій характеръ, затѣмъ дѣленіе на 16 фигуръ (ср. арабскія „рафли"),—основано оно на геомантіи, т. е. гаданіи по чертамъ или точкамъ и ихъ 16 комбинаціямъ, которое производилось на пескѣ, мукѣ и т. п., стало быть, подходило и къ греч. *ῥαθούλιον (=ῥάμπλιον) ἤτοι λαξευτήριον*. Въ довершеніе сходства нѣмецкой книжки съ восточными „рафлями", продолжаетъ проф. Сперанскій, въ ней происхожденіе геомантіи приписывается глубокой древности—времени Ноя, подобно арабскимъ „рафлямъ", ведущимъ свое начало отъ Ириса (Эноха). Съ восточными же (персидскими) „рафлями" связываетъ нашу книжку и то, что необходимыя для гаданія комбинаціи черточекъ или точекъ даны уже въ книгѣ, а не на пескѣ или землѣ. Подобно „рафлямъ" греческимъ и въ нѣмецкой книжкѣ гаданіе производится костями. Въ результатѣ мы видимъ, заключаетъ изслѣдователь,—полное совпаденіе между нѣмецкой книжкой и восточными „рафлями", съ одной стороны, и греческими, съ другой, т. е. въ Гейдельбергской рукописи XV в. Buch des Glucklauffs мы имѣемъ западныя *Рафли*"...

Такимъ образомъ „рафли" и арабско-персидскія и греческія и нѣмецкія—всѣ носятъ одинаковый характеръ, астрологическій вообще, геомантическій въ частности. По выводамъ изслѣдователя,—„таковы должны быть и наши русскія „Рафли", идущія отъ западныхъ"... Самый текстъ древнерусскихъ „Рафлей" тѣмъ не менѣе остается неизвѣстнымъ; то, что̀ издано съ этимъ заглавіемъ Пыпинымъ: *Рафли. Книга гадательная пророка и царя Давида*—есть собственно „Книга гадательная пророка и царя Давида," а не „Рафли": слово это, какъ мы уже замѣчали, прибавлено издателемъ,—въ рукописи его нѣтъ... Впрочемъ,

есть надежда, что текстъ древнерусскихъ Рафлей будетъ отысканъ,—покрайней мѣрѣ, онъ существовалъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. По мнѣнію проф. Сперанскаго,— текстъ этотъ дѣйствительно былъ въ рукахъ извѣстнаго Сулакадзева... „Не смотря на не особенно лестную славу", которую стяжалъ себѣ Сулакадзевъ—замѣчаетъ проф. Сперанскій, разумѣя позднѣйшія разысканія относительно Сулакадзева въ статьѣ Пыпина: Поддѣлки рукописей и нар. пѣсенъ (Спб., 1898),—въ данномъ случаѣ ему можно довѣриться. Основанія этому я полагалъ бы въ слѣдующихъ соображеніяхъ: Сукаладзевъ такъ характеризуетъ свою рукопись: *Рафли*. Книга рукописная, гаданія по точкамъ и чертамъ и счету... Франц. *raffle* въ игрѣ зернію. Когда три кости бросишь, и на нихъ выпадетъ одинаковое число очковъ"... Характеристика, данная Сулакадзевымъ, подходитъ весьма близко къ характеристикѣ нашей этого памятника... Сулакадзевъ изъ иностранныхъ источниковъ могъ знать развѣ только Дюканжа, но у послѣдняго онъ не могъ найти подобной характеристики „рафлей",—какъ гаданія, основаннаго на точкахъ и чертахъ; ясно, что эти „точки и черты" Сулакадзевъ нашелъ въ рукописи; оно навело Сулакадзева на сопоставленіе съ франц. raffle"...

Въ московской письменности XVI—XVII вв. мы видимъ цѣлый рядъ переводовъ сочиненій астрологическаго и вообще календарнаго характера, а также „по астрономіи". До насъ дошелъ цѣлый рядъ переводныхъ календарей XVI—XVII в.—вмѣстѣ съ русскими подражаніями и передѣлками. Источники были отчасти нѣмецкіе, отчасти польскіе, или нѣмецко-польскіе... Отмѣчаемъ нѣкоторыя произведенія этого рода, извѣстныя по рукописямъ,—пользуясь только что вышедшимъ трудомъ, заключающимъ въ себѣ описа-

ніе и обслѣдованіе этихъ рукописей, проф. Соболевскаго: Западное вліяніе на русскую литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ. Спб., 1899 (къ сожалѣнію, къ описываемымъ рукописямъ не приложено никакого указателя).

Изъ переводныхъ произведеній календарнаго характера едва ли не наиболѣе раннимъ является такъ наз. *Мѣсяцесловъ Леопольдійскій*, — таблицы, указывающія годы отъ Адама восточной церкви, римскаго костела, по еврейски, и т. п.,—годы отъ Христа, индиктъ, кругъ солнца, кругъ луны и т. д. Первый годъ—1583; послѣдній—1752.

На одинъ изъ какихъ-то наиболѣе раннихъ у насъ переводныхъ календарей—указываетъ „предисловіе или бесѣда о *книзѣ Альманахъ*", читаемыя въ одной рукописи Публичной Б-ки, кон. XVI или нач. XVII в.

Изъ астрономіи съ нѣмецкихъ переводовъ,—рядъ статей „о лунномъ теченіи", „о солнцѣ и мѣсяцѣ", „како мѣрити и вѣдати про сѣверную звѣзду", „како кружало (компасъ) держати" и нѣкр. др. Оригиналъ статей неизвѣстенъ; но языкъ перевода—русскій, простой и ясный. Проф. Соболевскій самый переводъ относитъ къ XVI вѣку, и предполагаетъ, что онъ сдѣланъ „въ Новгородѣ или на сѣверѣ Россіи"... Рукописи перевода идутъ лишь съ нач. XVII в.

Опредѣленіе времени рожденія и т. д. луны,—небольшая статья, встрѣчающаяся въ одной рукописи XVII в. и представляющая собой не переводъ, а передѣлку какой-то западно-европейской статьи, появленіе которой у насъ должно быть отнесено уже къ XVI вѣку. Языкъ перевода—русскій, „простой и ясный", по замѣчанію проф. Соболевскаго.

Весьма любопытнымъ является цѣлый сборникъ статей календарно-астрологическаго содержанія, носящій заглавіе: *Бесѣда о седми планетахъ* и находящійся въ одной рукописи XVII в. Описаніе его, хотя слишкомъ краткое, сдѣлано проф. Соболевскимъ. Сборникъ открывается виршами: „Бесѣды о седми планетахъ небесныхъ,—

От мудрыхъ философовъ сложенна
И на сей свѣтъ преведенна,
Да навыкнемъ опасно сихъ писанія,
Явственнѣйши буди ихъ изданія
Буди глаголемо о поясѣхъ небесныхъ
И о седми звѣздахъ великихъ и мѣстныхъ,—

яже наричутся планеты. Довлѣетъ бо намъ о сихъ мало побесѣдовати и надобрѣ увѣдати"... Въ „бесѣдѣ" дѣлаются указанія на Дамаскина, книгу Григорія Назіанзина и др. Но вообще передъ нами сборникъ статей, взятыхъ изъ разныхъ источниковъ и имѣющихъ разный языкъ. Текстъ чередуется съ изображеніями; послѣднія—точныя копіи съ соотвѣтствующихъ западно-европейскихъ гравюръ. Текстъ статей астрологическо-гадальнаго содержанія. Сборникъ открывается замѣчаніемъ: „Аще хощешь вѣдать, подъ которою планетою кто родился, а ты напередъ напиши, на чемъ восхощешь, имя матки твоей и твое власное. И тако смотри, гдѣ случится... А литеры написаны польскою азбукою" (имена планетъ—латинскія: сатурнусъ, юпитеръ, марсъ). Слѣдуетъ рядъ изображеній планетъ съ подобнаго рода текстами: Подъ изображеніемъ солнца: „А приказано на огнь и на землю, на вѣтръ и на воды, и свѣтлость и владычество и мудрость и науку, и ангелъ его К а в ц ы е м ъ, а владѣетъ въ 9 часу. Первая планета солнце, держитъ н е д ѣ л ю, есть сила дня"... Подъ изображеніемъ мѣсяца: „А приказано на братство и на милость и на прокормленіе и на красоту и ангелъ Ц а д е н и к ъ. А владѣетъ въ 12 часу. Вторая планета луна, держитъ п о н е д ѣ л ь н и к ъ, есть дѣва"... Подъ изображеніемъ марса: „А приказано на ревность и гнѣвъ, а твердо какъ желѣзо, на сваръ и на гладъ и на вражду и на злость и на убійство, и ангелъ его А н н о е л ъ, а владѣетъ въ 4 часу. Третья планета марсъ, держитъ в т о р н и к ъ, есть несчастлива, мужеска можнѣ, зла, горяча"... И т. д. Въ подписныхъ текстахъ говорится о значеніи изображенной планеты для человѣка, который родился „подъ этой планетой", чему способствуетъ эта

планета и т. д. За изображеніями планетъ слѣдуютъ изображенія знаковъ зодіака,—съ подобными же подписными текстами, гдѣ указывается значеніе даннаго зодіака для человѣка, который родится подъ нимъ, и т. п. Слѣдуютъ статьи *О лунномъ разсмотрѣніи*, *О разсмотрѣніи солнца*, *О лунныхъ дняхъ*, *О днѣхъ*, *О погодѣ*... Далѣе: *Kniga Gromnic, твореніе премудраго Ираклія, царя Перскаго*,—*Колядникъ*, безъ заглавія,—особая статья: *По луннику о скорбѣхъ*,—*Tablica Pifagoresowa* и т. д. Статья напр. „О лунныхъ дняхъ" начинается: „Въ первый день луны до 9 часа сѣяти и садити и волосовъ урѣзати"...; статья „О дняхъ": „Людемъ израильтескимъ указано архистратигомъ Михаиломъ, въ кіи дни крови не пущати, ни коней холостити, ни сѣяти"... Книга Громникъ: „Аще громъ возгремитъ во овнѣ, иже отъ восточныя страны, порушатся..." Колядникъ: „Аще рожество Христово въ недѣлю, зима будетъ протяжна..." Статья „По луннику о скорбѣхъ": „Аще луна настанетъ въ субботу. Аще въ первый день разболится человѣкъ, то исцѣлѣетъ..." И т. д. Tablica Pifagoresowa назначается для гаданья о счастіи, выздоровленіи и т. п. Какъ уже замѣчено выше,—передъ нами сборникъ статей, взятыхъ изъ разныхъ источниковъ и имѣющихъ разный языкъ. Статьи, слѣдующія за изображеніями, съ полонизмами и западно-руссизмами въ языкѣ; по отзыву изслѣдователя—„несомнѣнно западно-европейскаго происхожденія"... Такого же характера—и Tablica Pifagoresowa. Kniga Gromnic-колядникъ (безъ заглавія)—„переведены съ греческаго"...

Четыре времени году—предсказанія на 1664 годъ (1663 г. называется „прошлымъ"), или такъ называемый „прогностикъ", обычная принадлежность календарей XVII в. „Оригиналъ—какой нибудь нѣмецкій календарь на 1664 г. Языкъ—русскій, простой"...

Алманахъ „на многія впредь будущія лѣта отъ германъ, еже есть отъ нѣмецъ, изобрѣтенъ художествомъ ученія и пре-

свѣтлѣйшимъ разумомъ просвѣщенъ"—указанія, какая должна быть погода, при извѣстномъ сочетаніи планетъ, что можно дѣлать и чего нельзя и т. п. Рукопись—нач. XVIII в. По предположенію проф. Соболевскаго, „оригиналъ—едва ли не на польскомъ языкѣ; во всякомъ случаѣ, полонизмовъ много..." Здѣсь же нѣсколько другихъ, къ „Альманаху" повидимому не относящихся статей астрологическаго содержанія,— и *Книга глаголемая математика*, „ново-преложенная съ елинска и латинска, влосска и польска языковъ на словенскій въ Москвѣ... въ лѣто 1664." Между прочимъ здѣсь замѣчается: сатурнъ „стоитъ надъ русскою, надъ вовгородскою, московскою и литовскою странами"... Языкъ статей—съ массой полонизмовъ.

Какіе нибудь нѣмецкіе или польскіе календари, и т. п. сочиненія по предположенію изслѣдователя, послужили оригиналами и для слѣдующихъ переводовъ:

Переводъ съ астрологическаго календарнаго ключа, въ которомъ изъявлены всѣхъ патентатовъ гербы, также и градомъ различнымъ, кокъ тѣ въ календаряхъ астрологами описаны бываютъ,—переведено въ 1681 году. Длинный списокъ гербовъ, въ правильномъ алфавитномъ порядкѣ; послѣдній—„несомнѣнно русскаго происхожденія".

Роспись, подъ которымъ небеснымъ знакомъ или зодіею которые государства или грады подлежатъ. Языкъ—русскій, съ массой полонизмовъ. По указанію Соболевскаго, статья существуетъ по рукописямъ также въ другой редакціи и въ другомъ переводѣ.

Календарь историческій, старый и новый, на 1685 г.,— „въ которомъ по обыкновввномъ времени и праздниковъ, луны, ведра и ненастій описаніи, рѣчь или молитва о войнѣ турской, которую... учитель во общей высокой школѣ въ Лейцпикѣ городѣ Матвей Дрессерусъ говорилъ и написалъ. А нынѣ предлагаетъ Іоаннъ Генрихъ Фохтъ, короля свейскаго математикъ. Печатанъ въ Амбуркѣ." Списокъ на-

ходится въ б-кѣ Флорищевой пустыни. До насъ дошли также „календари“ Фохта на 1670, 1676, 1690, 1691, 1693 и др. Одни изъ нихъ были переведены, какъ указывается въ самыхъ заглавіяхъ, „съ цесарскаго языка иноземцемъ Иваномъ Якимовымъ“; другіе—„переводчикомъ посольскаго приказа П. Шафировымъ“... У царевича Алексѣя Алексѣевича былъ какой-то „календарь серебрянный“...

Новый и старый календарь теченій небесныхъ (на —1689 г.), домовитымъ для сѣвбы и для прививковъ, больнымъ для исправленія здравія, здравымъ для творенія дѣлъ великихъ, ловчимъ ловленія ради звѣря зѣло надобенъ“. Подлинникъ изданъ въ Краковѣ, нѣкіимъ Мартиномъ Станиславомъ Словаковичемъ; переводъ сдѣланъ переводчикомъ посольскаго приказа Семеномъ Лаврецкимъ. Рукопись—въ б-кѣ Архангельской семинаріи.

Буквальныя совпаденія съ названнымъ выше „предисловіемъ“ или „бесѣдой“ „о книзѣ Альманахъ“ представляютъ начальныя слова *Бѣговъ небесныхъ*,—особаго сочиненія астрологическаго характера, дошедшаго въ поздней рукописи и въ поздней редакціи, принадлежащей началу XVIII в., съ такимъ заглавіемъ: „Бѣги небесные о движеніи и теченіи двою великихъ свѣтилъ небесныхъ солнца и луны и другихъ пяти планетъ, сатурна и прочихъ, въ колико лѣтъ обходятъ круги движенія своего и въ кое время становятся въ чину своемъ...,—по елику мощно, по силѣ нашей собравше, здѣ предлагаемъ“. Содержаніе—о движеніи солнца, луны, планетъ, затмѣніяхъ, временахъ года, погодѣ, о дняхъ удобныхъ для кровопусканія, принятія лѣкарствъ и разныхъ дѣлъ,—примѣты о здоровьѣ и болѣзняхъ и т. д., въ вопросахъ и отвѣтахъ. Проф. Соболевскій предполагаетъ, что передъ нами—русская компиляція, и вообще текстъ такъ или иначе дополненный однимъ изъ русскихъ читателей XVIII в.

О человѣцѣхъ планидникъ или календарь мѣсячный человѣческимъ нравомъ, на 12 мѣсяцовъ,—который человѣкъ въ

коемъ мѣсяцѣ родится и подъ которою планидою, и кто какова будетъ обычая и возраста и счастія, и какіе будутъ у него признаки болѣзни, или какое будетъ родимое знамя, и отъ чего кому будетъ какое безсчастіе или счастіе, и кто какого цвѣту употребляти будетъ, кромѣ непотребнаго. Извѣстна одна рукопись—конца XVII в. Въ языкѣ перевода „полонизмовъ мало".

Переводившіяся статьи календарныя и астрологическо-астрономическаго содержанія, какъ выше было замѣчено, не только переводились, но часто и передѣлывались, вообще нерѣдко носятъ характеръ вполнѣ усвоенныхъ, такъ сказать акклиматизировавшихся въ нашей письменности. Языкъ этихъ переводовъ чаще всего—чисто русскій, простой, ясный; въ содержаніи иногда встрѣчается болѣе или менѣе значительныя измѣненія. Такой, болѣе или менѣе оригинальный, характеръ носитъ напр. переводъ слѣдующей статьи:—

Притча о царѣ-годѣ, о веснѣ, лѣтѣ, осени и зимѣ, съ рисунками года-царя и четырехъ временъ года,—произведеніе, очень часто встрѣчающееся въ нашихъ рукописяхъ XVII—нач. XVIII вв. Рисунки—чаще всего копіи съ западно-европейскихъ гравюръ, но иногда представляютъ „сценки изъ русскаго быта, не имѣющія ничего западнаго..." Въ „притчѣ" даются объясненія изъ греческой и римской миѳологіи и исторіи,—„съ грубыми ошибками и полемикой противъ нихъ на основаніи Моисеевыхъ книгъ и Псалтыри"... Въ одномъ мѣстѣ совѣтуется тѣмъ, кто желаетъ знать о златорунномъ овнѣ и огнедышущихъ волахъ—„да чтетъ троянскую бытію"; въ другомъ говорится: „У Пріямуса царя сынъ именемъ Александръ, иже и Парижъ именовася пастыревичъ преже"... Здѣсь же Ромилъ дѣлаетъ „жертвище во имя отца своего Марта"... Или такія замѣтки: „Ахиллесъ греческій волхвъ и царь"...; „Юнонъ былъ идолъ"...; Кастеръ и Полюксъ, Юрій Кесарь—„ипаты египетскіе изби Помбія и Магна" и т. д. Въ языкѣ есть полонизмы; но мѣстами переводъ

представляется какъ бы съ латинскаго... „Очевидно, замѣчаетъ проф. Соболевскій,—передъ нами не простой переводъ съ латинскаго, по крайней мѣрѣ мѣстами, а передѣлка русскаго человѣка“... Переводъ, повидимому, сдѣланъ въ Псковѣ; въ предисловіи между прочимъ замѣчается: „егда отъѣдеши... отъ нашихъ псковскихъ предѣлъ“... Есть ссылки на „нашъ“, „на нашъ русскій языкъ“... И т. п.

Лучшимъ пріобрѣтеніемъ по астрологіи-астрономіи нашей переводной литетатуры XVII вѣка былъ переводъ извѣстнаго труда „Іо. Гевелія: *Селенографія*, еже есть луны описаніе и прилежное крапинъ ея и подвиженій различныхъ и иныхъ всѣхъ измѣненій и изображеній, зрительнаго сосуда помощію испытанныхъ, опредѣленіе. Въ немъ же здѣ иныхъ многихъ планетъ природный зракъ и многая блюденія, наипаче же крапинъ солнечныхъ и јовешовыхъ трубозрѣніемъ изобрѣтенныхъ и табліями вельми прилежно на мѣди изваянными во увидѣніе полагаются“... Это полный переводъ сочиненія Іоанна Гевеліуса: Selenographia sive lunae descriptio atque accurata tam macularum ejus, quam motuum diversorum aliarumque omnium (Gedani, 1647),—со множествомъ чертежей и гравюръ (часть ихъ вырѣза изъ оригинала и вклеена въ переводъ)... Переводъ сдѣланъ „съ латинскаго на словенскій, слово въ слово,“ какъ замѣчается въ предисловіи. „Языкъ—церковно-славянскій, простой и сравнительно ясный; переводъ исполненъ, по отзыву изслѣдователя, очень не дурно“. Единственный извѣстный списокъ перевода—XVII в. Вил. Пуб. б-ки.

Не останавливаемся здѣсь на древнерусскомъ переводѣ нѣмецкаго *Луцидаріуса*,—принадлежавшаго отчасти къ общей астрологической литературѣ и перешедшаго въ древнерусскую письменность уже въ нач. XVI вѣка...

До конца XIV — нач. XV в. почти не существовало польской національной литературы: все, что̀ писалось и со-

чинялось, писалось по латыни. Искуственная, латинская литература продолжаетъ усиливаться на первыхъ порахъ и въ XV вѣкѣ, когда въ Польшу начинаетъ проникать вліяніе современнаго обще-европейскаго Возрожденія... Лишь въ XVI вѣкѣ въ Польшѣ какъ-бы неожиданно возникаетъ, быстро и широко развивается, литература національная, на родномъ языкѣ; послѣдній впервые теперь вступаетъ въ свои права, получаетъ господство въ литературѣ,—дотолѣ не терпимый въ ней, проникавшій въ письменности лишь изрѣдка, случайно... Создателями польской литературы были два писателя: Николай Рей (1507—1569) и Янъ Кохановскій (1530—1584); первый былъ „отцомъ" польской прозы, второго называли „княземъ поэтовъ"... За ними слѣдовали: Симонъ Шимоновичъ (1557—1629), Себастіанъ Клёновичъ (1545—1602), далѣе Станиславъ Оржеховскій (1515—1566), Петръ Скарга Павензскій (1536—1612) и др. Это былъ „золотой вѣкъ" польской литературы, ея полный „разцвѣтъ", продолжавшійся однако лишь съ небольшимъ полустолѣтіе. Съ началомъ XVII вѣка, съ окончательно усилившимся въ Польшѣ господствомъ іезуитовъ,—быстро наступаетъ полное паденіе польской литературы. „Безжизненное, формальное подражаніе древнимъ классикамъ, при сильно развившемся панегирическомъ направленіи, религіозное чувство, втиснутое въ форму богословскаго правовѣрія —все это лишаетъ интереса произведенія даже выдающихся писателей; съ другой стороны, литература становится орудіемъ политическихъ и религіозныхъ партій и должна соединять въ себѣ два противоположные элемента: похвалы для своихъ и рѣзкой сатиры или пасквиля—для противниковъ. Наконецъ, поэзія совершенно уступаетъ мѣсто напыщенной версификаціи іезуитскихъ коллегій; характернымъ признакомъ польской литературы становится безсодержальность, безсиліе выразить какую бы то ни было свѣжую, живую мысль. Наступаетъ время полнаго омертвѣнія, полнаго застоя"...

Такой характеръ носила литература оффиціальная. Но параллельно съ нею, въ нисшихъ слояхъ польской письменности существовала, и къ этому времени получаетъ особенное развитіе, другая литература, стоявшая ближе къ народной массѣ,—литература многочисленныхъ иноземныхъ повѣстей, сказаній, рыцарскихъ романовъ, начавшихъ теперь, при усилившихся связяхъ—съ XV вѣка—польской литературы съ западной Европой, обильнымъ потокомъ переходить въ Польшу изъ литературъ западныхъ, особенно нѣмецкой,—откуда произведенія этого рода быстро шли и въ Московскую Русь...

Въ польской литературѣ XIII—XIV, XVI—нач. XVII вв. нельзя не отмѣтить также сильнаго развитія исторіографіи, преимущественно впрочемъ баснословной... Средневѣковые историки въ Европѣ любили связывать происхожденіе новыхъ народовъ съ классическими преданіями, напр. выводить своихъ предковъ изъ Трои, связывать ихъ исторію съ походами Александра Македонскаго, генеалогію европейскихъ королевскихъ фамилій выводить изъ миѳовъ Греціи или Рима и т. д. Подобныя стремленія рано обнаруживаются и у польскихъ историковъ-хронистовъ. Уже Кадлубекъ († 1223) наполняетъ первоначальную древность польской исторіи множествомъ басенъ,—первый дѣлаетъ попытку возвести польскій народъ ко временамъ патріарха Ноя; заставляетъ поляковъ вести побѣдоносныя войны съ римлянами, съ Александромъ Македонскимъ и т. д. Въ XVI в. страсть къ баснословію въ польской исторіографіи особенно усиливается. Въ этомъ отношеніи особенно трудятся—Кромеръ (1512—1589), Сарницкій († кон. XVI в.), отъ которыхъ не отстаютъ М. Бѣльскій (1495—1575), Стрыйковскій (1547—кон. XVII в.), *Хроника* котораго съ этой стороны пользовалась наибольшей славой,—Гваньини (1538—1614) и мн. др. Фантастическимъ произволомъ особенно отличались польскія сочиненія по геральдикѣ; разумѣемъ труды Длугоша (1415—

1480), **Бартоша Папроцкаго** (1540—1613) и нѣкр. др.

Какъ уже замѣчено, съ пол. XVI—въ XVII вв. польскія вліянія на Московскую Русь особенно усиливаются.

Юго-западная образованность, тѣсно примыкавшая по своему характеру къ образованности польской, была здѣсь главнымъ, связующимъ звѣномъ... Западно-русская полемика съ католичествомъ, позднѣе общій характеръ образованія, получавшійся воспитанниками Кіевской Академіи, постоянныя неизбѣжныя литературныя и общекультурныя отношенія и взаимодѣйствія—все это какъ нельзя лучше могло способствовать ознакомленію русскихъ съ польской литературой. При сильномъ вліяніи польскаго языка на западно-русскій, произведенія польской литературы распронялись и въ западной и южной Россіи очень легко. „Переводъ совершался мало по малу, почти самъ собой: польская книга доставалась южнорусскимъ читателямъ и легко передѣлывалась на ихъ литературный языкъ, имѣвшій много польскихъ оборотовъ и выраженій, и потомъ, сгладивши отчасти свои польскія черты, переходила къ русскимъ читателямъ, у которыхъ съ нѣсколькими новыми поправками могла итти за русскій переводъ“... **Переводъ** былъ какъ-бы только **постепеннымъ исправленіемъ языка**,—почему въ нѣкоторыхъ нашихъ рукописяхъ XVII вѣка слово „переведено“ замѣняется словомъ: „исправленно“... Польская литература могла быть всего скорѣе посредницею въ этомъ случаѣ, потому что знаніе европейскихъ языковъ было у насъ весьма незначительно и не могло поддерживать другихъ литературныхъ сношеній,—между тѣмъ какъ польскій языкъ былъ извѣстенъ весьма многимъ“...

Хотя иногда переводы дѣлались и съ латинскаго,—но оригиналы и эти, вѣроятно, чаще всего шли изъ той же польской литературы, гдѣ латинскій языкъ, какъ и во всей Европѣ, въ это время, въ XVI—XVII вв., былъ обычнымъ для сочи-

ній научнаго характера. Впрочемъ, могли быть—повидимому и дѣйствительно были—непосредственные переводы и изъ другихъ литературъ, помимо польской, главнымъ образомъ изъ нѣмецкой.

Переходимъ къ самымъ памятникамъ.

Выше мы упоминали о переходѣ къ намъ, можетъ быть, уже съ конца XV в., различныхъ произведеній—польскихъ или польско-нѣмецкихъ—календарнаго и астрологическаго характера. Пользуясь указаннымъ трудомъ проф. Соболевскаго, отмѣчаемъ важнѣйшіе, сдѣланные въ московской литературѣ XVI—XVII вв., переводы по исторіографіи, а также изъ области политическихъ и общественныхъ наукъ.

По исторіи Польши—*Исторія Сарматіи Европской*, описаніе Сарматіи Гваньини. Въ рукописяхъ XVII—нач. XVIII в. встрѣчается два перевода этого труда: съ польскаго оригинала и съ латинскаго. Въ однихъ спискахъ языкъ перевода носитъ замѣтные слѣды церковно-славянизмовъ, полонизмовъ и малоруссизмовъ; въ другихъ—языкъ русскій.

Кроника Литовская, М. Стрыйковскаго, также въ двухъ разныхъ переводахъ,—церковно-славянскомъ и болѣе русскомъ, хотя плохомъ.

Вертоградъ Королевскій, исторія Чехіи, Польши и юго-западной Руси,—полный переводъ извѣстнаго труда Папроцкаго: Ogrod Krolewsky и пр. (Прага, 1599). Языкъ перевода—плохой церковно-славянскій, съ малоруссизмами и полонизмами.

По исторіи вообще западно-европейскихъ государствъ было переведено:

О четырехъ великихъ монархіяхъ, І. Слейдана,—полный церковно-славянскій переводъ книжки Sleidani: De quatuor summis monarchiis и пр. (Амтердамъ, 1656).

Гранографъ Пясецкаго, — тяжелый русскій переводъ, буквальный, съ полонизмами, извѣстнаго труда Пясецкаго (Piasecius): Chronica gestorum in Europa,—подробная лѣтопись событій въ Европѣ съ 1571 по 1648 гг.

По исторіи западныхъ церквей—

Годовыя дѣла церковныя..., выбраны изъ Годовыхъ дѣлъ церковныхъ цесаря Бароніуша,—переводъ „Церковныхъ Лѣтописей“ Баронія, въ извѣстномъ сокращеніи, сдѣланномъ Скаргою (Краковъ, 1603); русскій переводчикъ впрочемъ сократилъ и сокращенный текстъ Скарги. Языкъ перевода—церковно-славянскій. Былъ переводъ и полнаго текста Скарги. Въ рукописяхъ конца XVII в. встрѣчаются также отрывки перевода и полнаго текста „Лѣтописей“ Баронія.

Кромѣ того въ нашихъ рукописяхъ конца XVII в. встрѣчаемъ переводы нѣсколькихъ польскихъ книгъ о Турціи, нѣсколькихъ сказаній и повѣстей *о Магометѣ*, между ними латинскихъ разсказовъ о Магометѣ и магометанской вѣрѣ Петра Альфонса (кон. XI—нач. XII в.) и Винцентія изъ Бове († ок. 1264),—исторіи завоеванія Китая татарами Матиніуса, *Исторіи іудейской войны* Іосифа Флавія, знаменитой *Исторій Эѳіопіи* Лудольфа и нѣк. др.

Литературныя вліянія Польши въ области исторіографіи сказывались у насъ едва ли не сильнѣе всего. Уже съ полов. XVI в., черезъ юго-западную Русь, начинаютъ переходить къ намъ польскія хроники, и наплывъ ихъ въ XVII в. особенно усиливается. Въ смыслѣ обогащенія собственно историческихъ знаній, это не всегда было прямымъ пріобрѣтеніемъ. Какъ мы выше видѣли—польская исторіографія къ XVI вѣку приняла особый характеръ; боснословіямъ всякаго рода въ ней отводилось особенно широкое мѣсто... Тѣмъ не менѣе, польскія историческія сочиненія въ весьма значительной степени должны были увеличивать у насъ общій запасъ историческихъ свѣдѣній, а также и вооб-

ще разширять историческій горизонтъ. Баснословія быстро прививаются къ нашей исторіографіи. Уже Іоаннъ Грозный считаетъ себя потомкомъ Августа Кесаря... Въ 1556 году русскіе послы, отправленные въ Литву, въ спорахъ о титулѣ царя, смѣло выставляютъ происхожденіе Рюрика отъ императора Августа; царь и лично заявляетъ это польскимъ посламъ въ переговорахъ 1563—1564 гг. Генеалогія выводилась именно слѣдующимъ образомъ: „Августъ Кесарь, обладавшій всею вселенною, поставилъ брата своего, Пруса, на берегахъ Вислы рѣки..., до сего дня по имени его зовется Прусская земля,—а отъ Пруса четырнадцатое колѣно до великаго государя Рюрика"... *Степенная Книга* уже пользуется этой генеалогіей въ извѣстіяхъ о Рюрикѣ... Баснословныя сказанія о началѣ славянъ, происхожденіи русскаго народа, о началѣ Москвы и т. п., изъ Бѣльскаго и другихъ польскихъ источниковъ быстро переходятъ въ наши Хронографы. Въ такъ наз. второй редакціи русихъ хронографовъ между протимъ уже читается неизвѣстное прежнимъ редакціямъ хронографовъ *Сказаніе о началѣ русскихъ князей*,—статья, съ которой открывается въ нашихъ хронографахъ „рядъ баснословныхъ статей, которыя съ каждой редакціей хронографа осложняются все болѣе и болѣе вымыслами... Въ названной статьѣ этихъ вымысловъ еще немного; дѣло ограничивается словопроизводствомъ собственныхъ именъ: *словяне*—„отъ многихъ словъ письменнаго разума", *русы*—„отъ русыхъ волосъ" и т. д. Гораздо больше фантастическихъ добавленій встрѣчается въ болѣе позднихъ статьяхъ. Таковы въ такъ наз. третьей редакціи хронографа статьи: *Выписано на перечень (вкратцѣ) изъ дву кроникъ полскихъ, которые свидѣтельствованны съ греческою и съ чешскою и съ угорскою кроникою многими списатели, отъ чего имянуется великое Московское государство и, отъ коея повѣсти Словяне нарѣкошася и почему Русь прозвася* (названныя здѣсь „двѣ польскія хроники"—Kronika

Polska, zmódska i wszystkiej Rusi, 1582, Стрыйковскаго, и „Kronika Polska, 1597“, Март. Бѣльскаго; пользуясь своими источниками, русскій сочинитель производитъ свавянскій народъ отъ Мосоха, сына Афетова, заставляетъ славянъ принимать участіе въ троянской войнѣ, получать грамоту отъ Александра Македонскаго, и т. д.),—*О исторіи, еже о началѣ Русскія земли и созданіи Новаграда, и откуду влечашеся родъ словенскихъ князей,—а во иныхъ Граноірафѣхъ сія повѣсть не обрѣтается,* и др. пп. Послѣдняя статья между прочимъ представляетъ „довольно оригинальную русскую попытку—по образцу польскихъ хроникъ, но независимо отъ нихъ, сочинить первобытную исторію русскихъ славянъ“... Матеріаловъ для составленія этой повѣсти требовалось немного: главное было—усвоить себѣ точку зрѣнія польскихъ хронистовъ и ихъ пріемы. Съ помощью послѣднихъ не трудно было составить какую угодно генеалогію, стоило только олицетворить названія народовъ и племенъ, городовъ и рѣкъ,—припомнить нѣсколько подходящихъ именъ изъ польскихъ и русскихъ источниковъ и генеалогія готова: отъ Скиѳа, правнука Аѳета—Словенъ, Русъ, Болгаръ, Команъ, Истеръ; у Словена дѣти—Волховъ и Волховецъ, жена—Шелонь, у Руса жена—Порусья, дочь—Полиста, у Волховца сынъ—Желотугъ и т. д. Съ другой стороны, рядомъ съ этими произвольными вымыслами, въ повѣсти сохранился и слабый отголосокъ народныхъ преданій о Перунѣ, чародѣѣ Волхвѣ, объ урочищахъ древняго Новгорода и его отдаленныхъ колоніяхъ“...

Подъ вліяніемъ различныхъ иноземныхъ источниковъ, преимущественно польской исторіографіи, старые византійскіе хронографы получаютъ рядъ новыхъ передѣлокъ,—редакцій...

Отчасти подъ вліяніями, шедшими съ запада, московская исторіографія XVI—XVII вв. вообще становится разнообразнѣе, богаче, шире,—чему способствуютъ отчасти и самыя историческія событія, живо затрогивавшія мысль и чувство

современниковъ... Наступившая въ нач. XVII в. эпоха „московскихъ воровъ“, нашедшая отзвуки и въ устной народной поэзіи, особенно способствуетъ широкому развитію исторической литературы,—возникаетъ необозримый рядъ различныхъ „повѣстей“, „сказаній“ и т. д. Вмѣстѣ съ общимъ ростомъ исторической литературы, иногда разнообразится и самый характеръ историческаго разсказа. Особенно это замѣтно въ отдѣльныхъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XVI—XVII в. Сухой оффиціальныя тонъ „сводовъ“ нерѣдко уступаетъ здѣсь мѣсто полулегендарной поэтической фантазіи, историческій фактъ получаетъ поэтическій колоритъ—или прямо переносится на почву народной легенды, поэтическаго творчества...

Изъ области наукъ политическихъ было переведено:

О Государствѣ, „о исправленіи гражданскаго житія“,—переводъ (не оконченный) сочиненія Modrzewsk'аго, De republica emendanda (Krak., 1551). Переводъ, предполагаютъ, сдѣлалъ въ 1678 г. Языкъ перевода церковно-славянскій „очень недурной“. Проф. Соболевскій предполагаетъ, что вѣроятно именно эта книга упоминается въ Розыскныхъ дѣлахъ о Шакловитомъ, какъ находящаяся у кн. В. В. Голицына: „*книга писанная о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ*“...

О воспитаніи государя, Лорихія („Рейнхарда Лорихія, Книги о воспитаніи и наказаніи всякаго начальника,—не токмо господину, но и подданному ко читанію полезны суть зѣло“). Единственный списокъ нач. XVIII в. въ б-кѣ Флорищевой пустыни. Текстъ представляетъ переводъ лишь начала извѣстнаго сочиненія Reinharda Lorichiusa, Księqi o wychowaniu i o cwiczeniu každego przeložonego nie tylko panu, ale i poddanemu každemu ku czytaniu barzo požyteczne... (Краковъ, 1558).

Образецъ крестьянскаго (*христіанскаго*) *политицкаго*

князя, „шпанскаго рыцаря Дидако Факсарду, Сто одинъ примѣръ. Хорошіе, сирѣчь добрые симбальскіе нарѣчіи". Списки—кон. XVII и нач. XVIII в. Оригиналъ—Faxardo, Symbola christiana politica (Амстердамъ, 1659). Книгу „переводилъ переводчикъ иноземецъ",—что̀ обнаруживается и на языкѣ нескладномъ и неудобопонятномъ. О сочиненіи этомъ упоминается въ описи заиконоспасскаго м-ря: „Златыя слова Дидака езуита".

Морально-политическія наставленія Фредра, „воеводы львовскаго",—„како подобаетъ жить съ немногимъ народомъ" безъ поврежденія его силы и любви и чести". Рядъ наставленій, то краткихъ, то длинныхъ. Языкъ церковно-славяно-правильный, съ признаками бѣлоруссизмовъ и полонизмовъ. Единственный списокъ—Публ. Б-ки, конца XVII—нач. XVIII в. Оригиналъ—A. Fredro, Castellani Leopoliensis, Monita politico-moralia, seu quomodo vivendum cum paucis, cum populo, salva virtute, gratia et autoritate (рядъ изданій, съ 1664 г.).

Гражданство обычаевъ дѣтскихъ—наставленія, въ вопросахъ и отвѣтахъ, какъ долженъ вести себя молодой человѣкъ, съ ссылками на Горація, Овидія, Ювенала, Теренція и др. Оригиналъ, повидимому латинскій, остается неизвѣстнымъ. Переводчикомъ былъ Епифаній Славинецкій, которому очевидно принадлежатъ и находящіеся при текстѣ стихи „толкователевы". Языкъ перевода—церковно-славянскій, ученый и тяжелый.

Описаніе винъ, ими же къ погибели и къ разоренію всякая царства приходятъ и съ которыми дѣлы въ цѣлости и смиреніи содержатся и строятся—переводъ или компиляція, повидимому изъ нѣсколькихъ источниковъ и обрабатывавшаяся не одинъ разъ, такъ какъ дошедшіе списки сочиненія, XVII—нач. XVIII в., представляютъ текстъ различныхъ редакцій. Неизвѣстный оригиналъ, предполагаетъ Соболевскій, польскій. Языкъ—церковно-славянскій, съ полонизмами.

Разсужденіе объ Аргенидѣ—переведено съ латинскаго языка. Языкъ перевода съ полонизмами. „Полонизмы дѣлаютъ несомнѣннымъ, замѣчаетъ проф. Соболевскій, что переводъ этотъ сдѣланъ не Тредьяковскимъ“... Едва ли переводъ не принадлежалъ Сильвестру Медвѣдеву,—въ б-кѣ котораго мы видимъ и латинскую Аргениду. Единственый списокъ перевода—кон. XVII нач. XVIII в. „Языкъ—ученый церковно-славянскій, тяжелый и малопонятный“...

Рядомъ съ исторіографіей,—одно изъ главныхъ мѣстъ въ московской переводной литературѣ занимаютъ сочиненія по географіи, или вообще средневѣковой космографіи. „Всѣ лучшіе труды по этой наукѣ общаго характера, явившіеся въ западной Европѣ, въ концѣ XVI и въ XVII вѣкахъ, были у насъ переведены“.... Таковы:

Театрумъ свѣта всего, или Космографія Ботера въ двухъ различныхъ переводахъ; одинъ изъ нихъ, повидимому, относился къ 1681 году. Переводъ сдѣланъ съ польскаго; языкъ перевода заключаетъ въ себѣ массу полонизмовъ и бѣлоруссизмовъ.

Космографія, сирѣчь всемірное описаніе земель, Ортеліуса,—переводъ лишь текста, безъ чертежей, хотя на нихъ и дѣлаются постоянныя ссылки. Переводъ сдѣланъ не съ латинскаго оригинала, а съ польскаго. Языкъ перевода—русскій, съ небольшимъ числомъ полонизмовъ.

Космографія Г. Меркатора. Языкъ русскій, съ небольшими полонизмами и бѣлоруссизмами.

Космографія въ 76 главъ, съ предисловіемъ русскаго происхожденія. Высказывалось мнѣніе, что это—русская компиляція „Космографіи“ Меркатора и „Хроники“ М. Бѣльскаго; по мнѣнію Соболевскаго, это скорѣе переводъ какой нибудь западной компиляціи, намъ неизвѣстной. Языкъ перевода—русскій чистый, лишь съ незначительной примѣсью полонизмовъ.

Всего свѣта, козмографія, сирѣчь размѣренія всея земли—пятая книга „Хроники Свѣта“ М. Бѣльскаго, великорусской переводъ съ западно-русскаго оригинала, сдѣланнаго съ польскаго, по повелѣнію короля Сигизмуда. Великорусскій переводъ сдѣланъ былъ не въ 1584 г., упоминаемомъ въ датѣ, но ранѣе,—при митр. Алексѣѣ (1565—1568). Языкъ велико-русскаго текста богатъ полонизмами и бѣлоруссизмами. Познѣе, другой великорусскій переводъ сдѣланъ былъ прямо съ польскаго; языкъ этого второго перевода—русскій, со множествомъ полонизмовъ. Судя по дошедшимъ рукописямъ, былъ еще третій западно-русскій переводъ, неполный, со множествомъ малоруссизмовъ.

Описаніе свѣта и всѣхъ въ немъ государствъ, переводъ извѣстной огромной географіи Де-Линды (Descriptio orbis et omnium rerum publicarum, 1665); переводъ сдѣланъ нѣсколькими переводчиками. Единственный списокъ — нач. XVIII в.

Позорище всея вселенныя, или Атласъ новый, Блеу—переводъ отчасти „Епифаніевъ“, отчасти „Исаіи, товарища Епифаніева“, какъ указывается въ рукописяхъ. Послѣднія—отчасти автографы переводчиковъ. Языкъ перевода—отчасти чистый церковно-славянскій, отчасти съ примѣсью полонизмовъ и южноруссизмовъ. Переводъ имѣетъ вкладную патр. Никона, 1661 г.

Изъ описаній отдѣльныхъ мѣстностей могутъ быть отмѣчены слѣдующіе переводы:

Хорографія или Топографія, особное и извѣстное описаніе земли святыя, описаніе палестины, Анзельма Краковскаго. Переведено съ польскаго; языкъ перевода—церковно-славянскій, съ бѣлоруссизмами. Списки—довольно многочисленные.

Описаніе нынѣшняго персицкаго двороваго развода и владѣнія, како то обстоитъ въ духовномъ и свѣтскомъ чину

отъ вышняго до нижняго чиновъ,—описаніе Персіи Сансона. Оригиналъ нашего перевода—нѣмецкій переводъ французской книги: Vayage ou Relation de l'etat présent du royaume de perse, par Sanson. Paris, 1695. Нѣмецкое изданіе имѣло у себя дополнительную статью,—которая также переведена въ нашемъ переводѣ: *Персицкое писмяное и рѣчевное обыкновеніе, которое они въ грамоткахъ своихъ и описяхъ потребляютъ*,—о свадебныхъ, похоронныхъ обычаяхъ персовъ, о ихъ религіи, образцы ихъ молитвъ и т. п. Языкъ русскій, простой, но переводъ плохой, буквальный.

Сборникъ путешествій въ Индію, „составителемъ М. Готардомъ Артхусомъ, гдащаниномъ, вся изящнѣйшими на мѣдѣ изображенними иконами объясненна и свѣту изданна,"—но въ нашемъ переводѣ рисунковъ нѣтъ, для нихъ оставлены въ рукописи лишь мѣста. Языкъ перевода—отчасти церковно-славянскій съ южно-руссизмами, отчасти бѣлорусскій съ церковно-славянизмами.

Въ рукописяхъ нашихъ конца XVII в. встрѣчается также переводъ описанія извѣстнаго путешествія Олеарія, съ дополнительными статьями. Приводимъ сполна длинное заглавіе одного изъ списковъ: „Переводъ съ книги цесарскаго языку, какову написалъ свѣтославный Адамъ Олеаріусъ, со многимъ умноженіемъ ѣздъ описаній въ Московскомъ и Персицкомъ государствахъ, такожъ Ягана Албретха Манделосскаго восточные ѣзды, Юрья Андреева и Вола Иверсенскаго восточные жъ ѣзды, съ прибавкою Китайскаго росказанія, и како такое мочное государство мимошедшеи тому краткіе лѣта отъ татаръ обсилено и взято и како текучей китайскій мандаринъ и морской разбойникъ Кочинга отъ голандцевъ осаженой островъ Формозовъ взялъ,—такоже съ прибавкою Персицкимъ крымскимъ раздоліемъ и Древнимъ садомъ, оба наполнены охотою и богато учинени учеными притчами... Печатано въ Анбуркѣ гра-

дѣ... лѣта 1696 года". Въ заглавіи здѣсь же прибавлено: „Сія послѣдня—Древней Садъ—наперво отъ персицкаго языку на голандскій переведенъ и изъ того, въ цесарскій переведенъ, и для своего изряднѣйшаго одержанія, для Крилнаго раздолія приставится нѣкая вещь исполнена чудъ и дивными исторіями и прилучіемъ—описаніе чуждыхъ мѣстъ и земель и тѣхъ обкновеніе, природа, житіе, устроенство духовнаго и звѣстнаго (свѣтскаго?) и домоваго устава, и иное такое представляется сквозь идуще"... Въ другомъ спискѣ, также конца XVII в.,—заглавія трехъ послѣднихъ, указываемыхъ здѣсь произведеній, приведены подробнѣе и правильнѣе:

1) *Персицкій крынный долъ*, въ которомъ много веселыхъ и пріятныхъ исторій... Описалось сіе дѣло тому назадъ 500 лѣтъ отъ тогдашняго славнаго и высокоразумнаго поэта Сшахасадія, по персицки, описалось и для его изобранства и достоинства высоко почитается и возлюбляется, и тому назадъ лѣтъ десять переведено въ нѣмецкій языкъ отъ славнаго издателя Адама Аліарія".

2) *Премудраго Лохмана издивительные склады и примѣры.*

3) *Персицкій Деревный Садъ*...

Оригиналъ сборника—одно изъ изданій „Путешествія въ Московію и Персію" Адама Олеарія. Языкъ перевода—русскій простой, мѣстами съ полонизмами. Переводъ плохой, буквальный, и принадлежалъ, очевидно, нѣсколькимъ переводчикамъ.

Московская переводная литература научнаго характера —въ смыслѣ средневѣковой науки—къ концу XVII вѣка была вобще довольно значительна и разнообразна. За переводами въ области исторіографіи, общественныхъ наукъ, средневѣковыхъ космографій и т. п.,—шли переводы по риторикѣ, переводы книгъ практическаго, прикладного содержанія,—далѣе по средневѣковому естествознанію, гигіенѣ, физіологіи, анатоміи и т. д.,—не говоря о беллетристикѣ...

Въ области риторики были переведены:

Книга глаголемая риторика, сиръчь наука доброслοвія или хитроръчію учащая,—двѣ части, „по тонку въ вопросѣхъ написаны, скораго и удобнаго ради ученія". Книга открывается предисловіемъ въ виршахъ:

Азъ есмь риторика доброглаголиваго и яснозрительнаго разумѣнія;
Мною грамматика исполняется
И діалектика украшается;
Азъ, связующися съ сими ученіи, витійскую мудрость составляти научаю
И богословная реченія ясно глаголати вразумляю...

И т. д. „Это—не большой, но хорошо составленный учебникъ риторики, безъ цитатъ изъ латинскихъ авторовъ (обычныхъ въ западно-европейскихъ риторикахъ XVI—XVII вв.) Судя по всему, оригиналъ его былъ на латинскомъ языкѣ. Переводчикъ зналъ по гречески"... По мнѣнію проф. Соболевскаго, переводъ нужно считать сдѣланнымъ не позднѣе конца XVI вѣка... Языкъ церковно-славянскій, правильный и ясный, безъ полонизмовъ и западно-руссизмовъ...

Риторика, безъ заглавія, въ вопросахъ и отвѣтахъ. Повидимому — переводъ или передѣлка съ латинскаго; есть ссылки на Квинтиліана, Виргилія, вмѣстѣ съ ссылками на греческихъ церковныхъ историковъ. Языкъ—церковно-славянскій, тяжелый и ученый.

Риторика Раймунда Люллія, парисскаго учителя, кавалера... Раймундъ Люллій (Raymundus Lullius, 1235—1315) былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ средневѣковыхъ философовъ,—который во многихъ отношеніяхъ предварилъ философское ученіе Гегеля... Раймундъ Люллій писалъ очень много; одни насчитываютъ его сочиненій до 300, другіе до 4000. Здѣсь мы находимъ трактаты по логикѣ, метафизикѣ, грамматикѣ, теологіи, казуистикѣ, праву, геометріи, астрономіи, медицинѣ и т. д. и т. д. Люллій основалъ цѣлую школу послѣдователей, особенно процвѣтавшую въ XV в., и множество сочиненій, приписывавшихся самому Люллію,

были написаны его учениками. Такъ напр. Люллію приписывали много сочиненій по алхиміи,—хотя извѣстно, что Люллій не только не занимался алхиміей, но и осуждалъ ее, какъ ложное и безнравственое искуство... Рядомъ съ трактатами по богословію, метафизикѣ, философіи, рядомъ съ произведеніями политическими, — въ сочиненіяхъ Люллія особенно широкое мѣсто отводится изложенію самаго метода философскихъ изслѣдованій. Методу Люллій придавалъ особенно важное значеніе, и разсматриваетъ его въ цѣломъ рядѣ большихъ и малыхъ трактатовъ: Ars generalis, Ars magna, Ars cabbalistica, Ars brevis, Ars inyentiva и т. д. Въ этомъ „ars", „искуствѣ," Люллій стоитъ на почвѣ средневѣковаго реализма, согласно которому общія понятія (universalia) обладаютъ собственнымъ, самостоятельнымъ бытіемъ. Философское положеніе Люллій примѣняетъ однако чисто внѣшнимъ образомъ—въ своихъ знаменитыхъ „кругахъ"... „Это—родъ механическаго снаряда, употребляемаго счетчиками для нѣкоторыхъ ариѳметическихъ вычисленій, и очень похожъ, по своему механическому характеру, на такъ называемые въ схоластическихъ риторикахъ источники изобрѣтенія (inventionis); даже самая цѣль его скорѣе въ томъ состоитъ, чтобы доставить возможность каждому говорить о чемъ угодно, сколько угодно, и устранить развитіе способности самостоятельнаго изслѣдованія"... „Методъ" состоитъ „изъ нѣсколькихъ снарядовъ, а каждый снарядъ содержитъ нѣсколько концентрическихъ круглыхъ пластинокъ. На краяхъ однихъ пластинокъ пишутся главные субъекты, на концахъ другихъ — предикаты, далѣе пишутся различные отношенія, въ какихъ могутъ быть понятія этихъ субъектовъ и предикатовъ, и т. д. Двигая одну круглую пластинку въ другой, остающейся неподвижною, мы производимъ всевозможныя сочетанія между субъектами и предикатами и избираемъ правильнѣйшее"... Эти круги въ совокупности своей обнимали всю область возможныхъ знаній,—до права и медицины включительно...

Разсматриваемая переводная „Риторика“ „кавалера Люллія“ заключаетъ въ себѣ три книги, съ присоединеніемъ еще „общей части“; первая книга—„о разумѣхъ письма святаго“ (четыре „бесѣды“), вторая—„о матеріи поученія“ (14 „бесѣдъ“), третья —„о формахъ поученія“. „Общая часть“ трактуетъ „о расположеніи риторическомъ“ (въ 8 главахъ). Изъ двухъ, имѣющихся на лицо, списковъ (конца XVII—нач. XVIII в.в.) этого трактата,—въ одномъ „общая часть“ замѣняется образцами проповѣдей. Въ одномъ спискѣ разсматриваемый трактатъ приписывается Бѣлобоцкому, одному изъ двухъ извѣстныхъ ученыхъ братьевъ. Проф. Соболевскій не имѣлъ подъ руками оригинала но предполагаетъ, что разсматриваемая риторика—едва ли простой переводъ съ латинскаго: въ текстѣ находятся нѣкоторыя приспособленія къ русской дѣйствительности, упоминаются напр. фунты, золотники, пуды, сажени, версты, и т. д. Во всякомъ случаѣ, переводъ или передѣлка отличается ясностью и удобопонятностью въ изложеніи. Языкъ—церковно-славянскій, ученый, съ великоруссизмами и полонизмами.

Переводы книгъ практическаго содержанія:

Воинская книга,—въ переводѣ Юрьева и Ѳомина. Въ предисловіи сообщается: въ 1606 г. царь Василій Шуйскій „указалъ воинскую нѣмецкую книгу перевести на русскій языкъ для вѣдома всякихъ тамошнихъ воинскихъ чиновъ и урядствъ, понеже въ тамошнихъ странахъ такія драгія хитрости и въ воинскихъ обычаяхъ ученія мудрыми и искусными людьми изыскано“... Переводъ оконченъ былъ въ 1607 г. Единственная рукопись перевода—неполная, или самый переводъ былъ не полный; дошедшій текстъ начинается: „Наукъ, како зелье пищальное дѣлати въ травѣ, чтобы добрѣ прудко грянуло“...; послѣдняя: „Наукъ, како зеленое зеліе дѣлати“ и т. д. Оригиналъ—Kriegsbuch, Fronsperger'a (1586, Francfurt). Языкъ—русскій.

Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и иныхъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, Онисима Михайлова,—печатный текстъ, изданный Рубаномъ (2 ч., Спб., 1777—1781, по рукописи, „найденной въ 1775 г. въ мастерской и оружейной палатѣ въ Москвѣ“). По указаніямъ „предисловія“, книга составлена въ два пріема, въ 1606 г. и 1620 гг. Михайловъ повидимому пользовался вышеупомянутымъ болѣе раннимъ переводомъ Юрьева и Ѳомина. Оригиналъ первой части неизвѣстенъ; для второй служила упомянутая выше Kriegsbuch Fronsperger'a. Языкъ русскій, вполнѣ удобопонятный.

Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей, Вальгаузена. Напечатано въ Москвѣ, въ 1647 г. Переводъ перваго тома сочиненія Wahlhausen'a: Kriegskunst zu Fuss. Языкъ русскій, простой и ясный.

Художества огненная и разныя воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и къ оборонѣ приличныя,—переводъ 1685 г.

О подготовленіи къ войнѣ,—*Причины успѣха на войнѣ*,—*Что нужно знать войну*,—нѣсколько книгъ *о Полевой охотѣ*,—нѣсколько книгъ по коннозаводству и выѣздкѣ лошадей (*Книга лошадинаго ученія*, 1670; *О строеніи конскаго дому*)—нѣсколько книгъ по сельскому хозяйству, даже поваренному искусству и т. д. и т. д.

Переводы по гигіенѣ, физіологіи, анатоміи и т. п.:

Проблемата, т. е. вопрошенія разныя, списанія великаго философа Аристотеля и иныхъ мудрецовъ, яко прирожденныя, тожде и лѣкарскія науки, о свойствѣ и о поставленіи удовъ человѣческихъ, такожде и о звѣриныхъ, съ прилежаніемъ собрана и на три части раздѣлена, ко обученію или къ навыкновенію разуму человѣческому весьма благопотребна“. Въ рукописяхъ нашихъ кон. XVII—нач. XVIII вв. встрѣчается не-

рѣдко, и притомъ въ двухъ различныхъ редакціяхъ. Въ одномъ изъ списковъ перваго перевода, въ концѣ, стоитъ помѣтка: „Преведена сія книга польскаго языка на словенскій языкъ съ печатныя полськія книги печати краковской“; въ другомъ спискѣ того же перевода оригиналъ указывается точнѣе: „Выдана въ Краковѣ..., въ 1567 г“. Другой переводъ сдѣланъ въ 1677 году,—какъ точно указывается въ одномъ изъ списковъ этого перевода: „Переведена сія книга съ польскаго языка на словенскій языкъ съ печатныя польскія книги печати краковской въ лѣто... 1677“. По указанію проф. Соболевскаго, оригиналъ—польская передѣлка извѣстнаго средневѣкового сочиненія *Problemata Aristotelis*, впервые изданная въ 1535 г. и сдѣланная нѣкіимъ Андреемъ „изъ Кобылина“ (Andrzej z Kobylina). Языкъ въ обоихъ переводахъ плохой церковно-славянскій, съ массой полонизмовъ. Хотя всѣ списки сочиненія не ранѣе XVII в., тѣмъ не менѣе самый переводъ, по мнѣнію Змѣева, можетъ быть относенъ и къ XVI в. Изложеніе—въ вопросахъ и отвѣтахъ. О составѣ сочиненія можно отчасти судить по приложенному въ рукописи подробному оглавленію (оно воспроизведено въ монографіи г. Змѣева): „Гл. 1-я. О главѣ человѣческой (34 вопроса съ отвѣтами). Гл. 2-я. О видѣніи—первомъ чувствѣ. Гл. 3-я. О носѣ—второмъ чувствѣ. Гл. 4-я. О ушахъ и слышаніи—третьемъ чувствѣ“ и т. д.

Управленіе здравія врачевъ парижскихъ царю аглицкому списанное; научающее, якъ всякъ человѣкъ по вся цѣлаго року мѣсяца, въ ядeніи и питіи, яко и въ сѣченіи жилъ, иматъ радѣтися. „Управленіе“—добавляется въ заглавіи—отъ „врачевъ парижскихъ царю аглицкому написанное“, „типомъ издадеся“ сначала „латинскимъ языкомъ“ въ Парижѣ, потомъ въ 1565 г. въ „Краковѣ“; „нынѣже въ року 1698 году на словенскій языкъ переведено“. Это—наставленіе въ стихахъ, какъ должно себя вести, чтобы быть здоровымъ. Образчикъ стиховъ:

Аще тя цѣла, аще здрава хочешь мѣти,
Престань тяжко пещися и тяжко скорбѣти:
Скорбно сердце, гнѣвъ частый мысль всегда уныла,—
Сіи тріе снѣдають людемъ скоро тѣла...

Переводъ сдѣланъ съ латинскаго; оригиналомъ послужила извѣстная латинская книжка, переведенная почти на всѣ европейскіе языки: Regimen sanitatis medicorum parisiensium, pro tuenda sanitatis regis Angliae compositum, docens quomodo quilibet homo se per singulos totius anni menses cum in esu et potu, tum in venarum incisione gerere debeat. Указываемое въ заглавіи польское изданіе въ Краковѣ, 1565 г.,—неизвѣстно. Языкъ перевода—церковно-славянскій, съ полонизмами и малоруссизмами.

Великая и предивная наука Богомъ преосвященнаго учителя Раймунда Люллія... Въ вопросахъ и отвѣтахъ. Списки нач. и перв. пол. XVIII в. Оригиналъ—Ars magna generalis et ultima Р. Люллія. Впрочемъ нашъ текстъ — переводъ не подлиннаго трактата, а особаго извлеченія изъ него, или передѣлки. Извѣстно, что „Великой наукой" Раймунда Люллія увлекался Квиринъ Кульманъ. Сочиненіе это вообще пользовалось у насъ особымъ уваженіемъ; одинъ изъ переписчиковъ называетъ его „ароматоуханнымъ гроздополезнымъ овощемъ"... Славяно-русскій текстъ состоитъ изъ 8 главъ, съ чертежами.

Краткая наука, Раймунда Люллія. Оригиналъ—Ars brevis Р. Люллія. Списокъ—XVII в. Переводъ обоихъ сочиненій, повидимому сдѣланъ однимъ лицомъ.

О четвероножныхъ перстныхъ, Описаніе четвероногихъ животныхъ, Альдрованда, „философа и медика Бононійскаго". По указанію проф. Соболевскаго, оригиналъ—Ulysses Aldrovandus, De Quadrupedibus digitatis viviparis libri tres... Bononiae, 1637. Славяно-русскій текстъ заключаетъ въ себѣ переводъ лишь одной, первой главы труда Альдрованда — о львѣ; авторъ представляетъ историческія данныя о львѣ,

его описаніе, говоритъ объ употребленіи льва для потѣхъ, казней, о томъ, что значитъ видѣть льва во снѣ и т. п. Переводъ извѣстенъ въ единственномъ спискѣ (въ И. Публ. Б-кѣ), нач. XVIII в., и повидимому былъ лишь начатъ, и остался нетолько не оконченнымъ, но и не продолженнымъ.

Исторія и объявленіе, малаго свѣта зериало, которое есть образъ Божіей твари, о человѣчестѣмъ тѣлѣ. Текстъ заключаетъ въ себѣ отчасти анатомію, отчасти физіологію, и представляетъ переводъ сочиненія „магистра Ягана Лудвика Реммелина Улмензиса, изыскателя въ лѣчебномъ дѣлѣ", какъ указывается въ находящемся при переводѣ посвященіи. Самое посвященіе „писано въ Тюбингѣ августа въ 12 д. 1631 году". Оригиналъ разсматриваемаго перевода извѣстное Catoptron micrososmicon, Remmlin'a, много разъ издававшееся. Переводъ имѣется въ единственной рукописи конца XVII в. (въ б-кѣ Флорищевой пустыни), и сдѣланъ съ изданія 1632 года, вышедшаго „въ городѣ Увзбурхѣ", какъ указывается на рукописи перевода. Текстъ состоитъ изъ 8 главъ. 1-я глава трактуетъ о томъ, „что человѣкъ и его внѣшній образъ"; 2-я—„о разнообразныхъ частѣхъ, которыя все тѣло и вся его части одѣяютъ" и т. д. Въ послѣдней, 8-й главѣ „написано про дѣла снастей или соединенныхъ частей и всего тѣла"... При переводѣ, въ слѣдуемыхъ за нимъ особыхъ приложеніяхъ, повидимому приложены были карты или „видѣнія", какъ они здѣсь называются. Въ ряду названныхъ приложеній читаются также статьи:

1) *Ученіе о пульсѣ или движеніи жилы сердечныя*;

2) *О пущаніи крове*;

3) *Изъ книги Іоанна Беверvикія, врачебныя науки доктора, гл. 14, о снѣ*, въ 14-ти статьяхъ. Оригиналъ последней—сочиненія голландскаго ученаго XVII в., Беверvика.

Книга таинственная Альберта Великаго, „о таинствахъ женскихъ (о рожденіи, плодозачатіи во чревѣ матернемъ, о

зависимости рожденія отъ планетъ и т. д.), о силахъ травъ, каменій, звѣрей, птицъ и рыбъ". Рукописи—XVIII в. Въ одномъ изъ списковъ точно указывается оригиналъ: „Альбертъ славный... Въ Амстердамѣ, у Юдона Юншоніа (амстердамскій типографъ Юншоній-Янсоній), лѣта 1648. Переведенъ же слово отъ слова съ латинскаго на словенскій и написанъ лѣта господня 1670"... Оригиналъ—Alberti Magni, De secretis mulierum, item de virtutibus herbarum, lapidum et animalium (Amstel.., 1648). Языкъ перевода—„плохой церковно-славянскій, съ полонизмами".

Книга Михаила Скотта о естествознаніи... Рѣчь идетъ преимущественно о тѣхъ же „таинствахъ женскихъ",—о зачатіи и дѣторожденіи, о различныхъ примѣтахъ, соединяемыхъ съ этимъ,—что и въ предыдущемъ сочиненіи, лишь гораздо больше указывается здѣсь различныхъ „знаменій", по которымъ можно судить о характерѣ человѣка, и заключающихся или въ общимъ свойствахъ всего организма или въ особенностяхъ частей тѣла,—въ носѣ, устахъ, волосахъ между бровями, въ бородѣ, „ступаніи ногъ въ хожденіи", въ голосѣ, „смѣяніи" и т. д. и т. д. Книга Скотта въ нашихъ рукописяхъ обыкновенно слѣдуетъ за вышеназваннымъ сочиненіемъ Альберта Великаго,—какъ это мы видимъ и по отношенію къ оригиналамъ этихъ двухъ сочиненій, въ латинскихъ изданіяхъ XVII в. Языкъ перевода—„плохой церковно-славянскій, съ полонизмами..."

Вмѣстѣ съ произведеніями историческаго содержанія, уже съ конца XV вѣка, и особенно съ пол. XVI и въ XVII вв., чрезъ посредство Польши въ московскую Русь переходитъ множество произведеній собственно литературнаго, беллетристическаго характера, рядъ переводныхъ беллетристическихъ повѣстей и сказаній,—и отдѣльными произведеніями, и въ видѣ особыхъ, нерѣдко весьма обширныхъ сборниковъ.

Здѣсь, въ области произведеній собственно литературнаго характера, вліяніе польской литературы на нашу имѣло значеніе впрочемъ довольно относительное, условное. Вліяніе это сводилось—преимуществено, если не исключительно—къ роли посредника. Со стороны собственно **польской** литературы, литературы оригинальной, мы совсѣмъ не видимъ въ этой сферѣ особеннаго вліянія на московскую Русь ни въ XVI, ни въ XVII вв.; въ московской литературѣ вовсе нѣтъ напр. произведеній лучшаго, „золотого“ періода польской литературы,—или слѣды вліяній этого рода крайне единичны и ничтожны... Вообще, по замѣчанію одого изъ изслѣдователей,—въ русскую литературу изъ польской шли такія произведенія, „которыя относятся не столько къ **польской** литературѣ, сколько къ **средневѣковой европейской**, и преимущественно **нѣмецкой**... За немногими исключеніями, польское вліяніе было передаточное“...

Останавливается лишь на нѣкоторыхъ памятникахъ нашей переводной беллетристики XVII вѣка.

Западно-европейскія переводныя произведенія, шедшія къ намъ черезъ Польшу, представляли главнымъ образомъ три группы: а) сборники духовно-нравоучительныхъ повѣстей и сказаній и отдѣльныя повѣсти подобнаго же характера, б) повѣсти „смѣхотворнаго“ содержанія и в) рыцарскіе романы. Впрочемъ, указанныя группы не были рѣзко разграничены,—нерѣдко смѣшивались между собой: то или другое изъ направленій являлось лишь преобладающимъ, рядомъ съ которымъ шли и другія, иногда противоположныя; среди духовно-нравственныхъ сказаній и повѣстей встрѣчаются повѣсти „смѣхотворныя“ или повѣсти съ рыцарской окраской,—съ другой стороны, „смѣхотворныя повѣсти“ нерѣдко ставятъ своей цѣлью морально нравоучительную, „обличенія злыхъ обыклостей“, и т. д. Произведенія нравоучительнаго характера, повѣсти „душеспасительныя“ среди этой массы перево-

дившихся произведеній вовсякомъ случаѣ занимали, и по времени и по своей многочисленности, распространенности, одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ, и здѣсь, кажется,—одна изъ главныхъ причинъ, почему „польское вліяніе“ у насъ такъ незамѣтно и быстро укрѣпилось. Цѣлымъ рядомъ переводовъ вліяніе это въ сущности лишь усиливало прежнее духовно-нравоучительное направленіе нашей литературы, и нерѣдко самымъ тѣснымъ образомъ примыкало къ нему...

Однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ этого отдѣла нашей западной беллетристической переводной литературы XVII в. было *Великое Зерцало.*

Великое Зерцало уже рано стало сборникомъ весьма распространеннымъ въ западно-русской литературѣ XVI—XVII вв., служа здѣсь однимъ изъ главныхъ пособій для проповѣдниковъ. Въ западно-русской литературной средѣ, несмотря на вражду къ католикамъ, латинскія повѣсти, пользовались полнымъ уваженіемъ; „исторіи з розныхъ авторовъ“, упоминаемыя въ „Ключѣ Разумѣнія“ Голятовскаго, служили замѣчаетъ излѣдователь, для нашихъ юго-западныхъ проповѣдниковъ такимъ же авторитетомъ, какимъ они были для польскихъ, вообще для котолическихъ,—такихъ легендъ можно встрѣтить въ южно русскихъ сочиненіяхъ и сборникахъ очень много. Южно-русскіе писатели не только цитировали и переводили эти сборники, но и составляли въ подражаніе имъ свои“...

Въ предисловіи, читаемомъ при нѣкоторыхъ спискахъ „Великаго Зерцало“, замѣчается, что переводъ былъ совершенъ „по желанію и повелѣнію великаго государя Алексѣя Михаиловича... въ лѣто 1677“... Сборникъ повидимому приготовлялся къ печати, но почему-то не былъ изданъ,—тѣмъ не менѣе въ ряду нашихъ переводныхъ западныхъ сборниковъ XVII в. Великое Зерцало быстро стало однимъ изъ самыхъ популярныхъ. Повѣсти изъ него уже скоро стали списывать-

-ся рядомъ съ повѣстями и сказаніями изъ Патериковъ, Прологовъ,—„книгъ самыхъ дорогихъ“ для древне-русскаго православнаго читателя, заносятся въ Синодикъ и т. п. Нѣсколько позднѣе, въ XVIII в., Великое Зерцало, какъ извѣстно, переходитъ въ литературу старообрядческую,—и уже одинъ этотъ фактъ краснорѣчиво говоритъ объ основномъ характерѣ этого западно-европейскаго сборника... Популярность сборника вполнѣ объясняется такъ сказать его „православнымъ“ характеромъ, общимъ характеромъ и колоритомъ его содержанія,—какъ нельзя лучше подходившими къ общему характеру и направленію всей нашей древней литературы. Въ Великомъ Зерцалѣ особенно выступаетъ напр. аскетическое отношеніе къ народнымъ пѣснямъ, играмъ, пляскамъ, и т. п... Повѣсти Великаго Зерцала явились въ русской литературѣ какъ бы наглядными примѣрами изъ западно-европейской жизни того аскетизма, и той морали, которые передавались до того времени у насъ, въ древне-русскихъ поученіяхъ, какъ простыя порицанія или наставленія“... Многочисленныя повѣсти напр. легендарнаго характера вполнѣ соотвѣтствовали древне-русскимъ житіямъ и сказаніямъ о чудесахъ. Какъ въ древне-русской литературѣ встрѣчается много повѣстей и чудесъ, связанныхъ съ иконами Божіей Матери, съ иконами и мощами святыхъ,—такъ и въ Великомъ Зерцалѣ передъ читателемъ развертывался необозримый рядъ поэтическихъ повѣствованій и разсказовъ, передававшихъ чудеса отъ реликвій... Для своей популярности въ нашей литературѣ XVII—нач. XVIII в. Великое Зерцало заключало въ себѣ и еще одну какъ бы спеціальную черту. Какъ литературное произведеніе, сборникъ пропитанъ аскетизмомъ, преобладаніемъ въ разказахъ религіозной чудесности, стоитъ вполнѣ на почвѣ стараго православнаго католичества,—со всей суровостью относясь къ „еретикамъ“, лютерамъ и кельвинамъ, и вообще къ различнымъ „новшествамъ“ въ сферѣ религіозной... Именно эта сторона

едва ли не имѣла особаго значенія и для московской Руси: и ей, уже съ XVI вѣка, приходилось бороться также противъ различныхъ еретическихъ „новшествъ"... Общность многихъ источниковъ, древне-христіанскихъ вообще и византійскихъ въ частности, общій характеръ разказовъ, аскетическаго, поучительнаго направленія—такъ сблизили Великое Зерцало съ нашей древней литературой, что сборникъ уже очень скоро какъ бы совершенно утратилъ характеръ переводнаго... Отсюда—не только близость его съ названными памятниками, но черезъ нихъ и сильное вліяніе на произведенія собственно народной словесности,—на духовные стихи, сказки, легенды и т. п.

Самое содержаніе сборника чрезвычайно обширно; въ нѣкоторыхъ рукописяхъ число разсказовъ достигаетъ почти 900. Повѣсти и разсказы болѣе или менѣе сходные по сюжетамъ, содержанію и своей конечной морально-наставительной цѣли—составляютъ „отдѣлъ", съ однимъ общимъ заглавіемъ, указывающимъ на ту добродѣтель или порокъ, около которыхъ группируется содержаніе разсказовъ,—примѣрами, „прилогами" которыхъ служатъ собранныя повѣсти. Таковы отдѣлы о „пьянствѣ", о „лукавствѣ", „терпѣніи" и т. д.

Среди повѣстей исключительно духовнаго содержанія въ „Великомъ Зерцалѣ" есть повѣсти свѣтскаго содержанія, даже „смѣхотворныя". Такъ въ Зерцалѣ читается нѣсколько шутливыхъ разказовъ, заимствованныхъ изъ Sermones Готшалка, голланскаго проповѣдника XV в.,—между ними извѣстный разсказъ объ упрямой женѣ, перешедшій и въ область нашихъ сказокъ...

Наиболѣе обширная повѣсть Великаго Зерцала, *О Удонѣ епископѣ Магдебурскомъ*—особенно часто встрѣчается въ нашихъ сборникахъ XVI—XVII вв. и отдѣльно, вообще была одной изъ самыхъ любимыхъ

Однимъ изъ популярнѣйшихъ средневѣковыхъ сборниковъ духовно-повѣствовательнаго характера были *Римскія Дѣянія* (Gesta Romanorum). Сборникъ этотъ былъ едва-ли не самымъ богатымъ источникомъ средневѣковыхъ сказаній отдѣла такъ наз. „странствующей“ литературы; здѣсь было собрано множество разсказовъ, принадлежавшихъ и классическому міру и восточной поэзіи и туземной, западноевропейской литературѣ среднихъ вѣковъ, и Византіи и т. п. Происхожденіе сборника объясняютъ различно; время появленія, его первоначальную, древнѣйшую редакцію относятъ приблизительно ко второй пол. XIII в. Памятникъ имѣлъ очень длинную генеалогію. Первоначальная редакція—XIII вѣка—впослѣдствіи чрезвычайно измѣнилась отъ вставокъ, сокращеній и интерполляцій; не только рукописи, но и печатныя изданія сборника значительно разнятся между собою и редакціями текста и подборомъ самыхъ статей...

Содержаніе сборника не вполнѣ точно опредѣляется заглавіемъ; здѣсь есть много разсказовъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ „дѣяніямъ“ римлянъ. Какъ мы уже замѣтили, сборникъ представляетъ собою безконечный рядъ разсказовъ анекдотическаго характера, главная, конечная цѣль которыхъ—нравоученіе. Разсказъ подгонялся именно къ этой нравоучительной цѣли; нравоученію отводилось первое мѣсто... Самые разсказы по своимъ литературнымъ связямъ и вообще по своей литературной исторіи—нерѣдко очень древни; многіе изъ нихъ, уходятъ гораздо дальше греко-римской культуры,—ведутъ начало съ дальняго Востока, отъ арабовъ, евреевъ, изъ Византіи и т. п. „Всѣ эти разсказы, замѣчаетъ изслѣдователь, давно уже существовали на европейской почвѣ къ эпохѣ кодификаціи сборника. Въ него они вошли въ томъ видѣ, въ какомъ странствовали по всей Европѣ“... Компилятивный характеръ сборника обнаруживается изъ цитатъ и ссылокъ, находящихся въ самомъ текстѣ; кромѣ римскихъ писателей, цитируются писатели сревневѣковые, много вошло также восточ-

ныхъ сказокъ и апологовъ, изъ латинскихъ хроникъ и т. д. Разнообразіе анекдотическаго содержанія дѣлало сборникъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ въ средневѣковой литературѣ... Помимо занимательности, анекдотичности,—популярность Gesta Romanorum увеличивалась упомянутымъ господствующимъ тономъ всего изложенія, обиліемъ въ немъ морализаціи: къ разсказамъ и анекдотамъ обыкновенно присоединяются моральныя наставленія. Этой чертой объясняется, почему къ сборнику такъ охотно прибѣгали средневѣковые католическіе проповѣдники: они находили здѣсь неисчерпаемый матеріалъ для своихъ поученій... Впрочемъ въ Gesta'хъ обильный матеріалъ для себя находили не только проповѣдники; въ немъ иногда мотивы и фабулы для своихъ произведеній почерпали и такіе писатели, какъ Боккачіо и Шекспиръ...

Позднѣйшій изслѣдователь литературную исторію Gesta Romanorum, какъ сборника, ставитъ въ тѣсную связь съ болѣе раннимъ средневѣковымъ подобнымъ же сборникомъ—Disciplina Clericalis, извѣстнымъ трудомъ Петра Альфонса (1062—1110), крещеннаго испанскаго еврея. Сборникъ Альфонса—по легкому изложенію и занимательности содержанія, состоящаго изъ повѣстей, анекдотовъ басенъ—до такой степени пришелся по вкусу наивной публикѣ среднихъ вѣковъ, что сталъ одной изъ самыхъ популярныхъ книгъ чтенія, оказавши въ то же время большое вліяніе на развитіе литературы этого рода... Въ сборникѣ Петра Альфонса позднѣйшіе изслѣдователи видятъ и „тотъ зародышъ, изъ котораго постепенно образовались и Gesta". Одно время составленіе Gesta приписывалось то Эликандру († 1227), то Берхорію († 1362); позднѣйшій изслѣдователь справедливо указываетъ на тщетность и безосновательность подобныхъ пріуроченій, — вполнѣ вѣрно характеризуя литературную исторію большинства подобныхъ средневѣковыхъ сборниковъ. „Разъ рукопись Петра Альфонса попалась въ

руки монаховъ, замѣчаетъ С. Л. Пташицкій, они изъ нея выписывали, что казалось подходящимъ, а къ этому добавляли и изъ другихъ источниковъ другіе разсказы. Такихъ бродячихъ разсказовъ, невѣдающихъ отечества, въ то время была уже масса. Они прицѣплялись къ одному общему кому и, катясь подобно лавинѣ, образовали тотъ безыменный трудъ, въ которомъ нельзя отыскать ни того, кто его натолкнулъ, ни того, кто направилъ его по извѣстному пути, ни того, кто содѣйствовалъ его дальнѣйшему и окончательному образованію. Въ такихъ произведеніяхъ дѣйствуетъ стихійная сила, она ими управляетъ и ихъ образуетъ. Такіе личности, какъ Голькотъ, Vincentius Bellovacensis, авторъ *Dialogus Creaturarum*, Berchorius—брали уже готовый матеріалъ и подчасъ уже систематизированный. Брали его съ полнымъ сознаніемъ права имъ пользоваться, какъ вещью, составляющую общее достояніе, а не чье-либо частное. Поэтому-то въ такихъ произведеніяхъ, какъ Gesta Romanorum, нельзя даже доискиваться того, кто его составилъ, и слѣдуетъ ограничить изслѣдованіе вопросомъ, какъ онъ составился. Образованіе этого памятника не можетъ принадлежать инціативѣ одной какой нибудь личности, онъ составился постепенно и незамѣтно для составителей. Около небольшаго сборника группировались подходящіе разсказы, въ которыхъ ни текстъ, ни даже замкнутый циклъ не стѣсняли каждаго новаго переписчика. Всѣ относились свободно къ переписываемому образцу, ихъ не стѣсняла фраза текста, ее видоизмѣняли сообразно личному вкусу, и пропускъ однихъ разсказовъ и вставка другихъ были на каждомъ шагу. Дошло дѣло до того, что изъ сотни полторы списковъ, мы не можемъ найти даже двухъ вполнѣ сходныхъ между собою. Сколько рукописей, столько отдѣльныхъ произведеній"...

Не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ библіографическихъ подробностяхъ, приводимыхъ изслѣдователемъ—

чтобы наглядно видѣть, до какого разнообразія иногда доходили въ своихъ рукописныхъ и печатныхъ редакціяхъ подобныя произведенія западно-европейской средневѣковой литературы.

Въ самыхъ первыхъ латинскихъ изданіяхъ, 70-хъ гг. XV вѣка, Gesta имѣютъ 150—151 главу. Въ третьемъ изданіи—Кельнъ, 1473 г.—этихъ главъ уже 181. Кельнское изданіе послужило прототипомъ всѣхъ позднѣйшихъ, а равно—оригиналомъ и для большинства средневѣковыхъ переводовъ: голландскаго, французскаго и нѣмецкаго. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ сохранена опредѣленная послѣдовательность разсказовъ; они начинаются статьею De dilectione и оканчиваются главой De adulterio... Въ рукописныхъ сборникахъ не нашлось ни одного списка, который бы могъ служить оригиналомъ для изданія первопечатнаго. Болѣе всего къ нему подходитъ одна изъ рукописей Мюнхенской б-ки. Всѣ старопечатныя изданія содержатъ въ себѣ *Житіе св. Алексѣя* и *Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ*,—чего не встрѣчаемъ въ рукописныхъ сборникахъ... Отдѣльную весьма обширную группу рукописныхъ сборниковъ, составляютъ рукописи англо-латинскія и латино-германскія. Рукописи эти „поражаютъ излѣдователя своимъ необычайнымъ разнообразіемъ, какъ по группировкѣ разсказовъ, такъ и по ихъ изложенію". Въ 150 рукописяхъ этой группы—нѣтъ „даже двухъ рукописей, которыя бы представляли дословную копію. Переписчики не только не стѣснялись выборомъ статей, но даже и текстомъ разсказа или нравоученія"... Впрочемъ, при всемъ разнообразіи списковъ, изслѣдователи усматриваютъ въ нихъ нѣсколько группъ. Важнѣйшей группой здѣсь является та, представителемъ которой служитъ одна изъ рукописей Дрезденской б-ки. Группа заключаетъ въ себѣ самую древнюю редакцію. Здѣсь—строго выдержанная послѣдовательность разсказовъ, иногда только нарушаемая отдѣльными вставками и пропусками. Всѣ сборники этой разновидности начинаются статьей De milite,

qui ad peregrinandum profectus est, и оканчиваются разсказомъ: De filia regis et quinque militibus et cane. Во второй половинѣ сборника вставлены разсказы изъ „Исторіи семи мудрецовъ“. Самое большое число разсказовъ—112. Къ этой редакціи примыкаютъ старинные нѣмецкіе переводы. Особенно она была распространена въ Германіи и оттуда перешла въ Польшу, гдѣ въ теченіе XV ст. многократно списывалась. Эта редакція послужила источникомъ для западно-славянскихъ редакцій Gesta Romanorum... Совершенно особую редакцію представляетъ редакція польская,—рѣзко отличающаяся по составу отъ всѣхъ западно европейскихъ редакцій, не исключая и сейчасъ названныхъ англійскихъ. Рукописей польскаго перевода не дошло до насъ; имѣются лишь печатныя изданія, и даже довольно позднія, преимущественно XVIII в.; изъ дошедшихъ лишь одно, и то дефектное (безъ начальныхъ листовъ), можетъ быть отнесено къ XVII в. Есть свѣдѣнія о существованіи изданія половины XVI вѣка. Польская редакція заключаетъ 39 разсказовъ,—и является повидимому извлеченіемъ изъ первопечатныхъ латинскихъ изданій, именно изъ одного изъ болѣе позднихъ, заключающихъ въ себѣ 180—181 разсказовъ (а не 150—151, какъ въ самыхъ раннихъ). Въ польскомъ изданіи „мы имѣемъ дѣло съ выборомъ, сдѣланнымъ самостоятельно и исключительно для польскаго изданія. Составитель выбиралъ изъ латинскаго сборника разсказы по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь никакими традиціями... Порядокъ статей совершенно произвольный“. По отношеніи къ большинству статей, переводъ сдѣланъ былъ спеціально для этого сборника,—лишь для двухъ слѣдуетъ допустить возможность пользованія уже существовавшимъ переводомъ“... Эти двѣ статьи—*Житіе св. Алексѣя* и *Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ*.

Русскіе списки Римскихъ Дѣяній довольно многочислен-

ны. По датамъ, находящимся на рукописяхъ, переводъ относится къ 1691 году,—при чемъ оригиналомъ указывается польское изданіе 1663 г., до сихъ поръ остающееся библіографамъ неизвѣстнымъ. Дошедшіе списки заключаютъ въ себѣ 35—39 главъ. Расположеніе главъ часто совершенно произвольное, не согласное съ польскимъ,—и въ различныхъ спискахъ различное. Изъ повѣстей, входящихъ въ составъ нашихъ „Римскихъ Дѣяній“, отмѣтимъ—

Исторію о Аполлонѣ, королѣ Тирскомъ и о Тарсѣ королевнѣ; прикладъ, что печаль премѣняется въ радость,—

О хитрости діавольстѣй; прикладъ, яко судбы Божія неиспытаны и скрыты суть,—

Прикладъ, сирѣчь притча о гордомъ цесарѣ Евинянѣ и о его ниспаденіи, и какъ Господь Богъ многажды гордымъ противитца, а смиренныхъ возноситъ и даетъ благодать,—

Прикладъ о хитрости женстѣй,—и рядъ дальнѣйшихъ на тему, *„яко не подобаетъ вѣрити женамъ, ниже тайнъ своихъ объявляти имъ“* и др. п.п.,—

Прикладъ о правдѣ и о любви, яко правда избавляетъ отъ смерти,—

Прикладъ, сирѣчь притча о двою лѣкаряхъ,—

Прикладъ, чтобы мы блюлись отъ лести діаволсти, дабы насъ не прельстилъ,—

Прикладъ, чтобы мы чистоту и вѣру брака соблюдали,—

Прикладъ о житіи св. Алексѣя человѣка Божія, или Прикладный животъ св. Алексѣя, чтобы смыслости сего свѣта возненавидѣли и т. п.

Сравнивая разные списки „Дѣй“, изслѣдователи приходятъ къ заключенію, что переводъ былъ не одинъ. Несмотря на весьма значительную популярность сборника въ средѣ нашихъ читателей,—въ переводѣ почти не замѣтно слѣдовъ русскаго вліянія.

Нѣкоторыя отдѣльныя повѣсти, читаемыя въ Gesta'хъ, извѣстны были у насъ повидимому и раньше общаго перевода „Дѣяній", и вообще имѣли въ нашей письменности самостоятельный характеръ. Такой самостоятельный характеръ имѣла напр. *Повѣсть объ Аполлонѣ* (*Аполлоніи*), *королѣ Тирскомъ*,— 153-я глава Gesta Romanorum.. Повѣсть обращалась у насъ и въ общемъ переводѣ „Римскихъ Дѣй" и отдѣльно. Редакція перевода, встрѣчающагося въ рукописяхъ отдѣльно, отлична отъ той, въ какой повѣсть читается въ „Дѣяхъ",—и въ именахъ, и въ общемъ изложеніи, и въ языкѣ; послѣдній не страдаетъ полонизмами. Очевидно, двѣ редакціи были двумя различными переводами...

Къ двумъ разсмотрѣннымъ сборникамъ по общему характеру болѣе или менѣе подходятъ два другіе сборника, переведенные у насъ въ концѣ XVII в., и принадлежавшіе къ произведеніямъ восточныхъ литературъ,—упоминавшіеся выше произведенія персидскаго поэта XIII вѣка, Саади—*Гюлистанъ* (*Кринный долъ*) и *Бостана* (*Деревной садъ*), бывшіе помѣщенными при нѣмецкомъ изданіи „Путешествія" Олеарія. Содержаніе произведеній—собранія разсказовъ и анекдотовъ съ нравоучительными выводами. Переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго.

Отмѣтимъ также сборникъ, переведенный съ нѣмецкаго въ 1674 году, переводчикомъ посольскаго приказа Андреемъ Виніусомъ.—*Зрѣлище житія человѣческаго.* Сборникъ представляетъ собраніе басней и апологовъ самаго разнообразнаго содержанія; басни и апологи разбиты не по рубрикамъ, какъ въ „В. Зерцалѣ", а являются самостоятельными частями, при чемъ мораль выводится изъ каждой повѣсти отдѣльно...

Уже съ XVI вѣка въ московской Руси видимъ переводы западныхъ рыцарскихъ романовъ и повѣстей

„о витязяхъ добрыхъ“,—*о славномъ рыцарѣ Трысчанѣ (Тристанѣ), о Анцалотѣ (Ланцелотѣ) и о Бовѣ и о иныхъ многихъ витезѣхъ добрыхъ*, какъ читается въ заглавіи цѣлаго ряда такихъ повѣстей въ такъ наз. Познанской ркси XVI вѣка.

„Лучшимъ временемъ рыцарскаго романа, говоритъ акад. Пыпинъ, авторъ классическаго труда по исторіи нашей старой повѣсти,—былъ конецъ среднихъ вѣковъ, когда онъ принялъ свою окончательную форму, и вмѣстѣ съ другими преданіями и сагами среднихъ вѣковъ, получилъ обширное распространеніе: каждая замѣчательная исторія имѣла множество переводовъ и была знакома цѣлой массѣ читателей вдалекѣ отъ первоначальной родины... Иные изъ романовъ переводимы были почти на всѣ европейскіе языки, первопечатныя изданія ихъ принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ и рѣдчайшихъ инкунабуловъ. Въ заключеніе своихъ странствованій рыцарскіе романы, путемъ польскихъ переводовъ, заходили и въ нашу старинную письменность. Если къ понятіямъ нашихъ читателей не подходили картины любви, нѣжной и самоотверженной, то нравились богатырскія похожденія, описанныя въ этихъ исторіяхъ: физическая сила и храбрость рыцарей, непреодолимая охота совершать трудные подвиги, любовь къ странствіямъ, соединеннымъ съ чудесами и опасностями, сближали чужихъ паладиновъ съ богатырями нашего сказочнаго эпоса, такъ что иные переводные романы въ самомъ дѣлѣ стали рядомъ съ чисто народными произведеніями. Такимъ героемъ былъ напр. Бова Королевичъ... Въ одномъ спискѣ его исторіи, принадлежавшемъ XVIII вѣку, читатель или переписчикъ выразилъ свое мнѣніе объ этомъ героѣ такимъ образомъ, заканчивая повѣсть: „И почелъ Бова жить на старинѣ... лиха избывать, а добра наживать, а Бовѣ слава не минетца, отнынѣ и до вѣка“...

Исторія Бовы Королевича, какъ мы видимъ изъ упомя-

нутой Познанской рукописи—была однимъ изъ самыхъ первыхъ у насъ западныхъ романовъ. Имя героя указываетъ на рыцарскій романъ, относящійся къ циклу сказаній о Карлѣ В. и внесенный въ знаменитую поэму-хронику среднихъ вѣковъ *Reali di Francia*,—явившуюся ок. первой пол. XIV вѣка. Содержаніе Reali di Francia („Королевичи Франціи") въ своемъ полномъ составѣ обнимаетъ всю исторію Карла В., съ его предками и потомками; хроника распадается на шесть книгъ,— изъ которыхъ четвертая посвящается прототипу русскаго „Бовы", Б у о в о д' А н т о н у. Сполна хроника въ первый разъ была напечатана въ 1491 году, въ Моденѣ; послѣ того печаталась множество разъ, — и заключая въ себѣ обильный матеріалъ разнаго рода разсказовъ, повѣстей, преданій, сдѣлалась источникомъ для многихъ послѣдующихъ поэтовъ и раманистовъ. Нашла своего передѣлывателя и исторія Буово д' Антона. Въ 1480 г. въ Болоньѣ явилась основанная на IV книгѣ хроники, *стихотворная поэма*, имѣвшая необыкновенный успѣхъ. Дѣйствующими лицами поэмы являются: Б л о н д о й я (Blondoia), молодая супруга герцога Г в и д о н а,—послѣдній царитъ въ градѣ Антонѣ (il duca Guidone d' Antona); Р и з а р д о (Rizardo), слуга Блондойи; Д о д о н ъ М а й н ц к і й (Dodon di Maganza), сосѣдній герцогъ, котораго любитъ Блондойя; Б о в о (Buovo d' Antona), единственный сынъ Блондойи и Гвидона; С и н и б а л ь д а (Sinibaldo), дядька Бово; с л у ж а н к а Блондойи; Арминіонъ (Erminione), армянскій царь, къ которому въ конюхи попадаетъ Бово; Д р у з і а н а (Drusiana), дочь армянскаго царя; М а р к а б р у н ъ (Macabruno), сосѣдній король, одинъ изъ претендентовъ на руку Друзіаны; С у л т а н ъ С а д о н с к і й (Soldan de Sadonia), сосѣдній король, который нападаетъ на Арменію; его сынъ Лукаперъ (Lucafer), богатырь-великанъ, притязатель на руку Друзіаны; У г о л и н ъ (Udolino), братъ Арминіона, дядя Друзіаны; М а л ь г а р і я (Malgaria), дочь

Султана Садонскаго, сестра Лукапера; Пуликане (Pulicane), одинъ изъ свиты Маркабруна, полу-человѣкъ, полупесъ, сильное чудовище, которому нѣтъ равнаго на бѣгу; Оріо, герцогъ, непокорный ленникъ короля Маркабруна; Синибальдо и Гвидонъ, дѣти Друзіаны и Бово; Терисъ, сынъ Синибальдо; Пипинъ, король Франціи, союзникъ Додона; Пассамонтъ, король, претязатель на руку Мальгаріи,—наконецъ, жители Антона, карабельщики, купцы и т. д.

Эта стихотворная поэма и послужила оригиналомъ для нашего романа-сказки. Какимъ образомъ итальянская поэма (или та или другая ея редакція) сдѣлалась извѣстной у насъ, была ли она переведена непосредственно, или предварительно прошла сквозь какую нибудь славянскую передѣлку,—изслѣдователи не рѣшаются сказать положительно. По мнѣнію однихъ, поэма могла быть занесена жонглерами въ какую-либо итальянско-славянскую среду, и отсюда перешла въ Россію; въ своихъ далекихъ странствованіяхъ жонглеры „могли заходить на рубежи итальянско-славянскаго міра и заноситъ туда разсказы о карловингахъ и рыцаряхъ Круглаго Стола, издавна популярные въ Италіи"... Другіе думаютъ, что повѣсть могла быть занесена заѣзжими итальянцами, сопровождавшими царевну Софью Палеологъ; „на такой ранній переходъ ея къ намъ указываетъ между прочимъ и та родственная связь, которая давно уже установилась между нею и нашими былинами, въ пересказѣ однихъ и тѣхъ же подробностей, а также и заимствованіе изъ сказки о Бовѣ богатыря Пуликана, который закрѣпленъ въ нашихъ былинахъ"... На происхожденіе русской передѣлки непосредственно изъ итальянскаго источника указываютъ такія данныя, какъ „Милитриса"—*Меретрисъ*, *meretrix;* Салтанъ—Soldans, *задонскій*—di Sadonia и т. п. Какъ бы то ни было, романъ рано пріобрѣлъ у насъ

особую популярность, и явился тѣсно связаннымъ съ нашимъ народнымъ эпосомъ.

Безчисленныя лубочныя изданія „Бовы“ представляютъ двѣ редакціи,—болѣе полную и сокращенную (на 32 листахъ и на 8 лл.). Первая носитъ заглавіе: „Сказка полная о славномъ сильномъ, храбромъ и непобѣдимомъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ и о прекраснѣйшей супругѣ его королевнѣ Дружневнѣ“; вторая, сокращенная: „Гисторія о храбромъ и славномъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ и о смерти отца его“. Полная редакція ведетъ свое начало отъ одной изъ двухъ группъ, на которыя распадаются русскіе списки. Представителемъ первой группы можетъ быть приблизительно названъ текстъ сказки, изданный въ „Памятникахъ древней письменности“, по рук. XVII в.: „Сказанія про храбраго витязя про Бову Королевича“ (Вып. I, Спб., 1879); представителемъ второй—текстъ, изданый акад. Веселовскимъ: „Слово о нѣкоемъ храбромъ витязѣ и о славномъ богатырѣ о Бовѣ Королевичѣ“... Это распредѣленіе списковъ—лишь приблизительное, не рѣшающее. „Въ обоихъ редакціяхъ, замѣчаетъ изслѣдователь, Милитриса очутилась собственнымъ именемъ, имя Блондойи изчевло, вмѣсто Бово—Бова́; Пулканъ—Полканъ; Дружнена—Дружнена, Дружневна; св. Семіонъ—Суминъ. Явились новыя имена: отецъ Милитрисы—Кирбичъ, Кирбитъ Верзауловичъ, царствующій въ Дементіанѣ градѣ и т. д.

Какъ уже было нами упомянуто, древнѣйшая русская редакція повѣсти о Бовѣ Королевичѣ дошла до насъ въ такъ наз. познанской рукописи XVI в. (хранится въ Познанской публичной библіотекѣ), на которую впервые еще въ 40-хъ гг. указалъ Бодянскій и которая лишь въ самое послѣднее время подробно была обслѣдована, а отчасти и издана, акад. Веселовскимъ. Познанская рукопись, какъ мы уже замѣтили, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ повѣстей,—подъ общимъ заглавіемъ: „Починается повѣсть о витезяхъ съ

книгъ сербскихъ, а звлаща (именно) о славномъ рыцеры Трысчанѣ, о Анцалотѣ (Лонцелотѣ) и о Бовѣ и о иншыхъ многихъ витезѣхъ добрыхъ"... Самый текстъ повѣсти о Бовѣ, находящійся дальше, носитъ въ рукописи заглавіе: „Исторыя о княжати Кгвидонѣ". Ближайшій литературный источникъ какъ для Бовы, такъ и для другихъ, помѣщенныхъ здѣсь, повѣстей, точно указывается въ приведенномъ заглавіи: „съ книгъ сербскихъ"... Эти исходные сербскіе тексты, „книги сербскія"—пока остаются неизвѣстными; но что бѣлорусскій текстъ рукописи былъ взятъ дѣйствительно „съ книгъ сербскихъ", это отчасти доказывается нѣкоторыми, какъ бы застрявшими въ познанскомъ текстѣ, сербизмами... Оригиналомъ для „сербскихъ книгъ" служилъ источникъ итальянскій,—что доказывается опять нѣкоторыми также случайно оставшимися въ познанскомъ текстѣ слѣдами итальянскаго языка...

„Исторія о Гвидонѣ" познанской рукописи однако—не одно и то же, что „Сказаніе о Бовѣ", читаемое въ нашихъ народныхъ пересказахъ повѣсти. „Сказаніе" такъ часто переписывалось и пересказывалось, что приняло совершено русскій стилистическій колоритъ,—между чѣмъ исторія о Гвидонѣ носитъ на себѣ еще замѣтные слѣды „сербскихъ книгъ", съ которыхъ взятъ познанскій текстъ. Самые тексты русской повѣсти не одинаковы; въ нихъ изслѣдователь приблизительно намѣчаетъ двѣ редакціи,—обѣ эти редакціи въ извѣстныхъ пунктахъ одинаково приближаются къ познанскому тексту, и въ то же время одинаково далеко уходятъ отъ него въ другихъ...

Какъ мы уже замѣчали, на Руси „Бовѣ" досталась особая популярность. Въ 1693 году, въ числѣ „потѣшныхъ книгъ" царевича Алексѣя упоминается „книга въ лицахъ о Бовѣ Королевичѣ",—но дошедшіе до насъ отъ XVII в. списки повѣсти своимъ языкомъ, совершенно народнымъ, наглядно показываютъ, что для этого вѣка повѣсть была далеко не новинкой...

„Нѣвкоемъ было царствѣ, въ великомъ государствѣ, въ славномъ градѣ во Антонѣ“ и т. д. (списокъ XVII в); или: „Бысть нѣкій король именемъ Гвидонъ въ славномъ градѣ Антоновѣ, младъ весьма и храбръ, и збиралъ себѣ во градѣ храбрыхъ витязей во златыхъ поясѣхъ, и охочь былъ въ чистомъ полѣ тѣшитца съ соколы и ястребы и съ выжлецы“ и т. д. (списокъ XVII—нач. XVIII в.)—этотъ языкъ повѣсти показываетъ, въ какой степени она уже обнародовѣла къ XVII—нач. XVIII в.в.

Рядомъ съ повѣстью о Бовѣ Королевичѣ изъ западноевропейскихъ рыцарскихъ романовъ и повѣстей, перешедшихъ къ намъ въ XVII вѣкѣ,—особенной популярностью пользовались у насъ романы: *О Мелюзинѣ* и *Повѣсть о благородномъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о благородной королевнѣ Магиленѣ*

Основа романа *О Мелюзинѣ* связана съ весьма развитымъ цикломъ сказаній и повѣрій о феяхъ, женщинахъ-оборотняхъ. Превращеніе женщины въ змѣю—довольно обыкновенный мотивъ романтическаго эпоса; онъ повторяется и въ нашей извѣстной сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ и Жаръ-птицѣ, гдѣ герой, Иванушка, женится на женщинѣ-лягушкѣ, которая потомъ оказывается могущественной волшебницей... Первая редакція романа явилась во Франціи въ концѣ XIV столѣтія. Значительно передѣланное и измѣненное, произведеніе дало основу для французскаго романа, напечатаннаго въ 1478 году; нѣсколькими годами раньше вышелъ нѣмецкій переводъ... Въ русскую письменность исторія о Мелюзинѣ перешла изъ Польши. Въ дошедшемъ спискѣ XVII в. романъ не имѣетъ заглавія; въ началѣ, на первыхъ страницахъ указывается лишь содержаніе отдѣльныхъ его главъ. Въ концѣ послѣдней главы имѣется точная дата перевода: повѣсть „съ французскаго языка на латинскій переведена бысть лѣта отъ Р. Христова 1400, съ нѣмецкаго же на польскій пореведена лѣта Господня 1569,—

нынѣ же, прибавляетъ переводчикъ, съ польскаго на славено-россійскій языкъ переведена лѣта 7185 (=1677) генваря въ 12 день"... Языкъ перевода страдаетъ полонизмами.

Прототипомъ бывшей у насъ столь популярной *Исторіи о храбромъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ Неаполитанской* былъ французскій романъ, древнѣйшая редакція котораго относится ко второй половинѣ XV вѣка. Въ немъ разсказывается судьба нѣжно любившихъ другъ друга Петра, графа Прованскаго, и Магелоны, дочери короля Неаполитанскаго: разлученные несчастными обстоятельствами, они долго страдали, не имѣя другъ о другѣ никакой вѣсти, пока наконецъ, послѣ длинныхъ приключеній, не соединились снова... Исторія Петра Прованскаго помѣщена Сервантесомъ въ его Донъ-Кихотѣ. Предполагаютъ, что романъ Магелоны заимствованъ изъ дѣйствительности: въ Провансѣ до сихъ поръ сохраняется гробница этой принцессы; подлѣ Марселя одинъ изъ острововъ носитъ даже ея имя, а въ Мадридскомъ арсеналѣ показываютъ ключъ, „которымъ Петръ Прованскій заводилъ своего коня"... Къ намъ повѣсть была занесена изъ Польши. Переводъ явился въ началѣ или половинѣ XVII вѣка; въ 1693 году, въ числѣ книгъ царевича Алексѣя Петровича, упоминается уже потѣшная книга въ лицахъ „Петръ Златые-Ключи". Повѣсть скоро перешла въ лубочныя изданія, но въ сильно сокращенномъ видѣ, лишь въ извлеченіи. Въ Россіи имя героя укрѣпилось даже за однимъ урочищемъ: въ саратовской губерніи есть мѣстечко „Петръ Златые-Ключи"...

Повѣсть въ дошедшихъ рукописяхъ носитъ заглавіе: „Сказаніе о Петрѣ Кралевичѣ французжскомъ, нарицаемаго Златыхъ Ключевъ, и прекрасной его супругѣ, неаполитанскаго краля дщери, имянемъ Магилены, о снитіи ихъ и житіи ихъ, зѣло умилительно слушающимъ", или: „Исторія о славномъ рыцарѣ неаполитанскомъ князѣ Петрѣ Златыхъ

Ключей и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ дѣвицѣ, о житіи и о похожденіи ихъ". Тексты представляютъ мѣстами различіе, но „происходятъ отъ одного перевода". Въ одномъ изъ списковъ находится предисловіе, предполагаютъ, русскаго переводчика,—которое хорошо выражаетъ то необыкновенное уваженіе, съ которымъ относился къ книгѣ переводчикъ, и съ которымъ конечно относились къ роману и вообще современные русскіе читатели. Языкъ предисловія отчасти показываетъ и вообще точку зрѣнія тогдашняго русскаго читателя на переводную повѣсть... „Читателю любезный! начинаетъ свое предисловіе переводчикъ: Сладость медвеная услаждаетъ гортань, а слово душу; ни откудо бо, точію отъ вкуса познается сладость, а отъ повѣданія умныхъ мудрость... Мы же полезное являти будемъ инымъ на подвигъ усердный. Сего ради молю ти, вникнувъ въ сію святую (!..) книгу..., отъ нея же познаеши, како во единомъ Бозѣ надеждею житія же учитъ... Молю не просто прочитати сію книгу, но со усердіемъ... Сладко вамъ божественное писаніе, братіе, не точію почитающимъ... Яко и сія благородная княжата, о нихъ же повѣствованіе предлежитъ, глаголю, великопрестольнаго и славнаго королевича Петра, иже паче тлѣнной славы небесную возлюби... Молю убо умѣющихъ щедробливость и твердость, надежду во Господѣ, о таковыхъ благожелательнѣ послушати"... и т. д. Языкъ самаго разсказа совершенно напоминаетъ обычный старый стиль „житія": „Въ лѣто отъ воплощенія Божія Слова осмосотное, индикта перваго, во дни Федерика царя Пятаго во Ишпаніи велицѣй, бысть чудо преславное"... и т. д. Впрочемъ, вообще языкъ перевода—русскій, лишь съ незначительной примѣсью полонизмовъ, которые „не составляютъ замѣтнаго недостатка въ изложеніи, доходящемъ нерѣдко до чисто народнаго склада"...

Однимъ изъ выдающихся фактовъ польскаго вліянія на русскую письменность XVII вѣка является переходъ къ намъ

изъ Польши *повѣстей смѣхотворныхъ*, польскихъ *фрашковъ*, *жартъ*, *фацецій* (fraszka—бездѣлица, малость, шутка). Элементъ назидательный, господствующій въ такихъ сборникахъ, какъ „Великое Зерцало“ „Римскія Дѣянія“, и т. п.,—въ „повѣстяхъ смѣхотворныхъ“ окончательно уступаетъ направленію чисто - повѣствовательному, анекдотическому. За интересностью разсказа, мораль совершенно упускается изъ виду. Читателя начинаетъ интересовать самый разсказъ, самое событіе, безъ всякаго отношенія къ его нравоучительности; чтеніе съ цѣлями нравоучительными быстро стало уступать мѣсто чтенію, гдѣ „дидактическій интересъ смѣнялся простымъ историческимъ любопытствомъ“... Въ западной Европѣ появляется множество собраній историческихъ разсказовъ, анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, особенно изъ греческой и римской исторіи... Послѣдняя и прежде нерѣдко выводилась на сцену въ сборникахъ дидактическаго характера, но—играла лишь служебную роль, была иллюстраціею къ нравоученію, морали; теперь она пріобрѣтаетъ самостоятельный интересъ для читателя. За историческимъ анекдотомъ въ сборники скоро входятъ новелла, шутка. Послѣдній элементъ особенно быстро становится на первый планъ. Возникаетъ особый разрядъ сборниковъ—*шуточныхъ*, *facetiae* (facetia, — забавная вещь, смѣшной случай). Сборники этого рода рано явились въ западныхъ литературахъ, и находили себѣ массу читателей. Надъ составленіемъ такихъ сборниковъ трудились иногда люди очень ученые, извѣстные своими серьезными трудами; таковъ напр. былъ Поджіо Браччіоллини († 1459), котораго считаютъ даже основателемъ этого направленія въ средневѣковой литературѣ. Во всякомъ случаѣ со времени выхода его *Фацецій* (*Poggii Florentini Facetiarum Liber*,—издано первоначально въ Римѣ и Венеціи въ 1470 году), направленіе это особенно усиливается. Изъ послѣдователей Поджіо наиболѣе извѣстны: Генрихъ Бебель, Фриш-

линъ, Меландръ. Первые сборники „Фацецій" появились на латинскомъ языкѣ; послѣдній нисколько не мѣшалъ ихъ популярности,—этотъ языкъ въ то время былъ языкомъ всего образованнаго и вообще читавшаго общества. Но уже очень скоро Фацеціи начали появляться и на языкахъ народныхъ. Содержаніемъ „были по бóльшей части какія-нибудь смѣшныя приключенія, насмѣшки надъ легковѣріемъ и непостоянствомъ женщинъ, недогадливостью мужчинъ; но нерѣдко выставлялись здѣсь и комическія стороны общественной жизни, притязанія сословій,—съ этой стороны „фацеціи" примыкали къ чисто-сатирической литературѣ. Наконецъ здѣсь же читатель находилъ остроумныя изреченія и фарсы"... Въ старинной польской литературѣ западныя фацеціи были довольно распространенны; изъ Польши произведенія этого рода—въ цѣлыхъ сборникахъ и отдѣльными разсказами, анекдотами переходили и къ намъ. Таковы *Фрашки сирѣчь издѣвки, факеціи или жарты польски, издѣвки смѣхотворны московски..*,—читаемыя въ одной рук. XVII в. Въ рукописи указывается и время перевода: „добрѣ съ польскаго исправлены языка печатать поданы сто осмьдесятъ осьмого (7188—1680), ноемврія дня осмаго"...

Въ ряду „стихотворныхъ повѣстей" въ нашу письменность въ XVII в. перешло и нѣсколько *новеллъ* Боккачьо (1315—1374), фактъ, замѣчаетъ изслѣдователь „любопытный, по его неожиданности"... Новеллы эти бóльшею частью повидимому перешли также изъ польскихъ передѣлокъ.

Были впрочемъ—одновременно—вліянія на литературу Московской Руси, шедшія и помимо Польши или даже Запада: едва ли нѣкоторыя сказанія не переходили въ древнюю Русь непосредственно съ Востока... Относительно этого, изслѣдователями высказываются лишь предположенія,—основанія къ которымъ даютъ такіе памятники нашей старой пись-

менности, какъ *Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши*, *Повѣсть о Шемякиномъ судѣ*, *Сказка о Еруславѣ Лазаревичѣ*, и нѣкоторыя другія под. Передъ нами группа повѣстей, въ которыхъ мотивы и сказанія западно-европейскихъ литературъ самымъ неотдѣлимымъ образомъ связываются съ преданіями и сказаніями литературъ Востока,—иногда, въ отношеніи къ нѣкоторымъ памятникамъ этой группы, съ самымъ рѣшительнымъ преобладаніемъ элементовъ туземныхъ, чисто русскихъ... Типичнымъ образчикомъ послѣдняго,—образчикомъ именно такой литературной передѣлки иноземныхъ сюжетовъ и сказаній въ произведеніе національное, народное—является упомянутая сейчасъ *Повѣсть о Шемякиномъ судѣ*.

Пересмотръ всего прежде сдѣланнаго и новое обслѣдованіе повѣсти представлено въ монографіи акад. М. И. Сухомлинова: Повѣсть о судѣ Шемяки. Приложеніе къ XXII т. Зап. И. Ак. Наукъ Спб., 1873. Вотъ результаты его излѣдованій.

Дѣлая очеркъ предшествовавшаго научнаго изученія повѣсти,—указывая на труды здѣсь Гейдеке (Heideke), фонъ-деръ-Гагена (v. d. Hagen), Дитриха (Dietrch), Бенфея (Benfey), Пыпина, Тихонравова, Буслаева и Афанасьева,—Сухомлиновъ соглашается съ характеристикою памятника, сдѣланнаго Тихонравовымъ. По мнѣнію послѣдняго, „наша сатирическая повѣсть сложилась своеобразно подъ условіями нашего быта и воззрѣнія, но матеріалы ея (основная сага) принадлежатъ въ такой же степени и восточнымъ и западно-европейскимъ литературамъ. Истиннымъ героемъ нашей повѣсти остается убогій,—изворотливый умъ котораго торжествуетъ и надъ случайностями житейскими, и надъ матеріальной силой богача, исцовъ и самого судьи Шемяки“... Въ своей моногра-

фіи, путемъ самостоятельныхъ научныхъ иcлѣдованій и соображеній, авторъ приходитъ, въ общемъ, къ тому же взгляду на памятникъ.

Авторъ начинаетъ съ того, что представляетъ сводный текстъ повѣсти,—на сколько она сохранилась у насъ въ нашихъ народныхъ сказкахъ, старинныхъ рукописяхъ и лубочныхъ картинахъ (стр. 7—12). Переходя къ историко-литературному обслѣдованію своднаго текста, авторъ замѣчаетъ: „Для вѣрной постановки вопроса о происхожденіи и составѣ русской повѣсти, необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: необычайность, затѣйливость рѣшеній судьи; подробности дѣйствій подсудимаго и произносимыхъ надъ нимъ приговоровъ—держать у себя лошадь пока выростетъ у ней хвостъ, прижить ребенка, упасть съ высоты на подсудимаго и т. п.; общій характеръ судьи и подсудимаго, и связь памятника, въ общемъ и частностяхъ, съ однородными ему произведеніями другихъ литературъ“... Авторъ начинаетъ съ послѣдняго тункта; онъ передаетъ содержаніе родственныхъ нашей повѣсти сказаній другихъ литературъ—тибетской сказки изъ Дзанглуна, индѣйской сказки о каирскомъ купцѣ и средневѣковой нѣмецкой пѣсни о судѣ Карла В. Сравнивая съ названными произведеніями нашу повѣсть, акад. Сухомлиновъ замѣчаетъ: „При сравненіи русскаго сказанія съ иностранными (во всемъ объемѣ перваго и послѣднихъ), бросается въ глаза отсутствіе въ немъ одного и весьма существеннаго обстоятельства, именно — условія и приговора о вырѣзаніи мяса у несостоятельнаго должника“... Затѣмъ, переводя къ частностямъ повѣсти, къ отдѣльнымъ чертамъ ея сюжета,—авторъ указываетъ родственныя имъ подобныя же черты въ литературахъ другихъ народовъ, кромѣ сказаній тибетскаго, индѣйскаго и средневѣковаго нѣмецкаго, въ юмористическихъ разсказахъ и народныхъ книгахъ польской

литературы и нѣмецкой. Указавши эти литературныя связи (въ общемъ и частностяхъ) нашей повѣсти съ подобными же сказаніями другихъ литературъ, авторъ замѣчаетъ: „Одна изъ важнѣйшихъ особенностей русской повѣсти заключается въ томъ, что судья является въ ней олицетвореніемъ кривды, между тѣмъ какъ въ подобныхъ сказаніяхъ другихъ народовъ судья дѣйствуетъ, какъ представитель правды. Шемяка поступаетъ своекорыстно, въ надеждѣ получить взятку, а между тѣмъ рѣшенія его въ сущности, по понятіямъ народа, вѣрны: они совпадаютъ съ рѣшеніями такихъ народныхъ идеаловъ справедливости, какъ Соломонъ и Карлъ В. Этотъ разладъ между стремленіями и дѣйствіями одного изъ главныхъ лицъ повѣсти наводитъ на мысль о различныхъ началахъ, изъ которыхъ она постепенно слагалась. Какъ самый составъ ея, такъ и возрѣніе на судей, лежащее въ ея основѣ, въ значительной степени разъясняется при помощи семитическихъ легендъ. Въ нихъ же встрѣчается одна изъ выдающихся чертъ, которой еще не найдено аналогической—рѣшеніе судьи воротить лошадь только тогда, когда у ней снова выростетъ хвостъ. Камень также является здѣсь, какъ орудіе мести неправедному судьѣ“... Обращаясь къ памятникамъ еврейской литературы, изслѣдователь приводитъ изъ *Вавилонскаго Талмуда* и *Книги Праведнаго* разсказы о несправедливостяхъ содомскихъ судей. Подобно тому, какъ въ еврейской легендѣ, заключаетъ Сухомлиновъ, серьезное, обличающее повѣствованіе о жестокихъ и неправедныхъ судьяхъ оттѣняется сатирою..., такъ и въ русской повѣсти серьезное перемѣшивается съ забавнымъ. Не отрицая сатирическаго характера русской повѣсти—продолжаетъ авторъ—должно замѣтить, что насмѣшка представляется въ ней позднѣйшимъ наслоеніемъ и не на одной только заимствованной, но и на чисто русской основѣ. Въ народной сказкѣ до самаго ея заключенія, совпадающаго съ текстомъ

лубочныхъ картинъ, нѣтъ и тѣни сатиры... Главное дѣйствующее лицо въ „Шемякиномъ Судѣ“—честный бѣднякъ, чрезвычайно ловко избѣжавшій опасности: убогій братъ также „переклюкалъ“ богатаго брата и всѣхъ своихъ вороговъ, какъ Ерема-дуракъ и Иванушка-дурачекъ перехитрили своихъ лукавыхъ и несправедливыхъ братьевъ“...

Въ нашей повѣсти Сухомлиновъ видитъ какъ бы нѣсколько наслоеній: „Въ составѣ русской повѣсти, говоритъ онъ, слышится нѣсколько мотивовъ; любимыя идеи народной словесности о побѣдѣ правды надъ кривдой, о спасеніи несчастнаго отъ злобы сильныхъ міра—сливаются съ чертами изъ сказанія о судахъ, распространеннаго у индоевропейскихъ и семитическихъ народовъ. Въ наиболѣе давнемъ слоѣ повѣсти изображается судьба бѣдняка, въ потѣ лица работавшаго на богача-брата и сохранившаго жизнь его сына... При дальнѣйшемъ развитіи легенды, эпическій характеръ мало по малу сглаживается, уступая мѣсто чертамъ дѣйствительной жизни и неизбѣжному спутнику изображенія ея въ литературѣ—началу сатирическому. Съ появленіемъ этого начала послѣдовало измѣненіе мотива, и праведный судья изъ эпическаго представителя доброй силы, охраняющей несчастіе, превратился въ судью неправеднаго—кривосуда и взяточника“.. Въ сатиру повѣсть превратилась не вдругъ; въ повѣсти не все, что́ кажется сатирическимъ на нашъ взлядъ, казалось такимъ современнымъ читателямъ: „законъ возмездія въ буквальномъ смыслѣ слова, немного отличающійся отъ рѣшенія Шемяки о чужой женѣ и убійцѣ старика, былъ во всей силѣ своей въ русскомъ обществѣ XVII в“... Впрочемъ, въ концѣ XVII в. повѣсть превратилась уже въ сатиру. „Много времени прошло до той поры, пока разбираемая нами повѣсть изъ серьезной и назидательной легенды о праведномъ судьѣ превратилась въ сатиру на взяточниковъ. Постепенное наслоеніе, видоизмѣнявшее древнюю основу, совершалось подъ вліяніемъ

различныхъ источниковъ,—какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ ряду послѣднихъ видное мѣсто должно быть удѣлено семитическимъ сагамъ и сказаніямъ, которыя разносились евреями повсюду, и безспорно извѣстны были и на Руси"... Что касается до чертъ собственно русскихъ, то таковыми является въ повѣсти масса подробностей, взятыхъ изъ русскаго быта, и имя судьи,—„Шемяка"...

Общая масса переходившихъ къ намъ съ Запада въ XVI—XVII вв. свѣтскихъ переводныхъ произведеній не представляла собой ничего, кромѣ легкаго, пріятнаго чтенія, нерѣдко даже слишкомъ легкаго; но они находили большой и охотный кругъ читателей. Свѣтское содержаніе переводной беллетристики представляло особый интересъ для нашихъ читателей,—сравнительно съ строго духовнымъ, нерѣдко прямо аскетическимъ содержаніемъ почти безразраздѣльно господствовавшимъ до того времени въ нашей литературѣ.

„Главное, чѣмъ рыцарскіе романы и другія переводныя исторіи пріобрѣли значеніе въ то время, замѣчаетъ Пыпинъ, было то, что они возбуждали и поддерживали охоту къ легкому и пріятному чтенію,—отсюда названіе ихъ „потѣшныя книги",—оттого они нерѣдко представлялись „въ лицахъ" или „въ личныхъ фигурахъ", съ которыми уцѣлѣли до сихъ въ лубочныхъ изданіяхъ"... Отсюда—и ихъ общее литературное значеніе...

Переходившая къ намъ западно-европейская литература, свѣтскаго характера своимъ содержаніемъ замѣтно вліяетъ на измѣненіе характера и направленія и нашей собственной, оригинальной литературы. Западные переводы быстро способствуютъ разширенію литературныхъ рамокъ, разнообразію

и обогащенію литературнаго содержанія,—общему развитію и росту нашей литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—переходившая къ намъ западно-европейская свѣтская литература своимъ содержаніемъ оказываетъ могущественное вляніе на развитіе собственной, самостоятельной свѣтской повѣсти. За весь предшествовавшій періодъ русской литературы, интересы чтенія были исключительно моральные, религіозные. Окружающая дѣйствительность игнорировалась: литература трактовала исключительно о вопросахъ духовнаго спасенія... Теперь, въ XVI—XVII вв., при наплывѣ въ нашу письменность свѣтскихъ иноземныхъ произведеній, шутливаго, а нерѣдко и скабрезнаго содержанія,—задачи и цѣли литературы упращиваются: она какъ бы понижается въ глазахъ читателей, пріобрѣтаетъ болѣе обыденный, реальный характеръ, какъ бы болѣе земное направленіе. Переходъ отъ отвлеченныхъ, исключительно духовныхъ интересовъ къ реальнымъ вопросамъ жизни и дѣйствительности—теперь сталъ легче... Въ литературѣ возникаютъ первые опыты самостоятельной шутливой повѣсти, сатирическаго и юмористическаго разсказа, первыя попытки частью шутливаго, частью критическаго отношенія къ дѣйствительности.... Для общества какъ-бы наступаетъ время разсужденія, критическаго наблюденія надъ тѣмъ, чѣмъ оно живетъ, что̀ его окружаетъ; фантазія начинаетъ почерпать свои образы изъ живаго наблюденія надъ дѣйствительной жизнью. Подъ вліяніемъ переводныхъ образцовъ, въ московской литературѣ XVI—XVII вв.—уже довольно значительные размѣры пріобрѣтаетъ литература повѣствовательная оригильная,—оригинальная свѣтская повѣсть, разсказъ...

Дѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ этомъ отдѣлѣ нашей литературы XVI—XVII вв.

Какъ и вся наша литература древняго періода, древне-

русская повѣсть очень долгое время сохраняла характеръ строго духовный, церковный. Это—скорѣе легенда, отчасти „житіе"... Съ областью житій повѣсть особенно долго сохраняетъ непосредственную связь. Нѣкоторыя повѣсти XV—XVI вв. трудно отличить отъ „житій". Таковы напр. смоленская *Легенда о Меркуріи*,—*Повѣсть о Юліаніи Милостивой*,—*Повѣсть о Петрѣ царевичѣ и супругѣ его Февроніи*,—*Сказаніе о явленіи унженскаго креста* и др. пп. Такъ въ *Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ* русскій читатель вноситъ свой колоритъ: мудрецъ алевитской и азорской земли и ближайшіе къ нему лица, герои „Тысячи и одной ночи"—получаютъ въ русскомъ пересказѣ характеръ „угодниковъ божіихъ"... Господствующій тонъ литературы такъ силенъ, что ему не можетъ не подчиниться и заносный, иностранный сюжетъ... „И призрѣлъ Господь Акира на смиреніе—излагаетъ русскій пересказчикъ—и сослалъ два ангела мирно глаголюща: Акиръ, угодниче божій, не будетъ у тебя ни единаго дѣтища" и т. д. Повѣсть, слѣдуя общему литературному потоку, почти превращается въ легенду...

Русская повѣсть XVI—XVII вв. на первыхъ порахъ вращается въ области или чисто исторической или житійной. Вообще, наша повѣсть и въ XVII в. нерѣдко еще тѣсно связана съ старой полу-церковной, полу-легендарной повѣствовательной литературой, нерѣдко вращается или въ кругу тѣхъ же темъ и сюжетовъ или—если и затрогиваетъ новыя—обрабатываетъ ихъ по старому, въ прежнемъ церковномъ стилѣ,—сохраняетъ вообще самыя тѣсныя и непосредственныя связи съ содержаніемъ болѣе ранней легендарной литературы древней Руси, особенно апокрифической. Таковы напр. *Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи*,—*Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ*, *Сказаніе отъ книги, глаголемыя Пандокъ, о хранительномъ быліи, мерзкомъ зеліи, еже есть табацѣ*, написанная въ чисто апокалипсическомъ тонѣ,—сходная съ ней *Повѣсть о происхожденіи виннаго питія*, *Повѣсть о высокоумномъ хмѣлѣ*,

наконецъ, знаменитая *Повѣсть о Горѣ-Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело молодца во иноческій чинъ*... Послѣдняя не лишена широкой общечеловѣческой, философской основы. По мнѣнію изслѣдователя,—„двѣ различныхъ струи сошлись, не помирившись, въ демоническомъ образѣ Горя. Съ одной стороны народныя фаталистическія представленія о лихой долѣ, прирожденной, навязанной человѣку, непокидающей его до могилы, неизбѣжной какъ рокъ. Онѣ дали народныя краски изображенію Горя... Эти народныя черты служатъ въ повѣсти къ характеристикѣ существенно другого образа,—демона христіанско-библейской легенды, древняго искусителя, нападающаго на человѣка, когда онъ, преступивъ заповѣдь, открывается вліянію грѣха“... Основной идеей и своими отдѣльными сторонами повѣсть сближается съ самыми различными произведеніями древне-русской письменности. Внѣшняя завязка повѣсти—наставленія родителей къ непокорному сыну—связываетъ повѣсть съ обширнымъ цикломъ древне-русскихъ „наставленій отъ отца къ сыну“; наставленія родителей напоминаютъ поученія Акира и русскія передѣлки этого памятника; ближайшее слѣдствіе неповиновенія родителямъ—пьянство, разгулъ молодца—связываетъ повѣсть съ особымъ обширнымъ отдѣломъ древне-русской письменности, съ многочисленными „словами“ и „поученіями“ противъ „злого запойства“, отчасти—съ такими произведеніями, какъ Домострой и т. д. и т. д. Самый образъ Горя-злой доли вводитъ повѣсть въ циклъ чисто народныхъ пѣсенъ о злой долѣ, съ одной стороны, и въ область средне-вѣковой эсхатологіи и демонологіи, съ другой; повѣсть сближается здѣсь съ такими памятниками, какъ *Слово Палладія мниха о второмъ пришествіи Христовѣ*, *Мытарства Ѳеодоры*, *Слово Василія Великаго о прельщенномъ отроцѣ*, *Повѣсть о Тязіотѣ, воскресшемъ изъ мертвыхъ*, *Повѣсть о бодрости человѣческой* или *Преніе живота съ смертью*,—наконецъ съ областью древне русскихъ *Синодиковъ*, и т. д. и т. д.

Особый циклъ древне-русскихъ повѣстей вращается на почвѣ старой демонологіи,—при чемъ главное дѣйствующее лицо, „врагъ рода человѣческаго“, „бѣсъ“ къ XVII в. теряетъ свой прежній, страшный характеръ, — пріобрѣтаетъ черты бытовой, житейской обстановки, не столько устрашаетъ, „соблазняетъ“ и „строитъ козни“, сколько забавляетъ, попадается самъ въ затруднительныя обстоятельства, дѣлается предметомъ насмѣшки. Съ такимъ характеромъ является отчасти уже кривой бѣсъ Палеи, обманутый при дѣлежѣ Соломономъ,—куцый бѣсъ русскихъ и малорусскихъ разсказовъ; окончательно съ такимъ характеромъ выступаетъ бѣсъ въ *житіи Иларіона Суздальскаго*, конца XVII в., и въ др пп.

Скоро шутка, сатира переходитъ и на другія темы. Таковы *Повѣсть о бражникѣ*, *Сказаніе о роскошномъ житіи и веселіи* и др. пп. Для характеристики измѣнившихся воззрѣній, для характеристики нашего XIV—XV в. и XVII-го, особено любопытно сравнить древнерусскія сказанія эсхатологическаго характера, группирующіяся напр. около Посланія нов. арх. Василія „о раѣ“—съ названной сейчасъ „Повѣстью о бражникѣ“...

На почву стараго церковнаго повѣствованія довольно рано прокрадывается и пародія. Прежнія священныя темы, старые сюжеты дѣлаются предметомъ шутки, сатиры. Образцы этого рода имѣлись и въ переводной литературѣ; напр. *Сказаніе о блаженномъ Гроздіи и о осужденіи его*,—„пародія или на судопроизводство или на мученическое житіе“... Особенное значеніе въ этомъ отношеніи, нужно думать, имѣли различныя „смѣхотворныя“ повѣсти, „фацеціи“, переходившія къ намъ съ запада въ XVII в. „Эти разсказы могли приниматься охотно, потому что ихъ смѣхъ и сатира, не затрогивая глубокихъ вопросовъ, скользили на поверхности явленій, подлежащей практической жизненной оцѣнкѣ, такимъ нехитрымъ опредѣленіемъ, какъ умѣлость или неудачливость, ловкость

или тупость и т. п. Эти разсказы отвѣчали потребностямъ народнаго юмора, нерѣдко находившаго въ нихъ вновь свои собственные сюжеты, и не перечили установившимся нравственнымъ воззрѣніямъ, только замѣняя ихъ серьезный тонъ—тономъ шутки"...

Ранѣе другихъ особенно быстро возникаетъ здѣсь группа повѣствованій о мудрыхъ женахъ, „мудрыхъ", т. е. хитрыхъ, изворотливыхъ, — нерѣдко напоминавшія старыя темы „о женахъ злыхъ и злоязычныхъ и коварныхъ"... Таковы повѣсти *о женѣ, научившей медвѣдя грамотѣ*, — *о женѣ перелукавившей своего мужа*, — *о женѣ, обманувшей дьявола*,—*о томъ, какъ жена мужа поминала*, и т. п.

Къ области нашей свѣтской сатирической повѣсти XVI—XVII вѣковъ, отчасти еще связанной съ литературою переводной и областью литературы странствующихъ разказовъ, отчасти чисто русскаго происхожденія,—примыкаютъ далѣе такія произведенія нашей литературы этого времени, какъ—

Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался лещъ съ ершомъ о Ростовскомъ озерѣ и о рѣкахъ, или *Повѣсть сказуемаго Ерша Ершова, сына Щетинника и ябедника*,—

Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался волкъ съ лисицею,—

Челобитная монаховъ Калязина монастыря тверскому архіерею на архимандрита того монастыря [упоминаемый въ челобитной тверской архіепископъ Симеонъ былъ тверскимъ архіереемъ съ 1676 по 1682 гг.; около этого же времени управлялъ Калязинымъ монастыремъ и архимандритъ Гавріилъ],—

Списокъ съ челобитной (нач.: „Господину моему судьѣ-свиньѣ бьетъ челомъ и плачетца и за печь прячетца"...),—

Челобитная боярамъ,—

Роспись о приданномъ (нач.: „Въ началѣ восимь дворовъ крестьянскихъ, промежь лебеда, на старой Резани, ни доѣзжая Казани" и т. д.), —

Повѣсть о попѣ Савѣ, о великой его славѣ (нач.: „Послушайте, міряне и всѣ православныя христіане, что учинилось, великое чудо совершилось надъ глупымъ попомъ“...); за „повѣстью“ слѣдуютъ *Тропарь попа Савы гласъ 6*, далѣе *Сонъ попа Савы, большія славы*, и *Кондакъ попа Савы*,—

Сказаніе, какъ волка грамотѣ учили (нач.: „Ты волку молвишь: азъ да буки; а волкъ: козы да бараны“...),—

Какъ баба діавола обманула (нач.: „Баба нѣкая вдова, въ горѣ жила)“,—

Повѣсть о курѣ и о прекрасной лисицѣ (нач.: „Жилъ человѣкъ нѣки, жилъ долги вѣки“...),—

Слово о бражникѣ, како внидѣ въ рай,—

Повѣсть о Еремѣ съ Ѳомой и др п.п.

Замѣчательное собраніе всѣхъ перечисленныхъ сейчасъ произведеній представляетъ одна изъ рукописей бывш. б-ки акад. Буслаева, нынѣ И. Пуб. Б-ки, перв. четв. XVIII вѣка (№ 92).

Начавшая развиваться въ московской литературѣ XVI—XVII вѣковъ свѣтская оригинальная повѣсть въ своемъ содержаніи получаетъ около этого времени значительное подкрѣпленіе между прочимъ съ двухъ сторонъ,—со стороны старыхъ апокрифовъ, занимавшихъ такое выдающееся мѣсто во всей нашей древней письменности, и со стороны стоявшей до сихъ поръ совершенно изолированно отъ книжной литературы устной безыскуственной народной поэзіи. Старые апокрифы въ московской литературѣ XVI—XVII вѣковъ, забывая о своемъ прежнемъ, строго церковномъ характерѣ, нерѣдко превращаются въ народный разказъ, шутливую повѣсть, сказку... Таковы читаемыя въ рукописяхъ этого времени слѣдующія „сказанія“ и „повѣсти“:

Сказаніе о потопѣ и о Ноевѣ ковчегѣ и о столповѣ сотвореніи по потопѣ,—

Сказаніе вкратцѣ о Давидѣ пророцѣ, како царствова во Іерусалимѣ и отъ коего роду бысть,—

О премудрости Соломона и о прелюбодѣяніи жены его, како изведеся отъ Соломона къ Кипрскому царю,—

Повѣсть о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ и о ихъ премудрости,—

Повѣсть царя Давида и сына его Соломона,—

Сказаніе о царѣ Агеѣ,—

Царя Соломона, о плазивихъ женахъ и нѣкр. др.

Одновременно съ этимъ, какъ сейчасъ замѣчено, фактическое содержаніе возникающей повѣсти обогащается притокомъ произведеній устной безыскусственной поэзіи. Въ XVII в. мы видимъ уже довольно замѣтное взаимное вліяніе и взаимодѣйствіе между произведеніями книжной литературы и областью устнаго народнаго творчества. Книжная литература и теперь, какъ прежде, даетъ главную, преобладающую пищу народному творчеству; но теперь—и послѣднее начинаетъ, въ свою очередь, вліять на первую.... Въ повѣствовательную книжкую литературу входитъ струя устной народной поэзіи,—произведенія устнаго народнаго творчества начинаютъ проникать въ книжную литературу, сюжеты народной поэзіи дѣлаются сюжетами книжныхъ произведеній, перелагаются въ повѣствовательную форму, варіируются и записываются или цѣликомъ или передѣлываются, даютъ сюжеты для силлабическихъ виршей, въ книжную литературу входитъ масса народныхъ пословицъ, поговорокъ, различныхъ полу-книжныхъ, полу-народныхъ притчъ и т. д. и т. д. Нѣсколько драгоцѣнныхъ подобныхъ произведеній нашей книжной литературы XVI, XVII—нач. XVIII вв., отчасти еще неизданныхъ, имѣется въ упомянутомъ собраніи Буслаева, поступившемъ въ И. Пуб. Б-ку; отмѣтимъ *Былину о Ставрѣ Годиновичѣ, Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ, Сказаніе о седми русскихъ богатыряхъ* и др. пп.

IV.

14 мая 1649 года „указалъ государь царь и в. кн. Алексѣй Михайловичъ всея Русіи послати свою государеву грамоту въ Кіевъ къ митрополиту Сильвестру Коссову, чтобъ онъ, митрополитъ, ему, великому государю, послужилъ и его царскаго жалованья себѣ поискалъ, и учителей, божественнаго писанія вѣдущихъ и эллинскому языку навычныхъ, священника Арсенія да Дамаскина Птицкаго, прислалъ къ нему, великому государю, къ Москвѣ, для справки Библіи греческіе на словенскую рѣчь, на время. И по тому государеву указу, его государева грамота къ кіевскому митрополиту къ Сильвестру Коссову о томъ послана, и іюня въ 20 день писалъ къ государю царю и в. кн. Алексѣю Михайловичу кіев. митр. Сильвестръ Коссовъ—и прислалъ съ кіевскимъ старцемъ Ѳеодосіемъ учителей кіевскихъ, старцевъ Арсенія да Епифанія"... Присланные старцы были Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій. Приведенная грамота открываетъ передъ нами рядъ ближайшихъ, непосредственныхъ сношеній и вліяній юго-западной Руси на Московское Государство къ концу первой пол. XVII в.—въ сферѣ литературы и образованія.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ этихъ сношеній и вліяній, мы должны сдѣлать значительное отступленіе и остановиться на предварительной исторіи образованія и литературы въ юго-западной Руси въ концѣ XVI—пол. XVII вв.

---

28 іюня 1569 тода, въ Люблинѣ, на общемъ сеймѣ, въ присутствіи польскихъ сенаторовъ и короля Сигизмунда Августа, могущественнѣйшій представитель Литвы, Юрій Ходкевичъ, староста жмудскій, во главѣ другихъ литовско-рус-

скихъ депутатовъ, прибывшихъ на сеймъ, отъ имени всего литовско-русскаго народа говорилъ польскому государю: „Свѣтлѣйшій, милостивѣйшій король! Мы пришли сюда къ вашему величеству, чтобы покончить это дѣло (дѣло политическаго объединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшей). Мы соглашаемся на него, но съ великою болью и стѣсненіемъ сердца,—по приказу вашей королевской милости, повинуясь волѣ вашей. Какъ все это намъ больно, невозможно выразить того словами... Вѣдь мы обязаны нашему отечеству, какъ вѣрные сыны его, заботиться о его благѣ, на сколько есть у насъ силъ... Призываемъ во свидѣтели ваше королевское величество и все настоящее собраніе: отечество свое мы защищали здѣсь столько, сколько могли! Мы не въ силахъ довершить этой защиты, и пусть это будетъ приписано препятствіямъ, судьбѣ, временамъ... Мы должны уступить, и мы уступаемъ, ввѣряя наше дѣло милости вашего величества, какъ исполнителю законовъ и общему нашему государю... Благоволите, ваша королевская милость, такъ привести къ концу это дѣло, чтобы оно не было соединено съ нашею неволею или посрамленіемъ нашимъ или нашихъ потомковъ... Не допустите, ваше величество, посрамить насъ. Пусть этотъ актъ совершится такъ, чтобы на насъ не было ни одного пятна! Будьте сами, ваше величество, стражемъ и умирителемъ совершаемаго дѣла!.. Было бы очень больно намъ или внукамъ нашимъ, если бы пришлось вспоминать о сегодняшнихъ событіяхъ съ сожалѣніемъ, вмѣсто радости, или обвинять насъ, что мы не видѣли своей неволи... Мы уже доведены до того, что должны броситься съ униженной просьбой къ ногамъ вашей королевской милости („тутъ, замѣчаетъ современный актъ, всѣ съ плачемъ пали на колѣни")!.. Умоляемъ васъ, ради самого Бога, благоволите припомнить нашу службу, нашу вѣрность, кровь нашу, которую мы для твоей царской славы проливали! Благоволи такъ устроить насъ, чтобы это было для всѣхъ съ честію, а не съ униженіемъ,—съ со-

храненіемъ добраго имени нашего и твоей царской совѣсти"!!..
Недаромъ литовскіе депутаты на колѣняхъ взывали о милости къ польскому королю, не даромъ они соглашались на унію „съ великою болью и стѣсненіемъ сердца": совершившееся черезъ два дня послѣ этого событіе—люблинская унія 1569 года — надолго самымъ рѣшительнымъ образомъ измѣнила судьбы литовско-русскаго края. Юго-западная Русь, составлявшая дотолѣ самостоятельное Великое Княжество Литовское—съ этого момента была непосредственно присоединена къ Польшѣ.

Находясь подъ литовскими князьями, край этотъ по крайней мѣрѣ не утрачивалъ своей народности. Его языкъ былъ языкомъ государственнымъ, языкомъ княжескаго дома, языкомъ законодательства и управленія. Почти всѣ государственные акты и грамоты Великаго Княжества Литовскаго писались по русски; на русскомъ же языкѣ изданы были *Судебникъ* Казимира и *Литовскій Статутъ*. Въ „Статутѣ", даже прямо узаконялось: „Писарь земскій маетъ по русски, литерами и словы русскими, вси листы, выписы и позвы писати, а не иншымъ языкомъ и словы"... Но что еще важнѣе, уже съ XIV вѣка, русскій языкъ въ самой Литвѣ начиналъ дѣлаться языкомъ простонароднымъ, языкомъ всего литовскаго народонаселенія, какъ православнаго, такъ и католическаго. Андрей Василло, первый католическій епископъ въ Вильнѣ, вынужденъ былъ сознаться, что въ Литвѣ, и по введеніи въ ней католичества, продолжаетъ господствовать русскій языкъ и русская грамота; въ своемъ латинскомъ завѣщаніи онъ и самъ приводитъ нѣсколько русскихъ словъ, замѣчая, что это слова простонародныя... Литовско-русскій край продолжалъ оставаться политически назависимымъ отъ Польши: онъ имѣлъ отдѣльную территорію, особые органы законодательной, судебной и административной власти. Унія 1386 года имѣла значеніе лишь политическаго союза, какъ и понималась въ оффиціальныхъ актахъ XIV—XV вв. Русское населеніе,

представляя болѣе девяти десятыхъ всего количества народонаселенія, оставалось—и могло оставаться—православнымъ. Мало того; православное населеніе, какъ господствовашее по численности, начинало уже оказывать замѣтное вліяніе на населеніе литовское, въ собственной Литвѣ. Помимо языка, вліяніе это начинало сказываться и съ сферѣ религіозной. Въ литовской столицѣ, въ Вильнѣ, уже въ XV вѣкѣ половина жителей были православными. Православіе начинали исповѣдывать здѣсь не только въ низшей массѣ, гдѣ оно больше всего распространялось, но и въ высшихъ слояхъ, въ средѣ литовскихъ вельможъ и князей. Въ XIV—XV вв. сами литовскіе великіе князья нерѣдко переходили въ православіе. Вмѣстѣ съ этимъ, вліяніе проникало и другими путями. Весь общественный бытъ Литвы постепенно все болѣе и болѣе складывался подъ вліяніемъ русскимъ. Особенно этому способствовали весьма нерѣдкіе случаи родства литовскихъ князей съ русскимъ великокняжескимъ домомъ: этимъ путемъ русскіе вносили въ литовское общество свои общественныя понятія, нравы, обычаи. Литовцы учились у русскихъ военному искусству, умѣнью строить и защищать крѣпости, русскіе часто занимали у нихъ высшія общественныя должности, нерѣдко были правителями цѣлыхъ областей, и т. д. и т. д.

Уже Ягелло, актомъ соединенія Литвы и Польши, въ 1386 году, нанесъ сильный ударъ распространенію и упроченію русской народности въ Литвѣ; теперь, съ момента люблинской уніи 1569 года,—началось окончательное порабощеніе русскаго, православнаго, населенія польскимъ, католическимъ.

Господствуя оффиціально, Польша начинаетъ теперь открыто стремиться къ подавленію и уничтоженію въ присоединенномъ краѣ національной и религіозной самостоятельности. Поляки наводнили теперь Литву „якъ чорна хмара“,—по выраженію одной малорусской пѣсни; они чувствовали себя полными хозяевами, и дѣйствительно были ими. Литовскія долж-

ности быстро очутились въ рукахъ поляковъ. Въ силу договора, поляки могли имѣть теперь въ Литвѣ поземельную собственность, и не замедлили воспользоваться своимъ правомъ, явившись вскорѣ владѣтелями цѣлыхъ литовско-русскихъ областей. Имъ даже могло принадлежать право „патронатства" надъ мѣстными православными храмами и монастырями. Юго-западная Русь и Литва должны были теперь составлять съ Польшей одно государство,—имѣть единъ сенатъ, одни финансы, одно войско. Сеймы стали смѣшанными, и чаще стали бывать въ Польшѣ. Представители Литвы смѣшались съ представителями Польши. Два различныхъ народа, различныхъ по языку, вѣрѣ общественному строю, обычаямъ и симпатіямъ,—теперь, въ силу искусственно придуманныхъ обязательствъ, должны были превратиться въ одинъ народъ, нераздѣльный и единный. При этомъ само собою подразумѣвалось, что юридическая равноправность обоихъ государствъ должна быть фактической гегемоніей Польши...

Перевѣсъ, впрочемъ, долженъ былъ склониться и самъ собою на сторону болѣе культурную. Болѣе образованная, болѣе близкая къ западной Европѣ Польша не могла не охватить Литовскую Русь своимъ вліяніемъ. Послѣднее шло преимущественно черезъ высшіе слои, а за ними тянулось и среднее дворянство, быстро начавшее превращаться въ польскую шляхту. Превращеніе часто дѣлалось само собой: мелкое западно-русское дворянство, въ силу договора, уравнивалось съ польской шляхтой,—у этой шляхты ему приходилось теперь учиться своимъ новымъ правамъ, и тѣмъ самымъ незамѣтно для себя сближаться и сродняться съ новыми, польско-католическими, обычаями и нравами. Рядомъ съ всемогущей силою культуры, образованія, шло и подкупающее вліяніе простой внѣшности. „Русское дворянство изъ потребности просвѣщенія всѣми силами стало стараться быть похожимъ на польское. „Ляхъ" для русскаго сталъ существомъ высшимъ. Богатые паны, литовскіе и русскіе, завели у себя при дворахъ

цѣлые притоны для поляковъ-цивилизаторовъ... Въ домашней жизни, въ пріемахъ обращенія, въ нравахъ—все, составлявшее признаки русской старины, стало по теперешнимъ понятіямъ признакомъ грубости и невѣжества; все польское и западное—служило вывѣской образованности и хорошаго тона"... Вліяніе сказывалось, говоря характернымъ языкомъ Іоанна Вышенскаго,—„во многыхъ мисахъ, полмискахъ, приставкахъ чорныхъ и шарыхъ, чирвоныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ скляницахъ и келишковъ и винахъ мушкателахъ, малмазыяхъ, алякантахъ, ревулахъ, медахъ и пивахъ розмаитыхъ,—въ барилахъ зъ медами, барилкахъ зъ винами, шкатулахъ зъ фляшами, наполненными виномъ, малмазыею, зъ горѣлкою горкою дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ, валахахъ, дрыкгантахъ, ступакахъ, едноходникахъ,—колыскахъ, лектыкахъ, брожкахъ, карытахъ...—въ обиліи слугъ"... Старинныя русскія однорядки казались теперь безобразными, и быстро замѣнялись вычурными польскими нарядами, старинныя помѣщенія русскихъ пановъ также сдѣлались неудобными—ихъ стали замѣнять пышные палаццы, построенные и убранные во всевозможныхъ вкусахъ Польши и западной Европы"...

Вмѣстѣ съ вліяніемъ бытовымъ, шло вліяніе въ сферахъ нравственной и умственной. Половина и конецъ XVI вѣка было временемъ перелома въ умственной жизни Польши. Это было время,—когда „всѣ реформаторы, всѣ новаторы, преслѣдуемые за вольнодумство, религіозное или политическое, бѣжали въ Польшу и находили здѣсь себѣ спокойное пристанище и послѣдователей. Въ ничтожнѣйшихъ селеніяхъ и деревушкахъ основывались типографіи, которыя отпечатывали и пускали въ обращеніе несмѣтное количество книгъ и брошюръ, политическихъ, богословскихъ, научныхъ, полемическихъ"... Польша тянула къ западу и стремилась впитать въ себя и переработать по своему образованность романскихъ и нѣмецкихъ народовъ. Связанная политически съ Поль-

шей въ одно неразрывное цѣлое, Русь, въ лицѣ своего высшаго класса, должна была идти невольно за Польшей". Вліяніе польской образованности на литовско-русскую аристократію особенно облегчалось развившимся къ этому времени обычаемъ поѣздокъ молодыхъ людей въ западно-европейскія страны и долгаго пребыванія ихъ въ западно-европейскихъ университетахъ. Вліяніе было тѣмъ сильнѣе, что и дома, за отсутствіемъ собственныхъ средствъ къ образованію, приходилось или отдавать дѣтей въ іезуитскія польскія училища или держать домашнихъ учителей, также въ большинствѣ случаевъ поляковъ или іезуитовъ. Вмѣстѣ съ польскимъ и вообще иностраннымъ воспитаніемъ невольно являлась привязанность ко всему польскому, иностранному, и отчужденіе отъ своего роднаго, русскаго. Молодые литовско-русскіе аристократы, воспитанные поляками и іезуитами, долго странствовавшіе потомъ по западнымъ университетамъ, невольно разучивались въ своемъ родномъ языкѣ, дѣлались равнодушными къ родной вѣрѣ,—на все начинали глядѣть глазами своихъ воспитателей, во всемъ, что являлось особенностями русской жизни, начинали видѣть противоположность просвѣщенію, нѣчто такое, чего нужно не только избѣгать, но и стыдиться... „Очистите церковь отъ всякихъ прелестей и забобоновъ еретическихъ,—безъ пестроты, въ простотѣ сердца, Бога хвалѣте; латинскій смрадъ пѣсней изъ церкви ижденѣте, простою нашею пѣснію русскою поюще Бога благодарѣте... Еретичество и невѣріе всякое отъ себе отвержѣте. Иконное поклоненіе съ учтивостю почитайте, и въ домѣхъ, идѣже пребываете, образъ Матере Божія съ предвѣчнымъ ея Младенцемъ на стѣнахъ въ конци трапезы вашея пригвоздѣте. Крестомъ Христовымъ, до церкви пришедши, креститись,—не соромѣте. Або вѣмъ, нынѣ христіане Малыя Россіи всѣ поеретичѣли, яко креста Христова, славы своея соромѣются. И не толко въ церкви, але

и на трапезу сѣдаючи крестомъ знаменайте. Если бы и латина или еретики быти съ тобою ся прилучили, не соромѣйтеся... Иноческаго чину не поруговайте...; нынѣ вы помудрѣли, Бога отгнали и благочестіе стратили, и зъ иноческаго чина ся смѣете, и духомъ проклятаго дьявола хулите"—укоряетъ современниковъ Вышенскій. „Поеретичѣхомъ вси обиталницп Малой Россіи, жалуется онъ,—отъ Бога устранихомся далече, къ невѣрію и зло житіе припрягше... Русине! бывшій благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрецъ—съ ляхи живущій нынѣ одѣтинѣлъ еси, раздѣлился на папежника, евангелиста, нововыкрещенца... Отъ главы и до ногъ острупѣли есте,—отъ начальникъ, отъ священникъ и до простыхъ онечистѣли есте, осмраднѣли есте гноемъ міролюбія, образъ Божій огноили есте, нѣсть мѣста цѣлаго отъ грѣховнаго недуга,—все струпъ, все рана, все пухлина, все гнилство, все огнь пекельный, все болѣзнь, все грѣхъ, все неправда, все лукавство, все хитрость, все коварство"... Правда, Іоаннъ Вышенскій былъ слишкомъ суровый обличитель; но самая крайность обличеній, рѣзкость ихъ тона, не можетъ не свидѣтельствовать о силѣ новыхъ иноземныхъ вліяній въ средѣ западно-русскаго православнаго общества.

Всеохватившее вліяніе польской культуры особенно скоро сказалось на языкѣ. Русскій языкъ сталъ или замѣняться польскимъ или ощущалъ на себѣ со стороны послѣдняго столь сильное вліяніе, что дѣлался неузнаваемымъ. Въ концѣ XVI вѣка многіе русскіе Литовскаго Княжества по польски говорили и писали больше и охотнѣе, чѣмъ по русски. Въ частной перепискѣ чаще всего употребляли польскій языкъ, хотя нерѣдко польскія слова писали русской азбукой. Присланную отъ Курбскаго въ славянскомъ переводѣ бесѣду Іоанна Златоуста кн. Острожскій считаетъ—„лѣпшаго ради вырозумѣнія"—необходимымъ перевести на польскій языкъ. Во

времена Курбскаго въ Литовской Руси повидимому легче можно было найти человѣка, знающаго греческій или латинскій языкъ, чѣмъ знающаго языкъ славянскій; по крайней мѣрѣ, такое мнѣніе выражаетъ самъ Курбскій. Въ одномъ памятникѣ конца XVI в. читаемъ: „Ученіе святыхъ писаній зѣло оскудѣ, паче же словенскаго россійскаго языка,—вси человѣцы приложишася простому несъвершенному лядскому писанію, сего ради въ различныя ереси впадоша, не вѣдуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка". На тоже жалуется Іоаннъ Вышенскій. „Славянскій языкъ, пишетъ онъ въ одномъ изъ посланій, омерзѣлъ многимъ, его не любятъ и хулятъ... Славяно-русскій языкъ казался ничтожнымъ, бѣднымъ, въ сравненіи съ языкомъ польскимъ, и особенно латинскимъ, на которомъ писалась тогда вся научная литература. О литературѣ на славянскомъ языкѣ никто не говорилъ, да ее мало и знали... Писатели-католики указывали на бѣдность литературы на славянскомъ языкѣ, на плохое знаніе языка самими западно-русскими православными, и послѣдній упрекъ былъ не совсѣмъ не справедливъ. „Еще не было, писалъ въ своемъ сочиненіи *O jednośći kośćioła Bożego* Петръ Скарга,—на свѣтѣ академіи, гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, когда теперь никто не понимаетъ писаннаго на немъ? На этомъ языкѣ нѣтъ ни грамматики, ни риторики, да и быть не можетъ. Сами священники православные не понимаютъ теперь этого языка, и спрашиваютъ объясненій по польски. Благодаря славянскому языку, у православныхъ нѣтъ другихъ школъ, кромѣ самыхъ элементарныхъ, для обученія чтенію. Этимъ и ограничивается вся ихъ наука. Отсюда—общее невѣжество и заблужденія. Да и естественно: съ славянскимъ языкомъ выходитъ—слѣ-

пецъ слѣпца водитъ"... Въ виду этихъ нападковъ, вопросъ о славянскомъ языкѣ волновалъ многихъ и былъ предметомъ оживленной полемики. Западно-русскимъ православнымъ приходилось серьезно говорить о правѣ и славянскаго языка на существованіе, о его важности и необходимости. „Книги церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте", пишетъ Іоаннъ Вышенскій. „Што нѣкоторіе наши на словенскій языкъ хулять и не любять,—да знаешъ запевно, яко того майстра (дьявола) дѣйствомъ и рычаніемъ, духа его поднявши, то творять. А то для того дьяволъ на словенскій языкъ борьбу тую маетъ, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій: понеже безъ поганскихъ хистростей и руководствъ, се же есть граматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ.., простымъ прилежнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводитъ"... „Суть нѣцыи глаголюще, чесо ради словеньская письмена,—читаемъ въ *Сказаніи како состави св. Кириллъ Философъ азбуку славенску*, приложенномъ къ виленской грамматикѣ 1621 года—ни бо тѣхъ Богъ сътвори, ни ангелъ, ни суть законни, яго жидовская и елинская, иже отъ закона суть и пріятны Богомъ. И мнять таковіи, яко единемъ имъ сътвори Богъ письмена, и не вѣдятъ, что глаголютъ окаянніи, яко треми языки токмо Богъ повелѣ книгамъ быти, рѣша, яко же и въ евангеліи глаголется, иже бѣ титла написана на крестѣ Господни—еврейски и гречески и латински, а славеньски нѣсть ту; и того ради глаголютъ, не суть славеньскіи книги отъ Бога. Но что възъглаголемъ о тацѣмъ безумнымъ? обаче да речемъ къ нимъ отъ святого писанія, якоже научихомся, яко вся взможна суть отъ Бога, а не отъ инаго и ино, якоже и псалмистъ глаголетъ: Хвалѣте Господа вси языци, и похвалите его вси людіе, а не единымы треми письмены и языки, якоже они баснословятъ. Не сотвори Богъ жи-

довска языка прежде, ни еллинска, ни римска, но сиръскій, имъ же Адамъ глагола“... Другой современникъ, посвящая князю изданную имъ книгу и обращаясь къ нему, доказываетъ съ еще бо́льшей подробностью силу и ва́жность славянскаго языка: „Есть за́правды и то межи иншыми, непосполитая, ижъ ваша княж. милость прирожоный свой славенскій діалектъ або языкъ любишъ и выславуешъ, и силу его разумѣючи, радъ книги того діалекту читаешъ, и многихъ до читаня и коханья ся въ немъ побужати рачишъ. И слушне: маетъ бо вѣмъ языкъ славенскій таковую въ собѣ силу и зацность, же языку грецкому якобы природне съгласуетъ, и власности его съчиняется: и въ перекладъ свой приличне, и не яко природне онъ беретъ и пріймуетъ, въ подобныи спадки склоненій и съчиненія падаючи; венцъ, и найзвязнѣйшее сложное грецкое слово, подобнымъ такъже звязнымъ и сложнымъ по славенску выложити есть можно, чого иншимъ жаднымъ, а нѣ латинскимъ недоказати языкомъ: чого доводомъ есть, же латинскіи переводники таковыи слова, обширне зъ околичностями на свой прикладаютъ языкъ, многими околичностями ширити мусятъ. Отколь безпечнѣйшая есть рѣчъ и увѣреннѣйшая—философію и ѳеологію славенскимъ языкомъ писати изъ грецкого переводити, нежли латинскимъ: который оскудный есть, же такъ реку до трудныхъ, высокихъ и богословныхъ рѣчій недоволный: для того жь въ книгахъ латинскихъ барзо много словъ ся грецкихъ находитъ, и гдыбысмо зъ книгъ языка латинского хотѣли всѣ грецкіи выбрати слова, сталъ бы ся якъ единъ отъ иныхъ. И не дармо славный и мудрый вѣковъ нашыхъ политикъ и историкъ глубокій, въ книзѣ подъ именемъ Мачузского выданой, языкъ латинскій до ученой конскои едноходы, а грецкій до прироженой ровнаетъ. Зъ вѣку заисте той славенскій языкъ есть знаменитъ, которого Іафетъ и его поколѣнье уживало: широко и далеко ся ростягалъ и славный былъ: для чого

от славы славенским назвапый есть: зажъ бо вѣмъ не славный есть, гды отъ заходу Бѣлого моря и венецкихъ и рымскихъ ся тыкаетъ границъ, а отъ полудня з Грецією въ сусѣдствѣ и въ братерствѣ живетъ; на всходъ зась солнца надъ Чорнымъ морем до Персіи притягаетъ, а у Ледоватого моря ся опираетъ на полночь з нѣмцами, и которыи учасноцтво зъ ними маютъ, отпирается. Не погоржали тымъ языкомъ славенскимъ и царскіи и кролевскіи дворы, мѣлъ заисте у нихъ свою знаменитую повагу. Припомню домовыи приклады. Меховита, историкъ польскихъ дѣевъ, пишетъ, ижъ кролевая Ядвига читовала Библію славенскую, и до вырозумѣнья ей мѣла выклады отцевъ святыхъ славенскимъ языкомъ, который зъ Библією читала. Другій прикладъ: за Казимира кроля въ Краковѣ друковано по славенску книги вѣры и набоженства такого, яковое мы по сіи дни ведлугъ чину церкве Всходней заховуемо" [„Посвят. предмова" Захарія Копыстенскаго, къ Бесѣдамъ І. Златоуста, Кіевъ, 1623]...

Самымъ роковымъ образомъ вліяніе люблинской уніи сказалось въ сферѣ религіозной. Политическая унія въ Люблинѣ привела къ религіозной уніи въ Брестѣ (1596). Съ внѣшней, фактической стороны актъ люблинскаго „единенія" поставилъ православную церковь въ ново-объединенномъ государствѣ въ крайне ложное положеніе: актъ этотъ, окончательно передавая польско-литовскимъ королямъ-католикамъ право патронатства надъ западно-русскою церковью, тѣмъ самымъ давалъ имъ въ руки могущественнѣйшее средство для быстраго внутренняго ея обезсиленія; съ другой стороны—и это самое главное—унія открыла въ Литву широкую дорогу іезуитамъ, которыхъ польское правительство пригласило сюда въ томъ же 1569 году, спустя лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ люблинскаго акта, и борьба съ которыми для мѣстной православной церкви была тѣмъ труднѣе, что она

какъ разъ передъ этимъ понесла сильныя потери отъ нахлынувшаго протестантства...

Уже со времени объединенія въ 1386 году, а теперь, послѣ 1569 года, несравненно въ еще бо́льшей степени,—литовско-русское православіе, господствующее de jure, de facto являлось вѣроисповѣданіемъ лишь терпимымъ. Польское правительство продолжало и теперь, какъ прежде, дѣйствовать въ отношеніи къ нему крайне двулично. И послѣ люблинской уніи польскіе короли очень хорошо видѣли, что ихъ Великое Княжество Литовское не столько собственно литовское, сколько русское, что русское населеніе въ немъ господствующее, что населеніе это предано своей исконной вѣрѣ, православію, что языкъ княжества въ массѣ—языкъ русскій, что и въ высшихъ слояхъ общества—при всѣхъ успѣхахъ здѣсь полонизаціи—есть еще много знатныхъ русскихъ фамилій, владѣющихъ громадными поземельными имуществами, еще свѣжо чувствующіе свою кровную связь съ Москвой, и представители которыхъ, въ случаѣ чего, легко могутъ со всѣми своими владѣніями отойти къ великому князю Московскому, который, конечно, не откажетъ своимъ единовѣрцамъ въ покровительствѣ и защитѣ... Эти и подобныя соображенія заставляли польскихъ королей иногда относиться съ наружнымъ расположеніемъ къ православному населенію края. При вступленіи на престолъ, каждый король обыкновенно давалъ торжественныя клятвы сохранять всѣ „права и привиллегіи“ православныхъ; нерѣдко издавались подобныя постановленія и послѣ, во время правленія... Но то, что дѣлалось въ этомъ отношеніи одной рукой, тутъ же разрушалось другой. И личныя католическія симпатіи и болѣе отдаленныя политическія соображенія заставляли польско-литовскихъ правителей въ душѣ сочувствовать иному, и на дѣлѣ стараться проводить другую политику. Православіе въ Литовской Руси являлось если не единственнымъ, то самымъ главнымъ препятствіемъ къ осуществленію исконной цѣли Польши

въ отношеніи къ литовско-русскому краю—„ополяченію его посредствомъ католицизма"... Отсюда, рядомъ съ постоянными на бумагѣ заявленіями о совершенной полноправности православныхъ, шло систематическое подавленіе западно-русскаго православія на дѣлѣ. Рядомъ съ грамотами, благопріятными для православныхъ, тутъ же издавались постановленія, совершенно имъ враждебныя: то православные лишались права занимать высшія должности въ государствѣ, то имъ запрещали строить и даже возобновлять свои церкви, или же церкви эти прямо отнимались у нихъ и передались католикамъ, то ихъ лишали исконнаго права отправлять торжественно свои церковныя службы и праздники, то вдругъ самое вѣроисповѣданіе православное въ оффиціальныхъ бумагахъ являлось „схизмою", а православныя церкви „синагогами", или, наконецъ, православные подвергались прямымъ полицейскимъ преслѣдованіямъ и насиліямъ...

Практиковать въ отношеніи къ мѣстному православію свою двуличную политику польско-литовскимъ королямъ особенно легко было благодаря принадлежавшему имъ праву патронатства надъ западно-русскою церковью,—праву короля раздавать по своему усмотрѣнію мѣстныя православныя епископіи, монастыри и церкви.

Въ западно-русскихъ областяхъ прихожане издавна принимали значительное участіе въ дѣлахъ своего прихода. Избраніе, напр., епископа здѣсь издавна совершалось не такъ, какъ въ Москвѣ, не соборомъ окружныхъ епископовъ, при согласіи великаго князя, а королемъ съ духовенствомъ, дворянствомъ и всѣмъ „людствомъ" той епархіи, куда назначался епископъ. Мало по малу участіе мірянъ и духовенства стало стушевываться, и назначеніе епархіальнаго архіерея исключительно сосредоточилось въ рукахъ короля. Понятно, ка́къ должны были пользоваться такимъ важнымъ правомъ короли-католики. Духовныя мѣста стали считаться наградами за гражданскія или военныя заслуги. Интересы самой церкви

были для королей совершенно чужды; напротивъ, заднія политическія соображенія должны были заставлять ихъ поступать въ такомъ случаѣ прямо во вредъ этимъ интересамъ. Злоупотребленія явились вопіющія. „Въ епископы и настоятели монастырей избираемы были бо́льшею частію лица свѣтскія изъ дворянскихъ фамилій, не приготовленныя къ исполненію высокихъ іерархическихъ обязанностей. Ихъ привлекали богатыя церковныя имѣнія, пожалованныя епископіямъ и монастырямъ древними князьями русскими, великими князьями литовскими и другими лицами, для благоустройства церквей, для устройства школъ и богадѣленъ... Еще при жизни престарѣлыхъ епископовъ, шляхтичи знатныхъ фамилій, желавшіе захватить въ свои руки церковныя имѣнья, отправлялись къ королю, упрашивали сенаторовъ, платили деньги—и получали право вступить въ управленіе епархіею по смерти престарѣлаго епископа. До посвященія въ епископскій санъ, они назывались „нареченными епископами"... Также точно и богатые монастыри, по волѣ короля и по ходатайству сенаторовъ, раздавались въ управленіе свѣтскимъ лицамъ шляхетскаго сословія. Шляхтичъ, получившій отъ короля жалованную грамоту на епископію, могъ передать свое право другому лицу, получивъ за то достаточное вознагражденіе. Иногда право на епископію король предоставлялъ двумъ лицамъ въ одно и то же время. Въ такомъ случаѣ споръ между „нареченными епископами" обращался въ открытую войну. Они набирали толпу вооруженныхъ людей и силой овладѣвали епископскою резиденціею и церковными имѣніями, употребляя при этомъ пушки, гаковницы и другое огнестрѣльное оружіе... Нареченные епископы по нѣскольку лѣтъ управляли епархіями, оставаясь въ свѣтскомъ званіи; но и посвятившись въ епископскій санъ, продолжали вести безпорядочную, буйную жизнь, которою отличалась тогда бо́льшая часть польской шляхты. Имѣя въ услуженіи отряды гайдуковъ и другихъ ратныхъ людей, они позволяли себѣ самоуп-

равство и лично участвовали въ разбояхъ, грабежахъ и наѣздахъ, нарушая законы и пренебрегая королевскими повелѣніями"... Подобно этому игуменами въ монастыряхъ часто бывали не монахи, а міряне, которые брали монастырь въ арендное пользованіе, управляли всѣми монастырскими вотчинами, совсѣмъ не думая принимать монашество, да и по закону это было для нихъ не обязательно... Такъ безцеремонно пользовались правомъ патронатства польскіе короли, а примѣру короля слѣдовали и другіе болѣе мелкіе патронаты-католики, князья и паны, также имѣвшіе въ своихъ помѣстьяхъ православные монастыри и церкви. Такой порядокъ вещей въ корнѣ подтачивалъ православную западнорусскую церковь, уничтожая въ ней самое главное—церковную іерархію...

Къ концу XVI вѣка передъ нами—дѣйствительно со всѣхъ сторонъ жалобы, отъ лица самихъ западной-русскихъ православныхъ, на ихъ современную церковную іерархію. Въ 1580 году, въ *предисловіи* въ Библіи, кн. К. К. Острожскій пишетъ: „Видѣхъ церковь Христову, честною кровію Его искупленную, отовсюду враги противящимися попирасму и нещадными волки, пришедшими въ міръ, безъ милосердія пожираему... Кто бо есть отъ благодарныхъ и благоразумныхъ, его же не подвиже жалость, зряще ветхость церкви Христовы, на паденіе клонящуся, или кто не смирится и не смутится, видя виноградъ, Богомъ насажденный, его же объимаютъ вси мимоходящіи путемъ, разоренія ради оплотовъ его?.. Различныя супостати и многообразныя лукавства обстоятъ ны"... Какъ относились къ нуждамъ мѣстной православной церкви ея „оплоты", можно видѣть изъ *посланія галицко-русскихъ дворянъ* къ кіевскому митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ въ 1585 году. Упомянувъ о насиліяхъ и притѣсненіяхъ право-

славнымъ въ Львовѣ отъ католиковъ, дворяне продолжаютъ: „А что сказать о поруганіи св. крестовъ, объ отобраніи колоколовъ въ замокъ и отдачѣ ихъ жидамъ? И ты еще самъ даешь открытые листы на помощь жидамъ противъ церкви Божіей, къ потѣхѣ ихъ и къ большему поруганію нашего св. закона... Какія при томъ совершаются опустошенія церквей! Изъ церквей дѣлаются іезуитскіе костелы...; въ честныхъ монастыряхъ, вмѣсто игуменовъ и братій, живутъ игумены съ женами и дѣтьми. Изъ того, что отдано въ честь и хвалу Богу, совершаютъ святокрадства, дѣлаютъ себѣ пояса, ложки, злочестивые сосуды для своихъ похотей, изъ ризъ дѣлаютъ саяны, изъ епитрахилей брамы... Въ великій епископскій санъ возводятся люди негодные, которые, къ поруганію св. закона, на епископскомъ сѣдалищѣ живутъ безъ всякаго стыда, съ женами и дѣтей рождаютъ. И множество иныхъ и иныхъ великихъ бѣдъ и нестроеній, о чемъ мы къ сожалѣнію теперь писать не можемъ. Епископовъ наставилось много, по два на каждую каѳедру, оттого и порядокъ сгибъ... Бога ради осмотрись, вспомни святыхъ твоихъ предмѣстниковъ, митрополитовъ кіевскихъ, и возревнуй ихъ благочестію... Намъ жаль души твоей... Даемъ знать твоей милости—прибавляютъ въ заключеніе дворяне: архіепископія кіевская (Кіево-софійскій соборъ), сущая нынѣ подъ твоею властью, отдана нѣкоему еретику жолнеру, а архимандритія уневская обѣщана такому же“... Или вотъ что писали, спустя семь лѣтъ, въ 1592 году, львовскіе братчики константинопольскому патріарху Іереміи: жалуясь на притѣсненія отъ мѣстнаго епископа Гедеона [...„непрестанными бѣдами томитъ насъ, между всякими чиновными людьми оклеветалъ насъ,—мы не можемъ соорудить ни церкви, ни школы, какъ бы слѣдовало, и отпустили нашихъ дидаскаловъ, Кирилла въ Вильну, Лаврентія въ Брестъ, а другіе разошлись по другимъ мѣстамъ и только Стефанъ остался здѣсь“...], указывая далѣе на недостойную

жизнь другихъ православныхъ епископовъ [...„епископъ холмскій и пинскій живутъ съ женами, еще и перемышльскій епископъ съ женою на епископство возведенъ“...],—братчики пишутъ: „Церковь сильно смущается; люди сановитые, впавшіе въ разныя ереси и хотѣвшіе возвратиться къ своему правовѣрію, нынѣ отказываются отъ того, порицая церковное безчиніе, а всѣ люди единогласно говорятъ: „если не исправится въ церкви беззаконіе, то въ конецъ разойдемся, отступимъ подъ римское послушаніе и будемъ жить въ безмятежномъ покоѣ“... „Да вѣдаетъ твоя святыня, продолжаютъ взывать братчики во второмъ своемъ посланіи къ патріарху, отправленномъ вслѣдъ за первымъ, въ томъ же 1592 году,—что у насъ такъ называемые святители поистинѣ сквернители, обѣщавшись иночествовать, живутъ невозбранно съ женами..., другіе прижили дѣтей съ блудницами. Если таковы святители, то какимъ же быть священникамъ?... Епископы расхитили себѣ архимандритства и игуменства, ввели въ монастыри своихъ родственниковъ и мірскихъ урядниковъ, истощили всѣ церковныя имѣнія и испразднили иночество... Церковь наша православная является исполненною всякаго зловѣрія, и люди смущаются недоумѣніемъ, не настаетъ ли время погибели. Многіе утвердили совѣтъ предаться римскому единоначальному архірейству и пребывать подъ папою римскимъ... Власть мірская потрясла всѣ наши города, и готовятся совершить по своему хотѣнію. Народъ же разсуждаетъ, что вѣра Христова можетъ правовѣрно исповѣдываться и подъ римскою властью, какъ было изначала: потому что въ многоначаліи нашемъ—безначаліе обрѣтается, отеческіе законы попраны и ложь лицемѣрствующихъ православіемъ учителей покрыла церковь“... „Не стало у насъ учителей, не стало проповѣди слова Божія, не стало науки“, пишетъ кн. К. К. Острожскій къ Ип. Поцѣю въ 1593 году, наканунѣ брестской

уніи: „пришло наконецъ на насъ то, что у насъ не остается ничего, чѣмъ бы мы могли утѣшиться въ нашемъ законѣ. Слѣдуетъ намъ сказать словами пророка: кто дастъ главѣ нашей воду и очесамъ нашимъ источникъ слезъ—чтобы мы могли оплакивать день и ночь обнищаніе и упадокъ нашей вѣры и закона? Все ниспроверглось и упало, со всѣхъ сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если не будемъ заботиться, Богъ вѣсть, что съ нами будетъ"... Припомнимъ также свидѣтельство *Перестроги,* западно-русскаго памятника 1600—1605 г.: „Наступовали на столицѣ митрополитове и епископове неискуссные, не такіе, якіе исперва бывали..., лѣнивые и недобрые настали, и зъ ними порядки церковные у забвеніе пришли. Книги тые, що еще ихъ позостало, порохомъ припали и все набоженство пришло ко взгордѣ, такъ ижъ не тылько шляхецкого, але и простого люде стану у иновѣрство и отщепенство приходили, отъ духовныхъ соблазнени будучи"... „Чтожъ за чюдо, говоритъ другой современникъ, ижъ и нынѣ отъ православные вѣры [міролюбцы и роскошници свѣта сего] до матере прелести [самолюбія и тѣлоугодія] отпадаютъ и отступаютъ. Не дивуйся тому и не соблажняйся, возлюбленный брате, было то прежде, есть и будетъ; а до того правду хотячи почтити, а похлебству мѣсце не дати, нѣстъ у нашее русскимъ и въ дружествѣ стояти, и нѣсть отъ кого пользовати, и не чюдо что и вси не отступятъ. А то яко, и для чего?—для того: словесныхъ пастыревъ никакоже обрѣсти нѣсть, точію по бруху и самолюбію"... Извѣстно, что во время брестской уніи (1596) только два епископа остались вѣрными православію: львовскій, Гедеонъ Балабанъ, и перемышльскій, Михаилъ Копыстенскій... Западно-русская православная іерархія и въ XVII в. чаще всего дѣйствовала въ видахъ уніи. „Слышу отъ благочестивыхъ духовныхъ и мірскихъ, писалъ въ Москву изо Львова московскій посолъ Тяпкинъ въ 1675 г.,—что ихъ владыки здѣсь только ман-

тіей благочестивой вѣры восточной украшаются, внутри же тяжки св. церкви, какъ волки, и больше римскому костелу похлебствуютъ, чѣмъ церкви Божіи защищаютъ"...

Какъ разъ около этого времени западно-русское православіе стало нести большія потери въ борьбѣ съ протестантствомъ, а съ момента люблинской уніи, еще съ другимъ, несравненно болѣе хитрымъ и могущественнымъ врагомъ—іезуитами.

Въ Польшѣ и Литвѣ протестантство сдѣлалось извѣстнымъ очень рано, въ самое первое время его появленія въ западной Европѣ. И географическая близость къ протестантскимъ странамъ и международныя сношенія и политическія условія — все способствовало здѣсь успѣху протестантства. Особенно „открытымъ и почти беззащитнымъ полемъ" для дѣйствія протестантства была юго-западная Русь. У Польши и Литвы издавна были частыя и разнообразныя сношенія съ западной Европой. Кромѣ того, въ XV—XVI вв. польская и литовско-русская аристократическая молодежь свои молодые годы обыкновенно проводила въ западныхъ университетахъ, и, конечно, не могла здѣсь не знакомиться съ новыми протестанскими идеями. Въ періодъ этой продолжительной жизни въ молодости за границей, чаще всего, вѣроятно, и полагались зародыши будущаго религіознаго индифферентизма, который такъ скоро сталъ обнаруживаться въ литовско-русской аристократіи, дѣлая для нее вопросомъ весьма нетруднымъ, легко рѣшаемымъ, и переходъ въ протестанство и переходъ въ католичество и самый вопросъ объ уніи... Протестанство, впрочемъ, шло въ Литву и юго-западную Русь и другимъ путемъ: въ польскихъ и литовско-русскихъ городахъ издавна было очень много нѣмцевъ-колонистовъ; въ XIV—XV вв. ихъ

можно было встрѣтить во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Польши и западной Руси. Между этими нѣмцами-переселенцами, кажется, раньше всего и стало распространяться протестантство. Какъ бы то ни было, сдѣлавшись рано извѣстнымъ, протестантство быстро стало пріобрѣтать себѣ послѣдователей въ польскомъ и литовско-русскомъ обществѣ. Сочиненія Лютера, Меланхтона, Кальвина и въ польскихъ и литовско-русскихъ областяхъ расходились во множествѣ. Уже въ 1520 году и свѣтская и духовная власти въ Польшѣ начинаютъ запрещать эти сочиненія; запрещенія повторяются въ 1523, 1530 и 1532 гг. Въ королевскихъ указахъ, полякамъ—подъ страхомъ конфискаціи имущества и вѣчнаго изгнанія изъ отечества—запрещалось „ввозить, продавать и употреблять книги Лютера". Въ 1541 году вышло даже болѣе рѣшительное постановленіе: польскимъ молодымъ людямъ запрещалось ѣздить для образованія въ Германію, а равно и приглашать изъ Германіи учителей въ Польшу; вмѣстѣ съ этимъ—всѣхъ, кто заразился какою-либо ересью, предписывалось „лишать дворянства и наказывать, какъ виновниковъ въ оскорбленіи величества и измѣнѣ отечеству"...

Очень скоро указы, изданные сначала только для Польши, пришлось распространить и на Литовскую Русь. Въ литовско-русскомъ обществѣ, протестанство распространялось кажется, еще быстрѣе, чѣмъ въ Польшѣ. Распространенію здѣсь протестантскихъ идей больше всего помогъ самъ Сигизмундъ Августъ, съ 1544 года избранный литовскимъ великимъ княземъ. Воспитанный въ идеяхъ протестантства, новый князь, переселившись въ Вильну, не скрывалъ своихъ симпатій къ этимъ идеямъ. Онъ окружилъ себя здѣсь лицами свободнаго образа мыслей; изъ его собственной библіотеки раздавались публикѣ для чтенія сочиненія Лютера, Кальвина и другихъ реформаторовъ; его придворные проповѣдники открыто проповѣдывали реформатскія идеи, несмотря

на угрозы и противодѣйствія со стороны вѣрныхъ католиковъ Ставши позднѣе (съ 1548 года) польскимъ королемъ, Сигизмундъ, по политическимъ соображеніямъ, долженъ былъ перемѣнить значительно свое отношеніе къ религіознымъ вопросамъ въ самой Польшѣ, но въ юго-западной Руси онъ попрежнему продолжалъ покровительствовать протестантству. Очень много способствовали распространенію въ Литвѣ протестантства также нѣкоторые богатые представители литовско-русской аристократіи, какъ кн. Николай Радзивиллъ Черный, кн. Николай Радзивиллъ Рыжій и богатый магнатъ Янъ Кишка. Это были представители самыхъ богатыхъ литовскихъ фамилій, пользовавшихся огромнымъ вліяніемъ и въ обществѣ и при дворѣ,—и всѣ свои громадныя матеріальныя средства, все свое общественное вліяніе они отдали на распространеніе принятыхъ ими идей... Радзивиллы были послѣдователями протестантства въ формѣ кальвинизма, Янъ Кишка—въ формѣ крайнихъ сектъ социніанства. Въ своихъ многочисленныхъ помѣстьяхъ названныя лица основывали школы, заводили типографіи, строили протестантскія церкви, собирали ученыхъ для перевода протестантскихъ книгъ на литовскій и русскій языки—словомъ, принимали всѣ мѣры для усиленія и развитія протестантской пропаганды среди литовско-русскаго православнаго населенія... Результаты этихъ усилій были огромны. На первыхъ порахъ протестантство особенно распространялось въ средѣ католиковъ. Почти все католическое дворянство края измѣнило своей родной вѣрѣ. Католическіе священники остались безъ паствъ, цѣлые католическіе приходы переходили въ протестанство... Скоро, вслѣдъ за католиками, пришла очередь и православныхъ. Новыя идеи распространялись преимущественно въ высшихъ классахъ православнаго населенія, пріобрѣтая себѣ послѣдователей здѣсь цѣлыми массами. Къ 1596 году въ одномъ новогродскомъ воеводствѣ (въ епархіи, которою непосредственно завѣдывалъ

самъ митрополитъ), протестантами отнято было до 650 православныхъ церквей, и изъ 600 дворянскихъ домовъ, считавшихся раньше православными—только 16 домовъ остались вѣрными православію! Остальные перешли въ протестантство, именно въ крайнія секты социніанства,—послѣдователями которыхъ православные являлись преимущественно передъ другими формами протестанскихъ идей... „Мало не вся заражена язвой аріанского ученія"—замѣчаетъ между прочимъ Курбскій о Волынѣ, гдѣ онъ проживалъ съ 1564 по 1586 гг...

Несмотря однако на весь вредъ, сдѣланный западно-русскому православію протестанствомъ, вредъ этотъ былъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ было сдѣлано въ этомъ отшеніи вслѣдъ явившимися сюда іезуитами.

Въ Вильну, какъ мы замѣтили, іезуиты были призваны въ томъ же 1569 году, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ люблинской уніи.

Сильнѣйшимъ средствомъ пропаганды въ рукахъ іезуитовъ всегда было воспитаніе. Вездѣ первымъ ихъ дѣломъ было заведеніе училищъ, коллегіумовъ, академій, съ цѣлью воспитанія въ нихъ молодого поколѣнія въ духѣ католичества... „Устройство іезуитскихъ школъ—говоритъ о ихъ внутреннемъ строѣ Спасовичъ—представляло примѣръ неслыханной нигдѣ до тѣхъ поръ централизаціи. Онѣ были устроены однообразно, малѣйшее отступленіе отъ общаго плана требовало особаго разрѣшенія пребывающаго въ Римѣ и облеченнаго диктаторскою властью генерала ордена. Преподаваніе было въ полномъ смыслѣ слова космополитическое, внѣ всѣхъ условій мѣста и времени, вполнѣ подчиненное одной только идеѣ всемірнаго господства римско-католической церкви,—одно и то же въ Италіи, Испаніи, Австріи и Польшѣ; какимъ оно было задумано основателемъ іезуитской педагогики и сподвижникомъ Лойолы, Петромъ Канизі-

емъ. такимъ почти и оставалось до паденія ордена. Оно пренебрегало народною мѣстною литературою и новѣйшей исторію, науками общественными и естествознаніемъ. Главнымъ предметомъ его заботы былъ языкъ римско-католической церви, языкъ латинскій, и римская литература, тщательно очищенная отъ всякихъ идей, несогласныхъ съ церковной ортодоксіей,—всѣ классики изучаемы были по такъ называемымъ editiones castigatae. Ученикъ изучалъ въ двухъ низшихъ классахъ [infima и grammatica] основанія латинскаго языка по знаменитому учебнику іезуита Альвара; въ 3-мъ классѣ [syntaxis] оканчивалъ грамматику, въ 4-мъ [poësis] выучивался свободно читать и понимать труднѣйшихъ прозаиковъ [въ особенности Цицерона] и поэтовъ латинскихъ; въ 5-мъ классѣ [rhetorica] былъ занятъ теоріей краснорѣчія, вспомогательными науками и упражненіями въ стилистикѣ. Сверхъ этихъ пяти классовъ, при нѣкоторыхъ важнѣйшихъ коллегіяхъ состояли еще два высшіе курса: философскій [философія преподавалась преимущественно по Аристотелю] и богословскій, въ которомъ господствовалъ авторитетъ св. Ѳомы Аквината"...

На другой же годъ своего прибытія въ Литву, іезуиты открыли въ Вильнѣ коллегіумъ и при немъ низшую школу. Наставники-іезуиты съумѣли очень скоро привлечь къ себѣ мѣстное населеніе. Ихъ школа быстро стала наполняться учениками, всѣ видѣли блестящіе успѣхи ихъ учениковъ, особенно въ латинскомъ языкѣ; къ тому же дѣтей бѣдныхъ родителей іезуиты принимали къ себѣ даромъ. Скоро въ ихъ школу стали присылать своихъ дѣтей и православные, чего, разумѣется, особенно и добивались іезуиты. Театральныя представленія, публично даваемыя учениками въ іезуитской школѣ, различныя религіозныя процессіи, въ которыхъ ученики, одѣтые въ соотвѣтственные костюмы, изображали апостоловъ, пророковъ, ангеловъ и т. д., одинаково восхищали и учениковъ и ихъ родителей, и быстро распространяли популярность

новыхъ преподавателей... Вотъ напр. программа одного религіознаго празднества, устроеннаго іезуитами въ Вильнѣ: Торжественная процессія съ хоругвью св. Казимира шла черезъ городъ, останавливаясь на всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ. У Рудницкихъ воротъ, устроенныхъ въ видѣ исполинской птицы, явилась женщина въ глубокомъ траурѣ, изображавшая городъ Вильно [который страдалъ отъ частой заразы]; женщина утѣшаетъ себя тѣмъ, что послѣ канонизаціи св. Казимира она получитъ въ небѣ надежнаго ходатая и защитника. Два ангела съ лиліями въ рукахъ возвѣщаютъ ей, что надежды ея исполнились и что канонизація совершилась. Тогда женщина-Вильно мгновенно преображается въ царицу съ багряницей, короною и скипетромъ, садится въ колесницу и направляется въ городъ, предшествуемая Славой, держащею въ рукахъ золотую трубу. Близъ ратуши путь ея загораживается огромнымъ картоннымъ замкомъ съ высокими башнями. Четыре ангела и четыре добродѣтели: Мужество, Умѣренность, Расторопность и Справедливость, ведутъ между собою передъ замкомъ разговоръ, послѣ котораго замокъ загорается и исчезаетъ среди пламени, шума и ружейныхъ выстрѣловъ. Предъ академическою церковью св. Яна, предшествующая кортежу Слава зоветъ академію, чтобы она приняла участіе въ празднествѣ. Является академія, сопровождаемая богословіею, филологіею, грамматикою, наконецъ девятью музами, покинувшими Олимпъ и поселившимися на берегахъ Виліи. Послѣднюю часть празднества составлялъ діалогъ, въ которомъ участвовало семь юношей, олицетворявшихъ семь главныхъ виленскихъ церквей, и т. д... Рядомъ съ школой, шли своей очередью другія средства пропаганды,—въ видѣ церковныхъ братствъ, публичныхъ диспутовъ, богослуженія, проповѣди. Проповѣдь была непрерывна. Каждый день, утромъ и вечеромъ; она раздавалась въ іезуит-

скомъ костелѣ на четырехъ языкахъ: польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ, при чемъ проповѣдниками являлись такіе блестящіе ораторы, какъ Станиславъ Варшевицкій, первый ректоръ виленскаго іезуитскаго коллегіума, Петръ Скарга, вскорѣ прибывшій въ Вильну и быстро пріобрѣвшій извѣстность своимъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, и др. Вліяніе іезуитскихъ проповѣдей было иногда до того сильно, что весь народъ въ церкви рыдалъ.

Свою дѣятельность іезуиты скоро перенесли и въ другіе пункты юго-западной Руси. Покровительство новаго польскаго короля, Стефана Баторія, особенно помогло имъ въ этомъ. Въ 1578 году, королевской грамотой виленскій іезуитскій коллегіумъ былъ преобразованъ въ академію, а въ 1579 г. новая академія вполнѣ была уравнена въ правахъ съ академіей краковской. Въ томъ же году, взявши Полоцкъ, Баторій, въ благодарность іезуитамъ, сопровождавшимъ его въ походѣ, основалъ здѣсь для нихъ новую коллегію и костелъ, и отдалъ въ полное ихъ распоряженіе всѣ мѣстныя православныя церкви и монастыри, а также принадлежавшія последнимъ владѣнія,—отдалъ затѣмъ, чтобы іезуиты устроили семинарію для воспитанія юношества, распространяли въ „схизматическихъ странахъ" католическую вѣру, основывали приходы... И іезуиты тотчасъ же открыли въ Полоцкѣ семинарію, которая быстро наполнилась учениками, въ томъ числѣ и православными. Въ 1582 году такая же семинарія была открыта Стефаномъ Баторіемъ для іезуитовъ въ Ригѣ, и при ней низшая школа. Въ 1585 г. новая іезуитская семинарія основана была въ Несвижѣ, на средства малолѣтняго наслѣдника князей Радзивилловъ, кн. Николая Христофора Радзивилла, обращеннаго изъ протестантства въ католичество. Кромѣ того, уже съ 1571 года существовала еще одна іезуитская коллегія въ Ярославѣ, въ Галиціи—въ мѣстности съ сплошнымъ русскимъ населеніемъ...

Въ противовѣсъ существовавшимъ издавна въ краѣ православнымъ церковнымъ братствамъ, іезуиты основывали таковыя же собственныя. Такъ въ 1573 году въ Вильнѣ, по мысли Петра Скарги, было учреждено католическое братство св. тѣла Господня; своими блестящими театральными торжествами и процессіями братство это сильно привлекало къ себѣ окружающее населеніе.

Одновременно со всѣмъ этимъ, іезуиты обратились еще къ одному средству пропаганды, оказавшемуся особенно могущественнымъ—къ литературной полемикѣ.

Энергичная пропаганда іезуитовъ очень скоро начала приносить плоды. Прежде всего іезуиты поколебали протестантство, которое быстро стало падать въ странѣ. Наиболѣе могущественные поборники протестантскихъ идей перешли въ католичество. Такъ Варшевицкимъ былъ обращенъ въ католичество заклятый врагъ его, кальвинистъ Ходкевичъ; Петръ Скарга привелъ обратно „къ послушанію римскому престолу" малолѣтнихъ дѣтей Николая Радзивилла Чернаго, наслѣдниковъ громадныхъ владѣній. Оба случая были блестящими побѣдами іезуитовъ. Скоро возвращены были „въ лоно вселенской римской церкви" и многіе другіе пропагандисты протестантства—Сапѣги, Сангушки, Часловскіе и пр. „Чего не могла сдѣлать пропаганда, то довершалось насиліемъ: во многихъ городахъ „зборы" (протестантскія церкви) были разрушены народомъ по наущенію іезуитовъ, школы были разгоняемы учениками-іезуитами, и на это насиліе нельзя было нигдѣ найти ни суда, ни расправы"...

Быстро стала сказываться дѣятельность іезуитовъ и въ средѣ православныхъ. Больше всего помогало этому воспитаніе юношества; воспитаніе это іезуиты теперь окончательно взяли въ свои руки. Іезуитскія школы были переполнены дѣтьми православныхъ; правда, родители скоро стали раскаиваться въ этомъ, когда увидѣли, что іезуиты изъ своихъ право-

славныхъ учениковъ „мало не всѣхъ“, пользуясь ихъ малолѣтствомъ, „намовя ихъ хитролестнѣ“, отвратили „отъ родной вѣры и перекрестили въ свое полувѣріе“,—но это было позднѣе: на первыхъ порахъ опасность невполнѣ сознавалась. Успѣхи іезуитовъ сосредоточивались преимущественно въ высшихъ классахъ, и были здѣсь самые блестящіе: въ какіе-нибудь 40—50 лѣтъ, послѣ своего появленія въ Вильнѣ, іезуиты оторвали отъ западно-русской православной церкви почти всю мѣстную аристократію. Въ 1610 году западно-русская православная церковь такъ перечисляла свои потери, понесенныя ею отъ іезуитовъ: „Гдѣ тотъ безцѣнный камень, который я, вмѣстѣ съ другими перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на головѣ своей,—гдѣ домъ кн. Острожскихъ, сіявшій болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ и другіе драгоцѣнные камни моей короны, роды князей Слуцкихъ, Заславскихъ, Збаражскихъ, Вишневецкихъ, Сангушекъ, Чарторыжскихъ, Пронскихъ, Рожинскихъ, Головчинскихъ, Кршинскихъ, Масальскихъ, Горскихъ, Соколинскихъ, Лукомскихъ, Пузыновъ и другихъ,—которыхъ перечислять было-бы очень долго? Гдѣ прочія мои драгоцѣнности, гдѣ древніе, родовитые, сильные, во всемъ свѣтѣ славные своимъ мужествомъ и доблестью,—Глѣбовичи, Ходкевичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Войны, Воловичи, Зѣновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хрептовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Мелешки, Боговитуны, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи?...

И протестантство и католичество съ іезуитами во главѣ были крайне гибельны для западно-русскаго православія потому, что они нашли западно-русскую православную церковь въ краней степени внутренняго разстройства. По выраженію патр. Іоакима въ его грамотѣ, западно-русскіе православные къ этому времени „оскудѣли всѣми благами“. „Оскудѣніе“

дѣйствительно было полное, и заключалось какъ въ крайней деморализаціи высшей мѣстной іерархіи, о чемъ уже было замѣчено, такъ—и это главное—въ совершенномъ отсутствіи у западно-русскихъ православныхъ, до самой второй половины XVI вѣка, всякаго образованія..

Въ то время, когда социніане и іезуиты покрывали сѣтью своихъ школъ юго-западную и западную Русь, у православныхъ ея обитателей не было никакихъ собственныхъ средствъ къ образованію. Православныхъ школъ, кромѣ развѣ самыхъ элементарныхъ, долгое время воесе не существовало; до 70 гг. XVI ст. во всей литовско-русской митрополіи не встрѣчается ни одного училища для православныхъ дѣтей. Поступавшіе въ духовное званіе ограничивались одного начальною грамотностью, и учились ей, вѣроятно, у различныхъ „отцовъ и мастеровъ“, на дому, какъ это въ то время было и въ Московской Руси. Общественныхъ православныхъ школъ не существовало не только для дѣтей низшаго православнаго населенія, но и для дѣтей высшихъ классовъ общества. Поневолѣ приходилось отдавать дѣтей въ іезуитскія школы и коллегіи. Въ отсутстіи у православныхъ школъ современники видѣли главную причипу внутренняго церковнаго разстройства и отпаденія къ католичество высшихъ слоевъ общества. „То вельми зашкодило паньству русскому, читаемъ въ памятникѣ первыхъ годовъ XVII вѣка,—же не могли школъ и наукъ посполитыхъ (общенародныхъ) розширяти и оныхъ не фундовано: бо коли бъ были науки мѣли, не пришли бъ до таковой погибели. Читаючи кроники польскія, знайдешь о томъ достаточнѣ, якъ поляци русскія паньства пообсѣдали, попріятелѣвшися зъ ними и цурки своя (своихъ дочерей) за русиновъ давши, чрезъ нихъ свои обычаи оздобные и науку уко-

ренили, - Русь, посполитовавшись (сдружившись) зъ ними, позавидѣла ихъ обычаямъ, ихъ мовѣ и наукамъ, и не маючи своихъ наукъ, въ науки римскія дѣти давати почали, которые зъ науками и вѣрѣ ихъ навыкли, такъ по малу малу науками своими все паньство руськое до вѣрѣ римской привели, потомкове княжатъ русскихъ зъ вѣры православной на римскую выкрестились и назвиска и имена себѣ поотмѣняли, якобы николи не зналися быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ"... [„*Перестрога*", 1600--1605 г.]. Говоря предъ этимъ о первомъ распространеніи на Руси христіанства, авторъ замѣчаетъ: „Были на Руси великіе ревнители, яжъ много зъ великимъ коштомъ церквей и монастырей намуровали и маетностями опатрили [надѣлили], золотомъ, серебромъ, перлами и дорогими каменями церкви пріоздобили [пріукрасили], книгъ языкомъ словенскимъ великое множество нанесли,—лечъ того, чтó было наипотребнѣйшее, школъ посполитыхъ. не фундовали"... „Здѣсь, писалъ М. Смотрицкій константин. патр. Кириллу Лукарису, не съ кѣмъ посовѣтываться,—ученаго человѣка и со свѣчей не найдешь"...

У западно-русскихъ православныхъ было мало самыхъ книгъ на славянскомъ языкѣ. Правда, по нѣкоторымъ монастырямъ существовали библіотеки, и иногда даже довольно обширныя; но такія библіотеки были вообще большой рѣдкостью, а главное—случайностью. По крайней мѣрѣ, библіотеки даже въ Кіево-печерскомъ монастырѣ до 70 гг. XVI ст. не было. Недостача нерѣдко чувствовалалась даже въ богослужетныхъ книгахъ; напр. даже въ той же Кіево-печерской лаврѣ въ концѣ XVI в. не находилось полнаго круга богослужебныхъ книгъ. Въ самомъ обществѣ ощущался крайній недостатокъ въ книгахъ для чтенія, особенно въ переводахъ важнѣйшихъ твореній отцовъ церкви. Въ существовавшей письменности Курбскій не могъ найти „и десятой части книгъ

учителей нашихъ старыхъ"... Славянскихъ книгъ было мало въ западно-русскомъ обществѣ нерѣдко по причинамъ, чисто мѣстнымъ: католики всячески старались уничтожать ихъ. Именно на это и указываетъ авторъ *Апокрисиса*, какъ на причину, почему онъ посвящаетъ свою книгу Яну Замойскому: имя могущественнаго магната должно было сохранить ее отъ истребленія. О томъ же говоритъ и авторъ *Перестроги*: „Въ самомъ Краковѣ корунномъ, замѣчаетъ онъ, и въ костелахъ римскихъ книгъ словенскихъ великими склепами знайдешь замкненыхъ, которыхъ въ свѣтъ не выпустятъ, также есть и во Львовѣ у мниховъ-доминиковъ склепъ великій книгъ нашихъ словенскихъ учительныхъ до купы възнесенныхъ"...

Таково было положеніе западно-русскаго православія къ концу XVI в. Чѣмъ ближе къ 1596 году, тѣмъ ярче и безотраднѣе возникаетъ передъ нами картина бѣдственнаго состоянія западно-русской церкви. Высшіе классы измѣнили православію, представители іерархіи—на крайней степени нравственнаго безсилія; „оплоты" церкви рушились,—нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣди, нѣтъ науки!... Все сильнѣе и сильнѣе развивается религіозный индифферентизмъ, многіе открыто заявляютъ о своемъ желаніи отдаться Риму, о готовности принять унію ..

Но нѣтъ худа безъ добра... То, что̀ способствовало крайнему обезсиленію западно-русской церкви, косвенно въ тоже время было причиной и ея внутренняго нравственнаго возрожденія. Быстрыя побѣды надъ западно-русскимъ православіемъ, сначала со стороны протестантства, потомъ католичества, и въ часности іезуитовъ,—тѣмъ самымъ вызвали на защиту родной вѣры новыя силы. Овладѣвши безъ большого труда высшимъ слоемъ общества, найдя прямую поддержку своимъ цѣ-

Того же автора:

Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1882.

В. А. Жуковскій. Первые годы его жизни и поэтической дѣятельности. Казань, 1883.

Древне-славянское Евангеліе, принадлежащее Обществу археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Каз. университетѣ. Воронежъ, 1883.

Театръ до-Петровской Руси. Историко-литературный очеркъ. Казань, 1884.

XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы. Историко-литературный очеркъ. Спб., 1884.

Любопытный памятникъ русской письменности XV вѣка. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1884.

Свв. Кириллъ и Меѳодій и совершенный ими переводъ св. Писанія. Казань, 1885.

Первые труды по изученію начальной русской лѣтописи (до изд. «Полн. Собр. Рус. Лѣт.»). Библіографическія замѣтки. Казань, 1885.

Приложеніе къ брошюрѣ: «Свв. Кириллъ и Меѳодій» и пр. Библіографическія замѣтки. Казань, 1885.

Цвѣтущій періодъ древне-болгарской письменности и одинъ изъ его представителей. Воронежъ, 1886.

Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI в. Историческій очеркъ. Кіевъ, 1886.

Пушкинъ въ его произведеніяхъ и письмахъ. Казань, 1887.

Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. Москва, 1888.

Новый трудъ о Жуковскомъ (изъ «Ж. М. Н. Пр.»).

Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Обозрѣніе рукописнаго матеріала. Спб., 1888.

Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—IV. Казань, 1889—1891.

С. Т. Аксаковъ. Дѣтство и студенчество (изъ «Рус. Обозр.»).

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые опыты миѳологическихъ изученій. Казань, 1893.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые труды по изученію языка. Казань, 1894.

Григоровичъ и русская литература 40-хъ гг. Казань, 1894.

Памяти Н. С. Тихонравова. Ученые труды Тихонравова въ связи съ болѣе ранними изученіями въ области исторіи русской литературы. Казань, 1894.

Русскій театръ въ XVIII в. (изъ «Рус. Обозр.).

Zur Geschichte des deutschen Lucidarius. Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Litteratur, herausgegeben von E. Schroeder und G. Roethe. Sonder-Abdruck. Berlin, 1897.

Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго Луцидаріусовъ. Казань, 1897.

Отчетъ о научныхъ занятіяхъ во время заграничной командировки. Казань, 1897.

Болгарскій Пѣсннвецъ 1337 года (изъ «Извѣстій II Отд. И. А. Н.»).

Исторія литературы, какъ наука. Варшава, 1897.

Програмка лекцій по исторіи русской литературы, съ указаніемъ источниковъ и пособій. Казань, 1898.

Новый трудъ по исторіи русской литературы. По поводу книги А. Н. Пыпина, Ист. рус. лит., т. I, Спб., 1898 (изъ «Ж. М. Н. Пр».).

Пушкинъ въ Казани. Казань, 1899.

Ѳ. И. Буслаевъ и его «Воспоминанія». Казань, 1899.

А. С. Пушкинъ, какъ народный поэтъ. Казань, 1899.

Два слова о сл. «былина». Спб., 1898 (изъ Извѣстій II Отд. И. Ак. Н.).

Къ исторіи древнерусскаго Луцидаріуса. Казань, 1899.

Къ исторіи южно-славянской апокрифической литературы. Спб., 1899 (изъ Извѣстій II Отд. И. Ак. Н.).

Академическое изданіе сочиненій Пушкина. Варшава, 1900.

ОБРАЗОВАНІЕ и ЛИТЕРАТУРА
ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ
КОН. XV—XVII ВВ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета,

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ III.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1901.

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

И. д. Декана Д. Корсаковъ.

лямъ въ корыстныхъ и эгоистичныхъ представителяхъ мѣстной православной іерархіи, іезуиты при всѣхъ усиліяхъ не могли привлечь на свою сторону простонародье, господствовавшую массу западно-русскаго населенія, городского и сельскаго,— напротивъ, своими происками и насиліями вызвали въ этой массѣ открытый протестъ и такія силы на защиту исконной вѣры, какихъ, повидимому, никакъ не предполагали. Защита выступила—въ лицѣ церковныхъ братствъ.

Начальная исторія западно-русскихъ православныхъ церковныхъ братствъ не достаточно выяснена. Въ древней Руси, почти съ до-историческихъ временъ существовали зачатки братствъ, такъ называемыя „братчины". Благопріятныя условія западно-русской городской жизни могли дать этимъ зачаткамъ особое развитіе. Общественная жизнь въ литовскихъ и западно-русскихъ городахъ была издавна особенно развита. По примѣру западной Европы, здѣсь издавна существовали купеческія гильдіи, промысловые и торговые союзы или цехи; развитію послѣднихъ очень много способствовало издавна существовавшее во многихъ городахъ литовской Руси „магдебургское право",—существованіе котораго, въ свою очередь, значительно содѣйствовало бóльшему вообще сравнительно развитію въ юго-западной Руси общественно-городской жизни (сущность „права" состояла въ томъ, что управленіе городомъ въ сильной степени переходило въ руки самихъ горожанъ). Въ связи съ этими особыми условіями общественной жизни западно-русскихъ городовъ, вѣроятно, и стоитъ древнѣйшая исторія западно-русскихъ церковныхъ братствъ. Точнаго момента ихъ возникновенія указать нельзя; первыя историческія извѣстія о нихъ относятся къ половинѣ XV вѣка. Случайное извѣстіе этого времени указываетъ на существованіе двухъ такихъ братствъ—одного въ Львовѣ [1439], другого въ Вильнѣ [1458]. На первыхъ порахъ, судя по сохранившимся извѣстіямъ, братства являлись съ характеромъ учрежденій ис-

ключительно церковно-хозяйственныхъ и религіозно-филантропическихъ. Братчики, въ среду которыхъ въ началѣ принимались и люди католическаго вѣроисповѣданія, даже католическіе духовные,—исключительно заботятся о нуждахъ своего прихода и своей церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ, братства примыкаютъ къ торговымъ гильдіямъ, нося на себѣ какой-то торгово-промышленный отпечатокъ. На послѣднее указываютъ самыя названія древнѣйшихъ братствъ: „кушнерское", „кожемяцкое" и т. п. Впрочемъ, каково бы ни было первоначальное происхожденіе этихъ братствъ, уже очень скоро, съ половины и 80-хъ гг. XVI вѣка, особенно же предъ наступленіемъ брестской уніи и вслѣдъ за нею, для всѣхъ нихъ главною, вполнѣ сознательною, цѣлью дѣятельности становится—распространеніе въ мѣстномъ православномъ населеніи образованія и защита православія, а вмѣстѣ и своей народности, отъ все болѣе и болѣе усиливавшейся пропаганды іезуитовъ. На этотъ новый характеръ дѣятельности братствъ ясно указываютъ „Чинъ Львовскаго братства" 1586 года и „Чинъ Виленскаго братства" 1588 года. Около времени брестской уніи, и число братствъ и ихъ дѣятельность въ указанномъ направленіи особенно усиливается. „Борьба съ протестантствомъ и латинствомъ придала этимъ бытовымъ и филантропическимъ учрежденіямъ религіозный характеръ, а унія еще тѣснѣе сплотила эти союзы и направила ихъ къ охранѣ церкви православной. При отпаденіи аристократическихъ родовъ въ протестантство и латинство,—среднее сословіе, купцы и мѣщане, сомкнулись тѣснѣе, соединяя бытовые интересы съ церковными и не щадя ни силъ, ни средствъ на помощь нуждамъ церкви"... Главнымъ своимъ дѣломъ братства считаютъ заведеніе школъ и типографій, составленіе и печатаніе церковно-богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ, развитіе учебной литературы, и, наконецъ, путемъ литературной полемики, открытую борьбу съ усиливавшимся въ странѣ

католичествомъ. Въ ряду другихъ своими главнѣйшими обязанностями братчики ставятъ себѣ—„радити о церкви Божой", „радити и пилное старане мѣти, абы наука вшелякая христіянскимъ дѣтемъ въ школѣ была; обмыслити [заботиться] дидаскалови учоному, пилному набоженства, науку досконалую дѣтемъ щире даючому, тризвому, слушное выховане и нагороду, жебы за пилною наукою его люде росли"... „Отъ наукъ, заявляютъ братчики—хвала всемогущаго Бога на землѣ множится, потѣха родичомъ изъ сыновъ наказанныхъ ростетъ, рѣчи посполитой оброна моцная и оздоба предивная фундуется и цвѣтетъ"... Основывая у себя въ 1615 году церковное братство, кіевскіе граждане въ „уписѣ" на его учрежденіе писали: „Начинаемъ сіе душеспасителное друголюбное соединеніе, братство церковное, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ— на утѣшеніе и утвержденіе въ благочестіи нашому россійскому роду сыномъ всходнего православія, обывателемъ воеводства кіевскаго, такъ духовнаго вшелякаго, яко и свѣтскаго стану, и всее рѣчи посполитое мѣстское и всѣмъ христоименитымъ людемъ, на выконаніе христіанскихъ милосердныхъ учинковъ, такъ духовныхъ, въ размноженью и вкорененью христіанскихъ добродѣтелей честнаго иноческого житія, въ подаваню наукъ учтивыхъ и въ цвиченію дѣтей народу христіанского"... „Что есть въ нашей земли братство православныхъ?"—писали въ 1625 году кіевскіе братчики къ московскому думному дьяку Ив. Т. Грамматину, и отвѣчаютъ: „Братство нарицается, егда христіане православныи, живуще посредѣ иновѣрныхъ, посредѣ ляховъ, унѣятовъ и проклятыхъ еретиковъ, и хотяще отъ нихъ отлучатися и съ ними ничто же смѣстно имѣти, сами съ собою любовію совокупляются, имена своя во едино вписують и братіами нарицаются: се же да твердѣе и скорѣе противовѣрныхъ отразити возмогутъ. Сіе братство и мы, граждане и благородніи, духовныи и мирстіи

во градѣ Кіевѣ, идѣже иновѣрство возрастаетъ, сотворихомъ"... „На утвержденіе благочестіа и правосл. апостольскія и отеческія вѣры, такожде на твердѣйшее отраженіе и отгнаніе ересей, въ церковь Божію отъ врага всѣхъ общаго діавола насѣянныхъ, мы христіане различныхъ сановъ, достоинствъ и упражненій суще, въ единство любве и въ тождество духа совокупльшися братство... устроихомъ",—писали тогда же кіевскіе братчики къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, и продолжаютъ: „И училище отрочатомъ православнымъ милостію Божіею языка славено-россскаго, еллино-греческаго и прочіихъ дидаскаловъ великимъ иждивеніемъ устроихомъ,—да не отъ чуждаго источника піюще, смертоноснаго яда западнія схизмы упившеся, ко мрачно-темнымъ римляномъ уклонятся"... Лучшею рекомендаціею успѣшнаго выполненія западно-русскими православными братствами этихъ задачь служитъ отчасти заявленіе уніатскаго митрополита Рутскаго, который, донося о заботахъ своихъ по распространенію въ странѣ уніи, писалъ,—что этимъ заботамъ великую препону полагаетъ новое, основанное здѣсь [въ Кіевѣ] схизматиками братство; „трудно и думать о чемъ нибудь добромъ [т. е. благопріятномъ для латино-уніатовъ], если оно не будетъ уничтожено"...

Упомянутыя древнѣйшія братства, львовское и виленское, были первыми, выступившими на поприще общественно-церковной дѣятельности съ офиціальныхъ характеромъ учрежденій, признанныхъ и утвержденныхъ церковной властью. Львовское было утверждено антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ въ 1585 году, виленское констант. патр. Іеремію въ 1588 году. Оба братства были поставлены въ непосредственную зависимость отъ самихъ патріарховъ и надѣлены были вслѣдствіе этого обширными полномочіями.

Рядомъ съ братствами львовскимъ и виленскимъ, уже очень рано въ самой Вильнѣ видимъ нѣсколько другихъ

братствъ,—какъ упомянутыя „кушнерское“, „кожемяцкое“ и др. Въ 1579 году возникаетъ братство въ Мстиславлѣ; въ 1582 г.—братство россское, въ предмѣстьѣ Вильны, Росѣ, а также—въ Гологорсѣ и Гроднѣ; въ 1589 г.—„кушнерское“ братство въ Могилевѣ; ок. 1589 г. возникаетъ братство въ Замостьѣ, уставъ котораго былъ утвержденъ въ 1606 г.; также въ Люблинѣ,—при чемъ братчикамъ позволялось „наука школная чадомъ своимъ мѣти, пришелцовъ убогихъ по чину школному примовати“ и пр. Въ 1591 г. возникаетъ братство въ Брестѣ, въ 1592 г. въ Минскѣ, Кричевѣ, Оршевѣ и Перемышлѣ; въ 1594 году, въ грамотѣ брестскаго собора упоминается цѣлый рядъ новыхъ братствъ, неизвѣстно когда возникшихъ, но уже существовавшихъ въ это время: красноставское, гольшанское, городецкое, галицкое бѣльское, и „многія другія“. Вслѣдъ за брестской уніей 1696 г. открываются новыя братства: въ 1597 г.—въ Минскѣ, въ 1615—въ Кіевѣ, въ 1617 въ—Луцкѣ, и т. д.

Всѣ эти быстро возникшія братства имѣли въ общемъ одинаковое внутреннее устройство и преслѣдовали одни и тѣ же цѣли. Дѣятельность ихъ главнымъ образомъ направлялась, какъ уже замѣчено было, на поднятіе образованія въ мѣстномъ православномъ населеніи и на борьбу съ католической пропагандой. Въ видахъ того и другаго, братства больше всего заботились о распространеніи въ краѣ православныхъ школъ и типографій.

Какъ было уже замѣчено, образованіе въ юго-западной Руси въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ находилось въ крайнемъ упадкѣ; до 70-хъ гг. XVI ст. во всей области Великаго Княжества Литовскаго мы не видимъ напр. сколько нибудь правильно организованныхъ школъ для православнаго населенія: и здѣсь, какъ въ сѣверо-восточной Руси, были только частные „мастера“, у которыхъ на дому учились начальной гра-

мотѣ желающіе, и преимущественно тѣ, которые готовились къ духовному званію. Православныя школы начинаютъ появляться въ Литвѣ и юго-западной Руси лишь съ началомъ просвѣтительной дѣятельности браствъ, и на первыхъ порахъ,—по почину частныхъ лицъ. Ок. 1572 г. кн. К. К. Острожскій первый открылъ на свои средсгва начальную школу въ Туровѣ, а спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1577 году, другую школу во Владимірѣ-Волынскомъ. Въ 1580 году имъ же были основаны двѣ школы—въ Острогѣ и Слуцкѣ, обѣ на личныя средства князя. Школы это принадлежали, по видимому, къ разряду высшихъ, и имѣли особенно важное значеніе для края. Ант. Поссевинъ въ своихъ донесеніяхъ указываетъ на нихъ какъ на препятствія къ готовящейся уніи: въ Острогѣ и Слуцкѣ, пишетъ онъ, имѣются свои типографіи и училища,—„въ коихъ сей расколъ (православіе) питается"... Въ 1586 году, по образцу острожской и луцкой школъ, открыло школу и брaство львовское у себя въ Львовѣ. Не задолго до смерти, Острожскимъ же была основана школа въ монастырѣ дерманскомъ... Отдавая дерманскій монастырь подъ общежитіе, въ своей записи (1602 года) по этому поводу, кн. К. К. Острожскій требуетъ, чтобы въ монастырь принимались только такіе иноки, которые бы имѣли твердое рѣшеніе исполнять монашескіе уставы „и которые бы зайшли до науки; маютъ тѣжъ способнѣйшіе до науки учиться письма словенского, грецкого и латинского, отъ особъ вѣры святое восточное будуще"...

До насъ сохранился уставъ львовской школы, утвержденный въ 1586 году патр. Іереміею. По уставу, учитель долженъ былъ не только обучать чтенію и письму, но и „грамматикѣ, риторикѣ, музыкѣ, св. евангелію и книгамъ апостольскимъ"; по всѣмъ этимъ предметамъ учитель долженъ выдавать ученикамъ „записки". Кромѣ того, послѣ обѣда, учитель обучалъ воспитанниковъ „пасхаліи, ариѳметикѣ и церковному

пѣнію". По праздникамъ и въ воскресные дни дѣтямъ объяснялось значеніе праздниковъ, а также толковались положенныя на тѣ дни чтенія евангельскія и апостольскія. Изъ устава не видно, чтобы въ львовской школѣ преподавался латинскій языкъ; называлась она „школою греческаго и славянскаго письма". Судя по характеру преподаванія учебныхъ предметовъ, думаютъ, что это школа была, если не изъ высшихъ, то средняя... Въ 1588 г. такая же школа открыта была мѣстнымъ братствомъ въ Вильнѣ. Въ этой школѣ преподавался уже и латинскій языкъ,—какъ видно изъ письма виленскихъ братчиковъ къ львовскимъ, въ 1619 году. . „Лѣта 1617-го, пишутъ братчики, Божіею помощію сооружихомъ каменнымъназданіемъ домъ школьный, въ пять училищъ (классовъ) раздѣленый, отъ нихъ же во трехъ латинская наука иновѣрными (скудости ради своихъ) нѣмцами чтется, въ четвертомъ русская, пятое во славенскаго и греческаго языка наказаніе: въ нихъ же всѣхъ своего рода и благочестія трудолюбны учителя имѣти промышляюще, посылахомъ, о нихже искусныхъ на дѣло сіе вѣдѣхомъ, молихомъ и убѣждахомъ; донынѣ обаче соизволенія ихъ не улучихомъ. За еже и васъ братію благочестивую, о полезномъ церкви Христовы многопромысливую, и родови своему теплѣ прилежащую братію умолены быти симъ посланіемъ нашимъ тщимся и уповаемъ, да его же таковыхъ мужей близь васъ быти вѣсте, или увѣсте, моленіемъ вашимъ убѣждена къ намъ, во общую рода нашего пользу, препослете"... Для этой школы, кажется, въ 1619 г. Мелетія Смотрицкій, бывшій въ то время ея преподавателемъ, и составилъ свою извѣстную *Славянскую грамматику*. Въ кіевской братской школѣ, до преобразованія ея въ академію, было четыре отдѣленія: 1) русская школа, 2) инфима, 3) грамматика и 4) синтаксисъ. Въ 1591 г. брестскіе мѣщане устраиваютъ у себя въ Брестѣ церковное братство и при немъ школу,—„свою мѣстную волную русскую, для науки дѣтей ихъ мѣщанскихъ, такъ тежъ и иныхъ посполитныхъ людей,

ктобы кольвекъ з народу хрестьянского въ науку языка русскаго до тое школы ихъ мѣстское дати хотѣлъ“,—почему и названа въ грамотѣ „русскою школой“. Впрочемъ, школа брестская уже въ 1597 г. королевскимъ приказомъ отдана была Игнатію Поцѣю, „чтобы онъ постерегалъ, аже бы тамъ наука добрая и порядокъ слушный во всемъ быти моглъ“, т. е. для превращенія православной школы въ уніатскую... Въ 1592 г. была открыта школа въ Минскѣ, при братствѣ мѣстномъ, „для науки (наученья) дѣтокъ малыихъ“; братству позволялось въ школѣ „бакаляра ховати и тамъ дѣтей письму греческому и русскому учити“. Кромѣ этой, повидимому, весьма незначительной и, кажется, вскорѣ прекратившейся школы, въ Минскѣ же, при другомъ братствѣ, существовала другая школа, возникшая вмѣстѣ съ братствомъ въ 1613 году. Отъ этого другого минскаго братства до насъ сохранился любопытный протестъ, поданный братчиками на монаховъ мѣстной уніатской церкви, по поводу насилій и оскорбленій, какія терпѣли ученики братской православной школы отъ учениковъ уніатской: братство жалуется, что уніатскіе монахи научаютъ „выростковъ и хлопятъ своей школы“ ловить братскихъ школьниковъ и дѣлать имъ всевозможныя обиды; уніатскіе ученики, „слушаясь черньцовъ-бакаляровъ своихъ“, схватывали православныхъ дѣтей по улицамъ, „били ихъ и кровавили безнаказанно“... Въ 1592 году устроена была школа въ Перемышлѣ. Въ 1594 году въ Бѣльскѣ. Въ 1597 г. возникшее братство въ Могилевѣ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ своего существованія, выхлопотало особую грамоту, которою учреждалась при братствѣ школа „для безмездснаго обученія дѣтей вписныхъ братій и убогихъ сиротъ языку и письму славянскому, русскому, греческому, латинскому и польскому“, и позволялось „держать ученыхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, для преподаванія въ школѣ и для проповѣди слова Божія“.

Братская могилевская школа, нѣсколько разъ, по навѣтамъ уніатовъ, перемѣнявшая свое мѣсто въ городѣ, существовала до позднѣйшаго времени и служила въ свое время „однимъ изъ самыхъ твердыхъ оплотовъ православія въ краѣ“. Въ 1615 году возникаетъ братство и при немъ школа въ Кіевѣ— будущая Академія... Въ 1617 году открывается школа въ Луцкѣ при мѣстномъ братствѣ; въ 1624 году луцкая братская школа составила для себя „уставъ“, утвержденный королемъ и дошедшій до насъ подъ названіемъ: *Артикулы правъ школы греко-латино-словянской Луцкой и порядокъ школьный*. Въ 1634 году луцкое братство подверглось жестокому нападенію іезуитовъ и уніатовъ: послѣ праздничной процессіи, нѣсколько членовъ іезуитской коллегіи, собравъ толпу до ста человѣкъ, вооруженные, напали на братство, опустошили церковь, школу, больницу, нещадно избили игумена, монаховъ, старцевъ, учениковъ—всѣхъ, „абы только было русинъ“... Луцкое братство и школа существовали около ста лѣтъ, пока наконецъ, въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка, не были отданы уніатамъ. Нѣсколько позднѣе открываются при мѣстныхъ братствахъ новыя школы—въ Пинскѣ (1633), Оршанскѣ (1649) и т. д.

Внутреннее устройство всѣхъ этихъ школъ, нужно думать, было въ общихъ чертахъ одинаково. Помимо упомянутаго устава львовской школы, нѣкоторое понятіе объ устройствѣ братскихъ школъ можетъ дать названный сейчасъ „уставъ“ луцкой школы. По правиламъ этого устава,—„въ школѣ учатъ только наукамъ и добродѣтели; поэтому запрещается ученикамъ имѣть какія либо инструменты и ими заниматься, а также для пріобрѣтенія и соблюденія истинныхъ добродѣтелей, основывающихся на православіи, они не должны имѣть у себя „никакихъ иновѣрческихъ и еретическихъ книгъ“... Ученики дѣлились на три отдѣленія: одни учились „литерамъ и складамъ“, другіе „чи-

тали на память", третьи „выкладывали, разсуждали, разумѣли". Утромъ, послѣ молитвы, каждый долженъ прочитать свой вчерашній урокъ передъ учителемъ и показать ему свою тетрадь, на которой онъ переписалъ дома тотъ урокъ,—„затѣмъ долженъ учиться, подъ руководствомъ учителя, псалтыри, грамматикѣ и другимъ наукамъ"... Учитель обязанъ выдавать ученикамъ „въ запискахъ ученія отъ св. евангелій, посланій апостольскихъ, пророковъ, св. отецъ, философовъ, поэтовъ, историковъ и проч." Суббота употреблялась на повтореніе пройденнаго въ теченіе недѣли; кромѣ того въ этотъ же день „учились пасхаліи и луннаго теченія и церковному пѣнію"... Въ дни воскресные и праздничные „учитель долженъ разсказывать дѣтямъ о праздникѣ и учить волѣ Божіей, послѣ же обѣда объяснять евангеліе и апостолъ того праздника"... Изъ числа учениковъ выбирали на каждую недѣлю двоихъ или четверыхъ, по очереди, чтобы они подметали и отапливали школу, сидѣли у дверей и замѣчали поздно приходящихъ и рано выходящихъ, также не знающихъ уроковъ, шалуновъ—въ классѣ, на улицахъ и въ церкви". Часто опускающихъ классы въ школу не принимали... Порядокъ преподаванія былъ слѣдующій: „научивши учениковъ складывать литеры, начинали обучать ихъ церковному пѣнію и вмѣстѣ грамматикѣ; затѣмъ приступали къ риторикѣ и діалектикѣ, которыя должны были излагаться на языкѣ славянскомъ; а списавши по русски риторику и діалектику, можно было переходить къ другимъ частямъ философіи"... „Школы славенское наука починается: напервѣй научившися складовъ литеръ, потомъ грамматики учатъ, при томъ же церковному чину учатъ, читаню, спѣваню.., а такъ тому научатся, до большихъ приступаючи, къ діалектицѣ и риторикѣ...

и инымъ философскимъ письмамъ школѣ належащимъ"... (уставъ луцкой школы). Въ львовской школѣ ученія грамматическое и діалектическое преподавались повидимому уже до 1592 года. Ученики каждый день должны были говорить по гречески или по славянски, а не простою мовою: „Также учатъ на каждый день, абы дѣти единъ другого пыталъ по грецку, абы ему отповѣдалъ по словенску, а тыжъ пытаются по словенску, а бы имъ отповѣдалъ по простой мовѣ. И тыжъ не маютъ зъ собою мовити простою мовою, оно словенскою и грецкою" (уставъ луцкой школы). Изъ языковъ, кромѣ русскаго и славянскаго, въ братскихъ школахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ видимъ, преподавали греческій и латинскій. Болѣе или менѣе обычнымъ названіемъ школъ въ королевскихъ грамотахъ было „греко-латино-словенскія". Въ 1604 году виленское братство, какъ мы видѣли, сожалѣло, что у нихъ „латинская наука иновѣрными (скудости ради своихъ) нѣмцами чтется". Когда въ 1591 году митр. Михаилъ Рогоза прибылъ во Львовъ и посѣтилъ здѣшнюю братскую школу,—ученики школы привѣтствовали его греческими и славянскими стихами. „О довольно широкомъ примѣненіи греческаго языка въ южнорусскихъ школахъ свидѣтельствуютъ, замѣчаетъ проф. Голубевъ, дошедшіе до насъ памятники на греческомъ языкѣ, принадлежащіе перу наставниковъ и воспитанниковъ южнорусскихъ школъ (*Греческая грамматика*, изд. 1591 г. во Львовѣ, *Просфонима* и друг. панегирики на греческомъ языкѣ). Самыя названія учителей—дидаскалами, а учениковъ спудеями нельзя не считать признакомъ значительнаго преобладанія въ означенныхъ школахъ греческаго элемента". Преподаваніе латинскаго языка также существовало въ западно-русскихъ школахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ неоднократныя указанія вышеприведенныхъ письменныхъ памятниковъ и актовъ,—но было поставлено, очевидно, гораздо

ниже преподаванія языка греческаго. Возвышеніе уровня преподаванія латинскаго языка, какъ и всей вообще „латинской науки"—въ исторіи западно-русскаго образованія принадлежало Петру Могилѣ. Сильвестръ Коссовъ въ своей защитѣ вновь устроенныхъ Могилою училищъ—въ частности долженъ былъ защищать и необходимость преподаванія въ нихъ латинскаго языка. „Первая причина, писалъ онъ между прочимъ, почему нашему народу потребна латинская наука—та, чтобы нашей Руси не называли глупою Русью. А то поѣдетъ бѣдняга русинъ на трибуналъ, на сеймъ на сеймикъ, въ городской или земскій судъ,—смотришь безъ laciny, placi winy: ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла; глядитъ только то на того, то на другого, вытаращивъ глаза, какъ ворона"... Что вообще въ братскія школы уже рано стала проникать „латинская прелесть"—въ видѣ не только латинскаго языка, но и другихъ латинскихъ наукъ, косвеннымъ свидѣтельствомъ этого являются нападки на латинскую науку со стороны Іоанна Вишенскаго, который писалъ въ Зачапкѣ: „Боячися, жебы есте дѣти своя хитростію и ересью латинскою не отравили и не поморили, залецаю вамъ православнымъ правовѣрную школу, и пораду даю, чого ся учити имѣютъ, чтобы дѣти ваши спасли, и по васъ благочестіе задержали и христіанство своей вѣры не стратили. Во первыхъ ключъ, или грецкую или словенскую грамматику да учатъ. По граматицѣ же, во мѣсто лживое діалектики (зъ бѣлаго въ черное, а изъ черного въ бѣло перетворяти учащее), тогда бо учатъ богомолебного и праведнословнаго Часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силлогизмъ и велерѣчивое риторики, тогда учатъ богоугодно молебный Псалтырь; во мѣсто философіи, надворнѣе и по воздуху мысль разумную скитатися зиждущее, тогда учатъ плачивый и смиренно-мудривый Охтаикъ, а по нашему церковнаго благочестія догматы, Осмогласникъ: таже конечное и богоугодное предспѣяніе въ разумѣ дѣльное богословіе; тог-

да учатъ святую евангельскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не слухи (рѣчь упремудривши токхо) чесати словомъ проповѣднымъ, але силу св. Духа влагати въ слышащихъ сердца"...

Вообще курсъ преподаванія въ братскихъ школахъ былъ, какъ видимъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, довольно обширнымъ. Во многихъ изъ школъ препоподавались: ариѳметика, грамматика, поэзія, риторика, діалектика, а иногда— и „другія части" философіи. Въ 1590 году кіевскій митр. Михаилъ въ своей „клятвенной грамотѣ" на львовскихъ мѣщанъ Рудька и Билдагая, отлучая ихъ отъ церкви, писалъ: „Маемъ того вѣдомость, ижъ вы соединившися зъ епископомъ львоскимъ, тамошнему братству львовскому храму Пречистыа Богоматере повазнился на нихъ самыхъ и на школьное ихъ ученіе, будучи противни непомалу книгамъ святымъ распространенію и слова Божого проповѣди священническаго ученья, и много стропотныхъ словъ съ козногласіемъ отъ хульнаго наученія въ единомысліи злѣ ревнуюши, и глаголющи на братство тамошнее всяко неправду, причитаючи имъ нѣшто въ несовершенной науцѣ пустошного и растлѣнного и малопотребного отъ нихъ ученія, запрещаючи своимъ злымъ наукомъ до нихъ приходити, граматыческаго, діалектическаго и риторическаго ученія и церковного согласія научитися, многимъ людемъ до ихъ соборне школы"... Въ нѣкоторыхъ „высшихъ" школахъ курсъ преподаванія повидимому расширялся даже до полнаго объема такъ назыв. семи „свободныхъ наукъ"; королевская грамота 1592 года даетъ львовскому братству „pro tractandis liberis artibus [подъ семьею „свободными науками" разумѣлись: грамматика, логика, риторика, географія. ариѳметика, астрономія, музыка]. Но вообще главнымъ образомъ вниманіе въ братскихъ школахъ обращалось на преподаваніе св. Писанія, изученіе твореній отцовъ церкви, церковнаго устава, чтеніе и пѣніе. Главной цѣлью этихъ школъ было низшее, первоначальное образованіе. Правда, братства

повидимому, употребляли всѣ силы на то, чтобы расширить и поднять уровень преподаванія въ своихъ школахъ, но часто встрѣчали непреодолимое препятствіе къ этому въ крайнемъ недостаткѣ способныхъ православныхъ учителей... Уже въ 1592 г. кн. Острожскій, въ письмѣ къ львовскому братству, жалуется на скудость въ своей школѣ учителей и на великій вслѣдствіе этого „научный голодъ"... „Всѣ ваши попытки поднять просвѣщеніе не удаются",—писалъ, обращаясь къ православнымъ, М. Смотрицкій, послѣ своего перехода въ унію. Плохи были ваши школы прежде, а теперь стали еще хуже. Гдѣ училища острожское, львовское, брестское и другія? А виленское? Много было потрачено на него кошту [издержекъ], а пользы мало; вотъ уже сколько лѣтъ изъ него, какъ изъ камня,—ни огня, ни воды... Дѣти въ вашихъ школахъ только и получаютъ тотъ прибытокъ, что изъ телятъ становятся волами"... Любопытныя данныя для характеристики братскихъ школъ 20-хъ гг. XVII ст. представляетъ *посланіе* къ львовскимъ братчикамъ александрійскаго патр. Кирилла Лукариса...—Позже, во второй половинѣ XVII в., въ православныя бартскія школы переходитъ обычай польскихъ и мѣстныхъ іезуитскихъ училищъ устраивать въ школѣ, при участіи самихъ ученниковъ, театральныя представленія духовнаго содержанія, мистеріи и діалоги; такъ, въ 1689 году въ львовской школѣ было дано такое представленіе, „съ великою пышностью, при многочисленномъ стеченіи зрителей"....

Но каково бы ни было устройство этихъ школъ, каковъ бы ни былъ уровень преподаванія въ нихъ, изъ сохранившихся отрывочныхъ указаній мы можемъ замѣтить, что уровень этотъ въ общемъ былъ далеко не ничтожнымъ; братскія школы имѣли огромное значеніе для края. Довольно того, что эти школы были первыми школами для западно-русскаго православнаго населенія, первыми разсадниками среди него образованія. Другимъ весьма важнымъ достоинствомъ западно-русскихъ братскихъ школъ была ихъ общесословность,—доступъ въ нихъ былъ сво-

бодно открыть для всѣхъ сословій, духовныхъ и свѣтскихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, даже нищихъ. До насъ сохранились „списки" учениковъ нѣкоторыхъ школъ, съ указаніемъ званій каждаго изъ нихъ; въ одномъ изъ такихъ списковъ [львовскаго братства, 1588 года], напримѣръ, значится: „Катерина вдова дала [въ ученье] сына ея Юлка—н и щ і й.... „Богатые предъ убогими—говорилось въ школьныхъ уставахъ—ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою. Ибо всѣ мы братія о Христѣ, всѣ мы члены одной главы, Христа, и ни одинъ членъ, напр. глазъ рукѣ и рука ногѣ не можетъ сказать: «Ты мнѣ не нужна".... Возставая противъ сословной заносчивости, Іоаннъ Вишенскій писалъ, обращаясь къ людямъ, съвысока относившимся къ горожанамъ и крестьянамъ: „Пытаю тебя, ругателя имени, чимъ ты лѣпшій отъ холопа? Албо ты не таяжъ матерія, глина и персть, ознай ми? албо ты ни тое тѣло и кровь? албо ты не тая жь желчь, харкотина, слипа и тлѣніе? или ты отъ каменя утесанъ и не маешь кишокъ и слюзу холопскаго? ознай ми... А егда показати не можешь, яко ты каменный, костяный или наветь и золотый, только такій же гной, и тѣло, и кровь, яко и всякъ человѣкъ, чимъ же ты ея лѣпшимъ показати можеши надъ хлопомъ? Явно, ничимъ другимъ, только хулою и величаніемъ гордости предъ человѣки, а предъ всевидящимъ Окомъ окаяннѣйшій и всѣхъ тварей безчестнѣйшій еси"...

Вмѣстѣ съ школами въ предѣлахъ юго-западной Руси къ концу XVI в. разростается и книгопечатаніе. Типографіи быстро возникаютъ одна за другой. Печатаніе славянскихъ книгъ началось еще съ конца XV в., и заграницей. Въ 1490—1491 годахъ, въ Краковѣ, нѣкто Ш в а й п о л т ъ Ф ѣ о л ь, „мѣщанинъ краковскій, изъ нѣмецъ, нѣмецкого рода», напечаталъ первыя славянскія книги: *Осмогласникъ* (Октоихъ), *Часословецъ*, *Псалтиръ съ возслѣдованіемъ*, *Тріодъ Постную* и *Тріодъ Цвѣтную*. Въ 1493—1512 гг. нѣсколько богослужебныхъ славянскихъ книгъ было издано въ Венеціи, Цетиньѣ, Угровлахіи. Въ 1517—1519 гг., въ Прагѣ, нѣкто Ф р а н ц и с к ъ С к о р и н а,

„докторъ врачебныхъ наукъ, зъ Полоцка," предпринялъ изданіе всей *Библіи* на „русскомъ" языкѣ,—держась отчасти латинской Бібліи Вульгаты, отчасти Библій чешской и греческой. Изданіе выходило отдѣльными выпусками, которыхъ вышло 22. Въ 1517 г. имъ же, въ Прагѣ, издана была *Псалтирь*. Въ 1525 г. Скорина перенесъ свою типографію въ Вильну и напечаталъ здѣсь *Апостолъ* и *Малую подорожную книжину*; въ послѣднюю вошли: Псалтирь, Часословецъ, акаѳисты, каноны, Шестодневецъ, Святцы краткіе и пасхалія. Типографія Скорины была первою типографіей въ литовской Руси. Мѣстныя западно-русскія типографіи начинають возникать съ половины XVI в. Такъ, въ 1562 г. мы видимъ типографію въ Несвижѣ [мѣстечко слуцк. уѣзда, минск. губ.], гдѣ были напечатаны *Катихизисъ* и *Оправданіе грѣшнаго человѣка предъ Богомъ* Симона Буднаго, въ литовско-русскомъ переводѣ. Въ 1569 году открыта типографія въ Заблудовѣ [мѣстечко въ бѣлостокск. уѣздѣ, гродненн. губ.], въ имѣньѣ гетм. Г. А. Ходкевича, гдѣ нашли себѣ убѣжище изгнанные изъ Москвы, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ, первые русскіе книгопечатники; на средства Ходкевича они издали здѣсь въ 1568—1569 гг. *Учительное Евангеліе*. Съ 1574 г. открывается типографія во Львовѣ и скоро переходитъ въ вѣдѣніе братства. Въ 1575 г. заводится новая топографія, въ Вильнѣ. Въ 1580 г. кн. К К. Острожскій открываетъ на свои средства типографію въ Острогѣ, нѣсколько позднѣе—въ Дермани. Ок. того-же времени возникаетъ типографія нѣкоего Тяпинскаго, и т. д. Въ первыхъ годахъ XVII в. мы видимъ дѣйствующими въ юго-западной Руси уже цѣлый рядъ типографій—въ Эвю, Крилосѣ, Стрятинѣ, Кіевѣ, Могилевѣ, Почаевѣ, Рахмановѣ, Луцкѣ, Кутеинѣ.... [Впрочемъ, многіе изъ возникшихъ типографіи были кочевыми: типографы ѣздили по знатнымъ панамъ, печатали въ ихъ маетностяхъ и, перемѣняя выходные и посвятительные листы, подносили одну и ту же книгу разнымъ патронамъ. Противъ этихъ кочевыхъ типогра-

фовъ особенно вооружался Петръ Могила]. Богатые монастыри, какъ кутеискій, оршанскій, уневскій, черниговскій, елицкій и др., старались заводить у себя собственныя типографіи. Рядомъ съ печатаніемъ, продолжалась и прежняя переписка книгъ, уже напечатанныхъ: такъ издатель „Псалтыри“, напечатанной въ Вильнѣ въ 1575 году, прося снихожденія къ своему труду, замѣчаетъ: „Хотящіи же пренисовати или прочитати книгу сію“...

Нѣсколькими годами позднѣе, какъ существенное дополненіе къ возникавшимъ повсюду братскимъ школамъ, а также и для ихъ дальнѣйшей поддержки и развитія,—въ 1631 году, въ Кіевѣ, „труды и тщаніемъ“ кіевск. митр. Петра Могилы, основывается „коллегія,“ или „академія,“ высшее училище для образованія православныхъ. Мы не будемъ останавливаться на исторіи возникновенія Кіевской академіи; мы ограничимся приведеніемъ лишь нѣсколькихъ сохранившихся свидѣтельствъ, дающихъ понятіе о томъ характерѣ и объемѣ преподаванія наукъ, какіе введены были въ новооснованной школѣ уже на самыхъ первыхъ порахъ: этихъ данныхъ, думаемъ, будетъ достаточно, чтобы видѣть, какъ значительно отличалась основанная Могилою коллегія—и кругомъ преподаваемыхъ въ ней наукъ и самымъ характеромъ и методомъ преподаванія—отъ прежнихъ братскихъ школъ. Особенно важной въ этомъ отношеніи является небольшая книжка, изданная въ Кіевопечерской Лаврѣ въ 1632 г. подъ заглавіемъ *Евхаристиріонъ албо вдячность* и пр.,—поднесенная къ пасхѣ этого года Петру Могилѣ „спудеями“ основанной имъ школы. Книжка представляетъ собою рядъ привѣтствій митрополиту. Петра Могилу привѣтствуетъ Геликонъ,—„садъ умѣетности первый, осмъ кореній вызволеныхъ наукъ въ собѣ маючій, презъ пречестнѣйшого его милости господина отца киръ Петра Могилу въ Россіи новофундованый“, и Парнасъ—„садъ умѣтности вторый“, который „стараньемъ и коштомъ ясне превелебнѣйшого

въ Христѣ его мил. госп. о. к. Петра Могилы архим. кіевскаго, воеводича земль Молдавскихъ, подъ часъ весны особливое кународови Россійскому ласки Божеи, десять лѣторослій наукъ вызволенныхъ южъ зъ себе выпущаетъ“. Изъ „вызволеныхъ наукъ“ первой привѣтствуетъ „грамматика“ [„учитъ словъ и мовы“], за нею „реторика“ [„учитъ словъ и вымовы“], далѣе „діалектика“ [„учитъ разумного въ рѣчахъ познаваня“], „ариѳметика“ [„учитъ личбы“], „музика“ [„учитъ спѣваня“], „геометрія“ [„учитъ землѣ размѣреня“], „астрономіа“ [„учитъ бѣговъ небесныхъ“]—наконецъ, „корень и верхъ всѣхъ наукъ и умѣетностей, ѳеологіа“ [„учитъ бозскихъ речій“]. Всѣ эти науки, въ лицѣ „спудеовъ“, каждая отдѣльно, првѣтствуютъ Петра Могилу. Очевидно, всѣ они уже преподавались въ заведенной коллегіѣ... Въ концѣ августа 1633 года, Исаія Трофимовичъ Козловскій, ректоръ новой коллегіи [переведенной передъ этимъ изъ Кіевопечерской Лавры въ Кіевъ и соединенной съ существовавшимъ тамъ братскимъ училищемъ], въ одномъ письмѣ къ митрополичьему намѣстнику сообщаетъ: „Мы першего сентеврія зачинаемъ по старому: я курсъ философіи, отецъ Коссовъ реторики...; отецъ Пацевскій поетику...; и прочіи усвоихъ школахъ“...—Основанная Академія такимъ образомъ значительно расширяла дотолѣ извѣстный въ братскихъ школахъ кругъ наукъ. Имѣя своими профессорами людей съ западно-европейскимъ образованіемъ, академія развивала, и въ обществѣ и въ литературѣ, серьезное научное направленіе, знакомила общество съ западною наукою, западнымъ методомъ изученія, западными идеями... Нельзя впрочемъ, къ сожалѣнію, не прибавить, то все это вносилось въ той мертвой, схоластической формѣ, которая господствовала въ то время на западѣ. Упомянутая сейчасъ книжка „Евхаристиріонъ“ съ этой стороны получаетъ особое значеніе: ея содержаніе, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Голубевъ, „служитъ краснорѣчивымъ доказа-

тельствомъ того, что тотъ внѣшній блескъ схоластической науки, тѣ риторическія фразы и „хитрорѣчіе", которыя были присущи западно-европейскимъ, въ особенности іезуитскимъ коллегіямъ,—сразу же пустили глубокіе корни и въ могилянскомъ гимназіумѣ"...

Дѣятельность западно-русскихъ православныхъ братствъ не была единичной, изолированной; напротивъ, она какъ нельзя лучше отвѣчала религіозному возбужденію края во всемъ обществѣ.

Дѣятельность православныхъ братствъ отчасти предшествуется, отчасти сопровождается дѣятельностью совершенно отдѣльныхъ, частныхъ лицъ, которыя или тѣсно примыкаютъ къ братствамъ, находятся съ послѣдними въ постоянныхъ, тѣсныхъ сношеніяхъ, или стоятъ отдѣльно отъ нихъ, предшествуя своими трудами развитію ихъ дѣятельности... Главными изъ такихъ лицъ были: кн. А. М. Курбскій, кн. К. К. Острожскій,—вмѣстѣ съ ихъ предшественникомъ, „докторомъ лѣкарскихъ наукъ", Францыскомъ Скориною „съ Полоцка"; изъ духовенства: Гедеонъ Балабанъ Елисей Плетенецкій, Петръ Могила... Не говоримъ о другихъ лицахъ, сочуствовавшихъ и содѣйствовавшихъ борьбѣ—о лицахъ, которыя напр. давали средства на изданіе православныхъ книгъ, на заведеніе школъ и т. п. Іовъ Борецкій въ своемъ *Совѣтованіи о благочестіи*, въ 1621 г., убѣждаетъ современное православное духовенство „возбуждать и приготовлять ко святому мученичеству, какъ самихъ себя, такъ и сердца народа..., писать и печатать въ защиту благочестія книги... Въ церквахъ, каждый воскресный и праздничный день должна быть проповѣдь..; заводить по городамъ школы..." Гетманъ Сагайдачный († 1622) въ *духовномъ завѣщаніи* отказываетъ львовскому братству 1500 злотыхъ— „на школу братства, на

науку и нацвиченье бакаларовъ учоныхъ, на выхованье учонаго майстра, въ греческомъ языку бѣглого, церкви Божой и дѣткамъ христіанскимъ народу россійскаго потребнаго"... Весьма характерной личностью близкаго къ этому времени является Афанасій Филипповичъ († 1648), въ которой мы видимъ какъ бы „совокупность всѣхъ наиболѣе крупныхъ чертъ, опредѣляющихъ весьма точно настроеніе сторонниковъ православной вѣры въ первой половинѣ XVII столѣтія"... Частныя, единичныя мѣры не удовлетворяютъ Филипповича; его идеалъ, цѣль всей его жизни—„грунтовное" успокоеніе православія во всѣхъ польскихъ владѣніяхъ, и полное, окончательное уничтоженіе уніи. Филипповичъ былъ по своему человѣкъ очень образованный. Многочисленныя, уцѣлѣвшія до нашего времени, его разсужденія, суплики и меморіалы объ уніи, о бѣдственномъ состояніи православной церкви, о неустройствахъ въ церкви римской и т. п., свидѣтельствуютъ. о томъ, что онъ хорошо зналъ польскій, латинскій и греческій языки, обладалъ громадной начитанностью въ литературѣ. Не говоримъ также о цѣлыхъ монастыряхъ, иноки которыхъ принимали нерѣдко также посильное участіе въ общемъ умственномъ движеніи. Во главѣ западно-русскихъ православныхъ монастырей стояла въ это время Кіево-печерская Лавра, остававшаяся до самаго конца XV в.. въ сильномъ запустеніи, но къ концу XVI в. сдѣлавшаяся самой богатой обителью въ юго-западной Руси. Съ этого-же времени Лавра примыкаетъ и къ общему, возникшему въ странѣ, религіозному движенію. Ея архимандриты, какъ Никифоръ Туръ [1593—1599], Елисей Плетенецкій [1599—1624], Захарій Копыстенскій [1624—1627], подготовили въ ней своею просвѣтительною дѣятельностью почву для дѣятельности Петра Могилы [1647—1649]. Елисей Плетенецкій собралъ около себя цѣлое общество ученыхъ иноковъ: въ концѣ XVI—нач. XVII вв., мы видимъ въ Кіево-печерской Лаврѣ завѣдующими изданіями монастыря—Захарія Копыстенскаго,

Памву Берынду, Стефана Берынду, Тарасія Левонича Земку, Лаврентія Зизанія Тустановскаго, Іосифа Кириловича, Гавріила Доровеевича, Филоөея Кизаревича, Александра Митуру, Тимоөея Александровича Вербицкаго и нкр. др. Почти всѣ эти лица, по словамъ Копыстенскаго, „были згромажены на святое мѣсце“ [въ Кіево-печерскую Лавру] Елисѣемъ Плетенецкимъ; имъ „на этомъ мѣсцѣ держаны и якъ духовнымъ такъ въ изобиліи и тѣлесным выхованемъ пѣстованы и загрѣваны“... Иногда эти лица, какъ напр. Гедеонъ Балабанъ, временно находились, въ силу особыхъ, личныхъ причинъ, во враждебныхъ отношеніяхъ къ братствамъ, — но это было исключеніемъ; вообще же дѣятельность названныхъ лицъ вездѣ и всюду направлялась къ той-же одной цѣли, которую имѣли у себя и братства—къ поднятію просвѣщенія въ средѣ православныхъ, къ борьбѣ съ разными антиправославными мнѣніями, въ обиліи распространявшимися въ краѣ, и особенно—къ борьбѣ съ католической прапагандой, все болѣе и болѣе усиливавшейся. Труды этихъ дѣятелей, труды отрывочные, случайные, тѣсно примыкая, по своему характеру и по своимъ цѣлямъ, къ болѣе широкой дѣятельности братствъ, имѣли въ высшей степени благотворное значеніе—въ смыслѣ еще бо́льшаго усиленія этой дѣятельности, въ смыслѣ поддержки и развитія общаго, возникшаго въ странѣ, умственно-религіознаго движенія.

Особенно важными въ этомъ отношеніи были, какъ наиболѣе ранніе, труды Франциска Скорины, кн. А. М. Курбскаго и кн. К. К. Острожскаго.

Біографическія свѣдѣнія о Францискѣ Скоринѣ—вообще очень скудны. Ни годъ рожденія его, ни годъ смерти неизвѣстны. „Не извѣстно въ точностью и мѣсто его окончательнаго образованія, а равно и самое его вѣроисповѣданіе... На основаніи нѣкоторыхъ соображеній

проф. Владимировъ высказываетъ предположеніе, что „въ 1517 году, когда онъ издалъ свою первую книгу въ Прагѣ, ему было не менѣе 27 лѣтъ"... Послѣднее извѣстіе о Скоринѣ съ годомъ относится къ 1535 году. Во всякомъ случаѣ,—„нельзя сомнѣваться въ томъ, замѣчаетъ изслѣдователь, что по происхожденію онъ былъ русскій и родился въ Полоцкѣ. На свое русское происхожденій Скорина всякій разъ указываетъ въ своихъ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ: „доктора Франциска Скорины съ Полоцька"...; „въ лѣкарскыхъ наукахъ доктора, Франциска Скоринина сына, съ Полоцка"...; „ученаго мужа Ф. Скорины изъ славнаго града Полоцка, въ наукахъ и въ лѣкарствѣ учителя"..; „выкладомъ ученаго мужа, въ лѣкарскихъ наукахъ доктора, Франциска Скорина сына, изъ славнаго града Полоцка" и т. д. Въ концѣ предисловія къ Псалтыри онъ замѣчаетъ, что издаетъ свою книгу—„къ пожитку посполитого доброго, наиболѣй съ тое причины, иже мя милостивый Богъ съ того языка на свѣтъ пустилъ"... Францискъ Скорина принадлежалъ къ богатой купеческой фамиліи въ Полоцкѣ,—въ одномъ изъ самыхъ богатыхъ и старинныхъ городовъ юго-западной Руси; около 1525 года „докторъ" Францискъ Скорина становится постояннымъ жителемъ Вильны,—имѣетъ здѣсь свою типографію... Къ этому времени, даже за нѣсколько лѣтъ раньше—уже окончился наиболѣе дѣятельный періодъ издательныхъ трудовъ Скорины, протекшій въ Прагѣ, въ Богеміи... Почему типографская дѣятельность Скорины перенесена была въ Вильну, почему прекратилась она въ Прагѣ, а потомъ скоро и въ Вильнѣ—изслѣдователи не даютъ отвѣта...

Замѣчательно, Курбскій относился съ неодобреніемъ къ изданіямъ Скорины, считалъ „переводъ Скорины Полоцкаго" сдѣланнымъ „съ препорченныхъ книгъ жидовскихъ". Но мнѣніе это—лишь недоразумѣніе.... По вы-

водамъ позднѣйшаго изслѣдователя, переводъ библейскихъ книгъ Скорины и его толкованія въ предисловіяхъ—„не имѣютъ никакого отношенія къ протестантскимъ переводамъ св. Писанія"; нельзя считать этотъ переводъ также и „выраженіемъ исключительно католическаго направленія"... Библія русская Скорины издана „для православныхъ читателей юго-западнаго Руси съ общей нравственно-просвѣтительной цѣлью,—дать читателямъ полную и понятную Библію". Отсюда и свобода въ переводѣ Скорины...

Русское происхожденіе и православіе издателя лучше всего доказывается самымъ характеромъ его изданій; составъ и вѣроисповѣдный характеръ этихъ изданій—строго православный.

Нельзя не отмѣтить въ западно-русской литературѣ этого времени стремленія къ передачѣ книгъ св. Писанія на языкѣ мѣстномъ, народномъ. Насколько сильно было это стремленіе,—свидѣтельствуютъ такіе памятники, какъ *Пересопницкое Евангеліе*, южно-рускій переводъ *Пѣсни Пѣсней*, начатое печатаніемъ *Евангеліе* Тяпинскаго и др. п.

Это направленіе съ полной опредѣленностью сказывается и въ изданіяхъ Скорины: издавая церковно-славянскія книги, онъ выставляетъ на поляхъ противъ старо-славянскихъ, по его мнѣнію, „неразумныхъ (непонятныхъ) простымъ людемъ"—„рускія слова", а въ своихъ исправленіяхъ и переводахъ вводитъ „рускій языкъ", придерживаясь лишь отчасти нѣкоторыхъ старославянскихъ выраженій. Главная цѣль изданій Скорины—„наученіе простыхъ людей руского языка"... Именно эта цѣль указывается и въ упомянутыхъ сейчасъ западно-русскихъ памятникахъ XVI в., рукописныхъ и печатныхъ: *Пересопницкое Евангеліе* 1556—1561 гг. пишется „для лѣпшого выразумленя люду христіянскаго посполитого...",—*Учительное Евангеліе* 1569 г. печатается „выразумѣнія ради простыхъ людей",—*Евангеліе* Тяпинскаго „для лѣпшого разсудку" и т. д. и т. д.

Въ концѣ „Подорожной Книжицы“ Фр. Скорины приложены „Светьци кроткіи“, имѣющи въ собѣ раздѣлены времена на нашу землю, колико которые дни въ году или нощи держать часовъ и дробныхъ, и яко година пребудеть которому дню или нощи, все написано есть... За „светцами“ слѣдуетъ „Пасхалія на многа лѣта, замыкаючи справу празниковъ“. Въ святцахъ, при названіяхъ мѣсяцевъ, приводятся и ихъ славянскія наименованія: „Мѣсець септеврій зовемы вресень, октоврій рекомы листопадъ, ноемврій иже естъ груденъ, декаврій еже есть просинецъ, генуарь зовемы стычень, февраль рекомы люты, мартъ рекомы марецъ, апрѣль зовемы квѣтень, май по тому же май, іюнь рекомы чирвецъ, іюль рекомы липецъ, августъ рекомы серпень“....

Свою издательскую дѣятельность Скорина началъ съ Псалтыри, самой распространенной книги въ древней Руси. Изданная имъ въ Прагѣ, въ 1517 году, *Псалтырь* является прототипомъ громаднаго количества слѣдовавшихъ затѣмъ изданій так. наз. Учебной Псалтыри, издавна употреблявшейся въ древней Руси и одной изъ самыхъ любимыхъ книгъ древне-русскихъ читателей. Изданіе начинается „предисловіемъ“, гдѣ издатель говоритъ объ особой важности и высокихъ достоинствахъ Псалтыри, сравнительно съ другими книгами Ветхаго Завѣта. Каждая изъ священныхъ книгъ, говоритъ авторъ, заключаетъ въ себѣ одно что-нибудь: Книги Закона, напр., научаютъ, какъ достигать вѣчной, жизни, Притчи наставляють добрымъ обычаемъ...; „Псалтырь же сама едина вси тые речи в собѣ замыкаеть, и всѣхъ тыхъ учить и все проповѣдуеть. Суть бо в ней псалмы, яко бы сокровище всихъ драгыхъ скарбовъ, всяки и немощи духовныи и тѣлесныи уздравляють, душу и смыслы освѣщають, гнѣвъ и ярость усмиряють, миръ и покой чинять, смутокъ и печаль отгоняють, чювствіе в молитвахъ дають, людей въ пріязнь зводять, ласку и милость укрѣпляють, бѣсы изгоня-

ють, ангелы на мощь призывають. Псаломъ есть щитъ противъ бѣсовскымъ нощнымъ мечтаніемъ и страхомъ, покой деннымъ суетамъ и работамъ, защититель младыхъ и радость, старымъ потѣха и пѣсни, женамъ набожьная молитва и покраса, дѣтемъ младымъ початокъ всякое доброе наукы, дорослымъ помноженіе въ науцѣ, мужемъ моцное утверьженіе... И что есть, чего в псалмахъ не найдешь? Нѣсть ли тамъ величества божия и хвалы его; тамъ есть справедливость, тамъ есть чистота душевная и тѣлесная, тамъ есть наука всякое правды, тамъ мудрость и разумъ досконалый, тамъ есть милость и друголюбство безъ льсти.. Вси тыи речи, якобы у великомъ сокровищи, в сей малой Псалтыри найдешь. И видечи таковые пожиткы въ такъ малой книзѣ, я Францишекъ Скорининъ сынъ съ Полоцька, въ лѣкарскыхъ наукахъ докторъ, повелѣлъ есми Псалтырю тиснути рускыми словами, а словенскымъ языкомъ...,—къ пожитку посполитого доброго, наиболѣи съ тое причины, иже мя милостивый Богъ съ того языка на свѣтъ пустилъ..." Въ концѣ предисловія, говоря о самомъ изданіи, Скорина замѣчаетъ: „Положилъ есми нѣкоторые на сторовицахъ в сеи Псалтыри главы з разныхъ книгъ, а то для того, абы знакомито было, иже вси иные светые писма згожаються съ Псалтырею, и одно на другое светчить. А то чтути въ тыхъ книгахъ, ихже суть главы на боцѣхъ пописаны, знайдете. Также положилъ есми на боцѣхъ нѣкоторыи слова для людей простыхъ, не рушаючи самое Псалтыри ни в чем же, яко суть: онагри и геродеево жилище и хлябіе, и иные слова, которыи суть въ Псалтыри неразумныи простымъ людемъ,—найдуть е на боцѣхъ рускимъ языкомъ, что которое слово знаменуеть. Теже розділилъ есми вси псалмы на стихи по тому, яко ся в иныхъ языцѣхъ дѣлить"... Предисловіе это въ главномъ содержаніи заимствовано изъ извѣстнаго „Предисловія въ на-

чало псалмовъ Василія В.“, очень нерѣдко помѣщавшагося въ началѣ славянскихъ списковъ Псалтыри; впрочемъ, отчасти „предисловіе“ Скорины напоминаетъ собою и одно изъ сочиненій Аѳанасія Александрійскаго, — посланіе къ Маркеллину о толкованіи псалмовъ [см. Migne'я, Part. Curs. Compl., ser. gr., t. XXVII, col. 11—60]. Любопытны упоминаемыя здѣсь объясненія, дѣлаемыя на поляхъ, различныхъ словъ и выраженій текста, казавшихся непонятными для простыхъ читателей. Приводимъ нѣсколько примѣровъ:

въ текстѣ:	на поляхъ:
мескъ	„мулъ“...
хлябіи—	„продухъ“...
стакти—	„ладанъ“...
въскую непъщуете—	„что возъгледаете“...
вретище—	„власеница“...
потребятся—	„змажутся“...
еѳіоплене—	„муринове“...
непщевахъ—	„мнѣхъ“...
налецающе—	„накладающе“...
во истуканныхъ—	„в резаніяхъ“...
пажити—	„паствы“...
тимъпанъ—	„бубенъ“...
прозябоша—	„возніиоша“...
буии—	„дурнии“...
неясыти—	„пельликанови“...
въ дебрѣхъ—	„въ долинахъ“...
онагри—	„лоси“...
геродеево—	„соколово“...
скумни—	„львенята“...
утръневати—	„предъ свитаніемъ воставати“...

на троскотъ — „на былие“...
нафѳою — „нефтяю“ и т. п.

Относительно самого текста Псалтыри Викторовъ замѣчаетъ: „Изъ сравненія Скорининскаго изданія Псалтыри съ рукописными списками ея и печатными изданіями разныхъ эпохъ и мѣстностей—оказывается, что основаніемъ для разсматриваемаго изданія послужила рукопись не древней и не южно-славянской редакціи, а редакціи, вопервыхъ, русской, вовторыхъ, современной самому издателю... По сличенію текста Скорининой Псалтыри съ древне-славянскимъ текстомъ ея, мы пришли къ убѣжденію, продолжаетъ Викторовъ,—что Скорина для своего изданія Псалтыри взялъ именно этотъ текстъ и перепечаталъ его почти съ буквальною точностью, дозволивъ себѣ только самыя незначительныя исправленія“... Текстъ этого изданія всего ближе подходитъ „къ тексту Псалтыри, ка́къ онъ читается въ Геннадіевской Библіи 1499 г., и вообще въ русскихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ XVI в...“ Впрочемъ, „не рушаючи самое Псалтыри“,—издатель все же сдѣлалъ въ текстѣ нѣкоторыя измѣненія, поправки, состоящія или въ нѣкоторомъ измѣненіи правописанія и въ перемѣнѣ звуковъ, соотвѣтственно мѣстному выговору („тобѣ“ вм. тебѣ, „навчи“ вм. научи, и т. п.), или въ грамматическихъ формахъ, изрѣдка въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, наконецъ, во внесеніи нѣсколькихъ чисто русскихъ словъ и оборотовъ, которыми онъ замѣнялъ устарѣвшія славянскія формы. Поправки принадлежали отчасти лично самому издателю, отчасти сдѣланы по Вульгатѣ. То же самое относится и къ поясненіямъ на поляхъ.

Кромѣ *Псалтыри* 1517 г.,—изъ библейскихъ книгъ Скориною были изданы (перечисляемъ въ порядкѣ ихъ выхода): *Кн. Іова* (1517), *Притчи царя Соломона* (1517), *Кн. Іис. сына Сирахова* (1517), *Кн. Пѣснь Пѣсней* (1518), *Екклесіастъ царя Соломона* (1518), *Кн. премудрости Божіей* (1518),

Кн. Іис. Навина (1518), *Четыре книги Царствъ* (1518), *Кн. Бытія* (1518), *Исходъ* (1519), *Левитъ* (1519), *Числъ* (1519), *Второзаконіе* (1519), *Кн. Судей Израилевыхъ* (1519), *Кн. Руөъ* (1519), *Кн. Іудиөъ* (1519), *Кн. Есөирь* (1519), *Плачъ пр. Іереміи* (1519), *Кн. пр. Даніила* (1519). Мѣстомъ изданія была Прага, въ Богеміи. Книги издавались „накладомъ (на средства) Богдана Онькова сына, радци (совѣтника) мѣста (города) Виленьского“. Изданіе украшено многочисленными заставками и гравюрами. Въ началѣ каждой книги—предисловіе Фр. Скорины; въ концѣ—послѣсловіе, въ которомъ указывается имя трудившагося надъ переводомъ и время выхода книги изъ типографіи.... „Предисловія“ составлены отчасти подъ ближайшимъ вліяніемъ твореній блаж. Іеронима,—по крайней мѣрѣ „светый Ерасимъ презвитеръ“ не разъ упоминается въ нихъ Скориною. Въ *предисловіи къ кн. Левитъ* Скорина замѣчаетъ: „Пишеть св. Герасимъ учитель великій ко Амбросію во епистолѣ своеи, в ней же воспоминаеть вси книги Ветхаго и Новаго Завѣта“...; въ *предисловіи на кн. Есөирь* указывается на пользованіе его трудами: „Св. Еронимъ или Ерасимъ презвитеръ, онъ же былъ есть по воплощеніи Слова Божія лѣтъ четыреста, выложилъ на латинскій языкъ съ халдейскаго, еврейскаго и греческаго зуполне, чего во еврейскихъ книгахъ не пишеть, положилъ къ концу, не рушаючи ихъ особнѣ, и на главы раздѣлилъ. Азъ теже наслѣдуя мужа светого“... Въ *предисловіи на кн. Премудрости Соломона* Скорина ссылается прямо на „предмовку светого Ерасима въ сію книгу“. Въ *предисловіи къ кн. пр. Даніила*, замѣчая, что „Іудеи не имаютъ зуполна книгъ Даніила“ — Скорина продолжаетъ: „Өеодосій же учитель великій греческаго языка выложилъ с халдейскаго письма на греческое, и св. Еронимъ на латинское зуполне. А подле ихъ выкладу, не толико чтеть Данила пророка церковь Христова латинскимъ а греческимъ языкомъ,

но и сирскимъ и египетскимъ. Азъ теже недостойный послѣдовникъ ихъ, нароженый въ рускомъ языку, съ помощію Божіею, яко повиненъ сый размножати хвалу Христову и посполитое доброе, межи иными пророки светыми, выложихъ и Данила... на рускій языкъ зуполне"...

Предисловія Скорины весьма любопытны, особенно самое обширное изъ нихъ, приложенное при кн. Бытія— *Предсловіе доктора Франциска Скорины съ Полоцька во всю Библію рускаго языка.* Авторъ указываетъ великую общеобразовательную важность Библіи и дѣлаетъ обозрѣніе всѣхъ ея книгъ. „Библіа греческимъ языкомъ, по руски сказуется книги.. Можете тымъ именемъ называти вси книги Ветхаго и Новаго Закону для достойности его, понеже Библія зуполная все то въ собѣ замыкаеть... Добре Григорей Великій учитель вселенскій о сей книзѣ пишетъ, глаголя: Святое пксмо всѣ иные науки превышаеть, понеже еда бываеть чтено, подъ простыми словы замыкаеть тайну. И тако младенцемъ и людемъ простымъ есть наука, учителемъ же и людемъ мудрымъ подивленіе. Яко рѣка дивная мелка, по ней же агнецъ брести можеть, а глубока слонъ убо пливати мусить. Въ сей книзѣ всее прироженое мудрости зачало и конець. Богъ вседержитель познаванъ бываеть. Въ сей книзѣ вси законы и права, ими же люде на земли справоватися имають, пописаны суть. Въ сей книзѣ вси лѣкарства душевные и тѣлесные зуполне знайдете. Ту навченіе философіи добронравное, яко любити Бога для самого себе, и ближнего для Бога имамы. Ту справа всякого собранія людского и всякого града, еже вѣрою соединеніемъ ласки и згодою посполитое доброе помножено бываеть. Ту наученіе седми наукъ вызволеныхъ достаточное. Хощеши ли умѣти граматику или по русꙑ говорячи грамоту, еже добре чести и мовити учить,—знайдеши въ зуполной Библіи *Псалтыру*, чти ее. Пак ли ти ся любить разумѣти лоику, она же учить з доводом розознати правду

отъ кривды,—чти *книгу светого Іова*, или *посланія св. ап. Павла*. Аще ли же помыслиши умѣти риторику, еже есть красномовность,—чти *книги Соломоновы*, а то суть три науки словесные. Восхощеш ли пакъ учитися музыки, то есть пѣвници,—премножество стиховъ и пѣсней светыхъ по всей книзѣ сей знайдеши. Любо ли ти есть умѣти аритметику, еже во кратцѣ а не омылне считати учить,—*четвертыи книги Моисеевы* часто чти. Пак ли же имаши предъ очима науку геометрію, еже по руски сказуется землемѣреніе,—чти *книги Іис. Навина*. Есть ли астрономіи или звѣздочети,—найдешъ на початку книги сее о сотвореніи солнеца и мѣсеца и звѣздъ. Найдешъ во *Ісусѣ Наувинѣ*, яко стояло солнеце на единомъ мѣстѣ за цѣлый день. Знайдешъ во *книгахъ Царствъ*, иже солнеце воспять поступило неколико ступневъ. Знайдешъ во св. *Евангеліи* о новосотвореной звѣздѣ часу нароженія нашего Спасителя Іис. Христа. Болѣе во истинну чудиться превеликой Божіей моци мусилъ, нежели учитися. А то суть седмъ наукъ вызволеныхъ. Аще ли же кохане имаши вѣдати о военыхъ а о богатырскихъ дѣлѣхъ—чти *книги Судей*, или *книги Махавеевъ*. Болѣе и справедливѣе в нихъ знайдешъ, нежели во Александріи, или во Трои. Пакъ ли же во кратцѣ свѣдати хощеши иного тысещей лѣтъ лѣтописецъ,—чти *книги Паралипомена*. Тамъ почевьши отъ Адама даже до Седехіи останочного царя Іудина роды положены суть. Потребуеши ли науки и мудрости добрыхъ нравовъ, часто прочитай *Книги Іисуса Сирахова* а *Притчи Соломоновы*. Надовсе надъто мы, христіане, вѣдаючи всѣ науки быти минущіе потребуемъ речи вѣчное душного спасенія,—чтимы жъ уставичне *св. Евангеліе*, а чтучи е наслѣдуимы дѣлы нашего избавителя Іис. Христа, а тако съ помощію Его внидемъ въ животъ вѣчный"... Авторъ переходитъ далѣе къ обозрѣнію книгъ Библіи, и кратко указываетъ содержаніе каждой изъ нихъ. Въ *кн. Бытія*—„пишеть о сотвореніи свѣта, о началѣ людского поколѣнія, о розделеніи

языковъ и земли, и о родѣ еврейскомъ и внитіи ихъ до Египту"...; въ книгѣ *Исходъ* „написаны о нароженіи Моисеевѣ, о десети язвахъ фараоновыхъ..., о выштіи изъ Египта сыновъ Израилевыхъ... Книга *Судей*.... мужей пресилныхъ и богатыревъ смѣлость выписуеть... Книжка *Товиѳъ* науку отцемъ яко имають учити сыны своя кажеть. Паки книжка *Юдиѳи* вдовици она же, для высвобоженія отчизны, взоръ на собѣ мужем даючи, нелютовала естъ живота своего... По *Псалтири* кладутся трое книжки Соломоновы *Притчи*, *Еклезіастъ* и *Пѣсни Пѣснемъ*: въ первыхъ науку младенцемъ, во вторыхъ мужемъ, во третихъ старымъ выписуеть. За тыми суть *книги Іисуса сына Сирахова*, рекомые *Церковникъ*, всю науку о добрыхъ нравѣхъ въ собѣ замыкающе"... и т. д.

Что касается самаго текста изданныхъ книгъ,—въ этомъ отношеніи послѣднія представляютъ, замѣчалъ Викторовъ, „новый, принадлежащій ему (Скоринѣ) переводъ, сдѣланный съ Вульгаты, при чемъ, по крайней мѣрѣ въ переводѣ нѣкоторыхъ книгъ, издатель пользовался вмѣстѣ и текстомъ греческимъ, а также, можетъ, и переводомъ древне-славянскимъ, или скорѣе чешскимъ... Поправки, сдѣланныя издателемъ въ текстѣ *Апостола*, сдѣланы имъ большею частью по Вульгатѣ,—но не по ней одной: встрѣчаются мѣста, которыя Скориною или исправлены или оставлены въ прежнемъ переводѣ по греческому тексту"... Съ внутренней стороны, изданіе Апостола совершенно примѣнено къ богослуженію православной, а не католической церкви,—имѣетъ тотъ же самый видъ и составъ, какіе видимъ въ обыкновенныхъ славяно-русскихъ рукописныхъ и печатныхъ „Апостолахъ". Таковъ же характеръ и *Малой подорожной книжицы* (Слѣдов. Псалтыри). Текстъ свящ. книгъ, помѣщенный въ этихъ изданіяхъ, представляетъ собою „переводъ древне-славянскій, который издателемъ, въ большей или меньшей степени, только поправленъ"... Къ тѣмъ же приблизительно вы-

водамъ приходитъ и позднѣйшій изслѣдователь, проф. Владимировъ. По его изысканіямъ, переводъ Скорины совершенъ на основаніи двухъ главныхъ источниковъ: Чешской Библіи 1506 года и церковно-славянскихъ текстовъ нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта"... Переводъ Скорины съ чешскаго текста, по мнѣнію изслѣдователя, напоминаетъ „подобные же западно-русскіе переводы повѣстей и легендъ съ чешскихъ и польскихъ текстовъ, съ удержаніемъ изъ послѣднихъ множества родственныхъ словъ и выраженій, облегчавшихъ трудъ переводчика".... Церковно-славянскіе тексты служили для Скорины какъ словари, для набора словъ,—но иногда Скорина выписывалъ изъ нихъ цѣлыя главы и стихи, измѣняя ихъ на столько же, на сколько измѣнялъ цѣлыя церковно-славянскія книги, какъ Псалтырь...

Будучи русскимъ и православнымъ, Скорина и изданія свои предназначалъ для русскихъ и православныхъ западнаго края,—о чемъ онъ прямо заявляетъ въ „предисловіяхъ" къ своимъ изданіямъ, являясь въ этомъ отношеніи „предшественникомъ князей Острожскихъ, братьевъ Мамоничей, кн. Курбскаго и другихъ ревнителей, подвизавшихся въ XVI в. въ Западной Россіи за православіе противъ усилій реформаціи и римской пропаганды"...

Происходя изъ древне русскаго княжескаго рода, кн. А. М. Курбскій (фамилія—отъ села Курба, стоящаго на рѣкѣ Курбицѣ, яросл. уѣзда) родился въ 1528 году. Первые годы его жизни неизвѣстны; имя его въ первый разъ встрѣчается въ разрядныхъ книгахъ подъ 1549 г.; въ этомъ году Курбскій сопровождалъ царя Ивана Васильевича Грознаго въ походъ подъ Казань. Въ слѣдующемъ 1550 году онъ былъ назначенъ воеводою въ Пронскъ, гдѣ долженъ былъ ожидать нападенія крымскихъ татаръ. Въ 1552 году Курбскій участвуетъ во второмъ походѣ подъ Казань, какъ одинъ изъ главныхъ воеводъ войска, и получилъ здѣсь тяжелыя раны.

Въ открывшихся потомъ войнахъ Россіи съ Ливоніей и Крымомъ (въ 1556—1563 гг.) Курбскій съ большимъ успѣхомъ командовалъ войсками и не разъ былъ щедро награждаемъ царемъ; подъ конецъ онъ былъ назначенъ воеводою въ Юрьевъ Ливонскій (Дерптъ),—и на этомъ кончается его дѣятельность въ московскихъ предѣлахъ. Въ 1563—1564 г. Курбскій бѣжалъ отъ Грознаго въ Литву и вступилъ въ подданство польскому королю. Въ одной рукописи Московскаго Архива бѣгство Курбскаго описано такъ: „Въ тѣ же лѣта (1563—1564) во градѣ Юрьевѣ Ливонскомъ быша воеводы кн. Андрей Михайловичъ Курбскій да зять его кн. Ѳед. Прозоровскій. Князь же Андрей, увѣдавъ на себя царскій гнѣвъ и не дождался присылки по себя, убояся ярости царевы. Помянувъ же прежнія своя службы и ожесточися. Рече же супружницѣ своей сице: чесо ты, жено, хощеши: предъ собою ли мертвымъ мя видѣти, или за очи жива мя слышати? Она же къ нему рече: яко не точію тя мертва видѣти, но ниже слышати о смерти твоей, господина моего, желаю! Князь-же Андрей прослезися, и цѣлова ю и сына своего девятолѣтна суща, и прощеніе сотворивъ съ ними, и чрезъ стѣну града Юрьева, въ немъ же бысть воеводою, прелѣзе; ключи же вратъ градныхъ поверже въ кладезь. Нѣкто же вѣрный рабъ его, именемъ Васька, по реклу же Шибановъ, приготови князю своему кони осѣдланы внѣ града, и на нихъ сѣдоша, и къ литовскому рубежу отъѣхаша и въ Литву пріидоша. Оттуда же князь Андрей посла того же своего вѣрнаго раба къ великому государю царю съ досадительнымъ своимъ *писаніемъ* изъ Литвы“... Бѣгство не было случайнымъ; Курбскій уже давно велъ переговоры и дѣйствовалъ вполнѣ обдуманно. Причины, побудившія его на такой шагъ, онъ указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Вскорѣ по прибытіи въ Литву, Курбскій получилъ отъ короля грамоту на Ковельскую волость,—одно изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ королевскихъ имѣній, и на староство Кревское. Но предварительно Курбскій долженъ былъ участвовать въ

23

походѣ поляковъ на Россію и сражаться противъ родины подъ стѣнами Полоцка; только по возвращеніи изъ похода, въ 1565 году, Курбскій былъ введенъ во владѣніе пожалованными имѣніями. Впрочемъ, имѣнія эти причинили много хлопотъ Курбскому. Очень скоро у него начались непріятныя столкновенія и судебныя тяжбы съ сосѣдними владѣльцами, смотрѣвшими вообще крайне недружелюбно на московскаго пришельца. Почти одновременно возникаютъ у Курбскаго и семейныя непріятности. Жена, оставленная имъ въ Юрьевѣ, скоро умерла, и Курбскій въ 1571 году вступилъ во второй бракъ съ Маріею Юрьевной, урожденною княжной Голшанской, бывшею до этого времени уже за двумя мужами, и отъ перваго замужества имѣвшею дѣтей. Марія Голшанская, оставшись вдовою, владѣла большими помѣстьями; независимо отъ этого, вступая съ нею въ бракъ, Курбскій вѣроятно имѣлъ въ виду также породниться со многими литовскими фамиліями, находившимися въ родствѣ съ ботатой и знатной княгиней. Но онъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ. Марія Голшанская, выйдя за Курбскаго и тотчасъ же записавъ на него почти всѣ свои владѣнія, послѣднимъ поступкомъ возстановила противъ него всю свою родню. Почти вслѣдъ за бракомъ начинается открытая и непримиримая вражда къ Курбскому дѣтей Маріи Голшанской отъ перваго замужества (Монтолтовъ) и родственниковъ ея втораго мужа (Козинскаго). Возбуждаемая родней, скоро и сама княгиня раскаялась въ своемъ великодушномъ поступкѣ. Къ тому-же она сильно разочаровалась въ своемъ мужѣ; ни характеромъ своимъ, ни привычками, ни своимъ двусмысленнымъ положеніемъ въ польско-литовскомъ обществѣ Курбскій не могъ нравиться молодой заносчивой княгинѣ. Онъ не могъ сродниться съ враждебной къ нему и вольнодумной шляхтой, тосковалъ по отчизнѣ, оплакивая мать, жену и единственнаго сына, покинутыхъ имъ въ Россіи и погибшихъ въ темницѣ .. Не находя

ни въ чемъ утѣшенія, Курбскій погрузился въ чтеніе св. Писанія и въ науки, сталъ изучать произведенія Аристотеля, началъ на старости лѣтъ учиться латинскому языку и ревностно переводить съ латинскаго на славянскій языкъ творенія отцовъ церкви. Онъ образовалъ около себя кружокъ, хотя весьма не большой,—который поддерживалъ его и помогалъ ему въ его ученыхъ трудахъ. О своихъ „помощникахъ" Курбскій упоминаетъ самъ въ „Сказаніяхъ". Однимъ изъ такихъ помощниковъ былъ между прочимъ его родственникъ, молодой кн. Михаилъ Оболенскій, котораго Курбскій, не смотря на то, что онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, убѣдилъ провести нѣсколько лѣтъ вдали отъ семьи, въ Краковѣ и Италіи, для изученія высшихъ наукъ. Такимъ же помощникомъ былъ нѣкто юноша Амвросій,—„зѣло въ писаніяхъ искуссный и верхъ философіи внѣшнія достигшій"; у него учился „внѣшнимъ" наукамъ и самъ Курбскій. Но вообще помощниковъ у Курбскаго было не много, хотя онъ старался всячески отыскивать ихъ, „набываючи ихъ къ таковому дѣлу"... Ученый образъ жизни мужа долженъ былъ скоро наскучить Марьѣ Юрьевнѣ. Подстрекаемая родней, она рѣшилась бросить мужа и отнять записанныя на него свои имѣнія; она выкрала у мужа на нихъ документы и начала тяжбу. Тяжба кончилась разводомъ Курбскаго съ женой, въ 1578 году. Весной слѣдующаго года Курбскій женился на дѣвицѣ А. П. Сѣмашковной, происходившей изъ небогатой шляхетской фамиліи, и послѣдніе годы жизни пользовался, кажется, семейнымъ счастіемъ. Съ 1571 по 1578 г., занятый семейными и другими непріятностями, Курбскій мало принималъ участія въ политическихъ дѣлахъ; теперь, послѣ новаго брака, онъ отправляется вмѣстѣ съ войсками Стефана Баторія въ походъ на Россію. Во время этого похода, торжествуя побѣды Баторія, взятіе Полоцка и Сокола, Курбскій изъ Полоцка написалъ два свои *посланія* къ московскому царю... По возвращеніи изъ похода, у Курбскаго открылись новыя

непріятности: Марія Голшанская подняла дѣло о незаконности брака Курбскаго съ Александрой Сѣмашковной; княгинѣ хотѣлось, чтобы дѣти Курбскаго, рожденныя отъ этого брака (сынъ и дочь), были признаны незаконными и, какъ таковыя, были лишены по смерти отца наслѣдственныхъ правъ. Дѣло это впрочемъ кончилось ничѣмъ... Курбскій умеръ въ Ковелѣ, въ маѣ 1583 года, оставивъ по завѣщанію всѣ свои литовскія имѣнія женѣ своей, Александрѣ Сѣмашковнѣ.

Литературная дѣятельность кн. Курбскаго началась и окончалась въ Литвѣ. Его литературныя занятія главнымъ образомъ сосредоточивались въ переводахъ на тогдашній западно-русскій языкъ твореній отцовъ церкви, которыхъ такъ не доставало современному западно-русскому обществу. Весьма любопытной является также его переписка съ разными лицами мѣстнаго общества: переписка эта можетъ дать не мало матеріала для характеристики происходившихъ въ это время броженій и „шатаній" въ умственной и религіозной жизни юго-западной Руси. Обращаемся сначала къ его перепискѣ.

Насколько сохранились,—письма Курбскаго адресованы: кн. К. К. Острожскому, княгинѣ Чарторыжской, княгинѣ Збаражской, пану Кадіану Чаплію, пану Бокею Печихвостскому, пану Древинскому, пану Евстафію троцкому, Марку Сарыгозину, Кузьмѣ Мамоничу, Семену Сѣдларю, Вассіану старцу печерскаго монастыря и кромѣ того нѣсколькимъ лицамъ, не названнымъ по имени. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ лицъ, какъ напр. кн. Острожскій, стояли въ центрѣ тогдашней общественной жизни западной Руси, многія принадлежали къ высшему классу общества, другія мало извѣстны. Совершенно неизвѣстна кн. Чарторыжская; полагаютъ, что это была вдова князя Ивана Чарторыжскаго. Неизвѣстны также Кадіанъ Чаплій, Древинскій и Семенъ Сѣдларь. Что касается Ѳедора Бокея,

то очевидно онъ былъ однимъ изъ членовъ древнѣйшей литовской фамиліи Бокеевъ, хотя лично и неизвѣстенъ. Панъ Естафій Троцкій—по всей вѣроятности Естафій Воловичъ, въ 1568 г. подканцлеръ и маршалокъ надворный литовскій, а съ 1569 г. каштелянъ троцкій; ум. въ Сандомирѣ, въ 1581 г. будучи каштеляномъ виленскимъ и великимъ канцлеромъ литовскимъ. Евстафій Воловичъ не разъ былъ посланникомъ въ Москвѣ. Кузьма Мамоничъ состоялъ виленскимъ бургомистромъ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Лукою Мамоничемъ, имѣлъ въ Вильнѣ типографію, въ которой печатались православныя богослужебныя книги; многія изъ нихъ сохранились до насъ. О старцѣ Вассіанѣ, кромѣ того, что онъ былъ инокомъ и жилъ въ Псковскомъ Печерскомъ м-рѣ, мы ничего не знаемъ. Рѣшительно неизвѣстенъ также „Иванъ многоученый", къ которому обращается въ одномъ изъ своихъ посланій Курбскій. Письма Курбскаго были бо́льшею частью отвѣтами на письма къ нему; но изъ этихъ послѣднихъ, къ сожалѣнію, ничего не сохранилось.

Вотъ перечень писемъ самого Курбскаго, съ нѣкоторыми замѣчаніями о содержаніи каждаго изъ нихъ.

I. *Листъ Андрея Ярославскаго до Константина Острожскаго, противъ варвара нѣкоего, мнящагося быти мудра, еже похулилъ словеса новопреложенныя Іоанна Златоустаго* [Сказанія кн. Курбскаго, стр. 221—223]. Въ своемъ письмѣ Курбскій удивляется поступку кн. Острожскаго,—который переведенную Курбскимъ съ латинскаго и присланную имъ Острожскому *бесѣду Іоанна Златоустаго о вѣрѣ, любви и надеждѣ* отдалъ перевести на польскій языкъ, „лѣпшаго ради выразумѣнія", какому-то человѣку, по словамъ Курбскаго, „отнюдь невѣдущему, къ тому еще и скверныхъ словесъ исполненному и стыда неимѣющему, глаголы священныхъ писаній нечистѣ и скверно отрыгающему"... Въ доказательство, что подобныхъ порученій не должно дѣлать невѣждамъ, Курб-

скій приводитъ слова Діонисія Ареопагитскаго. Упоминаемый здѣсь переводъ „бесѣды“ до насъ не дошелъ.

II. *Листъ Андрея Ярославскаго до князя Костянтина воеводы кіевскаго* [Сказанія, 245—246]. „Листъ твоего величества“, начинаетъ Курбскій свое письмо, „и книжицу Скарги езуита, софизматовъ исполненную, такъ-же и листъ, до твоей милости писанный отъ инославнаго и прелукаваго Мотовила, пріяхомъ и выразумѣхомъ“,—и за тѣмъ разражается рядомъ упрековъ противъ своего пріятеля-князя. Оба они были борцами за православіе, стражами церкви, защищали ее всѣми силами, но средства защиты понимали не одинаково. Краснорѣчивый и многоученый іезуитъ Скарга только что выпустилъ громовую свою книгу „О единствѣ церкви“, направленную въ подрывъ православію. При дворѣ кн. Острожскаго жилъ и его расположеніемъ пользовался образованный южно-русскій дворянинъ Мотовило, впавшій въ ересь социніанъ (ихъ называли здѣсь аріанами); ему-то и поручилъ Острожскій написать опроверженіе на книгу Скарги, и какъ самую эту книгу, такъ и письмо объ ней Мотовила послалъ Курбскому. Послѣдній нашелъ, что неприлично „христіанину правовѣрному отъ аріанина христоненавистнаго услаждаться эпистоліями или пріимовать отъ него писанія на помощь церкви Христа Бога“, и упрекаетъ Острожскаго въ попустительствѣ: „Той-то Мотовило инославный, замѣчаетъ Курбскій, не токмо аріянскаго духа въ себѣ имѣетъ, но воистину сугубѣ злѣйшаго неистовнѣйшаго діавола, лясфимы (богохульства) на общаго владыку Христа нашего отрыгающаго, далеко горчайшій и ядовидшій, нежели Арій безбожный... Годитъ-ли ся ти отъ таковаго, о вельможный и свѣтлѣйшій княже христіанскій, догматовъ и слышавати и отвѣтовъ просити на іезуитскія фабулы?... Отъ лѣности вся сія намъ приключаетъ, нерадѣнія ради почитанія священныхъ писаній, яко ти много о семъ и устнѣ стужахъ и докучахъ,

да прочитываеши ихъ часто, аще и по малу; и не пресгану ти воистину докучати и до моей смерти—понеже зѣло люблю тя—дондеже узрю тя лѣпшее тщаніе о семъ приложити и охоту въ сердцѣ твоемъ постигнути“...

III. *Цыдула князя Андрея Курбскаго до князя воеводы кіевскаго*, кн. К. К. Острожскаго [Сказанія, 246—350]. Посланіе довольно обширное, писано по поводу того-же отвѣта на книгу Скарги, составленіе котораго Острожскій поручалъ Мотовилу. Предостереженіе Курбскаго не помогло: отвѣтъ не только былъ напечатанъ, но и присланъ. Курбскій пришелъ въ негодованіе... „Не вѣмъ, откуда сія приключишася вашему величеству“, пишетъ онъ Острожскому: „прислалъ ми ваша милость книгу,—отъ сына діаволя написанну, отъ явственнаго непріятеля Христа нашего, истиннѣйше рекше, отъ антихристова помощника и вѣрнаго слуги его сочиненну,—мнѣ ваша милость христіанину правовѣрному, брату своему присяглому, негли мѣсто поминка (подарка) шлетъ? О, бѣда, воистину плача достойна!... Въ таковую дерзость и стультицію (глупоту) начальницы христіанскіе внидоша, ижъ не токмо тѣхъ ядовитыхъ драконовъ въ домѣхъ своихъ питати и ховати не стыдятся, но и за оборонителей и помощниковъ ихъ себѣ мнѣмаютъ! И что еще дивнѣйшаго: отъ духовныхъ бѣсовъ духовную церковь Божію обороняти имъ росказуютъ и книги супротивъ полувѣрныхъ латиновъ писати имъ повелѣваютъ! О заслѣпленія и безумія нашего!.. Любовникъ твой Мотовило не токмо во всей прескверной книгѣ своей фальшивѣ пророческія словеса выкладаетъ, паче-же прескверне и грубе, но и въ конклюзіи тое-то книги своей—Христа проповѣдуетъ паки пріити и на тысячу лѣтъ еще тлѣнное житіе уставити и ясти и пити и подъ винницами наслаждатися... Отъ него-же (аріанства) уже мало не вся Волынь заразилася и неисцѣльнѣ болитъ, скверными догматы подущаема“. Курбскій негодуетъ на Острожскаго за покровительство его іезуитамъ и убѣждаемъ

его не дружиться съ врагами православія: „Возвесели общаго царя нашего, Христа Бога твоего, престани уже дружитися съ тѣми супостаты, непріятельми Его, прелукавыми и презлыми; никто-же можетъ другъ царевъ быти, кто съ непріятельми его дружбу ведетъ или кто ихъ у себя ховаетъ, яко за нѣдрами зміевъ. Трикраты молю ти ся: престани, уподобляяся праотецъ твоихъ ревности благочестія, отжени ихъ ко подобнымъ имъ, отжени, глаголю, прелукавыхъ и прелютыхъ ругателей"... Къ сожалѣнію, отвѣтъ Мотовила на книгу Скарги, равно и письмо его къ Острожскому по поводу этой книги, до насъ не дошли и мы знаемъ о нихъ только изъ разсматриваемыхъ посланій Курбскаго. Какъ это, такъ и предыдущее посланіе Курбскаго весьма важны для характеристики религіозныхъ взглядовъ кн. К. К. Острожскаго.

IV. *Листъ Андрея Курбскаго до Кузьмы Мамонича* [Сказанія, стр. 226—229]. Мамоничъ, какъ замѣчено выше, жилъ въ Вильнѣ и былъ однимъ изъ защитниковъ православія. Въ Вильнѣ кипѣла уже открыто борьба между православными и католиками; ксензы громили православіе въ костелахъ, въ частныхъ домахъ, на улицахъ, площадяхъ. Курбскій въ своемъ письмѣ проситъ Мамонича посовѣтовать православнымъ, чтобы они, какъ „несовершенные въ писаніяхъ", не вдавались „безъ ученыхъ нашея страны" въ богословскіе споры съ іезуитами и не ходили-бы къ нимъ на ихъ проповѣди, — „тлятъ бо, говоритъ онъ, обычаи добрые бесѣды хитролестныя"... И затѣмъ, указывая на приготовляемые имъ переводы, прибавляетъ: „Если Богъ восхощетъ, и мы къ вамъ поспѣшимъ съ тремя нарочитыми свѣдками (свидѣтелями): съ Діонисіемъ Ареопагитскимъ и со Іоанномъ Златоустнымъ и со Іоанномъ Дамаскинымъ и со иными древними святыми учительми", т. е. съ ихъ сочиненіями въ русскомъ переводѣ. Время посланія не указывается.

V. *До Кузьмы Мамоныча листъ второй* [Сказанія, стр. 229—232]. Курбскій съ радостію извѣщаетъ Мамонича о по-

лученіи съ Аѳона, въ защиту православія, сочиненій Григорія и Нила Солунскихъ (греческихъ писателей XIV вѣка). „Не ужасайтесь софизматовъ ихъ, пишетъ онъ Мамоничу въ отвѣтъ на его письмо о новыхъ „злохитроствахъ“ іезуитскихъ: но стойте только въ православной вѣрѣ крѣпцѣ, пребывайте бодро... Благодати ради Божія подана намъ книга въ помощь отъ Святыя Горы, яко самою рукою Божіею принесена,—простоты ради и глубокаго неискуства церковниковъ русскихъ церквей, а не глаголю лѣности для и обжорства епископовъ нашихъ“...

VI. *Листъ князя Андрея Курбскаго до княгини Ивановой Черторижской* [Сказанія, стр. 240—242]. Курбскій поздравляетъ княгиню съ успѣхами ея сына въ изученіи „священныхъ писаній“ и хвалитъ ея намѣреніе отдать сына, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, въ Виленскую іезуитскую школу; но при этомъ предостерегаетъ княгиню противъ іезуитовъ: „Не хоцу тя утаити, яко слуга и пріятель твой, во всемъ тебѣ доброхотный, ижъ многіе родители, яко княжатскихъ родовъ, такъ и шляхетскихъ и честныхъ гражданъ, были дали имъ дѣтки своя учити наукомъ вызволеннымъ (свободнымъ), яко слышимъ отъ нѣкоихъ; но они, не науча, первѣе мало не всѣхъ, въ неразумномъ еще будучи вѣку, памовя ихъ хитролестнѣ, отлучили отъ правовѣрія и покрестили въ свое полувѣріе... И того ради многіе отцы отъ нихъ дѣти свои паки отобрали: бо они ненавистники и противники зѣло великіе нашему правовѣрію“... Впрочемъ, онъ ободряетъ княгиню примѣрами великихъ учителей и отцовъ церкви, изъ которыхъ многіе ѣздили учиться и „по поганскимъ философамъ“, но православія своего не повредили... При посланіи Курбскій посылаетъ княгинѣ какое-то свое сочиненіе противъ іезуитовъ: „А тотъ листъ, писанный отъ насъ къ едипому брату, имъ-же есмо отчасти отвѣщали противъ тѣхъ іезуитовъ дерзновенія, обороняючи наше правовѣріе, посылаю преписавъ

до вашей милости, вмѣсто малаго подарка"... Упоминаемое здѣсь полемическое сочиненіе Курбскаго, повидимому, до насъ не дошло.

VII. *Листъ князя Андрея Курбскаго до Марка, ученика Артемія* [Сказанія, стр. 223—226]. Кто этотъ Маркъ— съ точностью сказать трудно. Устряловъ называетъ его Сарыгозинымъ и думаетъ, что это одинъ изъ бѣжавшихъ одновременно съ Курбскимъ изъ Москвы въ Литву. Настоящее письмо къ нему Курбскаго даетъ понять, что отношенія ихъ были близкія,—Курбскій называетъ его „юношею свѣтлыхъ обычаевъ навыкшимъ, братомъ и пріятелемъ своимъ милымъ", и что Маркъ, кто-бы онъ ни былъ, имѣлъ непосредственное отношеніе къ трудамъ Курбскаго по переводу на славянскій языкъ отеческихъ твореній. Курбскій сообщаетъ ему о своемъ намѣреніи посвятить себя этимъ переводамъ, говоритъ, что самъ съ этой цѣлью, уже въ сѣдинахъ, много трудился надъ латинскимъ языкомъ, что пріобрѣлъ себѣ сотрудника въ этомъ дѣлѣ въ Михаилѣ Оболенскомъ, который подготовлялся къ тому долго за границей, въ Краковѣ и Италіи, и который возвратился теперь; называетъ творенія Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина и другихъ,—которыя намѣчены имъ къ переводу, прилагаетъ самый реестръ пріобрѣтенныхъ съ этой цѣлью книгъ и затѣмъ обращается къ Марку съ такой просьбой: „Яви любовь ко единоплеменной Россіи, ко всему словенскому языку! Не облѣнися до насъ пріѣхати на колько мѣсяцей, даючи помощь нашему грубству и неискуству: бо не обвыкли мы, яко азъ, тако и князь Михайло, словенску языку въ конецъ, и того ради боимся пуститися едины, безъ помощи, на такое великое и достохвальное дѣло... Искахъ, продолжаетъ Курбскій, помощи себѣ, семо и овамо обращаяся, и никако-же обрѣтохомъ. Аще ли Богъ тебя принесетъ до насъ, то бы азъ сѣлъ со единымъ бакаляромъ за книгу Пав-

ловыхъ эпистолей, бесѣдованныхъ отъ Хризостома, а ваша бы милость сѣлъ за другую книгу, со княземъ Михайломъ, или Григорія Богослова, или Василія Великаго. Посылаю къ вашей милости, въ подарокъ духовный, *орацію* едину Григорія Богослова, а другое *слово* Великаго Василія, переводу нашего: прошу, иже бы есть принялъ тотъ малый нашъ упоминокъ съ любовію"... Переводъ обѣихъ бесѣдъ до насъ не дошелъ; не сохранилось и „*предисловіице* единой книги своего переводу", которое посылалъ Курбскій Марку и о которомъ упоминаетъ въ письмѣ. Неизвѣстно, внялъ-ли Маркъ просьбѣ Курбскаго. Разсказывая въ своемъ „предисловіи" на „Новый Маргаритъ" исторію своихъ трудовъ по переводу отеческихъ твореній, Курбскій ближайшимъ своимъ помощникомъ по этому дѣлу называетъ уже какого-то „юношу Амброжія": „Купилъ книги и умолилъ юношу ко переводу—у него-же внѣшнимъ наукамъ учихся—именемъ Амброжія, отъ родителей христіанскихъ рожденна, зѣло въ писаніяхъ искусна суща и верхъ философіи внѣшнія достигша. И первіе протолковахъ съ нимъ зъ латинскаго въ словенскій всѣ главы съ книгъ Златоустовыхъ, что онъ исправилъ, на семъ свѣтѣ будучи"...

VIII. *Епистолія ко Кадіану Чаплію Андрея Ярославскаго* [Сказанія, стр. 232—236]. „Епистолія" отвѣчаетъ на „широковѣщательный листъ" Чаплія къ Курбскому по религіознымъ вопросамъ и писана „въ Ковлю по рожденіи Іисуса Христа, Сына Божіяго, 1575 г., мѣсяца марта двадесятъ перваго дня". Чаплій былъ зараженъ социніанствомъ и, вѣроятно, въ этомъ духѣ поучалъ Курбскаго. Курбскій проситъ не трудиться наставлять его въ дѣлахъ вѣры,—такъ какъ, замѣчаетъ онъ о себѣ, „есмя за благодатію Божіею отъ младости нашей во святыхъ писаніяхъ, по силѣ нашей, научени и утвержени въ вѣрѣ христіанской благочестивыхъ догматовъ, яко проповѣдали пророцы, яко уставили отъ Христа пріемшіи

апостоли,—не такъ, яко ваша милость..., иже еси отъ мутныхъ источниковъ напоенъ и отъ истиннаго самочинника"... Подъ последнимъ Курбскій разумѣетъ какого-то „пана Игнатія", послѣдователя „пана Ѳеодосія"; послѣдній, вѣроятно—Ѳеодосій Косой, извѣстный еретикъ, который около этого времени бѣжалъ изъ Москвы въ Литву, и вліянію лжеученій котораго черезъ „Игнатія", вѣроятно, подпалъ Чаплій.

IX. *Листъ Андрея Ярославскаго до пана Ѳедора Бокея* [Сказанія, стр. 237—239]. „Листъ" писанъ въ отвѣтъ на посланіе Бокея и выражаетъ радость Курбскаго, что Бокей, „оставя еретическихъ бредней новосмышленія, паче же ни отъ кого свидѣтельствованную нынѣшнюю многоглавую ересь" (социніанство), обратился опять къ родной православной вѣрѣ. Курбскій не совѣтуетъ ему „ни водворятися, ни во многія розмовы вдаватися съ мужьми нечестивыми и еретичествомъ дышущими" и вообще всячески беречься „отъ таковыхъ псовъ", „расколовъ безвѣрниковъ"...

X. *Листъ второй Андрея Ярославича до Ѳедора Бокея* [Сказанія, стр. 239—240]. Писанъ также въ отвѣтъ на письмо Бокея и содержитъ общія нравственныя наставленія и предупрежденія.

XI. *Цидула князя Андрея Курбскаго до пана Древинскаго* [Сказанія, стр. 143—244]. Письмо касается сильно волновавшаго тогда западно-русское населеніе вопроса о введеніи новаго календаря. 13 февраля 1582 г., папа Григорій XIII обнародовалъ буллу о введеніи новаго календаря, извѣстнаго теперь подъ именемъ григоріанскаго. Стефанъ Баторій тотчасъ же издалъ универсалъ о введеніи его во всемъ польско-литовскомъ государствѣ. Іезуиты съ жаромъ принялись за осуществленіе универсала и произвели сильныя волненія въ средѣ православныхъ. Послѣдніе не принимали этого календаря, такъ какъ онъ совершенно измѣнялъ время церковныхъ праздниковъ; кромѣ того православные боялись, что новый

календарь—только предлогъ оторвать ихъ отъ единенія съ восточной церковью. Волненія въ православномъ населеніи по поводу изданнаго королевскаго универсала были на столько сильны, что польское правительство сочло лучшимъ сдѣлать уступку и новымъ универсаломъ объявило введенный календарь не обязательнымъ для православныхъ. Попытка введенія въ средѣ православныхъ новаго календаря вызвала цѣлую литературную полемику, не прекращавшуюся долгое время и послѣ. Древинскій поздравлялъ Курбскаго съ новымъ годомъ. Курбскій взволновался: отъ чего не съ праздникомъ „Обрѣзанія Господня“, не со днемъ Василія Великаго?.. Только врагъ церкви Христовой могъ принести подобное поздравленіе,— даетъ онъ понять Древинскому и проситъ его не дѣлать этого впредь.

XII. *Цыдула писана до пана Остафія Троцкаго*, т. е. къ Евстафію Воловичу, каштеляну троцкому [Сказанія, стр. 250—251]. Въ посланіи Курбскій выражаетъ надежду, что Остафій наконецъ вернется къ покинутому имъ православію, къ вѣрѣ своихъ „праотцевъ“ и „заткнетъ честныя своя уши отъ инославныхъ ученія“,—чаще прочитывая посылаемыя къ нему отъ Курбскаго творенія Златоуста... Посланіе писано, вѣроятно, около 1575—1576 гг., во время двухлѣтняго междуцарствія: въ концѣ письма Курбскій упоминаетъ о современномъ „безглавномъ во время интеррегнумъ, сирѣчь между-кролей, отечествѣ“..

XIII. *Посланейцо краткое къ Семену Сѣдларю, мѣщанину львовскому, мужу честному, о духовныхъ вещахъ вопрошающему* [Сказанія, 251—252]. Писано „въ Мильтовичъ, року 1580, мѣсяца генваря“, въ отвѣтъ на „эпистолію“ Сѣдларя, желавшаго знать, какъ думалъ Іоаннъ Златоустъ о чистилищѣ. Исполняя его просьбу, Курбскій посылаетъ при посланіи переведенную имъ съ латинскаго одну изъ *бесѣдъ* Іоанна Златоуста на посланія ап. Павла: „Желаніе твое ис-

полнихомъ безъ закоснения", пишетъ Курбскій: „не фолгуючи или не щадячи старость и недуга, мнѣ надлежащаго, и прочихъ приключившихмися напастей, вскорѣ преложихомъ отъ римскаго языка во словенскій не токмо о семъ реченный виршъ или стихъ, но всю цѣлую бесѣду оную и со нравоученіемъ, и послахомъ къ твоей честности, брату моему любимому и другу единовѣрному"... „А схизматикомъ онымъ (іезуитамъ) не показуй того, прибавляетъ Курбскій: бо зѣло сварливы и упрямы"... Вѣроятно, Курбскимъ переведена была и послана Сѣдларю девятая бесѣда Златоуста на посланія Павла; этотъ переводъ Курбскаго не сохранился.

Кромѣ перечисленныхъ сейчасъ писемъ Курбскаго, уцѣлѣло еще нѣсколько болѣе случайныхъ и мелкихъ его посланій или писемъ; ограничиваемся лишь краткимъ указаніемъ на нихъ. Въ *Посланіи къ Вассіану, старцу псковскому* [„Сказанія", стр. 253—255], Курбскій говоритъ о своихъ напастяхъ и между прочимъ сильно нападаетъ на современныхъ иноковъ; въ двухъ другихъ письмахъ къ тому же старцу Вассіану [*Опис. рук. Царскаго*, стр. 577; *Прав. Соб.*, 1863 г., кн. V—VIII] ратуетъ противъ вѣры въ апокрифы; въ особой припискѣ, заканчивающей эти письма и приписываемой также Курбскому [*Строевъ*, Опис. рус. Царскаго, стр. 577], рѣчь идетъ о *Скорининыхъ книгахъ новопечатныхъ полоцкихъ*,—а слѣдующее далѣе въ томъ же сборникѣ посланіе подъ заглавіемъ: *Андрей Ивану многоученому отвѣтъ о правой вѣри предлагаетъ* направлено противъ католичества и протестантства [напеч. въ *Прав. Соб.*, 1863 г., кн. II, 343 sgg]; наконецъ совершенно частный характеръ имѣютъ *два листа кн. Андрея Курбскаго Ярославскаго до княжны Анны Деспотовны Збаражской, старостины кременецкой*, писанные въ 1574 году [Сказанія, стр. 255—258] и относящіяся къ дѣлу объ одномъ бѣгломъ крестьянинѣ, въ укрывательствѣ котораго обвинялся Курбскій.

Изъ переводовъ, сдѣланныхъ Курбскимъ, извѣстны:

1) *Новой Маргаритъ*, заключающій въ себѣ избранныя сочиненія Іоанна Златоустаго. Переводъ въ рукописи, современной переводчику, хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ [подъ № 187]. Языкъ перевода—бѣло-русскій или западно-русскій XVI вѣка. Въ „Предисловіи многогрѣшнаго Андрея Ярославскаго на книгу сію“ разсказывается между прочимъ „жалостна и плачу достойная исторія кратка“ о его жизни въ Литвѣ и занятіяхъ по переводу отеческихъ твореній. Пришлось ему жить здѣсь „между человѣки тяжкими и не гостелюбными и къ тому въ ересѣхъ различныхъ развращенными“,—слыша въ то же время „во отечествѣ огнь мучительства прелютѣйшій горящъ, и гоненіемъ попаляемъ родъ христіанскій безъ пощаженія, и лютость кипящу презѣльную на народъ христіанскій, горшую, нежели при древнихъ мучителѣхъ“... Грозный царь „матерь его и отрочка единого сына, въ заточенію затвореныхъ, троскою (скорбью) поморилъ; братію его, единоколѣнныхъ княжатъ Ярославскихъ, различными смертьми поморилъ, служащихъ ему вѣрнѣ, имѣнія его и ихъ разграбилъ, отъ любимаго отечества его изгналъ, отъ друговъ прелюбезныхъ разлучилъ“... Изгнанникъ все это зналъ и слышалъ и—„объятъ жалостію, тяжкое уныніе давитъ его, нестерпимыя бѣды, какъ моль, съѣдаютъ сердце его“... И сталъ онъ искать утѣшенія „въ книжныхъ дѣлѣхъ“: „разумы высочайшихъ древнихъ мужей прохождахъ, прочитахъ, разсмотряхъ физическіе (*физика* есть книга Аристотельская, коя въ себѣ замыкаетъ прироженную або естественную философію и есть зѣло премудра) и обучахся и навыкохъ еттическихъ (также и *еттика*, десять книгъ Аристотельскихъ, кои научаютъ найлѣпшей философіи, сирѣчь обычае любомудрія, и человѣческому роду найпаче зѣло потребнѣйша), часто же обращахся и прочитахъ сродныя мои священныя писанія, ими же праотцы мои были по душѣ воспитаны“... „И пріѣхавъ мнѣ уже ту (въ Литву) отъ отечества

моего, продолжаетъ Курбскій о своемъ положеніи въ Литвѣ— съ сожалѣніемъ (въ виду отсутствія русскихъ переводовъ отеческихъ твореній) потщихся латинскому языку пріучатися, того ради, ижъ бы моглъ преложити на свой языкъ что еще не преложено,—ижъ нашихъ учителей чуждые наслаждаются, а мы гладомъ духовнымъ таемъ, на свое зряще. И того ради не мало лѣтъ изнурихъ, въ грамматическихъ и въ діалектическихъ и въ прочихъ наукахъ пріучахся"... Но однихъ его силъ не хватало на задуманное дѣло, а помощниковъ не находилось. „Искахъ, заключаетъ Курбскій жалостную исторію своихъ трудовъ, мужей словенскимъ языкомъ книжнымъ добре умѣющихъ, и не возмогохъ обрѣсти. Аще и елицыхъ обрѣтохъ, мниховъ и мірскихъ,—не возмогоша помощи ми: мниси отрекошася, уничижающеся непохвальнѣ, не глаголю лицемѣрне, а лѣностне, отъ того достохвального дѣла; мірскіе не восхотѣша, объяты будучи суетными міра сего и подавляюще сѣмя благовѣрія терніемъ и осотомъ. Азъ же бояхся, ижъ отъ младости не до конца навыкохъ книжнаго словенскаго языка"... По предположенію Ундольскаго, переводъ Іоанна Златоуста сдѣланъ Курбскимъ съ латинскаго изд. Еразмова [1530 г., V т.]. Рукопись перевода вообще чрезвычайно важна и заслуживала-бы спеціальнаго изученія.—Кромѣ помѣщенныхъ въ „Новомъ Маргаритѣ", Курбскому принадлежитъ переводъ нѣсколькихъ *бесѣдъ* въ собраніи словъ Златоуста, по рукописи Московскаго Румянцевскаго Музея, XVI вѣка, № 126. О своихъ переводахъ отдѣльныхъ бесѣдъ Златоуста Курбскій не разъ упоминаетъ и самъ въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ (къ К. К. Острожскому, къ Кузьмѣ Мамоничу, къ Семену Сѣдларю).

II. „*Небеса*" *Іоанна Дамаскина* и нѣкоторыя другія его творенія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ „Фрагментовъ",— напр. *Діалектика* или *Логика*, *Пренія съ Сарациномъ* и пр. [переводы хранятся въ Московскомъ Румянцевскомъ Му-

зеѣ,—въ рукописи XVII в., № 193; въ рукописи собранія Ундольскаго XVI в., № 187, и собранія Пискарева, XVII в., № 189, а нѣкоторыя изъ нихъ—также въ Моск. Синод. Б-кѣ, въ рукописи XVI—XVII вв., № 191].

Переводы Курбскаго почему-то не были сполна напечатаны и сохранились гл. обр. въ рукописныхъ спискахъ. Курбскимъ переведены были очень многія, наиболѣе важныя, творенія Іоанна Дамаскина, и бóльшая часть ихъ была переведена имъ вновь. По дошедшимъ спискамъ, въ переводѣ Курбскаго извѣстны: кромѣ *Богословія* Дамаскина, его *Діалектика*, и слѣдующія мелкія сочиненія, называемыя Курбскимъ „фрагментами" и почерпнутыя имъ иногда дѣйствительно оттуда: 1) *О судномъ дню*, 2) *Посланіе ко Іоанну, епископу Лаодикейскому*", 3) *О Христовыхъ дву воляхъ и дѣлѣхъ и о другихъ естественныхъ свойствахъ*, 4) *О ересѣхъ*, 5) *Посланіе о трисвятой пѣснѣ*, 6) *Книга, въ ней же описуется гаданіе христіанина съ сарацининомъ*, и 7) *Статей нѣкоторыхъ остатокъ до Клеры сестры* (перечисляемъ въ порядкѣ помѣщенія переводовъ въ существующихъ списках). Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ трудахъ Курбскаго сообщаются имъ самимъ, въ прилагаемыхъ имъ къ переводамъ „предисловіяхъ" и „сказахъ".

Переводъ Богословія сопровождается особенно обширнымъ предисловіемъ: *Предисловіе Андрея грѣхми исполнена*—гдѣ переводчикъ подробно разсказываемъ исторію своего труда. „Единова", пишетъ онъ, „случило ми ся прочитати книгу многострадальнаго Максима, который много бѣдъ и лжеклеветаній въ многіе лѣта претерпѣлъ отъ лжебратіи, и обрѣтохъ въ ней едино посланейцо къ нѣякому Егорію, имъ же острегаетъ его отъ развращенныхъ писменъ, утверждающе во правовѣрныхъ догматѣхъ, а похваляетъ и совѣтуетъ ему читати Книгу Дамаскинову, сице глаголюще: Внимай православнымъ учителемъ, что, господине, реклъ, нѣсть

лучьши Книги Дамаскиновы; аще бы прямо преведена была и исправлена, въистинну небесной красотѣ подобна и пищѣ райстѣй, и сладчайше паче меда и сота. Азъ же сему зѣло удивихся и скорбію объятъ быхъ, ижъ большая часть книгъ учителей нашыхъ не преведена есть въ словенскій языкъ, и нѣкоторые преведены не прямо, отъ преводниковъ неискусныхъ, а нѣцыи отъ преписующихъ въ конецъ испорчены, растлѣнны, и размышляхъ собѣ, откуды сицевая тщета намъ. Оттуды воистинну, ижь древніе учители были наши во обоихъ научены и искусны, сиречь, во внѣшныхъ ученіяхъ философскихъ и во священныхъ писаніяхъ, и къ тому тщаливы и бодры; а мы неискусны и учитися лѣнивы, и вопрошати о невѣдомыхъ горди и презориви, и аще мало нѣчто навыкнемъ, мнимся уже все умѣти, и сего ради аще что въ писаніяхъ обрящемъ недовѣдомо, портимъ и растлѣваемъ, яко ся намъ видитъ, а вѣдущыхъ не хощемъ вопросити, а ни поучитися хотимъ, но простерты лежимъ лѣностію и гнусностію погружены. И сего ради со прилежаніемъ прочтохъ книгу блаженнаго Дамаскина, книгу, глаголю, зѣло премудрую, и много намъ потребную,—бо онъ былъ учитель послѣдній, и избираючи отъ всѣхъ учителей вкратцѣ описалъ, яко бы зерцало церкви и щитъ, альбо бронь крѣпкую ото всѣхъ еретикъ, и обрѣтохъ ее не токмо преведену недобре, альбо отъ преписующыхъ отнудь растлѣнну, но и ко выразумѣнію неудобну, и никому же познаваему, къ тому и несполна преведену: многихъ бо словесъ въ нашей не обрѣтается. И набыхъ книгу, грецки по единой странѣ писанную, а на другой странѣ по римски, и къ тому дѣлу призвахъ и умолихъ въ помощь собѣ Михаила Андреева сына Оболеньского,—яже есть з роду княжатъ чер-

ниговскихъ,—понеже въ старости уже философскихъ искуствъ приучахся, а онъ во младыхъ лѣтѣхъ прошелъ и ихъ научился. И начахъ исправляти ю, а чего небыло въ нашей словенской,—сызнова преводити, и такъ трудоносне, ижь намъ лехчайше обрѣталося небывшее преводити, нежели испорченое и растлѣнное исправляти... Не обрѣташася въ первой книзѣ 6 главъ, ея же паче иныхъ писалъ богословне. Во второй десяти, которая писана метафизицки и физицки. Егда же доидохъ ко третьей,—обрѣтохъ тое книги точію два слова начальные, а двадесяти и седми словесъ не было, ея же писалъ такоже философски противъ различныхъ еретиковъ, паче же единовольниковъ, оброняючи церковные догматы, зѣло премудрыми непререкомыми истиннымп аргументы, або свидѣтельствы. Такоже и въ четвертой пятинадесяти главъ не было"... Переводъ Богословія Дамскина относился, нужно думать, къ періоду времени 1575—1579 гг. Въ посланіи къ Чаплію, 1575 года, Курбскій замѣчаетъ „книга его (Іоанна Дамаскина) не переведена въ словенскій"...; въ посланіи же своемъ къ Грозному, въ 1579 году, говоря о „книзѣ премудраго Іоанна Дамаскина", Курбскій уже прибавляетъ: „мню, иже въ твоей землѣ не преложена сполна съ грецка языка; а у насъ здѣ, благодатію Христовою, вся есть цѣла преведена и съ великимъ тщаніемъ исправлена"...

Въ концѣ „предисловія", приложеннаго къ переводу Богословія, Курбскій, изложивъ ходъ трудовъ своихъ по переводу этой книги, замѣчаетъ: „Послѣди же сея книги обрѣтохъ Діалектику, зѣло нарочитѣ написану и отъ философіи указанну, посланну къ Козмѣ епископу Маіумскому, и иные прекрасныя и потребныя вещи, ихъ же у насъ нѣсть преведено. Азъ же къ тому не могохъ пріити за бѣдами и напастьми страньства моего, иже бы моглъ преложити до конца всю книгу священную и много-

полезную“... Изъ этихъ словъ, вопервыхъ, видно, что Курбскому неизвѣстно было существованіе **древняго** славянскаго перевода Діалектики,—иначе онъ упомянулъ бы о немъ; вовторыхъ, изъ приведенныхъ словъ оказывается, что Курбскій нѣкоторое время колебался приняться за переводъ Діалектики, въ виду „бѣдъ и напастей страньства своего“. Но все же „бѣды и напасти“ не помѣшали окончательно выполненію и этого труда. Существующій въ нѣкоторыхъ нашихъ рукописныхъ собраніяхъ западно-русскій переводъ Діалектики Дамаскина долженъ быть приписанъ трудамъ именно Курбскаго,—а не былъ сдѣланъ „послѣ, кѣмъ-нибудь другимъ“, какъ предполагалъ **Востоковъ**. Прямое указаніе на это находимъ въ спискѣ перевода Діалектики, находящемся въ библіотекѣ Хлудова. Къ списку приложенъ довольно обширный *Сказъ Андрея Курбскаго о Лоикѣ*,—гдѣ читаемъ: „Се уже, братія возлюбленные и единоязычные, за благод тію Христа нашего и **Діалектика або Лоика**, наука оная свѣтлѣйшая словесная, **преведена есть**,—о ней же воспомянухъ **во предословіи моемъ, иже не могъ есми** вкупе со Книгою Дамаскинскаго превести ея, **напастей** ради моихъ. Учите же и навыкайте ее нелѣносне, и аще ее добре навыкнете, удобне вамъ будетъ читати и разумѣти писаніа философьскія, яко нашихъ великихъ учителей христіанскихъ, такъ и внѣшнихъ философовъ“...

Въ той же рукописи Хлудова, по окончаніи перевода Богословія [„Книги о вѣрѣ“], находится оглавленіе всѣхъ помѣщенныхъ дальше переводовъ сочиненій Іоанна Дамаскина, подъ общимъ заглавіемъ: *Главы фрагментовъ, яже суть за книгами о вѣрѣ Іоанна Дамаскинскаго*, и затѣмъ идетъ перечень помѣщенныхъ далѣе въ рукописи сочиненій Дамаскина: 1) **О иже въ вѣрѣ усопшихъ**, 2) **О судномъ дню**, 3) **Посланіе къ Іоанну, еп. Лаодикійскому** и т. д. Изъ нихъ о первомъ и десятомъ въ оглавленіи замѣ-

чается: „Сіе слово прежде насъ переведено“, „Сіе слово прежде преведено“,—и названныя сочиненія приводятся дѣйствительно по старому славянскому переводу; остальныя переведены вновь съ латинскаго. Въ концѣ оглавленія объ оставшихся непереведенными сочиненіяхъ Дамаскина замѣчается: „Потомъ пѣсни всѣ, сиречь ирмосы, кануны, стихиры и другіе того же рода духодвизательне отъ него сложеные, ихже намъ преводити албо исправляти не видѣлося достодолжнымъ,—бо давно прежде насъ преведенны. Аще гдѣ будетъ и неблагочинне преведенно или отъ преписующихъ испорчено, и азъ мудрѣйшимъ уступую исправляти“.

Такимъ образомъ переводъ перечисленныхъ здѣсь въ оглавленіи мелкихъ сочиненій Іоанна Дамаскина принадлежалъ, очевидно, тому же лицу, которымъ переведены были и Богословіе и Логика Дамаскина, т. е. князю А. М. Курбскому.

Нельзя не отмѣтить одной особенности переводовъ Курбскаго,—его многочисленныхъ примѣчаній или „сказовъ“, многочисленныхъ дѣлаемыхъ къ тексту переводчикомъ поясненій отдѣльныхъ словъ и выраженій, которыя онъ считаетъ необходимымъ „лѣпшаго ради вырозумѣнія“ постояно присоединять къ переводу. Многіе изъ этихъ „сказовъ“ весьма любопытны; они показываютъ не только широкое и многостороннее образованіе самого Курбскаго, но—чтó особенно важно—и его необыкновенную предупредительность къ своимъ будущимъ читателямъ, теплую, сердечную заботливость о возможно бóльшемъ „вырозумѣніи“ ими предлагаемаго чтенія. Что касается до дѣлаемыхъ Курбскимъ толкованій отдѣльныхъ словъ и выраженій,—эти поясненія, въ свою очередь, являются драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи языка.

Приводимъ примѣры тѣхъ и другихъ, помѣщая „сказы“ параллельно съ соотвѣтствующими частями текста, къ которымъ они на поляхъ присоединяются переводчикомъ [рук. № 193]

Къ словамъ текста:

...аще и семь круговъ за семь небесъ разумѣти восхощешь, никакожь истинна въ правдѣ умалится...

...а которая убо не есть послушна, и которая не препіраегся словы, животная есть, которая токаемая нарицается...

На поляхъ:

„Глаголеть, аще седмь круговъ, сиречь седмь путей, по нихъ же планеты благочинне по Божію устроенію шествуютъ, которые круги, албо пути, учители церковные, вси во единомъ небеси, рекше въ тверди, быти разумѣютъ,—никако правда умалится, и сице по божественному Павлу, три небеса имѣти будемъ, сиречь первое небо небесное, потомъ твердь, послѣди же воздухъ, бо и то писаніе небомъ наречетъ, якъ здѣ Дамаскинъ свидѣтельствуетъ“ (л. 32 об.).

„Сиречь, егда руку ко сердцу приложишь, токаетъ, сиречь біется, албо жилы біются, и аще бы имъ заповѣдывалъ, не знають, а ни слышатъ, бо сіа часть животная, рекше садовная, далеко отъ словесные части души; а средняя часть души, сиречь еже душевная наріцается, сіа покаряется умной и словесной части души, понеже ближайша къ ней“ (л. 46).

...словеснаго убо ово зрительно, а другое дѣлателно есть; зрителное убо по уму, понеже суть сущіе; дѣлателное ж по совѣту, яжъ ему управляеть дѣломъ правое слово...

Къ слову „зрително": „Сказъ. Умъ человѣческій мудрые на двое раздѣляють, едину часть зрителнымъ нарицають, который къ чувствомъ ничесожъ имѣетъ, но о Бозѣ помышляеть, и о безплотныхъ силахъ мечтаеть, такожъ и о созданныхъ вещахъ и о животѣ будемъ мыслить".

Къ слову „дѣлателно": „А другую часть ума дѣлателнымъ нарицають, которы чувствомъ ближайшіи и помыслы сердечьные, яко чрезъ послы внутренихъ чувствъ приносимые, разсуждаеть и управляеть, и въ дѣло производіти повелѣеть".

Къ слову „сущіе": „Рекше сущеи сущихъ зритъ, сиречь нетлѣнно и умъ нетлѣнныхъ" (л. 60).

...а если сіе по нужѣ пристаеть ко словесному самовластное албо нѣсть словесно...

„Аки бы рекль, аще бы было по нужи, яко нѣцыи глупають, ижъ родился онсица человѣкъ таковъ, и под таковою звѣвдою, албо въ такій часъ, невозможно уже ему премѣнитись,—таковымъ Дамаскинъ насмѣвается, обличающе ихъ безуміе, яко читающе вырозумѣешъ разумъ православія" (л. 60 об.).

...аще солнце, намъ свойственные дѣла подающе, пребываеть нашими невѣдомо, колми паче создатель солнца, Господь...

„Аще солнцу таковую вложилъ силу теплотную и живителную, ижь сіяетъ на всякіе мѣста, на смрадные и на нечистые, тѣхъ изсушающе, а сѣменнымъ и садовнымъ и прочимъ таковымъ силу живителную, рекше плодорастителную умножающе, а само ни въ чесомъ же умаляется,—колми паче Господь солнца, аще и все человѣческое естество на ся облекъ, наши изсушающе нечистые страсти и просвѣщающе и плодоносны творяще души и телеса, а себе ни въ чесомъ же умалилъ и божествомъ ничесоже человѣческихъ пострадалъ, ани претерпѣлъ“ (л. 78).

...коимъ дѣломъ соединенни суть не числятся, ибо не исповѣдуемъ быти по ипостаси дву естествъ Христовыхъ...

„Сіе слово написалъ Дамаскинъ глупства ради и безстудія еретическаго, клевещуть бо еретицы на церковь, глаголюще, иже бы глаголали двухъ по числу, понеже правовѣрные исповѣдуютъ Христа въ цѣломъ божествѣ, рекше въ совершенномъ и въ цѣломъ человѣчествѣ, и сего ради сіе реклъ, оправдаючи церковь. Ибо не исповѣдуемъ быти по ипостаси дву

естествъ Христовыхъ (и прочіе читающе узришъ), но яко отъ невидимаго и видимаго, сиречь отъ души и тѣла, сложенъ человѣкъ и не нарицается инако, точію человѣкъ единъ, аще и отъ двух естествъ, такоже и Христосъ, аще Богъ совершеный и человѣкъ совершенный, не нарицаются отъ церкви два Христи, но единъ Христосъ по ипостаси" (л. 78 об.).

...мысленной же и разумной, доброволное и самовластное, аще убо по естеству есть колеблющему растителное, и чувственному по мѣсту движеніе, а того ради по естеству есть мысленному и разумному, доброволное и самовластное движеніе...

„Три бываютъ части зримы, ими же животъ нашъ содержится. Колеблющася, всѣхъ нижайшая, къ вещи тѣлесней присажденна. Чувственная жъ въ животныхъ безсловесныхъ вышнее мѣсто имѣеть, ихъ же вожделеніе естества ведеть ко долу, въ человѣцехъ же среднее. Мысленная же во человѣцехъ наивышша и предостойнѣйша. Ко всякому же убо животу належить свое свойственное движеніе. Къ колеблющему движеніе разстителное. Къ чувственному по мѣсту движеніе, рекше имъ же бываетъ съ мѣста на мѣсто движимъ. Къ мысленному же

животу и разумному движеніе волное и самовластное по естеству, а того ради человѣкъ по естеству самовластный и волю имѣеть по естеству ему приданую“ (л. 87 об.).

...и паки, аще звѣрь, разумный смертный человѣкъ, и всяко уставленіе покоренныхъ естествъ нарицающе, и нѣсть равно по естеству мысленное смертному, не былъ бы во истинну единаго естества человѣкъ, по уставу свойственнаго уставленіа...

„Вопрошенъ отъ нѣкоторыхъ Платонъ философъ, яко бы существо человѣческое вытолковалъ? Отвѣщалъ, иже есть человѣкъ звѣръ разумный смертный; сего ради здѣ припоминаетъ сіе Дамаскинъ, ижъ сопротивъ зломудренныхъ философовъ, которые оклеветують естествъ уставъ, философскимъ обычаемъ вѣщаетъ, обличающе ихъ“ (л. 99 об.).

...сице и во Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ не части частей разсмотряемъ, точію зъ ближайшаго сложенно, божества и человѣчества...

„Не часть частей разсмотряемъ, но ближайшіе? Аки бы реклъ, не по стихіинымъ частемъ души и тѣла соединенна зримъ (яко нѣцыи блядуть) три естества сего ради быти во Христѣ и три дѣланіа, рекше тѣла ради и души и божества его; но сіе есть хула. Но по ближайшимъ, сиречь отъ божества совершеннаго и человечества совершеннаго, соединенна есть ипостась Христова. А если соединенна отъ совершенныхъ естествъ, убо послѣ-

дуеть и отъ дѣлъ и воль различныхъ, понеже дѣла и воли не ипостасны, но въ естествахъ замыкаются несліянне“ (л. 101).

...паки сумнителныхъ, яко предрекохомъ, воля нѣкогда силу ею жъ хощемъ изявляеть...

„Что есть сумнительна? Сумнителна наричется то, еже единымъ именемъ овогда тое, овогда иное нарицается, яко и въ сущемъ гдѣ глаголеть“ (л. 199).

...а насъ егда бы бремя браку сложили, яко иноковъ пріимовати и блаженныхъ вводити...

„И здѣ зрите, православные, и стережитесь того еретическаго узаконеніа, яжъ дерзаютъ пущати жены свои безъ вины законные и ходити во иноческое житіе,—таковое есть повелѣніе тѣхъ презлѣйшихъ еретиковъ, а ни апостолскіи, а ни святыхъ отецъ, яко о томъ пространнѣй вамъ прежде насъ написалъ Максимъ преподобный, святогорскій инокъ, новопострадавшей о Христѣ о томъ же братіи безъ правды“ (л. 234 об.).

...родителемъ совѣтуютъ, иже бы закосняли сыновомъ воспитанія, и къ нимъ все свое относили...

„Тому подобная ересь и у нашихъ иноковъ лицемѣрныхъ и любостяжательныхъ явилася (а не истинныхъ), —учатъ бо отцовъ и ужиковъ нерадѣти о ближнихъ въ родѣ

(яже апостолъ рече, аще кто не промышляеть о своихъ, паче же о ближнихъ въ родѣ, вѣры отвергся, и есть горши невѣрнаго), но совѣтують и глаголють не давати, рече, имѣнія аще и убогимъ сродникомъ, и давай къ манастырю, а за то тобѣ умолятъ святые у Бога царствіе небесное. И такъ земли христіянскіе уже знищили, иже военскій чинъ каликъ хужши учинили“ (л. 234 об.).

...рабовъ, бѣгающихъ отъ своихъ господей, доброволне пріемлють...

„Зрите, иноцы осифлянскіе и герасимянскіе и прочіе, и ужаснитеся, зане то, еже исполняете,—рабовъ бѣгающихъ со всякимъ краденіемъ отъ господей ихъ приемлете, сопротивъ правилъ седмостолпныхъ сіе творите, а тое зломудреное ереси наслѣдуете“ (л. 234).

...яже въ божественныхъ писаніяхъ ищуть нѣякого искусства..

„Сія ересь въ московской земли носится между нѣкоторыми безумными,—блядословять бо, непотреба, рече, книгамъ много учитися, понеже въ книгахъ заходятся человѣцы, сирѣчь безумѣють, або въ ересь упадають“ (л. 238).

...яко глаголѐмъ три человѣки, и три суть яже свидѣтельствують, вода и кровь и духъ, а трисъ чрезъ іоту, словесне за многократное...

„Трисъ, сія грецкая пословица есть, бо у нихъ множайше не складомъ ставятся, но единымъ словомъ подъ титломъ, або иными знаки обыкновенными, пачеже елладскимъ высочайшимъ языкомъ пишуще, сиречь еллински“ (л. 246 об.).

...подобаеть вѣдати показаніе быти лоики разсмотрѣнія...

„Лоика нарицается або бесѣдованіе, або истинныхъ отъ ложныхъ разсужденіе“ (л. 330 об.).

...и аще обрѣтенна была бы едина отъ непреборимыхъ ложная, або замкненіе, подъуловляющимъ свидѣтельствомъ есть, а не силогизмъ...

„Паралогизмъ, а по латине капцыоза аргументацыя або конклюзіо фаллясъ, або децепціо перъ фалсасъ опиніонесъ, а по словенску подуловляющее свидѣтельство“ (л. 331).

...яко парменидосовъ глаголъ, понеже едину глагалалъ истотность...

„Парменидесъ филосоѳъ, Ксенефонтовъ ученикъ и другъ, отъ котораго имени Платонъ бесѣду, яжъ о идіахъ писалъ, Парменидомъ прозвалъ,—тотъ мнилъ все быти вѣчно и недвижимо, что бы было истотность по истинной вещи, ибо толико быти просто, и не боящееся, и нероженно, а рожніе оныхъ быти ложнымъ мнѣніемъ видятся быти, егда же не суть. А чувства отлученны ото ис-

тинны непщевалъ, понеже утвержалъ, аще что есть паче истотности, сіе не быти истотность, а ни истотность не быти въ вещахъ. А сице собѣ истотность въ живущихъ составлялъ, а землю разлѣйшимъ аеромъ спаденіемъ сотворенну блядословилъ“ (л. 332 об.).

...а таковыи есть центауровъ и сириновъ и троеляфовъ басни смышлены...

Къ слову „центауровъ“: „Людъ, о нихъ же поетове пишутъ, аки бы на полы человѣкъ былъ, а на полы конъ, подобно того ради, ижъ на конѣхъ битвы первіе началися“...

Къ слову „сириновъ“: „Дивъ морскій, образомъ дѣвица будуща по поясъ, а прочая рыба; поетове затеваютъ, три быти дщери Ахеліовы, яжъ прекраснымъ воспѣваніемъ человѣкь прелщаютъ, сиречь усыпляють и потопляють, имъ же имена были: Парθенове, Лигія и Леукозіа“...

Къ слову „троеляфовъ“: „Звѣръ есть, въ Фазѣ рѣцѣ плодящеся, браду козлову мающе, а во прочимъ еленю подобень, откуды смѣшанно съ еленя и козла“ (л. 333 об.).

...Несторій же и иные мнилъ соединенія, по достоянію глаголю и по почести, и по такости произволенія...

„Несторій былъ сынъ Хлоридовъ и Нелеи, яжъ юношею бралъсе жива отца имѣюще сопротивъ епентомъ пелопоненскимъ людемъ; яжъ потомцы ліи нарицались, и потомъ егда у Перитеуса, на браку былъ, противъ Центаурои, яжъ и подалію одержати хотяше мужественне брался. Послѣди на войнѣ троянской, егда уже старъ былъ, бо три вѣки человѣческіе жилъ, съ пятюдесять кораблей съ нѣкоторыми грецкими началники подъ Трою приплылъ, въ девеносте лѣтехъ отъ рожденіа. А триста лѣтъ жилъ, внегда здравымъ совѣтомъ грекомъ зѣло помогалъ, понежъ многіе ради мудрости, яже долготы ради вѣку въ немъ собрана была, таковымъ словествомъ цвѣлъ, иже отъ его устъ паче медъ слодчайше исходило реченіе" (л. 334). И т. д.

Изъ поясненій отдѣльныхъ словъ и выраженій отмѣтимъ:

Въ текстѣ:	На поляхъ:
по качеству	„по якости" (л. 4).
хитрецъ	„промысленикъ" (л. 4 об.).
случаю	„фортунѣ" (л. 5).

проразумительный	„промышленникъ“ (л. 5 об.).
изятіемь	„лишеніемъ“ (л. 5 об.).
ипостась	„составъ“ (л. 7).
мниманіа	„мнѣнія или непщеванія“ (л. 8).
не пары	„не дыханію“ (л. 8 об.).
силы	„моцы“ (л. 8 об.).
безъ часу	„безъ времени“ (л. 9 об.).
совсегдачно	„соприсносущно“.
якость	„качество“ (л. 11 об.).
думою	„совѣтомъ“ (л. 15).
сый	„иже есть“ (л. 17).
прикладне	„уподобленне“ (л. 18).
обятія	„страсти“ (л. 19 об.).
зъ ничесоже	„отъ небытія“ (л. 20).
вышше существенное	„пресущественное“ (л. 20).
зъ нарочитѣйшихъ	„зъ зацнѣйшихъ“.
аерь	„воздухъ“ (л. 22).
маестату	„величества“ (л. 23 об.).
обякновеніа	„извадки“.
надъ то	„къ тому“ (л. 25 об.).
и скорошествіе	„и прудкости“ (л. 27 об.).
не извратно	„не премѣнно“ (л. 28).
извратно	„премѣнно“.
силны	„крѣпцы“.
властели	„князи“ (л. 29).
изобретенна	„вымышлена“ (л. 30 об.).
стихіа	„елементъ“ (л. 31 об.).
скинію	„шатеръ“ (л. 32).
ставался	„былъ“ (л. 33 об.).
влажнѣйши	„мокротнѣйша“.
аргументованіа	„доводу, або свидѣтелства“.
драконы	„зміеве великіе“ (л. 39).
пиѳики	„обезяны“.
кринъ	„рожа лиліа“.

на врачеванie	„на цѣлбу“.
осоты	„волчецъ, албо репина“.
жизнь	„животъ“ (л. 42).
природнанны	„уподобленны“ (л. 43).
самымъ вырозумѣнieмъ	„единымъ умомъ“.
хвалителя	„поклонника“ (л. 42).
искуства	„художества“.
колера	„жолтая курчина“ (л. 45).
преподобія	„доброты“.
альчба	„гладъ“.
сласти	„роскоши“ (л. 46).
особы	„лица“.
смилованie	„милосердie“.
блаженствъ	„добротъ, албо благъ“ (л. 47).
токающая	„біющаяся“ (л. 48).
смаковъ	„вкушеней“ (л. 49).
отстено	„ѣдко“.
напряженie	„натягненie“.
вырозумѣнia	„познанia“.
навыкнемъ	„научимся“.
направленie	„наставленie“.
гласъ	„глаголъ“.
вожделенia	„похоть“ (л. 51).
естества	„прироженia“.
ово	„нѣкогда“.
сеновне	„суптелне, албо тонце и прекрасне“.
впоенна	„воображенна“ (л. 52).
совѣтованieмъ	„порадою, албо думою“.
думаетъ	„совѣтуетъ“.
декретомъ	„усужденieмъ, албо уложенieмъ“.
привержена	„подручна“.

образователные	„ремесленные“ (л. 55).
нашей поставѣ	„нашему лицу, албо особѣ“.
риторовъ	„красноглагольниковъ“ (л. 58).
измѣнностяхъ	„извратностяхъ“ (л. 60).
вида два	„особы двѣ“ (л. 62).
попущаеть	„послабляеть“.
по естеству	„по прироженію“.
натрижненіе	„мзду“ (л. 65).
породы	„раю“ (л. 66)
срокгіи	„люты“ (л. 67).
придатьки	„прибавленми“
непщеваніе	„мнѣніе“ (л. 75).
безвременне	„безлѣтне“ (л. 76).
временъ	„часомъ“.
прещеніе	„трусъ“ (л. 81).
случаевъ	„припадковъ“.
лжепотвари	„лжеклеветаніа“ (л. 84).
доброволенъ	„самовластенъ“ (л. 88).
гноменъ	„совѣтъ“ (л. 90).
избраніе	„изволеніе“.
уживаеть	„пріемлеть“ (л. 92).
хвѣющеяся	„колеблющаяся“.
ѳеологіи	„богословіа“ (л. 94).
простого	„нагаго“ (л. 95).
смущаеть	„смѣшаетъ, албо сливаеть“.
заисте	„поистинне“ (л. 104).
тропусъ перифразисъ	„тропусъ наричется фикгура, або образець“ (л. 106 об.).
возгорѣніе	„запаленіе“ (л. 110).
заступила	„встрѣтила“, або сопротивъ стала“.
линіею	„чертою“ (л. 121).
залогъ	„задатокъ“ (л. 123).

бѣдно	„трудовъ исполненно“ (л. 124).
катапетазму	„препону, або завѣсу“ (л. 128).
тужаще	„скорбяще“ (л. 130).
чрезъ звыклые	„обычными“.
чрезъ оное	„тѣмъ“.
ижь бы смы не были	„да не будемъ“.
обьявили смы	„обявихомъ“.
надъ	„выше“ (л. 135).
почестоносцы	„мученики“ (л. 138).
зуграфа	„маляра“ (л. 139).
по писмени еѵрейскіе	„по алфавитамъ жидовскаго гласа“.
стихами	„виршами“.
приповести	„притчи“.
добротъ	„цнотъ“.
обычаи	„чины“ (л. 146).
сеновнымъ мышленіемъ	„тончайшею мыслію“.
въ естественной якости	„въ естественномъ качествѣ“.
подущеніа	„подстрецаніа“ (л. 150).
во умысль	„во умъ“ (л. 150).
молится по насъ	„ходатайствуетъ о насъ“.
и подъ ермомъ почіеть	„и подо игомъ обучится“ (л. 151).
благодати натриженіе	„доброти мздовоздаяніе“.
насилствують	„разоряють“.
синагогу	„сонмище“ (л. 157).
распустное	„слабое“ (л. 158).
злаки	„зѣлія“ (л. 158).
во браздахъ	„на загонѣхъ“ (л. 161).
честныя царіе учредити	„порфироносящихъ царей угостити“.
силигнь	„колачь“ (л. 173).
злые ихъ образы	„грозные ихъ взоры“ (л. 174).

усужденіе	„декретъ“ (л. 175).
любовникомъ	„возлюбленнымъ“ (л. 176).
уподобленіе	„мѣрило“ (л. 177).
клевретство	„содруженіе“.
затѣмъ изообиловало	„надъ то збывало“.
особою	„поставою, або лицемъ“ (л. 179).
видъ отъ вида	„постава отъ поставы“.
равно	„единако“ (л. 180).
лоза	„прищепъ“ (л. 181).
олива	„маслица“ (л. 182).
слонъ	„алефантъ“.
брачитися и не брачитися	„пояти жену и не пояти“.
притчи	„вины“ (л. 186).
животное парящее	„птица парящаа“.
яж не уживаеть	„который непріятенъ“.
прикосновеніе	„дотkненіе“ (л. 194).
ко пріятію	„ко уживанію (л. 196).
пріятіе	„уживаніе“ (л. 197).
уживати	„наслажатись“.
сложенный	„споенный“ (л. 200).
провидѣніе	„прозрителница“ (л. 203).
законъ	„уставъ“ (л. 206).
знаменитое	„нарочитое“ (л. 208).
тéрпимъ	„стражемъ“.
волненіа	„пристрастіа“ (л. 211).
возмущеніямъ	„страстемъ“ (л. 212).
отъ здателей	„отъ гончаровъ“ (л. 220).
отъ животныхъ	„отъ мясояденія“ (л. 221).
книжницы	„писари“ (л. 222).
астрологовъ	„звѣздозрителей“ (л. 223).
чернокнижными	„чаровными словы“ (л. 225).
цердоніяне	„красилники“ (л. 226).

ѳесародекатицы	„четыренадесятницы“ (л. 228).
каѳаріи	„чистые“ (л. 229).
геомитрійскими	„землемѣрителными“ (л. 231).
императорѣхъ	„повелителѣхъ“ (л. 237).
навѣтницы	„потварцы“ (л. 238).
смыслилъ	„замыслилъ“ (л. 240).
народовъ	„языковъ“.
куряшесь	„дымяшесь“ (л. 241).
еллинскимъ	„поганскимъ“.
еиконокласти	„иконосокрушители“.
вину	„всегда“ (л. 243).
о неназнаменованномъ	„о непостижимомъ“.
тріипостасного	„трисоставнаго“.
катавасію	„согласіе, або схоженіе“.
спадку	„склоненію, або согласію“.
аеровъ	„воздуховъ“ (л. 255).
монархіа	„единоначаліа“.
телете	„приношеніе, або жертву таинственную и безкровную“ (л. 259).
раменемъ	„десницею“ (л. 260).
сумнителные	„проблимата“.
римата	„рѣчи, або глаголанія“.
писаніе твое	„коранъ твой“.
законоставители	„законоположители“ (л. 263).
коприну	„шолкъ“ (л. 277).
дукатное	„сребреницъ“.
шкодящихъ	„тщетныхъ“... И т. д.

III. *Отдѣльныя „слова“ Василія Великаго, Григорія Богослова и Діонисія Ареопагитскаго.* Переводы эти не дошли до насъ; но объ нихъ Курбскій упоминаетъ въ письмахъ къ Марку Сарыгозину и Кузьмѣ Мамоничу.

IV. *Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ.* Переводъ ихъ приписывается также Курбскому; рукопись въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, въ собраніи Ундольскаго [№ 182, въ концѣ].

V. *Діалогъ патр. Геннадія.* Къ переводу „Діалога“ присоединено любопытное предисловіе переводчика. Переводъ изданъ былъ въ Сборникѣ, вышедшемъ въ Вильнѣ въ 1585 году; находится въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки, XVI—XVII вв. [№ 191], а также въ рукописи XVII в. Соловецкой б-ки Казанской Духовной Академіи [№ 510].

VI. *Слово о св. Духѣ*, неизвѣстнаго проповѣдника, несправедливо приписанное Іоанну Златоусту. Переводъ находится въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки XVI—XVII в. [подъ № 191, на лл. 564—574]; приписывается Курбскому на основаніи особенностей языка.

VII. *Отрывки изъ исторіи Евсевія*,—встрѣчаются въ упом. рукописяхъ сочиненій и переводовъ Курбскаго.

Большой интересъ для мѣстнаго западно-русскаго правосланаго общества могла представлять *Исторія флорентійскаго собора*, написанная Курбскимъ въ Литвѣ. Главнымъ источникомъ для Курбскаго служила здѣсь „Исторія о листрійскомъ, т. е. разбойническомъ феррарскомъ соборѣ, вкратцѣ, но справедливо написанная“,—авторомъ которой одни изслѣдователи называютъ острожскаго клирика Василія, другіе Смотрицкаго. Къ своей „Исторіи“ Курбскій приложилъ *Отвѣтъ восточныхъ или щитъ церкви правовѣрной.* Отвѣтъ этотъ, по мнѣнію проф. Петровскаго, ни иное что, какъ извлеченіе изъ того же „сказанія о Листрійскомъ соборѣ“, сдѣланное, можетъ быть, въ формѣ посланія, но дошедшее до насъ въ испорченномъ спискѣ.

Въ Литвѣ была написана Курбскимъ и извѣстная *Исторія Князя Великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у*

достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима. Сочиненіе содержитъ въ себѣ исторію жизни Іоанна Грознаго, отъ дѣтства его до 1578 года. „Исторія“ писана, вѣроятно, около 1577—1578 г.

Какъ извѣстно, отсюда же, изъ Литвы, были писаны Курбскимъ и знаменитыя *письма* его къ Грозному.

Перечисленные нами литературные труды Курбскаго, отражая на себѣ умственное и религіозное движеніе общества, среди котораго Курбскому пришлось доживать свой вѣкъ, несомнѣнно въ значительной степени поддерживали и усиливали общее возникшее въ странѣ движеніе. Курбскій, какъ мы видимъ, принимаетъ въ борьбѣ живѣйшее участіе, оказываетъ ей горячую поддержку... Не менѣе видная роль принадлежала здѣсь и другому современнику, князю К. К. Острожскому. Это былъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ магнатовъ Великаго Княжества Литовскаго, и свое вліяніе сохранялъ въ продолженіе полустолѣтія, въ эпоху особенно богатую событіями общественной, политической и религіозной жизни.

Родъ князей Острожскихъ, черезъ князей Галицкихъ, идетъ отъ св. Владиміра. Благочестіе было въ немъ наслѣдственно; одинъ изъ представителей, кн. Θедоръ, знаменитый въ исторіи борьбою за независимость Руси противъ Польши, считается святымъ,—подъ конецъ своей жизни онъ постригся въ иноки, и мощи его почиваютъ въ ряду кіевопечерскихъ угодниковъ. Правнукомъ св. Θеодора былъ Константинъ Ивановичъ Острожскій,—отецъ Константина Константиновича, борца за православіе. Ни у кого изъ литовско-русскихъ князей не было въ XVI в. столь обширныхъ владѣній, какъ у князей Острожскихъ. Ихъ владѣнія состояли изъ 35 городовъ и мѣстечекъ и 670 селеній,—кромѣ приписанныхъ къ монастырямъ и церквамъ; ежегодные доходы ихъ, не считая поземельныхъ оброковъ и податей съ корчемъ и лавокъ,

простирались до 1,200,000 злотыхъ. Ихъ дворъ содержался съ царской пышностью: различныхъ служащихъ при дворѣ было до 2000. Явилась даже пословица: „богатъ, какъ Острожскій“...

Громадныя богатства давали кн. К. К. Острожскому полную свободу для самой широкой общественной дѣятельности. Въ противоположность отцу, князь Константинъ Константиновичъ, по замѣчанію одного изъ историковъ, „не отличался ни воинскими подвигами, ни государственными дѣяніями“, тѣмъ не менѣе значеніе его въ исторіи южной Руси было велико и могущественно... Впрочемъ, выросши въ понятіяхъ феодальнаго государственно-общественнаго строя и имѣя въ своемъ отцѣ К-нѣ Ив-чѣ примѣръ преданности польскому королю и интересамъ государства, съ которымъ южная Русь была въ династическомъ союзѣ, онъ не могъ своимъ умомъ стать выше понятій и порядковъ того времени, не имѣлъ настолько и энергіи, чтобы, опираясь на свое высокое положеніе и богатства, положить рѣшительный отпоръ затѣянному на его глазахъ политическому сплоченію литовской Руси съ Польшею и распространенію на нее польско-общественнаго строя. Если К. К. Острожскій одинъ изъ первыхъ протестовалъ на люблинскомъ сеймѣ противъ соединенія Литвы, тѣмъ болѣе Украйны, Волыни и Подоліи, съ Польшей, то въ слѣдъ за тѣмъ, видя рѣшительную волю на это короля,—онъ же въ числѣ первыхъ и подписалъ актъ этого соединенія... Съ королемъ и дворомъ его связывали фамильныя традиціи, съ польскими магнатами родственныя и общественныя отношенія; къ тому же политика слiянія двухъ государствъ, польскаго и литовско-русскаго, пустила къ этому времени уже такіе глубокіе корни, что сторонниковъ ея можно было найти не только между чинами независимой польской партіи, но и между представителями литовско-русской народности... Фактическое объединеніе было

теперь уже въ такомъ положеніи, что оставалась не тронутою одна только сторона,—различіе въ вѣрѣ, которое за то и чувствовалось больше, чѣмъ когда либо...

При всемъ сочувствіи къ польскому общественно-политическому строю, кн. К. К. Острожскій все же оставался преданнымъ православію, былъ, по выраженію современниковъ, „отцомъ и благодѣтелемъ Руси, рачителемъ благочестія, окомъ и свѣтиломъ церковнымъ"; православные видѣли въ немъ „вѣрнаго стража дому Божію, самимъ Богомъ избраннаго"... Дѣйствительно, Острожскій не жалѣлъ своихъ громадныхъ средствъ на защиту и поддержку родной вѣры, на распространеніе образованія въ западно-русскомъ православномъ обществѣ. Князь ведетъ непосредственныя сношенія съ восточными патріархами, выписываетъ съ Аѳона книги, которыя были бы полезными православнымъ въ ихъ борьбѣ съ католиками, вызываетъ изъ Греціи ученыхъ для преподаванія въ устроенной имъ въ Острогѣ высшей школѣ, поручаетъ переводить отеческія сочиненія или писать новыя въ защиту православія, заводитъ школы для обученія дѣтей,—типографіи для печатанія и распространенія церковно-богослужебныхъ и духовно нравственныхъ книгъ и т. д. и т. д... По порученію кн. К. К. Острожскаго, Іовъ Борецкій, „мужъ благочестивый и премудрый, въ божественномъ писаніи искусный, греческій и латинскій языки добрѣ умѣвый", воспитанникъ львовской школы, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій,—переводитъ съ греческаго языка *посланія* алекс. патр. Мелетія къ Ипатію Поцѣю и *діалогъ* того-же патріарха о православной вѣрѣ. По мысли и порученію князя составляется капитальной важности полемическое сочиненіе — *Апокрисисъ*. Особенно важны были заводимыя кн. Острожскимъ школы и типографіи. Въ 1572 году открывается на его средства школа въ Туровѣ, въ 1577 г. во Владимірѣ-Волынскомъ, въ 1580 г. въ Острогѣ. Вскорѣ затѣмъ открыты были имъ же школы въ

Слуцкѣ и въ Кіевѣ. Особенно важной изъ этихъ школъ была школа Острожская.

Задумавъ основать высшую школу въ Острогѣ, кн. К. К. Острожскій обратился прежде всего къ констан. патріарху, и извѣщая о принятомъ намѣреніи, просилъ патріарха прислать ему изъ Греціи способныхъ учителей, обѣщая съ своей стороны вполнѣ обезпечить ихъ во всемъ. Школа была открыта, и въ ней учили не только элементарнымъ предметамъ: чтенію, пѣнію, письму, языкамъ русскому, греческому, латинскому и польскому, но и такъ называемымъ „наукамъ вызволенымъ" (artes liberales), т. е. грамматикѣ, діалектикѣ, реторикѣ и пр. Въ Острожскую школу стекалась масса молодыхъ людей, какъ изъ низшихъ, такъ и высшихъ классовъ общества. Въ числѣ преподавателей острожской школы были такія лица, какъ Кириллъ Лукарисъ, впослѣдствіи патріархъ константинопольскій, человѣкъ широко образованный, воспитывавшійся въ западныхъ университетахъ и много путешествовавшій по Европѣ, и Никифоръ Грекъ, экзархъ константинопольскаго патріарха. Въ слѣдственномъ дѣлѣ, происходившемъ въ 1597 году, вслѣдъ за брестскимъ соборомъ,—Никифоръ о себѣ сообщаетъ: „...Далъ о себѣ справу, што есть за человѣкъ, яко былъ въ Падвѣ (Пацуѣ) колько лѣтъ лекторомъ наукъ еллинскихъ и грецкихъ, жесь и Польща полна слухами наукъ его; яко зась у Венецыи былъ казнадѣею семь лѣтъ въ церкви грецкой св. Марка, о чомъ много зацныхъ людей знаютъ; а потомъ, вернувшися до Константинополя, зосталъ великимъ протосинкгеломъ патріаршего ѳрону константинопольскаго, и по два кроть былъ справцею столицы патріаршей, чого посвѣтчутъ вси христіяне, а теперь посланъ отъ столицы патріаршей константинопольской тутъ, до славной сдавна епархіи нашей (западно-русской)"... По прибытіи въ литовскую Русь въ 1596 году, Никифоръ остановился въ Острогѣ, въ острожской школѣ,—между прочимъ „для отправованія наукъ вызволе-

ныхъ“, и не смотря на лестныя предложенія Яна Замойскаго, который приглашалъ его въ свой, основанный не задолго до того, коллегіумъ,—„тыя науки свои выкладати чужимъ не изволилъ, помнячи на оныя слова Спасителя: „не слушная рѣчь отняти хлѣбъ дѣтемъ и поврещи псомъ“... Вообще образованныхъ грековъ въ Острогѣ всегда бывало не мало. Призывая ихъ, Острожскій подготовлялъ и своихъ мѣстныхъ дѣятелей просвѣщенія, собирая и ихъ отовсюду. Не было недостатка и въ книгахъ; такъ пресвит. Василій въ своемъ трудѣ, составленномъ въ Острогѣ, пользуется не только обширнымъ собраніемъ твореній отцовъ греческой церкви, но и множествомъ сочиненій западныхъ и польскихъ писателей. Свою плодотворную дѣятельность Острожская школа продолжала и въ XVII вѣкѣ.

Щедротамъ и ревности князя К. К. Острожскаго западнорусская церковь и народъ обязаны основаніемъ типографій въ Острогѣ и Дермани (при дерманскомъ монастырѣ). Въ послѣдней еще при жизни князя было издано нѣсколько книгъ, богослужебныхъ, полемическихъ и нравоучительныхъ; главнымъ дѣятелемъ при изданіяхъ былъ пресвитеръ Даміанъ. Что касается первой, то помимо значительнаго числа богослужебныхъ и полемическихъ книгъ, ею выпущенныхъ, величайшимъ ея дѣломъ было изданіе *Славянской Библіи* (въ 1580—1581 гг.)...

До насъ дошло множество *писемъ* и *воззваній* князя Острожскаго по дѣлу брестской уніи, показывающихъ, какое горячее участіе принималъ онъ въ этомъ роковомъ вопросѣ. Когда стала вполнѣ ясною цѣль задуманной уніи,—она встрѣтила съ его стороны самый рѣшительный протестъ. Отличаясь всегда терпимостью въ дѣлахъ вѣры, окруженный постоянно выдающимися учеными разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, сносясь и съ римскимъ папою и патріар-

хомъ константинопольскимъ, оказывая гостепріимство и іезуитамъ и суровымъ отшельникамъ Аѳона, принимая съ радушіемъ представителей и протестанства и социніанства и кальвинства, не говоря уже о духовенствѣ греческомъ,—переписываясь и съ польскими магнатами и панами и русскими православными архіереями и братчиками и т. д. и т. д., болѣя душою о непорядкахъ въ русской церкви и разладѣ въ государствѣ, вслѣдствіе борьбы національностей и исповѣданій, хлопоча самъ не малое время о примиреніи церквей польско-католической и русско-православной, о соединеніи ихъ подъ одною іерархическою юрисдикціею,—князь Острожскій иногда не безъ основаній терпѣлъ укоры какъ бы въ индифферентизмѣ... Подъ конецъ своей жизни онъ впрочемъ сталъ дѣйствовать тверже и рѣшительнѣе,—ополчился всѣми силами своего ума и образованія, всѣмъ могуществомъ своего общественнаго положенія и вліянія на защиту родной церкви, обманомъ и насильствомъ приводимой въ подчиненіе римскому престолу... Извѣстно горячее и мужественное участіе кн. Острожскаго въ дѣлахъ брестскаго собора 1596 г., когда рѣшено было объявить церковную унію, столь искусно задуманную и проведенную іезуитами, подкрѣпленную всѣми силами польскаго правительства и общества, принятую самими русскими епископами съ митрополитомъ во главѣ: ободренные присутствіемъ кн. Острожскаго, оставшіеся вѣрными православію представители духовенства, дворянства и братствъ, сгруппировавшись около него вмѣстѣ съ двумя, оставшимися вѣрными православію епископами—провозгласили низложеніе отступниковъ-владыкъ и полное отдѣленіе отъ союза съ Римомъ русской православной церкви... Если кому обязана была въ эту критическую минуту западно-русская православная церковь нравственной защитой и поддержкой,—прежде всего и болѣе всего авторитету князя К. К. Острожскаго...

К. К. Острожскій умеръ въ глубокой старости въ 1608 г., не переставая до конца жизни своей поддерживать

заведенныя имъ и другими школы, типографіи и братства, покровительствовать монастырямъ и церквамъ,—бороться за цѣлость вѣры и народности...

Передъ нами—пора особаго религіознаго возбужденія. Западно русская православная церковь находится въ исключительномъ положеніи, и лучшіе люди края не могутъ не видѣть этого... „Кто захочетъ съ какой-либо стороны коснуться XVI вѣка,—замѣчаетъ одинъ изслѣдователь,—долженъ имѣть въ виду религію; она была въ то время главнымъ вопросомъ, главнымъ интересомъ. Кто обойдетъ ее, тотъ по необходимости останется или одностороннимъ или непонятнымъ“... Возбужденіе особенно усиливается къ концу вѣка, къ моменту брестской уніи,—и вслѣдъ за нею. Какъ сильно было это возбужденіе, показываетъ длинный рядъ горячихъ *протестовъ*, со всѣхъ сторонъ раздавшихся въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, при первыхъ извѣстіяхъ о готовящейся совершиться уніи, а также въ самый моментъ Брестскаго собора и послѣ него. Протесы прежде всего заявлены были со стороны представителей православной литовско-русской аристократіи. 24 іюня кн. Острожскимъ обнародовано было горячее воззваніе ко всѣмъ православнымъ обитателямъ Литвы и Польши, духовнымъ и свѣтскимъ,—съ призывомъ всѣхъ къ защитѣ родной вѣры... Въ Вильнѣ, лишь только стало извѣстно, что митрополиты и епископы измѣнили своей вѣрѣ и составили актъ объ уніи (въ іюнѣ 1594 года),—тотчасъ-же заявлены были протесты со стороны виленскихъ правосланыхъ бурмистровъ, радцевъ и лавниковъ, со стороны виленскаго духовенства и троицкаго братства. Вслѣдъ за тѣмъ начинаютъ обнаруживаться движенія въ Львовѣ, Вильнѣ, Новогродкѣ...

Изъ Вильны, отъ православныхъ бурмистровъ, радцевъ и лавниковъ, 13 іюля отправлены были послы къ виленскому воеводѣ,—съ заявленіемъ, что „въ народѣ русскомъ, для котораго теперь настало несчастное и плачевное время, происходятъ тревога и волненіе отъ старшихъ его въ законѣ греческомъ, отъ владыкъ и самаго митрополита, и притомъ не въ одной только Вильнѣ, но и во всѣхъ панствахъ его королевской милости“... Въ то-же время священники виленскаго троицкаго братства и особенно дидаскалъ братской школы Стефанъ Зизаній—разглашаютъ въ народѣ, что митрополитъ и владыки „продали“ свою вѣру... Протесты вызвали строгія грамоты измѣнника-митрополита лѣтомъ 1595 года, но грамоты эти мало дѣйствовали: не смотря на угрозы, духовенство обращается (въ ноябрѣ 1595 года) съ протестомъ къ новогродскому воеводѣ Скумину, который въ Новогродкѣ самъ явился противникомъ уніи; онъ проситъ кн. Острожскаго ходатайствовать передъ королемъ о назначеніи собора для разсмотрѣнія церковныхъ замѣшателствъ... Тогда-же, по распоряженію Острожскаго, разсылаются по всей Литвѣ *листы*, печатавшіеся съ его именемъ въ Острогѣ,—съ обличеніями митрополиту; послѣдній называется „отступникомъ“ „Іудой - предателемъ“... Въ сентябрѣ заявляютъ самый рѣшительный протестъ противъ уніи братство львовское и члены братства брестскаго. Нѣсколько десятковъ протестовъ было прислано и на Брестскій соборъ 1596 года. О многочисленныхъ протестахъ православныхъ говоритъ и авторъ „Апокрисиса“, который нѣкоторые изъ нихъ приводитъ въ своей книгѣ... Прискорбныя послѣдствія уніи также уже очень скоро сдѣлались очевидными для современниковъ, и православныхъ и католиковъ. Въ 1622 году, не задолго до своей смерти, въ прощальномъ письмѣ къ королю, Сагайдачный между прочимъ писалъ: „Монаршіе вашего королевскаго величества нозѣ смиренно обняв-

ши, покорне и слезне прошу, дабы... унія, за милостивымъ вашего найяснѣйшого королевского величества позволѣнемъ теперъ з Руси черезъ святѣйшого Феофана патріарху Іерусалимского знесенная,—абы впредъ въ той-же Руси никогда не обновлялася, и своихъ роговъ не возносила. Маютъ бо, вѣмъ, отцы іезуити и все духовенство костела римского (и безъ православныхъ), кого до унѣи своей наворочати и присвояти,—тыхъ народовъ, которые отнюдъ не вѣдаютъ и не вѣрятъ Христа Господа, плотію въ міръ пришедшого. А мы, православныи, древнихъ стятыхъ апостолскихъ и отеческихъ преданій и догматовъ, безъ жадной унѣи и схизмы придержащися, не отчаваемся нашого спасенія и блаженного живота вѣчного“... „Унія проклятая, говоритъ другой современникъ, такъ потурбовала панство тое спокойное, же не тылко въ краинахъ, въ князствахъ, повѣтахъ, въ мѣстахъ, мѣстечкахъ и селахъ селянянъ зъ селянами, мѣщанъ зъ мѣщанами, жолнеровъ зъ жолнерами (бо и зъ козаками внутрная непотребная война о томъ была), пановъ зъ подданными, родичовъ зъ дѣтками, а и духовныхъ зъ духовными, на остатокъ монаховъ зъ монахами—до гнѣву непогомованого (неукротимаго) приводила, приводитъ и нещасливе разжариваетъ“... Точно также отзывается о послѣдствіяхъ уніи литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга въ своемъ письмѣ къ Іосафату Кунцевицу...

Западно-русская литература конца XVI—перв. пол. XVII вв. была отчасти спутницей, отчасти являлась дальнѣйшимъ развитіемъ и результатомъ того широкаго умственно-религіознаго движенія, которое, въ виду приблизившагося могущественнаго и грознаго врага, католичества, охватываетъ собою всю юго-западную Русь къ концу XVI—началу XVII вв.,—того горячаго одушевленія и любви къ своей вѣрѣ и народности, которыми полна была просвѣтительная дѣятельность и цѣлыхъ братствъ и частныхъ отдѣльныхъ лицъ...

По самому характеру движенія, въ связи съ которымъ она развивалась,—возникшая литература была почти исключительно духовная. Наиболѣе обширный отдѣлъ ея составляли книги богослужебныя, какъ самыя необходимыя для церковной практики, къ тому же нерѣдко употреблявшіяся и для домашняго чтенія: 1) евангелія, образцами для изданія которыхъ едва ли не служили первопечатныя московскія изданія пол. XVI в.; 2) апостолы, т. е. Дѣянія и Посланія свв. Апостоловъ, изданія которыхъ были перепечаткой первопечатнаго московскаго изданія *Апостола* 1564 г.; 3) псалтыри, простыя [учебныя и для домашняго употребленія], и „съ возслѣдованіемъ“ [„слѣдованныя“, приспособленныя къ церковнымъ службамъ]; 4) разнаго рода „молитвы повседневныя“, молитвенники, приспособленные отчасти къ церковнымъ службамъ, отчасти для домашняго употребленія; 5) служебныя минеи и тріоди, „общія“, „мѣсячныя“ и „праздничныя“, „цвѣтныя“ и „постныя“, различные „анѳологіоны“, „трефологіоны“ и т. п.; 6) часословы или часовники, отчасти входившіе въ изданія „Слѣдов. Псалтырей“, отчасти составляющіе самостоятельную церковно-богослужебную книгу, съ обычнымъ присоединеніемъ „мѣсяцеслова“, „пасхаліи“ и „лунника“, а иногда и др. статей,—не рѣдко также, служившіе какъ въ московской, такъ и въ юго-западной Руси, и книгой учебной; 7) служебники и требники, иначе „литургіаріоны“ [въ греческой церкви обѣ эти книги нерѣдко составляли одну книгу—евхологіонъ, молитвеникъ, молитвословъ; когда же Служебникъ отдѣлялся отъ Требника, онъ содержалъ въ себѣ, по греческимъ изданіямъ, только однѣ литургіи, и назывался Литургіаріонъ]; 8) октоихи [осмогласники] и ихъ сокращеніе, так. наз. шестодневы или шестодневцы, канонники, акафистники, и т. д. и т. д. Изданія такихъ книгъ были наиболѣе частыми. Нужно замѣтить, православные богослужебныя книги къ пол. и къ концу XVI в.,

какъ въ сѣверо-восточной, такъ и въ юго-западной Руси, находились въ положеніи крайне печальномъ, — и тамъ и здѣсь въ нихъ свободно „опись прибавлялась къ описи и недописи“... Очень немногіе списки были болѣе или менѣе исправны; бóльшая же часть была—„разстлѣнна отъ преписующихъ ненаученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ, овоже и неисправленіемъ пишущихъ“... Въ юго-западной Руси порча богослужебныхъ книгъ, помимо тѣхъ же причинъ, зависѣла еще отъ другихъ, мѣстныхъ. Непосредственная близость западно-русской церкви къ латинству не могла не оставлять значительныхъ слѣдовъ на ея богослужебной практикѣ, — тѣмъ болѣе, что уже очень рано стали появляться переводы католическихъ богослужебныхъ книгъ на славянскія нарѣчія, для славянъ Далмаціи, Иллиріи, Босніи, Валахіи, во множествѣ распространявшіеся уже въ рукописяхъ, и еще болѣе, съ возникновеніемъ книгопечатанія, въ печатныхъ изданіяхъ. Лучшихъ представителей времени поражала въ западно-русскихъ богослужебныхъ книгахъ [равно какъ и въ книгахъ Московской Руси]—общая ихъ неупорядоченность, слѣды разногласій и несходства между собою, и прямыя ошибки текста,—множество описокъ и опечатокъ чисто грамматическихъ, логическихъ искаженій, отсутствіе съ одной стороны, очень многихъ необходимыхъ молитвъ и чиновъ, съ другой, помѣщеніе молитвословій, совершенно излишнихъ, характера апокрифическаго, даже миѳическаго и т. п... Порча богослужебнаго текста производила порчу церковныхъ обрядовъ,—на которую такъ нападаютъ въ кон. XVI—нач. XVII в. враги православныхъ, и присутствіе которой не отрицали и сами православные; а порча обрядности, въ свою очередь, не могла не вліять на дальнѣйшія искаженія текста, —особенно въ виду полной свободы и безконтрольности печатанія... Важнѣйшія попытки къ исправленію западно-русскихъ богослужебныхъ книгъ принадлежали львовск. еп. Ге-

деону Балабану [† 1607] и въ особенности кіевскому митр. Петру Могилѣ [† 1649].

Отмѣчаемъ въ порядкѣ хронологическомъ важнѣйшія западно-русскія изданія въ отдѣлѣ книгъ богослужебныхъ,—уже на этомъ отдѣлѣ мы видимъ быстрое развитіе въ краѣ типографской и книжной дѣятельности:

1. *Апостолъ* [нап. въ Львовѣ, въ 1573—74 гг., Иваномъ Ѳедоровымъ]. Къ книгѣ приложена „Повѣсть, откуду начася и како совершися друкарня сія (львовская)",—гдѣ Ѳедоровъ разсказываетъ о печальныхъ обстоятельствахъ своей жизни и о возникновеніи львовской типографіи... Сначала онъ былъ печатникомъ въ Москвѣ; „но презѣлнаго ради озлобленія, часто случающагося намъ, не отъ самого того государя, но отъ многихъ начальникъ и священно-начальникъ и учитель, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли, хотячи благое въ зло превратити и божіе дѣло въ конецъ погубити, якоже обычай есть злонравныхъ и ненаученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ человѣкъ, ниже грамотическія хитрости навыкше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи, не разумѣетъ, како ходитъ и о чемъ утверждается. Сія убо насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна, и въ ины страны незнаемы пресели"... Въ Литвѣ Ѳедоровъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ и по занятіямъ и по судьбѣ, Петромъ Мстиславцевымъ — нашли самый радушный пріемъ у гетмана Ходкевича: „Прія насъ любезно, разсказываетъ Ѳедоровъ,—и упокоеваше насъ не мало время и всякими потребами тѣлесными удовляше насъ; еще же и сіе не доволно ему бѣ, еже тако устроити насъ, но и весь (деревню) немалу дарова ми на упокоеніе мое,—намъ же работающимъ по воли Господа нашего Іисуса Христа, и слово Его по вселеннѣй разсѣевающе", прибавляетъ онъ, давая такимъ образомъ знать о своихъ трудахъ по печатанію

книгъ въ имѣніи Ходкевича. Вскорѣ однако болѣзни и старость принудили гетмана прекратить изданіе книгъ, и онъ предложилъ печатникамъ поселиться навсегда въ деревнѣ и отдаться сельскимъ трудамъ; но „неудобно ми бѣ, продолжаетъ Өедоровъ, раломъ ниже сѣменъ сѣяніемъ время живота своего съкращати,—имамъ убо вълѣсто рала художьство наручныхъ дѣлъ съсуды, вълѣсто же житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселеннѣй разсѣвати“... Для разсѣянія этихъ „сѣменъ“, онъ отправился въ Львовъ, чтобы здѣсь продолжать свои труды по печатанію книгъ; но тутъ ему пришлось испытать большія неудачи: „Обтицахъ многащи богатыхъ и благородныхъ въ мірѣ, помощи прося отъ нихъ, и метаніе сътворяя колѣномъ касаяся и припадая на лицы земномъ, сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывахъ, и сіе не единою, ни двацщи, но и многащи сътворяхъ. И въ церкви священнику всѣмъ въслухъ повѣдати повелѣхъ. Не испросихъ умиленными глаголы, не умолихъ многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовахъ никоея же милости іерейскими чинми,—и плакахся прегоркими слезами, еже не обрѣтохъ милующаго, ниже помагающаго; не точію же въ русскомъ народѣ, но ниже въ грекахъ милости обрѣтохъ“... Лишь съ помощью нѣкоторыхъ бѣдныхъ приходскихъ священниковъ („мали нѣцыи въ іерейскомъ чину, иніи же неславніи въ мірѣ обрѣтошася, помощь подающе“...)—онъ приступилъ къ печатанію *Апостола* и окончилъ его въ 1574 г. Вскорѣ послѣ того тивографія, принесенная Өедоровымъ въ Львовъ, перешла въ вѣдѣніе мѣстнаго братства, самъ же Өедоровъ удалился въ Острогъ, и сталъ работать въ типографіи кн. К. К. **Острожскаго**...

2. *Четвероевангеліе* [напеч. въ Вильнѣ въ 1574—1575 гг., бѣжавшимъ изъ Москвы Петромъ Мстиславцевымъ]. Въ послѣсловіи издатель указываетъ на „нынѣшнее время лукавое, посредѣ рода строптива и развращенна“... Книга издана

на средства Мамоничей,—въ дому которыхъ нашелъ пріютъ для себя и самъ издатель: „въ дому ихъ сіе дѣло строихъ, и во всемъ насъ упокоеваху“, замѣчаетъ Мстиславцевъ въ послѣсловіи...

3. *Осмогласникъ* [нап. въ Вильнѣ, 1582 г., „великонедостоинымъ раб. бож.“ В. М. Гарабурдою]. Извиняясь передъ читателемъ въ могущихъ быть погрѣшностяхъ, издатель замѣчаетъ: „Аще будетъ въ нѣкоемъ погрѣшено, моего ради небреженія или малоумѣтелства ума моего, милостиви и незазорьливи ми бывайте, чтите, а не кляните; понеже не писа Духъ Св., а ни ангелъ, но рука грѣшна и бренна... Медъ убо, аще и въ несребряныхъ или въ златыхъ сосудѣхъ, но и на корѣ не премѣняетъ своего естества сладости: сице и бож. писанія не прелагаются инако, грубости ради и нелѣпотнаго художества“...

4. *Служебникъ, или Божественныя литургіи Василія Великаго, Григорія Двоеслова и Іоанна Златоустаго* [нап. въ Вильнѣ, въ 1583 г. на средства Мамоничей]. Переводъ съ греческаго. Книга издавалась „ко очищенію и исправленію ненаученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ книгописецъ,—дабы во церквахъ божіихъ служащіи іереи по искусныхъ и исправленныхъ книгахъ служили и отправовали службы“... Изданіе это, какъ первое напечанное въ Россіи, служило образцомъ для нѣкоторыхъ другихъ, послѣдующихъ.

5. *Правило истиннаго живота христіанскаго* [нап. въ Острогѣ, въ 1598 г.]—Псалтырь Слѣдованная. Изданіе довольно своеобразное. За „предисловіемъ“ между прочимъ слѣдуетъ обширная статья „о премѣненіи каледара“,—гдѣ вмѣстѣ съ полемикой противъ „богопротивнаго новоутвореннаго календаря“, рядомъ съ подробными астрономическими вычисленіями, сообщаются и общія свѣдѣнія: „Вѣдати и се непотребно есть, яко лѣто, сирѣчь годъ единъ, четырма вре-

мены вѣнчаемо, или окружаемо состоится, то есть весна, лѣто, осень, зима; се единъ годъ именуется, онъ же съдержитъ... въ собѣ мѣсяцей 12, водлугъ солнечнаго теченія; мѣсяць же иматъ седмицъ 4 и дней 2 и часовъ 10 и полъчаса; седмица же иматъ дней 7, день же иматъ часовъ 24, тѣмъ же въ всемъ лѣтѣ въ 12 мѣсяцахъ солнечному обыходу есть седмицъ рекше недѣлъ 52 и часовъ 30. Се же все розложивши на дни, обрѣтается въ единомъ году днѣй 365 и четверть дня, сирѣчъ часовъ 6,—за толико бо время округъ солнечный обращается отъ черты, сирѣчъ отъ кресу извѣстнаго, еже есть отъ равноденства весеннаго теченіе, свое зачинаа, паки до того жъ кресу достизаетъ. Сего ради оны шесть часовъ, яже въ всемъ лѣтѣ надъ дни избываютъ, наполняютъ въ четырехъ лѣтѣхъ часовъ 24, отъ нихъ же день составляется четвертаго лѣта, его же висекосъ наречено“... И т. п. Авторъ доказываетъ, что солнечное и лунное теченіе съ пасхаліею, предано есть христіаномъ не на волхвованіе и недовѣдомыхъ небесныхъ вещей шеператіе, а рекше гмыряніе,—еже чюже есть истинномъ христіаномъ, но точію да быхмо сими истинный день спасительныя Пасхи обрѣтали“... Далѣе слѣдуетъ краткое наставленіе о „пѣніи“ Псалтыри [„поющему подобаетъ и разумъ глаголемыхъ въ пѣніи имѣти,—поющыхъ бо не тако, но токмо шумъ соверьшающыхъ, отмѣтаетъ Богъ“...],—„предисловіе въ Псалтырь“ и самый текстъ псалмовъ. Псалтырь раздѣлена на каѳизмы... За Псалтырью идетъ Часословъ, далѣе Мѣсяцесловъ,—гдѣ между прочимъ названія мѣсяцевъ приводятся и по славянски: „Мѣсяць мартъ рекомый по римскы, мы же отъ вапци въ время то сущіа нарицаемъ его березозолъ, иматъ днѣй 31...; мѣсяць априль рекомый по римскы, мы же квѣтень нарицаемъ его, зане въ томъ цвѣты явяти начинаются, иматъ днѣй 30..; мѣсяць май рекомый по римски, мы же травень именуемъ сего, иматъ днѣй 31... Далѣе:

„Отъ завѣщаній божественныхъ апостолъ и отъ жителства святыхъ отецъ преданіе, како подобаетъ инокомъ и христіаномъ жити“,—наконецъ различныя молитвы, каноны, и т. п.. При изданіи книги трудился „многогрѣшный и хуждьшій въ христіанѣхъ убогій Василій“.... Довольно своеобразными изданіями Псалтыри были изданія, выходившія изъ типографіи Кутеинскаго монастыря; первое вышло, предполагаютъ, ок. 1630 г. подъ заглавіемъ: *Брашно Духовное*. Были изданія и болѣе позднія. Въ 1658 г. изданіе кутеинскихъ Псалтырей было запрещено патріаршей грамотой, потому что—„тѣ псалтыри не исправны“ [Акт. Ист., IV, № 126].

6. *Часословъ* [нап. въ Острогѣ, въ 1602 г.]. Изданъ—„ученія ради отрочятъ, повелѣніемъ.. кн. Констентина... Острозскаго“... Одно изъ изданій „учебнаго Часослова“.

7. *Божественная литургія... Іоанна Златоустаго, Василія В. и преждеосвященная*, [нап. въ Стрятинѣ, мѣстечко Бережанскаго округа, принадлежавшее фамиліи Балабановъ, „въ новосъоруженой типографіи“, въ 1604 г.]. Въ предисловіи, написанномъ отъ лица львовскаго еп. Гедеона Балабана, говорится между прочимъ о необходимости, видя „паденіе наше“, заведенія въ странѣ „гимнасіи и типографіи,—умноженіа ради книгъ въ преподаніе разума“... Издана книга—„от древнихъ опасно имѣющихся зводъ стяжавши, прилежно изслѣдивше и исправивше“... Издатели обѣщаются издать въ скоромъ времени, „не косня“, „едина по друзѣй“—и другія книги „съгласне съ греческими въслѣдованми имѣющихся“, и не только для простыхъ людей, но и „учителей церковныхъ наученіа ради“, „инѣми языки и писанми“... „Исправителемъ“ книги былъ Гедеонъ Балабанъ, вмѣстѣ „съ изряднымъ рачителемъ благороднѣйшимъ господиномъ Ѳедоромъ Балабаномъ“,—послѣднему принадлежала и самая мысль о ея исправленномъ изданіи... Типографія и училище открыты были Балабаномъ въ Стрятинѣ въ 1597—

1604 гг., подъ вліяніемъ посланія патр. Мелетія, убѣждавшаго западно-руссовъ основывать у себя „гимнасіи и типографіи“...

8. *Охтаикъ* [нап. священ. Даміаномъ, въ 1604 г., въ Дерманскомъ монастырѣ; Дермань—мѣстечко въ Дубенскомъ уѣздѣ Волынской губ.]. Въ предисловіи упоминается о смерти кн. Александра, сына кн. К. К. Острожскаго: „Велій плачъ и жалость отцу же и чадомъ остави, наипаче же христіаномъ, вси бо бяху чающе помощъ тѣмъ улучити въ бѣдахъ и гоненіихъ одержащыхъ Христову церковь“... Въ концѣ просится о снисхожденіи, если въ книгѣ найдется что́ неправильно: „Не бо отъ дерзновенія или небреженія, аще что́ гдѣ случися,—но отъ невѣжества и простоты нашея“...

9. *Молитвенникъ или Требникъ, изъ греческаго языка на словенскій преведенный и излѣдованный* [нап. въ Стрятинѣ, въ 1606 г., льв. еп. Гедеономъ Балабаномъ]. Характеръ своего труда издатель самъ указываетъ въ слѣдующихъ словахъ предисловія: „...Собрахъ многія Требники елика и отъ здѣшнихъ предѣлъ, елика же отъ земля волоское, мултанское (молдавской) и сербское,—въ нихъ же егда великое разногласіе видѣх, о сем зѣло скорбяхъ: печали же лѣчбу обрѣтохъ посланіа ради къ блаженѣйшому Мелетію папѣ александрійскому, на край внѣшняя премудрости, и нашого благороднаго наказаніа достигшому.., содержащу ему тогда намѣстіе престола константиноп., възвѣщая ему о несъгласіи и неисправленіи книгъ нашихъ словенскихъ: аще неискусныхъ ради писецъ, или инѣхъ ради коихъ винъ, въкупѣ же моля и да твеърдаго ради и съгласнаго извѣстіа церковныхъ въслѣдованій—послетъ намъ греческій Евхологіонъ. И не презрѣвъ моленіа моего, но посла ми Служебникъ и сію книгу Требникъ, добрѣ исправленый по древнихъ Св.

Горы Требниковъ, его же и рукою подписавъ, повелѣвая въ общую ползу великоименному роскому роду изобразити... Видѣхъ же потребно быти еже и въ нашихъ старыхъ словенскихъ (Служебникахъ) обрѣтается, сирѣчь, какъ пріимати отъ различныхъ ересей приходящихъ къ св. котолич. и апост. церкви, освященіе великаго мура и проч., да же не недостаточна и въ семъ книга будетъ,—повелѣхомъ и сіе (сіи возслѣдованія) приложити (внесть въ Требникъ)".. Въ основу изданія Гедеонъ Балабанъ положилъ такимъ образомъ греческій Требникъ (Евхологіонъ), присланный ему алекс. патр. Мелетіемъ,—но при этомъ счелъ нужнымъ пополнить его тѣми чинопослѣдованіями, которыхъ не было въ присланномъ Требникѣ, которыя находились только въ мѣстныхъ западно-русскихъ требникахъ и которыя были уже на столько распространенны и обычны въ юго-западной Руси этого времени, что ихъ уничтоженіе легко могло бы вызвать въ массѣ броженіе... При изложеніи обрядовъ, издатель также иногда слѣдуетъ указаніямъ присланнаго Требника, иногда—живымъ обрядамъ мѣстной церкви. Вообще изданный Балабаномъ Требникъ далеко не былъ „переводомъ" греческаго, какъ сказано въ заглавіи, но самостоятельнымъ трудомъ издателя, который, руководствуясь греческимъ оригиналомъ, но не слѣдуя ему исключительно, имѣя въ виду также и списки славянскіе той же книги, русскіе, сербскіе, молдавскіе и валахскіе,—смотрѣлъ на всѣ собранные имъ списки, какъ на матеріалъ, и пользовался каждымъ изъ нихъ, слѣдуя собственной критической мѣркѣ, стараясь такъ или иначе достигнуть примиренія „великаго разногласія церковныхъ дѣйствій"... Труды Гедеона Балабана, можетъ быть, вслѣдствіе скорой смерти издателя († 1607), не достигли однако вполнѣ цѣли, и послѣдующія изданія Служебниковъ и Требниковъ, выходившихъ въ Вильнѣ, Острогѣ и др. мѣстахъ—по прежнему не представляли един-

ства текста, различаясь весьма значительно и съ изданіями Балабана и между собой. Большинство издателей вообще не преслѣдовало никакого общаго плана, и въ исправленіяхъ чаще всего ограничивалось лишь однимъ внѣшнимъ соглашеніемъ различныхъ списковъ. Въ предисловіи къ своему Требнику Гедеонъ Балабанъ указываетъ между прочимъ новый мотивъ къ основанію въ странѣ училищъ—вредное вліяніе заграничнаго образованія: „Мнози отъ многихъ, замѣчаетъ онъ,—бывающе въ Италіи, суемудріемъ внѣшнихъ ученій прельщающеся, въ различныя ереси впадаютъ“...

10. *Часословъ*, нап. въ Львовѣ, въ 1609 г.,—„тщаніемъ и всѣмъ накладомъ православныхъ... пановъ братства успенія пр. Богородицы, мѣщанъ львовскихъ“...

11. *Тріодь Цвѣтная Іоанна Дамаскина, Козмы Маумского, Феофана Никейскиго, Іосифа Солуньскаго епископовъ и иныхъ святыхъ избрана* [нап. въ Вильнѣ, въ 1609 г.]. Изданіе посвящено Львѣ Сапѣгѣ, при чемъ въ посвященіи издатель Леонъ Мамоничъ, говоритъ, что Сапѣга „есть упреимымъ милостникомъ церкви нашое и народу рускего, штò... многими знаками досыть ясне указалъ,—отъ початку бо вѣмъ соединенья церкви нашое зъ рымскою завше ся старалъ о помноженье и о красу ее“...

12. *Часословъ* [нап. въ Острогѣ, 1612 г.]. О пріемахъ исправленія книги издатели замѣчаютъ, обращаясь къ читателю: „И то тежъ вѣдати маешъ, ижъ въ томъ выданью зводу грецкого найболше наслѣдовано, котрый згожается съ правдивыми зводы словенскими; а если гдѣ найдешъ произволникъ написано, о томъ вѣдай, ижъ на томъ мѣсци въ реченіи несогласіе есть грецкому словенскымъ, що еднакъ отъ речи нерознитъ; а гдѣ тылко значки пописаны надъ реченіемъ въ строцѣ, тое ся въ грецкомъ не найдуетъ, чого ся еднакъ неважено выкидати, заховуючи словенскій зводъ вцалѣ и абы ся розность не множила“...

13 *Анθологіонъ, албо Цвѣты молитвъ избранныхъ отъ многихъ свв. оо. собранны працею и старанемъ иноковъ общего житія б-ва цер. вил. прав.-греч.*, [нап. въ Евю, въ 1613 г.]—молитвословъ. Здѣсь между проч. помѣщены „Молитвы на всю седмицу св. о. н. Кирила инока"—Кирилла Туровскаго, извѣстнаго писателя XII в.

14. *Часословъ* [нап. въ Кіевѣ въ 1617 г.], первенецъ кіево-печерской типографіи. Въ предисловіи Елисей Плетенецкій указываетъ на свою обязанность, какъ архимандрита, заботиться о распространеніи благочестія „церкви восточныя",—„сице и душеполезными правовѣрныхъ сыновъ тоя (церкви) сердца веселити и въ правовѣріи утверждати и удобряти изволихъ церковными книгами; въ началѣ же непщевахъ предпослати книгу малу, аки предитечу, да управитъ путь болшимъ"... Говоря о необходимости для всѣхъ православныхъ такой важной книги, издатель въ числѣ побужденій къ изданію указываетъ и на слѣдующее: „Къ симъ же и умоленъ бывъ правовѣрными, яко да исплънится требованіе,—еже въ училищѣхъ, въ православномъ градѣ Кіевѣ и въ прочіихъ".. Далѣе слѣдуетъ еще другое предисловіе, отъ архид. Захарія Копыстенскаго—о необходимости для православныхъ постоянно пользоваться издаваемой книгой.

15. *Анθологіонъ, съ Богомъ съдержай церковную службу избранныхъ святыхъ на весь годъ* [нап. въ Кіевѣ, въ 1619 г.] Минея Праздничная. Книга „по чину восточнаго благочестія исправлена и по всему истиннѣ отъ греческаго преведена"; переводчиками съ греческаго были Іовъ Борецкій, въ то время игуменъ кіевск. мих.-златоверх. м-ря, и архид. Зах. Копыстенскій. Печатана подъ наблюденіемъ Памвы Берынды. Въ началѣ книги—краткое предисловіе Елисея Плетенецкаго, гдѣ послѣдній обращается къ православнымъ: „Мо-

лимъ всякого въ православіи суща, да на немъ женаздани есте зданіи, и якоже пріясте или писаніемъ или преданіемъ единою въ настоящей истинѣ, да стоите утвръждени въ вѣки"... Далѣе къ читателямъ обращаются „худѣйшіи въ иноцѣхъ клирици св. Лавры Печерскія"—съ другимъ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ подробно разсказывается исторія возникновенія „печатарскаго дѣла" въ кіево-печерскомъ м-рѣ.

16. *Служебникъ* [нап. въ Кіевѣ въ 1620 г.]. Оригиналомъ при изданіи принятъ былъ Служебникъ Стрятинскій (1664 г.), но послѣдній тщательно былъ провѣренъ кіевскими учеными, которые при печатаніи сдѣлали и нѣкоторыя измѣненія... Въ предисловіи, написанномъ Елисеемъ Плетенецкимъ, упоминается о „душеспасительной нуждѣ, еже книги въ созиданіе правовѣрныхъ писати и художествомъ типографіи издаати..,—зазорно бо есть и не благочестиво отъ чуждихъ черпати воду ученій"..; дѣлается предостереженіе противъ „творящихъ распря и раздоры чрезъ ученіа"... Любопытно также изданіе *Служебника*, вышедшее въ слѣдующемъ году въ Вильнѣ (1621): въ концѣ находится рядъ „казаній", проповѣдей,—въ древне-греческомъ характерѣ, весьма отличномъ отъ обычнаго стиля латино-польскихъ и западнорусскихъ проповѣдей.

17. *Тріодіонъ, си есть Трипѣснецъ св. вел. четыредесятницы* [нап. въ Кіевѣ въ 1627 г.]—Тріодь Постная. Изданіе весьма любопытное. Въ началѣ—„предмова" Зах. Копыстенскаго; въ „послѣсловіи" „мній во іеромонасѣхъ Памво Берында, протосиггелъ и типографъ", говоритъ, что книга „съ греческимъ типографнымъ зводомъ слѣдована естъ благословеніемъ и всѣмъ тщаніемъ и иждивеніемъ" кіево-печ. архим. Зах. Копыстенскаго,—„и искуснѣ украшена зографскими начрътанми, отъ нихъ же множайшая древнихъ отеческихъ еще зводъ имутъ свѣдителства"... Далѣе указывается

любопытная черта изданія: „А еже о синаксарѣхъ (иже сказуются събранная ученія) на россійскую бесѣду общую честнымъ іеромонахъ Тарасіемъ Левоничемъ Земкою, проповѣдникомъ слова божего, отъ греческаго преложенныхъ,—противо сему да не прерѣкуете, великороссы, болгари и сръби и прочіи подобніи намъ въ православіи: сътворися се ревностью и желѣніемъ рода нашего, Малой Россіи, благородныхъ гражданскихъ и прочіихъ различнаго причта людей, неучившихся словенскаго языка глубокоразумнаго, имѣющаго разумъ и мудрость, якоже греческаа и прочаа грамматичнаа писаніа... Не погрѣшиша—прибавляетъ издатель—древніи отци святіи любомудрыи: св. Матѳея евангеліе отъ еврейска языка на еллинскій преведши, Марка же, Луку и Іоанна отъ еллинскаго принесшіи, такожде и богословскіи греческіи книги истолковавшіи на словенскій языкъ; тѣмъ же и мы смотрѣніемъ се створше, ради ползы и пріобрѣтенія братіи своей, уповаемо о Господѣ, яко не погрѣшихомъ“... Кромѣ того, на каждую церковную недѣлю въ книгѣ приложены стихи,—первые опыты силлабической поэзіи... Приводимъ нѣсколько образчиковъ этой поэзіи:

Не вспомни умерлыхъ грѣховъ, Слове,
Добрыхъ твоихъ щодробливостей мертвыми не показуючи.

[На нед. мясопустную: л. 36].

Гды судячи землю, Судіе, всѣхъ усядешъ,
Оного, пріидѣти, голосу, годнымъ и мене отсуди.

[На ту же недѣлю: л. 57].

Душамъ справедливыхъ, которыхъ завше память пребываетъ,
Оферы покаанныи, приношу слова.

[На недѣлю сырную: л. 131].

Свѣтъ з началниками рожаютъ посполу горку нехаи ляментуетъ,
Который теж з ними посполу упалъ, гды они през покормъ солодкій упали.

[На ту же недѣлю: л. 146].

По кормомъ коливъ накормлюетъ туронъ мѣсто:
Покормъ непотребнымъ учинивши посквернены.

[На субботу первой недѣли вел. поста: л. 271].

Непристойне выметаны иконы:
Радуюся, пристойне поклоняемыи видячи.

[На нед. православія: л. 280]. И т. п.

18. *Служебникъ Петра Могилы.* Въ 1629 г. изданіе это было представлено Петромъ Могилою на кіевскій соборъ для разсмотрѣнія и утвержденія, и было единогласно одобрено соборомъ. „Служебникъ сей, говорилось въ соборномъ актѣ—мы всѣ соепископы и весь съборъ духовный прежде прочтохомъ, и отъ всѣхъ пороковъ чистъ и свободъ, паче же исправленъ и счиненъ обрѣтше, въ типографію монастира печерскаго благословихомъ,—нынѣ, уже изображенный (изданный, напечатанный) такожде съборне пріемлемъ, лобызаемъ и *ἱεραρχικῇ ἡμων αὐθεντεία* похваляемъ и утвръждаемъ, свѣдителство сіе рукама нашима подписавше,—да коиждо же священникъ православный себѣ его стяжаваетъ, завѣщаваемъ“... Къ Служебнику Петра Могилы приложенъ обширный трактатъ о литургіи (*О таинѣ тѣла и крове Христовы*) Тарасія Земки, церковно-историческаго характера. Авторъ излагаетъ общія свѣдѣнія о литургіи, ея названіяхъ, составныхъ частяхъ, исторіи ея составленія и т. п.,—цитируя при этомъ Іоанна Златоустаго, Прокла Констан., блаж. Августина, Іустина Философа, Іоанна Дамаскина, „божественнаго Игнатія, епископа и мученика, ученика св. Іоанна“, „отъ него же множайшая о семь здѣ привнесохъ“, Гавріила Философа—о тайнѣ евхаристіи, Иринея, Амвросія Медіоланскаго, Ефрема

Сирина, Епифанія Кипрскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Өеофилакта и мн. др. Трактатъ вообще свидѣтельствуетъ о весьма обширной начитанности автора. Въ „предисловіи" между прочимъ говорится: „Вѣдѣте сіе, яко книга сія Служебникъ отъ еллинскаго зводу истиннаго, егоже Въсточная наша Церковъ госпожа и учителница первѣйшаа употребляетъ, исправленъ есть,—не якоже нѣціи безумно глаголютъ, ихъ же комуждо азъ въ время свое отвѣщаю, Богъ же судити будетъ яко не благодарныхъ сыновъ и матеречугателей. Аще бо не отъ того діалекту, имъже отъ святыхъ отецъ святая литургіа написася и предадеся, исправляти будемъ,—то не вѣмъ откуду. Понеже вся книги славенскія отъ колико сотъ лѣтъ преписуются невѣжами, токмо черниломъ мажущими, ума же не имущими, языка не умѣющими и силы словесъ не вѣдущими. Словяномъ же никтоже намъ пріискренимъ языкомъ литургіи не написа и не предаде. Но аще, яко же глаголютъ, еллинскія книги изряднѣе же церковніи и въ Венетіи изобразуются,—ничто-же се по нихъ есть: коеждо бо книги готовыя и исправленныя отъ патріархъ святѣйшихъ зводы тамо даются, и паки пріемлются; а еже верхъ, митрополитъ тамо православный жителствуетъ, нареченный Филаделфійскій, иже типографію тую въ одержаніи имат. Къ сему, что бы имѣлъ прилагати кто противное церкви, идеже не о догматѣхъ вѣры, но о самомъ церковномъ послѣдованіи слово есть? И что реку; многаа азъ еллинская церковныя книги, тамо типомъ изданнаа, прочетъ,—не видѣхъ нигдѣже ниже малаго противо разуму, развѣ типографскаго: въ славенскія же, мало хотя исправити вѣникъ, множайшая и бесчисленная погрѣшенія, обрѣтохъ"... Впрочемъ, въ Служебникѣ П. Могилы иногда принимались во вниманіе и славянскіе тексты; въ Служебникѣ нерѣдко встрѣчаются такія замѣчанія: „Сія же молитва въ греческомъ положена есть, и въ москов-

скихъ зводѣхъ обрѣтается“...; или: „Послѣдующая ектенія въ грецкомъ токмо обрѣтается“...; или: „Въ еллинскомъ зводѣ токмо положенаа,—въ славевскихъ же на божественнѣй литургіи предъ евангеліемъ сущаа. Ты же чти, аще хощеши“...; или: „Сіе отъ старыхъ россійскихъ зводовъ“... Изданный Могилой Служебникъ получилъ широкое распространеніе не только въ юго-западной Россіи, но и сѣверо-восточной, и въ настоящее время употребляемые въ церквахъ Служебники—„почти дословно съ нимъ сходны“... Въ 1639 году П. Могила сдѣлалъ новое изданіе Служебника, вновь пересмотрѣвши эту книгу и вновь сличивши ее „съ текстомъ правдивого кгрецкого и старожитныхъ русскихъ (западно-русскихъ) и московскихъ служебниковъ“. Новое изданіе очень многимъ отличалось отъ прежняго и вышло значительно дополненнымъ: Петръ Могила помѣстилъ въ концѣ вновь составленныя эктеніи и молитвы на 27 различныхъ случаевъ, примѣнительно къ обстоятельствамъ западно-русской церкви,—объ обращеніи заблудшихъ отъ истины, объ искореніи ересей и схизмъ, о разграбляющихъ церковныя имѣнія и озлобляющихъ служителей церковныхъ и т. под., съ тѣмъ, чтобы, когда понадобится, эти эктеніи и молитвы присовокуплялись къ эктеніямъ и молитвамъ во время совершенія литургіи.

19. *Октоихъ* [нап. въ Львовѣ, въ 1630 г., „тщаніемъ и иждивеніемъ братства церковнаго“]. Въ предисловіи сообщаются историческія данныя объ основаніи львовскаго братства, о возобновленіи сгорѣвшей передъ этимъ братской типографіи и о трудахъ по исправленію издаваемой книги,—списки которой найдены были „въ разнствіи велицѣмъ..., нерадѣніемъ, паче же неискусствомъ многимъ въ насъ писцовъ, отъ антиграфовъ греческихъ и самаго разума далече отстоящу“... Исправители указываютъ греческія, московскія, мѣстныя (западно-русскія) и южно-славянскія из-

данія Октоиха, которыми они пользовались при исправленіяхъ. Къ изданію приложено *Житіе вкратцѣ Іоанна Дамаскина*...

20 *Тріодіонъ* [нап. во Львовѣ, въ тип. Мих. Слезки, въ 1642 г.,—„отъ еллинскаго изслѣдованъ"]—Тр. Цвѣтная. Въ предисловіи, обращенномъ къ Петру Могилѣ, издатель М. Слезко говоря объ участіи, которое принималъ Петръ Могила въ исправленіи издаваемой книги, пишетъ: „Не тылко тая естъ самая книга, около которой такъ много працовати преосвященство ваше и подвизатися зезволилесь и овшемъ весъ на томъ естесь, абы жадной книги, з грецкого языка на нашъ славенскій переведеной, з друку не выходило, которой бы преосвященство ваше... не мѣлъ до исправленія старання приложити: на прикладъ естъ и самая Библїя писма святого, около которой исправленіа южто отъ немалого часу подвизатися зезволяешъ, а до того и о особливомъ коштѣ и накладѣ, абы яко найрыхлѣй з друку была выдана, промыслу чинити незаниховаешъ... Тое все дѣешъ не з приватного якового предсявзятья (стрежъ, Боже) отъ преосв. вашего, ено абы всѣ въ потомные часы вѣдали, якъ чулого, дбалого, печаловитого, упреймого, любовного, учителного, дѣломъ и словомъ прикладного пастыра и предводителя церковъ россійская православная мѣла, и который, для помноженя хвалы божей, не тылко маетностій своихъ, але и скарбовъ досытъ достатнихъ расточити не жаловалъ"... Говоря дальше о заботахъ митрополита по украшенію церквей, особенно Софійской въ Кіево-Печерской Лаврѣ, издатель заключаетъ: „Не припоминаю тутъ такъ много монастыровъ, школъ, семинарій для спудеовъ, на мѣсцахъ розныхъ отъ преосв. вашего коштомъ и накладомъ выставленыхъ и гойне наданыхъ; и то то естъ наконецъ, што и буйволъ клейноту преосвященства вашего, въ потомные вѣки, го-

лосно брмячимъ рыкомъ оглашати будетъ и мовити: такъ роспорошалъ въ Бозѣ превелебный архіепископъ митр. кіевскій, галицкій и всея Россіи, Петръ Могила, добра и скарбы свои, або тылко оныхъ небесныхъ набылъ"...

21. *Евхологіонъ, албо Молитвословъ или Требникъ, имѣяй въ себѣ церковная различная послѣдованія, іереомъ подобающая... благословеніемъ и повелѣніемъ... Петра Могилы, митр. кіевскаго* [Кіевъ, 1646 г.]. Въ началѣ книги въ особой „предмовѣ" между прочимъ говорится: „По вся дни житія моего сердцемъ болѣзновалемъ, поглядаючи на скудость умѣетности моей.., вѣдячи то уставичне, ижъ противници наши и лжебратія православія святаго суть барзо тяжкими и насильствуючими православнымъ, розными досадами и обидами, безвстыдне называючи духовныхъ нашихъ неуками, грубіянами, въ шафованю и одправованю божественныхъ таинъ и иншого набоженства,—волаючи, ижъ Русь православная згеретичала, личбы, формы, матеріи, интенціи и скутковъ таинъ божественныхъ не знаетъ, о оныхъ справы дати не умѣетъ и розного способу въ одправованю божественныхъ таинъ заживаетъ: о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ, ведлугъ силъ моихъ потрудившися, предъ себе взялемъ, одняти такъ тяжкое поношеніе противниковъ отъ освященного православного причту церкви св. россійской"... И далѣе: „Нехай, кто хочетъ, зноситъ грецкіи рукописаныи Евхологія и наши рускіи, знайдетъ неомылне въ оныхъ единоистную згоду о дѣйствіи и уживаню божественныхъ седми таинъ церковныхъ. А гды кто зъ загнѣваныхъ противниковъ несогласіе якое съ Требниковъ, въ Львовѣ, въ Стрятинѣ, въ Острогу и Вильнѣ друкованныхъ, захочетъ продуковати, таковому отповѣдь спадная подается,—ижъ если суть яковые погрѣшенія, албо помылки, въ тыхъ Требникахъ, тые спасенію нашому нѣчого не шкодятъ: поневажъ личбы, моци, матеріи, формы и скутковъ св. таинъ не зносятъ; але нѣщось о одправованю церемонеалномъ не согласуютъ, дер-

жачися снать въ томъ своихъ старыхъ звычаевъ, лечъ лацно старыи звычаи ведлугъ новыхъ напростовати, новыи засъ и неслыханыи вымыслы въ одправованю таинъ божественныхъ, въ церковъ святую въпроважати, дерзновеніе естъ анафемѣ подлегаючіе. До того помылки, въ тыхъ Требникахъ предиреченныхъ, выникнули, частю съ простоты и нерозсудку корректоровъ, частю тежъ з неосторожности писаровъ, а особливе подъ небытность пастыровъ православныхъ въ церкви рускои, въ который часъ тыи, которыи таковые книги ценсуровати и оные на свѣтъ выдавати важилися, не много вѣдомости около таковыхъ рѣчій мѣли и мало уважали, щобы въ сакраментахъ матеріею, албо формою было постерегаючи барзѣй пожитку своего: для того много рѣчій потребныхъ опустили, а непотребныхъ придали"... Требникъ П. Могилы содержитъ въ себѣ какъ самыя службы, такъ и пояснительныя къ нимъ замѣчанія и наставленія. Молитвы и службы—на языкѣ церковно-славянскомъ, въ наставленіяхъ же и поясненіяхъ преобладаетъ западно-русское нарѣчіе,—польскія слова употребляются съ окончаніями русскими и церковно-славянскими...

22. *Трифологіонъ, или Цвѣтословъ* [нап. въ Кутеинѣ въ 1647 г.]. Въ „предмовѣ ко благолюбнымъ читателемъ" издатель іером. Іоиль пишетъ: „О, коль плача и рыданія нынѣшняя послѣдняя времена достойна! Снѣдаютъ и утробы вѣрнымъ, зрящимъ, не точію олтаря раскопанная, но и домы молитвенныя разоренны и отъ всякаго благолѣпія и украшенія обнаженны; иже вся имѣнія и вся благая, отъ древнихъ благочестивыхъ ктиторовъ въданная, расхитивше, храмы Божія во градѣхъ, паче же во весѣхъ, пусты и разоренны оставиша,—въ нихъ же нищіи священницы православные оставше, не точію утвари благолѣнія церковнаго, но и книги нуждныя имѣти не могутъ, паче же нуждиѣйшія всѣхъ Три-

фолога лвовскіа печати,—величества и драгости ради"... Сравнительно съ этими дорогими львовскими изданіями, издаваемый Трифологіонъ—сокращенный.

Вмѣстѣ съ книгами богослужебными, на первыхъ же порахъ приступили къ изданію книгъ св. Писанія. Выше мы говорили, въ какомъ положеніи находился кодексъ славянской Библіи за все древнее время, до самыхъ послѣднихъ годовъ XV ст. Одна рукопись XV в. Моск. Рум. Музея, сборникъ библейскихъ книгъ изъ собранія Ундольскаго [по его нумераціи, № 1] можетъ быть взята, какъ типичный образчикъ древне-русскаго библейскаго канона. Здѣсь сначала идутъ первыя библейскія книги,—съ *Бытія* до *Притчей Соломона* включительно; затѣмъ—отрывки изъ *Книги премудрости Соломона*; далѣе отрывки изъ какого-то *хронографа*, далѣе слѣдуетъ *Житіе и жизнь Александра, царя македонскаго*—„Александрія"!.... Послѣ новыхъ отрывковъ изъ *хронографа*, читаемъ *Послѣднее видѣніе пророка Даніила*—статью апокрифическую... Далѣе—выписки изъ *патерика*, отрывокъ какого-то *слова* Іоанна Златоустаго, наконецъ—*Апокалипсисъ Іоанна Богослова*, весь сполна. Затѣмъ—новые отрывки, и за ними *Пѣснь Пѣсней*, но уже въ другомъ переводѣ, чѣмъ какой помѣщенъ выше, въ числѣ первыхъ библейскихъ книгъ; далѣе до конца рукописи отрывки и замѣтки самого разнообразнаго содержанія,—въ родѣ, напр., статейки *О пророцѣхъ и пророчицахъ*, гдѣ въ хронологическомъ порядкѣ перечисляются ветхозавѣтные пророки и прочицы; авторъ насчитываетъ 73 пророка и 9 пророчицъ: между пророчицами послѣдняя—„святая Марія Богородица"... Или вотъ составъ другого сборника библейскихъ книгъ,—так. наз. „Десятоглава", пис. ов. 1507 года: „...*16 пророкъ*

Осіе, *Іоиль*... *Іеремія*, *Даніилъ*, *Іовъ*, *Притчи*, *Соломонъ*, *отъ Царствіа* 3, ключъ паремьямъ, *Екклесіастъ*, *Пѣсни Пѣснемъ*, Менандръ (!), *Исусъ Сираховъ*, предсловіе псалтырское, *Псалтырь*, изъ псалтыри главы; пѣсни псалтырныи, ключъ Евангелію, *Евангеліе—4 евангелисты*, *Апокалипсисъ*, о апостолѣхъ 12 и прочихъ, *Дѣяніа Апостольска*, *Сьборнаа посланіа седмь*, *Павла ап. посланій 14*..., ключъ Апостолу и Евангелію, типикъ церковнѣй службѣ, тропари, свѣтильна, отпустъ презъ все лѣто, тропари и кондаки, кои не писаны въ типику, припѣлы, Рукы Іоанна Дамаскина, пасхаліа, зодіи, лунное теченіе на 19 лѣтъ, о писавшемъ книги сія"... Оріентироваться среди такого письменнаго хаоса, выдѣлить чистый библейскій текстъ изъ массы другихъ сочиненій, очистить его отъ разнообразнымъ вставокъ и дополненій, которыя такъ тѣсно съ нимъ сплетались,—было слишкомъ трудно немудрому древнерусскому грамотнику... Люди даже наиболѣе образованные и начитанные часто не могли отличить „ложныхъ" книгъ отъ „истинныхъ", и рядомъ съ *Евангеліемъ* цитировали для убѣдительности и *Еноха праведнаго*... Въ предисловіи къ своимъ Четьи-Минеямъ митр. Макарій пишетъ: „Да и гдѣ буду погрѣшилъ отъ своего неразумія или будетъ гдѣ посредѣ тѣхъ свв. книгъ написано ложное и отреченное...,—а мы того не возмогохомъ исправити..., и о томъ прошу прощенія"... Извиненіе было не напраснымъ: наряду съ „истинными" книгами, митр. Макарій внесъ въ свой сборникъ и много апокрифическихъ. Новг. архіеп. Геннадій въ посланіи къ ростовскому архіеп. Іоасафу (ок. 1489 года), говоря о толкахъ въ народѣ о близкой кончинѣ міра и возражая противъ нихъ,—замѣчаетъ: „А въ *Евангеліи* кончина не явлена, когда будетъ. Да и *Енохъ праведный* писалъ сице"... Въ предисловіи къ составленной имъ Пасхаліи, онъ опять цитируетъ слова „Еноха праведнаго"... Православный старецъ, современникъ Курбскаго, отли-

чавшійся, повидимому, значительной начитанностью (...„можете по премногу паче насъ разумѣти“—замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, обращаясь къ нему, Курбскій) смѣло ставитъ *Никодимово Евангеліе* на ряду съ подлинными четырьмя Евангеліями—и Курбскому приходится подробно доказывать подложность памятника... На самомъ канунѣ XVI столѣтія новгор. архіеп. Геннадій, какъ мы видѣли, впервые выдѣлилъ библейскія книги изъ хаоса сборниковъ, собралъ ихъ въ одинъ кодексъ и такимъ образомъ положилъ первое основаніе современной славянской Библіи, какъ мы ее имѣемъ теперь.... Кодексъ Геннадія составилъ эпоху въ исторіи библейскаго славянскаго канона,—но кодексъ этотъ былъ рукописный, и по своей величинѣ, могъ имѣть самую ограниченную распространенность. Дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ отношеніи были западно-русскія печатныя изданія

Послѣ упоминавшихся нами *библейскихъ книгъ*, изданныхъ въ Прагѣ въ 1517—1519 годахъ Францискомъ Скориною „съ Полоцка“ (22 выпуска) и бывшихъ весьма распростаненными не только въ Юго-Западной, но и въ Московской Руси,—новую эпоху въ этомъ отношеніи сдѣлало острожское изданіе Библіи. Приводимъ заглавіе сполна: *Библіа сирѣчь Книгы Ветхаго и Новаго Завѣта по языку словенску,* отъ еврейска въ еллиньскій языкъ седмидесятъ и двѣма богомудрыми преводники, прежде воплощенія Господа І. Христа 350 лѣта, на желаемое повелѣніе Птоломея Филадельфа, царя египетска, преведеннаго зводу, съ тщаніемъ и прилежаніемъ елико мощно помощію божіею послѣдовася и исправися, въ лѣто... 1581. Въ предисловіи, написанномъ отъ лица кн. К. К. Острожскаго, говорится о трудностяхъ, какихъ стоило изданіе: „...Ни дѣла зачати, ниже дѣлателей, еже творити, на сіе изобрѣтохомъ, говоритъ князь,—ибо и книгъ, глаголемыхъ Вивліа, въ зводъ сего дѣла начальствомъ (въ началѣ) не имѣхомъ... Сего ради посланьми и

писаньми своими много странъ далекихъ вселенныя проходя, яко римскія предѣлы, тако и кандійскія островы, паче же много монастырей грецкихъ, сербьскихъ и болгарскихъ, даже и до самого апостоломъ намѣстника и всея Церкве Восточныя строенію чиноначалника, пречестнаго Іеремія архіеп. Константина града, новаго Рима..., доидохъ,—требуя съ тщаніемъ и моленіемъ прилежнымъ тако людій наказаныхъ въ писаніахъ святыхъ, елинскихъ и словенскихъ, якоже и зводовъ добрѣ исправленыхъ и порока всякаго кромѣ свѣдительствованыхъ. И сицевымъ всесилный Богъ.. сподобитимися благоизволи— книгъ бо и книгочій настоящему дѣлу пресвятому по достоанію изобрѣтохъ... Нынѣ же.. съвръшеніе сподобихся видѣти"... За предисловіемъ Острожскаго слѣдуетъ другое „предисловіе", Герасима Даниловича Смотрицкаго, о важности и пользѣ чтенія св. Писанія, и имъ же сочиненные силлабическіе стихи. Въ основу изданія положенъ былъ славянскій списокъ, присланный изъ Москвы Иваномъ Грознымъ, ок. 1570 года, по переводу относимый острожскими издателями ко времени „еще за великаго Владимера, крестившаго землю Русскую",—но рукопись эта до насъ не сохранилась. Предполагаютъ, работы по изданію Острожской Библіи продолжались около пяти лѣтъ (1575—1580). Изданій Острожской Библіи было два—1880 и 1881 гг.; въ изданіяхъ есть разности, хотя весьма незначительныя. [Въ Рум. Музеѣ находится не полный экземпляръ еще особаго изданія Библіи, напечатаннаго сходно, строка въ строку и страница въ страницу, съ Библіей Острожской, но другимъ, мелкимъ шрифтомъ; по мнѣнію библіографовъ,—изданіе было напечатано въ Вильнѣ около того же времени, какъ и Острожское...—Въ 1645—1649 гг. въ Кіевѣ была издана *Лицевая Библія*, съ 174 гравир. изображеніями]. Главнымъ руководителемъ работъ по изданію Библіи 1580—1581 былъ

упомянутый Г. Д. Смотрицкій. Это былъ отецъ знаменитаго впослѣдствіи Мелетія Смотрицкаго, и по тому времени самъ человѣкъ очень ученый; громкая слава ученаго и была причиной, почему Острожскій дѣло изданія Библіи поручилъ Герасиму Смотрицкому. Кромѣ предисловія къ Библіи 1580 г. Смотрицкому принадлежало еще нѣсколько печатныхъ отдѣльныхъ трудовъ, преимущественно полемическихъ, какъ напр. *Ключъ царства небеснаго* (1587). Смотрицкій писалъ также стихи; за риѳмой при этомъ онъ особенно впрочемъ не гнался,—какъ видно изъ образчика, находящагося въ редактированной имъ Библіи и начинающагося такъ:

Всякаго чина, православный читателю,

Господу Богу благодаренье воздаимо, яко благодателю и т. д. Стихотвореніе представляетъ восхваленіе кн. Острожскаго, котораго авторъ сравниваетъ съ св. Владимиромъ...

Острожское изданіе Библіи было не только „дорогимъ подаркомъ для православной церкви“, но и составило новую, едва ли не болѣе важную, сравнительно съ трудомъ Геннадія, эпоху въ исторіи библейскаго славянскаго текста. Изданіе было не только величайшимъ религіознымъ подвигомъ, въ высшей степени важнымъ въ виду происходившей борьбы двухъ вѣроисповѣданій и народностей,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, и серьезнымъ научнымъ трудомъ, исполненнымъ въ строгомъ греко-восточномъ направленіи. Получивъ изъ Москвы списокъ Геннадіевскаго Кодекса, острожскіе издатели подвергаютъ его тщательному пересмотру и исправленію,—сличаютъ и провѣряютъ славянскіе списки одной и той же книги, выбирая лучшій, вновь провѣряютъ по греческому оригиналу прежній славянскій переводъ, пополняютъ пропуски, уничтожаютъ позднѣйшія постороннія вставки, приводятъ въ порядокъ раздѣленіе главъ, исправляютъ чтеніе собственныхъ именъ и т. д. и т. д. И при всемъ томъ, какъ сейчасъ замѣчено,—латинскія укло-

ненія Геннадіева Кодекса острожскіе издатели исправляютъ по тексту греческой Библіи... Здѣсь была особая, весьма важная сторона дѣла, и въ послѣднемъ заключалось существенное различіе двухъ трудовъ—весьма характерное для времени и мѣста ихъ появленія...

Свое значеніе имѣло также упомянутое изданіе „Новаго Завѣта": *Книга Новаго Завѣта, въ ней же напреди псалмы блаж. Давида пророка и царя*—нап. въ Острогѣ, въ 1580 г. Въ „предисловіи", обращенномъ къ кн. К. К. Острожскому, издатель восхваляетъ князя за его заботы о распространеніи благочестія, весьма важныя для церкви,— „паче же въ нынѣшнее время, посредѣ рода строптива и развращенна, еже растерзаютъ немилостивне церковь божію и возмущаютъ нещадно стадо Его... Твое же благочестивое величество..., въ сихъ дерзостнѣ и непоколебимо на недвижимемъ камени утверженъ отъ благочестно жившихъ и свято почившихъ нарочитыхъ и великоименитыхъ родителей и прародителей своихъ, есть яко свѣтило, сіяющее въ наслѣдіи благословеніемъ, чадамъ же и наслѣдникомъ своимъ отъ рода въ родъ благимъ взоромъ податель и безсмертная слава. Сокровища же своя богатодарованная на небесѣхъ скрыти не пощадѣ..., но подавая доволно на дѣланіе богодухновеннаго писанія"... Книга издавалась по настоянію князя: „Понудилъ еси насъ недостойныхъ, выше нашея мѣры, на сіе дѣло", замѣчаетъ издатель. Въ книгѣ находятся: Псалмы Давида, четыре Благовѣстія, Дѣянія Апостольская и посланія соборная и посланія ап. Павла и Апокалипсисъ. Всѣ эти св. книги, говоритъ издатель, онъ „совокупилъ въ едину сію вещъ"—повелѣніемъ князя... „Тѣмже молимъ..., княже, обращается онъ къ послѣднему въ заключеніе, да воспріимеши сіе рукодѣліе наше отъ насъ боголюбезно, яко прьвый овощь отъ дому печатнаго

своего Острозскаго, въздающи хвалу всѣмъ благимъ съдѣтелю Богу: яко да сподобитъ, благодатію своею, и сіе желаемое бытійское дѣло, еже начахомъ, съвершити“.. Для бо́льшаго удобства при пользованіи книгой, къ ней приложена особая книжка: *Собраніе вещей нужнѣйшихъ скораго ради обрѣтенія во книзѣ сей Новаго Завѣта по словесѣмъ азбуки*,—составленная „многогрѣшнымъ Тимоѳеомъ Михайловичемъ“, въ томъ же 1580 г. [на 52 лл.].

За книгами богослужебными и св. Писанія шли изданія переводовъ твореній отцовъ церкви. Во главѣ этого отдѣла западно-русской литературы должны быть поставлены замѣчательные труды въ этой области кн. А. М. Курбскаго, о которыхъ мы уже говорили выше. Какъ мы видѣли, труды Курбскаго были и обширны и плодотворны, и свидѣтельствовали не только о его весьма разнообразныхъ знаніяхъ, о его начитанности, учености, но и о его горячей любви къ его мало-просвѣщеннымъ соотчичамъ, „къ единоплеменной Россіи, ко всему славянскому языку“, о его горячемъ желаніи принести посильную пользу дѣлу русской народности...

Въ печатныхъ западно-русскихъ изданіяхъ конца XVI—полов. XVII вв. наиболѣе обширное мѣсто отведено было твореніямъ Іоанна Златоустаго († 407).

1. Одной изъ первыхъ книгъ, напечатанныхъ въ западнорусскихъ типографіяхъ, было „Евангеліе Учительное“: *Книга зовомая Евангеліе Учителное, отъ всѣхъ четырехъ евангелистовъ избранна и отъ многихъ божественныхъ писаній, и предана церкви божіей во всякую недѣлю читатися, такоже и на господьскія праздники и прочихъ святыхъ, на поученіе христоименитымъ людемъ, ко исправленію душевному и тѣлесному...* [*выдрукована... въ мѣстѣ зовомомъ Заблудовью... ро-*

ку 1569],—собраніе словъ и поученій на воскресные и праздничные дни, извлеченное преимущественно изъ твореній І. Златоуста. Книга напечата Иваномъ Өедоровымъ и Петромъ Мстиславцевымъ,—только что передъ тѣмъ бѣжавшими „изъ Московіи“ и нашедшими себѣ пріютъ у Ходкевича. Въ „предисловіи“, послѣ замѣчаній о важности книги, Ходкевичъ между прочимъ замѣчаетъ: „Видѣвъ таковое христіаньское наученіе въ сей книзѣ,—восхотѣхъ, еже бы слово Божіе размножилося и наученіе людем закону греческаго ширилося, занеже оскудѣ сихъ книгъ на многоразличныхъ мѣстѣхъ, и не пощадѣхъ отъ богодарованныхъ ми сокровищь на сіе дѣло дати, къ тому же изообрѣтохъ себѣ въ томъ дѣлѣ друкарьскомъ людей наученыхъ, Ивана Өеодоровича Москвитина да Петра Тимофеевича Мстиславца... Помыслилъ же былъ есми и се, прибавляетъ Ходкевичъ, иже бы сію книгу, выразумѣнія ради простыхъ людей, преложити на простую мову, и имѣлъ есми о томъ попеченіе великое, и совѣщаша ми люди мудрые, въ томъ писмѣ ученые,—иже прекладаніемъ з давныхъ пословицъ на новые помылка чинится немалая, якоже и нынѣ обрѣтается въ книгахъ новаго переводу. Того ради сію книгу, яко здавна писаную, велѣлъ есми ее выдруковати, которая кождому не есть закрыта, и къ выразумѣнію нетрудна, и кь читанію полезна, а наипаче тѣмъ, которые съ прилежаніемъ и со вниманіемъ искомое обрѣсти восхощютъ и обрящутъ“... Возникши въ византійской литературѣ и рано переведенный на славянскій языкъ (по нашимъ рукописямъ собраніе извѣстно съ XIV вѣка,—не позднѣе перваго десятилѣтія XV), сборникъ этотъ пользовался особенной распространностью въ юго-западной Руси, и послѣ неоднократныхъ по славянски изданій, былъ переведенъ и на мѣстное, западно-русское нарѣчіе: *Евангеліе Учителное, албо казаня на кождую недѣлю и свята урочистыи*, *презъ св. о. н. Калиста*, *архіеп. константинополского... пред двѣма сты*

лѣтъ по кгрецку написаныи, а теперъ ново съ кгрецкого и словенского языка на русскій переложеныи,—Евю, 1616 г. Книга издана на средства князя Богдана Огинскаго и панны Раины Воловичовны. Въ „предмовѣ“ о патр. Каллистѣ, авторѣ издаваемой книги, и о его проповѣдяхъ, въ ней собранныхъ,—между прочимъ сообщается: „Предъ двѣма сты лѣтъ вселенского константинополского пастырства и патріаршества престолъ съдержалъ и струями злоточныхъ словъ своихъ не толко за живота своего поле церковное поливалъ, але и по смерти, никгды не умираючи, презъ зоставенье на писмѣ науки казаній своихъ, первѣй греческим языкомъ, греческій народъ свой училъ, а потомъ, за преложеньемъ тыхъ его шкриптовъ на языкъ словенскій, праве, якобы повторе народови нашему словенскому оживши, и до тыхъ нашихъ краевъ (подъ ученшій предковъ нашихъ вѣкъ) завитавши, велми потребенъ и пожиточенъ былъ. Теперъ, з а с ь п р е н е з н а е м о с т ь и н е у м ѣ е т н о с т ь я з ы к а с л о в е в с к о г о м н о г и х ъ, м н о г и м ъ м а л о п о т р е б е н ъ и н е п о ж и т о ч е н ъ с т а в ш и с я,—знову, переложеньемъ его н а я з ы к ъ н а ш ъ п р о с т ы й р у с к і й, якобы з мѣртвыхъ вскрешонъ; а выданьемъ з друку, на всѣ широкіи славного и старожитного народу російского краины розосланъ будучи, всѣми потомными вѣки, всѣхъ, а и л е п р о с т ѣ й ш и х ъ, а я з ы к а с л о в е н с к о г о н е у м ѣ ю ч и х ъ, и д л я т о г о п о д ч а с ъ д о з а р а з л и в ы х ъ е р е т и ч е с к о й с л о в ы п о д а н о й и ш к р и п т о м ъ в ы д а н о й, н а у к и п а с т в и с к ъ у д а в а т и с я з в ы к л ы х ъ, училъ. А затымъ тотъ, который, тыхъ часовъ, хоть въ зацнѣйшомъ, пенкнѣйшомъ, звязнѣйшомъ, сутпелнѣйшом и достаточнѣйшомъ языку словенскомъ, пре н е с п о с о б н о с т ь с л у х а ч о в ъ, н е м н о г и м ъ п о ж и т о ч е н ъ б ы л ъ,—теперъ, хоть въ п о д л ѣ й ш о м ъ и п р о с т ѣ й ш о м ъ я з ы к у, многимъ,

албо рачей и всѣмъ рускогo языка, яко колвекъ умѣетнымъ, потребенъ и пожиточенъ быти моглъ"... Здѣсь же характеризуется различіе между греческимъ и латино-польскимъ стилями проповѣдей, причемъ отдается рѣшительное преимущество греческому, византійскому: „Каждого христіанского казнодѣя повинность—не дискурсы о непонятыхъ вѣры таемницъ скрытностяхъ строити, но (але) воли и приказанямъ бозскимъ простыхъ и неукихъ людей учити"...

Кромѣ словъ и поученій, помѣщенныхъ въ „Учительномъ Евангеліи", изъ твореній Златоуста были изданы:

2. *Маргаритъ* [нап. въ Острогѣ, въ 1595—1596 гг.], другое собраніе его словъ и поученій, возникшее также въ Византіи и бывшее весьма распространеннымъ въ нашей письменности. Книга издавалась „на пользу, въ спасеніе всѣмъ православнымъ, пачеже русскаго народу христоименнтымъ людемъ"... Въ предисловіи упоминаются ранѣе изданныя въ Острожской типографіи книги: Библія, Новый Завѣтъ, книга Василія Великаго „и пр.".

3. *Слова къ Ѳеодору падшему—Лѣкарство на оспалый умыслъ человѣчій, а особливе на затвердѣлые сердца людскіе, заведеные свѣтомъ альбо якими грѣхами*, божеств. Златоустаго до Ѳеодора мниха, а въ особѣ его до кождого человѣка, кто въ якомъ кольвекъ есть грѣху [нап. въ Острогѣ, въ 1607 г.]. Преложено съ греческаго Даміаномъ пресвитеромъ. Книга напечатана на славянскомъ и „въ простой мовѣ", на западно-русскомъ языкахъ, и состоитъ изъ двухъ словъ Іоанна Златоуста [*Слово о покаяніи къ Ѳеодору мниху испадшему* и *Слово, о еже обаче всуе мятется всякъ человѣкъ*], и Тестамента грецкаго цесаря Василія до сына своего Льва. Въ началѣ книги—„предисловіе" переводчика съ силлабическими стихами, въ концѣ—„послѣсловіе", съ такими же стихами. Приводимъ образчикъ стиховъ—о быстротекущемъ времени:

Часе дорогій, часе непереплачоный,
Назбыть скупою вагою мнѣ узычоный
Быстрѣй надморскій корабль животъ мой прово-
дитъ... И т. д.

4. *Бесѣда избранная о воспитаніи чадъ* [нап. въ Львовѣ, въ 1609 г.]. Довольно любопытно предисловіе къ книжкѣ, написанное стихами; авторъ между прочимъ говоритъ о пользѣ науки,—

С котрой, якъ съ жродла, все доброе исходитъ и
И през ню человѣкъ чловѣкомъ ся находитъ,—
Котрую такъ наддеръ святые поважаютъ,
Же злотымъ уроженемъ еи называютъ.
Тои то родзай, нѣкгды нехай ся не зводитъ,
Але ся завше, въ народѣ людскомъ находитъ,—
О котруй, цный народъ русскій занедбаваетъ и
И за подлѣйшую речъ собѣ покладаетъ,—
Зачимъ всякій нерядъ и все злое походитъ
И до погорженя цный тотъ народъ приходитъ,—
Же для простоты, много ся ихъ ругаютъ:
И ненаукою очи ихъ замыдляваютъ...

Здѣсь же помѣщено: Василія Великаго, *Отъ исповѣданія вѣры, на неже подписася Евстахій Севастійскій епископъ;* далѣе *Поученіе къ ученикомъ Ливанія Софисты* и др. Въ концѣ стихи. [Изданіе было повторено въ Львовѣ, въ 1614 г.]. Изданіе указываетъ на полныя симпатіи львовскаго братства къ педагогикѣ греко-византійской, въ противоположность западно-европейской...

5. *Слова о священствѣ* [нап. въ Львовѣ, въ 1614 г.]. Въ книгѣ помѣщено: *Житіе Іоанна Златоустаго*, шесть „словъ“ *о священствѣ*, *Еклоги о приличныхъ священству*, далѣе Василія В., *О хиротоніи на мздѣ бываемѣй*, *посланіе* Исидора Пелусіота и въ концѣ книжки сти-

хи. Издатель вспоминаетъ о трудахъ львовскаго еп. Гедеона Балабана по распространенію книгъ, не щадившаго для этого издержекъ, „яко бы друкарня презъ него уфундована была, съ котрой, якъ з роли пожиткомъ обфитупчей, изъ жродла водъ здоровыхъ оплаваючого, книгъ набоженству грецкому церкве всходней св. старожитныхъ учителей грецкихъ, презъ выдаваня на свѣтъ цнымъ а родовитымъ языкомъ словенскимъ, лакнучихъ отживити и прагнучихъ охолодити моглъ“... По его порученію были уже приготовлены къ изданію: „Книга о священствѣ“ Златоустаго и „Бесѣды“ Златоустаго на Дѣянія Апостоловъ, но издать ихъ онъ не успѣлъ († 1607 г.). Приложенное къ книгѣ *Житіе І. Златоустаго* „вкратцѣ събрано отъ Сократа Схоластика, Θеодорита еп. Кирскаго, Ермія Созомена, Георгія архіеп. александрійскаго, Фотія и Суиды“.

6. *На Отче нашъ выкладъ з грецкого на рускій, однымъ з молодшыхъ слугъ церковныхъ за розсказанемъ старшихъ, преложоный* [нап. въ Вильнѣ, въ 1620 г.]. Предисловіе написано Леонтіемъ Карповичемъ.

7. *Бесѣды на 14 посланій ап. Павла* [нап. въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ 1623 г.]. Книга начинается привѣтствіемъ „преславному и православному роду россійскому“, и *предисловіемъ на книгу Бесѣдъ св. Іоанна Хризостома*—довольно обширнымъ, гдѣ излагается исторія перевода и изданія книги. „Бесѣды“ переведены съ греческаго языка іером. Кипріаномъ, по желанію кн. Θеодоры Чарторыжской; переводъ былъ исправленъ свящ. Лаврентіемъ Зизаніемъ Тустановскимъ, іерм. Захаріемъ Копыстенскимъ и Памвою Берындою. Предисловіе подробно вспоминаетъ о лицахъ, способствовавшихъ изданію книги: о кн. К. К. Острожскомъ, „зѣлномъ ревнителѣ Россіи: сей бо благочестія сый рачитель и въжделѣніе премногое имый книги издавати, еже и даровася ему, и сію, якоже иныя, маистерствомъ типографіи преподати желаше“,—

о княгинѣ Θеодорѣ Чарторыжской Боговитиновой, „добродѣтелми украшенной и житіа ангелскаго иноческаго рачителницѣ“, которая упросила „преп. въ священноиноцѣхъ Кипріана, суща отъ града Острога, мужа въ еллинскомъ діалектѣ искусна, въ Енетіихъ же и Патавіи любомудрствовавша, по сихъ въ святѣй горѣ Аѳонстѣй поживша и нынѣ тамо, въ богодухновеннѣй премудрости и въ спѣаніи и ума просвѣщеніи, пребывающа...—сего умоли, яко да сихъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго на посланія блаженнаго Павла отъ еллинскаго языка на славенскій превожденіе сътворитъ“,—о Михаилѣ Корибутѣ, княжатѣ Вишневецкомъ, „Ираклѣ и Екторѣ второмъ“, который также „многое имѣ желаніе книгу сію иждивенми и цѣною своею издати и у залоги даде бѣ, но смерть препять, и не остави улучити желаемое“... Книга издана была заботами новаго архим. Кіево-Печерской Лавры, Елисея Плетенецкаго, который „вся благая строяй, обрѣте книгу сію, възлюби ю съ благимъ усердіемъ, възревнова, и съ ихъ же ему Богъ даде о исправленіи ея съвѣтова: разсудивъ же и усмотрѣвъ свободна и упразднена быти благоговѣнна мужа, словеснѣйша дидаскала и вѣтію, художнаго же еллиногреческаго языка умѣніе и искусство стяжавша, пречестного Лаврентіа Зизаніа Тустановского, пресвитера и святыя православныя вѣры исповѣдника и проповѣдника,—того умоли въеже люботруднѣ потщатися превожденіе тое изъслѣдовати и исправити; иже и любезно въспріимъ врученное съ извѣстнѣйшимъ архитипомъ еллинскимъ, изряднѣе же въ градѣ Етонѣ изображеннымъ, дволѣтствовавъ въ дѣлѣ, сътвори тоя книги исправленіе“... Печатаніемъ исправленной книги завѣдывалъ іером. Захарія Копыстенскій, „всѣхъ меншій“, и Памва Берында, „тщатель въ божественныхъ писаніихъ и въ дѣлѣ семъ розумноискусный“,

—они еще разъ провѣрили и исправили переводъ по греческимъ и славянскимъ изданіямъ, при помощи „пречестной братіи", въ числѣ которой были Тимофей Александро́вичъ, „маистеръ художества печатнаго", а также „благоговѣнніи и разумичніи типографове" Стефанъ Берында и Тимофей Петровичъ... Одни экземпляры книги посвящены кн. Святополку Четвертинскому, съ посвященіемъ отъ Захарія Копыстенскаго, другіе—Өеодору Копыстенскому, съ посвященіемъ отъ Памвы Берынды. Посвятительная „предмова" Берынды заключаетъ въ себѣ весьма важный біографическій матеріалъ для фамиліи Копыстенскихъ.

8. *Бесѣды на Дѣянія Апостола* [нап. въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ 1624 г., съ посвященіемъ: „пресвѣтлому правовѣрному и православному россійскому родови"]. Книга начинается *предъсловіемъ православнымъ читателемъ*, напис. Захаріемъ Копыстенскимъ. Бесѣды эти, по желанію Елисея Плетенецкаго, были переведены „словеснѣйшимъ мужемъ, клирикомъ львовской церкви, дидаскаломъ въ еллиногреческомъ любомудрѣйшомъ и художномъ языкѣ", Гавріиломъ Дороѳеевичемъ—съ греческаго печатнаго изданія „въ Этонѣ изображеннаго". Дороѳеевичъ былъ одно время преподавателемъ въ Острожской школѣ; позднѣе мы видимъ его въ Львовѣ и Кіевѣ. Онъ былъ извѣстенъ, какъ особенный любитель наукъ... Переводъ былъ провѣренъ по греческому подлиннику святогорскимъ инокомъ Іосифомъ; „въ конечномъ же исправленіи преведеніа славенскаго" и въ наблюденіи за самымъ печатаніемъ трудился іером. Памва Берында „съ прочими дѣлателями". Средства для изданія были даны К. В. Далматомъ, о которомъ въ самыхъ восторженныхъ словахъ вспоминаетъ издатель: „Есть ми кто такій другій тыхъ вѣковъ"?! и пр. Въ началѣ книги—посвятительныя вирши Т. Земки. Другіе экземляры посвященны кн. Стефану Четвертинскому, съ посвященіемъ отъ Захаріи

Копыстенскаго. Въ началѣ книги приложенъ *Синаксарь о св. Апостолахъ.* Книга издавалась—„въ познаніе вѣры христіанскія, и въ наученіе правды и добродѣтелей, и въ наставленіе христіанъ на путь спасенія, въ возбужденіе монаховъ и прочіихъ священныхъ къ сицевому дѣлу, еже изъображати книги, изряднѣе же въ сія гоненія лѣта“...

Кромѣ твореній Іоанна Златоуста, въ отдѣльныхъ западно-русскихъ изданіяхъ этого времени мы встрѣчаемъ творенія слѣдующихъ отцовъ и учителей церкви:

9. Василія Великаго († 379), его „постническія слова“: *Книга иже во свв. о. н. Василіа Великаго, архіеп. Кесаріа Каппадокійскія* [*з друкарне Острозское выдана есть, въ лѣто... 1594.*]. Въ „предсловіи“ кн. К. К. Острожскій сравнивается съ Іосифомъ: „Аще бо Іосифъ, смотрѣніемъ божимъ, отъ братіи въ Египетъ проданый, о прекормленію гладныхъ странъ и Египта хлѣбомъ вѣчне памятьствовася: то како нынѣ другій Іосифъ, аще не тезоименный именемъ, но вещію, именемъ же нареченый въ святомъ крещеніи Василій, гладоутолитель, пачеже прекормитель гладу душевнаго, забытися имать? Болшій бо то гладъ, болшій, елико и душа тѣлеси, о немъ же и пророкъ провосгласи: дамъ имъ, рече, не гладъ хлѣба, но гладъ еже не слышати слова божого... Онъ же въ своя ему времена отъ Бога врученнаго съкровища талантъ пріемши, не погребъ въ земли, якожъ злый и лѣнивый рабъ; но купно съ Іосифомъ о пріобрѣтеномъ тщится, отворивши житницы своихъ съкровищъ, кличетъ: елицы есте лишены хлѣба, елицы есте алчны, прійдѣте, утолѣте гладъ, пачеже и насытѣтеся, яко отъ общихъ источникъ, отъ Бога ми дарованныхъ даяній. И прежде убо, на отверзенье очесъ умныхъ, познати Бога единоименна, Ветхаго же и Новаго Завѣту Библію и иншыхъ книгъ не мало на по-

хвалу оного испусти; нынѣ же путемъ чина заповѣдей Господнихъ шествующе,—Василіа Великаго на исцѣленіе внутрьнего человѣка з друкарнѣ своее выдати потщася“...

10. Андрея Кесарійскаго, *Тлъкованіе на Апокалипсисъ*,—„отъ еллинскаго на діалектъ славенскій“ переведено „промысломъ и стараніемъ“ Захарія Копыстенскаго, архим. Кіево-Печерской Лавры, исправлено Лаврентіемъ Зизаніемъ Тустановскимъ, напечатано („первое издася“) Памвою Берындою, съ „предсловіемъ къ читателю“ Тарасія Земки [въ Кіевѣ, въ 1625 г.]. Книга посвящена Григорію Далмату. Т. Земка въ предисловіи замѣчаетъ, что книга „до корректуры и друкарнѣ бывши подана“ еще раньше, при архим. Елисеѣ Плетенецкомъ. Въ концѣ книги: *Слово албо наука Ефрема Сирина на Преображеніе Господне* и *Омилія албо наука Іоанна Златоустаго на великую Пятидесятницу.*

11. Макарія Египетскаго († 390), *Духовныя Бесѣды о досконалствѣ христіанъ православныхъ, многими пожитками душезбавенными наполненыи и всѣмъ стараючимся о спасеніе души своей вельце ку збудованю потребныи, з грецкого на рускій языкъ новопреложеныи працею и старанемъ иноковъ общежителного монастыра церкви Св. Духа* [нап. въ Вильнѣ, въ 1627 г.]. Къ книгѣ приложенъ *Животъ аввы Макаріа Египетскаго и Макаріа Александрійского.* Одни экзепляры книги посвящены пану Николаю Ломскому, другіе — Коментарію, игумену кіево-межигорскаго монастыря, причемъ авторъ, въ посвященіи, съ восторгомъ говоритъ о святой жизни въ этомъ монастырѣ и высокомъ уваженіи къ нему православнымъ: „Нѣтъ бо, вѣмъ, такъ гордого, такъ пышного, вынеслого и зухвалого человѣка, который бы вшедши въ преддверіе обители вашей не укорился и не умилилъ сердцемъ“ и т. д.

12. *Главы* діакона Агапита († ок. пол. VI в.): *Любомудрѣйшаго киръ Агапита діакона, блаженнѣйшему и благоче-*

стивѣйшему царю Іустиніану, паче же всѣмъ, праведно хотящимъ надъ страстми царствовати, главизны поучителны [напечатаны „первѣе“ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ 1628 г.]. Переводъ принадлежалъ Петру Могилѣ и сдѣланъ былъ имъ съ греческаго еще до посвященія въ санъ архимандрита, т. е. до конца 1627 г.

13. Аввы Дороѳеа († 620), *Поученія душеполезна различна, къ своимъ его ученикомъ* [нап. въ Кіевѣ, въ 1628 г.]. „Поученія“ были приготовлены къ изданію еще при Захаріи Копыстенскомъ, которымъ было написано уже и предисловіе къ книгѣ; но, за смертью Копыстенскаго, изданіе вышло только при Петрѣ Могилѣ, при чемъ предисловіе Копыстенскаго было замѣнено другимъ, составленнымъ Филоѳеемъ Кизаревичемъ, намѣстникомъ Лавры [„Предисловіе“ Копыстенскаго сохранилось при рукописномъ экземплярѣ „поученій“ Моск. Син. б-ки, № 147, лл. 1—12]. Въ послѣсловіи указывается: „Исправижеся сіе отъ древнего, истиннаго и славнаго еллино-греческаго діалекту, всечестнымъ іером. киръ Іосифомъ, протосvггеломъ святѣйшаго великаго престола александрійского и поклонникомъ святыхъ земль Палестины и Синаа. Вину же сему подаде... всечестный господинъ отецъ киръ Памво Берында, протосvггелъ іерусалимскій и архитипографъ св. Лавры, иже и многолѣтне о сей душеполезнѣй вещи попечеся и нынѣ много помощію божіею потрудися въ исправленіи (въ типогртфскомъ дѣлѣ) з славенскаго языка“. Надъ изданіемъ книги трудился и братъ его, Стефанъ Берында, „мній въ типографіи“. Книга издавалась—„въ общую ползу въ благочестіи свѣтлосіающаго великаго славнаго народа россійскаго и прочіихъ народовъ пресладчайшаго языка славенска“...

14. Кромѣ того, въ отдѣльныхъ мелкихъ изданіяхъ встрѣчаются отдѣльныя произведенія І. Дамаскина († 777),—патр. Геннадія († 471) *Стословецъ*,—Ипполита (пол.

III в.), *о антихристѣ*,—**Кирилла Іерусалимскаго** († 386), *о второмъ пришествіи*, и нѣкотр. др. Между прочимъ устрѣчается изданіе—*Гисторія, албо правдивое выписаніе св. Іоанна Дамаскина, о житіи свв. препп. отт. Варлаама и Осафа и о навѣрненю Индіянъ, старанемъ и коштомъ иноковъ общежителного монастыра Кутеенского, ново з грецкого и словенского на рускій языкъ преложена*,—нап. въ кутеинской типографіи, въ 1637 г.; въ книгѣ замѣчается, что „первый разъ еще ся она з типографіи выдаетъ"... Въ началѣ книги—„предмова до чителника" о важности издаваемой „гисторіи"... Было приступлено также къ печатанію *Пандектъ* **Никона Черногорца**: *Книга богодухновена собрана и списана отъ многыхъ и различныхъ божественныхъ книгъ... преподобнымъ о. н. Никономъ, живущимъ въ глаголемѣй Чернѣй Горѣ, наставляющи и послѣшествующи подвизающихся на всяко дѣло духовное*. Изданіе дошло не вполнѣ и безъ заглавнаго листа; время печатанія относятъ къ 1612—1640 гг. Большинство библіографовъ считаютъ изданіе вышедшимъ въ Острогѣ.

Очень рано издано было нѣсколько сочиненій обще-моральнаго содержанія, **духовнаго и нравоучительнаго**. Къ этому отдѣлу могутъ быть отнесены:

1. *Тестаментъ въ Христѣ побожного и славного монарха свѣта Василія, цесаря кгрецкого, до сына своего южъ коронованого, Льва Филозофа*. Болѣе раннее изданіе—въ указанной выше книгѣ: *Лѣкарство на оспалый умыслъ чоловѣчій* и пр.; „Тестаментъ" не разъ издавался и послѣ. Встрѣчается нерѣдко и въ рукописяхъ.

2. *Діоптра, альбо Зерцало и выраженье живота людского на томъ свѣтѣ* [въ первый разъ изд. въ Евю, въ 1612 г.,—

„коштомъ и працею иноковъ церкви св. Духа, братское общого житія“]. Переводчикъ книги, іерод. Виталій, былъ извѣстенъ беззавѣтной преданностью дѣлу просвѣщенія: въ предисловіи къ книгѣ о немъ замѣчается: „День и ночь працовалъ к грецкого и латинского языка книгъ переводу“...; „перло наукъ боговдохновенныхъ въ куплю житія своето набывши, проповѣди слова божого избралъ себѣ каѳедру“... Скончался незадолго въ томъ же братскомъ монастырѣ св. Духа, въ Эвю. Захарія Копыстенскій называетъ Виталія „учителемъ и любомудрецомъ“... Сочиненіе написано отчасти прозой, отчасти стихами: прозаическая рѣчь время отъ времени прерывается силлабическими виршами. Содержаніе книги—общенравственныя, преимущественно аскетическія, размышленія и изреченія. Нужно замѣтить, въ древнерусской письменности весьма значительной распространенностью пользовалось сочиненіе съ такимъ же заглавіемъ: *Діоптра* (Зерцало), инока Филиппа, написанное имъ въ 1095 году, для духовнаго отца Каллиника, и переведенное у насъ, по догадкѣ нѣкоторыхъ изслѣдователей, еще во второй половинѣ XIV вѣка; древнѣйшій славянскій списокъ—XV вѣка [рук. Моск. Синод. б-ки, № 170]. Названное сейчасъ печатное изданіе—совсѣмъ иное сочиненіе сравнительно съ этимъ рукописнымъ. Изданіе не разъ повторялось и послѣ: въ 1642 г. оно вышло одновременно въ Вильнѣ и въ Эвю; въ 1651 и 1654 гг. напечатано было въ Кутеинскомъ монастырѣ; въ 1698 г. въ Могилевѣ, и т. д.

3. *На Рождество Господа Бога и Спаса нашего Iисуса Христа вершъ для утѣхи правовославнымъ христіаномъ* [изд. въ Львовѣ, въ братской типографіи, въ 1616 г.]. На оборотѣ заглавнаго листа посвященіе Іереміи Тисаровскому, еписк. львовскому,—съ подписью: „Недостойный іеромонахъ Памво Берында, типографъ“.

4. *Отъ Отечника Скитскаго повѣсть удивительна о діаволѣ, како пріиде къ великому Антонію въ образѣ человѣчествѣ, хотя каятися* [книга напеч., предполагають, усердіемъ Памвы Берынды, въ кіево-печерск. типогр., въ 1626 г.]

5. *Лимонарь, сирѣчь Цвѣтникъ, Софроніа, патр. іерусалимскаго, составленъ же Іоанномъ іеромонахомъ, въ лѣто шестьсотное, нынѣ же изданъ типомъ* [напечат. въ Кіевѣ, въ 1628]. Книга представляетъ собраніе легендъ о палестинскихъ подвижникахъ и составлена вѣроятно въ первоначальной редакціи патріарх. іерусалимскимъ Іоанномъ, прозв. Мосхъ (Moschus, *ὁ τοῦ Μόσχου*) Евиратъ. Предисловіе, приложенное къ изданію, любопытно по историко-литературнымъ подробностямъ о происхожденіи книги. Книга... „вѣры и читаня годная"— издавалась „всимъ ку читаню и пожитку душевному"...

6. *Діалогъ, албо Розмова человѣка хорого, албо умираючого, съ духомъ о добромъ зъистю з того свѣта, людемъ свѣтикимъ, а посполите тымъ, которые мало што доброго за живота робили, а съ памятью умираютъ* [извѣстіе объ этомъ изданіи находится у Медвѣдева, въ *Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ*].

7. *Анѳологіа, сирѣчь Молитвы и поученія душеполезная, въ душевную ползу спудеовъ и всѣхъ благочестивыхъ любомолитвениковъ, вкротцѣ собраная и благочинѣ расположеная, тщаніемъ...* Петра Могилы... [нап. въ Кіевѣ, въ 1636 г.]; изданіе—совершенно особаго характера..

Отмѣтимъ также—

8. *Patericon, abo żywoty ss. oycow pieczarskich... w Kiiowie, w drucarni Lawry pieczarskiey, roku 1635.*

9. *Τερατουργημα, lubo cuda, które były tak w samym święto cudotwornym monastyru pieczärskim kiiowskim, iako y w obudwu s. pieszarach... tezaz pierwszy raz zebrane... pszez w.*

o. Athanasiusza Kalnofoyskiego... Z drukarni kiiowo-pieczarskiey, roku, 1683. Въ трудѣ Кальнофойскаго принималъ участіе также Илларіонъ Денисовичъ, первый купятичскій игуменъ; въ Тератургиму сполна вошло описаніе чудесъ отъ иконы Купятичской Богородицы, составленное Денисовичемъ. Дополненное изданіе „Тератургимы" напечатано было Денисовичемъ подъ заглавіемъ: „Parergon cudow swiętych obraza Przeczystey Bogorodzice w monastyru Kypiatickim".

Уже въ братскихъ школахъ появляются первые зародыши учебной литературы. По уставу братскихъ школъ, учителя должны были выдавать по нѣкоторымъ предметамъ ученикамъ „записки": эти записки, вѣроятно, и легли въ основу будущихъ учебниковъ. Нечего говорить, что эти первые опыты были еще весьма слабы,—но они были совершенно необходимы для возникавшихъ школъ, а иногда—и для времени, гораздо болѣе поздняго. Достаточно напомнить, что одинъ изъ этихъ учебниковъ, знаменитая *Грамматика* Мелетія Смотрицкаго, надолго оставался единственнымъ учебникомъ по грамматикѣ, не только въ юго-западной Руси, но и въ московскомъ государствѣ, а также у южныхъ славянъ... Другія изданія представляли не только учебное, но и общеобразовательное значеніе,—какъ *Лексисъ* Лаврентія Зизанія, изданный при грамматикѣ 1596 г., тѣмъ болѣе *Лексиконъ* Памвы Берынды. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ, какъ напр. сейчасъ названные, свидѣтельствовали и о значительномъ филологическомъ образованіи ихъ авторовъ.

Отмѣтимъ слѣдующія изданія:

1. *Кграматыка словеньска языка* [нап. въ Вильнѣ, въ 1586 г.]. Въ „послѣсловіи", приложенномъ въ концѣ книги, между прочимъ говорится: „Бога благаго благодатью, а за проз-

бою жителей столицы Великаго Князства Литовскаго града Вильни, сія кграматыка словеньска явыка з газофилакіи (сокровищницы) славного града Острога, властное отчизны ясне вельможнаго... пана Константина Константиновича..., з щедробливое его милости ласки выдана—для наученія и вырозумѣнья божественнаго писанія"... Книжка была повидимому воспроизведеніемъ извѣстной статьи *О осми частѣхъ слова*, составленіе которой на греч. языкѣ долго приписывали Іоанну Дамаскину († 777), а славянскій переводъ—Іоанну экзарду Болгарскому (X в.). Обильныя латинскія заголовки на поляхъ придаютъ статьѣ видъ скорѣе обычнаго средневѣковаго схоластическаго учебника... Заголовки эти любопытны въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуютъ, что уже въ это время въ виленской братской школѣ преподавался латинскій языкъ и вообще были люди, хорошо знакомые съ нимъ,—люди для своего времени „ученые"...

2. *Αδελφοτης. Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка совершеннаго искуства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому россійскому роду....* [нап. во Львовѣ, въ друкарнѣ братской, р. 1591]. Краткій учебникъ греческой грамматики, на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Грамматика была „сложена отъ различныхъ грамматикъ спудейми, иже въ лвовской школѣ". Въ помѣщенномъ въ началѣ „извѣщеніи" говорится: ...„изобразихомъ вамъ, о любоучащійся христоименитый роде россій, со всякимъ опаствомъ еллино-словенскимъ языкомъ зложенную грамматику, юже издаемъ въ общую вамъ пользу". Грамматика раздѣляется на четыре части: орѳографію, просодію, етимологію и синтаксисъ, сирѣчь: правописаніе, припѣваніе, православіе и сочиненіе"... О пользѣ грамматики замѣчается: „Сія бо есть первая ключъ, отверзаяй умъ разумѣти писанія, отъ нея же, яко по степенехъ, всю лѣствицу, почину ученій, трудолюбивіи дости-

заютъ—діалектики, риторики, мусики, ариѳметики, геометріи и астрономіи; и сими же седми, якоже нѣкіимъ съсудомъ разсужденія, почерпаемъ источникъ философіи, разумѣвающе же и врачества; ко благоискуству превосходимъ всесовершеннаго богословія"... Грамматика опредѣляется такъ: „Грамматика есть художество, учащее насъ умная писати и яко къ кому мѣрительно или числительно вещественна, съ разсужденіемъ повѣдающа",—грамматука есть „художество зрителное и дѣятельное, еже благоглаголати и благописати учащее насъ",—грамматика есть „искусство при творцѣхъ и иписателѣхъ яко на множѣ глаголаемыхъ писмо, еже являетъ твореніе и иписаніе"... Изданіе книжки начато было еще въ 1588 г., но закончилось лишь въ 1591. Изданіе встрѣтило какихъ-то враговъ,—„нѣціи порочницы" книжку почему-то встрѣтили враждебно... Книжка главнымъ образомъ своимъ появленіемъ, а также и составленіемъ была обязана извѣстному Арсенію, архіеп. елассонскому,—одно время бывшему преподавателемъ греческаго языка въ львовской школѣ. Вскорѣ потомъ Арсеній переселяется въ московскую Русь,—гдѣ пользовался „величайшимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ горожанъ"..

3. *Наука ку читаню и розумѣню писма словенского. Ту тыжъ о св. Троици и о вълюдѣченю Господни* [напеч. въ Вильнѣ, въ тип. братской, въ 1596]. Опытъ славянскаго букваря или азбуки.

4. *Грамматика словенска съвершеннаго искуства осми частій слова и иныхъ нуждныхъ, новосъставленна Л. Z.* [нап. въ Вильнѣ, въ 1596 г.]. Иниціалы раскрыты далѣе, въ самомъ текстѣ, и означаютъ Лаврентія Зизанія. Учебникъ составленъ въ формѣ разговорной, съ значительной примѣсью въ языкѣ элемента западно-русскаго, разговорнаго. Грамматика опредѣляется, какъ—„извѣстное вѣжество, еже благоглаголати и писати"; „грамматика есть певное вѣдане, же

бысмы добре мовили и писали". Раздѣляется на четыре части: орѳографію, просодію, етимологію и синтаксисъ. Къ этому присоединены краткія правила о сложеніи стиховъ. Въ концѣ учебника приложены: 1) *Выкладъ* (*толкованіе*) *молитвы Господней* и 2) *Лексисъ*, Лаврентія Зизанія. Послѣдній трудъ представляетъ особенный интересъ.

5. *Лексис сирѣчъ реченія, вкратцѣ събранны и из словенскаго языка на простый рускій діялектъ истолкованы L. Z.* —расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ; количество объясняемыхъ словъ довольно значительно (болѣе 1000 словъ), и всѣ—почти исключительно славянскія. Объясненія, приводимыя въ „Лексисѣ", часто имѣютъ характеръ энциклопедическій. Въ „Лексисѣ цитируются: Германъ патріархъ, его „толкованіе на литургію",—Кириллъ Іерусалимскій,—Іоан. экз. Болг.,—Іоаннъ Дамаскинъ, —нѣкот. изъ книгъ св. Писанія, но рѣдко. Любопытны въ „Лексисѣ" попытки перевода славянскихъ библейскихъ текстовъ на мѣстный, простонародный языкъ. Въ числѣ книгъ и авторовъ, которыми пользовался составитель Алфавита, находящагося въ рук. Рум. Муз. XVII в. [№ 1]—значатся также: „*Граммат. Лексисъ*" или „*Граммат. Алфавитъ*"; здѣсь, вѣроятно, разумѣются Грамматика и Лексисъ Лаврентія Зизанія,—многія слова дѣйствительно заимствованы оттуда, а въ одномъ мѣстѣ (въ статьѣ: просодія) составитель Алфавита упоминаетъ и о самомъ Зизаніи, замѣчая: „по Лавретію Зизанію и въ Грамматицѣ"... и т. д.

6. Несравненно выше этихъ опытовъ стоялъ трудъ М. Смотрицкаго: *Грамматики славенскія правилное синтагма, потщаніемъ многогрѣшнаго мниха Мелетія Смотриского въ койновіи братства церковнаго виленскаго...* [*лѣта 1619..., въ Евю*]. Въ началѣ книги — предисловіе автора „Учителемъ школьнымъ", гдѣ Мелетій Смотрицкій набрасываетъ общій планъ элементарнаго обученія: „Дѣткамъ учитися починаючимъ

Букварь, звыкле рекши Алфавитарь, з той же грамматики вычерпленный, абы склоненіями грамматичными з лѣтъ дѣтинныхъ з мовою заразъ навыкали, до наученя подаваный нехай будетъ. По Часословѣ зась и Псалтыри (которыи опусканы быти не маютъ) выученію ся овая грамматика з выкладами, то есть, з показованемъ и уживанемъ ей пожитковъ, наступитъ"... Не останавливаемся здѣсь на этой знаменитой книгѣ, подробному обслѣдованію которой посвящена обстоятельная монографія Засадкевича, — и которая была лучшимъ филологическимъ трудомъ древней Руси до самой пол. XVIII вѣка, до появленія грамматики Ломоносова (1755)... Общую оцѣнку, очень вѣрную, Грамматики Смотрицкаго сдѣлалъ Крижаничъ: „Мелетиь Смотритскиь—замѣчаетъ онъ—дльа ради својего трудолюбја и дльа печалности, коју јест носил про общену ползу, пишущ грамматику, достојенъ јестъ памети и многіје хвали; и бил би доспил вещи народу пособније, даби се не бил соблазнилъ по обзору на греческије преводи, и даби не бил захотил нашего језика на греческије и на латинскије узори претварјат. Всакиь бо језик јмајетъ своја властита правила, разнита онъ јних, и не можетсе по јного језика узорехъ имети правилехъ изправльат"... Въ 1629 году въ Вильнѣ вышло новое изданіе „Грамматики" Смотрицкаго; очень долгое время употреблялась она и въ рукописяхъ... *Грамматика или писменница языка словенскаго въ кратцѣ изданная* въ Кремянцѣ, въ 1638 г., по мнѣнію нѣкоторыхъ библіографовъ — лишь передѣлка грамматики Смотрицкаго.

7. *Грамматика албо сложеніе писмена, хотящимъся учити словеньскаго языка млодолѣтнымъ отрочатомъ* [нап. въ Вильнѣ, въ 1621 г.]; родъ букваря. На заглавномъ листѣ изданія находится картинка, изображающая классъ и учителя, который наказываетъ розгами ученика. Въ букварѣ предполагалось,

при обученіи азбуки, знакомить ученика и съ грамматикой. Азбука излагается такъ: азъ, буки, вѣди, онъ,—будеши ты, будетъ той, будива мы два, будимо со мною и т. д.; въ концѣ примѣры для объясненія страдательнаго залога; о просодіи дается понятіе въ примѣрахъ: бу́ди и буди̂, варите и вари́те проч.; орѳографія показана въ собраніи словъ по алфавиту, писанныхъ подъ титлами. За молитвами слѣдуютъ разныя наставленія, сначала къ дѣтямъ о благочестіи, кротости и повиновеніи, а потомъ къ родителямъ; послѣднимъ даются такіе совѣты: „Къ вамъ, отцы и учители, тако глаголимъ: не отымай отъ дѣтища твоего казни: безуміе бо есть привязано въ сердцы отрочате. Жезломъ же наказанія изжениши его; дѣтищу, иже даютъ волю его, напослѣдокъ посрамитъ матерь свою, аще ли накажеши его жезломъ, не умретъ отъ того. Ты бо жезломъ біеши его, душу же его отъ ада избавиши; аще ты въ юности накажеши его, а онъ упокоитъ тебе на старость твою. За наставленіями помѣщены притчи Соломона, изреченія изъ Іисуса Сираха, поученія Товія сыну, а въ заключеніи—*Сказаніе, како состави св. Кириллъ философъ азбуку по языку словеньску и книги преведе отъ греческихъ на словенскій языкъ*. Составленіе этой грамматики нѣкоторые изслѣдователи приписываютъ тому же М. Смотрицкому. Изданный въ 1634 г. въ Москвѣ *Букварь* Бурцева „почти буквально“ воспроизводитъ это виленское изданіе...

8. *Букварь, сирѣчъ начало ученія дѣтем, начинающимъ ченію извыкати* [нап. въ Кутеинѣ, въ 1631 г.]. *Букварь языка славенска, писаній чтенія учитися хотящимъ въ полезное руковожденіе* [нап. въ Могилевѣ, въ 1636 г.].

9. Вышеупомянутый Лексисъ Зизанія послужилъ однимъ изъ источниковъ *Лексикона славено-россклго иименъ тлъкованія*,—нап. въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ 1627 году, „тщаніемъ, вѣдѣніемъ же и иждивеніемъ малѣйшаго въ іеромона-

сѣхъ Памвы Берынды, протосиггела ѳрону іерусалимского".

Мы не разъ упоминали объ этомъ дѣятелѣ и позволимъ себѣ здѣсь остановиться на немъ съ нѣкоторыми подробностями, а также и на его любопытномъ трудѣ.

Памва Берында, инокъ и „архитипографъ" Кіево-Печерской Лавры, принадлежалъ, какъ мы видѣли, къ числу выдающихся дѣятелей западно-русской литературы и образованія кон. XVI—нач. XVII в. Никакихъ сколько-нибудь обстоятельныхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось. Извѣстно только, что родомъ Памва Берында былъ изъ Молдавіи и монашество принялъ въ Іерусалимѣ; скончался въ 1632 г. Сначала онъ работалъ въ Львовѣ, и здѣсь наиболѣе раннимъ трудомъ его было изданіе упоминавшейся выше книжки: *На Рождество Христово верши* и пр. (Львовъ, 1616); затѣмъ его видимъ въ Кіевѣ, въ Лаврѣ. При участіи Берынды, въ качествѣ типографа, иногда переводчика или редактора, въ Кіево-Печерской типографіи былъ напечатанъ, какъ мы видѣли, цѣлый рядъ книгъ: *Анѳологіонъ*, праздничная минея (Кіевъ, 1619), — *Бесѣды Іоанна Златоуста на 14 посланій ап. Павла* (1623),—*Бесѣды Іоанна Златоуста на Дѣянія* (1624),—*Толкованіе на Апокалипсисъ, Андрея Кесарійскаго* (1625),—*Тріодіонъ*, тріодь постная (1627),—*Поученія аввы Доровея* (1628). Трудамъ Памвы Берынды приписывается нѣкоторыми, какъ уже было замѣчено нами, и изданіе книжки: *Отъ отечника Скитскаго повѣсть удивительна о діаволѣ* и пр. (Кіевъ, 1626),—также составленіе *грамотъ* къ западно-русскимъ братствамъ, написанныхъ отъ имени патр. Ѳеофана. Важнѣйшимъ литературнымъ трудомъ Памвы Берынды былъ названный сейчасъ *Лексиконъ славянороссkій и именъ толкованіе*, напечатанный первоначально въ Кіево-Печерской типографіи въ 1627 г., позднѣе—въ Кутеинскомъ монастырѣ, въ 1653. *Лексиконъ* Берынды принад-

лежалъ собственно къ учебному отдѣлу западно-русской литературы; но его характеръ не столько учебный, сколько обще-образовательный, и важенъ онъ былъ далеко не для одной школы.

Какъ извѣстно, произведенія, обращавшіяся въ средѣ древнерусскихъ читателей, чаще всего переводныя—уже по самому тексту своему, помимо порчи при перепискѣ, представляли нерѣдко много неудобопонятнаго, требовали исправленій въ языкѣ или поясненій. Уже м. Кириллъ II († ок. 1280) жалуется на „неразумныя (непонятныя) правила церковныя, — „помраченныя облакомъ мудрости еллинскаго языка“... Позднѣе жалобы подобнаго рода слышатся все чаще. „Книги писаны закрыто; отеческое ученіе прочитати не полезно“,— заявляютъ крылошане (люди духовнаго званія) Зиновію Отенскому († 1568). „Божественнаго Златоуста Бесѣды, говоритъ неизвѣстный авторъ „Статира“—зѣло не вразумительны, не точію слышащимъ, но и чтущимъ; не точію отъ міранъ, но и отъ священникъ иностраннымъ языкомъ (написанными на иностранномъ, непонятномъ языкѣ) тая Златаустаго писанія нарицахуся“... Юрій Крижаничъ недоволенъ языкомъ всей вообще переводной славянской литературы: „переводчики замѣчаетъ онъ, безъ нужды внесли въ книги, не говоря о множествѣ латинскихъ словъ, нѣкоторыя греческія и нѣмецкія слова,—нашу рѣчь на свое копыто набили, извратили до основанія весь составъ и строй нашего языка, такъ что онъ сталъ не то русскимъ, не то греческимъ языкомъ“... („греки нашу бесѣду на своје копито набили, се јестъ: вес составъ и обличје нашего језика по обзору на свој језикъ изо дна извратили и претворили, тако да ни он јест грескив ни он рускив језикъ“)... Неясность текста вообще зависѣла отъ незнанія переводчиками свойствъ и особенностей языка русскаго, и постояннаго смѣшенія его не только съ церковно-славянскимъ,

но и сербскимъ, болгарскимъ, даже греческимъ. Эга сторона дѣла вѣрно подмѣчена однимъ изъ помощниковъ Максима Грека, Ниломъ Курлятевымъ, который говоря, о высокомъ образованіи Максима Грека, прибавляетъ: „А прежніе переводници нашего языка извѣстно (хорошо) не знали, и они перевели ино греческы, ово словенскы, и ино сербскы, и другая болгарскы, ихже не удоволишася преложити на русскій языкъ“... Всѣ указанныя обстоятельства рано вызываютъ потребность въ различнаго рода толкованіяхъ „неудобь познаваемыхъ въ писаніи рѣчей“, появленіе толковыхъ словарей. Древнѣйшій изъ дошедшихъ такихъ словарей относится къ XIII вѣку (*Рѣчь жидовскаго языка...* — рук. 1282 г.); другой изъ наиболѣе раннихъ принадлежитъ къ нач. XV в. (рук. 1431,—*Толкованіе неудобь познаваемымъ въ писаніи рѣчемъ*)... Въ XVI в. такихъ словарныхъ статей встрѣчаемъ уже довольно много и различныхъ. Въ XVI—XVII вв. являются кромѣ того особые сборники-энциклопедіи, такъ наз. *Азбуковники*, о которыхъ мы говорили выше, задача которыхъ—толкованіе не только „неудобь познаваемыхъ рѣчей“, но и вещей, сообщеніе разнаго рода необходимыхъ въ жизни, популярныхъ свѣдѣній и знаній...

Трудъ Берынды, вмѣстѣ съ ближайшимъ предшественникомъ своимъ, „Лексисомъ“ Л. Зизанія,—по своимъ цѣлямъ и содержанію съ одной стороны тѣсно примыкаетъ къ наиболѣе раннимъ краткимъ словарнымъ статьямъ, съ другой—къ энциклопедическимъ „Азбуковникамъ“,—при чемъ достоинствами своими иногда значительно превосходитъ не только первыя, но и послѣдніе.

Сравнительно съ болѣе ранними словарными статьями, встрѣчающимися въ рукописяхъ, трудъ Берынды прежде всего отличается значительной обширностью своего содержанія. Уже „Лексисъ“ Зиданія въ этомъ отношеніи представлялъ большой шагъ впередъ и объемомъ своимъ значительно пре-

восходилъ всѣ болѣе ранніе опыты толковыхъ словарей; „Лексиконъ“ гораздо обширнѣе „Лексиса“,—послѣдній почти цѣликомъ вошелъ въ трудъ Берынды, составляя собой лишь незначительную часть его общаго содержанія.

Самый характеръ содержанія въ „Лексиконѣ“—другой, чѣмъ въ болѣе раннихъ статьяхъ и въ „Лексисѣ“ Зизанія. Оно разностороннѣе, энциклопедичнѣе. Въ этомъ отношеніи „Лексиконъ“ Берынды представлялъ уже ближайшій переходъ къ энциклопедическому составу Азбуковниковъ... Кромѣ толкованій чисто филологическихъ, въ трудѣ Берынды встрѣчается не мало объясненій богословскихъ и по философіи, встрѣчаются попытки объясненій грамматическихъ, формъ, частей рѣчи,—даются объясненія по піитикѣ и реторикѣ, по естествознанію, изъ области быта, народныхъ суевѣрій и т. д. и т. д. Очень многихъ изъ этихъ объясненій, особенно научныхъ, нѣтъ и въ Азбуковникахъ... Филологическія толкованія „Лексикона“, какъ и въ „Лексисѣ“ Зизанія обыкновенно состоятъ въ объясненіи иностранныхъ и славянскихъ словъ—словами малорусскими или польско-русскими; тѣмъ же путемъ нерѣдко поясняются и слова чисто русскія, т. е. великорусскія, простонародныя. Самыя объясненія—глубже, разностороннѣе, отличаются бо́льшей обстоятельностью, такъ сказать, ученостью; Берында нерѣдко ссылается на языки еврейскій, греческій, латинскій,—сближая слова этихъ языковъ съ славянскими. Уже въ „Лексисѣ“ Зизанія обнаруживаются попытки объясненія словъ болѣе или менѣе отвлеченныхъ; въ „Лексиконѣ“ Берынды такихъ объясненій еще больше. Въ болѣе раннихъ рукописныхъ словарныхъ статьяхъ нерѣдко дѣлались объясненія именъ собственныхъ; въ „Лексисѣ“ у Зизанія объясненій собственныхъ именъ совсѣмъ нѣтъ; у Берынды объясняются изъ нихъ очень многія,—греческія, еврейскія, и др., при чемъ объясненія иногда очень подробны, съ ссылками на библейскія и другія книги, гдѣ

эти имена встрѣчаются. При объясненіяхъ энциклопедическаго характера особенно любопытными и важными являются въ Лексиконѣ Берынды попытки къ бóльшей научности, критичности сообщаемыхъ свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи содержаніе „Лексикона" по своимъ достоинствамъ—конечно съ точки зрѣнія тогдашней „науки"—выгодно отличается не только отъ болѣе раннихъ рукописныхъ словарныхъ статей и „Лексиса" Зизанія, но и отъ позднѣйшихъ Азбуковниковъ, хотя послѣдніе неизмѣримо превосходятъ трудъ Берынды общей массой содержанія... Впрочемъ, мѣстами—не говоря о бóльшей научной критичности—„Лексиконъ" иногда превосходитъ Азбуковники и въ послѣднемъ отношеніи; о многихъ предметахъ, о которыхъ мы читаемъ у Берынды, въ Азбуковникахъ или совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній или, если и упоминаются,—сообщаются свѣдѣнія не столь обстоятельныя, а иногда и вѣрныя, какъ у Берынды. Въ Азбуковникѣ, напр., изданномъ Сахаровымъ, мы не находимъ свѣдѣній объ „ариѳметикѣ", „звѣздозаконіи", „философіи", „стихіяхъ" и мн. др.,—помѣщенныхъ у Берынды. Нельзя не замѣтить впрочемъ, что на текстъ, изданный Сахаровымъ, полагаться трудно; съ издаваемыми текстами онъ вообще не церемонится, какъ это видно и при сличеніи находящагося у него текста „Лексикона" Берынды съ подлиннымъ... Собственно филологическихъ толкованій въ Азбуковникахъ вообще больше, чѣмъ у Берынды; но въ то же время иногда въ Азбуковникахъ напр. опускаются толкованія такихъ словъ славянскихъ или славянорусскихъ, какъ: „благодарный", „благоговѣйный", „благочестіе" и т. п.; совсѣмъ не встрѣчается объясненій словъ чисто русскихъ, простонародныхъ,—нѣтъ объясненій именъ собственныхъ, и т. п. Хотя, съ другой стороны, въ Азбуковники внесено не мало новыхъ толкованій,—словъ латинскихъ, греческихъ, малорусскихъ и польско-русскихъ. Въ послѣднемъ случаѣ иногда приводятся тѣ же слова, какія читаются и у

Зизанія или у Берынды,—но только въ обратномъ порядкѣ: слова, объясняемыя у Берынды, дѣлаются объясняющими въ Азбуковникахъ; напр. у Берынды: „Воинъ—рицеръ, жолнеръ"; „Кощунство—жартъ", и пр.; въ Азбуковникахъ: „Жолнеръ—воинъ"; „жартъ—кощунство" и т. д. Языкъ объясненій у Зизанія и Берынды—малорусскій или польскорусскій; въ Азбуковникахъ, конечно,—великорусскій.

Трудъ Берынды былъ вполнѣ самостоятельнымъ. Авторъ работалъ надъ „Лексикономъ" около 30 лѣтъ. Исторію труда, обстоятельства, сопровождавшія его изданіе и самую цѣль труда авторъ указываетъ въ предисловіи... „Пребывая иногда въ дому пресвѣтломъ, любомудрый читателю, благочестивого пана Θеодора Балабана—разсказываетъ здѣсь авторъ—мужа мудрости книгъ божествъныхъ и знающихъ сіа зѣлна рачителя, видѣхъ, яко въ своей вивліоѳицѣ имяше во множествѣ книгъ и Вивліа святаа пятми языки, еврейски, халдѣйски, еллински, латински и сирски, Новый Завѣтъ з толкованми именъ віелійныхъ, въ Антверпіи типомъ изданная,—и събесѣдованми мене же и прочіихъ славенская Вивліа исправленная издати въжделевъ, святѣйшаго Мелетіа, патріарху алексвндр., писмены съ дары моляше, да послетъ ему Вивлію еллински 70 толк. типомъ или перомъ начертанную, токмо подписомъ руки своей, яко чиста есть отъ блудовъ и измѣнъ иновѣрцовъ, свидѣтелствованную. Между же сими понуди и мене, аще и проста, но туюжде ревность имуща, реченія и имена славенская избирати, аки не у сущу тогда лексикону, развѣ любомудра киръ Лаврентіа Зизаніи, тогда дидаскала, нинѣ же пресвитера, его же и здѣ привнесеніе и исправленіе явственно буди: оттуду убо начало somemъ азъ, егда смрътъ моего благодѣтеля тѣмъ и мною запятъ, отъ различныхъ книгъ и трудовъ, паче же отъ толкованіа преп. Максима святогорца, Мануила ритора и инѣхъ. Еще же по мно-

зѣхъ лѣтѣхъ, призванъ къ исправленію Бесѣдъ Посланій Апостолскихъ въ типографію, и въ ней дволѣтіе нощеденствуя прилежавъ, произволники, на краехъ тамо оставленные, здѣ съ числомъ до листа и нетолкованны нѣкіе вписовавъ, равнѣ творя и отъ Бесѣдъ Дѣяній Апостолскихъ,—сей Лексиконъ събрахъ и съвокупихъ. Видя же отъ могущихъ трудъ сей презираемъ, не инамо, но въ поощреніе искуснѣйшимъ и въ ползу спудеемъ, благодати Христовой и молитвамъ любви же благодателей ми и презѣлныхъ вручився, зане много разорителей и хулниковъ къ сему обрѣтая, помощниковъ же и зидателей, якоже нѣгде речеся, велми мало: къ сему отъ благородныхъ ми въспріатіа худости моея дому не мало истрошивъ, се типомъ, отъ многихъ кратко събравъ издаю, яко множайшая оставихъ, утѣшаяся онѣмъ св. Хрисостома: нѣсть, рекша, нѣсть исчерпати когда ума Писаній, источникъ бо нѣкій есть не имѣяй конца"... Въ посвященіи составитель замѣчаетъ: „Назвиска речій и имена власныи людей, горъ, нагорковъ, лѣсовъ, рѣкъ и розныхъ урочищъ, розмаитыхъ діалектовъ: сирскаго, халдейскаго, еврейскаго, греческаго, латинскаго и власнаго нашего словенскаго вкупу, хоть то не такою, якая бы належала, широкостью згромадивши, и тую працу мою, смѣле реку тридцатолѣтнюю хотю Лексиконъ, по словенски Реченникъ, а по латини Дикціонаръ, назвавши, працею усердною и коштоиъ моимъ, ото типомъ на свѣтъ выпущаю"...

Въ числѣ источниковъ, которыми пользуется Берында, первое мѣсто принадлежало *Лексису* Зизанія,—какъ указываетъ и самъ Берында. „Лексисъ" дѣйствительно вошелъ, какъ уже замѣчено, въ „Лексиконъ" почти сполна. Берында очень рѣдко заимствуетъ буквально: обыкновенно заимствуемое Берында или значительно пополняетъ, давая болѣе подробныя и обстоятельныя толкованія, или вообще измѣняетъ редак-

цію. Нѣкоторыя слова пропускаетъ. Очень нерѣдко Берында пользуется и двумя извѣстными древне-славянскими упоминавшимися словарными статьями *Толкованіями неудобь познаваемыхъ въ писаніи рѣчей,* 1282 и 1431 гг. Главные же источники „Лексикона" Берынды — самостоятельныя выборки авторомъ изъ различныхъ книгъ, рукописныхъ и печатныхъ. Эти послѣднія Берында указываетъ самъ. Въ „Лексиконѣ" Берынды цитируются: книги св. Писанія,—Бытія, Исходъ, Левитъ, Числъ, Кн. Іис. сына Сирахова, Іереміи,—творенія отцовъ церкви: Кирилла Іерусалимскаго (col. 39. 131. 167), Василія Великаго (col. 15), Григорія Богослова—слово на смерть Василія Великаго (col. 195), Ефрема Сирина (col. 89), Іоанна Златоустаго (col. 40. 45), Іоанна Кассіана Римлянина—„Коллоквій" (col. 339), Кирилла Александрійскаго (col. 236), Іоанна Лѣствичника (col. 101. 131. 154. 167. 172), Андрея Критскаго—Слово на рождество пр. Богородицы (col. 100. 138), Каллиста, „еп. рымск." (col. 140), Доровея (col. 236), Өеофилакта (col. 390), Іоанна Дамаскина (col. 29, 155). Кромѣ того цитируются: Іоаннъ экз. Болгарскій (col. 89), Никонъ Черногорецъ (col. 100. 169. 172),—печатныхъ изданія и рукописи: *Уставъ* (col. 108), *Книжица акафист* (col. 188), *Еванг. Учит. тип. Крилос.* (col. 197), *Прологъ*, (col. 217. 229), *Номоканонъ* 1620 г. (col. 230), *Нѣкіи повѣсти* (col. 101), *Скитскій Патерикъ* (col. 341. 352), *Патерикъ солов. чуд.* (col. 98), *Маргаритъ* (col. 240), *Четь-Минеи* Макарія (col. 365), *Подлинникъ* („з Подлѣники", col. 332), дѣлаются ссылки на Өукидида (col. 235), Аристотеля (col. 235), *книгу* Арменопула, и нѣк. др. сочиненія. Содержаніе „Лексикона" гораздо обширнѣе „Лексиса". Объясненія иностранныхъ словъ выдѣлены въ особое прибавленіе и представляютъ какъ-бы вторую часть. Объяс-

ненiй энциклопедическаго характера здѣсь еще больше... *Лексикономъ* Берынды пользовался между прочимъ составитель Алфавита XVII в., находящагося въ рук. Рум. Муз. [№ 2]: онъ заимствуетъ изъ него многiя объясненiя словъ, въ тѣхъ же самыхъ выраженiяхъ, какъ и у Берынды, перелагая ихъ только иногда съ западно-русскаго языка на церковно-славянскiй. Составитель Алфавита не скрываетъ своего источника, и нерѣдко ссылается на „Лексиконъ" [Любопытный западно-русскiй *словарь* находится при Острожской Библiи 1581 г., въ экземплярѣ о. архим. Леонида, и напеч. имъ въ Чтенiяхъ Моск. Общ. ист. и древн. росс., 1884, кн. 2, стр. 1—18].

Для нагляднаго сличенiя трехъ памятниковъ—приводимъ параллельно нѣсколько отрывковъ изъ *Лексиса* Зизанiя, *Лексикона* Берынды и *Азбуковника XVII в.*, изданнаго Сахаровымъ:

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
Этого слова нѣтъ.	А—двойственное число, ихъ.	*Этого слова нѣтъ.*
Этого слова нѣтъ.	Авель, чрезъ алефъ: плачъ, скорбь, жалость, плачъ великiй, жаловане; мѣсто, которое 12 миль отъ Гадаровъ, на всходъ солнца лежитъ (*цитаты изъ Библiи*)... Есть и село въ седмомъ филяделфiи каменю, гдѣ Iефѳай съ Аммонитами валчил Авея (*цитаты*). Авель через ге на початку: суета, прожность, албо дыхане; або сирски пара, або кадженe, дымъ, або марность	Авель—пара.

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
	(препутіе), або нѣкчемность. Сынъ Адамль (*цитата*). Евель или авела: плачъ. Имя мѣсту (*цитата*), которое и Авель, зри выше тылко ге есть придано до порушеня.	
Акриды—вершки деревяные, путя и тыжъ коники.	Акриды: трава, або зеле, котрого корень въ коло себе иныхъ зелій смак притягает, вдячный до вкушеня и трвалый въ сытости естъ. Тожъ зри и пружіе. а прузи тогож имене, коники за подобообразіе цвѣта и корене оного зеля. О сем чти книгу реченную Корнукопіе (*далѣе цитаты изъ Толк. Апок. и Библіи*). И пруги единоименность зелію (*цитата*), гадъ птичныхъ различна рода.	Акриды—Пружіе или Чессы наричутъ Саранча; еже есть и трава ея, же Соломонъ наричетъ капарою; нѣцій глаголютъ зелію быти пругомъ, иніе глаголютъ вершіе дуба; есть же и овощь дикой.
Этого слова нѣтъ.	Акростихисъ, краегранъ: рожай верша такъ зложеныи, же на вышшіи литеры и головныи имя якое, або мову замыкаютъ, презъ главы вершовъ переходячи.	Акростихида, краестрочіе, краеграненіе. Аростихъ, начало строчное, рекше начальное словцо стиха.
Этого слова нѣтъ	Аллигоріа: иновѣщаніе, или иносказаніе (*цитаты*); фигура, гды иное розумом, иное словы оказуется (*цитата*).	*Этого слова нѣтъ.*

въ Лексисѣ:	**у Берынды:**	**въ Азбуковникѣ:**
Этого слова нѣтъ.	Ариѳметика: числителнаа; художество, яж съчисляти число; наука личбы; хитрость мѣры; фортел рахованя. Пятая наука вызволенаа.	Ариѳмосъ—число.
Этого слова нѣтъ.	Артемида: пріятна жрътва или цѣла, лат. Діана, отъ дня названа есть, для того же маетъ ясность подобную дневи; и мѣсяць тым именем зовут. Имя богинѣ албо идола въ Ефесѣ, той Артемидѣ прообразно, луна. (*ссылка на гл. и ст. Библіи*).	Артемида была богиня въ Ефесѣ, а толкуется прахъ.
Этого слова нѣтъ.	Асіа—калистаа, мут. болот ти, вязнучаа, плюгав. Меншаа часть Асіи, котраа за третюю часть свѣта бываетъ розумѣна; тыи въ собѣ замыкает дръжавы: Фригію, Памфилію, Киликію, Ликаонію, Галатію, Корію и иншіи и Ефесъ таа опроч всходней части, котраа до Каппадокіи и Сиріи поступует отвсюду морем ест окружена. Тую розумѣют тепер же Туркію зовет. Таа часто ея поминает в Дѣа. ап. (*ссылка на гл. и ст. Дѣяній*).	*Этого слова нѣтъ.*
Этого слова нѣтъ.	Аспида—ужъ малый, ѣдовитый змѣй (*ссылка на Псалт.*) або зміа (*ссылка на кн. Левитъ.*).	Аспидъ камень есть зеленъ, обрѣтается на устьи Фермодаты рѣки и на Аманійстей рѣцѣ,

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
		требѣ же есть въ Пилитіи.
		Аспидъ есть змія крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота. А въ коей землѣ вчинится, ту землю пусту чинитъ. Живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ же трубнаго гласа. Видомъ пестра всякими цвѣты; а на земли не садится, токмо на камени. Обояницы, пришедше обояти ю, копаютъ яму, садятся въ яму съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ, и замазываются сунклитомъ и ставятъ у себя угліе горящее и разжегаютъ клещи. Еда бо заиграютъ въ трубы, тогда засвищетъ, яко потрястися горѣ и прилетитъ къ ямѣ и ухо свое положитъ на землю, и другое заткнетъ хоботомъ, и начинаетъ битися. Человѣцы-же, ухативше ее клещами горящими, держатъ крѣпцѣ. Отъ ярости же сокрушатся клещи ни едины, но двои и трои, и такъ сожжена клещами умираетъ.
Этого слова нѣтъ.	Астрономіа — звѣздозаконіе, албо звѣздочетнаа семаа наука вызволенаа.	Астрономія — звѣздозаконіе.
Благоденствую — счаститъ ми ся.	Благоденствую — щастит ми ся.	

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
Благочестіе—богобойность, побожность, набоженство.	Благочестіе—богобойность, побожпость, доброе о Богу розумѣнье, и доброе его хвалене, набоженство, релѣа (*ссылка на гл. и ст. Ев. Марка*).	
Этого слова нѣтъ.	Богъ—от богатства, ижъ всебогатный всѣхъ обогачуючій. Богъ есть по любомудрцѣхъ внѣшнихъ умъ, по богословцѣхъ-же духъ. От *Патер*: рече един от от: яко аще вѣсть инок мѣсто имѣющее успѣяніе, и потребъ ради тѣлесных не хощет ити тамо, съй не вѣрует яко есть Богъ.	
Вёдро—погода.	Ведро—погода (*ссылка на гл. и ст. изъ Ев. Мар.*).	*Этихъ словъ нѣтъ*
Взвѣщеніе—оповѣданье, умъ вперяю; розумъ якъ трозлегъ чаю, албо тонко размышляю.	Възвѣщеніе—отповѣданье.	
Взываю—закликаю.	*Этого слова нѣтъ.*	
Воинъ—жолнеръ.	Воинъ—рицеръ, жолнеръ.	
Воинство — жолнерство.	Воинство — жолнерство, войско.	
Воинствую —жолнерствомъ ся бавлю.	Воинствую — жолнерскою ся бавлю, воюю.	
Время—часъ.	Время—часъ, филя.	
Временный — дочасный.	Временный— дочасный.	

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
Этого слова нѣтъ.	Геометріа — землемѣріе (*ссылка*).	Геометрія — Планидная книга.
Господь—панъ.	Господь — панъ, то естъ маючій поважность, зацный, непосполитый, особливый, κύριος, dominus. Съ титломъ пишется.	*Этого слова нѣтъ.*
Гусли—арфа, лютни, скрыпица.	Гусли—скрипица; обще дудка; метафор: то ест образующе, толкуется мысль.	*Этихъ словъ нѣтъ.*
Глумъ—подражненье.	Глумъ — подражнене, смѣхъ, жартъ; въ глумъ —на смѣхъ, на жарт.	
Демонъ—бѣсъ, чортъ.	*Этого слова нѣтъ.*	
Дѣльма—дѣля.	*Этого слова нѣтъ.*	
Дѣло—учинокъ.	Дѣло—учинокъ, справа, робота, скутокъ.	
Дѣтище—дитя.	Дѣтище—дитя, хлопецъ, або дѣвчина. Средне бо есть, або немовятко, пеленчатко: албо рожай, плодъ, поколѣня, албо потомство. Дѣтищъ, значитъ быти лѣт 7.	
Животъ—мешканье и тыжъ скарбъ, гроши.	Животъ—живот, богатство, мешканье, албо брухъ, албо жолудокъ, также матиця, и тыжъ: скарбъ, грошѣ.	
Этого слова нѣтъ.	Жилицѣ — маленкіи жилки, албо артиріи, т. е.	

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
	стежки духа, огорнене духа (*ссылка*).	
Этого слова нѣтъ.	Землемѣріе или землемѣрство, з еллинскаго: геометріа, сирѣчъ размѣрителнаа. Естъ сіе художество зѣло полезно къ размѣренію градовства, и путій, и къ инымъ вещем паче болшим.	*Этихъ словъ нѣтъ.*
Извергъ—дитя мертво нароженое.	Извергъ—недоносокъ, вывергъ, албо дитя мертво нароженое, выпоротокъ. (*ссылка*).	
Извитіе — хитрость, штука, извитіе словесъ, штучное мовленье, хитрость въ мовѣ.	Извитіе — хитрость, штука. Извитіе притчъ—штучныи приповѣсти. Извитіе словесъ—штучное мовенье, хитрость в мовѣ.	Извитіе словесъ — хитрословіе.
Извѣтъ—доводъ.	Извѣтъ—причина, замовка, любъ правдиваа, любъ неправдиваа вымовка, видъ, оказіа, т. е. приступъ, погода ку яковой речи. Извѣтъ—доводъ, причина.	*Этого слова нѣтъ.*
Изящство — выборность.	Изящество — знаменитость, превышанье, выборность, крѣпость (*ссылка*).	*Этого слова нѣтъ.*
Искуство — умѣетность, свѣдомость.	Искуство — мудрость, умѣетность, досвѣдченье, свѣдомость.	*Этого слова нѣтъ.*

въ Лексисѣ:	**у Берынды:**	**въ Азбуковникѣ:**
Этого слова нѣтъ.	Исторіа — свѣдокъ всѣхъ вѣковъ, албо дѣи, правдивое выписане прошлыхъ речый (*ссылка на Ев. Марка*).	Исторія,—книга содержащая въ себѣ иже въ древнихъ бывшихъ дѣяній исповѣданіе, подобно Хронографу, кромѣ лѣтняго числа времени. Хронографъ бо наричется, понеже не токмо дѣянія бывшая въ древнихъ родѣхъ повѣдаетъ, но и числа лѣтъ тѣхъ временъ въ себѣ объемлетъ, еже въ кое отъ Адама лѣто бысть вещь та и та. Исторія же не тако, но точно въ древнихъ родѣхъ бывшая повѣдаетъ; лѣто же, еже въ кое число бысть, сего не содержитъ. Тѣмъ-же разумно отъ сего всѣмъ да будетъ, яко иное есть лѣтописецъ, ино исторія. Аще и наричутъ нѣцыи и пишутъ исторію лѣтописцемъ, то невѣдѣніемъ.
Кощунство—жартъ.	Кощунство—жартъ, блазенство, трефництво.	*Этого слова нѣтъ.*
Ликъ—танецъ.	Ликъ — зестье, албо згромажене спѣваковъ: любъ грачовъ, или танецъ.	*Этого слова нѣтъ.*
Неясыть — по грецку пелеканъ, птахъ есть въ Египтѣ, подобный бусюлови.	*Этого слова нѣтъ.*	Неясыть —есть птица подобна журавлю, а творитъ собѣ гнѣздо на высокихъ древѣхъ, или камнѣхъ, или столбѣхъ,

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
		а клюетъ змѣй, и того ради зміи враждуютъ на ню. И егда узрятъ ея отлетѣвшу отъ гнѣзда, тогда возлезе на древо и убиваютъ дѣти ея смертоносным ядомъ. Она же видѣвше дѣти своя мертва, ставши надъ ними, проклюкавъ ребра своя, испущаетъ на нихъ кровь свою, и кровію ея паки оживляются птенцы.
Этого слова нѣтъ.	Нощный вранъ — слѣповоронъ, птица си плачлива естъ, и на ырищихъ и на здѣхъ, ту любитъ сѣдати.	*Этого слово нѣтъ.*
Нырище—съ песку домокъ, ямка.	Нырище — съ песку домокъ, ямка, гнѣздо.	Ныръ — столбъ каменнъ.
Этого слова нѣтъ.	Олимпіа — тризнище еллинское, отъ 4-хъ 1-е. Въ немъ подвижникомъ побѣждным даваху вѣнецъ от маслины (*ссылка на Гр. Бог.*).	*Этого слова нѣтъ.*
Онокентавръ—звѣрь нѣякій, отъ головы якъ человѣкъ, а отъ ногъ яко оселъ, по словенску китоврасъ.	Онокентавръ—кентаврусъ, звѣрь от головы якъ чловѣкъ, а отъ ногъ оселъ (*ссылка на Гр. Бог., надгроб. Вас. Вел. кн. Исаіи*).	Онокентавръ—звѣрь китоврасъ, ижъ отъ головы яко человѣкъ, а отъ ногъ аки оселъ.
Онокроталъ—птахъ подобный кшталтомъ лебедеви, который носокъ	Онокроталъ — росгупало, птахъ подобный лебедю (*ссылка на кн.*	Онокроталъ есть птица, подобна лебедю и вложивши носъ въ во,

въ Лексисѣ:	**у Берынды:**	**въ Азбуковникѣ:**
уложившій въ воду, гукитъ якъ оселъ; гупачъ, гуковище.	*Лев. и Соф.).*	ду, гукаетъ аки оселъ.
Этого слова нѣтъ.	Палестина—покропленое, попелом або порохомъ, або упадокъ приложеный, або двоякій, або упадку напой, або упавъ пьючій. Еврейски: пелесе, краина Сиріи, въ котрой Іерусалимъ. Филистими тож тлк (*ссылка на гл. и ст. Библіи*), люде, котрых толковницы аллофилус, то ест чужеземцами, зовут. Сл. иноплеменици (*ссылка на гл. и ст. Библіи*).	Палестина—Іерусалимская земля.
Папа—тато, отецъ, попъ,	Папа — попъ, тато, отецъ, папежъ, зацный отецъ; албо отецъ отцевъ многихъ. Называлися перше тымъ именемъ папасъ всѣ духовныи, или гдѣ весь причетъ церкве, и литургіа повсядни, число 362 исполняется [п҃ а҃ п҃ а҃ с҃]. А особливе патріархъ александрійскій называется папа Зри въ именехъ папа.—Здѣсь, подъ сл. папа читаемъ: тато, отецъ (*ссылка*).	Папа—дивный, превышній чинъ.
Этого слова нѣтъ.	Перунъ—громъ.	*Этого слова нѣтъ.*
Позорище—мѣстце, гдѣ ширмуютъ, албо куншты или комедію справуютъ.	Позорище — пляцъ, шранки, гдѣ ся игрискомъ присмотруютъ.	Позоръ—еже что бываетъ со удивленіемъ зримо, или безъ удивленія. Егда человѣкъ со

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
		человѣкомъ боряся одолѣетъ единъ другаго, се нѣсть позоръ; видимаго бо видимый одолѣ. Егда же видимый человѣкъ боряся съ невидимымъ врагомъ и одолѣетъ его, се есть съ удивленіемъ зримо.
Этого слова нѣтъ.	Поприще—миля (*ссылка*); въ той замыкается 1000 кроковъ, або осмь стадій, стаіовъ, гоновъ; зри стадіонъ. А верста—пятаа часть милѣ полской; по инѣхъ миля астрономскаа кроковъ 4000, чверть милѣ 1000 кроковъ, крокъ 4 стопы, стопа 4 долони, долонь 4 палцѣ.	Поприще—верста, и имать саженей 750. Сице о семъ пишется въ *Златой Цѣпи*; иніи же глаголютъ, яко поприще имать 1000 саженей.
Прузи—коничики пружіе, вершки деревяные, пучя и тыжъ коники.	Прузи, пружіе—конички, кобылки, саранчя; вершки дерева, зѣля, або трава, единоименна саранчи, бо на тую цвѣтъ еи подобенъ, але смаку вдячного и трвалого корень еи. Пружіе, лѣторосльки з дерева, вершки древяныи, пучя, си естъ; овощіе дивіе (*ссылка на гл. и ст. Еван. Тип. Крилос*).	Пружіе—трава, зеліе, вершіе дуба, овощь дивій, акриды. Прузи—коники травные, поѣдаютъ траву и всякъ плодъ земный, скачутъ до высоты и паки падаютъ на землю.
Этого слова нѣтъ.	Роженица — (*ссылка на Быт.*) матиця, породѣля, пороженица.	Рожаницы, тако еллинстіи звѣздословцы наричутъ седмь звѣздъ, глаголемыхъ планиты. И кто въ кую планиту родится, той по той планитѣ любо-

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
		прется предвозвѣщати нравъ младенца, или къ коимъ естествомъ уклонителенъ будетъ. И того ради рождшагося въ планиту Аррисъ, они мнятъ быти нравомъ яра и гнѣвлива и дерза въ бранѣхъ. Рождшагося въ планиту Афродиту мнятъ быти сластолюбца. Сице и о прочихъ планитахъ толкуютъ.
Селеніе Кидарское—домъ татарскій, и аже есть сугубъ единъ на колесницы, а другій въ земли ископанъ.	*Этого слова нѣтъ.*	Кидаръ языческая страна. Въ писаніи бо глаголется: вселихся съ селы Кидарскими. Въ грамматикіи толкуется: домы татарскіе, иже суть сугубы единъ на колесницѣ, другой въ землѣ ископанъ. Иніи толкуютъ кидаръ—тма, мракъ, а индѣ митра, еже еврейскіе архіереи ношаху на главѣ своей вмѣсто вѣнца, еже индѣ увязломъ наричется, а индѣ тою митру клобукомъ зовутъ.
Этого слова нѣтъ.	Стихіа—початки, элемента, якъ земля, вода, воздухъ, огень, с которыхъ то иншее створенье сътворено ест. А называются тежъ стихіами и лѣтеры азбучныи, ижъ з нихъ всѣ книги суть написаны. Стихіа небесныя—съставы въздушныя, небесныи живіолы.	Стихія—вещь, небо и земля, солнце и луна, вода и воздухъ.

въ Лексисѣ:	**у Берынды:**	**въ Азбуковникѣ:**
Храбрый — мужный, дужій.	Храбрый — моцный, дужій, военный, мужный, валечный, богатыръ, сталый, гойный, хоробрый.	*Этого слова нѣтъ.*
Уена—есть двѣрь дикій, окрутный, которій пришедши до пастуховъ притосовуетъ своей голосъ до чоловѣчого, и перевыкаетъ имена пастушіи, и на змордованыи псы нападши, поидаетъ ихъ.	Оуена—звѣря окрутное, безъ оберненя шыи.	Уена—медвѣдица, рысь
Художество—ремесло.	Художество—умное, хитрость, ремесло, умѣетность, наука книгъ.	Художество — хитрость ремесла. Худогъ—мудръ.

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, очень скоро возникшая литература обращается и къ своей главной задачѣ—полемикѣ съ католичествомъ и защитѣ православія. Этотъ отдѣлъ по преимуществу содержанія богословскаго, отчасти церковно-историческаго и обрядового. Историка литературы онъ можетъ интересовать не главнымъ своимъ предметомъ, исключительнымъ и спеціальнымъ, а пріемами изслѣдованія предмета, внутреннимъ настроеніемъ полемиста, подборомъ источниковъ, которыми пользуется послѣдній, ихъ характеромъ и объемомъ,—словомъ тѣмъ общимъ интеллектуальнымъ складомъ и характеромъ, съ которыми выступаютъ въ этихъ сочиненіяхъ ихъ авторы. Для историка литературы особенно важнымъ здѣсь является научный элементъ этого рода сочиненій, указывающій на степень образованія и подготовки авторовъ; въ глазахъ историка литературы это—наиболѣе важная и существенная сторона западно-русскихъ полемическихъ

30

сочиненій. Полемика и съ той и съ другой стороны безпощадна, рѣдко соблюдаетъ безпристрастіе, очень часто придирчива и мелочна, но она хорошо рисуетъ различные фазисы научнаго роста своихъ дѣятелей,—полную безпомощность на первыхъ порахъ западно-русскихъ православныхъ, не имѣющихъ у себя еще никакихъ средствъ для борьбы и принужденныхъ постоянно обращаться къ помощи своихъ греческихъ единовѣрцевъ, снабжающихъ ихъ своими „листами" и „посланіями", нерѣдко даже выписывать съ дальняго Востока самыя рукописи и книги, необходимыя для борьбы,—смутную, нѣсколько сбивчивую въ началѣ богословскую мысль православныхъ полемистовъ, ихъ безсознательныя уклоненія то въ сторону протестантовъ, то католиковъ, различныя невольныя ихъ „ереси" и „злохуленія",—наконецъ, быстрый ростъ среди нихъ серьезнаго научнаго образованія, быстрое ознакомленіе съ массой первостепенныхъ источниковъ, богословскаго, историческаго и каноническаго содержанія, на почвѣ основательнаго знакомства съ которыми они начинаютъ уже серьезную борьбу съ своими учеными врагами. Въ виду широкаго общественнаго интереса происходившей борьбы, эта сторона разсматриваемаго отдѣла полемическихъ сочиненій была особенно важна: путемъ горячей полемики—въ средѣ западно-русскихъ православныхъ незамѣтно возникало и росло научное образованіе, распространялись серьезныя научныя знанія, крѣпла и развивалась критическая мысль. Съ этой точки зрѣнія, такія спеціально-полемическія сочиненія, какъ *Апокрисисъ* Христофора Филалета, *посланія* Іоанна Вишенскаго, *Ѳриносъ* Мелетія Смотрицкаго, *Палинодія* Захарія Копыстенскаго, *Λίϑος* Петра Могилы и др. п.—являются въ высшей степени цѣнными литературными произведеніями... Въ этомъ отношеніи весьма любопытно сравнить болѣе раннія западно-русскія рукописныя „обличительныя писанія противъ жидовъ и латинянъ" перв. пол. и се-

редины XVI вѣка [къ сожалѣнію, очень мало сохранившіяся до насъ], или даже наиболѣе раннія печатныя произведенія, такія, какъ напр. труды острожскаго клирика Василія, Іоанна Вишенскаго, Стефана Зизанія, неизвѣстнаго автора *Перестроги*—съ позднѣйшими трудами конца XVI в.,—нач. XVII вв., Христофора Филалета, Копыстенскаго, Петра Могилы: первые—простые начетчики сравнительно съ послѣдними, нерѣдко поражающими обширностью и основательностью знаній...

Отмѣчаемъ главнѣйшіе факты литературной борьбы православныхъ съ католиками.

Прежде всего нельзя не отмѣтить группы упомянутыхъ сейчасъ полемическихъ сочиненій рукописныхъ,—сохранившихся случайно и встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ рукописныхъ сборникахъ лишь изрѣдка, но бывшихъ повидимому довольно многочисленными: сочиненія эти представляютъ собою наиболѣе раннюю ступень западно-русской полемики съ католичествомъ,—когда полемика эта стояла еще всецѣло на старой древне-русской почвѣ „обличительныхъ писаній" „на богомерзкую", „на поганую латину",—и велась совмѣстно „противъ жидовъ и латинянъ"... Наиболѣе раннимъ и важнѣйшимъ центромъ этой начальной западно-русской полемической дѣятельности былъ повидимому Супрасльскій монастырь, находившійся въ перв. пол. XVI в. въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Памятниками, уцѣлѣвшими до насъ, отъ этой полемики—служатъ напр. рукописныя произведенія, находящіяся въ извѣстномъ, обслѣдованномъ А. Н. Поповымъ, *сборникѣ XV в. на обличеніе и на посрамленіе ляховомъ и латынямъ*, а также рядъ подобныхъ же произведеній, читаемыхъ въ другомъ такомъ же обслѣдованномъ имъ же Супрасльскомъ сборникѣ 1578—1580 гг., наконецъ, въ недавно найденномъ Кіево-Михаиловскомъ сборникѣ нач. XVII в., списанномъ со сборника XVI вѣка. Найдутся, можетъ

30*

быть, и другіе. Въ послѣднемъ сборникѣ находятся слѣдующія полемическія сочиненія:

Посланіе до латынъ изъ ихъ же книгъ, 1581 года (издано сполна проф. Петровымъ, въ „Трудахъ" Кіев. Дух. Акад., 1894). „Посланіе" направлено противъ книги Скарги „О единствѣ церкви Божіей". Памятникъ этотъ между прочимъ любопытенъ потому, что представляетъ собою въ развитіи западно-русской полемической литературѣ „новый шагъ", —когда эта литература стала основываться „уже не на легендарныхъ и сомнительныхъ смутахъ и толкахъ о римской церкви и ея исторіи, а на серьезномъ изученіи ея, по ея же источникамъ"... Въ этомъ послѣднемъ отношеніи разсматриемое „посланіе" является какъ бы предшественникомъ извѣстнаго „Апокрисиса",—показываетъ и объясняетъ историческую возможность появленія у православныхъ этого замѣчательнаго произведенія. „Посланіе до латынъ" доказываетъ, что „Апокрисисъ" не долженъ быть считаемъ какою то неожиданностью въ западно-полемической литературѣ XVI вѣка, что онъ былъ естественнымъ завершеніемъ общаго роста всей западно-русской православной литературы, — завершеніемъ прежнихъ полемическихъ опытовъ въ этомъ родѣ, къ которымъ принадлежало и „Посланіе до латынъ". Послѣднее имѣло не маловажное значеніе и въ дальнѣйшей полемикѣ западно-руссовъ съ католиками: этимъ „посланіемъ" между прочимъ пользовался авторъ упоминаемаго ниже „Ключа царства небеснаго",—имъ же пользовался несомнѣнно и авторъ одного полемическаго сочиненія 1597 года и т. п.

На богомерзкую, на поганую латину, которыи папежи, хто что въ нихъ вымыслили въ ихъ поганой вѣрѣ, сказаніе о томъ. Нѣсколько безграмотное заглавіе едва ли не принадлежало кому-либо изъ позднѣйшихъ списателей: самое содержаніе много его толковѣе... Сказаніе направлено отчасти противъ той же книги Скарги и, можетъ быть, принадлежало

тому же автору, что и „Посланіе до латынъ“. Не вступая открыто въ полемику съ ученымъ католическимъ писателемъ, доказывавшимъ „еретичество“ многихъ константинопольскихъ патріарховъ и вообще православнаго духовенства,—авторъ „Сказанія“ дѣлаетъ попытку фактически платить тою же монетою, и приводитъ съ своей стороны длинный перечень „еретиковъ“ въ ряду римскихъ папъ—еретиковъ до 25-ти, т. е. еще гораздо больше, чѣмъ сколько насчиталъ „еретиковъ“ въ Царьградѣ Скарга...

Поученіе новосложенное во Литваніи нарицаемымъ Цоззлшъ Логоѳетовъ. Поученіе повидимому составлено въ періодъ 1595—1602 гг.; таинопись Ц о з з л ш з, находящаяся въ заглавіи и означающая очевидно имя автора—не поддается прочтенію. „Поученіе“ не имѣетъ исключительно полемическаго характера, и заключаетъ въ себѣ не столько полемику съ католиками, сколько вообще наставленія простому народу въ истинахъ вѣры, предостереженія отъ увлеченія католичествомъ и т. п.

Собственно въ печати,—полемика начата была іезуитами.

Уже въ 1577 году іезуитъ П е т р ъ С к а р г а написалъ противъ православныхъ книгу: *O jedności Kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o greckiem od tej jednosci odstąpieniu, z przestrogą i upominaniem do narodów ruskich*,—О единствѣ Церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства, съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ русскому народу“ [Wilno, 1577 г.]. Книга посвящена кн. К. К. Острожскому, съ которымъ авторъ былъ знакомъ давно, и посвящалась ему, конечно, въ видахъ бóльшаго успѣха ея въ средѣ православныхъ. Въ 1582 г. авторъ издалъ дополненіе къ ней, на лат. и польск. языкахъ—*О заблужденіяхъ русскихъ и причинахъ, по которымъ Греція отдѣлилась отъ римской*

церкви [Wilno, 1582], а въ 1590 году книга сполна переиздана была вторымъ изданіемъ (въ послѣднее время напеч. въ VII т. „Рус. Ист. Б-ки“). Книга Скарги имѣла особенно важное значеніе: она послужила прототипомъ для всѣхъ другихъ такихъ же сочиненій, писавшихся потомъ іезуитами и уніатами... Авторъ доказываетъ яко бы догматическія и каноническія отступленія русской православной церкви отъ истинной, первобытной,—сохраненіе преданій послѣдней лишь въ церкви римской, отсюда—необходимость для русской православной церкви соединенія съ римскою... Для православной западно-русской церкви—разсуждаетъ авторъ—нѣтъ и не можетъ быть другого выхода изъ того жалкаго, разстроеннаго положенія, въ какомъ она находится, какъ только возобновить состоявшееся нѣкогда на Флорентійскомъ соборѣ (1439) соединеніе съ католическою церковью подъ главенствомъ римскаго первосвященника, съ удержаніемъ своихъ восточныхъ обрядовъ. Греки безсильны оказать ей какую либо помощь, ибо и сами, находясь въ неволѣ, страдаютъ тѣми же нестроеніями, главное же погрязаютъ въ невѣжествѣ. Восточные патріархи никогда не заботились о русской церкви и намѣренно незнакомили русскихъ съ науками, чтобы удобнѣе обирать ихъ. Истинная наука и просвѣщеніе сіяютъ лишь въ римской церкви,—и соединившись съ католиками, православные не только положили бы тѣмъ предѣлъ торжеству надъ собою со стороны еретиковъ-протестантовъ, но привели бы и ихъ самихъ къ общему церковному единенію и тѣмъ способствовали бы совершенному уничтоженію ересей въ польско-литовскомъ государствѣ...—Одновременно издано было іезуитами нѣсколько другихъ книгъ полемическихъ или съ полемическою цѣлью. Такъ, наканунѣ Брестскаго собора, въ 1595 г., неизвѣстнымъ авторомъ, сторонникомъ уніи—предполагаютъ, Ипатіемъ Поцѣемъ—напечатано было сочиненіе: *Унія, альбо выкладъ преднѣйшыхъ артыкуловъ ку згод-*

ноченью грековъ с костеломъ рымскимъ належащыхъ [*Вильна, 1595*]. Подобная же книга была издана въ 1608 году: *Гаръмонія, альбо согласіе вѣры, сакраментовъ и церемоней св. Восточной Церкви с Костеломъ Рымъскимъ. Harmonia albo concordantia wiary, sakramentow y ceremoniey Cerkwi S. Orientalney z Kosciołem s. Rzymskim* [въ Вильнѣ, въ 1608 г.], написанная „до чытателя христіанского, такъ русина, яко рымлянина". Книжка напечатана на западно-русскомъ языкѣ и лишь мѣстами на польскомъ [переизд. въ Рус. Ист. Б-кѣ, Спб., 1882, т. VII]. Содержаніе „Гармоніи"—краткое сопоставленіе ученій восточной-православной и западной-римской церкви,—о членахъ символа, о церкви, о таинствахъ, объ обрядахъ и постахъ и т. д., при чемъ авторъ старается показать сходство между тѣмъ и другимъ ученіемъ... И т. д. Въ опровerженіе этихъ первыхъ полемическихъ сочиненій іезуитовъ со стороны православныхъ были изданы:

Ключъ царства небеснаго, написанный Герасимомъ Даниловичемъ Смотрицкимъ, отцомъ извѣстнаго Мелетія Смотрицкаго и бывшимъ ректоромъ въ Острожской школѣ,—напечатанный въ 1587 году, вѣроятно, въ острожской типографіи [перепечат. въ прилож. къ изслѣдованію проф. Малышевскаго: Александрійскій патр. Мелетій Пигасъ, II, Кіевъ, 1872, и Голубевымъ, въ Архивѣ юго-западной Россіи, т. VII, часть первая, Кіевъ, 1887]. „Ключъ" былъ отвѣтомъ на сочиненіе Бенедикта Гербеста, ректора Ярославской іезуитской коллегіи: Wiary kosciołа Rzymskiego wywody. Greckiego niewolstwa historya dla jedności. Авторъ „Ключа", Гер. Д. Смотрицкій, какъ уже замѣчено выше, былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени въ средѣ православныхъ юго-западной Руси. Еще будучи городскимъ каменецкимъ писаремъ, онъ пользовался уже громкой ученой извѣстностью,—почему и былъ вызванъ кн. К. К. Острожскимъ въ Острогъ для заня-

тій по изданію *Библіи*. Время этого вызова въ точности не извѣстно; предполагаютъ—еще до 1576 года. Въ Библіи Острожской Г. Д. Смотрицкому принадлежало, какъ мы видѣли, *предисловіе* и *вѣрши*... Стихи Смотрицкаго были плохи; но какъ полемистъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ отъ современниковъ. Въ одномъ *Памфлетѣ* на Мелетія Смотрицкаго,—объ отцѣ его Герасимѣ Смотрицкомъ замѣчается: „Бысть въ та времена во Острозѣ мужъ именемъ Герасимъ, сынъ Даниловъ, подолинникъ, з Смотрески, благочестивая мудрствуя и многу помощу и утѣху вѣрнымъ противу еретиковъ и отступниковъ писанми своими подая"... Изъ этихъ полемическихъ „писаній" до насъ дошелъ лишь одинъ „Ключъ". Умеръ Г. Д. Смотрицкій ок. 1594 года.

Особый сборникъ или *книжица* въ 6-ти отдѣлахъ, написанный нѣкіимъ острожскимъ клирикомъ Василіемъ и изд. въ Острогѣ, безъ заглавія, ок. 1588 г. [Первый отдѣлъ надписанъ: *О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостольской церкви, откуду начало приняла и како повсюду распространися*. Въ концѣ пятаго—подпись: „многогрѣшный и худшій въ христіанѣхъ убогый Василей"; и далѣе ниже: „написася сія въ лѣто отъ созданія міра 7097, римляномъ же пишущымъ отъ по плоти рожства господня 1588, по отщепенствѣ же ихъ еже отъ насъ въ праздникахъ лѣта 5"]...

Казанье св. Кирилла, патріархи Іерусалимьскаго, о антихристѣ и знакохъ его, з росширеніемъ науки противъ ересей розныхъ. Kazanie s. Cyrylla, patryarchy Ierozolimskiego, o antichryscie y znakoch iego, z rozszyrzeniem nayki przeciw heresyam roznym [изд. въ Вильнѣ, въ 1596 г.]. Это—западнорусская передѣлка 15-го „оглашенія" Кирилла Іерусалимскаго; къ тексту „оглашенія", авторъ присоединяетъ обширныя собственныя дополненія и разсужденія, возражая противъ приписываемыхъ православнымъ римскихъ догматовъ,

—доказывая, что послѣдніе указываютъ на признаки пришествія антихриста, что антихристъ уже пришелъ—въ лицѣ римскаго папы... За эти мысли и за самое изданіе книжки, Стефанъ Зизаній королевской грамотой былъ осужденъ на вѣчное изгнаніе изъ отечества. „Казанье“ посвящено кн. К. К. Острожскому... Между прочимъ, изъ книжки Зизанія видно, что уже въ это время, въ 1596 году, виленское братство владѣло типографіей съ четырьмя шрифтами: славянскимъ, готическимъ, латинскимъ и греческимъ... Противъ „Казанья“ Зизанія въ томъ же году была напечатана брошюра подъ заглавіемъ: *Plewy Stephanka Zyzaniey heretyka z cerkwi Ruskiey wykletego* (Wilno, 1596),—любопытная между прочимъ потому, что въ ней есть указаніе на другое, вышедшее незадолго передъ этимъ сочиненіе Зизанія и до насъ не сохранившееся—на его *Катехизисъ* [другая польская брошюра приводитъ даже извлеченія изъ этого Катехизиса].

Отписъ на листъ... Ипатіа, володимерского и берестейского епископа, до ясне освѣцоного княжати Костентина Острозского, воеводы кіевского, о залецанью и прехвалянью Восточной Церкви з Заходнымъ Костеломъ унеи або згоды, въ року 1598 писаный, черезъ одного наменшого клирика церкви острозской въ томъ же року отписаный. Въ концѣ замѣчено: „писанъ у Острогу, у школѣ кгрецкой Острозской“... Здѣсь же особое сочиненіе: *Исторіа о листрикійскомъ, т. е., о разбойническомъ, Ферарскомъ або Флоренскомъ синодѣ, вкоротцѣ правдиве списаная* [„Отписъ“ сполна перепечатанъ въ приложеніяхъ къ кіевскому изданію „Апокрисиса“,—Кіевъ, 1869 г.]. Кто былъ этотъ „клирикъ церкви Острожской,—сказать трудно; но во всякомъ случаѣ позднѣйшіе изслѣдователи разъяснили, что это не былъ Острожскій пресвитеръ Василій,—съ которымъ смѣшалъ его преосв. Филаретъ въ своемъ „Обзорѣ рус. литературы“... Отвѣтъ на „Отписъ“ И. Поцѣй напечаталъ тогда же, въ 1600 году, при изданіи *Антиррисиса* (Antirrisis, Wilno, 1600).

Книжица въ десяти отдѣлахъ [напеч. въ 1598 г., въ Острогѣ]. Здѣсь помѣщены: *Свидѣтельства вкратцѣ собранныя отъ божественныхъ писаній... о исхожденіи св. Духа отъ единого Отца*,—семь *посланій* александр. патр. Мелетія, присланныхъ имъ въ 1597—1598 гг. къ западно-русскимъ православнымъ, въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ въ Острогѣ,—*посланіе* къ нимъ же кн. К. К. Острожскаго, отъ 24 іюля 1595 года, съ предостереженіемъ противъ готовящейся уніи, и *посланіе* о томъ же отъ иноковъ аѳонскихъ. Книга издавалась—„на пользу и утвержденіе православнымъ христіаннамъ" [всѣ эти посланія и статьи „Книжницы" перепечатаны въ изслѣдованіи проф. Малышевскаго, Мелетій Пигасъ и пр., II, въ прилож.].

По поводу Брестскаго собора 1596 года, почти одновременно явились два сочиненія, впрочемъ, не имѣвшія полемическаго характера,—*Ekthesis abo krótkie zebranie spraw, które się dziäly na partykularnym, to iest, pomiastnym synodzie w Brzesciu Litewskim w Krakowe*, 1597 [Эктезисъ, или краткое изложеніе дѣлъ происходившихъ на помѣстномъ соборѣ въ Брестѣ-Литовскомъ] и *Synod Brezski i iego obrona* [*Описанье и оборона събору руского Берейстейского*]. Первое написано православнымъ, второе—сторонникомъ уніи. Оба сочиненія излагаютъ исторію Брестскаго собора 1596 года, ходъ соборныхъ засѣданій, сношенія православныхъ съ уніатами и католиками, разсужденія, бывшія на засѣданіяхъ, наконецъ рѣшенія собора. *Ekthesis* извѣстенъ только на польскомъ языкѣ, хотя, вѣроятно, былъ изданъ одновременно и на западно-русскомъ языкѣ; второе сочиненіе издано было отдѣльно на польскомъ и отдѣльно на западно-русскомъ языкахъ. Авторъ перваго не извѣстенъ; второе было написано Петромъ Скаргою [*Эктезисъ* перепечатанъ А. Н. Поповымъ, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн. 1879, кн. I. *Соборъ Берестейскій*—въ VII т. „Рус. Ист. Б-ки"].

По поводу появленія „Эктезиса“, со стороны уніатовъ и католиковъ послѣдовало въ томъ же 1597 году на западно-русскомъ языкѣ *Справедливое описаніе дѣлъ и справы собора Берестейскаго*, до насъ не дошедшее, авторомъ котораго—предполагаютъ былъ И. Поцѣй; книга „Соборъ Берестейскій“ вызвала въ томъ же году изъ лагеря православныхъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ — *Апокрисисъ*... „Апокрисисъ“ вызвалъ упомянутый выше *Антиррисисъ*, напечатанный въ Вильнѣ, въ 1600 г. Раздраженія автора „Антиррисиса“ указываетъ на силу впечатлѣнія, произведеннаго „Апокрисисомъ“... Христофоръ Филалетъ обвиняется въ открытомъ протестантствѣ и въ цѣломъ рядѣ всевозможныхъ „ересей“, а вся его книга—въ сплошной лжи. „Самъ дьяволъ, выползши изъ ада, не могъ бы измыслить злѣйшей неправды, чѣмъ Филалетъ“, восклицаетъ авторъ Антиррисиса...

Вскорѣ послѣ 1606 года, изъ лагеря православныхъ вышло сочиненіе: *Перестрога* (Предостереженіе)—также одно изъ важнѣйшихъ полемическихъ произведеній времени, особенно характерное и цѣнное въ историческомъ отношеніяхъ. Ранѣе мы приводили нападки автора „Перестроги“ на современное высшее православное духовенство въ западной Руси,—на отсутствіе у православныхъ достаточнаго количества школъ, на крайнюю ничтожность вообще въ средѣ православныхъ образованія,—что̀, по мнѣнію автора, главная, наиболѣе существенная причина какъ общаго внутренняго разстройства русской церкви, такъ и отпаденія высшихъ слоевъ въ католичество... Кажется, это западно-русское полемическое сочиненіе нач. XVII в. было передъ глазами у нашего писателя конца XVIII в. Дамаскина Семенова Руднева († 1795), когда онъ въ своей *Библіотекѣ Россійской* говоритъ о крайней недостаточности „училищъ“ въ древней Руси... Съ другой стороны—любопытны возраженія автора „Перестроги“ противъ „мудрости свѣтской“, противъ „арис-

тотелевой науки", „поганской философіи" и вообще „внѣшнихъ наукъ"; онъ видитъ особую милость Божію въ томъ, что Богъ „напервѣй мудрость свѣтскую отдалилъ отъ нихъ"... По замѣчанію позднѣйшаго изслѣдователя,—авторъ „Перестроги" здѣсь отчасти повторяетъ З. Любберта, тоже отрицательно относившагося къ Аристотелевой философіи—въ іезуитскомъ ея пониманіи"... По догадкѣ позднѣйшихъ изслѣдователей,—авторомъ „Перестроги" былъ человѣкъ свѣтскій, именно Юрій **Рогатинецъ**, „одинъ изъ видныхъ членовъ львовскаго братства, который принималъ горячее участіе въ церковныхъ дѣлахъ того времени, и извѣстенъ какъ писатель"... [*Перестрога* нап. въ Акт. Зап. Россіи, т. IV, № 149].

Чрезвычайно типичнымъ эпизодомъ первоначальной западно-русской полемической литературы является литературная дѣятельность Мелетія Смотрицкаго. Главнѣйшими полемическими сочиненіями Смотрицкаго были *Плачъ Ортолога* (1610) и *Апологія путешествія на Востокъ* (1628); первое написано въ защиту православія противъ уніатовъ и латинства, второе—противъ православія, въ защиту уніатской и католической пропаганды. Два эти сочиненія отстоятъ одно отъ другого на 18 лѣтъ: за этотъ періодъ времени, ихъ авторъ изъ горячаго защитника православія сдѣлался столь же горячимъ католикомъ. *Ѳриносъ, т.-е. Плачъ единой вселенской восточной церкви, съ изложеніемъ догматовъ вѣры... Ѳеофила Ортолога*, вышедшій въ Вильнѣ, въ 1610 году на польскомъ языкѣ (*Θϱηνοσ*, to est Lament jedyney s. Poswzechney Apostolskiey Wschodniey Cerkwei z obiasnieniem dogmat wiary, pirwiey z graeckiego na slowienski, a teraz z slowienskiego na polski przeložony przez Theophila Orthologa, tèyže sw. Wschodniey Cerkwie syna, w Wilnie, roku 1610) вызвалъ противъ себя два сочиненія. Знаменитый іезуитъ Петръ Скарга поспѣшилъ въ томъ же году написать *Предостереженіе Руси греческой*

вѣры противъ Плача Ѳеофила Ортолога, а черезъ два года и Илья Мороховскій, ученый уніатъ, напечаталъ въ Вильнѣ свое *Утѣшеніе, или утоленіе плача Восточной церкви—Ѳеофила Ортолога* (заглавіе перваго сочиненія: „Na treny y lament Theophila Orthologa do Rusi Greckiego nadožen'stwa przestroga, r. 1610; заглавіе второго: *Παρηγορεῖα*, albo utolenie uszczypliwego lamentu mniem-aniey Cerkwie s. wschodniey, zmyślonego Theophita Orthotoga, Wilno. 1612 r.). Оба автора съ ожесточеніемъ напали на Смотрицкаго, называя его ученикомъ Лютера и Кальвина... Кромѣ литературной полемики, книга Смотрицкаго подверглась и полицейскому преслѣдованію: немедленно польскій король издалъ приказаніе—всѣ экземпляры книги „Ѳриноса“ отобрать и сжечь, друкарню у виленскаго братства, напечатавшаго „Ѳриносъ“, взять,—печатниковъ же, автора и самаго корректора посадить въ тюрьму... Отобрать удалось однако лишь всего нѣсколько экземпляровъ книги, найденныхъ въ типотрафіи, да главный типографъ поплатился, „братскій слуга и писарь Логинъ Карповичъ, шляхтичъ учтивый“: слуги виленскаго бискупа схватили его въ самую великую субботу и засадили въ смрадную тюрьму.,. Указанія Смотрицкаго на греческіе и славянскіе подлинники *Ѳриноса*—конечно, ничто иное, какъ мистификація. Въ концѣ XVI нач. XVII в. польское правительство—замѣчаетъ изслѣдователь—съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣло на сочиненія, направленныя противъ католической церкви, не безъ основанія видя въ нихъ одну изъ главныхъ причинъ, мѣшавшихъ успѣхамъ уніи. Полемисты поэтому старались всячески скрывать свои имена,—книги издавались ими или анонимно или подъ прикрытіемъ какоголибо псевдонима. Такъ поступили авторы *Апокрисиса*, *Сборника острожскаго*, *Книги о вѣрѣ* и мн. др.; также поступилъ, издавая свой *Ѳриносъ*, и М. Смотрицкій,—но онъ пошелъ по пути мистификаціи еще далѣе: кромѣ псевдонимной подписи, имъ самое

сочиненіе выдавалось за переводъ съ греческаго и славянскаго оригиналовъ... Къ концу 1625 года Смотрицкій вернулся изъ своего путешествія на Востокъ, гдѣ пробылъ болѣе двухъ лѣтъ,—чрезъ годъ (въ 1626—1627) тайно принялъ унію, и въ 1627 году издалъ сочиненіе: *Apologia peregrynacyi do stron wschodnich...* (Львовъ, *1628*). Здѣсь уже открыто высказываются его уніатскія стремленія. „Апологія" Смотрицкаго вызвала новую полемику. Прежде всего была напечатана, въ 1628 г., вѣроятно, въ Кіевѣ *Ἀπόλλεια Апологіи книжки діалектомъ русскимъ написаной, польскимъ засъ ве Львовѣ друкованой, вкоротцѣ а правдиве зсуммованая презъ станъ духовный восточнаго православія... и до друку на жадане многихъ поданая*—актъ соборнаго проклятія „Апологіи", при участіи самого Смотрицкаго и съ приложеніемъ различныхъ документовъ [сполна изд. Голубевымъ въ приложеніяхъ къ изслѣд. „Петръ Могила", I, стр. 302—316], на которую Смотрицкій—послѣ своего формальнаго признанія на соборѣ—въ томъ же году отвѣчалъ *Протестаціей противъ Кіевскаго собора 1628 года* [Протестація" напеч. въ Львовѣ, въ 1628 г.; переп. у Голубева, „Петръ Могила", I, въ прил.]. Въ томъ же году противъ „Апологіи" выступилъ слуцкій протоіерей Андрей Мужиловскій, издавшій *Antidotum* (*Противоядіе*) *противъ Апологіи*; Смотрицкій изображается, какъ человѣкъ двуличный, безпокойный и крайне непостоянный, перешедшій къ уніи только по своекорыстію и гордости. „Антидотумъ" вышелъ изъ печати не позже начала 1628 года: въ апрѣлѣ этого года Смотрицкій уже издалъ свое опроверженіе на него—*Экзетесисъ или Росправа между Апологіею и Антидотумомъ* [1628]; здѣсь Смотрицкій нападаетъ съ бранью не только на самого Мужиловскаго, но и на всю православную церковь,—константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса называетъ кальвинистомъ, всѣхъ юго-западныхъ православныхъ архіереевъ „еретиками", „наемниками",

„совершенными невѣждами“ и т. п., и въ заключеніе обращается къ православнымъ съ убѣжденіями принять унію—„для ихъ собственнаго блага“... Противъ „Апологіи“ со стороны православныхъ позднѣе была еще написана *Antapologia* Диплица (псевдонимъ Евстафія Киселя), напечатанная въ 1632 году.—Послѣ „Апологіи“ и *Протестаціи* (1628), Смотрицкій написалъ еще нѣсколько *писемъ* къ Борецкому и другимъ (1628), *Паренесисъ* (*увѣщаніе*) *къ Виленской братіи* [напеч. въ Краковѣ, въ 1629 г] и др.; всѣ они развивали мысли, положенныя въ „Апологіи“,—о заблужденіяхъ и ересяхъ Восточной церкви и о необходимости для русскаго народа соединиться съ Римомъ... Въ „Паренесисѣ“ между прочимъ любопытны укоры, которые Смотрицкій дѣлаетъ виленской братской школѣ,—въ крайней ничтожности ея просвѣтительныхъ результатовъ... Не смотря на множество издержекъ и не недостатокъ трудящихся въ ней,—она представляетъ изъ себя „узкую щель“, черезъ которую едва протискиваются ученики,—отъ этой школы, какъ отъ камня, въ теченіе столькихъ лѣтъ ни воды, ни огня“... „Нужно имѣть въ виду, замѣчаетъ позднѣйшій изслѣдователь,—о результатахъ школьной дѣятельности виленскаго братства Смотрицкій судилъ по сравненію съ дѣятельностью іезуитскихъ коллегій, въ которыхъ училось по нѣскольку сотъ человѣкъ и которыя, дѣйствительно, выпустили немало ученыхъ богослововъ и философовъ и еще больше шумѣли о своихъ успѣхахъ. Виленская школа на эффектъ не била и, не крича о себѣ, скромно шла къ своей главной цѣли—отвратить русское общество отъ того самого Рима, къ единенію съ которымъ привлекалъ Смотрицкій въ своемъ Паренесисѣ,—обѣщая, что оно и школы подниметъ, и семинаріи откроетъ, и дастъ хорошихъ проповѣдниковъ, Катехизисы и пр... Ниже мы увидимъ, продолжаетъ изслѣдователь, насколько Римъ осуществилъ эти ожиданія Смотрицкаго, но теперь не можемъ не замѣтить, что

просвѣтительной и ученой дѣятельности виленьскаго братства очень повредилъ самъ Смотрицій: будучи настоятелемъ монастыря, онъ свободно пользовался братской библіотекой,—перейдя въ унію, онъ присвоилъ себѣ книги, бывшія у него на рукахъ, какъ и другое имущество братства. Хотя послѣднее занесло протестъ въ луцкія городскія книги и хотя Смотрицкій обѣщалъ возвратить все взятое имъ, онъ этого не сдѣлалъ, какъ видно изъ свидѣтельства Синопсиса"...

Къ 20-мъ годамъ XVII столѣтія относится обширный полемическій трудъ Захарія Копыстенскаго: *Палинодія или книга обороны каѳолической святой Восточной церкви*,—направленная противъ *Обороны уніи*, изданной въ 1617 году виленскимъ уніатскимъ архим. Львомъ Кревзою, и опровергаетъ послѣднюю въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ та написана. Книга Копыстенскаго—трудъ огромный; въ предисловіи авторъ перечисляетъ массу писателей и книгъ, которыми онъ пользовался, на греческомъ, латинскомъ, польскомъ, славянскомъ и западно-русскомъ языкахъ. По своему времени, сочиненіе это было необыкновенно ученымъ, и съ этой стороны имѣетъ сходство съ Апокрисисомъ. Книга Кревзы, какъ сейчасъ замѣчено, вышла въ 1617 году; предполагаютъ, что Копыстенскій тотчасъ же сталъ писать и „Палинодію",—по крайней мѣрѣ, въ ноябрѣ 1621 года Палинодія не только была уже составлена, но и прочитана, исправлена и одобрена людьми „мудрыми и во святомъ писаніи бѣглыми",—которымъ посылалъ ее авторъ для просмотра... Книга однако осталась почему-то не напечатанной, почему—неизвѣстно [въ послѣднее время, Палинодія издана въ IV т. „Рус. Ист. Библіотеки"].

Въ 1642 году Касіанъ Соковичъ, нѣкогда православный, но потомъ перешедшій въ унію,—издалъ въ Краковѣ на польскомъ языкѣ книгу подъ заглавіемъ: *Ἐπανόρθωσις, или Изображеніе заблужденій, ересей и суевѣрій греко-русской*

Того же автора:

Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1882.

В. А. Жуковскій. Первые годы его жизни и поэтической дѣятельности Казань, 1883.

Древнеславянское Евангеліе, принадлежащее Обществу археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Каз. университетѣ. Воронежъ, 1883.

Театръ до-Петровской Руси. Историко-литературный очеркъ. Казань, 1884.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы. Историко-литературный очеркъ. Спб., 1884.

Любопытный памятникъ русской письменности XV вѣка. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1884.

Св. Кириллъ и Меѳодій и совершенный ими переводъ св. Писанія. Казань, 1885.

Первые труды по изученію начальной русской лѣтописи (до изд. «Полн. Собр. Рус. Лѣт.»). Библіографическія замѣтки. Казань, 1885.

Приложеніе къ брошюрѣ: «Св. Кириллъ и Меѳодій» и пр. Библіографическія замѣтки. Казань, 1885.

Цвѣтущій періодъ древне-болгарской письменности и одинъ изъ его представителей. Воронежъ, 1886.

Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI в. Историческій очеркъ. Кіевъ, 1886.

Пушкинъ въ его произведеніяхъ и письмахъ. Казань, 1887.

Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. Москва, 1888.

Новый трудъ о Жуковскомъ (изъ «Ж. М. Н. Пр.»).

Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Обозрѣніе рукописнаго матеріала. Спб., 1888.

Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—IV. Казань, 1889—1891.

С. Т. Аксаковъ. Дѣтство и студенчество (изъ «Рус. Обозр.»).

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые опыты миѳологическихъ изученій. Казань, 1895.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые труды по изученію языка. Казань, 1894.

Григоровичъ и русская литература 40-хъ гг. Казань, 1894.

Памяти Н. С. Тихонравова. Ученые труды Тихонравова въ связи съ болѣе ранними изученіями въ области исторіи русской литературы. Казань, 1894.

Русскій театръ XVIII в. (изъ «Рус. Обозр.»).

Zur Geschichte des deutschen Lucidarius. Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Litteratur, herausgegeben von E. Schrreder und G. Roethe. Sonder-Abdruck. Berlin, 1885.

Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго Луцидаріусовъ. Казань, 1897.

Отчетъ о научныхъ занятіяхъ во время заграничной командировки. Казань, 1897.

Болгарскій Пѣсниковецъ 1337 года (изъ «Извѣстіи II Отд. И. А. Н.»).

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Исторія литературы, какъ наука. Варшава, 1897.

Программа лекцій по исторіи русской литературы, съ указаніемъ источниковъ и пособій. Казань, 1898.

Новый трудъ по исторіи руской литературы. По поводу книги А. Н. Пыпина, Ист. рус. лит., т. I, Спб., 1898 (изъ «Ж. М. Н. Пр».).

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Образованіе и литература Московскаго Государства. Казань, 1898.

Пушкинъ въ Казани. Казань, 1899.

Ѳ. И. Буслаевъ и его «Воспоминанія». Казань, 1899.

А. С. Пушкинъ, какъ народный поэтъ. Казань, 1899.

Два слова о сл. «былина», Спб., 1898 (изъ Извѣстій II Отд. И. Ак. Н.).

Къ исторіи древнерусскаго Луцидаріуса. Казань, 1899.

Къ исторіи южно-славянской апокрифической литературы. Спб., 1899 (изъ Извѣстій II Отд. И. Ак. Н.).

Академическое изданіе сочиненій Пушкина. Варшава, 1900.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Наканунѣ христіанства и письменности. Варшава, 1901.

Складъ имѣющихся въ продажѣ изданій—въ книжныхъ магазинахъ **Бр. Башмаковыхъ и Дубровина**, въ Казани.

